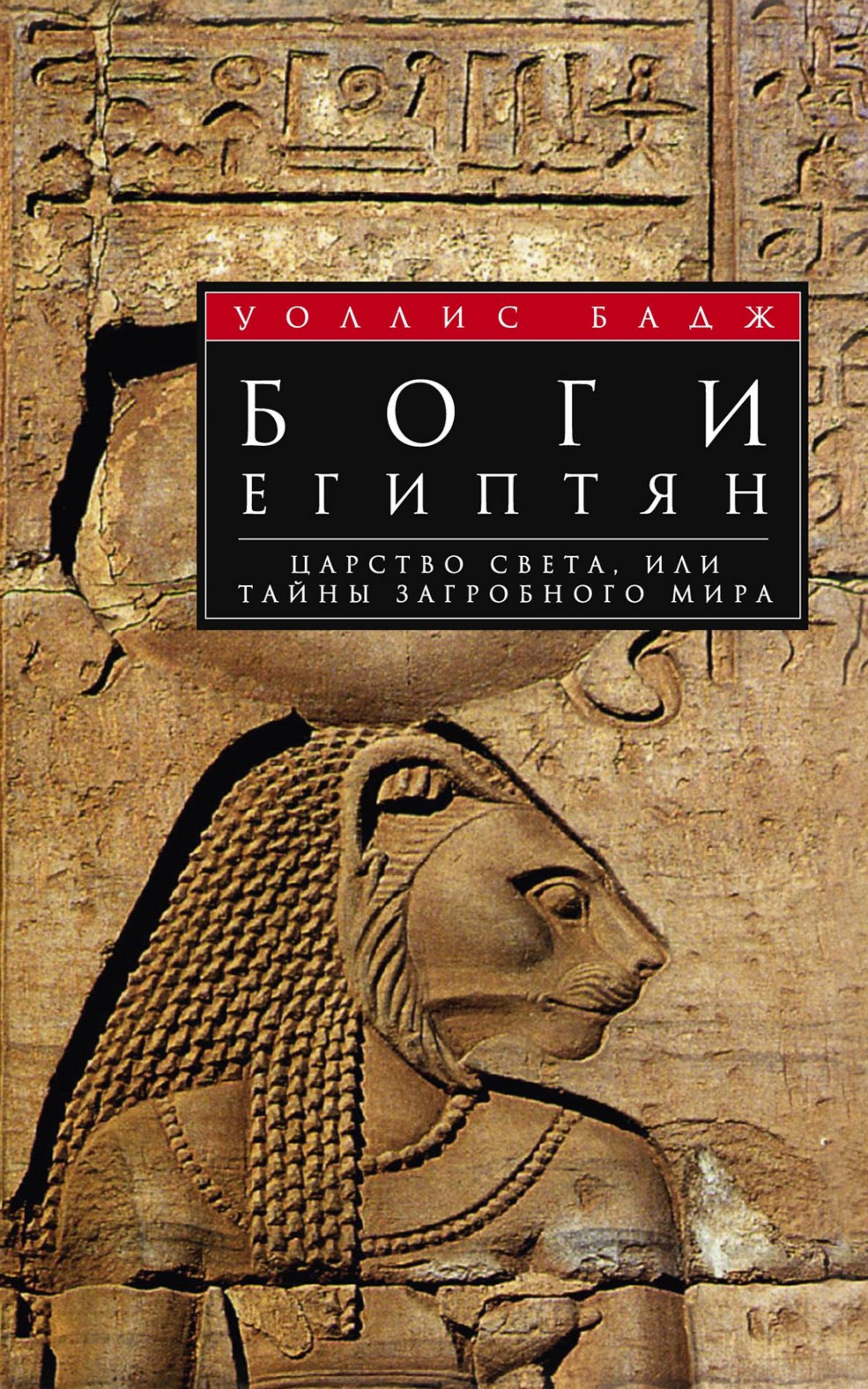

Уоллис Бадж
Боги египтян
Царство света, или тайны загробного мира

УОЛЛИС БАДЖ

БОГИ ЕГИПТЯН

E.A. WALLIS BUDGE

THE GODS OF EGYPTIANS

УОЛЛИС БАДЖ

БОГИ ЕГИПТЯН

ЦАРСТВО СВЕТА, ИЛИ ТАЙНЫ ЗАГРОБНОГО МИРА

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31
Б15

Художественное оформление
Я.А. Галеевой

Бадж Уоллис

Б15 Боги египтян. Царство света, или Тайны загробного мира / Пер. с англ. А.Б. Давыдовой, И.Б. Куликовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. — 575 с.

ISBN 978-5-9524-5098-1

Известный английский востоковед и археолог Уоллис Бадж всю свою жизнь посвятил изучению Древнего Египта и написал о нем свыше ста двадцати исследовательских работ. Его книга «Боги египтян» посвящена, быть может, самой интересной стороне культурной жизни обитателей долины Нила — религии и мифологии. Необыкновенно ярко и увлекательно пересказывая мифы, автор показывает многообразный мир богов и божеств, почитаемых древними египтянами, раскрывает особенности их представлений о загробном мире, описывает обряды и таинства, тщательно соблюдаемые этим на редкость богобоязненным народом. Особое внимание автор уделяет иероглифическому письму, сопровождая оригинальные тексты транслитерацией и переводом.

Книга снабжена иллюстрациями, взятыми из папирусов, древних книг и с поверхностей саркофагов.

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5098-1

БОГИ ЕГИПТЯН

ЦАРСТВО СВЕТА, ИЛИ ТАЙНЫ ЗАГРОБНОГО МИРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди областей египтологии, изученных на протяжении последних двадцати пяти лет, нет более интересной для исследования и сложной для понимания, чем религия и мифология обитателей долины Нила. Подсчитав количество работ, написанных и опубликованных специалистами-египтологами и признанными экспертами по религии того времени, многие поймут, что это заявление противоречиво, и согласятся с одним философом, спросившим известного профессора-египтолога: «Правда ли, что чем больше мы изучаем древнеегипетскую религию и мифологию, тем меньше мы знаем о них?» Вопрос этот вполне справедлив. Каждый честный исследователь согласится с тем, что в настоящее время мы многого не понимаем даже в таком, казалось бы, хорошо изученном религиозном сочинении, как Книга мертвых. К тому же многочисленные мифологические аллюзии, содержащиеся в этом источнике, также остаются неизученными. Такая ситуация сложилась по многим причинам, важнейшая из которых будет вкратце описана ниже.

Египтологи давно отказались от обычая полностью полагаться на сообщения античных авторов при изучении древнеегипетской религии и мифологии. Как только исследователи научились читать древнеегипетские тексты, они поняли, что ни один греческий или римский историк не получал информации «из первых рук». Никому из них не удалось совершенно точно передать сведения, почерпнутые ими из египетских книг или от местных жрецов.

В этом нет ничего удивительного, ибо в произведениях образованных античных авторов, которые знали, что египтя-

не поклонялись животным, жалость совмещается с презрением и насмешками. Они не понимали материалистических представлений египтян и еще более приземленных погребальных обрядов, которые были столь дороги некоторым хамитским народам, благоговейно придерживавшимся их. Эллины и римляне могли смириться только с теми представлениями древних египтян, в которых нашла отражение арийская религия, — с политеизмом и солярными культами. Обо всех религиозных обрядах и ритуалах, связанных с верой в воскресение умерших и вечную жизнь и с додинастических времен присущих автохтонному населению Северо-Восточной Африки, они не имели ни малейшего представления. Судя по имеющимся в настоящее время в нашем распоряжении источникам, из-за своей национальной принадлежности они в принципе не в состоянии были понять, насколько важны эти представления для тех, кто придерживался их. Даже если они, как в случае с Птолемеями, с толерантностью относились к религии местного населения и из политических соображений даже готовы были принять ее, они так и не сумели сделать ее неотъемлемой частью своей жизни.

Об этом важно помнить, изучая работы античных авторов, посвященные мифологии и религии египтян. В них обычно прекрасно видно, насколько тщетными были попытки полностью отождествить религии арийцев и жителей долины Нила.

Несмотря на то что после окончательной расшифровки древнеегипетских иератических и иероглифических знаков мы смогли получать информацию о древнеегипетской религии и мифологии из автохтонных источников, нам приходится бороться против невежества египетских писцов и ошибок небрежных переписчиков. Не следует забывать и о том, что жрецы, служившие при дворе царей XVIII и XIX династий, знали о некоторых аспектах своих религии и мифологии так же мало, как мы сейчас.

Для того чтобы подтвердить этот вывод, достаточно вспомнить комментарии, сопровождающие определенные фрагменты текста XVII главы Книги мертвых и нередко по-разному интерпретирующие их, или по-детски наивные этимологии имен богов и многих мифологических сюжетов, приведен-

ные в текстах, написанных на стенах некоторых помещений гробницы Сети I в Фивах и храма Хора Бехдетского в Эдфу. С удовлетворением можно отметить, что в настоящее время многие из этих абсурдных этимологий и тривиальных объяснений, придуманных древнеегипетскими писцами, скорректированы. Судя по результатам недавних исследований, в эпоху Нового царства (1700—700 гг. до н. э.) находившиеся на царской службе писцы не могли правильно прочитать знаки, из которых были составлены имена царей раннединастического периода. Таким образом, нам при чтении религиозных текстов приходится сталкиваться с многочисленными трудностями, возникшими из-за их невежества и ошибок. Однако, помимо этого, тема древнеегипетских религии и мифологии сама по себе представляется крайне сложной, а из-за методов работы некоторых египтологов число трудностей, с которыми приходится сталкиваться при ее изучении, не уменьшается.

Богов было много уже в начале правления царей IV династии, около 3600 г. до н. э., а со временем их количество значительно увеличилось. В Текстах пирамид, созданных в период правления IV, V и VI династий, упоминаются имена примерно двухсот богов и мифологических существ, а в фиванской версии Книги мертвых (1700—1200 гг. до н. э.) — уже более пятисот. Если добавить к ним имена всех мифологических существ, упомянутых в различных Книгах загробного мира, получится, что жрецы, жившие в Фивах в период царствования XIX династии, признавали существование примерно 1200 божеств. Если мы могли бы собрать и изучить все религиозные тексты, относящиеся к данному периоду и происходящие из всех религиозных центров Египта, то сумели бы добавить к этому списку имена еще нескольких сотен местных богов, богинь и мифологических существ. Естественно, из-за такого количества божеств египтяне не могли не путаться в них и, судя по текстам, сталкивались с теми же сложностями при их классификации, что и современные исследователи. Атрибуты сотен из них были неясными и смутными, а подавляющее большинство было всего лишь провинциальными божествами, которые на непродолжительное время стали благодаря удачно сложившимся обстоятельствам играть в

древнеегипетской религии важную роль, в результате чего их имена появились в письменных источниках.

По сути, древнеегипетские жрецы не могли разработать единый стройный пантеон, в котором боги были бы четко распределены на покровителей земли, воды, воздуха, деревень, городов, номов; на египетских и иноземных. Не удавалось им разработать и соответствующую классификацию атрибутов этих божеств. С одной стороны, современным исследователям повезло гораздо больше, чем египетским жрецам, — им доступно значительно большее число материала для изучения, и, как правило, они гораздо лучше подготовлены. Египтяне ничего не знали о сравнительном изучении религий и, к несчастью, оказались в плену у собственных методов работы.

Можно утверждать, что современное научное исследование древнеегипетской мифологии и религии началось с полной публикации иератических и иероглифических текстов гелиопольской, фиванской и саисской версий Книги мертвых (Пер-эм-херу), а также связанных с ней сочинений, таких как «Книга Амдуат», «Книга дыхания», «Книга преображения», «Плачи», «Песнопения Исиды и Нефтиды» и т. д. Первая попытка систематического изучения египетской религии была предпринята доктором Генрихом Бругшем, который собрал в своей книге «Религия и мифология Древнего Египта» (Religion und Mythologie der alten Ægypter. Leipzig, 1885—1888) множество крайне важных фактов и сделал на их основе ряд выводов. В том же году, что и первая часть труда доктора Бругша, в «Религиозном обозрении» (Revue des Religions. T. XII. P. 123 и далее) вышла прекрасная статья месье Масперо «Египетская религия по данным пирамид V и VI династий» (La Religion Égyptienne d’après les pyramides de la Ve et de la VIe dynastie). В ней исследователь познакомил научную общественность с некоторыми результатами предпринятого им изучения Текстов пирамид, в которых содержится древнейшая, гелиопольская, версия Книги мертвых. В 1887 г. синьор Ланцоне опубликовал последнюю часть своего «Словаря египетской мифологии» (Dizionario di Mitologia Egizia), который внес наибольший вклад в изучение древнеегипетской мифологии. В этом словаре в алфавит-

ном порядке приведены имена большого количества богов, демонов, духов, а также их изображения (абрисы, обведенные красными чернилами). В 1888 и 1889 гг. в «Религиозном обозрении» вышли еще две прекрасные статьи месье Масперо («Египетская мифология» (La Mythologie Égyptienne. Т. XVIII. P. 253 и далее, а также: Т. XIX. P. 1 и далее), где он прорецензировал и раскритиковал работы Бругша и Ланзоне, а также по-новому объяснил многие приведенные в них факты.

Месье Масперо стал первым исследователем, подошедшим к изучению древнеегипетской религии и мифологии с антропологической точки зрения. Все полученные впоследствии сведения, проливающие свет на эту тему, в целом подтвердили справедливость выводов, сделанных им пятнадцать—шестнадцать лет назад. Необходимо признать, что Бругш подходил к происхождению древнеегипетской религии с чрезмерно метафизических и философских позиций и пытался обосновывать свои выводы при помощи источников, относящихся к позднему периоду, считая, будто на них не повлияли греческая культура и образ мыслей. По сути, он приписывает египтянам идеи, учения и религиозные представления, которых они не могли придерживаться по определению.

С другой стороны, месье Масперо, как мне кажется, несколько приуменьшил ту роль, которую играли в жизни египтян династического периода представления о душе. Он сделал это потому, что в то время, когда он писал свою прекрасную статью под названием «Египетская мифология», египтологи не могли четко выявить разницу между первобытными или додинастическими элементами древнеегипетской религии и ее азиатской составляющей. Несомненно, последняя была связана с солярными культами и появилась в Египте благодаря «последователям Хора», или «кузнецам», вторгшимся в страну, покорившим местное население и поселившимся в долине Нила, основав великую цивилизацию, которую мы называем египетской. Судя по всему, этот факт является основной причиной того, что два выдающихся специалиста придерживаются столь разных точек зрения. Вероятно, прямо противоположные выводы были сделаны ими из-за того, что они подошли к рассмотрению темы с различных позиций.

Продолжительное изучение древнеегипетских религиозных и мифологических текстов убедило меня в тщетности попыток примирения противоречащих друг другу представлений и приведения в соответствие связанных с ними фактов. Другими словами, древнеегипетскую религию нельзя представлять как нечто единое. В первую очередь ее необходимо разложить на составляющие, которые затем, вероятно, можно будет классифицировать. В этом случае у нас появится возможность выявить источники появления различных представлений египтян о материальном и духовном, отразившихся в их религиозных сочинениях. Помимо этого, древнеегипетскую религию и мифологию необходимо исследовать, опираясь на достижения сравнительного религиоведения. Необходимо уделять должное внимание данным, полученным в результате изучения памятников додинастического и раннединастического периодов, которые на протяжении нескольких последних лет были обнаружены археологами.

Люди, жившие в Египте в эпоху первобытности, несомненно, составляли большую и немаловажную часть населения Северо-Восточной Африки и обладали рядом характерных только для них физических и психологических особенностей. В глубокой древности они были дикарями, жили и умирали так же, как и люди, находившиеся на той же ступени развития и обитавшие в других частях света. В те времена у них не было религии в современном понимании этого слова. Вероятно, они считали, что между ними и окружающими их животными и неодушевленными предметами имеется некая родственная связь.

Гораздо позднее египтяне стали населять землю, небо, воздух и воду различными существами и поклоняться определенным камням, деревьям и животным, являвшимся, по их мнению, вместилищем этих духов. Некоторые из них считались дружелюбно настроенными по отношению к людям, другие, наоборот, были враждебны. Чтобы сохранить расположение первых и смягчить агрессивность других, в их честь совершались жертвоприношения и делались подношения. Постепенно дружелюбные существа стали считаться богами, а враждебные — демонами. В ритуалах, совершавшихся древнейшими египтянами в их честь, и в обращенных к ним за-

клинаниях берет начало египетская магия — предвестник религии. Важнее всего для первобытного египтянина было самосохранение. Все свои поступки, которые были направлены на удовлетворение материальных потребностей, он совершал, руководствуясь собственными интересами.

В период позднего неолита (люди, жившие в это время, — первые, о ком мы располагаем более или менее надежными сведениями) египтяне верили в загробное существование, что подтверждается найденными в могилах остатками пищи. Для того чтобы мертвые не вернулись в этот мир и не требовали пищи и других материальных благ, живые отрубали им головы и ступни. Таким образом они защищали свои дома, жен и добро. О древнеегипетской религии этого времени и связанных с ней обрядах ничего не известно. Но какими бы они ни были, несомненно, что их основное предназначение заключалось в том, чтобы обеспечить верующим после смерти новую жизнь, полную плотских радостей и удовольствий. Исследователи полностью уверены, что подобные представления о воскресении из мертвых и бессмертии сформировались в сознании жителей Египта задолго до начала династической эпохи.

Культ Осириса, человека, обожествленного после смерти, обладает африканским происхождением. Он представляет собой один из древнейших и неизменных элементов религии династического Египта, так как Осирис считался богом загробного мира и судьей мертвых начиная с додинастической эпохи и заканчивая эллинистическим периодом. Последователи Хора, которые принесли с собой в Египет с Востока солярные культы, так и не сумели лишить Осириса его первостепенного значения в религии страны. Его культ продолжал играть в ней важную роль, несмотря на то влияние, которое оказывали на жизнь обитателей Египта жрецы Ра, почитатели Амона и приверженцы культа Атона.

Считалось, что поля во владениях Осириса очень плодородны, на них пасутся большие стада скота; там много мяса и питья. Египтяне верили, будто обиталища умерших похожи на удобные дома, в которых те жили на земле. Обычный египтянин надеялся, что сумеет пожить в одном из них со своими женами и родителями. Почитатели Ра верили в более одухо-

творенный рай — они надеялись занять место в ладье бога и, окутанные светом, путешествовать вместе с ним. Они стремились стать сияющими духами и питаться небесным мясом и питьем, которые бог употреблял в пищу. Они мечтали о том, что все будут относиться к ним, как и к нему, с почтением. В материалистический рай Осириса предпочитали верить простые египтяне, а небеса Ра предназначались для его жрецов, сановников и представителей царской фамилии, а также иноземцев восточного происхождения, живших в Египте.

Смены религиозных идей, происходившие в Египте на протяжении его пятитысячелетней истории, известной нам, не отразились на культе Осириса, потому что он был связан с надеждой людей на воскресение и вечную жизнь, которые не могла предложить ни одна другая религия. Уверенные в своих надеждах, люди относились к смене религиозных идей в своей стране с хладнокровием, и изменения во всенародных религиозных обрядах, из-за которых в Египте не прекращались пиршества и процессии, нисколько их не беспокоили. Время от времени цари и жрецы пытались включить культ Осириса в солярные религиозные системы, но это им так и не удалось. Богочеловек всегда побеждал, и наконец, когда вера в него уступила религии Христа из Назарета, египтяне, принявшие христианство, заметили, что моральные нормы, которые проповедовали древний культ, и новая религия, как и обещания воскресения и новой жизни, очень похожи. В результате их переход из одной религии в другую не был связан с какими бы то ни было трудностями.

Более того, Исида и младенец Хор были напрямую отождествлены с Девой Марией и ее сыном. Авторы апокрифических сочинений, написанных в первые века после христианизации Египта, пересказывали легенды о богине и ее скорбных скитаниях, но их центральным персонажем стала Мать Христа. Ей также были свойственны некоторые атрибуты родственных Исиде богинь. В частности, подобно саисской богине Нейт, ей приписывалась вечная девственность. Египетские отцы церкви называли Деву Марию «Теотокос», или «Матерью Божьей», очевидно забывая, что эта фраза — прямой перевод египетского словосочетания «нечер мут», 𓊹𓅐, очень

древнего и широко распространенного титула Исиды. В данной книге не говорится о том, какое влияние оказала древнеегипетская религия на христианство, потому что для освещения этой крайне интересной темы придется написать отдельный, сравнительно объемный труд.

Из сказанного выше читатель может сделать вывод о том, какому плану следовал автор при написании этой работы. В главе 1 была сделана попытка описать религиозные представления первобытных египтян, объяснить, каким образом позднее появилась вера в богов и Бога и какое влияние они оказали на религиозную литературу и изобразительное искусство династической эпохи. После рассказа о древних мифах о Ра, легендах о Ра и Исиде и уничтожении человечества я опишу регион, который обычно называют небесами, или загробным миром, и его обитателей. Иероглифические тексты, в которых содержится пересказ мифов и легенд, приведены с подстрочной транслитерацией и переводом, чтобы читатель сам проверить правильность моих выводов.

В книге будут приведены списки божеств и демонов, о которых мы не знаем ничего, кроме их имен. Я старался по мере возможности группировать сведения о более значительных египетских богах и рассказывать о них в связи с тем, в каком из религиозных центров они почитались (например, Птаху, Сехет и Имхотепу поклонялись в Мемфисе; Амону, Мут и Хонсу — в Фивах, а «великой эннеаде богов» — в Гелиополе). В целом первый том данной работы посвящен древнейшим и величайшим богам Древнего Египта и их триадам, а второй — богам Гелиополя, а также Осирису и божествам загробного мира.

Я часто буду цитировать гимны различным богам, так как они являются лучшими иллюстрациями того, какими этих божеств представляли себе египтяне и каким образом они молились им. В главе, названной «Разнообразные божества», будут приведены списки богов часов, дней, месяцев, ветров, деканов и т. д., составленные на основе собранного доктором Бругшем тезауруса астрономических и прочих текстов. Ссылки на источники как древние, так и современные будут приведены внизу страницы, на которой они впервые упоминаются.

Большая часть изображений божеств, использованных в качестве иллюстраций, взята из папирусов, с поверхности саркофагов и т. д. Несколько изображений я позаимствовал из «Словаря египетской мифологии» синьора Ланцоне, о ценности которого уже было сказано выше. Я считаю, что целесообразно поместить изображения божеств, взятые не из папирусов, на фоне, похожем по цвету и текстуре на папирус, обрамив каждое из них цветной рамкой. В результате можно добиться лучшего эффекта, да и древнеегипетские художники, жившие во все периоды истории страны, создавая свои произведения, предполагали, что они будут оформлены именно таким образом.

Я выражаю глубокую благодарность Реджинальду Лэйку, эсквайру, из издательства господ Джилберта и Ривингтона, а также его сотрудникам мистеру Дж.Э. Хэю и мистеру Ф. Рэйнеру за ту заботу и внимание, с которыми они отнеслись к этой книге, готовя ее к публикации.

Глава 1
БОГИ ЕГИПТА

Греческий историк Геродот утверждает (История. II, 32), что «египтяне — самые богобоязненные люди из всех». Такой вывод он сделал, лично увидев, с каким рвением они совершают религиозные обряды, целью которых было оказать почести богам, и с каким почтением относятся к указаниям жрецов, заявлявших, будто получают их напрямую от божества (и люди в это верили). Судя по манере изложения, автор был убежден в истинности своих слов. Он прекрасно знал, что египтяне искренне и самоотверженно поклонялись множеству животных, птиц и рептилий, приводя в замешательство образованных греков.

При этом Геродот не говорит о них с пренебрежением, с которым к ним относился Ювенал[1]. Геродот понимал, что за,

[1] «Друг мой Вифинский Волузий! Известно ведь, что за чудовищ в глупом Египте чтут: обожают одни крокодилов; трепет других вызывает тот ибис, что змей поедает; образ сияет златой почитаемого павиана там, где стовратных развалины Фив и где раздаются из раздвоенной фигуры Мемнона волшебные звуки; здесь поклоняются кошкам, там — рыбе речной; города есть с культом собаки; никто не почтит лишь богиню Диану. Лук и порей там нельзя осквернять, укусивши зубами. Что за святые народы, в садах у которых родятся этакие божества! Не берут там в пищу животных с шерстью: зарезать козленка грехом почитают в Египте. Вот человечину можно там есть» (*Децим Юний Ювенал*. Сатиры / Пер. Ф.А. Петровского. Сатира XV, 1—13. М., 1937. — *Пер.*).

Египтяне действительно поклонялись крокодилам, ибисам, собакоголовым обезьянам и всевозможным рыбам. Однако в эпоху правления в стране фараонов в них видели не *животных*, а *воплощения богов*. В некоторых местностях лук-порей и репчатый лук действительно считали священными — в этом Ювенал прав. Но в целом в Египте не поклонялись овощам. К тому же в источниках ничего не говорится о том,

казалось бы, глупыми ритуалами скрывается откровенность, являющаяся следствием непоколебимой и безусловной веры, заслуживающей уважение думающего человека. Неправильно считать, будто египтяне были единственными жившими в эпоху древности людьми, чрезмерно усердствовавшими во всем связанном с религией. Например, вавилоняне, как шумеры, так и семиты, с большим почтением относились к своим богам, а сама их религия была очень древней и сложной. Однако вполне можно предположить, что египтяне относились к религии гораздо более трепетно, чем их соседи, и всегда были крайне верующим народом. Судя по древнеегипетским изображениям и надписям, с древнейших времен и до конца существования египетской цивилизации участие в торжествах, посвященных различным богам, и выполнение религиозных обязанностей занимали большую часть времени обитателей долины Нила. Помимо этого, египтяне совершали погребальные ритуалы и отправляли в гробницах своих предков обряды поминовения покойных. Можно простить простому путешественнику, оказавшемуся в Египте и поверхностно судящему об увиденном, заявления о том, что египтяне были зациклены на поклонении всевозможным тварям и на культе умерших.

Однако египтяне мыслили довольно логично, так как считали себя священным народом, которым управляют цари, являющиеся живым олицетворением божества. При этом первые правители были для них настоящими богами, которые не пренебрегли земной жизнью среди людей. Другие народы верили, будто боги создали их, воздействуя на материю, а египтяне считали, что своим появлением в этом мире

что в стране был распространен каннибализм. В настоящее время стало известно, что даже египтяне, жившие в додинастическую эпоху, не поедали плоть умерших и не обгладывали их кости, как прежде поспешно предположили некоторые исследователи. Заявления Ювенала справедливы лишь частично, и некоторые из них напоминают выводы одного образованного индуса, посетившего Англию и, вернувшись в Бомбей, написавшего о ней книгу. Рассказывая о верованиях англичан, он заявил, что все они идолопоклонники. Чтобы подтвердить этот вывод, он привел список церквей, в которых он видел изображения ягнят. Индус, подобно Ювеналу и Цицерону, судя по всему, не понял того, что многие народы считают некоторых животных символами своих богов и олицетворением божественных сил.

они обязаны великому божеству, создавшему Вселенную, и, следовательно, они вполне могут претендовать на божественное происхождение. Когда боги перестали править на земле, власть перешла к полубогам, преемниками которых стали маны. За ними последовали цари, обладавшие божественной природой. Когда земное тело правителя умирало, божественная часть его существа, то есть духовное тело, возвращалась к богам, в свое изначальное обиталище, а смертные поклонялись ему как божеству. Для того чтобы это произошло, совершались специальные обряды, которые изначально были исключительно магическими, а потом в них появилась религиозная составляющая и с определенной интонацией произносились конкретные слова. В гробницах в установленные дни совершались ритуалы, во время которых покойному приносили жертвы и молились о его благополучии.

С древнейших времен поклонение богам было связано с обожествлением умерших царей и других членов их семей. В каком-то смысле отправление культа скончавшихся правителей столь же похвально, как и почитание богов. Согласно одной из точек зрения, Египет был страной не только смертных, но и божеств. В итоге обитатели страны не могли не уделять большую часть своей жизни поклонению божественным существам и своим предкам, отправившимся к богам. В плане религии и всего с ней связанного египтяне были довольно специфическим народом. Все они, вне зависимости от возраста, с упорством и определенной долей консерватизма поклонялись своим богам, и это выделяет их на фоне других великих народов древности.

Однако египтяне были известны не только своей приверженностью религии, они также славились числом почитаемых ими богов. Во все времена они поклонялись животным, птицам и рептилиям. В дополнение к этому они почитали силы природы, а также многочисленных существ, которыми они населяли небеса, воздух, землю, небо, солнце, луну, звезды и воду. В додинастический период египтяне, как и другие народы, находящиеся в полупервобытном состоянии, верили, что все явления природы являются следствием действий существ, большинство из которых враждебно настро-

ено по отношению к людям. Люди думали, будто слишком сильный разлив Нила, во время которого река затапливала деревню, скот и заливала зернохранилища, произошел по воле невидимых и недружелюбных существ. Когда уровень воды поднимался достаточно для того, чтобы оросить подготовленные поля, они считали, что дружелюбные духи оказались сильнее враждебных и сумели их победить или что в этот раз дух реки был доброжелательно настроен по отношению к людям. Они верили в существование духов воздуха, гор, водных потоков, деревьев. Их всех нужно задобрить при помощи даров или умилостивить, чтобы они были добры к людям и защитили их.

К несчастью, египтяне относили животных и духов природных явлений к одной категории и называли всех их вместе одним словом — нечеру, которое с некоторой степенью условности можно перевести словом «боги». Нет никаких сомнений в том, что в самом начале додинастической эпохи египтяне видели разницу между великими и малыми божествами, так же как они различали доброжелательных и враждебных по отношению к человеку богов. При этом бедность лексического запаса или косность языка не позволила им отразить эту разницу на письме. В результате уже в династический период, когда представители жречества склонялись к возвышенным монотеистическим воззрениям, писцы были вынуждены называть бога и низших существ, обладавших некоторыми признаками божественности, одним и тем же словом — нечер.

Другие народы древности сумели решить проблему классификации божественных существ, названных одним и тем же термином, создав различные ангельские чины. Каждый из них получил имя и различные полномочия, выполняя которые он служил божеству. Так, в Коране (сура 35) говорится о том, что Бог делает ангелов своими посланниками и что каждый из них обладает двумя, тремя или четырьмя парами крыльев в зависимости от его статуса и важности. Пророк Мухаммед видел у архангела Гавриила шестьсот пар крыльев. По мнению мусульман, ангелы выполняют различные обязанности. К примеру, девятнадцать из них должны поддерживать адский огонь (сура 74); восемь — трон Господа

во время Страшного суда (сура 69); несколько насильно выдирают души проклятых из их тел, а другие нежно и с любовью извлекают души из тел праведников (сура 79). Два ангела должны сопровождать каждого живущего на земле человека, причем один из них записывает его добрые дела, а другой — злые. Они будут рядом с ним во время Страшного суда — один приведет его в присутствие Судии, а второй будет свидетельствовать за или против него (сура 50).

Мусульманские теологи заявляют, что ангелы, состоящие из чистого света, живые существа, они наделены речью и мышлением. Они не склонны грешить, им чужды земные желания, они не продолжают свой род, и им неведомы ни гнев, ни ярость. Они полностью и беспрекословно повинуются Богу. Они питаются, воспевая Ему хвалы, их питье — прославление Его святости. Все их разговоры связаны с выражением почтения Богу, и они получают ни с чем не сравнимое удовольствие, поклоняясь Ему. Кому-то это может показаться странным, но мусульмане верят, будто некоторые ангелы имеют облик животных.

Четверо из них (Михаил, Гавриил, Азраэль и Исрафель) — архангелы. Они обладают большим по сравнению с остальными ангелами могуществом и исполняют особые обязанности. Они намного превосходят всех людей, кроме пророков и апостолов. Однако считается, что ангельская природа уступает человеческой, ибо всем ангелам было приказано поклоняться Адаму (сура 2). Приведенные выше и многие другие факты подтверждают предположение о том, что исламские ангелы очень похожи на древнеегипетские второстепенные божества. Несмотря на то что арабы, несомненно, многие свои представления о них позаимствовали у евреев, можно предположить: немало они унаследовали и от своих древних предков.

С представлениями мусульман тесно связана появившаяся гораздо раньше система ангельских чинов, разработанная сирийцами. В ней ангелы подразделены на девять категорий и три чина — верхний, средний и нижний. К верхнему чину относятся херувимы, серафимы и престолы; к среднему — господства, власти и силы; к низшему — начальства (начала), архангелы и ангелы. Представители среднего чина получают откровения от ангелов, обладающих более высоким статусом,

а те, кто относится к низшему, — всего лишь слуги, обеспечивающие существование тварного мира. Наивысшее положение среди ангелов занимает Гавриил, являющийся посредником между Богом и всем созданным Им. Архангелы в этой классификации названы «быстрой, молниеносной силой». Они имеют власть над всем живым, кроме людей. Ангелы представляют собой силу, обладающую духовным знанием обо всем на земле и на небе[1]. Сирийцы, подобно мусульманам, многое позаимствовали у евреев, в теологической системе которых ангелы играли довольно важную роль. Однако и эти ангелы очень похожи на второстепенных древнеегипетских богов.

Египтяне верили, что эти божества страдали от многих неприятностей, с которыми приходится сталкиваться смертным, — они старели и умирали. Таким же образом представляли себе ангелов мусульмане и евреи. По мнению первых, ангелы прекратят свое существование, когда небо, где они обитают, исчезнет в день Страшного суда. Вторые верили, будто ангелы, относящиеся к одной из двух высших категорий (те, что были созданы на пятый день творения), смертны. С другой стороны, ангелы, появившиеся на второй день, будут существовать вечно. Они очень похожи на неизменные силы природы, одушевленные поклонявшимися им египтянами. Ангелы, обреченные на гибель, произошли из огня, из воды и из ветра. Они подразделены на десять категорий — эрелим, ишим, бене элохим, малахим, хашмалим, таршишим, шишаним, херувимы, офаним и серафимы. Между ними были распределены обязанности по упорядочению неба и земли. Они также считались толкователями воли божества. В результате сравнения древнееврейской литературы, в которой описываются эти и подобные представления, связанные с ангелами, духами и т. д., и мифологии с древнеегипетскими текстами можно сделать вывод о том, что у египтян и евреев было много общих идей. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, последние еще в глубокой древности позаимствовали их у первых.

---

[1] См. мое издание Книги пчелы Соломона Аль-Басры (The Book of the Bee. Oxford, 1886. P. 9—11).

Относительно поздно в сонм египетских богов вошли божества из Западной Азии, но они не оказали никакого влияния на древнеегипетскую религию. Сравнительное изучение древнеегипетской и семитской мифологии на должном научном уровне пока не проводилось. Однако оно крайне необходимо, причем не потому, что благодаря ему можно будет восстановить, как выглядели древнеегипетские мифы и легенды изначально. Оно поможет понять, какие изменения они претерпели после того, как их приняли семиты или, по крайней мере, те, в чьих жилах текла кровь этого народа.

Некоторые исследователи, сравнивая древнеегипетскую и древнесемитскую мифологии, основываются на родстве данных народов. Однако необходимо понимать, что это всего лишь предположение, которое базируется только на выводах некоторых исследователей о сходстве между египетским и семитскими языками. Другие пытались трактовать египетскую мифологию при помощи арийской, утверждая, что важные египетские религиозные термины имеют арийскую этимологию. Следует отметить, что их выводы кажутся довольно сомнительными и могут свидетельствовать лишь о тщетности сравнения мифологических представлений двух народов, обладающих различным происхождением и находящихся на разных ступенях развития. При этом мы не можем с полной уверенностью утверждать, что древнейшие египетские боги, как и основополагающие религиозные представления, имеют местное происхождение, возникли в додинастический период и не испытали влияния семитской или арийской мифологии.

Нам ничего не известно о происхождении египтян, живших в эпохи палеолита и раннего неолита. Однако с некоторой степенью уверенности можно утверждать, что в периоды среднего и позднего неолита Египет населяли люди северо-восточноафриканского происхождения, поклонявшиеся богам, многих из которых впоследствии широко почитали в династический период. Завоеватели, вытесненные в период неолита в Египет с Востока и в большей или меньшей степени родственные протосемитам, не могли не повлиять на религию покоренного народа. Однако им не удалось запретить культы богов в облике животных и других существ, которым

в связи с этим поклонялись в Египте вплоть до эллинистического периода.

В настоящее время нам ничего не известно о том, насколько сильно верования завоевателей повлияли на покоренное население Египта. Однако, учитывая ряд точно установленных фактов, можно с большой степенью утверждать, что представления местного населения о богах после вторжения иноземцев не претерпели значительных изменений. Если какие-то пришлые боги и были введены в местный египетский пантеон, то они быстро ассимилировались (или даже полностью слились) с автохтонными божествами. В целом египетские божества на протяжении различных периодов египетской истории не изменялись, а люди стремились придерживаться наиболее древних форм поклонения им и сохранять древние тексты, в которых описывались эти ритуалы и бережно передавались из поколения в поколение верования предков.

Египтяне никогда не забывали своих древних богов, что вполне соответствует тому духу консерватизма, который они проявляли во всем даже в римский период. В частности, верующих хоронили с теми же молитвами и по тем же обрядам, что и их предков, живших за пять тысячелетий до этого. Египтяне римского периода, подобно их праотцам эпохи Древнего царства, считали, что к ним в гробницу придет Анубис, а их органы будут оберегать боги с головами животных, что обезьяна увидит, куда клонится стрелка великих весов, на которых будут взвешиваться их сердца, и сообщит об этом ибисоголовому богу Тоту, а сокологоловый бог Хор, сын Исиды, во многих отношениях являющийся двойником Херу-ура, древнейшего из всех египетских божеств, символом которого был сокол, представит праведных умерших Осирису.

С самого начала древнеегипетской цивилизации и до ее конца местное население не обращало почти никакого внимания на события, происходившие за пределами страны. Ни одно завоевание или вторжение так и не смогло повлиять на личные религиозные представления египтян. Они продолжали усердно возделывать землю, беззаветно поклоняться богам предков. Подобно им, египтяне, жившие в более поздние периоды, не сомневались в необходимости сохранности муми-

фицированных тел. Как и прежде, они представляли себе небеса, на которые надеялись попасть, в виде плодородного региона, где много скота. Там они надеялись встретить своих родителей и поклоняться местным богам, которых они почитали при жизни.

Представления жрецов и высших слоев населения отличались от распространенных среди простых тружеников. Но следует отметить, что это были уже не религия и мифология династического Египта, а верования автохтонных египтян, живших в додинастический период, с характерным для них культом животных и полудикими верованиями, которые на протяжении всей истории развития древнеегипетской религии придавали ей определенный колорит и вызывали восхищение и удивление у всех народов, так или иначе сталкивавшихся с египтянами.

Египтяне, жившие в додинастический период и находившиеся на одной из ранних стадий развития, подобно многим первобытным и полупервобытным народам, верили, что в море, земле, воздухе и небе обитает множество духов, некоторые из которых отвечают за различные явления природы, а другие помогают или мешают людям. Они считали, что все происходящее в природе является результатом деятельности огромного числа божественных существ, жизнь которых прекращалась одновременно с исчезновением олицетворявшихся ими предметов. Египтяне не сомневались в существовании этих невидимых духов. Этим существам они приписывали все слабости и страсти, свойственные человеку, а также все его способности и силы. У всего в природе был свой дух. Люди считали, что в изображении или модели также живет тот или иной дух, получавший от них определенное имя. Он обитал в изображении или статуе до тех пор, пока они не уничтожались. Жившие в додинастическую эпоху египтяне верили, будто все предметы, как естественные, так и искусственные, которые мы считаем неодушевленными, обладают душой. Во многих случаях даже считалось, что они похожи на самих людей.

Существовало неисчислимое множество разновидностей духов, населявших, как считалось, весь физический мир. Друг от друга они отличались силами, которыми обладали. В част-

ности, дух, повелевавший разливами Нила, был могущественнее, чем живший в канале; тот, что приказывал солнцу сиять, обладал большей силой, чем управлявший луной; дух большого дерева мог больше, чем олицетворявший кукурузу. Считать, что такие духи обладают различной силой, люди стали еще в древнейшие времена. Очевидно, тогда же полупервобытные обитатели Египта начали подразделять их на доброжелательных и тех, кто несет увечья, утраты и смерть. Несложно понять, откуда взялось представление о том, что некоторые масштабные явления природы находились под властью духов, способных испытывать гнев или недовольство и вымещать его на человеке.

К примеру, дух Нила считался дружелюбно настроенным по отношению к людям, если во время разлива воды реки поднимались на высоту достаточную для того, чтобы обеспечить хороший урожай. Однако, если случалось наводнение, скот и дома, сложенные из прутьев или глины, тонули, или, наоборот, если разлив был слишком низким, из-за чего начинался голод, люди верили, что дух Нила враждебен по отношению к ним. Если вода в Ниле поднималась достаточно высоко для того, чтобы сделать поля плодородными, египтяне думали, будто дух реки был доволен их поведением. Слишком сильный разлив реки считался явным признаком его недовольства. Те же чувства испытывают современные египетские крестьяне. Некоторые из них говорили мне в 1899 г., когда уровень воды в Ниле был самым низким за весь XIX в.[1], что «Аллах разгневался на них и дал реке подняться». Один человек добавил к этому: еще никогда прежде он не видел, чтобы Аллах был так зол на них.

Духи, всегда настроенные враждебно по отношению к человеку и считавшиеся египтянами злыми, отождествлялись с определенными животными и рептилиями. Очевидно, некоторые из этих традиций сохранились вплоть до позднего периода истории Египта. Змей Апоп, олицетворение тумана, тьмы, бури и ночи, о котором более подробно будет сказано позднее, и его друзья, «дети восстания», не были плодом во-

[1] В октябре 1899 г. уровень воды в озере Виктория был на 0,6 м ниже обычного, а в декабре в Асуане — почти на 2 м ниже среднего за несколько предыдущих лет.

ображения египтян, живших в более позднее время. В них верили еще тогда, когда страна буквально кишела могучими чудовищами, огромными змеями и всевозможными вредоносными рептилиями.

Прототипом самого могущественного в египетской мифологии демона-змея, грозного врага бога солнца, был какой-то существовавший в реальности вид змей, сведения о котором сохранились в источниках. То, что это не простое предположение, подтверждает недавняя находка, сделанная в Фаюме. Там были обнаружены останки змеи, которая при жизни, очевидно, была огромного размера. Судя по позвонкам, она была длиннее, чем любой из известных нам питонов[1]. Спутники огромного демона-змея Апопа относились к людям с такой же враждебностью, что и их повелитель — к богу солнца, и вселяли чувство ужаса в тех, кто в них верил. С другой стороны, были и дружелюбные по отношению к людям сверхъестественные существа, причем считалось, что некоторые из них готовы сражаться против злых духов, чтобы помочь смертным.

Таким образом, с древнейших времен египтяне додинастического периода, очевидно, признавали существование множества духов, доброе расположение или бездействие которых можно было получить при помощи взяток: подношений, умасливания и лести. Во вторую категорию входили сверхъестественные существа, готовые помогать людям, причем смертные изо всех сил старались склонить их на свою сторону. В третью группу входили те, кто сделал так, чтобы солнце, луна и звезды светили, реки и ручьи текли, облака плыли по небу, а дождь шел. Они существовали для того, чтобы происходили всевозможные явления природы, как значительные, так и малозаметные.

Духи, которых жившие в додинастический период египтяне считали враждебно настроенными по отношению к человеку и которых современные народы называют гоблинами, хобгоблинами, гномами, троллями, эльфами и т. д., в династическую эпоху «создали» структурированное общество, целью

[1] «Если у этой змеи были те же пропорции, что и у современного питона seboe, то ее длина могла достигать 9 м», — пишет доктор Ч.В. Эндрюс в Geological Mag. 1901. Vol. VIII. P. 438.

существования которого было творить зло. Оно управлялось наиболее могущественными и свирепыми из них. Со временем к их числу прибавились духи дурных мужчин и женщин. В результате у египтян сложилось представление об аде — месте, где обитают злые духи и их еще более жестокие предводители. По тому же принципу добрые духи были объединены под властью хорошо относившихся к людям правителей. Эти идеи стали центральными при формировании веры в существование небес, куда, по мнению египтян, попадали души праведных мужчин и женщин. Конечно, подобные представления не могли появиться раньше, чем жители долины Нила достигли такой ступени развития, на которой стала возможна вера в вечную жизнь.

В исторические времена предводители злых духов превратились в могущественных демонов, а правители добрых — в богов. Те, кто входил в третью категорию, то есть покровители явлений природы, стали в династический период великими космическими божествами. Поклонение им во много раз отличалось от культа духов или богов, от которых полностью зависело благополучие людей, о чем свидетельствуют сведения, содержащиеся во многих религиозных текстах и сочинениях, написанных в династическую эпоху.

В гимнах, обращенных к богу солнца, под каким бы именем ему ни поклонялись, говорится о том, что величайшие чудеса, происходящие на земле, являются свидетельствами его величия и славы. Приверженцы его культа обращаются в них к нему с благоговейным страхом. В этих произведениях описывается его победоносное путешествие по небу, упоминается непрекращающаяся череда его восходов и заходов, говорится о том, что за короткий промежуток времени он способен преодолеть огромное расстояние. Его прославляют за совершаемые им великие деяния, за то, что он создал людей и животных, птиц и рыб, деревья и растения, рептилий и все прочее в этом мире. Богу воздаются многочисленные похвалы, что совсем неудивительно: людей не могли не поразить мысли о силе и могуществе бессмертного существа. Однако в гимнах не хватает проявлений личной веры в божество, которые свойственны египетским молитвам, обращенным к богочеловеку Осирису. Следовательно, к двум этим боже-

ствам египтяне относились совершенно по-разному. Невозможно точно сказать, когда появилось данное различие, но можно с некоторой долей уверенности утверждать, что оно совпало с началом династической эпохи и сохранилось вплоть до довольно позднего времени.

Магическая составляющая египетской религии, древнейший и наиболее устойчивый из ее элементов, как таковая возникла до того, как появилось это различие. Нет никаких сомнений в том, что ее появление относится к периоду, когда люди верили, будто добрые и злые духи мало отличаются от них и что этих существ можно задобрить подарками, управлять ими при помощи особых слов и проведением ритуалов и заставлять при помощи гимнов и обращений помогать смертным.

Этих представлений египтяне придерживались на протяжении всей своей истории. Они, хотя и в несколько видоизмененной форме, сохранились и в сознании египетских и суданских мусульман. Они искренне убеждены в том, что существует только один Бог, а Мухаммед — пророк Его. Сила Бога, по их мнению, безгранична и абсолютна. Однако при этом они, подобно своим предкам, жившим до того, как появилась вера в единого Бога, усердно защищают себя и своих детей от сглаза и действий, совершаемых вредоносными духами, при помощи всевозможных амулетов. К примеру, караванщики оберегают верблюдов от сглаза, привязывая к их головам нитку с нанизанными на нее яркими бусинами так, чтобы она свисала между глазами животных, и приделывая к седлам длинную бахрому. Вера во всемогущество Бога помогает им выбрать день, удобный, с их точки зрения, для начала путешествия. При этом они никогда не проходят мимо определенных пещер, ущелий и гор ночью. Джинны кажутся им столь же реальными, сколь аналогичные им существа — древним египтянам. Судя по описаниям духов пустыни, сделанным теми, кому посчастливилось их увидеть, представления древних египтян об облике демонов и злых духов сохранились вплоть до наших дней. Современные египтяне называют их по-арабски, но их описание почти полностью совпадает с характеристикой некоторых существ, фигурирующих в древнеегипетских мифологических

сочинениях, в которых рассказывается о загробном мире и его обитателях.

Люди, живущие в Восточном Судане и также исповедующие ислам, унаследовали многие представления древних египтян. В этом нет ничего удивительного — нубийская цивилизация с начала правления XVIII и до конца царствования XXVI династии, то есть примерно с 1550 г. до н. э. по 550 г. до н. э., являлась подражанием древнеегипетской. Прожив несколько месяцев в деревне, расположенной у подножия Джебель-Баркала, где в прошлом располагалась часть древнего нубийского города Напаты, я убедился в этом. Благодаря путешествиям по Восточному Судану я пришел к выводу, что подобные представления и идеи были распространены довольно широко.

По мнению местных жителей, на холмах и в пустынях живет множество духов, которые, как правило, враждебно настроены по отношению к смертным. Считается, что они могут проникать в тела как людей, так и животных. Этих существ обвиняют в гибели пальм или отсутствии на них плодов, в падеже скота и несчастьях, происходящих в обществе и в жизни каждого отдельного человека. Почти детский страх зарождается в сердцах местных жителей, когда они видят стоящие на холме пирамиды. Похороненных в них представителей царской фамилии они называют иллахат, «богами».

Ни один суданец без крайней необходимости не поднимется на «гору» (именно так они называют скалу из песчаника, на которой стоят пирамиды) после захода солнца. Ночью местные жители обходят стороной какие бы то ни было гробницы и некрополи, но подъем к пирамидам представляется им подвигом, который может привести к тому, что на голову человека, решившегося совершить его, обрушится гнев духов погребенных там царей, обладающих, по мнению суданцев, божественной силой. Когда в 1897 г. я изучал одну из пирамид, расположенных на Джебель-Баркале, шейх деревни, которого звали Мухаммед вад Ибрагим, пытался заставить рабочих не расходиться по домам до захода солнца. Это продолжалось в течение двух-трех дней, но потом к месту раскопок пришли жены некоторых из них и увели их домой, опасаясь, что их мужья будут заколдованы или каким-то образом наказаны за

присутствие у пирамид в то время, когда, по поверью, духи умерших выходят из своих могил, чтобы насладиться вечерней прохладой.

Аналогичные представления характерны для людей, живущих далеко на юге — возле пирамид Бакравийе, расположенных на территории некрополя древнего города Беруа, или Маруа, или Мероэ. Местный шейх получил приказ сопровождать меня и помочь мне произвести замеры некоторых из находящихся там пирамид. Но когда мы были в 800 метрах от них, он спешился и сказал, что дальше не пойдет, потому что боится духов погребенных там богов, иллахат. После долгих уговоров он согласился продолжить путь, но ничто не могло заставить его подвести ослов к пирамидам. Стреножив их и привязав к большому камню, он подошел и сел неподалеку от основной группы пирамид, но мне так и не удалось убедить его подойти к руинам.

Жители Джебель-Баркала с самого начала с большим недовольством отнеслись к археологическим работам. Они стали еще более враждебны, когда увидели, что возле пирамид летает множество ос, которые, по их словам, были больше всех когда-либо виденных ими. Люди были убеждены, что перед ними злые духи, принявшие облик насекомых, а их деревне угрожает опасность. Им было невозможно объяснить, что осы прилетели только потому, что захотели напиться из бурдюков с водой, висевших на кольях, вбитых в каменную кладку, и предназначавшихся для рабочих. Однажды утром рабочие убили безвредную, хотя и двухметровую змею, также подобравшуюся к месту раскопок, чтобы напиться. Они решили, что это дурной знак, и стали бояться еще сильнее, ибо им казалось, будто они уничтожили дух одного из царей и вскоре его сородичи отомстят им.

Примерно на полпути к вершине Джебель-Баркала жили четыре огромных сокола, которые, как казалось, следовали за каждым, решившим подняться на гору, хотя они никогда не подходили близко к людям. Местные жители считали их олицетворением богов, вырезанные и раскрашенные изображения которых все еще можно увидеть на стенах скального святилища, расположенного у подножия холма. Я ни разу не слышал о том, чтобы кто-то из жителей деревень Баркал,

Шибба и Марави пытался пристрелить их или поймать при помощи капкана. Они не могли знать о том, что сокол был первым живым существом, которому стали поклоняться обитатели долины Нила. Следовательно, почтение, с которым они относились к этим птицам, эти люди унаследовали у бесчисленных поколений своих праотцев. Для них соколы ассоциировались с изображениями богов в святилище Амона-Ра. Этот факт весьма примечателен, так как свидетельствует о том, что их мысли о подобных вещах двигались у них в том же направлении, что и у их предков.

Когда речь заходит об амулетах, суданцы оказываются столь же подверженными предрассудкам, что и их предшественники, жившие за несколько тысячелетий до них. Они верят, будто камни определенного цвета обладают магическими свойствами, особенно если на них вырезаны те или иные символы, о значении которых, правда, они ничего не знают, хотя и утверждают, что эти знаки возникли благодаря присутствию в камне духа. Женщины и дети, особенно девочки, защищают некоторые части своего тела при помощи ниток, на которые нанизаны бусины, сделанные из волшебных камней. Иногда на них навешивают металлические или каменные пластинки различной формы, покрытые магическими символами. Местонахождение таких пластинок на теле, как правило, совпадает с тем, на какую часть тела умершего жившие в династическую эпоху египтяне клали амулеты. Если спросить суданских крестьян, почему они пользуются подобными вещами, они, вероятно, дадут ответ, который будет свидетельством того, что и представления, лежащие в основе этих традиций, также одинаковы.

Перечень фактов, связанных с верой суданцев в духов, может оказаться очень длинным. Необходимо отметить главное: она почти не отличается от той, что была характерна для египтян, живших в династическую и даже додинастическую эпохи. Автор этих строк верит, что в будущем исследователи, которые сумеют уделить достаточно времени для того, чтобы пожить в отдаленных деревнях, расположенных на восточном берегу Нила и населенных черными (но не негроидными) обитателями, получат массу аналогичных сведений.

Во многих отдаленных местностях Южной Нубии и Восточного Судана растут деревья, к которым относятся с почтением. Правда, это может быть всего лишь результатом контактов местных жителей с обитателями Центральной Африки, где в определенные дни люди молятся деревьям[1]. Там верят, будто живущие в них духи могут наделять подарками тех, к кому они хорошо относятся. И сами такие люди, и их скот защищены от всех напастей. Жители более южных регионов считают, что в некоторых животных, таких как собакоголовая обезьяна, обитают духи, наделяющие их сверхъестественной силой и выдающимся умом. Духи, связанные, по мнению местного населения, с солнцем, живут в жуках-скарабеях. В прошлом женщины, которые хотели родить много детей, найдя трупики этих насекомых, съедали их. В наши дни определенные части скарабеев варят, смешивают с маслом и используют в медицинских целях[2] — как средство от болезней глаз и т. д. Египтяне, жившие в династическую эпоху, считали, что скарабей связан с богом солнца Ра. В религиозных текстах, относящихся ко всем периодам, говорится о том, что жук путешествует в ладье вместе с этим богом.

Мы уже говорили о том, что жившие в династическую эпоху египтяне и их предшественники признавали существование различных духов: враждебно настроенных по отношению к человеку, помогающих ему и занятых исключительно раз-

---

[1] «Под широко раскинувшимися ветвями мыльного дерева хеглик, растущего в очень чистом месте, посыпанном мелким песком, бедауйе молят неизвестного бога помочь в их начинаниях и защитить от опасности» (*Slatin Pasha.* Fire and Sword in the Sudan. London, 1896. P. 114).

[2] Ибрагим Рушди, служивший на телеграфе в расположенном в Нижнем Египте городе Бенха, сказал мне в январе 1895 г., что во многих регионах жуков варят, причем в процессе варки хитиновый покров отделяется. Затем их жарят в оливковом масле. После этого их погружают в мирру и размачивают в жидкости и процеживают через муслин. Считается, что вытекающая через ткань жидкость исцеляет зуд, сопровождающий определенную болезнь. Некоторые капают несколько ее капель в кофе, а женщины пьют, чтобы растолстеть. Пожилые женщины рекомендуют лечить глазные болезни так: нужно нанизывать скарабеев на деревянную палочку на протяжении двенадцати часов до рождения ребенка. Когда он появляется на свет, следует снять с палочки последнего жука, окунуть ее в кохль и смазать этим веществом глаза младенца. Если все проделать правильно, ребенок никогда не будет страдать от болезней глаз.

личными явлениями природы. Здесь следует рассказать о том, в каких видах они могли являться людям. Чаще всего они представали перед смертными в виде зверей, птиц, рыб, рептилий, и уже с древнейших времен в Египте было широко распространено поклонение так называемым низшим животным. В начале обитатели долины Нила не считали, что звери, как и неодушевленные предметы, находятся на более низком по сравнению с ними уровне развития интеллекта — они, по мнению первобытного человека, который не видел ничего смешного в разговорах с ними, способны мыслить, рассуждать и вести себя так же, как и люди.

В религиозной литературе многих народов содержится немало сведений, подтверждающих это. На одной из табличек из обожженной глины, хранившихся в царской библиотеке Ниневии и представлявших собой копии сотен документов из храмов древнейших городов Вавилонии, содержатся фрагменты диалога между лошадью и быком, известные под названием «Басня о Лошади и Быке»[1]. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что этот диалог был придуман задолго до правления Ашшурбанипала (668—626 гг. до н. э.), хотя табличка, на которой он вырезан, сделана не раньше этого времени. Помимо этого, в легенде о создании мира чудовище Тиамат, олицетворявшее силы зла и тьмы, восстает против богов и, чтобы сражаться с ними, создает целый выводок змей. Можно привести и другие примеры, подтверждающие, что, по мнению вавилонян и ассирийцев, животные могут рассуждать, подвержены страстям и умеют говорить.

Судя по сведениям, содержащимся в Библии, евреи разделяли взгляды своих сородичей на этот счет. В ней говорится, что змей обманул и соблазнил Еву, заставив ее нарушить приказ Бога (Быт., 3: 1 и далее), а ослица Валаама возроптала против своего хозяина, спросив, почему он трижды ударил ее (Числ., 13: 28). Следует отметить, что это животное, в отличие от самого Валаама, могло видеть Ангела Господня, стоявшего на дороге. Помимо этого евреи и мусульмане верили, будто собаки воют перед смертью потому, что видят Ангела Смерти,

[1] См.: Guide to Assyrian and Babylonian Antiquities. London, 1900. P. 48; эти тексты выставлены в Британском музее (ниневийская галерея, витрина С).

приближающегося, чтобы выполнить свою работу. Да и сами мы склонны к тем же предрассудкам на этот счет. Правда, унаследовали их мы, вероятно, не на Востоке, а у родственных североевропейских народов.

В Книге Судей (9: 8 и далее) говорится о том, что порой предметы, которые мы считаем неодушевленными, могут говорить и мыслить: «Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами». Когда она отказалась, они отправились к смоковнице, но получили от нее тот же ответ. Виноградная лоза также отказалась оставлять свой сок, «который веселит богов и человеков». Тогда они обратились к терновнику, поставившему их перед выбором: либо они будут покоиться под его тенью, либо будут сожжены огнем, который выйдет из него. Эти представления иллюстрирует и отрывок, содержащийся в Книге Чисел (21: 17): князья и сановники выкопали колодец «жезлами своими», и дети Израилевы запели: «Наполняйся, колодец, пойте ему». Можно привести множество других содержащихся в еврейской литературе примеров того, что в некоторых случаях люди наделяли животных и неодушевленные предметы способностью мыслить и рассуждать, не отличающейся от свойственной человеку.

Египтяне также считали, что животные могут думать, мыслить и говорить. В древнеегипетской литературе можно встретить множество примеров, свидетельствующих о том, что жители долины Нила верили: звери совершают те или иные поступки, руководствуясь теми же мотивами и страстями, что и люди. В качестве примера можно привести «Сказку о двух братьях». Корова в ней предупреждает своего пастуха о том, что его старший брат стоит за дверью коровника с кинжалом и хочет убить его. Из-под двери действительно были видны ноги брата юноши. Заметив их, он бежал и таким образом спас свою жизнь. Перед нами еще одно доказательство того, что иногда животным приписывались сверхчеловеческие ум и проницательность. Ведь, если корова, заметившая опасность, которую не увидел ее хозяин, не предупредила бы его, он бы погиб, войдя в коровник. Также необходимо обратить внимание на то, что животные играют важную роль в описанной в Книге мертвых сцене загробного суда. В «Сказке о

потерпевшем кораблекрушение» с несчастным, попавшим после кораблекрушения на неизвестный остров, долго разговаривает огромный змей длиной тридцать локтей, с бородой в два локтя.

Изображения сцены взвешивания сердца умершего на великих весах, происходящего в присутствии великих богов, играющих роль судей, выносящих приговор, который затем должен быть одобрен Осирисом после того, как он выслушает доклад бога Тота, секретаря и писца богов, встречаются на папирусах, датированных периодом XVIII династии. Каждый египтянин надеялся, что вес его сердца окажется равным тяжести пера, символа богини справедливости Маат. Он не хотел и не ожидал того, что последнее перевесит, так как ненавидел совершать сверхдолжные добрые дела. За процессом взвешивания внимательно следили бог мертвых Анубис, бросавший Пожирательнице мертвых сердца, не прошедшие испытание, ангел-хранитель покойного и собакоголовая обезьяна, сидевшая на верхушке опоры весов, к которой подвешена стрелка.

Эта обезьяна была помощником и спутником Тота. Она, как считалось, являлась признанным арифметиком, знатоком чисел и счета времени. Во время суда она должна была внимательно следить за стрелкой весов и, удостоверившись, что сердце и перо имеют одинаковый вес, сообщить об этом Тоту, чтобы он в свою очередь мог сделать доклад богам. Обезьяна, сидевшая на опоре весов, является представителем вида, который в настоящее время обитает только на территории Судана. Однако в позднедодинастический и раннединастический периоды подобные приматы вполне могли жить в Египте. Собакоголовые обезьяны очень умны. Даже сейчас местные жители, верящие, что ум дарован этим животным свыше и превосходит человеческий, относятся к ним с большим уважением. О том, что древние египтяне относились к ним с почтением, свидетельствует следующий факт: жители долины Нила верили, что эти животные являются воплощением бога Тота, игравшего в их мифологии крайне важную роль.

Также следует вспомнить о том, что на одной из виньеток Книги мертвых, на которой изображен восход, шесть или

семь собакоголовых обезьян поклоняются богу дня, поднимающемуся у восточного горизонта неба. Они стоят на задних лапах, подняв передние в жесте адорации. Можно предположить, что они поют гимн, посвященный богу солнца. В тексте, сопровождающем это изображение, говорится о том, что они являются духами рассвета, воспевающими при помощи гимнов поднимающегося бога солнца и превращающимися в обезьян сразу после его восхода. Специалистам, занимающимся естествознанием, прекрасно известно, что обезьяны, живущие в лесах Африки и других стран, громко кричат на рассвете. Нет никаких сомнений, что именно этот шум, производимый ими по утрам, является причиной того, что они стали воплощением духов восхода. В тексте не говорится о том, появляются ли духи рассвета каждый день заново, или же это обезьяны ежедневно превращаются в них, чтобы каждое утро приветствовать солнце. Представления о них сходны с теми, какими древние евреи[1] представляли себе «ангелов службы». Считалось, что каждый день они появляются из огненной реки, чтобы спеть Господу единственный гимн, а затем исчезают.

Приступив к рассказу о поклонении животным в Египте додинастического и династического периодов, следует попытаться определить причины, заставившие древнейших обитателей долины Нила поклоняться птицам, зверям, рыбам и другим представителям царства животных. Благодаря тщательному изучению фактов можно прийти к выводу о том, что первобытные египтяне поклонялись животным в первую очередь потому, что звери более сильны, могучи и умны, чем люди, или потому, что им присущи качества, позволяющие поранить или даже убить человека. Основной причиной, по которой люди почитали животных, был страх.

Когда человек впервые поселился в Египте, климат страны, вероятно, напоминал характерный для современной Центральной Африки, и вся ее территория была покрыта лесами, а земля — густой растительностью. В лесах, возможно, жили многочисленные слоны и другие крупные животные, а в под-

[1] Ср.: *Eisenmenger*. Op. cit. Vol. II. P. 371. כל יומא ויומא נבראין מלאכי השרת מנהר דינור ואמרי שירה ובטלין

леске — огромные змеи и множество всевозможных смертельно опасных рептилий. Реки кишели громадными крокодилами, похожими по длине и массе на тех, которых в последние годы видели в Голубом Ниле и реках, текущих южнее его. Нам неизвестно, когда в Египте перестали водиться слоны. Вероятно, это произошло задолго до начала династического периода, так как свидетельства о них в древнеегипетской мифологии не сохранились. В погребениях додинастического периода археологи находят большое число изделий из кости. Следовательно, первобытные египтяне очень любили этот материал и широко использовали его при изготовлении украшений и других небольших изделий. Однако мы не можем делать выводы о том, каким образом добывали кость — привозя слоновьи бивни из Судана или охотясь на этих животных в каком-то из регионов Египта. На верхушку одного из штандартов[1], изображенных на додинастических керамических сосудах, помещено изображение слона, возможно являвшееся символом семьи или родины человека, для которого был изготовлен этот сосуд, либо его богом-покровителем, то есть божеством его города или племени.

С другой стороны, из нескольких отрывков текстов, вырезанных на стенах камер и коридоров пирамид Униса и Тети, а также других царей Раннего царства, погребенных в Саккаре, говорится о том, что Египет в то время кишел всевозможными ядовитыми змеями и вредоносными рептилиями. Египтяне считали их угрозой, достаточной для того, чтобы волноваться за сохранность тел своих умерших родственников. Так, в текстах представителя V династии Униса[2] содержится несколько коротких магических формул, многие из которых направлены против змей и ядовитых животных. Судя по использованным в этих заклинаниях словам, они возникли задолго до того, как были вырезаны на стенах пирамиды, принадлежащей данному правителю. Месье Масперо, несомненно, прав, утверждая, что они представляли определенную сложность для составителей предназначавшихся для царя текстов.

---

[1] См.: *Morgan J. de.* Ethnographie Préhistorique. P. 93.
[2] Ed. *Maspero.* 1. 533 и далее.

В формулах упоминаются змеи Уфи, Наи, Хеки, Хекрет, Седжех, Икенех, Имен, Хиу, Индиэф, Джесер-теп, Чечу, Хемеч, Сененихемчет и самый «ужасный змей». В то время, когда составлялись данные формулы, каждому из этих существ, вероятно, соответствовал реально существующий змей. Несомненно, их имена являются описанием характеристик каждого из этих видов и способов их нападения на добычу. Сильнейший страх, который египтяне испытывали перед змеями, переходил из поколения в поколение.

В поздних текстах, как и в написанных в более ранние периоды, содержится множество молитв, направленных на защиту умершего от «змей, которые в загробном мире, живущих телами мужчин и женщин и поглощающих их кровь»[1]. Даже по прошествии времени, когда Египет был очищен от змей и стал таким, каким мы его знаем, в нем продолжали рассказывать истории о могущественном змее длиной тридцать локтей (около 15 м), жившем на вершине Бакхау, горы восхода. Звали его Ими-Хемэф, то есть «Пребывающий в своем огне»[2].

Поклоняться змею в Египте начали в глубокой древности. Тогда же появились и святилища, посвященные определенным представителям этого подотряда пресмыкающихся. В додинастическую эпоху с огромным почтением относились к урею, а основной центр его культа находился в Дельте, в месте, которое египтяне, жившие в более поздние времена, называли Пер-Уаджет, а греки — Буто. В период, когда уреям поклонялись в Нижнем Египте, в Верхнем почитали коршуна.

---

[1]

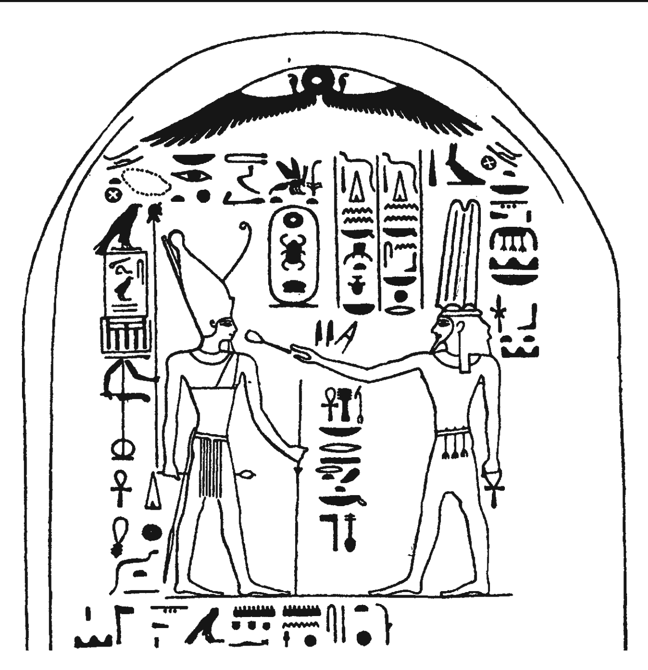
[2] Книга мертвых. CVIII, 1.5.

Его главное святилище находилось в городе, который египтяне называли Нехбет, а греки — Эйлетиасполь. Богиню-урея звали Уаджет или Уаджит, а богиню, которую олицетворяла самка коршуна, — Нехбет или Нехбит. Города, являвшиеся центрами их культов, со временем стали крайне важными (вероятно, именно благодаря тому, что в них поклонялись этим богиням), и цари, правившие в раннединастический период, желая указать на то, что их власть распространяется на всю территорию Египта, называли себя [иероглифы]. Этот титул можно примерно перевести как «Владыка святилищ коршуна и урея». Аналогичные знаки вырезаны на ставшей знаменитой палетке, в которой приведены имя и титулы Аха, царя, которого часто (правда, без причины) отождествляют с Меной, или Менесом. Таким образом, понятно, что в додинастическую эпоху города Нехбет и Уаджет являлись важными религиозными и административными центрами.

К числу диких животных, почитавшихся египтянами, жившими примерно в то же время, относились львы, рыси, которых они называли мафдет [иероглифы], и гиппопотамы. Символом Сета также было некое четырехногое животное. Из числа водоплавающих жители долины Нила почитали крокодилов и черепах, а из домашних животных — быков и коров. Мы располагаем доказательствами того, что в додинастические времена их считали богами. Огромная сила быка и та безудержность, с которой он бросается в бой, вызывали у первобытных людей страх и восхищение. Из-за своей способности к оплодотворению это животное очень рано стало олицетворением производительных сил природы.

На протяжении тысячелетий египетские цари с удовольствием называли себя «могучими быками». О том, что этот титул был крайне важен, свидетельствует следующий факт: многие правители вписывали его в свои серехи (эмблемы), в которые они помещали свои имена, заявляя тем самым о своем происхождении от Хора.

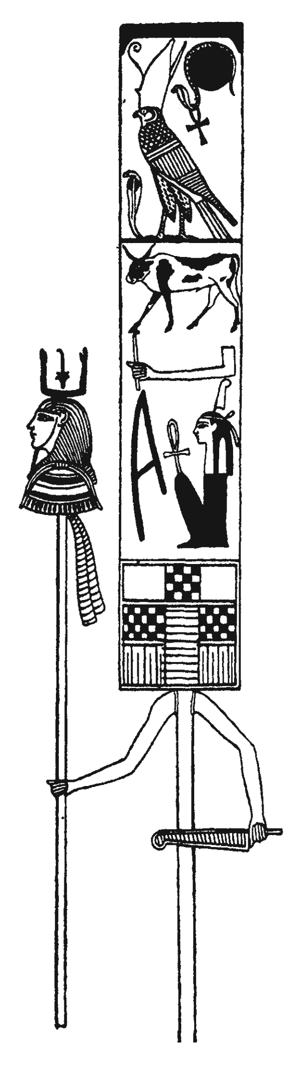
Другими словами, в серех вписывалось их «Хорово» имя. Изображение быков нередко вырезалось на предметах, сделанных из аспидного сланца и относящихся к додинастической эпохе (обычно подобные изделия ошибочно называют

Сенусерт I получает символ жизни от бога Сопеда. Позади него располагается серех, в который вписано его «Хорово» имя

палетками). Помимо этого, в одном из погребений, датируемых додинастическим периодом, была найдена вырезанная из кремния модель головы и рогов коровы, которая впоследствии стала олицетворением богини Хатхор. Все данные предметы в настоящее время хранятся в Британском музее (№ 20790, 20792 и 32124).

Цари-воители, правившие в эпоху XVIII и XIX династий, были очень довольны, когда их придворные писцы в текстах, где прославлялись их победы, писали, будто они неистовствовали и рычали, как львы. В этих надписях также говорилось, что, поднявшись на свои колесницы, эти правители отправлялись крушить глупых врагов, которые из-за своего чрезмерного безрассудства решили напасть на них. Однако они предпочитали, чтобы их сравнивали с «могучими быками», топчущими непокорных своими копытами и пронзающими рогами тех, кто сумел избежать их ног.

Серех Рамсеса II (*рис. слева*), содержащий «Хорово» имя этого царя — Ка-нехет-мери-Маат. Верхняя часть сереха выполнена в форме неба. Он прикреплен к штандарту, от которого отходят две человеческих руки, причем в правой находится еще один штандарт, увенчанный головой царя, олицетворяющей в данном случае «царское ка», а в левой — символ Маат

Впоследствии уважение, с которым относились к быкам в додинастический период, переросло в поклонение двум конкретным быкам — Хапу и Мер-уру, которых греки называли Аписом и Мневисом. Они были священными животными древних городов Мемфиса и Гелиополя соответственно. Культ Аписа сформировался не позднее самого начала династической эпохи и отправлялся в Мемфисе вплоть до конца царствования в Египте династии Птолемеев. Представления о быке Аписе в некоторой мере были связаны с поклонением Осирису, покровителю и судье умерших, названному в Книге мертвых[1] «Быком Аментета», или загробного мира. В эллинистический период в результате слияния двух этих богов возник третий — Сарапис, получивший атрибуты египетских и греческих повелителей потустороннего мира.

Судя по всему, в настоящее время большинство этнологов сходится на мысли о том, что люди начинают поклоняться животным по трем причинам:

[1] I, 1.4.

зверям поклоняются как таковым;
они считаются обиталищами богов;
в них видят воплощение предков рода или племени.

Не может быть никаких сомнений в том, что в эпоху неолита египтяне поклонялись животным как таковым. Представление о том, что звери являются вместилищем духов и богов, сформировалось позже. Именно оно стало причиной того, что египтяне начали мумифицировать тела умерших птиц, млекопитающих, рыб и т. д., которые, по их мнению, являлись олицетворением божеств.

Мы не знаем, когда возникли эти представления, но можно с уверенностью говорить о том, что они появились одновременно с культом Аписа. Тогда же египтяне стали держать баранов, а также других птиц, рептилий и рыб в святилищах и поклоняться им как воплощениям богов. В связи с этим следует отметить, что бог Апис поселялся не в каждом быке. То же происходило и с душой Осириса, обитавшей, по мнению египтян, в баране, которому поклонялись в Мендесе. Обоих этих животных было необходимо тщательно искать. Быку и барану поклонялись в храмах Мемфиса и Мендеса только в том случае, если жрецы «узнавали» их по определенным знакам. К рядовым представителям видов, к которым относились бык Апис и мендесский баран, относились не так, как к тем животным, которые благодаря наличию на их телах определенных отметин были объектами поклонения. Несомненно, во время проведения погребального обряда их приносили в жертву. Затем их мясо раздавали людям, которые съедали его, даже несмотря на то, что в них обитали боги. После того как бык Апис или мендесский овен умирал, жившее в нем божество, по мнению древних египтян, переселялось в другое животное и таким образом не покидало землю.

Вопрос о том, поклонялись ли египтяне животным потому, что считали их воплощением предков племени или рода, то есть тотемами, стал предметом множества споров. В этом нет ничего удивительного, так как он сам по себе является довольно сложным. Нам известно, что на многих штандартах древнеегипетских номов содержатся изображения различных животных и птиц, например сокола, быка, зайца и т. д. Однако до сих пор неясно, являлись ли они изображением тотемов.

Можно с уверенностью утверждать, что номовые штандарты, использовавшиеся в династическую эпоху, произошли от штандартов, которые жившие в додинастический период египтяне выставляли в своих лодках или несли во время ритуальных шествий и общенародных мероприятий. У нас нет оснований сомневаться в том, что в основе использования обоих видов штандартов лежат одни и те же представления и верования. Фигурка животного или птицы, помещенная на жезл номового штандарта, не является фетишем или изображением мифического предка. Скорее, к этим животным относились как к божествам, под защитой которых находились люди, живущие на определенной территории. Можно предположить, что в данной местности запрещалось причинять вред и убивать это животное или птицу. Так, в Номе черного быка с определенными отметинами считали священным животным, и не может быть никаких сомнений, что в додинастический период ему поклонялись как божеству. Однако за пределами этих номов быков, зайцев и соколов, возможно, убивали, чтобы использовать их мясо в пищу. В этом смысле древнеегипетские священные животные похожи на тотемы и фетиши племен и народов, находящихся на низших ступенях развития.

В связи с этим необходимо привести мнения греческих и римских авторов, многие из которых высмеивали древнеегипетскую религию, в особенности поклонение животным. Из-за того, что животных, являвшихся объектами культа, египтяне сначала содержали в святилищах, трепетно заботясь о них, а потом убивали и съедали их мясо, греки и римляне обвиняли их в глупости. Сочинения, написанные этими авторами, не следует считать полностью правдивыми, во-первых, потому, что их авторы даже не пытались понять, какие представления о священных животных были распространены среди египтян, а во-вторых, потому, что они просто не могли получить правдивые сведения. В процитированном выше отрывке из «Сатир» Ювенала говорится о том, что египтяне едят человечину. Вполне вероятно, что он искренне верил в то, о чем писал. При этом ни в одном древнеегипетском тексте не содержится даже намека на справедливость этого предположения, и у нас есть все основания

считать, что египтяне не были каннибалами. Другие его заявления о древнеегипетской религии, вероятно, также являются неправдоподобными.

До нашего времени сохранилось не так много древнеегипетских текстов, благодаря которым мы могли бы проследить всю историю развития древнеегипетской религии в династический период. Более того, нам крайне мало известно о верованиях египтян, живших в додинастическую эпоху, так как в то время у них вообще не было письменной традиции. Однако, судя по тем текстам, которые все-таки сохранились, сначала египтяне поклонялись животным как таковым, а позднее представители фауны стали считаться воплощением богов. При этом у нас нет никаких оснований полагать, будто древнеегипетский культ животных возник на основе системы тотемов или фетишей, как считал мистер Дж.Ф. Мак-Леннан[1].

Некоторые этнологи предполагают, что представители многих первобытных народов называли своих детей в честь животных и в некоторых случаях такие имена становились названиями племен. Они могли стать фамилиями, которые носили члены одной и той же семьи. Вероятно, это приводило к появлению мифов, согласно которым эти семьи происходят «от соответствующих животных, откуда могли возникнуть другие легенды о странных приключениях и героических деяниях предков. В них проявлялись качества, характерные для зверей, наименование которых унаследовали эти люди. С другой стороны, отождествление великого предка с животным, имя которого он носил и завещал своему народу, могло привести к почитанию самого зверя и в результате — к культу животных в целом»[2]. Эта теория может объяснить, почему многие первобытные и полупервобытные племена, живущие в различных частях света, поклонялись животным. Однако с ее помощью, по мнению автора этой книги, нельзя выявлять причины древнеегипетского культа животных.

Конечно, в династическую эпоху царей считали богами и к их изображениям относились с тем же уважением, что и к статуям богов. Но причина этого заключалась в том, что в

[1] См.: Fortnightly Review, 1869—1870.
[2] См.: *Tylor.* Primitive Culture. Vol. II. P. 236.

правителях видели потомков бога Хора, древнейшего из всех египетских божеств. Есть все основания полагать: простым смертным, обладавшим исключительной мудростью и глубокими знаниями, а также совершившим великие деяния, воздавались те же почести, что и богам. Однако ни их, ни царей не считали богами, подобными тем, которым поклонялись по всей территории Египта. В целом культ царей, отправлявшийся после их смерти, и поклонение обожествленным людям заметно отличались от распространенных по всей стране культов богов, как бы те ни изображались — в виде животных или людей — и какие функции бы ни выполняли — обеспечение благополучия людей или управление явлениями природы.

Более того, в результате изучения номовых штандартов можно сделать вывод о том, что египтяне поклонялись и считали богами не только животных, но и некоторые предметы. С другой стороны, вполне возможно, что они были символами богов, которых почитали на данной территории. Как нам известно, в додинастические времена некоторые штандарты были увенчаны изображениями двух, трех, четырех или пяти холмов , , , , другие — двумя стрелами (?) , третьи — рыбой , четвертые — двумя стрелами и щитом и т. д. Распространенному в додинастический период знаку в династическую эпоху, вероятно, соответствовал , а додинастическому иероглифу — символ .

В настоящее время нелегко определить, какой из знаков, распространенных в династический период, соответствовал изображению двух стрел (?) , или выявить причину того, почему изображение трех холмов было связано с богом. Однако, вероятно, можно предположить, что изображение двух стрел (?) связано с неким автохтонным божеством войны, а три стрелы считались олицетворением какого-то неизвестного в настоящее время бога.

Появлению на штандартах изображений щита и перекрещенных стрел, по нашему мнению, можно дать более точное объяснение. Из списков номов нам известно о том, что сто-

лицей пятого нижнеегипетского нома , который египтяне называли Сапи, а греки — Саисским, был город Сау, или Саис, где поклонялись богине Нейт (Нит). На относящихся к династическому периоду изображениях эта богиня держит в руках две стрелы и лук. Иногда на ее голову надета корона, которую носили правители Нижнего Египта или , символизировавшая ее имя, или две перекрещенных стрелы . Данные изображения являются прямым доказательством того, что саисская богиня Нейт была главным образом покровительницей охоты. Этой богине, несомненно, поклонялись еще в самом начале династической эпохи, так как ее имя стало частью имени Нейт-хотеп, которая, вероятно, была дочерью царя Сема (возможно, имеется в виду Хор Сом. — *Пер.*) и супругой Хора-Аха. Также оно входило в состав имени правившего в период Раннего царства царя Мер-Нейта.

Не может быть ни малейших сомнений в том, что распространенный в династический период иероглиф соответствует додинастическому . Нам известно, что первый представлял собой изображение двух перекрещенных стрел и щита, принадлежавших саисской богине охоты. Следовательно, вполне можно предположить следующее: второй знак являлся изображением этих же предметов и символом той же богини.

Мы уже упоминали додинастический штандарт, увенчанный изображением слона, который, несомненно, олицетворял некоего бога. Таким образом, становится понятно, что символами египетских божеств могли быть как животные, так и предметы, связанные с их культом или выполняемыми ими функциями. В списке номов, составленном в династическую эпоху, название нома Митену передано при помощи изображения ножа , наименование нома Тен — двух рогов, увенчанных диском и плюмажем , нома Уас, или Ус, — скипетра , нома Сешешет — систра и т. д. Знаки, приведенные в первом, третьем и четвертом примерах, обо-

значают предметы, связанные с культом богов, которым поклонялись в этих местностях. Второй символ является, вероятно, изображением головного убора почитаемого в данном номе божества.

Определить причины, заставившие людей, находившихся на этом этапе исторического развития, выбрать для обозначения богов именно такие предметы, невозможно. Мы можем только согласиться с предположением о том, что им отдал предпочтение какой-то местный господствующий народ, которому удалось настолько прочно укоренить в Египте свои религиозные представления, что они пережили все политические неурядицы, перемены, иноземные вторжения и сохранялись в стране по меньшей мере до III века н. э.

Культ богини Нит, или Нейт, вероятно, был широко распространен в Египте. Хотя в династический период его центром стол расположенный в Дельте Саис, нам известно, что почитатели этой богини жили в Нагаде, расположенной в нескольких километрах к северу от Фив, так как в одном из находившихся там погребений были найдены предметы с именем царицы Нейт-хотеп. О раннем культе Нейт ничего не известно, но можно предположить, что ее считали могущественным духом-покровителем охоты, подобным тем, которым поклонялись первобытные народы, жившие в других частях мира. Изображение перекрещенных стрел и щита свидетельствует о том, что в древнейшие времена она считалась духом охоты, но в династический период изображалась кормящей грудью двух крокодилов[1]. В результате позднее ей стали приписывать власть над рекой.

Первобытные египтяне, как уже говорилось выше, хотя и верили в то, что их боги обладают превосходящей их силой, считали, будто они, подобно людям, могут стареть и умирать, любить и ненавидеть, получать удовольствие от пищи и пьянствовать. Они даже могли вступать в браки с людьми и производить на свет потомков, подобных «сынам Божиим», которые упоминаются в Книге Бытие (6: 2, 4). Эти представления существовали во все периоды истории Египта, а

[1] В тексте Униса (1, 627) бог-крокодил Себек назван сыном Нейт [hieroglyphs].

сами египтяне никогда не могли полностью избавиться от них. У нас имеются многочисленные доказательства того, что, даже когда монотеизм достиг достаточно высокой ступени развития, они продолжали с удивительным упорством придерживаться их. В качестве примера можно привести религиозные тексты, в которых содержатся многочисленные отсылки к ним, а верования, характерные для египтян, находившихся на низших ступенях развития цивилизации, в них смешаны с высокоразвитыми религиозными представлениями. В одном из ранних изречений Книги мертвых, величайшего собрания древнеегипетской религиозной мысли, эти наслоения хорошо заметны, и, изучив их, мы можем прийти к довольно интересным выводам.

Один из наиболее интересных для нас фрагментов написан на стенах камер и проходов пирамид представителя V царской династии Униса и правителя VI династии Тети. В целом эти тексты можно отнести к гелиопольской версии Книги мертвых. Через определенные промежутки времени в часовнях, расположенных неподалеку от пирамид, эти цари должны были получать подношения. Многие тексты направлены на защиту правителя от всевозможных врагов, которые могли навредить ему в загробном мире. Другие представляют собой гимны и короткие молитвы за его благополучие, магические формулы и заклинания. В некоторых из них описывается огромная сила, которую обожествленный царь получает в потустороннем мире, и, конечно, содержатся заявления о том, что он является великим правителем как на земле, так и на небесах.

Интересующий нас фрагмент текста из пирамиды Униса настолько важен, что я решил привести его[1] в приложении к этой главе с подстрочной транслитерацией и переводом, а также с указанием разночтений, встречающихся в тексте из пирамиды Тети. Здесь необходимо сделать литературный перевод данного отрывка: «С небес текут потоки воды, звезды дрожат, лучники поспешно бегут, кости Акера трясутся, и все помогающие им бегут, увидев, как Унис поднимает-

[1] Иероглифический текст приведен Масперо в его работе Les Inscriptions des Pyramides de Saqqarah. Paris, 1894. P. 67, 1.496; P. 134, 1.319.

ся [на небесах] подобно богу, живущему своими отцами и кормящемуся своими матерями. Унис — владыка мудрости, чьего имени не знает его собственная мать. Владение Униса — небеса, и его сила на горизонте подобна силе его отца бога Атума. Воистину он стал сильнее, чем его отец, породивший его. Двойники (кау) Униса позади него, и все, кого он завоевал, под его ногами. Его боги на нем, его уреи на его челе, его проводник-змей впереди него, а его душа смотрит на духа огня. Силы Униса защищают его».

Из этого отрывка видно, что Унис считался сыном Атума и сделался сильнее своего отца. Когда царь, живущий своими отцами и матерями, входит на небеса в качестве бога, всех находящихся там существ охватывает страх. Небо разверзается дождем, звезды дрожат, и даже кости великого бога земли, изображавшегося с двумя львиными головами, трясутся, а менее значимые небесные духи в ужасе бегут. На земле этот царь, очевидно, был великим завоевателем, так как те, кого он победил, лежат под его ногами. У нас нет оснований сомневаться в том, что этот текст можно воспринимать буквально — на картонажах мумий, под ногами, на сандалиях покойного и на внешней нижней части саркофага иногда изображали врагов умершего.

У обычного человека было всего одно ка (двойник), но цари и боги, по мнению египтяне, обладали множеством кау, или двойников. Так, в одном тексте[1] говорится о том, что у бога Ра семь душ (бау) и четырнадцать двойников (кау). При этом молились жители долины Нила каждой его душе и двойнику отдельно, а также самому богу. Во всех источниках[2] говорится о том, что четырнадцать кау Ра

были даны ему Тотом.

Унис появляется на небе вместе со своими «богами», которые находятся на нем, на его лбу расположились змеи, его ведет змей-проводник, а сам он наделен огромной силой. Сложно сказать, какие именно боги имеются здесь в виду. Вряд ли речь идет о маленьких фигурках божеств, которые в более поздние времена клались на тела умерших. Очевидно,

[1] *Dümichen.* Tempelinschriften. Vol. I. Pl. 29.
[2] *Lepsius.* Denkmäler. III. Bl. 194.

Униса сопровождали несколько божественных существ, которые должны были защитить его. Уреи, помещенные на его лоб, и змей-проводник символизируют соответствующих божеств, призванных помочь ему. Другими словами, они являлись духами змей, дружелюбно настроенными по отношению к людям.

Далее в тексте говорится о том, что «Унис, бык неба, побеждающий своей волей и питающийся тем, что появляется от каждого бога, и он ест пищу тех, кто наполняет себя словами силы и приходит с Озера огня. Унис обладает силой, достаточной для того, чтобы противостоять его духам (ху), и он поднимается [на небе], подобно могущественному богу, являющемуся владыкой трона руки (то есть силы) [богов]. Он садится спиной к Гебу. Унис сравнивает свою речь с богом, имя которого сокрыто в день убийства древнейших [богов]. Унис — владыка подношений, он завязывает узел и дает себе пищу. Он поедает людей и живет богами, он владыка подношений, он ведет их списки».

Здесь умерший царь уподобляется юному могучему быку, который питается тем, что производит каждый бог, и тем, что выходит из Огненного озера, чтобы поглощать магические слова. В данном случае мы сталкиваемся с пережитком древнего культа быка, которому египтяне стали поклоняться в древнейшие времена и который сохранился вплоть до римского периода. Он питается тем, что производит каждый бог. Вспомнив, что египтяне верили, будто каждый предмет, как одушевленный, так и неодушевленный, является обиталищем духа или бога, мы можем предположить, что речь в данном случае идет о зеленой траве, которую обычно едят быки. Ведь, по мнению жителей долины Нила, в каждой травинке обитает божество. В связи с этим необходимо процитировать слова Санхунйатона (Санхуниатона греков), приведенные Евсевием: «Но эти первые люди освящали плоды земли, и считали их богами, и поклонялись вещам, посредством которых жили сами — и все их потомки, и все те, кто был после них; им они совершали возлияния и делали подношения»[1].

---

[1] *Euseb.* Praes. Evan. I.10 (в *Cory.* Ancient Fragments. London, 1832. P. 5).

В тексте говорится о том, что Унис питается теми, кто приходит с Озера огня, то есть из города Ше-Сиси. Кто же это? Из главы CVIII Книги мертвых мы узнаем о том, что Ше-Сиси располагался в Сехет-Сиси[1], одной из областей неба. Из текста главы явствует, что блаженные умершие получали там пищу. Покойный должен сказать: «Я не ложился в смерти; я стоял над тобой[2], и я поднялся подобно богу. Я гоготал как гусь, и я спускался подобно соколу божественными облаками и великой росой... Я пришел из Ше-Сиси, которое в Сехет-Сиси, Озере огня, которое на Поле огня». Ближе к концу главы (10) упоминаются стебли зерновых [иероглифы], которые, очевидно, росли на Поле огня или недалеко от него. Судя по всему, именно они служили пищей тем, кто выходил из Озера огня.

Затем говорится, что Унис обладает могуществом, достаточным для того, чтобы противостоять своим духам (ху). Однако определить, кем они были — существами из загробного мира, враждебно настроенными по отношению к людям, или духами, принадлежавшими ему самому, — не представляется возможным. В любом случае смысл этого фрагмента неясен. Поднявшись на небо, Унис садится спиной к Гебу, богу земли, олицетворенному мифологическим гусем, который, по легенде, отложил великое космическое яйцо.

Во второй части процитированного выше отрывка сформулированы довольно интересные идеи. Во-первых, в ней говорится о том, что царь «сравнивает свою речь с богом, имя которого сокрыто». Следовательно, положение и могущество Униса считались равными тем, которыми обладал бог-судья. Из фиванской версии Книги мертвых[3] мы узнаем, что выражение «взвешивание слов» [иероглифы] можно также перевести как «взвешивание дел» и что оно связа-

---

[1] [иероглифы]. См. мою работу Chapters of Coming Forth by Day. Text. P. 203.

[2] Он говорит на небе с бедром [иероглифы].

[3] См. мою работу Chapters of Coming Forth by Day. Text. P. 18, 1.12; P. 19, 1.5 и т. д.

но с взвешиванием сердца покойного на Великих весах. Заседанием от имени Осириса руководил Тот. Однако, судя по тексту Униса, покойный царь сам мог судить свои поступки и присудить себе блаженство. Бог, имя которого сокрыто, — это, возможно, Осирис.

В конце фрагмента говорится, что Унис поедает мужчин и женщин и питается богами. Мы уже ссылались на отрывок из «Сатир» Ювенала, в котором этот автор утверждает, будто египтяне питались человечиной. Также выше уже шла речь о том, что в надписях, относящихся к династическому периоду, не содержится доказательств, подтверждающих склонность египтян к каннибализму.

В данном фрагменте содержится вполне ясное указание на то, что Унис питался человечиной. Эти слова имеет смысл воспринимать только буквально. Им можно дать лишь одно объяснение: в источнике сохранились сведения о каннибализме, который, возможно, был распространен в Египте в додинастические времена. В других отрывках текстов Униса и Тети содержатся доказательства того, что таким образом победители поступали после сражения с побежденными противниками. Подобный обычай можно сопоставить с жестокими обычаями, распространенными (кое-где они до сих пор продолжают существовать) среди некоторых племен Центральной Африки. В додинастический период всем имуществом тех, кто терпел поражение в войне, завладевали более удачливые воины. Им же доставались все женщины, а захваченные в плен мужчины вынуждены были становиться жертвами всевозможных мерзостей, совершаемых над ними победителями.

В текстах Униса и Тети покойный царь описывается как владыка небес и всех находящихся там существ и вещей. В итоге он оказывается повелителем всех женщин, поэтому в надписи он назван «оплодотворителем, который уносит женщин от их мужей туда, куда хочет, тогда, когда хочет»[1]. В результате одним из его атрибутов стал присущий быку орган,

[1] Унис, 629.

которому из-за плодовитости и силы этого животного египтяне стали поклоняться, а сам правитель получил право называться победоносным племенным вождем.

Оставленные в живых мужчины подвергались страшным унижениям. В частности, авторы текста Тети убеждают мертвого царя подняться, «ибо Хор велел Тоту привести к тебе твоего врага, и он (то есть Хор) поставил тебя перед собой, чтобы он не мог причинить тебе вреда, чтобы ты сделал свое место на нем так, чтобы, выходя, ты мог занять свое место на нем, а он не мог заключить с тобой союз»[1]. Возможно, в додинастические времена в дополнение к беспричинному уничтожению побежденных противников, их убийству и ограблению, а также многочисленным издевательствам египтяне, одержав победу, уподоблялись диким тварям и поедали тела своих противников.

Судя по описаниям битв, составленным в династическую эпоху, египтяне грабили и разрушали завоеванные города, вырубали сады и уводили всех домашних животных, которых находили. У нас имеются доказательства того, что после сражения они калечили тела своих мертвых противников. Однако точно неизвестно, поедали ли они их или совершали над ними какие-то другие противоестественные действия.

Теперь нам необходимо обратить внимание на следующие фразы из отрывка текста Униса. Богов, которыми питался царь, ловил в капкан Ам-кеху. Затем их допрашивал Джесертеп-эф, божественное существо, которое в более поздние времена стало одним из сорока двух судей, заседавших в Зале Маати и упоминавшихся в «отрицательной исповеди» Книги мертвых. Он выяснял, здоровы ли они и в насколько хорошей физической форме находятся. Потом богов связывал Херчерту, а бог Хонсу перерезал им горла и вынимал их кишки. Существо по имени Шесему выполняет обязанности мясни-

---

[1] . Тети, 286.

ка — он разрубает их тела и варит куски в огненных котлах. После этого Унис ест их, поглощая вместе с ними их магические силы и духов. Самых больших и вкусных богов он съедает на рассвете, меньших — на закате, а самых маленьких — ночью. При этом он отказывается питаться старыми божествами — их используют в качестве топлива для печи. Котлы, в которых варились тела богов, подогревал «Великий на небесах», зажигавший пламя под теми, где лежали бедра старейших богов, а «Перер, который на небесах», бросал в котлы бедра их жен.

Потом Унис отправляется в путешествие по каждой части двойного неба, ночного и дневного, а также по двум идебу Египта (вероятно, с одного конца на другой), к земле, лежащей между горами и Нилом по каждую сторону от реки. В результате поедания тел богов Унис должен был стать Великим Сехемом, Сехемом Сехему, а также Ашемом Ашема, великим Ашемом Ашему. Сила, защищающая Униса, и та, которой он обладает, превосходят силы всех живущих на небесах саху. Он становится старейшим из перворожденных богов, он идет впереди тысяч и делает подношения сотням [из них]. В итоге сила, которую он получает, став великим Сехемом, позволяет ему уподобиться звезде Саху, то есть Ориону, и пребывать вместе с богами. «Унис может повторить свой подъем на небо, ибо он корона Себен, владыка небес. Он считает связки (или сухожилия) и печени, он владеет сердцами богов. Он съел красную корону, он съел белую корону и питается жирными кишками. В качестве подношений ему приносят тех, в чьих сердцах живут магические силы. Он поглотил то, что испускает красная корона, и он процветает. Магические силы в его животе, и его саху не отвернулся от него. Он съел знание каждого бога. Его существование и продолжительность его жизни бесконечны и вечны в каждом саху, которого он захочет сделать. Все, что он ненавидит, он никогда не будет делать в пределах или в границах неба. Вот их души, то есть души богов, в Унисе, и их духи вместе с ним. Его пища более обильна, чем у богов, в костях которых пламя Униса. Вот их души с Унисом, и их тени, и их облики, и атрибуты. Унис в (или с) дважды сокрытыми богами Ха (?) [в ка-

честве] Сехема, и, выполнив [все] предписания (обряда) вспашки, место сердца Униса должно быть среди живущих на этой земле вечно и бесконечно».

Последняя часть фрагмента представляет для нас огромный интерес, так как в ней содержатся сведения о том, каким образом египтяне представляли себе строение тел богов. Мы уже видели, что Унису приписывается наличие у него ба, или души, а также кау, двойников, ху, духов, саху и сехема. Два последних слова перевести сложно, но их смысл можно примерно передать при помощи понятий «духовное тело» и «сила». Считалось, что душа тесно связана с сердцем, а ублажить ее можно при помощи подношений, которые она могла поглощать. Двойник был неотъемлемой частью человека и был связан с его тенью. Он появлялся в момент рождения ребенка и после смерти своего хозяина жил в его гробнице рядом с его телом. Дух был вместилищем духовной составляющей человека. У каждого бога или божественного существа, по мнению египтян, было несколько духов. Саху, или духовные тела, были неосязаемыми, нематериальными и прозрачными существами, которые, как считалось в династический период, исходили из тела умершего, сохраняя при этом его облик. Сехем — это сила, которая, вероятно, оживляла саху и делала их не подверженными внешним воздействиям.

Судя по приведенному выше отрывку из текста Униса, боги состояли из всех этих частей. Таким образом, строение их тел было похоже на характерное для людей. Другими словами, египтяне сотворили своих богов по образу и подобию своему, лишь наделив их сверхъестественной силой. Однако боги поддерживали свое существование при помощи магической защиты, мекет, и хекау, что, как правило, переводят как «магические силы». Целью каждого египтянина было получить как магическую защиту, так и силу, так как жители долины Нила считали, что, обретя их, смогут жить подобно богам. В древнейшие времена египтяне думали, будто единственный способ получить силу и бессмертие, присущие богам, — это съесть самих богов. Поэтому в надписи Униса говорится о том, что он, поглотив части

сваренных тел богов, «съел их магические силы (хека) и проглотил их духов (ху)». В итоге он становится «великим силой», «силой сил», то есть величайшей силой на небесах. Он также становится Ашемом Ашема, величайшим Ашемом из Ашемов, то есть, если можно так сказать, самой сутью Ашема, и величайшие силы существ Ашему хранятся в нем, так как в нем находятся духи и магические силы, принадлежавшие богам.

Но что значит понятие «Ашем»? В тексте Тети это слово используется с детерминативом сокола, сидящего на штандарте . Это свидетельствует о том, что его значение каким-то образом связано с неким божеством. Однако данное слово не может быть наименованием только одного бога, потому что оно встречается во множественном числе — Ашему . При этом детерминатив не может нам помочь, так как он свидетельствует лишь о том, что Ашему приписывался какой-то из атрибутов бога-сокола Хора. Сокол, несомненно, был первым существом, которому стали поклоняться египтяне, жившие в додинастический период, и знак впоследствии стал наиболее часто употребляемым детерминативом ко всем словам, так или иначе связанным с каким-либо божеством, а также к личным именам богов, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, вырезанные на стенах камер и коридоров пирамид в Саккаре.

Как мы уже видели, обычно того или иного бога называли словом «нечер» или , во множественном числе — нечеру , или , или , или . Но иногда, даже если о богинях говорится как о нечерут , боги мужского рода названы в текстах соколами — [1]. В Книге мертвых[2] слово «Ашему» пишется таким образом:

[1] См.: Унис, 209; в тексте Тети (197) о богах говорится как о «мужчинах и женщинах» .

[2] См. мою работу Chapters of Coming Forth by Day. Text. P. 128, 1.14.

, что можно перевести как «божественные Ашему». В связи с тем, что первым детерминативом к этому слову является изображение сидящего сокола, можно предположить: слово «ашему» переводится как «соколы»[1]. Если это предположение верно, «Ашем Ашема, великий Ашем Ашему» значит «сокол сокола, великий сокол соколов». Так как сокол был не просто божеством, которому поклонялись египтяне в додинастический период, но и древнейшим и величайшим богом в стране и являлся олицетворением всего, расположенного наверху, на небе, фразу «Ашем Ашема, великий Ашем Ашему» можно также перевести как «бог бога, великий бог богов». Таким образом, снабженный магической силой и духами богов Унис становится обиталищем силы Бога и перворожденным божеством. Теперь он может путешествовать по небу, а как великий Сехем, или Сила, он получает в качестве эмблемы Сах, или Орион, а также возможность повторно подниматься [каждый день] на небе, подобно этому созвездию. Вполне вероятно, что отождествление царей, поглотивших богов, с Орионом было впоследствии усвоено семитскими народами, жившими в династический период в Дельте, и таким образом стало основой легенд об Орионе, распространенных у арабов и евреев.

Современные путешественники зафиксировали следующий факт: некоторые первобытные и полупервобытные племена еще совсем недавно поедали куски мяса сильных диких животных или людей, а также пили их кровь, веря в то, что таким образом получают их жизненную силу[2]. Это представление также было распространено как в додинастический, так и в династический период среди египтян. Именно на него ссылаются авторы фрагмента рассматриваемого нами текста Униса. Ведь не случайно в этом источнике говорится о том, что царь завладевает сердцами богов, оценивает их тесу и бекесу и питается их жирными семау.

---

[1] Иногда это слово встречается в другом написании — ахем . Brugsch (Wörterbuch. Suppl. P. 279) переводит его как «символ или видимая форма божества».

[2] См.: *Smith R.* The Religion of the Semites. P. 295.

О том, насколько большое значение для египтян имело владение сердцем или обретение власти над ним, говорится во многих текстах, особенно в нескольких главах Книги мертвых, в которых содержатся многочисленные молитвы, специально предназначенные для того, чтобы защитить его. Так, в главе XXVI покойный говорит: «Пусть мое сердце будет со мной в доме сердец, пусть мое хати[1] будет со мной в доме хату» (перевод М.А. Чегодаева: «Я обладаю своим сердцем-иб в доме сердец-иб. Я владею моим сердцем-хат в доме сердец-хат». — *Пер.*). Главы XXVII, XXVIII и XXIX были написаны для того, чтобы сердце не смогли унести те, кто крадет сердца и уничтожает их . Глава XXIXA составлена с целью не допустить смерти сердца в загробном мире, а главы XXXA и XXXB — чтобы его не похитили, особенно во время Суда, когда его взвешивали на Великих весах.

Слова «тесу», «бекесу» и «семау» не так легко перевести. Судя по контексту, тесу — это позвоночник или какой-то другой орган, напоминающий связанный или переплетенный шнур, а бекесу, судя по детерминативу, также является неким внутренним органом. В главе XXXA умерший говорит: «Почет тебе, о мое сердце (иб)! Почет тебе, о мое хати (перикардий?)! Почет тебе, о мой бесек» (вероятно, это вариант написания слова «бекес», но кажется довольно странным, что в данном случае употреблен детерминатив с изображением сердца . Несмотря на это, данное слово, возможно, лучше переводить как «печень»).

Мистер Фрейзер привел в своей работе[2] примеры, свидетельствующие о том, что первобытные племена считают этот орган местом нахождения души или жизни человека. Они съедают его куски, надеясь обрести качества его прежнего владельца. В тексте Униса напрямую не говорится о том, что он поглощал тесу и печени убитых им богов, но из контекста

[1] — перикардий (?). В древних текстах хат, или хати, бога было местом нахождения магической силы, при помощи которой он поддерживал свою жизнь.

[2] *Frazer.* The Golden Bough. Vol. II. P. 357 (2nd ed.).

следует: они входили в его рацион. С другой стороны, автор надписи утверждает, будто царь питался их семау сау, «жирными кишками» и сердцами или теми частями их тел, в которых, по мнению египтян, находились слова, хекау, обладающие магической силой, которые считались источником жизни богов.

В тексте также содержится упоминание о том, что, помимо духов и магической силы, Унис поедал «знание» — сиа — каждого бога и мог жить вечно и и бесконечно, проводя это время так, как нравится его духовному телу (сах). При этом он не должен был делать то, что было ему неприятно. Более того, духи богов, как и их души, тени и божественные облики, находились в Унисе и с ним. Таким образом, очевидно, что Унис собрал в своем духовном теле всю жизненную силу богов и обрел вечную жизнь, которую он мог проводить так, как ему нравится.

Здесь, казалось бы, фрагмент должен закончиться, но в последних предложениях говорится о том, что Унис пребывает вместе с двойным божеством Ха, невидимым или непознанным, и что он является Силой (Сехем), которая провела [обряд] «пахоты», «место сердца»[1] Униса «должно быть среди живущих на этой земле вечно бесконечно». Это предложение является прекрасным примером того, с какими сложностями вынуждены сталкиваться исследователи, пытающиеся понять и объяснить древнеегипетскую религию и представления обитателей долины Нила о богах. В приведенном выше фрагменте текста Униса, который уже был переведен и проанализирован, идет речь о том, как он стал бессмертным и невидимым богом богов, обладающим самой большой силой на небесах, и т. д. Но в конце отрывка говорится, что место сердца Униса должно быть среди живущих на этой земле вечно и бесконечно. Другими словами, Унис после смерти должен наслаждаться продолжением земной жизни. Фактически он одновременно существует в двух местах — на небе и на земле.

[1] Здесь используется слово «иб».

Приложение к главе 1
УНИС, УБИЙЦА И ПОЖИРАТЕЛЬ БОГОВ[1]

496 *ḳep pet àḥi sebu* 497 *nem*

Проливает воду небо, дрожат[2] звезды, ходят

petchet seṭa 498 *qes Aker ḳer - er - sen*

лучники, трясутся кости Акера[3], те, кто под ними,

kenemu ma en sen 499 *Unàs khā ba*

бегут[4], (когда) увидели они Униса, поднимающегося (в качестве) души[5]

em neter ānkh em àt - f usheb

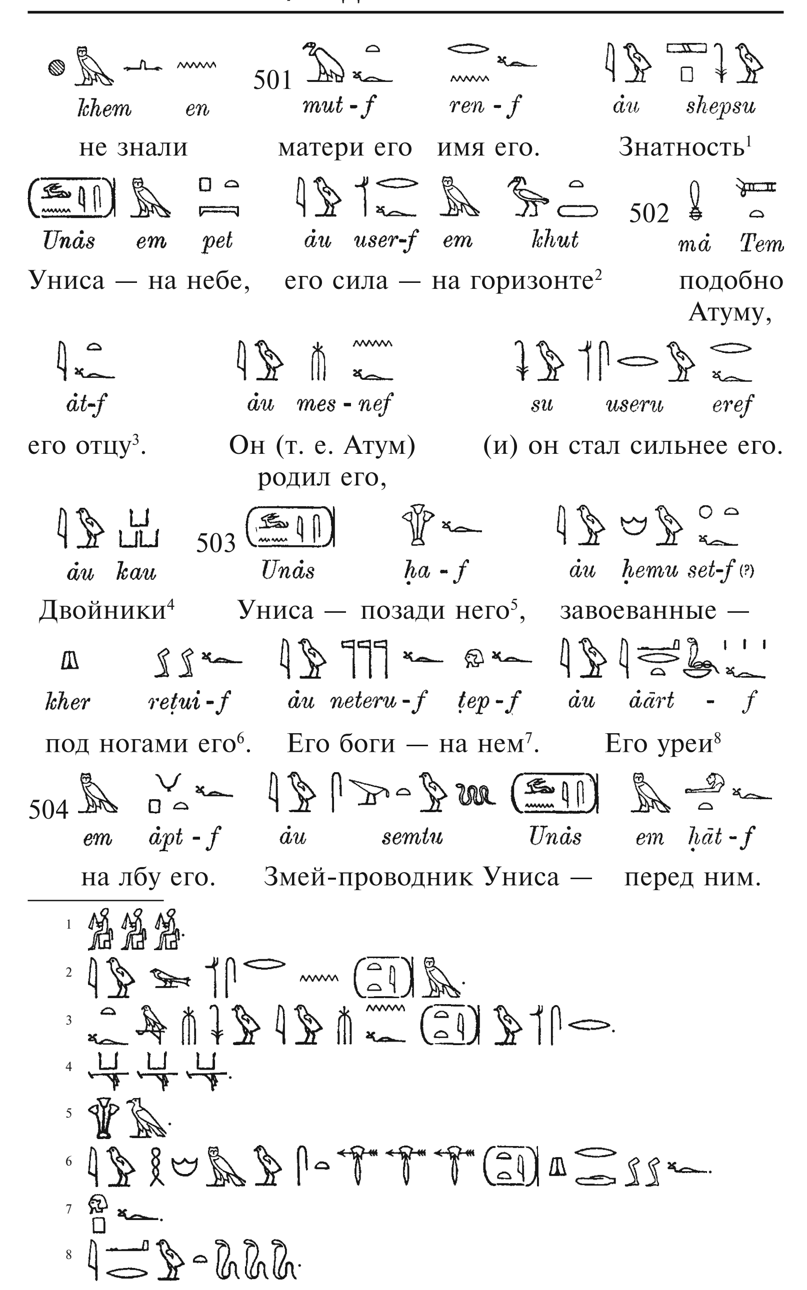
подобно богу, (который) живет отцами своими[6] (и) питается

500 *em mut - f Unàs pà neb sabut*

матерями своими. Унис (этот) — владыка мудрости[7],

---

1 Приведенный здесь текст написан на стенах внутренних помещений пирамиды Униса (*Maspero*. Recueil. T. IV. P. 59), альтернативные варианты написания взяты из текста, вырезанного в пирамиде Тети (*Recueil*. T. V. P. 48, 1.319).

khem en 501 *mut-f ren-f àu shepsu*

не знали матери его имя его. Знатность[1]

Unȧs em pet àu user-f em khut 502 *mȧ Tem*

Униса — на небе, его сила — на горизонте[2] подобно Атуму,

ȧt-f àu mes-nef su useru eref

его отцу[3]. Он (т. е. Атум) родил его, (и) он стал сильнее его.

àu kau 503 *Unȧs ḥa-f àu ḥemu set-f* (?)

Двойники[4] Униса — позади него[5], завоеванные —

kher reṭui-f àu neteru-f ṭep-f àu āārt-f

под ногами его[6]. Его боги — на нем[7]. Его уреи[8]

504 *em àpt-f àu semtu Unȧs em ḥāt-f*

на лбу его. Змей-проводник Униса — перед ним.

petret ba khut ent bes 505 *àu useru Unàs*

Видит душа (его)[1] дух огня. Силы Униса

ḥer meket-f Unàs pà ka pet en heṭ

защищают его. Унис этот — бык неба, который пронзает

em àb-f ānkh em kheper 506 *en neter*

своей волей, живущей[2] тем, что появляется от бога

neb ām em semu-sen iu meḥ

каждого, и съедающий[3] их пищу, который (чтобы) приходит, наполнить[4]

khat-sen em ḥekau em She en Sàsà

их животы словами силы[5] из Озера пламени.

Unàs pà 507 *āper-ā er àāb khu-f*

Унис этот[6] снабжен силой против[7] его духов.

1

2

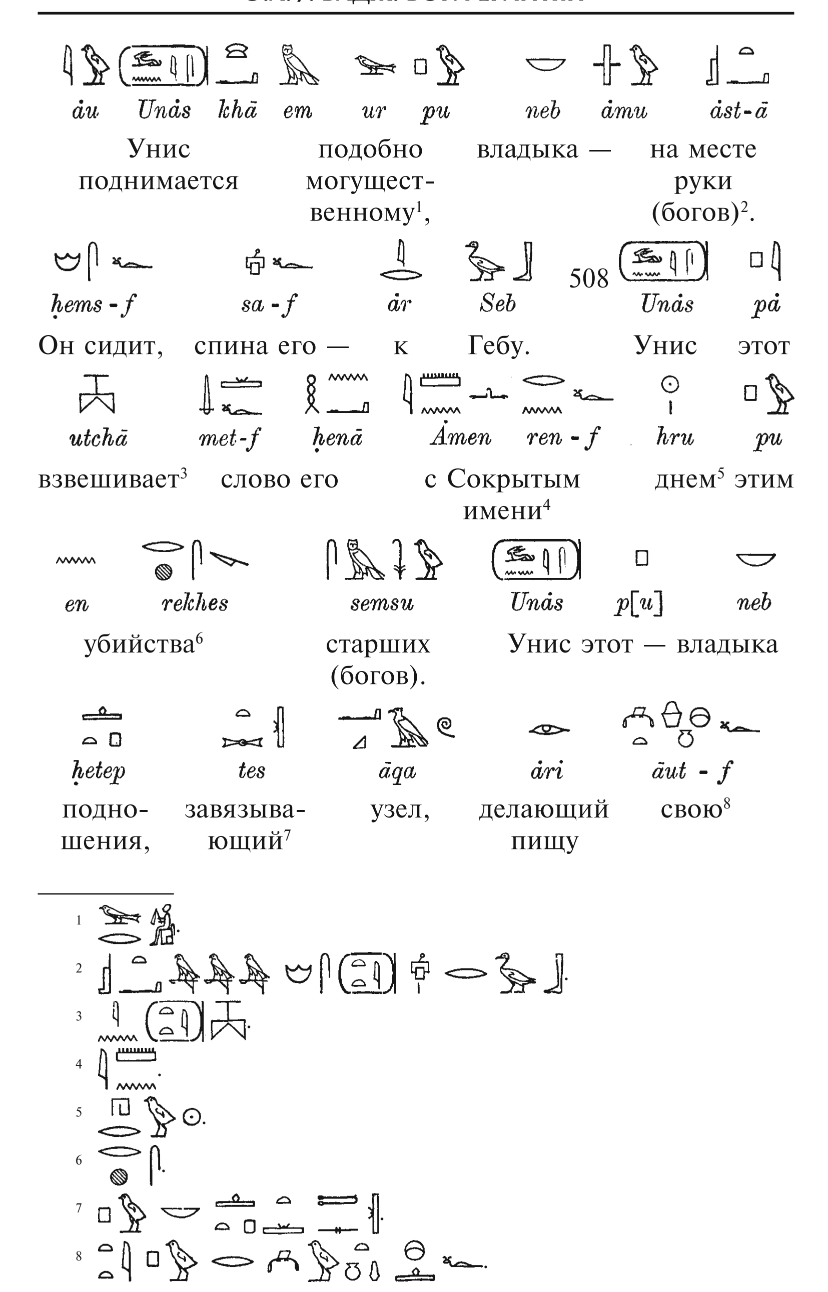
3

4

5

6

7

àu Unàs khā em ur pu neb àmu àst-ā

Унис поднимается подобно могущественному[1], владыка — на месте руки (богов)[2].

ḥems-f sa-f àr Seb 508 *Unàs pà*

Он сидит, спина его — к Гебу. Унис этот

utchā met-f ḥenā Àmen ren-f hru pu

взвешивает[3] слово его с Сокрытым имени[4] днем[5] этим

en rekhes semsu Unàs p[u] neb

убийства[6] старших (богов). Унис этот — владыка

ḥetep tes āqa àri āut-f

подношения, завязывающий[7] узел, делающий пищу свою[8]

tchesef	509 *Unȧs*	*pȧ*	*ām*	*remth*	*ānkh*
сам.	Унис	этот[1]	ест	людей[2]	(и) живет

em	*neteru*	*neb*	*ȧnnu*	*khạ̄*	*ȧpt*
Богами,		владыка	подношений[3],	(который) изучает	списки подношений.

ȧn	*ȧkhem*	*ȧpt*	*Ȧm-keḥuu*	*sepeḥ - sen*
Вот тот, кто[4] заставляет лбы наклоняться,			Им-кеху[5]	ловит их

en	*Unȧs*	510 *ȧn*	*Tcheser-ṭep-f*	*saa-nef-sen*
для Униса.		Вот Джесер-теп-эф[6]		узнал их[7]

khesef - nef sen	*ȧn Ḥer - thertu*	*qas - nef sen*
(и) привел он их (к нему).	Вот Хер-черту[8]	связал их.

1 .

2 .

3 .

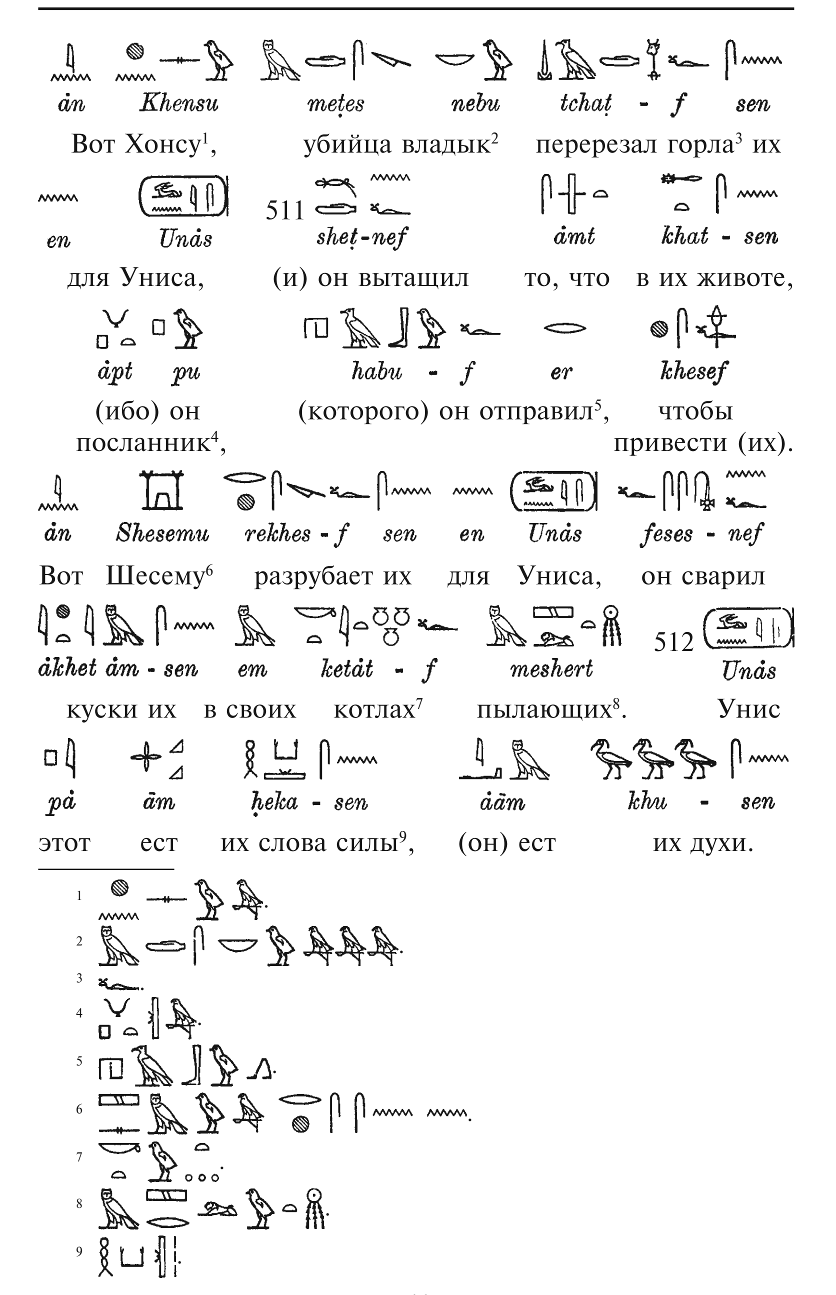
4 .

5 .

6 .

7 .

8 .

ȧn Khensu metes nebu tchaṭ - f sen

Вот Хонсу[1], убийца владык[2] перерезал горла[3] их

en Unȧs 511 *sheṭ-nef ȧmt khat - sen*

для Униса, (и) он вытащил то, что в их животе,

ȧpt pu habu - f er khesef

(ибо) он посланник[4], (которого) он отправил[5], чтобы привести (их).

ȧn Shesemu rekhes - f sen en Unȧs feses - nef

Вот Шесему[6] разрубает их для Униса, он сварил

ȧkhet ȧm - sen em ketȧt - f meshert 512 *Unȧs*

куски их в своих котлах[7] пылающих[8]. Унис

pȧ ām ḥeka - sen ȧām khu - sen

этот ест их слова силы[9], (он) ест их духи.

àu uru - sen en àshet-f ṭuat àu ḥer-àbu - sen

Их великие для его пищи утром[1], их средние

en meshert - f àu shereru - sen en àsht-f

для его пищи на закате[2], их малые[3] для его пищи[4]

513 *àu àa - sen àatu - sen*

ночью, их старшие (мужчины)[5], их старшие (женщины[6])

en kapt - f àn āāa em pet

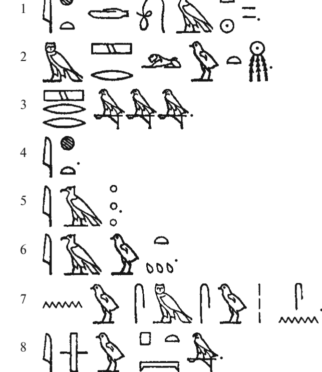
для печи его. Вот великий на небе

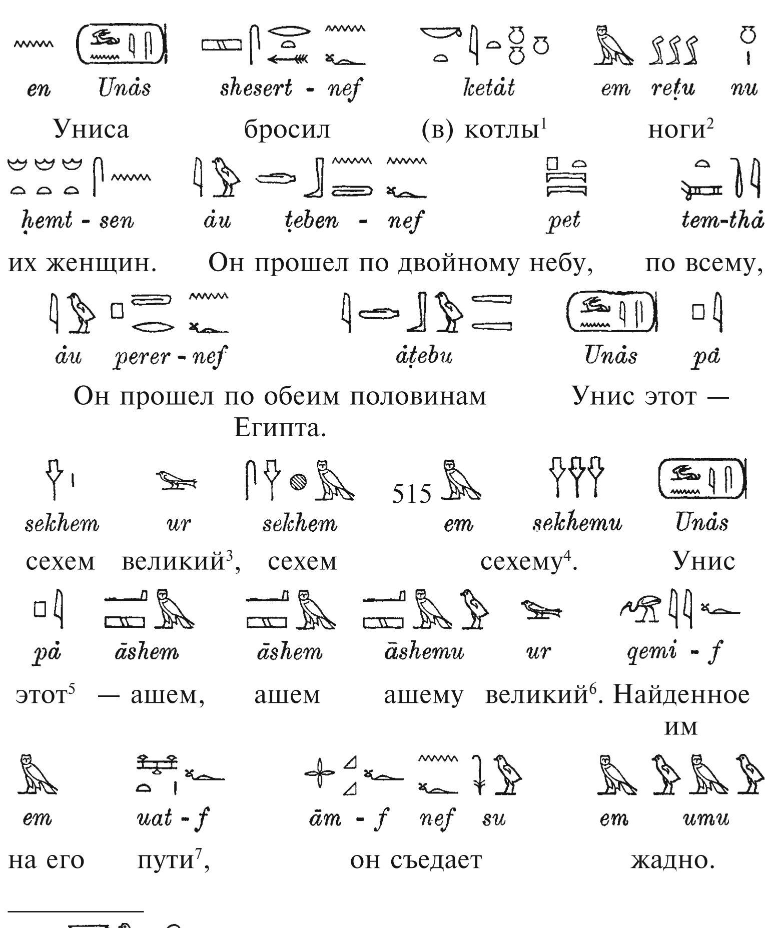
uṭu-nef setchet er uḥatu khert-sen

зажег огонь под котлами

em khepeshu nu semsu - sen àu Perer 514 *àmu - pet*

бедрами старейших их[7]. Перер-иму-пет[8]

en Unȧs shesert - nef ketȧt em reṭu nu

Униса бросил (в) котлы[1] ноги[2]

ḥemt - sen ȧu ṭeben - nef pet tem-thȧ

их женщин. Он прошел по двойному небу, по всему,

ȧu perer - nef ȧṭebu Unȧs pȧ

Он прошел по обеим половинам Египта. Унис этот —

sekhem ur sekhem 515 *em sekhemu Unȧs*

сехем великий[3], сехем сехему[4]. Унис

pȧ āshem āshem āshemu ur qemi - f

этот[5] — ашем, ашем ашему великий[6]. Найденное им

em uat - f ām - f nef su em umu

на его пути[7], он съедает жадно.

1

2

3

4

5

6

7

àu meket Unàs em ḥāt
516 sāḥu nebu
Защита Униса — перед саху[1] всеми
àmu khut Unàs pà semes er semsu
на горизонте. Унис этот[2] — старший из старших[3].
àu perer-nef khau àu uten-nef shāut
Он обходил[4] тысячи, он делал подношения сотням.
àu erṭā-nef ā em sekhem ur àn
Была дана ему рука в качестве сехема великого[5], вот
Saḥu
517 àr neteru àu nem en Unàs khātu
Орион с богами[6]. Повторил Унис (свой) восход[7]

1

2

3

4

5

6

7

(sic)

em *pet* . . . . *seben* *em* *neb* *khut*

на небе. Он корона[1] Себен[2] в качестве владыки горизонта[3].

àu *ḥeseb - nef* *ṭesu* *beqesu* *àu* *thet - nef*

Он посчитал связки (и) печени. Он завладел[4]

ḥātu *neteru* 518 *àu* *ām - nef* *ṭeshert*

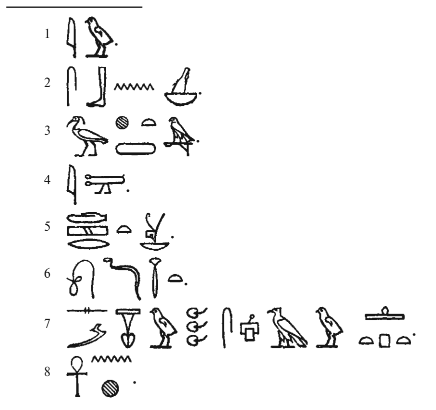
сердцами богов. Он съел Красную корону[5],

àu *ām - nef* *uatchetu* *usheb* *Unàs* *em*

он съел Белую корону[6]. Кормится Унис

smau *saau* *ḥetep-f* *em* *ānkh* *em* *ḥātu*

кишками[7] жирными, его подношение — в жизни[8] в (их) сердцах (и)

519 ḥekau - sen åsth-f åu Unås nesb - f sebeshu
словах силы[1]. Вот Унис ест[2] то, что изгнано
åmu ṭeshert åf uakhḥa - f åu ḥeka - sen
(из) Красной короны, он процветает, их слова силы
em khat-f 520 ån ḥem em sāḥu Unås
в его животе, не возвращен саху Униса[3]
mā-f åu ām - neȷ såa en neter neb
для него. Он съел ум[4] каждого бога,
āḥāu på neḥeḥ tcher-f 521 på tchetta
(его) время жизни[5] — вечность, его существование — бесконечность
em sāḥ - f pen en merer - f år - f
в его сахе[6], то, что ему нравится, он делает,

1

2

3

4

5

6

mestchetch-f *ȧn* *ȧr-nef* *ȧm* *tcher* *khut*

(то, что) ему не нравится, он не делает в пределах[1] горизонта

tchetta er *neheḥ* *sek* *ba - sen* 522 *ȧmt* *Unȧs*

вечно и бесконечно. Вот их душа в Унисе[2]

khu - sen *kher* *Unȧs* *em* *ḥa* *khet - f*

духи их с Унисом, более обильна пища его,

er *neteru* *qerert* *en* *Unȧs* 523 *em*

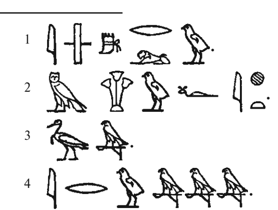
чем (еда) богов. Пламя Униса в

qesu - sen *sek* *ba-sen* *kher* *Unȧs* *khaibiṭu-sen*

их костях, вот их душа[3] Унисом, их тени

mā *ȧru - sen* 524 *ȧu* *Unȧs* *em* *enen* *khā* *khā*

с их формами[4]. Унис с этими, поднимающийся поднимающийся

Глава 2
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ И БОГАХ

Судя по текстам в пирамидах Униса и Тети, а также их ближайших преемников, в религиозной литературе египтян сочетается множество верований, относящихся ко всем периодам египетской истории и иллюстрирующих представления, которые были характерны для жителей долины Нила на разных стадиях развития цивилизации. Все их взгляды на то, что представляют собой различные части их материального, внутреннего и духовного миров, не могли появиться одновременно. Однако крайне сложно сказать, какие из них возникли раньше других.

Нам не следует пытаться восстанавливать эволюцию представлений египтян об атрибутах и функциях богов, так как по

1

2

3

4

5

крайней мере в древнейшие времена жители долины Нила считали их подобными себе. Веря в то, что каждый человек обладает двойником, тенью, душой, духом, сердцем (то есть средоточиями психической жизни), именем, силой и духовным телом, они уподобляли себя богам. Ни двойник, ни тень, ни сердце, по крайней мере людские, не могут существовать без тела. Следовательно, боги также должны обладать ими, а значит, они могли есть, пить, любить, ненавидеть, сражаться и воевать друг с другом, стареть, умирать и исчезать.

В источниках, относящихся к довольно ранним периодам египетской истории, содержатся свидетельства того, что египтянам с древнейших времен были знакомы довольно развитые религиозные концепции, в том числе монотеистические. Однако им так и не удалось отказаться от примитивных представлений о божествах, сформулированных их предками задолго до начала династической эпохи. Конечно, даже несмотря на то, что в написанных для образованных представителей высших слоев населения Египта религиозных текстах содержится та же смесь представлений, относящихся ко всем эпохам, что и в предназначенных для более бедных жителей страны, невозможно представить себе, будто они придерживались этих верований.

В результате изучения текста всех версий Книги мертвых было доказано, что как богатые, так и бедные, как образованные, так и неграмотные желали получать после смерти подношения в одних и тех же часовнях, в которых в результате накопилось огромное количество материальных ценностей. В источниках, написанных в эпоху Древнего царства, умерший назван богом (Богом) и сыном бога (Бога). Древнейшее божество — Хор — отдает ему свое око. Сам покойный при этом сидит на троне рядом с Богом. В этих же текстах говорится о том, что он ест принадлежащие богам фиги, пьет их вино и пиво, которое никогда не заканчивается. В отличие от богов Шу и Тефнут он не страдает от жажды. Трон Бога сделан из железа, его ножки заканчиваются бычьими копытами, а его боковины украшены изображениями львиных морд[1].

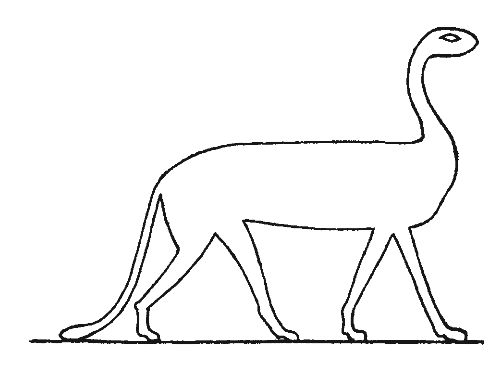
[1] Отрывки из Текстов пирамид собраны в моей работе Papyrus Ani. London, 1894. P. LXXI и далее.

Великий бог Хор наделяет умершего собственным двойником (ка). При этом на небесах обитают враги, способные навредить покойному.

Хотя умерший считается бессмертным, «все боги дают ему от своей пищи, чтобы он не умер». Он сидит рядом с озером, расположенным в Поле покоя, в обществе богов, одетый в белое одеяние и белые сандалии. Они делятся с ним древесиной (или деревом) жизни, благодаря которой живут, чтобы он также мог жить. Несмотря на то что умерший назван сыном Бога, он также считается отпрыском Сотис и братом Луны. Его супругой становится богиня Исида. Он сын Бога, но при этом в тексте сказано, что его плоть и кости были собраны, физическое тело восстановлено, члены выполняют все необходимые функции. Если учесть, что умерший ведет тот же образ жизни, что и боги, то можно сделать следующий вывод: их тела устроены так же, как и его.

Можно привести множество других примеров смешения взглядов, которое привело к тому, что умерший в древнеегипетских текстах описывается, с одной стороны, как духовное, а с другой — как материальное существо. На этом основании мы можем прийти к выводу о том, что представления египтян о существовании после смерти, загробном мире, Боге и богах являются дикими, примитивными и нелогичными. Однако, изучая древнеегипетские религиозные тексты, необходимо помнить: врожденный консерватизм египтян никогда не позволял им отказываться от идей, так или иначе отразившихся в письменных источниках.

Обитатели долины Нила считали письменное слово священным, а значит, его, по их мнению, нужно было копировать и тщательно хранить, ничего по возможности не пропуская и не добавляя, даже если в тот или иной постулат давно уже перестали верить. Таким образом полностью забытые египтянами религиозные представления и идеи хранили и передавали из поколения в поколение служившие при храмах писцы. Наша работа значительно упростилась бы, если бы они не добавляли в древние сборники новые тексты. Результатом многочисленных попыток жрецов и писцов каким-то образом привести их в соответствие стало сме-

Змееголовый леопард седжа

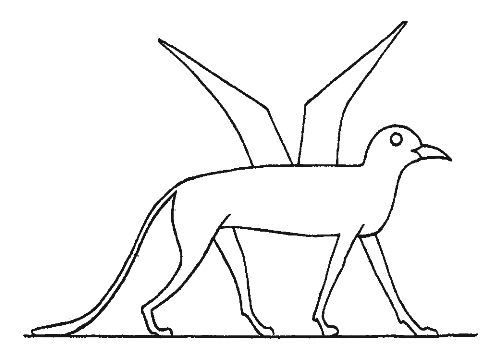
шение религиозных взглядов, с которым нам приходится сталкиваться в настоящее время.

Прежде чем перейти к объяснению значения древнеегипетского слова, обозначавшего понятие «бог» («Бог») — нечер, — необходимо упомянуть существ, обладавших зооантропоморфным, или составным (из фрагментов тел различных животных), обликом. К их числу относится зверь с туловищем леопарда и змеиными шеей и головой. Он назывался седжа[1] . Другое такое существо — сефер — обладало телом льва, из которого вырастала пара крыльев, и орлиной головой[2]. Египтяне также верили в существование животного, передняя часть туловища которого была львиной, задняя — лошадиной, а голову он унаследовал от сокола. Его длинный хвост на конце превращается в метелку, похожую на цветок лотоса. Называли это существо саг . Оно изображалось с ожерельем на шее, а его туловище с восемью сосками покрыто горизонтальными и вертикальными полосами[3].

К числу зооантропоморфных существ относятся крылатый леопард с человеческой головой[4] и человекоголовый лев, или сфинкс. Изображение леопарда с высовывающейся из его спины крылатой человеческой головой[5] похоже на один из

---

[1] См.: *Champollion*. Monuments. T. IV. Paris, 1845. Pl. 382.
[2] Ibid. См. также: *Newberry*. Beni-Hassan. II. Pl. IV.
[3] См.: *Rosellini*. Monumenti Civili. Pl. XXIII. № 4.
[4] Ibid. Pl. XXIII. № 6.
[5] См.: *Lepsius*. Denkmäler, iii. Pl. 131.

Сефер — лев с головой орла

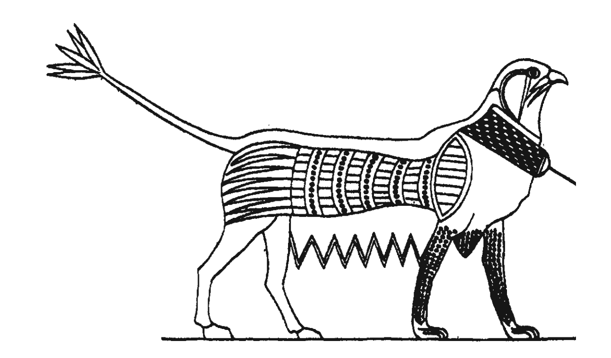
современных вариантов изображения ангелов. Мы не знаем, как назывался этот удивительный зверь. Ничего не известно даже о том, почему он изображался с крылатой человеческой головой в спине.

Рассказывая о составных существах, нельзя не упомянуть «Пожирательницу Аменти» («Пожирательницу мертвых») по имени Аммит. Ее передняя часть была крокодильей, а задняя принадлежала гиппопотаму. Между ними располагалось тело льва.

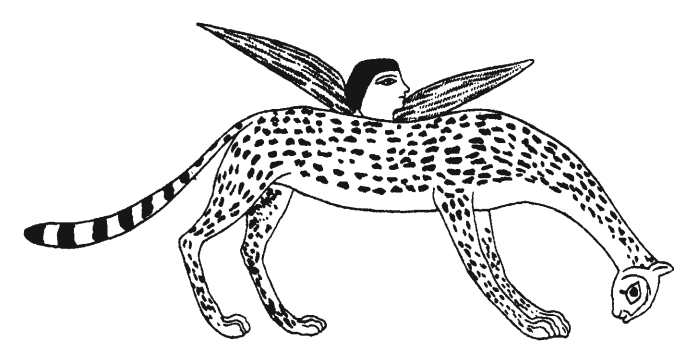
Гробницы в Бени-Хассане, на стенах которых изображены седжа, сефер и саг, относятся к эпохе XII династии, примерно к 2500 г. до н. э. У нас нет оснований сомневаться в том, что представления о данных животных могли сформироваться раньше этого времени.

Вместе с ними изображено существо ша с вытянутыми квадратными ушами и длинным хвостом, похожим на стрелу. В целом оно очень похоже на зверя, олицетворявшего Сета.

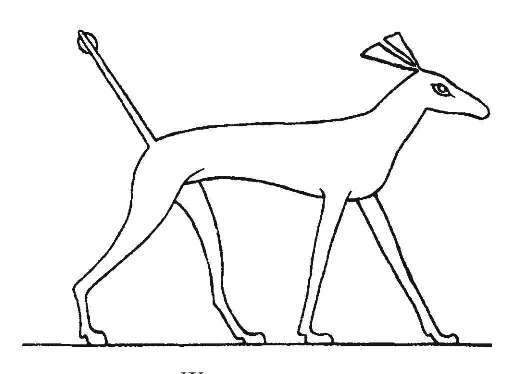
Существует два объяснения появления в древнеегипетской мифологии этих составных существ. Они могли стать результатом работы воображения египтян, веривших в существование четвероногих существ, в которых соединились сила одного животного и мудрость или хитрость другого. К примеру, в седжа слились сила леопарда и ум змеи. То же можно

Мифическое существо саг

Мифический леопард

Животное ша

сказать про безымянного леопарда с крылатой человеческой головой. Второй причиной появления таких зверей могло стать то, что древние люди почти ничего не знали об окружающем их мире. Человеческая голова животного олицетворяла человеческий ум, крылья символизировали стремительный полет птиц, а тело леопарда — силу и гибкость. Создавать подобных мифических существ воображению, возможно, помогали легенды и рассказы о чудовищах, появившиеся в додинастический период, которые продолжали рассказывать в некоторых областях Египта и в династическую эпоху. В частности, как говорилось выше, гигантские змеи, о которых говорится в египетской мифологии, возникли благодаря тому, что в первобытную эпоху в стране действительно жили огромные рептилии. Нет никаких сомнений в том, что Апоп был изначально всего лишь большим змеем, жившим в одном из холмов, расположенных на западном берегу Нила.

С другой стороны, возможно, египтяне действительно верили в существование составных животных и не думали о том, что змеиная или соколиная голова не могут быть прикреплены к телу льва, а человеческая, к тому же снабженная крыльями, вырастать из туловища леопарда. Им нередко приходилось наблюдать за животными, с которыми они ежедневно сталкивались. Изображая различных представителей фауны, жители долины Нила точнейшим образом передать их силуэт и особенности. Однако египтяне не могли точно изобразить никогда не виденных ими зверей, знакомых им только по свидетельствам путешественников.

Во все времена люди были склонны верить в существование составных животных и чудовищ, и древнейшие и наиболее образованные народы — египтяне и вавилоняне — не были исключением из этого правила. Судя по древнейшим вавилонским цилиндрическим печатям, представители этого народа верили в существование сказочных и мифических животных, а относящиеся к более позднему времени пограничные камни (или межевые знаки) являются еще одним свидетельством того, что вавилоняне считали составных животных защитниками границ царств и владений, которые они защищали от нападений врага. Крылатые человекоголовые быки, стоявшие у ворот ассирийских дворцов и в их коридорах, «за-

щищали следы создавших их царей». У нас почти нет сомнений в том, что подобных существ ассирийцы «подсмотрели» у своих родичей — вавилонян. Вероятно, именно у ассирийцев Иезекииль позаимствовал идеи, получившие последующее развитие в первой главе его книги, где говорится о животных с четырьмя лицами и четырьмя крыльями.

Позднее даже античные авторы не видели ничего предосудительного в описании несуществующих животных. Помимо этого, они заявляли, будто подобные существа обладают способностями, противоречащими здравому смыслу и природе. Так, Гораполлон (I.10) совершенно серьезно пишет о том, что скарабеи являются единородными, так как они не были зачаты женщиной и появляются на свет самостоятельно: *μονογενές μὲν ὅτι αὐτογενές έστι τὸ ζῶον ὑπὸ θηλείας μὴ κυοφορούμενον*. В той или иной форме эти слова повторяют Элиан (De. Nat. Animal., IV. 49), Аристотель (Hist. An., IV. 7), Порфирий (De Abstinentia, IV. 9), Плиний (Nat. Hist., XI. 20 и далее) и др. Плиний, Диодор, Страбон и прочие античные авторы оставили нам длинные описания находящегося на плато Гиза изображения льва с головой человека, то есть сфинкса, причем все они, очевидно, основаны на вере в реальность подобного существа.

Второе объяснение, согласно которому составные животные являются всего лишь плодом воображения народов, ничего не знавших о происходящих в природе процессах (или представлявших их себе неправильно), неудовлетворительно. Зооантропоморфные животные благодаря своим способностям и свойствам являются промежуточным звеном между животным и человеком, а поэтому появляются в легендах каждого первобытного народа на определенной стадии его.

Подумав какое-то время, мы можем прийти к выводу о том, что большинство древнеегипетских богов возникло именно на этом этапе жизни общества, ведь совсем немногие из них имели полностью антропоморфный облик. Египтяне с удивительным упорством оставались верными зооантропоморфной иконографии. Даже в те времена, когда жители долины Нила уже не верили в существование подобных божеств, они продолжали создавать их статуи и изображать их на стенах храмов. Как это ни странно, но они не обращали ни малей-

шего внимания на пренебрежение, с которым иностранцы относились к их консерватизму.

Выше уже говорилось о том, что египтяне называли Бога, богов, а также всевозможных духов и существ, обладающих в том или ином объеме сверхъестественными силами, словом «нечер» . Иероглиф, использовавшийся в этом слове в качестве как детерминатива, так и идеограммы, выглядит следующим образом: . Следовательно, слово «бог» выписывалось так: или , а слово «боги» — , , или . Иногда слово множественного числа выписывалось полностью, например . Слово «богиня» в древнеегипетском языке читалось примерно как «нечерет» — , или . Иногда к этому слову добавлялся детерминатив с изображением женщины , а порой — змеи, например . Во множественном числе оно выглядело как «нечерит» — .

Далее следует поговорить о том, изображением какого предмета является знак и как можно перевести само слово «нечер». В одной из своих работ, опубликованной в издании Бунсена Egypt's Place (I, № 556, 557, 623), покойный доктор Бирч утверждал, что не что иное, как изображение топора. В 1872 г. в ходе составления списка иероглифических знаков доктор Бругш включил этот знак в категорию «колющие предметы, оружие». Таким образом, становится понятно, что два ведущих специалиста в области египтологии считали знак режущим инструментом или оружием, точнее, головкой топора, вставленной в длинное деревянное древко или привязанной к нему. Судя по цветному изображению этого знака, головка топора была привязана к рукояти кожаным ремнем. Древнейшие головки топоров изготовлялись из камня, кремня или кремнистого известняка, а позднее из металла. Когда медь, бронза и железо заменили камень и кремень, способ прикрепления головки к древку также изменился.

Недавно появилось предположение, согласно которому знак 𓊹 напоминает «сверток желтой ткани, нижняя часть которой связана или зашнурована, а верхняя расправлена, вероятно для разматывания. Вполне возможно, что данный предмет является фетишем — костью, аккуратно обмотанной тканью, а также чем-то еще»[1]. Однако необходимо отметить, что в нашем распоряжении нет сведений, при помощи которых можно было бы подтвердить эту точку зрения. Чем бы ни был, по мнению сторонников данной гипотезы, прототип знака 𓊹 — свертком ткани или фетишем, — единственным более или менее рациональным объяснением появления этого символа является предположение докторов Бирча и Бругша. По мнению автора данной работы, предмет, обозначавшийся знаком 𓊹, является не чем иным, как топором.

Мистер Легге привел несколько примеров[2] использования топора в качестве эмблемы божества на мегалитических сооружениях в Бретани и на стенах пещер в Марне, в Скандинавии и Америке, в которых в эпоху первобытности погребали умерших. Более того, он обратил внимание на агатовый цилиндр, опубликованный покойным Адрианом де Лонгерье. На нем изображен жрец в халдейском одеянии, совершающий жертвоприношение топору, стоящему на алтаре. Мистер Легге отметил, что «топор, изображенный на этих памятниках, использовался не в бытовых, а в религиозных или магических целях». Об этом, по мнению исследователя, свидетельствует «факт частых находок подвесок с его изображением, сделанных из золота, свинца и даже янтаря. При этом на них, как правило, видна обмотка, характерная для древнейших кремневых орудий и являющаяся подтверждением того, что символическое значение он приобрел в неолитический, а возможно, и в палеолитический период».

Исследователь, несомненно, прав, полагая, что использование каменного топора предшествовало применению кремневых наконечников стрел и ножей. В подтверждение этого

[1] *Griffiths.* Hieroglyphs. P. 46.
[2] Proc. Soc. Bibl. Arch., 1899. P. 310.

предположения можно привести множество фактов. Палка с прикрепленным к одному из ее концов камнем превращалась в превосходную дубину, которая, вероятно, была древнейшим оружием, известным жившим в додинастическую эпоху египтянам. Затем жители долины Нила поняли, что это оружие может стать более эффективным, если сделать камень плоским, стесав одну из его сторон, чтобы образовался режущий край. У древнейших головок топоров режущие края располагались с обеих сторон. Ее середина при помощи кожаного шнура привязывалась к одному концу палки. В результате получался двойной топор. Примеры подобных орудий изображены на предмете из зеленого сланца, хранящемся в Британском музее[1] (№ 20790, 20792). Правда, головки тех топоров, очевидно, были вставлены в расщепленное на конце древко. Позднее появились топоры с одним режущим краем. При этом их обухам придавалась определенная форма, благодаря которой их можно было привязать к древку при помощи кожаного ремня.

Каменный топор, как бы его ни использовали — в качестве оружия или оружия труда, — стал для первобытных людей олицетворением физической силы, а затем — божества и власти. При помощи топоров первобытные египтяне рубили деревья и убивали животных. Иными словами, это оружие было более могущественным, чем духи, жившие в деревьях и зверях. В результате уже в глубокой древности египтяне стали поклоняться ему. Помимо этого, топоры использовались во время обрядов жертвоприношения, в которых, очевидно, имели большое значение. Таким образом, они вполне могли сами стать символами таких ритуалов.

Судя по форме топора, ставшего прототипом иероглифа 𓊹, когда египтяне начали применять в письме этот знак в качестве символа божества, головка данного оружия уже изготавливалась из железа. Благодаря смене материала топор стал гораздо более эффективным оружием, чем прежде.

Таким образом, принимая на веру тот факт, что иероглиф 𓊹 является изображением топора, мы можем утверждать, что

[1] См. мою книгу History of Egypt. Vol. II. P. 10, в которой приведены его изображение и описание.

для египтян, живших в додинастический период, он стал символом силы и божественного задолго до того, как они научились писать. Однако нам неизвестно, как они называли этот знак или само орудие до появления письменности. В династическую эпоху, как мы уже видели, они использовали для его наименования слово «нечер». Правда, пытаясь определить значение этого термина, мы вынуждены столкнуться с определенными трудностями. При этом крайне важно сделать некоторые предположения о том, каким оно могло быть, потому что в его основе лежит представление египтян о божественном.

Многие египтологи стремились найти ответ на этот вопрос, но им так и не удалось прийти к единому мнению о значении данного слова. Месье Пьере в 1879 г. предположил, что его можно перевести как «обновление, так как в мифологии божество обеспечивает себе вечную молодость, вечно обновляя себя путем перерождения»[1]. В том же году во время одной из своих лекций Ренуф сказал, что «может с полной уверенностью утверждать: в данном случае мы определенно способны установить изначальное значение слова» «нутар» (нечер). По его мнению, «ни одно из сделанных ранее объяснений нельзя назвать удовлетворительным». При этом он заявил, будто его теория «будет принята большинством ученых», так как «она является результатом тщательного изучения опубликованных текстов, в которых упоминается это слово»[2].

Со словом «нутар» (нечер) тесно связан другой термин — «нутра» (нетра). По мнению Ренуфа, значения обоих этих слов отразились в коптском **ⲛⲟⲙⲧⲉ**, или **ⲛⲟⲙⲧϯ**, которое, судя по фрагментам текстов, процитированных Татхемом в его «Лексиконе» (с. 310), является аналогом греческих ἰσχὺς, παράκλησις и παρακαλεῖν. Очевидно, изначально слово **ⲛⲟⲙⲧϯ** переводилось как «сильный». Предположив, что «нечер» обладает сходным значением, Ренуф самоуверенно заявил, будто это слово значит «могущественный», «могущество», «сильный», и может быть также переведено как «сила»,

[1] *Pierret.* Essai sur la Mythologie Égyptienne. Paris, 1879. P. 8.
[2] Religion of Ancient Egypt. P. 93.

так как «то же значение имеет еврейское слово «Эль». Следует отметить, что истинное значение термина «Эль», являющегося наименованием бога евреев, до сих пор остается неизвестным. Очевидно, само это слово представляет собой не что иное, как имя одного из семитских божеств.

Тексты, приведенные в качестве доказательств того, что слово «нечер» обозначало «сильный», «сила», «власть» и т. д., можно, как отметил месье Масперо[1], трактовать по-разному. Месье Масперо сделал вполне оправданную попытку перевести слова «нечер» (мужской род) и «нечерет» (женский род) как «сильный» и «сильная», утверждая, что, «судя по таким выражениям, как «город нечерти» и «рука нечери»... можно ли с полной уверенностью утверждать, что эти словосочетания передают изначальный смысл слова «нечер»? Когда мы говорим слова: «божественная музыка», «божественное стихотворение», «божественный вкус персика», «божественная красота женщины», это прилагательное представляет собой не что иное, как гиперболу. Однако было бы ошибкой считать, будто их изначальное значение «изысканный» появилось только потому, что человек, произнесший перечисленные выше фразы, мог с тем же успехом сказать «изысканная музыка», «изысканное стихотворение», «изысканный вкус персика», «изысканная красота женщины».

«В египетском языке сложилась аналогичная ситуация: «город нечерти» — это «священный город», а «рука нечери» — это «священная рука». Слово «нечери» здесь употребляется в качестве метафоры, так же как и прилагательное «божественный» — в русском языке. При этом у нас нет никаких оснований утверждать, будто изначально слово «нечери» имело значение «сильный», так же как мы не полагаем, что понятие «божественный» первоначально имело значение «изысканный». Даже если слово «нечери» можно перевести как «сильный», это его значение является производным, а не изначальным»[2].

Точка зрения, высказанная покойным доктором Бругшем в одной из его работ, сильно отличается от приведенной выше.

---

[1] Études de Mythologie et d'Archéologie Égyptiennes. T. II. P. 215.
[2] *Maspero*. Op. cit. P. 215.

Он считал, что изначально это слово обозначало «деятельную силу, периодически создававшую различные предметы, дававшую им новую жизнь и возрождавшую свежесть их молодости»[1]. Первая часть процитированной выше работы появилась в 1885 г., но и через шесть лет доктор Бругш придерживался тех же взглядов.

Но, судя по книге Religion und Mythologie («Религия и мифология»), впоследствии он отказался от этой точки зрения. В этой работе он предположил, что изначально слово «нечер» имело то же значение, что и греческое φύσις и латинское natura[2]. Вряд ли следует говорить об отсутствии веских оснований для подобного вывода. Непонятно, почему выдающийся египтолог попытался сравнить представления полуцивилизованного африканского народа о Боге и религиозные идеи, свойственные таким культурным этносам, как греки и римляне.

Процитировав точку зрения таких известных египтологов, как Э. де Руж, Леблан и Масперо, мы также не приблизимся к ответу на сложный вопрос об изначальном значении слова «нечер». Первый из них, комментируя в своей великолепной работе Chrestomathie Égyptienne («Египетская хрестоматия») фрагмент текста ,
который в его переводе выглядит как: «Бог становится богом, порождая самого себя», пишет: «Никто доподлинно не знает значения глагола «нутер», являющегося корнем слова «нутер» — бог. Вероятно, оно близко по смыслу словам «становиться», «обновляться», так как употребляется по отношению к воскресшей душе, обретающей бессмертие». Таким образом, один из величайших египтологов считает, что изначальный смысл слова «нечер» неизвестен, но при этом он предполагает, что значение данного термина похоже на предложенное Пьере.

Профессор Леблан делает шаг вперед по сравнению с Э. де Ружем. Он придерживается точки зрения, согласно которой мы не можем определить изначальное происхождение представлений о Боге, характерных для любого из известных нам народов. «Что мы увидим, приведя в качестве примера

---

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 93.
[2] Ibid.

индоевропейцев? Санскритское слово deva идентично с латинским deus и северным tivi, tivar. Так как эти слова в латинском и северных языках обозначают Бога, санскритский термин с самого начала должен был иметь такое же значение. Таким образом, арии, или индоевропейцы, очевидно, стали обозначать Бога этим словом еще тогда, когда жили все вместе на своей прародине. Дело в том, что, если бы у слова, которое они там использовали, было другое, более примитивное значение, должно было произойти чудо, чтобы все эти многочисленные народы после разделения придали одному и тому же слову одно и то же значение. Так как это крайне маловероятно, не может быть никаких сомнений в том, что данный термин использовался для обозначения Бога в древнейшем индоевропейском языке.

Можно пойти дальше и предположить, что это слово было образовано от других и, соответственно, произошло от термина, употреблявшегося в еще более древнем доисторическом языке. Вполне вероятно, что представление о Боге сформировалось на одном из древнейших этапов развития индоевропейского языка. Возможно, в будущем мы сумеем доказать эту гипотезу. Специалисты, занимающиеся языковедением, сумели частично реконструировать индоевропейский доисторический язык. Вероятно, с тем же успехом можно восстановить древнейшие общесемитский и общехамитский языки. На основе этих трех языков, наличие связи между которыми уже не просто предполагается, а постепенно становится доказанным фактом, со временем мы, возможно, сумеем восстановить еще более древний доисторический язык, который по аналогии может быть назван ноахитским. Добившись этого, мы, вполне вероятно, увидим, что в этом доисторическом языке также имеется слово, обозначающее Бога.

Однако также вполне возможно, что носители этого доисторического языка вообще не имели никаких представлений о Боге. Может получиться и так, что концепция Бога и само это слово появились в одном из еще более древних языков и их корни похоронены в столь глубоких его слоях, что определить этот момент невозможно. Между эпохой четвертичного периода, когда люди жили в пещерах, и периодом существования древних царств прошло так много времени, что крайне

сложно придерживаться мнения о том, будто представления о Боге были чужды ей и что впервые они появились в исторические времена. В любом случае мы не сможем доказать, где и когда они возникли впервые, что представляют собой сверхъестественные силы, ежедневно влияющие на явления природы и жизнь людей.

Египтяне являются первым в истории цивилизованным народом, в связи с чем изучение их верований крайне важно для истории религии, но даже в этом случае невозможно выявить происхождение их представлений о божестве. Боги, встречающиеся в древнейших египетских источниках, в основном являются покровителями сил природы, причем особое внимание жившие в тот период люди уделяли солнцу. Однако довольно рано (в период правления IV и V династий) в текстах появляются упоминания о великой силе, или великом Боге. Правда, в данном случае не очень понятно, к какому именно божеству они относятся — к богу солнца или покровителю какого-либо другого природного явления. Возможно, речь здесь идет об обобщенном и неопределенном представлении о некоей божественной силе, которое, возможно, было унаследовано египтянами от каких-то их предшественников. Вероятно, появление в египетских источниках упоминаний об именно этом великом Боге привело к возникновению неверных гипотез о том, что древнейшая египетская религия была монотеистической. Однако следует отметить, что в них он, во-первых, упоминается наряду с другими божествами, а во-вторых, назван лишь «великим Богом», без каких-либо уточнений. Бог, о котором больше ничего не сказано, является, если выражаться гегелевским языком, всего лишь абстрактным бытием, превращающимся при ближайшем рассмотрении в ничто»[1].

Необходимо было привести мнение профессора Леблана, так как он первый исследователь, высказавший мнение о древнейших представлениях о Боге и обративший внимание на то, что они очень похожи на распространенные у арийских народов. Правда, если бы в настоящее время он захотел переписать фрагмент своего труда, приведенный выше, ос-

[1] *Lieblein J.* Egyptian Religion. Leipzig, 1884.

новываясь на результатах новейших исследований, он, по нашему мнению, во многом изменил бы свои выводы. Здесь достаточно упомянуть лишь о том, что он считает, будто время происхождения представлений египтян о божестве выявить невозможно.

Последней точки зрения, которую необходимо привести в этой книге, придерживается месье Масперо. Он прямо утверждает, что если слово «нечер» действительно можно перевести как «сильный», то это значение не является изначальным. Этот термин, по его мнению, настолько древний, что выявить его изначальный смысл уже невозможно. Другими словами, он обозначает бога, но при этом не дает нам возможности узнать что-либо о его изначальном значении. Исследователь отмечает, что мы не должны приписывать египтянам современные религиозные или философские представления о божестве, ибо их бог рождается и умирает, подобно человеку; он смертен, несовершенен и материален, наделен страстями, благодетелями и пороками[1]. Это замечание, конечно, справедливо, если речь идет о некоторых периодах древнеегипетской истории. Однако необходимо отчетливо понимать, что наряду с этими представлениями, по крайней мере в среде образованных египтян, были распространены монотеистические идеи, похожие на те, которых придерживаются современные народы.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что некоторые ученые полагают: слово «нечер» можно перевести как «обновление», или «сила», или «сильный», или «становиться» (или использовать другие понятия, связанные с обновлением), а другие думают, будто его изначальный смысл неизвестен и определить его не представляется возможным. Но, несмотря на то что мы не можем выяснить, какое значение слово имело в додинастические времена, можно предположить, какой смысл ему придавали египтяне, жившие в династический период. В этом нам помогут несколько отрывков из гимнов и глав, содержащихся в различных версиях Книги мертвых. В тексте Пепи I (191) говорится: «Вот сын

[1] *Maspero*. La Mythologie Égyptienne (Études de Mythologie. T. II. P. 215).

твой Хор, которого ты породил. Он не поместил этого Пепи на голову умершему, но посадил его вместе с богами нечеру» . Слово «нечеру» в данном случае, судя по всему, является прилагательным. Таким образом, богам, о которых идет речь в тексте, приписывается некий эпитет — нечеру. Судя по тому, что «боги нечеру» противопоставляются «умершему», можно предположить: в отличие от него они «живые», то есть обладают жизнью.

В другом тексте, найденном в пирамиде того же царя (419), упоминается бык нечер , сокол, обладающий качествами нечера. В одной из надписей из пирамиды Униса (569) речь идет о бауи нечеруи — о двух душах, обладающих свойствами нечера. Все эти источники относятся к эпохе правления V и VI династий. Обратившись к текстам более позднего времени (XVIII—XIX династий), мы увидим, что в них слово «нечер» («нечери») используется следующим образом:

1. *ḥun netri aā ḥeḥ utet se-mes su tchesef*

Маль-чик нече-ри, вла-дыка веч-ности, порождающий и рождающий себя сам

2. *ṭā-ā tū em āb-ā āti bakai netri*

я отдан в своем сердце без притворства, о нечери

er neteru

более, чем боги.

3. *tcheṭ - tu re pen ḥer maḥu en netrāt*

Пусть будет произнесена эта глава над короной нечерит.

4.
neter - kuȧ

Я стал нечером.

5.
ȧu - ȧ khā - kuȧ em bȧk netri

Я поднялся в качестве сокола нечери.

6.
āb - kuȧ neter - kuȧ khu - kuȧ

Я стал чистым, я стал нечером, я стал духом (ху).

user - kuȧ ba - kuȧ

Я стал сильным, я стал душой (ба).

7.
unen-f neter mā neteru em Neter-khertet

Он является (или он должен быть) нечером вместе с богами в Нечер-херетете.

8.
ȧu - f netrȧ khat-f temtu

Он должен нечери тело свое все.

9.
netri u ba' - k em per Sebut

Они сделали нечером твою душу в доме Себут.

10.
netri - f ba - k mȧ neteru

Он делает нечером твою душу подобно богам.

11. *neter* *netri* *kheper tchesef* *paut*

Бог нечери, создавший сам себя, первопричина.

Проанализировав приведенные выше примеры, мы приходим к следующему выводу: хотя понятие «нечер» в некоторых из них вполне можно заменить словами «сила» и «сильный», такой перевод малоприменим в других случаях, например в цитате № 6, где мертвый, как и его дух и душа, приобретает качество нечера, становясь при этом сильным. Два этих слова имеют в данном случае разный смысл. В примере № 1 нечер упоминается в связи с вечным существованием, самопорождением и саморождением, а в цитате № 11 — с самосозданием и первопричиной. Следовательно, можно с почти полной уверенностью говорить о том, что понятие «нечер» тесно связано с самосущностью, способностью к вечному обновлению жизни и самопорождением. Другими словами, нечер — это, судя по всему, существо, способное создавать жизнь и поддерживать ее.

Объяснять смысл этого слова при помощи коптских аналогов бессмысленно, так как оно напрямую перешло в коптский язык, лишь слегка видоизменившись и превратившись в нути — ⲚⲞⲨϯ и нуте — ⲚⲞⲨⲦⲈ (последняя согласная, «р», выпала). При переводе Священных Писаний на язык египетских христиан для обозначения понятий «Бог» и «Господь» использовалось именно это слово. При этом до тех пор, пока не будут обнаружены тексты, относящиеся к более древней эпохе, чем имеющиеся в распоряжении исследователей, мы будем вынуждены считать, что слово «нечер» имеет значение, приведенное выше.

Египтяне начали поклоняться богам еще в додинастическую эпоху, продолжив их почитать в династический период, вплоть до IV—V вв. н. э. Можно с определенной степенью уверенности утверждать, что представления египтян о некоторых из них со временем не менялись. Однако их взгляды о других богах не были столь постоянны, как считают отдельные исследователи.

В древнейшие времена у каждого египетского поселения был свой бог-покровитель, разделявший все радости и горести с жившей там общиной. Во время войны ее члены несли символ или эмблему этого божества. Оно «присутствовало» на всех собраниях членов общины, во время которых обсуждались вопросы, связанные с благосостоянием его почитателей. Для него было возведено отдельное жилище, на содержание которого тратились средства из общественной казны. Когда общинники богатели, их божество также становилось более значимым и могущественным. Если же жители деревни беднели или терпели поражение на войне, его значение также уменьшалось. Враги могли даже захватить его эмблему «в плен» и сжечь ее или разбить, уничтожая таким образом жившего в ней духа.

Подобных древнейших богов было немало, так как многие крупные общины находились под покровительством нескольких божеств, каждое из которых обладало особыми атрибутами и функциями. Когда человек покидал одну деревню и селился в другой, он брал с собой своего бога (или богов), но при этом он должен был поклоняться и божеству — покровителю поселения, ставшего его новым домом, вносить средства на поддержание жилища этого божества и т. д. Число египетских богов начало уменьшаться, когда люди стали понимать, что некоторые из них могущественнее других. В результате египтяне перестали поклоняться божествам, не оправдавшим возложенные на них надежды, и сосредоточили свое внимание на тех из них, кто, по их мнению, способен был оказать наиболее действенную помощь. Со временем бог или богиня того или иного поселения становились известными, им начинали приписывать силу, превосходящую возможности покровителей соседних городов. Соответственно, рост числа почитателей этого божества сопровождался упадком культов соседних.

Первоначально в богов превращались благоприятно настроенные по отношению к человеку духи, и в процессе такой эволюции возникли великие египетские боги. В настоящее время нет смысла пытаться перечислить всех богов, которым египтяне поклонялись с древнейших времен и до конца существования их цивилизации. Мы не сможем этого сделать

до тех пор, пока не будут опубликованы все сохранившиеся тексты. При этом благодаря изучению известных нам древнейших египетских религиозных сочинений становится понятно, что многие боги, игравшие важную роль в политеистической системе, сложившейся в эпоху Древнего царства, потеряли свое значение задолго до периода Нового царства. Следовательно, мы вряд ли сможем собрать воедино имена всех божеств, которых почитали жители долины Нила, начиная с раннединастической эпохи и заканчивая римским периодом. Составление же списка всех богов, которым египтяне поклонялись в додинастическую эпоху, невозможно в принципе.

В результате археологических исследований, которые еще предполагается произвести в Египте, возможно, будут найдены тексты, из которых нам станет известно, каким богам жители долины Нила предпочитали поклоняться в раннединастический период и как могли произноситься их имена (у нас имеются все основания для того, чтобы полагать, что на протяжении большей части этого периода египтяне обладали письменностью). Если подобные источники когда-либо будут обнаружены, мы, вероятно, выясним, что в тот период египтяне поклонялись тем же богам, что и их предки, жившие в додинастическую эпоху, так же как божества, пользовавшиеся популярностью в эпохи Среднего и Нового царств, были теми же, которых египтяне почитали в период Древнего царства. В целом следует отметить, что на протяжении большей части династического периода жители долины Нила «обрели» не так много новых богов и стремились поклоняться тем же божествам, что и их предки.

Нам известно, что иногда они включали иноземных божеств в свой пантеон, однако в религиозных текстах говорится о том, что «иностранцы» никогда не узурпировали функции местных богов. По политическим и иным причинам они получали определенное признание в стране в целом, и жители городов, где были установлены их эмблемы и статуи, относились к ним с большой терпимостью, являющейся отличительной чертой многих восточных стран. Но как только эти причины переставали действовать, иноземных богов незаметно забывали. Это замечание не относится к богам, «переселив-

шимся» из одного египетского города или области в другой. Ведь нам известно, что египетские жрецы и жители какого-либо города были готовы принять почти любого бога — покровителя того или иного поселения или региона, если будет доказано, что он принадлежит к той же группе божеств, что и почитаемое ими.

К сожалению, в нашем распоряжении нет длинных связных религиозных текстов, относящихся к периоду правления первых четырех династий. Хотя у нас нет никаких сомнений в том, что они существовали в то время. Следовательно, мы не можем назвать богов, являвшихся в тот период объектами поклонения. При этом, как было уже неоднократно сказано, у нас есть все основания полагать, что некоторые части Книги мертвых в начале правлении I династии были пересмотрены или отредактированы. Если это так, можно предположить, что религиозная система египтян в том виде, в котором она предстает перед нами в этих текстах, больше напоминает ту, которая была распространена в конце раннединастического периода, то есть на протяжении правления первых трех династий.

Для изучения религии периода царствования V и VI династий в нашем распоряжении имеется гораздо большее число источников (хотя их перечень далеко не полон). К этому времени относятся более или менее длинные иероглифические тексты, написанные внутри пирамид Униса, Тети, Пепи I, Мер-эн-Ра-Мехти-эм-са-эфа (возможно, имеется в виду Меренра I — представитель VI династии и старший сын Пепи I. — *Пер.*) и Пепи II. В результате изучения данных текстов можно сделать вывод о том, что в то время в Египте уже существовала развитая теологическая система. Также нам известно, что литературные памятники, в которых она в большей или меньшей степени изложена, являются многослойными — некоторые из отраженных в них представлений появились гораздо раньше самих надписей. Судя по тому, каким образом в этих сочинениях говорится о богах, тексты предназначались для хорошо подготовленных читателей, ибо в них не приведено ни одного объяснения или толкования. Конечно, эти произведения относятся к числу погребальных, а значит, большинство упоминающихся в них богов связано с загробным миром, где так или иначе сталкиваются с душой умершего.

Положение и обязанности солярного божества Ра и богов, входящих в его свиту, Осириса, покровителя и судьи покойных, и связанных с ним божеств четко определены. К тому же не может быть почти никаких сомнений в том, что как тексты, в которых о них идет речь, так и обряды, сопровождавшиеся произнесением жрецами определенных слов, возникли в глубокой древности, хотя мы и узнаем о них из источников, относящихся к периоду правления V династии. Более того, можно с полной уверенностью утверждать, что религиозные тексты, использовавшиеся в тот период при погребении, почти ничем не отличаются от составленных несколькими столетиями ранее.

Попутно следует отметить, что собрания погребальных текстов редактировали жрецы из Иуну, или Ину, то есть Гелиополя. В результате на них оказали влияние религиозные убеждения жреческой коллегии, проживавшей в этом городе. Однако при более тщательном изучении данных памятников мы увидим, что в их основе лежат представления, характерные для автохтонного населения страны, жившего здесь в додинастический период. К изучению гелиопольской теологической системы мы обратимся чуть позже. Сейчас нам следует приступить к перечислению основных богов, известных благодаря текстам, вырезанным на стенах пирамид Саккары. К числу великих богов, которым, несомненно, поклонялись египтяне раннединастического периода, относятся:

Птах (Тети, 88)		Херу[3], или Хор (Мер-эн-ра, 454)	
Ну, или Нун (Унис, 199)	[1]	Хепер (Унис, 444)	
Нет, или Нейт (Унис, 67)	[2]	Хепрер (Пепи II, 856)	
Ра (passim)		Хнум (Унис, 556)	
Хет-Херу (Хатхор)		Себек (Унис, 565)	

[1] Или (Унис, 399), или (Тети, 78).

[2] Или (Унис, 272).

[3] Или Хер-ур, «Хор Старщий» (Унис, 358).

Херу, или Хор, считался богом-соколом, то есть духом и воплощением «вершины» неба. Хепри представляли в виде жука-скарабея, Хнума — барана, а Себека — крокодила. Нет, или Нейт, изначально была духом дерева. Ра и Птах считались двумя ипостасями солярного божества, а Нун — небесным океаном, в котором тот жил. Жрецы Гелиополя считали, что Ра и Хепри связаны с особо почитаемой в этом городе ипостасью бога солнца. В результате появились божества Ра-Атум (Унис, 216, 224; Меренра, 458) и Хепри-Атум (Пепи II, 662).

В текстах Униса Себек назван сыном Нейт, а также «владыкой Бару» (565). Но в текстах, относящихся к периоду XVIII династии, данное название пишется немного по-другому. В любом случае это место можно отождествить с Бахау — Горой Захода, упомянутой в главе CVIII Книги мертвых. Ниже приведен список других основных божеств, имена которых встречаются в Текстах пирамид.

Аху (Пепи II, 850) [1]

Акер (Унис, 498, 614; Тети, 309)

Ипи (Унис, 487)

Упуат (Унис, 187)

Амон (Унис, 557)

Амент (Унис, 557)

Им-хенети-эф (Пепи I, 666)

Им-сепа-эф (Пепи I, 666)

Имсу, или Мин (Унис, 377)

Имсет (Тети, 60, 197)

Ини (Унис, 272, 275)

[1] Аху, судя по всему, отождествлялся с , который был Имсу, или Мином (см.: Пепи II, 1.1320).

Инпу (Унис, 71, 207, 219)
Ин-мут-эф (Пепи II, 772)
Ин-джер-эф (Пепи I, 651)
Ихет-нен-ти (Тети, 307)
Исир, Осирис (passim)
Исет, Исида (Унис, 181)
Искен (Пепи II, 1324)
Идер-исфет (Пепи II, 980)
Анех (Пепи I, 672)
И-эн-хер-пес (Унис, 392)
Уаху (Тети, 333)
Ур-шепес-эф (Пепи I, 671)
Урет (Унис, 272)
Урет-хекау (Унис, 269)
Усерт (Унис, 229)
Удес (Пепи II, 976)
Ба (Меренра, 784)
Баби (Унис, 532)
Бабии (Унис, 644, 647)
Баибу (Пепи I, 568)
Бабуи (Пепи I, 604) [1]
Бастет (Пепи I, 569) [2]
Ба-ашем-эф (Меренра, 784)
Пенед (Унис, 280)
Песеджет (Унис, 417)

---

[1] В тексте говорится, что у этого бога «красное ухо» .

[2] Вариант — .

Маат-Хнум (Пепи I, 445)

Маат (Унис, 220)

Мут (Унис, 181). Варианты —

Мент (возможно, имеется в виду Монту. — *Пер.*) (Пепи II, 849)

Мендеф (Пепи II, 1228)

Менеч (Меренра, 784)

Мехет-урет (Унис, 427, 623)

Мехет-урет (Унис, 427, 623)

Эм-хент-маати (Пепи I, 645)

Эм-хент-маати (Пепи I, 645)

Месха (Унис, 567)

Месхаат (Пепи I, 671)

Меджедит (Пепи II, 956)

Ниу (Унис, 557)

Нубт (Унис, 479)

Небет-хет (Унис, 220) ,

Нефертум (Унис, 395)

Энен (Унис, 577)

Эненет (Унис, 240)

Нехбен (Унис, 459)

Нехебкау (Унис, 559)

Нехбет (Меренра, 762)

Нехет (Унис, 601)

Несерет (Унис, 269)

Неди (Унис, 279)

Нететтииб (Унис, 598)

Рененут (Унис, 441)

Рурути (Пепи II, 976, 979)

Хепач (Пепи I, 636)

Хенени (Пепи I, 636)

Хеджехедж (Пепи I, 173)

Хедеденуут (Тети, 332)

Ху (Унис, 439)

Хеп (Унис, 187)

Хеп-ур (Унис, 431)

Хеп (Тети, 60, 197)

Хем (Пепи I, 641)

Хемен (Пепи II, 850)

Хен-песеджети (Тети, 309)

Хенет (Унис, 417)

Хунет (Тети, 357)

Херу (passim)

Херу-иах (Тети, 365)

Херу-им-хену (Унис, 211)

Херу-хенет-перу (Унис, 202)

Херу-хесбедж-маати (Унис, 369)

Херу-хути (Унис, 471)

Херу-Сопед (Унис, 465)

Херу-дешер-маати (Унис, 369)

Херу-Дат (Унис, 218)

Херу-херед (Тети, 301)

Хер-эф-ха-эф (Пепи I)

Хер-хепес (Унис, 226)

Хесат (Пепи II, 976)

Хесменну (Меренра, 670)

Хет-Херет (Унис, 575)

Хека (Пепи I, 583)

Хекет (Пепи I, 570)

Хаита (Унис, 536)

Хебедж (Унис, 434)

Хенти-Аменти (Унис, 201)

Хенти-маати (Унис, 218)

Хнум (Унис, 556; Пепи I, 455) Хонсу (Унис, 510)

Хонсу-Сопед (Унис, 588)

Сиа (Унис, 439)

Сичет (Пепи I, 297)

Себ (возможно, имеется в виду Геб. — *Пер.*) (Унис, 234)

Сепеху-урет (Пепи II, 976)

Сопед (Унис, 219)

Сема-ур (Унис, 280)

Сементет (Тети, 355)

Сунеч (Пепи II, 854) [1]

Сереф-ур (Тети, 309)

Серкет (Пепи I, 647)

Серкет-хету (Тети, 207)

Сехепу (Пепи I, 685)

[1] Вариант (Пепи I, 352).

Сехемэф (Пепи II, 978)

Сехен-та-эн-ур (Унис, 281)

Сехет (Унис, 390)

Сишеса (Пепи II, 975)

Сокар (Пепи I, 641) [1]

Сексен (Пепи I, 650) [2]

Сет (Унис, 6)

Сетисети (Пепи I, 265)

Сечети (Пепи I, 259)

Шу (Унис, 185)

Шемсу (Унис, 511)

Шесхентет (Унис, 390)

Генур (Пепи II, 979)

Гасут (Пепи II, 975)

Кебехсенуф (Тети, 60)

Таит (Тети, 376)

Теби (Унис, 428)

Тефен (Унис, 453)

Тефнут (Унис, 453)

Атум (Унис, 207)

Атум-хепрер (Пепи II, 662)

Татет (Унис, 67)

Дуамутеф (Тети, 60)

Денану (Пепи I, 269)

Денден (Унис, 280)

[1] Он отождествлен с в тексте Пепи II, 1320.

[2] Вариант .

Джехути (Унис, 228)

Дженед (Меренра, 773)

Дженедру (Тети, 198)

Дженедджендер (Пепи I, 301)

Помимо перечисленных выше божеств, в текстах говорится об «ангеле (или посланнике) двух богов» (Унис, 408) и «Ашеме, обитающем в Иру» (Тети, 351). В них также упоминаются следующие важные звезды:

Нехех (Тети, 218);

Сопдет (Тети, 349);

Сах (Тети, 349);

Сехуд (Пепи II, 857).

Судя по Текстам пирамид, кроме упомянутых выше божеств, существовало несколько категорий существ, которым приписывалось наличие божественной сущности. К их числу относятся:

Афу (Пепи II, 951);

Утенну (Пепи II, 951);

Уршу из Пе (Пепи II, 849);

Уршу из Нехена (Пепи II, 849);

Хенмемет (Унис, 211);

Спутники Сета, как высшие, так и низшие (Пепи II, 951);

Шемсу Херу (Пепи I, 166).

О том, какими функциями обладали Афу и Утенну, ничего не известно. Урсу, или Сторожами, Пе и Нехена могли быть боги, «присматривавшие» за данными городами и защищавшие их. С другой стороны, они могли быть всего лишь посланниками, ангелами, душ Пе и Нехена. О существах Хен-

мемет мы также почти ничего не знаем. В некоторых текстах они упомянуты наряду с богами и людьми, и создается ощущение, будто они представляют собой «нерожденные поколения». Однако такая трактовка расходится со многими другими фрагментами, в которых упоминаются эти слова. К тому же, помимо приведенного выше, сведениям, содержащимся в этих же источниках, можно дать множество не менее правдоподобных гипотетических объяснений.

Отрывок, в котором идет речь о спутниках Сета, относится к тому времени, когда этот бог считался дружелюбно настроенным по отношению к человеку и вместе с Хором помогал умершим. В процитированном выше тексте говорится о том, что Сет, подобно Хору, считался главой группы божественных существ, обладавших функциями и характеристиками, которые во многом напоминали его собственные, и что ее члены подразделялись на два класса — верхний и нижний (или, возможно, небесный и земной).

Последние существа, о которых стоит поговорить, — это шемсу Херу, «последователи Хора». Они часто упоминаются в погребальных текстах. Их основной обязанностью была служба Хору, сыну Исиды. Однако они также должны были помогать ему заботиться об умершем. В религиозных сочинениях, написанных в эпоху Древнего царства, они заняли место месниу Хора Бехдетского (то есть происходившего из современного Эдфу), кузнецов, предположительно сопровождавших этого бога в его путешествии в Египет и при помощи оружия помогавших ему установить свою власть в Бехдете, или Эдфу. О деяниях этого божества речь пойдет ниже, в параграфе, посвященном Хору.

В тексте из пирамиды Пепи I (419) о боге с четырьмя лицами говорится следующее: «Славься, ты, тот, у кого четыре лица, направленные на то, что в Кенсет[1], приносящий бурю!.. Надели этого Пепи своими двумя пальцами, которые ты дал богине Неферет, дочери великого бога и которые становят-

[1] [иероглифы]

ся посланц[ами] небес на землю, когда боги появляются на небе. Ты наделен душой и поднимаешься [подобно солнцу] в своей ладье в семьсот семьдесят локтей[1]. Ты вез в своей ладье богов Пе, ты сделал довольными богов Востока. Возьми этого Пепи с собой в своей ладье, ибо этот Пепи — сын Скарабея, рожденного в Хетепет, под волосами северного города Иусаат, и он потомок Геба. Это он был между ногами Хент-маат в ночь, когда охранял (?) хлеб и в ночь, когда изготавливал наконечники стрел. Ты взял свое копье, которое дорого тебе, твое остроконечное оружие, которым ты протыкаешь берега реки, с двойным острием, подобным дротикам Ра и двойной рукоятью, подобной когтям богини Мафдет».

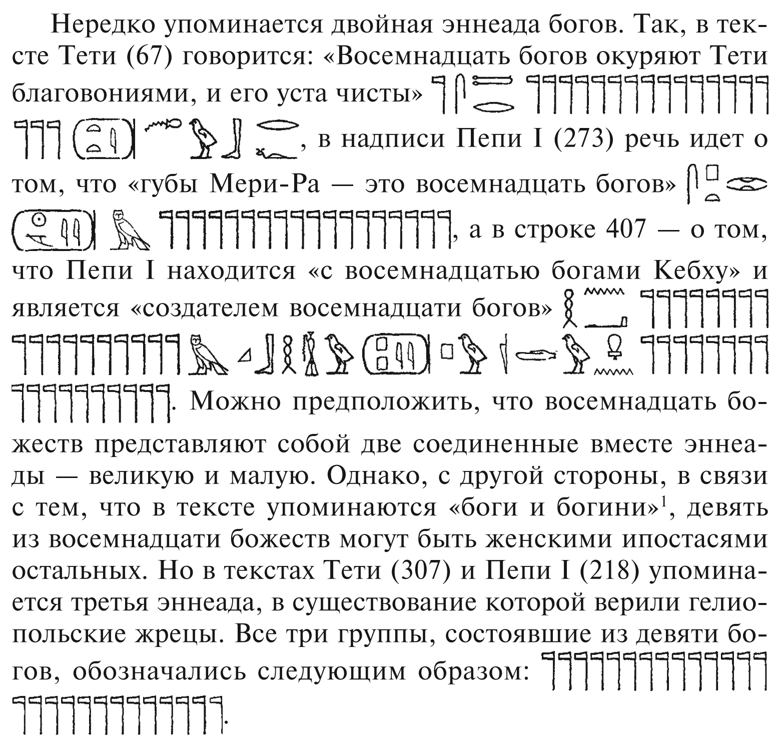
В Текстах пирамид часто упоминается группа (две или три), состоящая из девяти богов. Так, в надписи из пирамиды Униса (179) говорится о том, что нужно склониться «низко к земле перед девятью богами», а в строке 234 речь идет о том, что хлеб царя состоит из «слова[2] Геба, выходящего из уст девяти богов». Бог Сешаи, согласно строке 382, был «зачат Гебом и рожден девятью богами», а в строке 592 Ра назван «главой девяти богов». Из нескольких отрывков (например, строки 251 надписи Униса) нам становится известно, что одна эннеада богов называлась «великой», вторая — «малой», а «девять богов Хора» фигурируют вместе с «богами»[3] (443). Однако доподлинно неизвестно, связана ли эта группа божеств с одной из эннеад — великой или малой.

1 .

2 дословно переводится как «слово», но часто используется для обозначения понятия «вещь», «вещество», подобно еврейскому דָּבָר.

3 Вариант (Тети, 1.253).

Нередко упоминается двойная эннеада богов. Так, в тексте Тети (67) говорится: «Восемнадцать богов окуряют Тети благовониями, и его уста чисты» , в надписи Пепи I (273) речь идет о том, что «губы Мери-Ра — это восемнадцать богов» , а в строке 407 — о том, что Пепи I находится «с восемнадцатью богами Кебху» и является «создателем восемнадцати богов» . Можно предположить, что восемнадцать божеств представляют собой две соединенные вместе эннеады — великую и малую. Однако, с другой стороны, в связи с тем, что в тексте упоминаются «боги и богини»[1], девять из восемнадцати божеств могут быть женскими ипостасями остальных. Но в текстах Тети (307) и Пепи I (218) упоминается третья эннеада, в существование которой верили гелиопольские жрецы. Все три группы, состоявшие из девяти богов, обозначались следующим образом: .

Египетское слово, которое я перевел как «эннеада», — паут. Оно могло писаться как или . Обычно оно обозначает «девятку». Оно встречается в текстах, относящихся к тому же времени, что и надписи из саккарских пирамид. Речь в них идет о , «паут богов». Двойная эннеада богов обозначалась словом или — «великая эннеада богов и малая эннеада богов».

На основании того, что эннеада богов обозначалась при помощи изображений девяти топоров , был сделан широко распространенный вывод: слово «паут» можно

1 (Тети, 1.197).

переводить как «девять». Египтяне действительно называли эннеаду богов «паут», о чем свидетельствуют фрагменты надписи Униса (235[1] и особенно 283). В последней говорится: «Сделай так, чтобы Унис правил девятью и чтобы он пополнил эннеаду богов» . Судя по этой цитате, в паут могли входить более девяти богов, так как, если молитва будет услышана, божеств станет уже десять — к девяти другим богам прибавится царь Унис. К тому же в литании, обращенной к богам великой эннеады и содержащейся в надписи Униса (240 и далее), в паут входят Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Исида, Сет, Нефтида, Тот и Хор, то есть десять богов, не считая умершего, который также желает быть причисленным к ним. В тексте Меренра (205) в паут, названную «великой паут, которая в Иуну» (Гелиополе), входят девять богов[2], а в надписи Пепи II (669) в ту же паут входят Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Осирис-Хенти-Аменти, Сет, Хор, Ра, Хент-маати и Уаджет, то есть двенадцать божеств.

Богов малой эннеады также больше девяти. В тексте Униса перечислены следующие входящие в нее божества: Рат , насельник Иуну, , житель Анджет , обитатель Хет-Серкет , насельник священного дворца , житель Хедж-паара , обитатель Ориона , житель Депа , насельник Хет-ур-ка , житель Южного Иуну и обитатель Северного Иуну .

Таким образом, в малую паут входили девять богов, не считая умершего, который стремился быть причисленным к ним. Факт наличия в паут большего числа богов месье Масперо объяснил следующим образом[3]: «Число девять было

[1] .

[2] ; см. также надпись Пепи II, 1.665.

[3] *Maspero.* La Mythologie Égyptienne. P. 245.

изначальным, но каждый из девяти богов, особенно первый и последний, мог развиваться». Таким образом, если египтяне хотели добавить фиванского бога Амона к гелиопольской паут, они могли поместить его во главе остальных божеств вместо Атума, который являлся ее законным лидером, или вместе с ним. Мут, супруга Амона, могла быть введена в паут, но их стали бы считать одним богом. Аналогично любое божество, связанное с Амоном, могло вместе с ним войти в паут Гелиополя, но при этом эннеада увеличивалась только на одного бога. Другими словами, добавление в паут одного божества влекло за собой включение в нее всех богов, так или иначе связанных с ним, однако их имена никогда не ставились рядом с именами тех, кто изначально входил в нее. Это объяснение кажется вполне удовлетворительным, но оно не является свидетельством того, что египтяне считали именно так или что они вообще задумывались на эту тему.

Девять топоров, несомненно, олицетворяют девять богов, то есть три триады, но знаки, следует переводить как «субстанция девяти богов», иными словами, вещество или материя, из которой были сделаны эти божества. Слово «паут» можно перевести как «выпечка», печеный пирог, подносившийся покойному. Паут также является названием пластичной субстанции, из которой, по мнению египтян, были сделаны земля и боги.

Позднее, когда это понятие начало ассоциироваться с божественными существами или предметами, оно стало обозначать их конгломерат или единство. Так, в папирусе Ани (1, 6) о боге Татенене говорится, что он «единственный, создатель человечества, вещество богов Юга и Севера, Запада и Востока»[1]. Однако существовали первоматерия, из которой было сделано небо, и материя, из которой была сотворена земля. В результате в главе XVII Книги мертвых (116) говорится о том, что Хепри создан из материи (паут) обоих

1 .

видов[1]. В главе LXXV (8) умерший, желая быть отождествленным с этой божественной субстанцией, говорит: «Я старший сын священной паути, иначе говоря, души душ богов бесконечности, и мое тело вечно, и мои творения вечны, и я владыка лет и правитель бесконечности».

Описывая сотворение мира, Хепри заявляет: «Я сотворил себя из [первичной] материи, [которую] я сделал »[2]. Это единственный возможный перевод египетского текста, и контекст, который будет приведен в параграфе, посвященном сотворению мира, станет еще одним доказательством его правильности. Слово «первичная» было добавлено к цитате в квадратных скобках потому, что в некоторых текстах слово «паути» сопровождается определением , *теп*, «первый» (по времени). В качестве примера можно привести следующее словосочетание: [3], которое следует переводить как «первоматерия», вещество, созданное изначально и существовавшее прежде, чем возникло что-либо еще. Благодаря приведенным выше примерам становится ясно, что египетское слово «паут» не имело значение Neunheit.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что уже в период правления V династии гелиопольские жрецы признавали существование трех эннеад богов. Две первых они называли «великой» и «малой», а у третьей не было названия. Боги первой, великой, девятки хорошо известны, к их числу относятся:

Атум — солярное божество, которому поклонялись в Гелиополе; Шу; Тефнут; Геб; Нут; Осирис; Исида; Сет; Нефтида.

Иногда вместо Атума в эту эннеаду вводится Хор. Во вторую, малую, девятку входили боги, перечисленные в тексте Униса (253 и далее): Рат; Им-Иуну; Им-Анджет; Им-Хет-Серкет-ка-хетепет; Им-нечер-хет; Им-Хедж-паар; Им-сах; Им-теп; Им-хет-ур-Ра; Им-Унну-ресу; Им-Унну-мехет.

[1]

[2] См.: Archaeologia. Vol. LII. P. 557.

[3] См. мою книгу Chapters of Coming Forth by Day. Text. P. 348, 1.15.

Однако следует отметить, что в текстах обращение к великой эннеаде богов в целом следует за обращением к каждому отдельному божеству, а обращение к малой девятке предшествует обращению к каждому богу. При этом у нас нет ни малейших оснований для сомнений в том, что перечисленные выше имена принадлежат членам малой эннеады.

Имена божеств, входивших в третью группу, неизвестны, и в текстах ничего не говорится о функциях, которые должны были выполнять ее члены. Великая и малая девятки богов часто упоминаются в источниках, относящихся ко всем периодам египетской истории, но о третьей эннеаде речь в них заходит редко. Так, в тексте Пепи I (43) сказано, что царь сидит на железном троне и взвешивает слова во главе великой эннеады богов Иуну. Две девятки богов воодушевляют голову Пепи (97), и он принимает корону в присутствии великой эннеады (117). Он сидит во главе двух девяток (167), а также в их ладье (169). Он стоит между двумя девятками (186).

Ранее уже было сделано предположение[1] о том, что великая эннеада богов представляет собой некий первобытный макрокосм, а малая — микрокосм. Вполне вероятно, что эта точка зрения является правильной. По крайней мере, в ее пользу свидетельствует следующий фрагмент: «Сын своего отца пришел с девяткой богов небес... сын своего отца пришел с девяткой богов земли».

[2]

Из многочисленных отрывков текстов, относящихся ко всем периодам египетской истории, становится ясно, что египтяне верили, будто небеса во многих отношениях представляют собой копию земли. В частности, на них тек небесный Нил, стояли священные города — двойники находившихся на земле, имевшие те же названия. Следовательно, там вполне могла жить девятка богов, идентичная обитавшей внизу.

[1] *Maspero.* La Mythologie Égyptienne. P. 244.
[2] Пепи I, 11.298—300.

Помимо земных и небесных богов, существовали также боги Дуата, или загробного мира, которых также называли «дуат» [hieroglyphs], или [hieroglyphs], или [hieroglyphs]. Если это так, то можно предположить, что авторы Текстов пирамид, говоря о трех девятках [hieroglyphs], имели в виду группы богов неба, земли и загробного мира. Очевидно, они подразумевали то же, что и составитель главы XXIII Книги мертвых, говоривший о «девятке всех богов» [hieroglyphs].

Однако в Текстах пирамид и более поздних версиях Книги мертвых, основанных на них, термином «паути нечеру» [hieroglyphs], или [hieroglyphs], названы великая и малая девятки богов. Члены каждой эннеады в зависимости от города, где ей поклонялись, и времени были разными, но причина этих отличий довольно проста. Задолго до того, как гелиопольские жрецы сгруппировали египетских богов в девятки, обитатели некоторых древнейших городов поклонялись своим божествам, которых, вероятно, унаследовали от предков, живших в долине Нила в додинастический период. Поэтому богиней-покровительницей Саиса стала Нит, или Нет, или Нейт; богиней Пер-Уаджет — Уаджет; покровительницей Дендеры — Хатхор; Нехеба — Нехбет; богом, которому поклонялись в Эдфу, был Хор, а в Гелиополе — Атум и т. д. Когда жрецы того или иного города выяснили, что по тем или иным причинам должны принять гелиопольскую теологическую систему и связанных с ней богов, они довольно быстро делали это, но всегда ставили местное божество во главе [hieroglyphs] эннеады.

Гелиопольские жрецы, поклонявшиеся Атуму и считавшие его верховным божеством, отождествили его с Ра, и во многих гимнах и молитвах появилось обращение к Атуму-Ра, или Ра-Атуму. Верховное божество Эдфу, Хор Бехдетский, либо заменял Атума в девятке, либо так или иначе добавлялся к числу ее членов. То же происходило с богинями Нейт, Уаджет, Нехбет, Хатхор и т. д.

При этом выяснилось, что в Саисе культ Нейт вытеснить гелиопольской эннеадой было невозможно, так как в этом

городе богине поклонялись с глубочайшей древности и к ней относились с огромным уважением. Ее имя стало частью титулатуры царей I династии, а значит, ее культ возник не позднее чем в первой половине раннединастического периода, то есть он гораздо древнее гелиопольской теологии. Саисские жрецы, адаптируя гелиопольскую систему, отождествили свою богиню с ее главой и наделили ее титулами и атрибутами в соответствии с ее полом, вследствие чего она стала считаться женской ипостасью Атума. В последнем видели бога-отца, владыку небес, творца богов. Нейт, соответственно, стала «великой владычицей, богиней-матерью, владычицей небес и царицей богов» . В других текстах[1] она названа «матерью богов»; считалось, что, подобно Атуму, она создала себя сама. Ей приписывались и другие аналогичные атрибуты. В текстах о ней говорится как о «великой владычице, родившей Ра, произведшей саму себя в изначальные времена, не созданной»[2] .

То же произошло в городах Пер-Уаджет, расположенном в Дельте, и Нехбет, находящемся в Верхнем Египте. Древние покровительницы обоих поселений, Уаджет и Нехбет, были поставлены во главе девяток богов, которым стали поклоняться в этих двух городах. При этом необходимо отметить, что сами гелиопольские жрецы включили Уаджет в великую девятку богов, о чем свидетельствует текст Пепи II[3], в котором умерший царь молится за благополучие своей пирамиды «великой паут богов в Иуну» Атуму, Шу, Тефнут, Гебу, Нут, Осирису, Сету, Нефтиде, Хент-Маати и Уаджет.

Дендерские жрецы поступили с богиней Хатхор так же, как саисские с Нейт. Она получила все мыслимые атрибуты и функции, а приверженцы ее культа заявляли, будто она является матерью богов, создательницей неба, земли и всего, находящегося там. Более того, как Нейт, так и Хатхор получили все способности бога Атума, а если говорить шире — любого солярного божества.

[1] *Mallet D.* Le Culte de Neit à Saïs. Paris, 1888. P. 47.
[2] Ibid. P. 146.
[3] См.: 11.669 и далее.

Благодаря изучению большого числа текстов, написанных во все периоды египетской истории, нам известно, что верховные божества многих городов не теряли своего лидирующего положения, а обитатели этих поселений хватались за веру в них с упорством и консерватизмом, свойственными настоящим египтянам. Более того, бог-покровитель нома или его столицы не терял, судя по всему, своего влияния на протяжении всей египетской истории. Даже если его святилище в ходе войн и вторжений было разрушено и забыто, а отправление его культа время от времени приостанавливалось, жители этого поселения при первой же возможности, как только в страну возвращалось процветание, восстанавливали посвященный ему храм и назначали новых жрецов.

Глава 3
ПЕРВОБЫТНЫЕ БОГИ И ПОКРОВИТЕЛИ НОМОВ

В Египте в додинастический период у каждой деревни и города был свой бог-покровитель, культ которого, как и значимость его святилища, получал большую известность или угасал в зависимости от того, насколько хорошо шли дела в самом поселении. После того как страна была разделена на части, которые египтяне называли, или номами, каждый из них обрел свое божество или нескольких богов. Они, в свою очередь, стали считаться более значимыми, чем остальные боги, которым поклонялись в этом номе. Иногда одно божество становилось покровителем двух областей. Таким образом весь Египет, от Средиземного моря и до Элефантины, был разделен между богами, а в каждом отдельном номе божество, ставшее его покровителем, называли «Великим Богом», или просто «Богом», наделяя его всеми возможными атрибутами и функциями.

К сожалению, нам неизвестно, когда страна была впервые разделена на номы, но это должно было произойти довольно рано, а покровителями областей египтяне сделали богов, которым в додинастический период поклонялись жители

крупных поселений. Таким образом, во времена правления первых династий, известных нам благодаря сохранившимся надписям, Нейт была верховным божеством Саиса, Осирис — Бусириса, Тот — Гермополя, Уаджет — Пер-Уаджета, Птах — Мемфиса, Себек — Крокодилополя, Амон — Фив, Нехбет — Нехеба, а Хнум — Элефантины.

Число номов, очевидно, не было постоянным, поэтому определить количество древнейших номовых богов не представляется возможным. В древнеегипетских списках перечисляются сорок два или сорок четыре нома, а античные авторы, такие как Страбон, Диодор и Плиний, расходятся во мнениях на этот счет. Страбон пишет[1], что в Лабиринте было двадцать семь помещений и каждое из них олицетворяло ном. Таким образом, Верхний Египет, как и Нижний, был разделен на десять областей, а Гептаномий — на семь. С другой стороны, Геродот утверждает[2], что в Лабиринте было двенадцать залов. Плиний (BK. V, глава 9) приводит следующий список номов: Омбосский, Аполлополитский, Гермонтский, Тинитский, Фатуритский, Коптский, Тентирский, Диопольский, Антеопольский, Афродитопольский, Ликопольский, Фарбетийский, Бубастийский, Сетроитский, Танитский, Арабский, Хаммонийский, Оксиринхский, Леонтопольский, Атрибский, Кинополитский, Гермопольский, Ксоитский, Мендесский, Себеннитский, Кабаситский, Латопольский, Гелиопольский, Просопитский, Панопольский, Бусирийский, Онуфитский, Саисский, Птенету, Фтемпу, Навкратийский, Метелийский, Гинеополитский, Менелайский, Мареотийский, Гераклеопольский, Арсиноитский, Мемфисский и два Оаситских нома. Диодор Сицилийский (Историческая библиотека. I, 54) отмечает[3], что в Египте было тридцать шесть номов. Геродот (История. II, 164) пишет, что Египет был разделен на области[4], или номы, но не называет их числа. Эти факты являются подтверждением предположения о том, что изначально номов было меньше,

[1] География. XVII, 1, 37.

[2] История. II, 148.

[3] Τὴν δὲ χώραν ἅπασαν εἰς ἓξ καὶ τρίακοντα μέρη διελών, ἃ καλοῦσιν Αἰγύπτιοι νομούς.

[4] κατὰ γὰρ δὴ νομους Αἴγυπτος ἅπασα διαραίρηται.

чем в более поздние времена, причем, скорее всего, увеличивалось число областей, расположенных в Дельте, а не в Верхнем Египте.

Ниже приведен список египетских номов, составленный на основе надписей из Эдфу и других текстов. Также в нем обозначены их столицы и указаны имена богов, которым там поклонялись.

ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ

	Ном	Столица	Бог
1.	Та-Нехт	Абу (Элефантина)	Хнум
2.	Тес-Херту	Деб (Аполлонополь Магна)	Хор Бехдетский
3.	Тен	Нехеб (Эйлетиасполь)	Нехбет
4.	Уасет	Уасет	Амон-Ра
5.	Херуи	Кебти (Коптос)	Имсу, Мин или Хем
6.	Иа-да	Та-эн-таререт (Дендера)	Хетт-Херу (Хатхор)
7.	Сешеш	Хет (Диосполь Парва)	Хет-Херу
8.	Ибед	Ибджу[1] (Абидос)	Ин-Хер
9.	Имсу, Мин или Хем	Ипу (Панополь)	Имсу, Мин или Хем

[1] Вариант, Иб-джут, «город горы желания сердца». См.: *Dümichen*. Geschichte. P. 143.

	Ном	Столица	Бог
10a.	Уаджет	Дебут (Афродитополь)	Хет-Херу
10b.	Нечеруи	Джу-кат (Антеополь)	Херу (Хор)
11.	Сет	Шас-хетеп	Хнум
12.	Джу-эф	Нут-эн-бак (Антеополь)	Херу (Хор)
13.	Итеф-хент	Саиут (Ликополь)	Упуат
14.	Итеф-пеху	Кеси (Кусы)	Хет-Херет
15.	Ун	Хеменну (Гермополь)	Джехути (Тот)
16.	Мех-махедж	Хебенну (Гиппонон)	Херу
17.	Инпу	Касса (Кинополь)	Инпу
18.	Сеп	Хет-несу (Алебастронполь)	Инпу
19.	Уаб	Пер-Маджет	Сет
20.	Итеф-хент	Хененсу (Гераклеополь Магна)	Хер-шефи

	Ном	Столица	Бог
21a.	Итеф-пеху	Эрмен-херет	Хнум
21b.	Та-ше	Шед (Крокодилополь)	Себек
22.	Матен	Теп-ихет (Афродитополь)	Хет-Херет

НИЖНИЙ ЕГИПЕТ

	Ном	Столица	Бог
1.	Инеб-хедж	Мен-неферет (Мемфис)	Птах
2.	Хенсу[1]	Сехемет (Летополь)	Херу-ур
3.	Имент	Нут-инет-Хап (Апис)	Хет-Херу
4.	Сапи-рес	Джека	Себек, Исида, Амон
5.	Сап-мех	Саут (Саис)	Нет (Нейт)
6.	Кассет	Хасут (Ксоис)	Амон-Ра
7.	...Имент	Сенти-неферет	Ху

[1] Возможно, существует вариант = = ; см.: *Pleyte.* Aeg. Zeit. 1868. P. 17; *Dümichen.* Kalendarinschriften, 118b, 106d.

	Ном	Столица	Бог
8.	...Ибет	Чекет	Атум
9.	Ити	Пер-Усир[1] (Бусирис)	Осирис
10.	Ка-кем	Хет-та-хер-иб (Атрибис)	Хор
11.	Ка-хесеб	Хебес-ка (Кабас)	Исида
12.	Чеб-ка	Чеб-нечер (Себеннит)	Ин-хер
13.	Хек-ат	Иуну (Гелиополь, Он)	Ра
14.	Хент-ибт	Чалу (Танис)	Херу
15.	Джехут	Пер-Джехути (Гермополь)	Джехути (Тот)
16.	Ха (?)	Пер-ба-неб-джеду (Мендес)	Ба-неб-Джедет, или Джеджедет
17.	Сам-бехудет	Па-хен-эн-Амен (Диосполь)	Амон-Ра

[1] Или (?).

	Ном	Столица	Бог
18.	Им-хент	Пер-Баст (Бубастис)	Баст
19.	Им-пеху	Пер-Уаджет (Буто)	Уаджет
20.	Сопед	Кесем (Гошен ?)	Сопед[1]

Таким образом, у каждого египетского нома был свой бог-покровитель, храм которого располагался в его столице. Каждому такому божеству служила отдельная коллегия жрецов, между которыми были распределены обязанности, связанные с отправлением культа, поддержанием в порядке храмовых построек, переписыванием религиозных трудов и религиозным просвещением населения.

В Верхнем Египте, где забота об умерших, казалось, была основной обязанностью живых, представители низших жреческих чинов, возможно, занимались прибыльным делом — мумификацией покойных, переписыванием погребальных текстов, изготовлением амулетов и проведением похорон.

Верховный жрец каждого значимого города (а иногда даже жрица) обладал специальным титулом. В Фивах его называли «первым слугой бога Ра в Фивах»[2]; в Гелиополе — «великим видениями Ра-Атума»[3]; в Мемфисе — «великим владыкой молота в храме его Южной Стены» и «Сетемом бога Прекрасного Лица (то есть Птаха)»[4]; в Саисе — «правителем двойного

[1] Перечень египетских номов составлен на основе следующих трудов: *Brugsch*. Dict. Géog. (см. список в конце главы 3); *Dümichen*. Geographie des alten Aegyptens (в: *Meyer*. Geschichte des alten Aegyptens). Berlin, 1887; *Rougé J. de*. Géographie Ancienne de la Basse-Égypte. Paris, 1891.

[2]

[3]

[4]

храма»[1]. Верховная жрица Мемфиса носила титул «Нефертуту»[2]; в Сехеме — «божественная мать»[3]; в Саисе — «Урет», то есть «великая»[4]; в Мендесе — «Уджа-ба-эф»[5] и т. д. Жрецы каждого великого бога были разделены на несколько категорий, среди которых были «те, кто служит в определенный час» ; «слуги богов» ; «святые отцы» ; «совершающие возлияния» .

Храмовые записи находились у «писца храма» , а в больших храмах работали один или несколько писцов, которые вели перечень даров и имущества божества[6]. Сказать точно, сколько жрецов, относившихся к различным категориям, служили тому или иному божеству, невозможно. Очевидно, постоянных представителей верховного жречества всегда и во всех городах было немного, а «служители бога» были многочисленны. Жрецы номового божества не подчинялись внешним властям, а верховный жрец обладал авторитетом, почти не уступавшим власти самого номарха.

Культ каждого номового божества обладал рядом характерных только для него черт, а в связанных с ним представлениях отразились все древние автохтонные верования жителей области, которым они тщательно следовали и развивали с древнейших времен до конца египетской цивилизации. Из приведенного выше списка номовых богов становится понятно, что обитатели многих номов поклонялись одному и тому же божеству. Например, Хора почитали в трех номах Верхнего Египта и двух — Нижнего, а в одном номе поклонялись его особой ипостаси — Хору Бехдетскому. Жители трех номов Верхнего Египта почитали Хнума, двух — Имсу

1 .

2 .

3 .

4 .

5 .

6 Рассказ о других храмовых чиновниках см. в работе: *Brugsch*. Aegyptologie. P. 218.

(или Мина, или Хема?), двух — Инпу, а Хатхор поклонялись в пяти номах Верхнего Египта и одном — Нижнего. Культы бараноголового бога Хнума, которого почитали на Элефантине, богини-самки грифа Нехбет (в Эйлетиасполе), бога-крокодила Себека (в области Та-Ше (Фаюм), собакоголового бога Инпу (в Кинополе и Алебастронополе), бога Тота с головой ибиса (в Гермополе), Хора-старшего — Херу-ура (в Летополе), Уаджет (в Буто) были очень древними. Не менее старыми являются культы бога Упуата с головой волка (?), богини-львицы Сехмет, богини с головой кошки Баст и бога Сета.

Животное, являвшееся воплощением последнего бога, так и не было идентифицировано. Оно не может быть ослом, как некогда считалось, и вряд ли это верблюд. В настоящее время мы можем лишь умозрительно предположить, что оно относилось к биологическому виду, появившемуся на территории Египта в глубокой древности.

Культы различных ипостасей бога неба Хора, солярного божества, а также богини Хатхор — древнейшие из всех. Богиня Нейт, символом которой были две стрелы и щит, вероятно, прибыла в Египет из Ливии. Однако, как уже говорилось выше, еще в раннединастический период она приобрела атрибуты некоторых автохтонных египетских божеств.

Происхождение Осириса до конца не ясно, но, изучив все имеющиеся в нашем распоряжении религиозные тексты, в которых он упоминается, мы склонны полагать, что изначально его культ сформировался в Дельте. В начале династической эпохи его основным культовым центром был Абидос, куда на протяжении многих столетий приезжали толпы паломников. Однако, несмотря на это, судя по спискам номов, верховным божеством этого региона был Ин-Хер, или Инхур, и вопреки тому особому почтению, с которым к Осирису относились во всем Египте, Ин-Хер всегда был верховным божеством нома Абедж и его столицы с тем же названием.

Елисейские поля, Сехет-хетепут, располагались, по мнению египтян, в Дельте, где почва крайне плодородна, а в различных направлениях текут многочисленные каналы. Бо-

лее того, «дом Осириса» par excellence = Бусирис) находился также в Дельте, как и святилище божества, почитавшегося в облике барана, в теле которого, как считалось, находилась душа Осириса. Во всех текстах Осирис назван «владыкой Абидоса», и, как правило, этот эпитет сопровождается другим — «владыка Джедет». Джедет — это город, а также «овен, владыка Джедет» . Греки переиначили название Джедет, превратив его в Мендес. Воплощением верховного божества этого города был баран, которого в настоящее время часто называют «мендесским овном». Судя по частому использованию титула «владыка Джедет», можно предположить, что культ Осириса слился с местным культом бога-барана или вобрал его в себя, в результате чего этот бог сменил своего предшественника на посту покровителя города.

Можно предположить, что Джеду — всего лишь название места, где располагалось нижнеегипетское святилище Осириса, так же как Абидос был верхнеегипетским центром его культа. Но этого объяснения недостаточно для того, чтобы определить причины использования данного эпитета. Далее можно предположить, что, так как титулы «владыка Абидоса» и «владыка Джеду» появляются вместе с другими эпитетами, относящимися к Осирису как правителю загробного мира, Абидос и Джеду являются не земными, а небесными городами. Но в этом мало смысла, потому что, как нам известно, небесные поселения египтяне «создавали» на основе реально существовавших. Ведь их представления о духовном во многом совпадали с видением земного мира.

Возвращаясь к теме появления культа этого божества, мы должны отметить, что с начала и до конца жители одного нома были готовы гостеприимно встретить бога, которому поклонялись обитатели другой области, а также божеств, почитавшихся жившими среди них иноземцами. Однако иногда культы одного или нескольких богов насаждались в номе или номах. Это происходило, как правило, потому, что данные области терпели поражение в войне. В результате местные власти вынуждены были выполнять пожелание царя, решившего установить в регионе или стране новый культ,

либо признать верховенство жречества города, в котором поклонялись данному божеству.

Так, гелиопольские жрецы Ра, или Ра-Атума, сумели сделать так, что их теология стала главенствующей по всей стране. В результате религиозная философия фиванской версии Книги мертвых основана на их учении. До того как правитель Фив победил гиксосов, Амон был всего лишь незначительным номовым божеством. Но когда эта династия стала править в Египте, он тотчас же стал считаться царем всех богов, и жрецы наделили его эпитетами, атрибутами и функциями великих божеств. Правитель Фив стал сильнее, чем кто-либо другой в Египте, а значит, и номовое божество обрело могущество, превосходившее то, которым обладали все остальные египетские божества.

Необычная неприязнь, которую Аменхотеп IV испытывал по отношению к этому богу, и сделанные им глупые попытки заменить его Атоном, или солнечным диском, являются примером того, каким образом божество могло быть навязано жречеству и населению всей страны. Его реформа удалась, но лишь на какое-то время и на ограниченной территории. Она не имела ни малейших шансов на продолжительный успех, так как идеи, которые легли в основу культа Атона (по крайней мере, пропагандируемые Аменхотепом), противоречили египетским религиозным представлениям как таковым.

Благодаря всему вышесказанному можно легко представить себе, насколько примечательным зрелищем был Египет для иностранцев, отправившихся в эту страну и видевших, что она разделена на номы, жители каждого из которых поклоняются своему верховному божеству. Ему прислуживала целая коллегия жрецов и слуг, не подчинявшихся никому за пределами области и совершавших богослужения тогда и так, как они хотели. Эти люди наделяли его многочисленными атрибутами и функциями, широкими правами и привилегиями, не боясь при этом того, что кто-нибудь выступит против него. Иноземец узнавал, что жрецы каждого нома считали своего бога отцом других божеств, создателем неба и земли.

Более того, священнослужители одного номового божества и связанных с ним богов спокойно позволяли своим со-

седям из других номов говорить все, что угодно, о своих богах. Судя по сведениям, содержащимся в религиозных текстах, жрецы одной группы богов никогда не пытались запретить культы других божеств, даже если после войны они получали верховенство в том или ином номе. К примеру, в период правления V и VI династий жрецы Ра получили в Гелиополе огромную власть, но не стали запрещать культ местного бога Атума, а отождествили с ним своего божественного покровителя, в результате чего на свет появился бог Ра-Атум. Точно так же позднее, когда Амон, номовое божество, которому поклонялись правители Фив, был объявлен величайшим египетским богом, его жрецы не заявили об отмене и запрещении культов остальных божеств. Они просто стали говорить, что в нем слились все их силы, вследствие чего он стал величайшим из них.

В тексте Униса и других царей, его непосредственных преемников, говорится о великой и малой эннеадах богов. Но там же упоминаются группа божеств, связанных с Хором, и двойная девятка богов Атума[1]. Гелиопольские жрецы заявляли, что Ра превосходит всех остальных богов, но они позаботились о том, чтобы упомянуть имя каждого бога и богини, которым поклонялись их предки. Та же тенденция прослеживается в текстах, составленных фиванскими жрецами. К примеру, имя их верховного бога Амона встречается в Книге мертвых, где по идее оно не должно было оказаться. Гимны, приведенные в этом тексте, обращены к Ра в той или иной ипостаси или к Осирису. Но в главе CLXXI содержатся следующие слова: «О Атум, о Шу, о Тефнут, о Геб, о Нут, о Осирис, о Исида, о Сет, о Нефтида, о Херу-хути (Хармахис), о Хатхор великого дома, о Хеприи, о Монту, владыка Фив, о Амон, повелитель тронов Обеих Земель, о великая эннеада богов, о боги и богини, живущие в Нуне, о Себек двух мехет, о Себек со всеми своими многочисленными именами в каждом месте, где твое ка (то есть двойник) наслаждается, о боги юга, о боги севера, о те, кто на небе, о те, кто на

[1] [иероглифы]; [иероглифы]. (Унис, 11.443, 444).

земле, даруйте одеяние чистоты совершенному духу Аменхотепа»[1].

Еще более многочисленные имена богов, встречающиеся в Текстах пирамид, также упоминаются в других религиозных сочинениях, особенно в поздних версиях Книги мертвых. Если бы в нашем распоряжении имелись копии всех религиозных произведений, написанных в эпоху Нового царства, мы бы увидели, что в них встречаются имена всех богов, которым поклонялись в период Древнего царства, за исключением, пожалуй, только Сета. В династическую эпоху египтяне редко отказывались от культа того или иного божества. Даже удивительно, насколько незначительно изменились характер и атрибуты богов за период между временем правления IV и царствованием XXVI династии. Стойкий консерватизм египтян, очевидно унаследованный в почти неизменном виде их преемниками — коптами, заставлял авторов религиозных сочинений перечислять в своих трудах как можно больше имен различных божеств. Они делали это не столько из чувства почтения к египетским богам, сколько руководствуясь политикой жрецов и собственными интересами.

В Текстах пирамид преобладают боги, которым поклонялись в Гелиополе, но тем не менее божества отдаленных поселений также наделены в них определенными обязанностями и полномочиями. Каждый из них по отдельности и все они вместе должны были служить умершим царям в загробном мире.

Причина этого проста. Небеса, созданные воображением египтян, сильно походили на сам Египет — они были разделены на такие же части, и находящимися на них городами и областями управляли боги, которых было необходимо умиротворять. Их дружбы нужно было добиться любой ценой. Люди надеялись, что в потустороннем мире они смогут свободно передвигаться по небу. Для того чтобы обрести эту привилегию, нужно было добиться расположения богов четырех частей неба, произнеся различные молитвы и совершив определенные ритуалы, в основе которых всегда лежала

[1] См. мою работу Chapters of Coming Forth by Day (Translation). P. 315.

магия. Чтобы беспрепятственно наслаждаться путешествием по небесной восточной Дельте, умерший должен был привлечь на свою сторону богов Сопеда и Атума. Чтобы получить возможность пить воду небесного Нила, ему следовало задобрить Хнума, владыку острова Элефантина, недалеко от которого, по мнению египтян, находились истоки реки.

В текстах, относящихся практически ко всем периодам египетской истории, прослеживается наивное стремление доказать, что каждый бог заинтересован в благополучии существ, обитающих в загробном мире и некогда бывших смертными. Также среди египтян, живших во все периоды истории страны, было широко распространено следующее представление: если в письменной форме указать богу на то, что он должен помочь покойному, то он окажет желаемую поддержку.

Для того чтобы получить возможность входить в определенные небесные города, умерший должен был знать различных божеств или «души», которым поклонялись обитатели этих поселений. Так, к числу душ Запада относились Атум, Себек, владыка горы Восхода, и Хатхор, владычица вечера[1]; душами Востока были Херу-хути (Хармахис), теленок богини Хери и утренняя звезда[2]; душами города Пе были Хор, Месхи и Хапи[3]; душами Нехета были Хор, Дуамутеф и Кебехсенуф[4]; душами Гелиополя — Ра, Шу и Тефнут[5]; душами Гермополя — Тот, Са и Атум[6]. Подобным образом в каждом крупном небесном городе обитала группа богов, и считалось, что блаженные души могут наслаждаться посещением их святилищ, так же как при жизни они делали подношения земным двойникам этих божеств.

Выше уже говорилось о том, что точное значение слова «Бог», «нечер» установить крайне сложно. В династические времена основным признаком божества являлась способность постоянно обновлять свою жизнь и существовать

[1] Книга мертвых. CVIII.
[2] Там же. CIX.
[3] Там же. CXII.
[4] Там же. CXIII.
[5] Там же. CXV.
[6] Там же. CXVI.

вечно. В тексте Униса содержатся свидетельства того, что уже в глубокой древности египтяне верили, будто смогут обрести эту возможность, съев своего бога (или богов). С этим представлением тесно связано другое, отразившееся в Текстах пирамид, а также в поздних версиях Книги мертвых. Во многих фрагментах религиозных текстов, относящихся ко всем периодам, умерший наделяется способностями того или иного бога, становясь в результате его двойником или спутником.

Впоследствии, в ходе развития этих идей, каждая часть тела покойного, во-первых, оказывалась под защитой божества, а во-вторых, уподоблялась аналогичной части тела оберегавшего ее бога. Таким образом, все туловище умершего становилось «двойной девяткой богов». О нем говорили: «Два великих бога смотрят, каждый на своем месте, и находят, что он в двойной девятке богов, взвешивающей слова каждого предводителя подобно предводителю, и они склоняются перед ним, и приносят ему подношения, как и двойной эннеаде богов»[1]. Более того, в текстах идет речь о том, что умерший стоит во главе девятки богов, подобно Гебу, наследственному вождю богов, Осирису, управлявшему божественными силами, или Хору, владыке людей и богов[2]. Его кости — боги и богини неба[3]; его правая сторона принадлежит Хору, а левая — Сету; он становится кровным сыном Атума, или Атума-Ра, Шу, Тефнут, Геба и Нут, братом Исиды, Нефтиды, Сета и Тота, отцом Хора[4]. Бог Хор берет свое Око и отдает ему[5],

---

[1] См.: Пепи I, 11.317, 318 [hieroglyphs].

[2] [hieroglyphs] (Пепи I, 1.166).

[3] См.: Тети, 1.209.

[4] См.: Унис (Recueil) III, 209—211.

[5] [hieroglyphs] (Пепи I, 1.457).

дарит ему свое ка (двойника)[1], никогда не покидает его, и Бык Девяти[2] расширяет его владения.

Древнейшая версия молитвы об обожествлении частей тела содержится в тексте Пепи I (565 и далее). Так как по целому ряду причин именно этот вариант моления крайне важен для нашего исследования, мы приводим здесь его перевод.

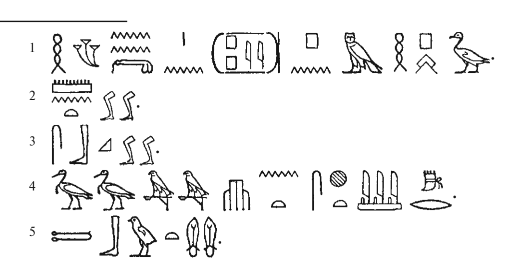
«Голова этого Ра-мери в виде (головы) сокола; он выходит и поднимается на небо. Череп, этого Пепи — череп священного Гуся; он выходит и поднимается на небо. [Волосы] этого Пепи — Нуна; он выходит и поднимается на небо. Лицо этого Пепи — лицо Упуата; он выходит и поднимается на небо. Глаза Ра-мери — великая богиня (Хатхор?) во главе душ Иуну; он выходит и поднимается на небо. Рот этого Пепи — Хенс-ур; он выходит и поднимается на небо. Язык этого Пепи — рулевое весло (?) ладьи Маат; он выходит и поднимается на небо. Зубы этого Пепи — души [Иуну]; он выходит и поднимается на небо. Губы этого Пепи... он выходит и поднимается на небо. Подбородок этого Пепи — Херет-Хент-Сехем; он выходит и поднимается на небо. Позвоночник этого Пепи — [бык] Сема; он выходит и поднимается на небо. Плечи и предплечья этого Пепи — Сет; он выходит и поднимается на небо. Грудь этого Пепи — Баибу; он выходит и поднимается на небо. Сердце этого Ра-мери — Бастет; он выходит и поднимается на небо. Живот этого Ра-мери — Нут; он выходит и поднимается на небо. [Лоно этого Пепи] — великая и малая девятки богов; он выходит и поднимается на небо. Спина этого Пепи — Хекет; он выходит и поднимается на небо. Ягодицы этого Ра-мери — ладьи Семкетет и Мат[3]; он выходит и поднимается на небо. Фаллос этого

1 (Тети, 1.265).
2
3

Пепи — Хап[1]; он выходит и поднимается на небо. Бедра[2] Ра-мери — Нейт и Серкет; он выходит и поднимается на небо. Ноги[3] этого Ра-мери — два бога-души, находящиеся во главе Сехет-джер[4]; он выходит и поднимается на небо. Ступни ног[5] этого Ра-мери — две ладьи Маати; он выходит и поднимается на небо. Пятки (?) этого Пепи — души Иуну; он выходит и поднимается на небо».

В период правления XVIII династии варианты этой примечательной молитвы были добавлены в Книгу мертвых. Для того чтобы проследить эволюцию религиозных представлений, приведем две версии данного текста.

Из папируса Ну (Британский музей, № 10477, лист 6)	**Из папируса Ани** (Британский музей, № 10470, лист 32)
«Мои волосы — волосы Нуна.	«Волосы Осириса Ани — волосы Нуна.
Мое лицо — лицо диска.	Лицо Осириса Ани — лицо Ра.
Мои глаза — глаза Хатхор.	Глаза Осириса Ани — глаза Хатхор.
Мои уши — уши Упуата.	Уши Осириса Ани — уши Упуата.
Мой нос — нос Хенти-хаса.	Губы Осириса Ани — губы Инпу.
Мои губы — губы Инпу.	Зубы Осириса Ани — зубы Серкет.
Мои зубы — зубы Серкет.	Шея Осириса Ани — шея Исиды.
Моя шея — шея священной богини Исиды.	Руки Осириса Ани — руки Ба-неб-Джеду.
Мои руки — руки Ба-неб-Джеду.	Плечо Осириса Ани — плечо Уаджет.
Мои предплечья — предплечья Нейт, владычицы Саиса.	Горло Осириса Ани — горло Мерет.
Мой позвоночник — позвоночник Сути.	
Мой фаллос — фаллос Осириса.	
Мои чресла — чресла владык Хер-аха.	

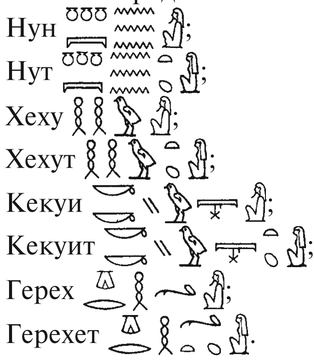
Из папируса Ну (Британский музей, № 10477, лист 6)	**Из папируса Ани** (Британский музей, № 10470, лист 32)
Моя грудная клетка — грудная клетка Аа-шефит.	Предплечья Осириса Ани — предплечия владычицы Саиса.
Мои живот и спина — живот и спина Сехет.	Позвоночник Осириса Ани — позвоночник Сета.
Мои ягодицы — ягодицы Ока Хора.	Грудная клетка Осириса Ани — грудная клетка владык Хер-аха.
Мои бедра и ноги — бедра и ноги Нут.	Плоть Осириса Ани — плоть Аа-шефит.
Мои ступни — ступни Птаха.	Чресла и спина Осириса Ани — чресла и спина Сехет.
[Мои пальцы] и кости ног — пальцы и кости ног живых богов.	Ягодицы Осириса Ани — ягодицы Ока Хора.
Нет части в моем теле, которая не была бы частью тела бога.	Фаллос Осириса Ани — фаллос Осириса.
Бог Тот полностью укрывает мое тело, и я Ра каждодневно».	Ноги Осириса Ани — ноги Нут.
	Ступни Осириса Ани — ступни Птаха.
	Пальцы Осириса Ани — пальцы Ориона.
	Кости ног Осириса Ани — кости ног живых уреев».

Текст, который в надписи Пепи I идет после этих сравнений частей тела умершего и богов, возможно, еще более интересен:

«Этот Пепи — бог, сын бога; он выходит и поднимается на небо. Этот Ра-мери — сын Ра, любящего его; он выходит и поднимается на небо. Ра послал этого Ра-мери, который выходит и поднимается на небо. Ра зачал этого Пепи, который выходит и поднимается на небо. Ра родил этого Пепи, который выходит и поднимается на небо. Это магическое слово, которое в теле Ра-мери, и он выходит и поднимается на небо. Этот Ра-мери — великая сила среди великой девятки полновластных правителей, которые в Иуну, и он выходит и поднимается на небо».

Выше уже говорилось, что в великую эннеаду гелиопольских богов входили девять или более божеств и если им начинали поклоняться жители других городов, то атрибутами высшего гелиопольского бога наделялось местное номовое

божество, в результате чего они отождествлялись друг с другом. Однако вскоре нам станет очевидно, что должным образом почитать девять или более великих богов (в дополнение к местному божеству) смогли обитатели совсем немногих поселений. Фактически лишь в нескольких крупных городах стали отправлять культы всех богов гелиопольских девяток. Столь же небольшим было число поселений, в которых поклонялись именно девяти богам. Хеменну (Гермополь) был крупным религиозным центром, в котором почиталась восьмерка богов. (Действительно, слово «Хеменну» переводится как «город восьми богов».) Среди них были:

Во главе этой огдоады, являвшейся одной из древнейших в Египте групп богов, стоял Джехути (Тот).

Приведенные выше имена богов — членов гермопольской восьмерки взяты из текстов, покрывающих стены храма, построенного Дарием I в Хибисе (оазис Харга)[1]. Конечно, это здание было сооружено в сравнительно поздний период, но у нас есть основания предполагать, что найденные в нем надписи скопированы с крайне древних текстов, а перечисленная выше огдоада богов является древнейшим вариантом гермопольской паут. В некоторых списках богов имена Амона и Аменет вставляют вместо имен Нуна и Нут, а Нену и Ненут — вместо Гереха и Герехет. В других источниках имена Амона и Аменет заменены именами Гереха и Герехет[2].

[1] См.: *Brugsch.* Reise nach der grossen Oase el-Kharga. Leipzig, 1878. Pl. 14.

[2] Списки паут Тота в Эдфу, Дендере, Карнаке, Филэ и т. д. приведены в работе: *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 127.

В Египте, как правило, в паут города входили три божества — местное и два связанных с ним, разделявшие вместе с ним, хотя и в гораздо меньшей степени, почтение, с которым к нему относились обитатели поселения. В целом эту триаду составляли два бога — молодой и старший — и богиня, считавшаяся супругой или женской ипостасью последнего. При этом младший бог был их сыном и обладал всеми атрибутами и способностями своего отца. Во главе триады обычно стоял Ра или другой аналогичный бог, которому адепты его культа приписывали силу и мощь великого солярного божества. Его женской ипостасью или супругой, как правило, была местная богиня, не игравшая большой роли в религиозной жизни египтян. С другой стороны, ее сын обладал почти таким же могуществом, что и его отец, так как он должен был унаследовать его титул после того, как тот отойдет от дел.

Представления о триаде, или троице, в Египте возникли вместе с культами богов. Очевидно, ее появление связано с очеловечиванием богов, характерным для древнейших периодов истории Египта. Египтяне наделяли бога супругой, так как у них самих были жены, которые должны были родить им сыновей, чтобы те в свое время заняли их место. В результате люди даровали богу сына, даже если сами хотели и ожидали рождения наследника.

Позднее место триады заняла эннеада, но при этом не следует думать, будто девятка — всего лишь очередная стадия развития троицы. В триаду входили два бога и одна богиня, а в эннеаду — пять богов и четыре богини — четыре божественные пары и одно верховное божество. Однако эннеаду часто называли триадой триад, а три гелиопольские девятки — триадой трех триад. Представления об эннеаде, вероятно, возникли гораздо позже, чем о триаде[1].

К числу триад относятся:

в Мендесе: Ба-неб-Джеду, Хат-мехит и Херу-па-херед;

[1] Прямо противоположного мнения придерживается месье Масперо (La Mythologie Égyptienne. P. 270).

в Джека: Себек, Исида и Амон;

в Мемфисе: Птах, Серкет и Имхотеп;

в Фивах: Амон-Ра, Мут и Хонсу.

Таким триадам, как Осирис, Исида и Хор, , , а также Сет, Нефтида и Анубис, поклонялись , , в нескольких регионах Египта. В разное время и в различных местах члены многих египетских триад менялись. Однако эти перемены были вызваны в основном отождествлением местных богов и богинь с широко известными божествами, входившими в гелиопольские эннеады.

Из вышесказанного становится понятно, что в династический период великими египетскими божествами становились многочисленные местные боги, которых, в свою очередь, выбирали из числа богов пустыни, гор, земли, воды, воздуха, неба, почитавшихся в додинастическую эпоху. Так, в гелиопольскую девятку богов вошел Шу, одна из ипостасей Их-хера , бога-покровителя Себеннита. Осирис был божеством Бусириса и Мендеса; Исида — ипостасью еще более древней богини «Уаджет, владычицы Пе» , то есть Буто; Тефнут — богиней области, расположенной на территории пятнадцатого нома Нижнего Египта, и т. д.

Боги, которым поклонялись в поздний додинастический период, несомненно, возникли из множества духов, как добрых, так и злых, в которых верили первобытные египтяне. Также вполне понятно, что в целом боги, почитавшиеся в династическую эпоху, ничем не отличаются от тех, которым поклонялись в додинастический период, а сами египтяне редко отказывались от божества, жрецы которого в глубокой древности смогли обеспечить ему широкое признание. Ритуальная сторона культа богов, вероятно, изменилась значительно, но это в большей степени связано с тем, что страна становилась богаче, чем с какими-то фундаментальными из-

менениями в представлениях и верованиях египтян. В Египет в результате военных походов в соседние государства поступали богатства, и дома богов, храмы, становились все больше и великолепнее. Но боги, которым в них поклонялись, остались такими же, да и в процессиях и ритуалах, хотя они и проводились в период Нового царства с большой пышностью, сохранились многие черты, характерные для гораздо более раннего времени.

Однако, более внимательно изучив религиозные тексты, мы увидим, что египтяне всегда пытались уменьшить число своих богов, или, другими словами, стремились от политеизма к монотеизму. Для жрецов и представителей образованных слоев населения, вероятно, были характерны религиозные взгляды, отличающиеся от свойственных крестьянам, работавшим на полях. Но при этом они интересовались народной религией и распространенными в широких слоях населения представлениями о сущности божеств. Необразованные обитатели сельской местности упорно оставались верными традиционным культам, вероятно, из-за того, что частые празднества и пышные церемонии, игравшие в них важную роль, считались основой благополучия. С другой стороны, жрецы и представители образованных слоев населения придерживались традиционных религиозных взглядов потому, что их влияния было недостаточно для того, чтобы установить культ, который соответствовал их собственным представлениям.

Если в религиозной жизни страны происходили какие-то перемены, то жрецы различных культовых центров пытались приспособить к новой системе верований представления о древних богах. Поэтому в период наивысшего расцвета египетской культуры в долине Нила примитивнейшие верования сталкивались с представлениями, сформировавшимися в результате продолжительных размышлений интеллектуалов. В источниках встречается множество свидетельств о вере египтян в богов деревьев, пустыни, воды, земли и богов, наделенных человеческими страстями. Именно из-за этого жителей долины Нила презирали евреи, греки и римляне, а также современные ученые, изучающие египетскую религию и мифологию. Исследователи не до конца понимают, что некоторые аспекты египетского политеизма уникальны.

То же относится к той стадии развития религиозных взглядов этих людей, на которой, очевидно (а автор данной работы полностью в этом уверен), формируется монотеизм. Согласно гелиопольской теогонии, бог Атум, оплодотворив сам себя во время мастурбации, породил двух богов — Шу и Тефнут[1]. Вряд ли могут быть сомнения в том, что, делая подобное заявление, служившие в Гелиополе жрецы повторяли слова полудиких первобытных египтян. Однако вывод о том, что они сами верили в это или что подобных представлений о происхождении богов придерживался хотя бы один образованный египтянин, является ошибочным.

В главе XVII Книги мертвых[2] упоминается битва между Хором и Сетом. Однако любой житель долины Нила, придерживавшийся развитых религиозных взглядов, частично отразившихся в той же главе, должно быть, считал этот отрывок не чем иным, как дикой легендой, попавшей в религиозные тексты во времена, когда деяния подобного рода были явлением повседневным.

То же можно сказать о десятках фрагментов и упоминаний, содержащихся в текстах, относящихся ко всем периодам египетской истории. Однако ни один справедливый исследователь не станет судить о египтянах, их религии и верованиях по фразам и выражениям, в которых отражены обычаи и представления людей, живших в долине Нила в эпоху первобытности. Но именно такой взгляд на древнеегипетскую религию характерен для многих современных авторов.

Выдающийся египтолог месье Масперо пишет о том, что, прежде чем он стал самостоятельно расшифровывать египетские тексты, удовлетворяясь пересказом работ отцов-основателей египтологии, он считал, будто представления о боже-

[1] (Пепи I, 11.465, 466).

[2] (Там же, 11.67, 68).

ственном единстве появились у египтян очень рано, а сами они разработали цельную религиозно-мифологическую систему. Но, начав изучать религиозные тексты, он понял, что в них нет никакой глубокой мудрости, которую там находили другие. «Конечно, — пишет он, — никто не обвинит меня в том, что я недооцениваю египтян. Чем больше я узнаю о них, тем больше убеждаюсь, что они были представителями одного из величайших народов, самого оригинального и творческого, но в то же время всегда оставались наполовину дикарями». Другими словами, египтяне, по мнению Масперо, так и не пришли к единобожию и даже в лучшие времена были не более чем полудиким народом.

Легко обвинить в дикости огромный народ, и в данном случае этот упрек является совершенно необоснованным. По мнению автора данной книги, ему противоречит каждое открытие, сделанное в Египте. Чем больше мы узнаем о древних египтянах, тем более целостной и перспективной нам кажется созданная ими цивилизация. Данных, содержащихся в древнеегипетских источниках, достаточно для того, чтобы правдиво описать ее особенности. К тому же, так как выражение «полудикий» довольно расплывчато и его смысл зависит от того, кто его использует, нам следует ответить на вопрос о том, сумели ли египтяне разработать концепцию единобожия.

Выше уже говорилось, что месье Масперо считает, будто они не смогли сделать это. (Но с другой стороны, некоторые из величайших египтологов верили, что египтянам удалось прийти к монотеизму.) Он пишет, что большая часть древнеегипетских мифов похожа на легенды, созданные самыми дикими племенами Старого и Нового Света, в их обрядах прослеживается влияние примитивных верований варваров, а религия представляет собой смешение грубых и возвышенных представлений, характерное для их искусства и ремесла. Ее, по мнению ученого, создали варвары, сделавшие ее настолько впечатляющей, что на протяжении сотни поколений египтяне не смогли отказаться от нее или хотя бы смягчить[1].

[1] La Mythologie. P. 277.

Никто не сможет отрицать, что в египетской религиозной литературе встречаются отголоски полудиких представлений. Но основной вопрос заключается не в этом, а в том, мешали ли они египтянам создать монотеистическую концепцию, сопоставимо ли с ней существование подобных идей и обычаев. Каждый, кто знаком с восточными религиозными сочинениями, знает, что в них тесно переплетаются великое и нелепое, представления о духовном и практические взгляды, интеллектуальность и грубость, вера и предрассудки.

Подобный вывод можно сделать, ознакомившись с работами арабских авторов и даже некоторыми еврейскими Писаниями. Никто не станет отрицать, что арабы верят в единого Бога со времен пророка Мухаммеда. Да и евреи с определенного момента своей истории стали монотеистами и остаются таковыми по сей день. Как арабская, так и еврейская литература полны всевозможных нелепостей, но еще ни один компетентный ученый не усомнился в том, что эти народы исповедуют монотеистические религии. Никто в свете результатов последних исследований не судил о них по грубейшим выражениям и приземленным воззрениям, встречающимся в их Писаниях. С другой стороны, никому не придет в голову искать в еврейской или арабской литературе развитые духовные и философские концепции, которые современные высокообразованные мыслители связывают с монотеизмом. То же, несомненно, относится и к древним египтянам. При этом совсем несложно доказать, что монотеистические воззрения, сформировавшиеся у жителей долины Нила в глубокой древности, по своему характеру очень похожи на представления, характерные для евреев и арабов и возникшие лишь через несколько столетий.

Для того чтобы доказать это предположение, необходимо обратиться к нескольким отрывкам[1] из религиозных текстов. Процитируем следующий фрагмент, содержащий обращение к умершему царю Унису: «Ты существуешь рядом с Богом» [иероглифы]. В надписи Тети о нем сказано: «Он взвешивает слова, и, смотри, Бог прислушивается к словам»

[1] См. фрагменты, приведенные в моей работе: Papyrus of Ani. London, 1895. P. LXXXIII.

. Из текста того же царя: «Бог позвал Тети (по имени и т. д.)» . О Пепи I сказано: «Ты получил атрибут (или облик) Бога, затем ты стал великим перед богами» ; «Твоя мать Нут приказала, чтобы ты был Богом для твоего врага в твоем имени Бога» . О том же царе говорится: «Этот Пепи поэтому Бог, сын Бога» . Конечно, можно утверждать, что слово «нечер» можно перевести как «бог».

Однако в большинстве случаев при таком переводе большинство приведенных выше предложений станет бессмысленным. Зачем кто-то станет говорить мертвому царю о том, что он будет жить «рядом с богом» или что бог услышит его слова, когда будет взвешивать их, то есть вершить загробный суд? Автор текста хотел сказать, что Унис будет жить с Богом и будет назначен им его судьей, другими словами, станет выполнять обязанности самого Бога, а тот при этом будет слушать, то есть подчиняться его решениям. Приведенные выше фрагменты взяты из источников, написанных в период правления V и VI династий, но они представляют собой копии более древних текстов. Дело в том, что у нас есть все основания полагать: уже к тому времени, когда они были написаны, то есть около 3300 г. до н. э., их два или три раза редактировали, вносили изменения и дополнения, приспосабливая к эволюционировавшим религиозным представлениям.

Ценность данных фрагментов, однако, заключается в том, что при помощи их можно доказать: уже в 3300 г. до н. э. в Египте верили в некоего бога, который считался более могущественным, чем остальные «боги» и заметно выделялся на их фоне, отличаясь от членов первой, второй и третьей эннеад .

Можно придерживаться и другой точки зрения, согласно которой слово «нечер» в данном случае относится к Осирису или Ра. Даже если это так, следует признать, что один

из этих богов был для египтян гораздо важнее, чем все остальные «божества». С другой стороны, следует отметить, что в Текстах пирамид встречается множество фрагментов, в которых говорится о великих деяниях, совершаемых Ра для умершего в загробном мире, и о тех почестях, которые будут оказаны там покойному этим богом. Таким образом, мы должны сделать вывод о том, что Бог, о котором идет речь в этих отрывках, не Ра, а, скорее всего, Осирис. Но в этом случае нам придется признать: в относительно отдаленном прошлом, около 3300 г. до н. э., Осирис считался настолько могущественным божеством и занимал столь высокое положение, находясь во главе всех остальных «богов», что к нему можно было обращаться просто при помощи слова «Бог».

Мы уже видели, что Осирис считался судьей тех, кто находился в загробном мире, сидящим на расположенном на небе троне (Унис, 494)[1]. Так как в тексте Униса сказано, что царь становится «богом и посланцем (ангелом) Бога»[2] (175) и «входит в место более святое, чем какое-либо другое»[3], становится ясно: Бог, о котором идет речь в Текстах пирамид, сильно отличается от «богов» и их групп.

Умерший назван «Осирисом Пепи»[4], и, становясь ангелом Бога, если Им и судьей действительно является Осирис, он должен занимать то же положение, что и посланник Бога евреев, который призван «судить богов»[5], а те из них, кто младше его по чину, обязаны служить Ему. Таким образом, можно предположить, что Богом, упоминающимся в Текстах пирамид, был именно Осирис, покровитель и судья умерших, но это единственные Его функции, о которых говорится в этом тексте. К сожалению, мы не знаем, каким его видели первые адепты его культа, потому что гелиопольские

1

2

3

4

5 Псалом LXXXII.1 בְּקֶרֶב אֱלֹהִים יִשְׁפֹּט.

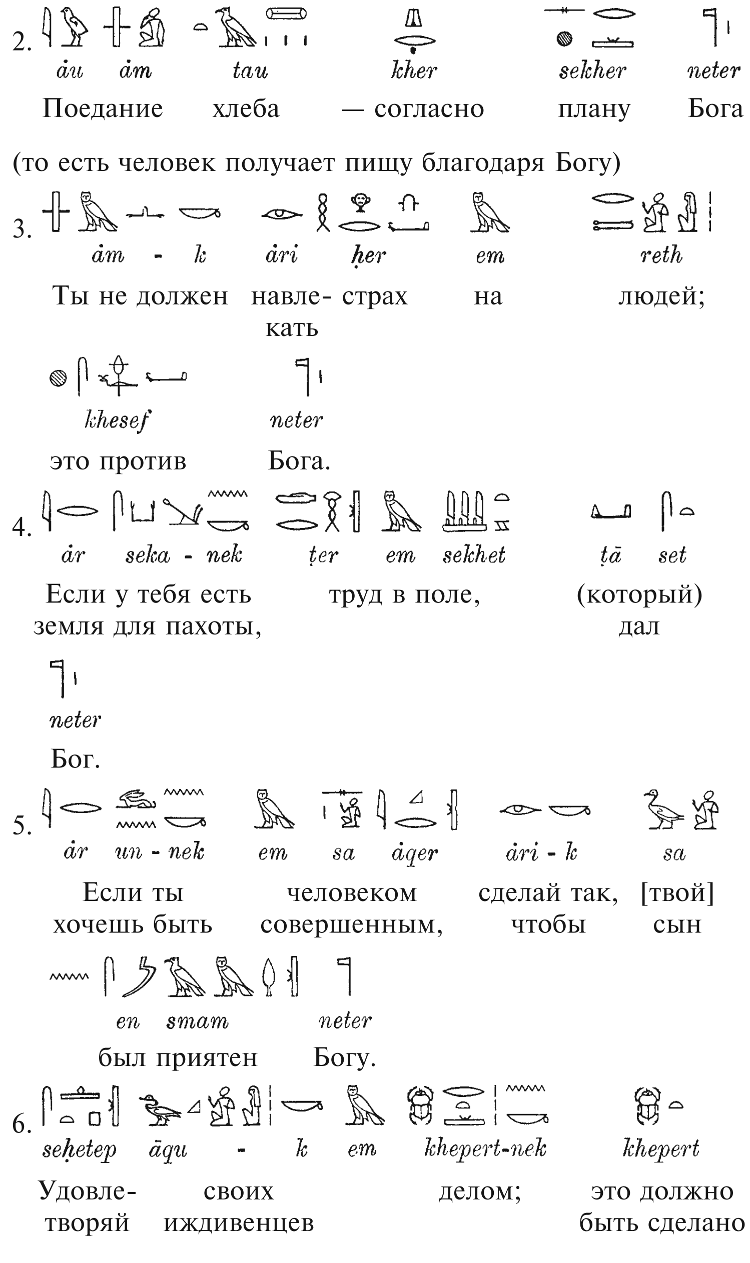
жрецы, включив его в свою теологическую систему, наделили его только теми качествами, которые соответствовали их собственным представлениям. Однако они признавали, что он судья мертвых, выделяющийся на фоне других богов и обладающий свойствами, характерными для Бога, которому поклонялись народы, по всем признакам являющиеся монотеистами.

Более подробно о том, как египтяне представляли себе Бога, мы можем узнать из знаменитых Поучений Кагемни и Птаххотепа. Первое из этих произведений было написано в период правления Снофру, представителя IV династии, а второе — во время царствования Исеси (V династия). Но сохранилось до наших дней только одно из них — копия этого текста была подарена Э. Присс д'Авеном в 1847 г. расположенной в Париже Королевской библиотеке[1]. Этот источник, вероятно, был написан в период правления XVII династии. Следовательно, в нем могут содержаться сведения, отражающие отношение египтян того времени к религии и морали. Оба этих текста созданы на основе более древних (хотя для данной работы не так важно, как именно — периодом царствования XII династии, как считают некоторые исследователи, или временем правления IV и V династий, как говорится в самих источниках, — их следует датировать).

В обоих сборниках поучений содержится ряд моральных наставлений, подобных приведенным в Книге премудрости Соломона, Екклесиасте и Книге притчей Соломоновых. Они представляют собой результат размышлений людей, живущих во всех странах мира. Ни Поучение Кагемни, ни Поучение Птаххотепа напрямую не связаны с религией, и ни один из авторов этих сочинений не обращается к ней за подтверждением своих слов. В текстах встречаются следующие предостережения и высказывания:

1.	*àn*	*rekhentu*	*khepert*	*àrit*	*neter*
	Неизвестны	вещи,	которые	делает	Бог

[1] См.: Fac-simile d'un papyrus Égyptien en caractéres hiératique. Paris, 1847. Folio.

2.
àu àm tau kher sekher neter
Поедание хлеба — согласно плану Бога
(то есть человек получает пищу благодаря Богу)
3.
àm - k àri ḥer em reth
Ты не должен навле-кать страх на людей;
khesef neter
это против Бога.
4.
àr seka - nek ṭer em sekhet ṭā set
Если у тебя есть земля для пахоты, труд в поле, (который) дал
neter
Бог.
5.
àr un - nek em sa àqer àri - k sa
Если ты хочешь быть человеком совершенным, сделай так, чтобы [твой] сын
en smam neter
был приятен Богу.
6.
seḥetep āqu - k em khepert-nek khepert
Удовле-творяй своих иждивенцев делом; это должно быть сделано

Наконец, можно процитировать следующие слова, содержащиеся в папирусе Присса: «Если из незначительного ты стал великим, если из бедного ты стал богатым, когда ты градоправитель, не будь жестокосердным из-за своих достижений, ибо ты стал [лишь]

9. *mer* *sepṭu* *neter*

хранителем запасов Бога».

В результате анализа этих цитат становится понятно, что пути Бога, упоминающегося в поучениях, были неисповедимы. Именно Он даровал людям детей, процветание, пищу; боролся с каждым, кто тиранил себе подобных; любил, когда Ему подчинялись, и ненавидел непослушание (тех, кто не повинуется Ему). Совершенный человек, по мнению Птахотепа, тот, кто растит своего сына так, как нравится Богу, который, в свою очередь, ожидает, что человек, пользующийся Его расположением, будет добр по отношению к тем, кто

зависит от него. Автор поучения напоминает градоправителю, что тот всего лишь хранитель принадлежащего Богу. Во всех этих предложениях речь идет о некоем великом и могущественном существе, правящем миром и вершащем свою волю над теми, кто живет на земле.

Во втором отрывке говорится о сехер нечер, то есть сехере Бога. Слово «сехер» имеет множество значений, среди которых «мысль», «план», «намерение», «схема», «замысел» и т. д. Говоря о том, что «поедание хлеба — согласно сехер Бога», Птаххотеп, несомненно, имеет в виду: человек получает хлеб (или пищу) согласно плану или замыслу, сформулированному (или провозглашенному) Богом заранее. Наиболее подходящим переводом фразы сехер нечер является словосочетание «Божественное провидение». Вряд ли она обозначает судьбу, хотя некоторые исследователи предлагали подобную трактовку.

Теперь нам известно, что оба автора — Кагемни и Птаххотеп — жили недалеко от Мемфиса, так как их гробницы расположены в Саккаре. В таком случае верховным божеством, которому они поклонялись, был покровитель этой местности Птах Прекрасноликий, или Птах Белой Стены, женской ипостасью которого считалась Сехмет, а их сыном — Имхотеп. Но ни в одной из приведенных выше цитат эти божества не упоминаются. Богом, о котором в них идет речь, не может быть и Осирис, так как, во-первых, эти тексты не являются погребальными, а во-вторых, его функции и атрибуты не совпадают с теми, которые, согласно более поздним источникам, принадлежат богу мертвых.

Кем же тогда был Бог, о силе, провидении и власти над миром которого говорится в поучениях? Ответ на этот вопрос предельно прост: им был Бог, власть которого люди, занимавшие то же положение, что и Птаххотеп, признавали даже в столь глубокой древности. По их мнению, он был слишком велик, чтобы называть его как-то иначе, кроме слова «Бог». Таким образом, несмотря на то что они, несомненно, совершали жертвоприношения другим богам в храме Мемфиса по примеру своих крестьян, они знали, что Бог — существо совершенно другого порядка, чем эти «боги».

Обратившись к эпохе Нового царства, мы должны изучить несколько отрывков из сочинения, известного под названием «Максимы Ани», или «Поучения Хонсухотепу», описанного[1] впервые Э. де Ружем в 1861 г. и опубликованного через пятнадцать лет Шаба[2]. Текст[3] написан на папирусе, найденном в коробке, лежавшей на полу гробницы христианского монаха в Дейр-эль-Медине. Судя по палеографическим особенностям, он, вероятно, относится к периоду XXII династии. Однако изначальная версия этого сочинения, очевидно, была написана гораздо раньше — во время царствования XVIII династии. С помощью приведенных ниже отрывков мы сможем рассказать о том, как представлял себе Бога автор «Максим».

1\. *pa neter en sāauȧ ren - f*

Бог — для того, чтобы возвеличивать его имя.

2\. *pa neter ȧput pa maā*

Бог — судья истины

или «бог — судья, справедливый», то есть судья, выносящий приговор, основываясь на том, что правильно, ___, или «закону», «канону».

3\. *ȧu ṭāu neter-ku unu*

Дает твой Бог смысл жизни.

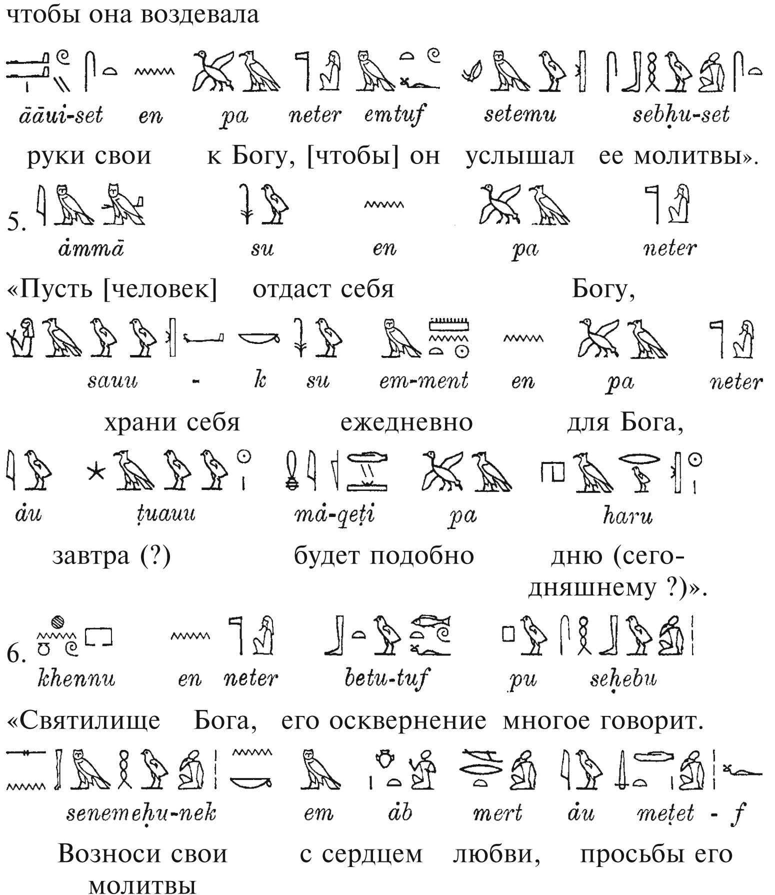
4\. «Я дал тебе свою мать, — говорит автор своему сыну. — И она носила тебя, и взяла на себя тяжелую ношу ради тебя, и

[1] См.: Moniteur, 15 Août, 1861; Comptes Rendus. Paris, 1871. P. 340—350.

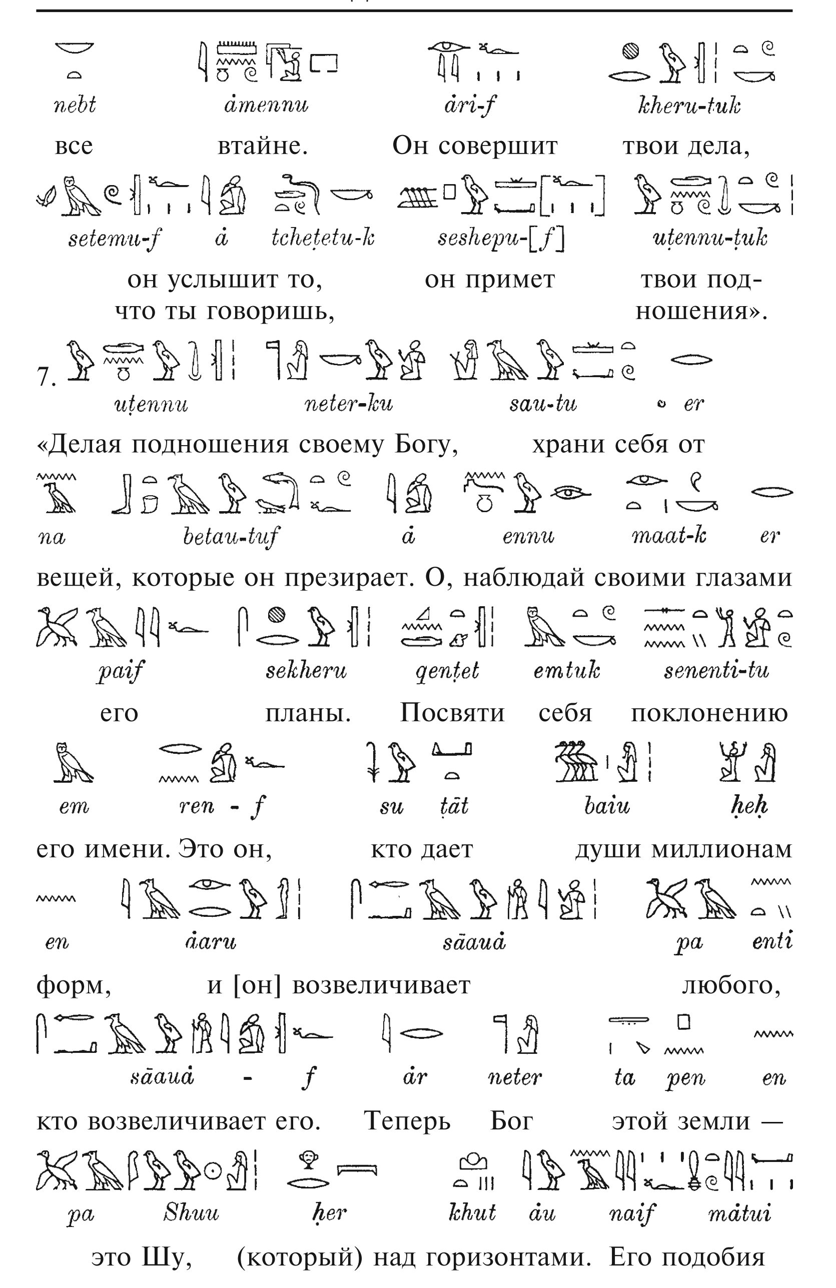
[2] См.: L'Égyptologie, Chalons-sur-Saône. Paris, 4to, 1876—1878.

[3] Факсимильное издание было опубликовано Мариеттом в работе: Papyrus Égyptiens du Musée de Boulaq.

не опиралась на меня. Когда, наконец, ты родился после того, как она носила тебя на протяжении нескольких месяцев, посвятила себя тебе и кормила тебя на протяжении трех лет[1] и никогда не уставала от тебя... Когда тебя послали в школу, чтобы ты учился, она неизменно приходила каждый день к твоему учителю, [принося] хлеб и пиво [для тебя] из дома. Теперь ты стал мужчиной, и женился, и у тебя свой дом, обрати свой взор на своего ребенка и вырасти его так же, как твоя мать вырастила тебя. Не поступай со своей матерью так, чтобы она воздевала

[1] Дословно «ее грудь была в твоем рту три года».

nebt *ȧmennu* *ȧri-f* *kheru-tuk*

все втайне. Он совершит твои дела,

setemu-f *ȧ* *tcheṭetu-k* *seshepu-[f]* *uṭennu-ṭuk*

он услышит то, что ты говоришь, он примет твои подношения».

7. *uṭennu* *neter-ku* *sau-tu* *er*

«Делая подношения своему Богу, храни себя от

na *betau-tuf* *ȧ* *ennu* *maat-k* *er*

вещей, которые он презирает. О, наблюдай своими глазами

paif *sekheru* *qenṭet* *emtuk* *senenti-tu*

его планы. Посвяти себя поклонению

em *ren - f* *su* *ṭāt* *baiu* *ḥeḥ*

его имени. Это он, кто дает души миллионам

en *ȧaru* *sāauȧ* *pa* *enti*

форм, и [он] возвеличивает любого,

sāauȧ - f *ȧr* *neter* *ta* *pen* *en*

кто возвеличивает его. Теперь Бог этой земли —

pa *Shuu* *ḥer* *khut* *ȧu* *naif* *mȧtui*

это Шу, (который) над горизонтами. Его подобия

ḥer ṭep *ta* *ṭāṭā-thā* *sentera* *em*

на земле, даются [им] подношения благовоний с

kai-set *em-ment.*

их подношениями пищи ежедневно».

Благодаря приведенным выше цитатам мы узнаем о новых качествах египетского Бога. Судя по ним, египтяне верили, что это Существо вершит правый суд, ревниво относится к почитанию своего имени; ему приносят подношения, к нему обращаются с молитвами, причем он внимает всем мольбам просящего и выполняет все его желания, если верующий обращается к нему тайно и с «любящим сердцем».

Седьмой фрагмент, очевидно, написан для того, чтобы читатель увидел разницу между Богом и солярным богом Шу, который здесь, несомненно, отождествлен с божеством солнца.

Автор призывает верующих в Бога принимать во внимание его планы (замыслы), заметные на земле, обращать особое внимание на то, каким образом они делают ему подношения, и посвящать себе восхвалению его имени, ибо именно он дарует души, то есть жизнь, миллионам существ; он возвеличивает тех, кто возвеличивает его. С другой стороны, подобия бога Шу, владыки горизонтов — небес Юга и Севера, Востока и Запада, бога этой земли, находятся на ней, и им необходимо каждый день подносить благовония и пищу.

Здесь нет смысла рассуждать о том, что представляет собой пища Бога; нет нужды говорить, что значение многих фраз, содержащихся в отрывках, напоминает (вплоть до употребления тех же слов) некоторые отрывки из еврейского Писания, так как они свойственны всем народам. В частности, следующие цитаты знакомы каждому читателю: «Внимай чудные дела Божии» (Иов., 37: 14); «Я прославлю прославляющих Меня» (1 Цар., 2: 30) и т. д.

Точно определить значение слова «подобия» [иероглифы] сложно, хотя в целом его значение вполне ясно. Под ним следует понимать «вещи, подобные [Шу]». Очевидно, оно может относиться только к богам, которым каждый день совершают воскурения и подношения.

Вторая группа цитат крайне важна, потому что в них отразилась эволюция представлений египтян о Боге и богах. Автор «Максим», подобно Птаххотепу и Кагемни, написал сборник моральных наставлений, при помощи которого он надеялся воспитать своего сына, сформировать у него понимание правильного образа жизни и убедить его в необходимости следовать ему. Эта работа не относится к числу погребальных текстов, поэтому Богом, упоминающимся в ней, не может быть Осирис. Из контекста можно с полной уверенностью сделать вывод о том, что речь в сочинении идет о Существе, уже упомянутом прежде создателями более ранних сборников моральных наставлений. Однако в «Максимах» слово «нечер» [иероглифы] обычно сопровождается определенным артиклем па [иероглифы].

Но в приведенных выше фрагментах нет четкого указания на то, что упоминающийся в них Бог единственный и рядом с Ним нет другого Бога, хотя это и предполагается. В связи с этим нам следует обратить внимание на тексты, относящиеся к другой категории, — те, в которых одному или нескольким «богам» приписываются единичность или единственность. Бог Татенен назван «единым, творцом смертных и эннеады богов»[1]; бог Ра-Атум — «владыкой неба, владыкой земли, создателем существ небесных и существ земных, Единым Богом, появившимся в изначальные времена, творцом мира, создателем разумных существ, создателем Ну (неба), творцом Нила, создателем всего, что в воде, и дарителем ему жизни, связывающим горы вместе, творцом мужчин и женщин, животных и скота, создателем

[1] [иероглифы] (папирус Ани, 1, 6).

неба и земли»[1]. Великий Ху (Дух), созданный Атумом, описывается как «единственный в Нуне»[2]; Осирис назван «владыкой богов, Единым богом»[3]. В интересном фрагменте, в котором атрибуты и функции солярного божества Ра приписываются Амону-Ра, содержится фраза, в которой этот бог описан как «священная (или почитаемая) Душа, возникшая в давние времена, великий бог, живущий в (или посредством) Маат (то есть в неизменном порядке),

(папирус Хунефера, 1, 5 и далее).

[2] Книга мертвых. LXXVIII, 16.

[3] Там же. CLXXIII.

àn rekhtu bes - f

неизвестно его развитие»[1].

Далее в тексте говорится о том, что Амон-Ра — «священный Сехем (то есть Сила), бог возлюбленный, ужасный и могущественный на восходе, владыка космоса, Сила, Хепри, творец каждого изменения (или вещи), которое принадлежит его существованию[2], кроме которого в начале никто другой не существовал». Затем Татенен, Ра-Атум и Осирис названы «Богом Единственным», . В последнем фрагменте встречается интересное выражение «Бог один-единственный» , употребленное по отношению к Амону-Ра.

После непродолжительного размышления мы придем к выводу о том, что боги Атум и Хепри — всего лишь воплощения солярного божества Ра. Так как Татенен, по мнению египтян, был создан богом солнца, он также является солярным божеством. В то время, когда были написаны приведенные выше фрагменты, в период правления XVIII династии, египтяне наделили Осириса новыми атрибутами, принадлежавшими одной из ипостасей Ра (или ему самому). Слово «единственный» употребляется в процитированных отрывках по отношению к Ра и его ипостасям, а также к божеству, которое по крайней мере частично было солярным. В ходе изучения текстов можно выяснить, что эпитетом «единственный» любой бог или богиня наделялись (в данном случае не важно, насколько справедливо) только потому, что обладали одним из признаков, характерных для Ра.

Изучив иероглифические фрагменты, приведенные выше, можно с легкостью сделать вывод о том, что упоминаемому в них богу приписывались функции творца, присущие Всемогущему Богу. В частности, он назван изначальной паут — божественной материей, породившей две эннеады богов (в данном случае имеются в виду группа небесных и группа земных

[1] См.: *Maspero.* Mém. Miss. Arch. T. I. P. 594.

[2] .

божеств, а не великая и малая девятки гелиопольских богов). Каждый бог появился благодаря ему или посредством его. Вполне понятно, что под словосочетанием «каждый бог» подразумевается существо низшего порядка, частично обладающее свойствами нечера («бога»), а также любое существо, служащее великой паут и вошедшее в еврейских Писаниях в категорию «элохим» אֱלֹהִים, или ангелов, а в арабских сочинениях — добрых джиннов.

Далее в тексте говорится не только то, что бог в изначальные времена создал все сущее, но и то, что, кроме него, тогда не было ни единого другого существа. Это несомненное доказательство его единства или единственности, которое нельзя отрицать. Именно это свойство жрецы различных городов при любой возможности приписывали своему местному богу. Мы не можем точно сказать, какому именно божеству оно придавалось изначально — Ра или какому-то еще более древнему богу, такому как Хор. Но, по мнению автора, можно с довольно высокой степенью уверенности говорить о том, что уже в древнейшие времена представители образованных слоев населения Египта знали о данном качестве, а также о том, что оно было основополагающим в представлениях о Боге египтян, живших во все периоды истории страны.

Но затем в тексте говорится, что великая паут, создавшая эннеады богов, «сокрыта рождениями и множественна формами» и что ее «развитие неизвестно». Это всего лишь способ другими словами сказать о том, что способ, при помощи которого все существа и вещи были созданы паут, неизвестен и может быть различным. Здесь следует обратиться к отрывку из главы XVII Книги мертвых (9), в котором речь идет о том, что:

nuk	*neter āa*	*kheper tchesef*	*Nu*	*pu*
«Я бог	великий,	создавший сам себя,	Нун,	иными, словами

qemam	*renu - f*	*paut*	*neteru*
кто сделал	свои имена	эннеадой	богов

em *neter*

как бог».

Далее следует вопрос: «Кто он?» На него дается следующий ответ:

О созидательной силе великой паут уже говорилось в одном из текстов, приведенных выше. Этот бог создал все сущее и, кроме того, имел отношение к своему собственному появлению. Во фрагментах из Книги мертвых содержатся сведения о том, что согласно одному учению имена великого самосущего бога Нуна стали эннеадой богов в качестве Бога, а согласно другому — боги, входившие в свиту Ра, были частями его тела, которые, в свою очередь, являлись его именами.

Последний процитированный текст крайне важен, так как в нем содержится прямое доказательство того, что свойства бога Нуна были переданы Ра, который был с ним полностью отождествлен, а затем их приобрел Амон (благодаря их слиянию и появлению божества Амона-Ра), изначально являвшийся всего лишь богом-покровителем Фив. Нам известно, что функции и атрибуты Ра приписывались многим богам, а все солярные божества, по крайней мере в династический период, считались его воплощениями. Если мы отож-

дествим их всех, то число египетских богов заметно уменьшится.

Такое явление, когда атрибут или свойство единичности приписывается, во-первых, великому Богу, создавшему небо и землю и все находящееся на них, во-вторых, богу солнца, считавшемуся воплощением и символом Бога и его различных ипостасей, а в-третьих, позднее Осирису, многие авторы называют генотеизмом. Они утверждают, будто он связан с определенной «стадией развития религии»[1], отличающейся от монотеистической. В одной из своих работ покойный достопочтенный профессор Макс Мюллер пишет о том, что впервые мы сталкиваемся с этим периодом развития религиозной мысли в Ведах. Затем он продолжает: «Когда обращаются к отдельным богам, считают, что они не ограничены силой других, занимающих как более высокое, так и более низкое положение. Молящийся верит: каждый бог хорош, так же как и все. Такое божество считается настоящим, обладающим высшей и абсолютной властью, несмотря на необходимые ограничения, которые наличие множества богов накладывает, по нашему мнению, на отдельного бога. Все остальные божества исчезают из поля зрения поэта, и только он, способный выполнить желания людей, полностью завладевает вниманием верующих».

В развитии египетской религии действительно присутствовала стадия, которую можно охарактеризовать как генотеизм, но (если на какое-то время предположить, что мы на самом деле можем ее так называть) в египетских религиозных текстах содержатся сведения о том, что «это был не генотеизм, предлагаемый Максом Мюллером, Хартманном или Асмусом, а практический генотеизм, другими словами, почитание одного Бога и выделение его на фоне остальных, так как он являлся покровителем определенного племени или владыкой отдельного народа, национальный или связанный с ним монотеизм, подобный характерному для древних израильтян, поклонение абсолютному владыке, требующему полного повиновения. Этот практический монотеизм отличается от теоретического, который гораздо ближе вере ари-

[1] *Müller M.* Hibbert Lectures. P. 285.

ев с их умозрительными монистическими представлениями о божественном»[1].

Эти слова, содержащиеся в одной из работ покойного профессора Тиле, не относятся напрямую к египетской религии, но они настолько точно соответствуют точке зрения автора данной книги о монотеизме египтян, что вполне подходят для ее выражения. Профессор Тиле был, несомненно, величайшим специалистом своего времени в области сравнительного религиоведения. Хотя он не был египтологом, он обсуждал древнеегипетские религиозные тексты с такими крупными учеными, как Шаба, Бирч, де Руж и др., поэтому его мнение о данном предмете крайне важно. Согласно его точке зрения, в египетской религии сочетаются два противоположных явления:

живое ощущение духовности, вера в Бога — с грубейшими материалистическими изображениями различных божеств;

не менее яркое чувство единственности Бога — с огромным числом существ, обладающих божественной природой[2].

Получившие лучшее образование жрецы, по его мнению, являлись наиболее рьяными сторонниками религиозного прогресса, но в то же время были настолько же привязаны к традиционным способам поклонения богам и их символам, как и простые люди. Больше всего они не хотели отказываться хотя бы от части этих представлений. Неправильное восприятие символизма невежественным простонародьем привело ко множеству ошибок, и то, каким образом египтяне изображали своих богов (картины, кажущиеся нам с нашим утонченным вкусом ужасными), по их мнению, соответствовало представлениям о божественном, более чистом и духовном, чем благородные и красивые статуи греческих богов. Необразованные люди не испытывали отвращения к ужасным изображениям, так как те, по мнению простых египтян, обладали глубоким и загадочным смыслом, а образованные понимали значение этих символов и при их помощи поклонялись истине, оболочкой которой они являлись. Другими словами, необразованным египтянам нравилась много-

---

[1] *Tiele C.P.* в кн.: Encyclopaedia Britannica. Vol. XX. P. 367.
[2] *Tiele.* Histoire Comparée des Anciennes Religions. Paris, 1882.

численность богов, а жрецы и образованные жители долины Нила, умевшие читать и понимать смысл написанного в книгах, исповедовали веру в единого Бога, творца всего сущего на земле и на небе, которого за неимением лучшего слова они называли «богами».

Жрецы и теологи не видели ничего предосудительного в вере в Единого Бога, существующего во множестве ипостасей. Такой же подход характерен для авторов еврейских Писаний, в которых содержатся слова: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх., 20: 3—5). Израильтяне не стеснялись изображать своего Бога в окружении сынов Его, и на протяжении длительного времени они продолжали поклоняться множеству божественных существ наряду с Яхве[1]. Так, в Книге Иисуса Навина говорится: «Бог богов Господь, Бог богов Господь, Он знает, и Израиль да знает!» (22: 22); в Книге Исхода (22: 28) сформулировано следующее правило: «Не оскорбляй богов и не проклинай правителя своего народа» (в русском синодальном переводе: «Судей не злословь и начальника в народе твоем не поноси». — *Пер.*). «Сыны Божии» упоминаются в Книге Бытия (6: 2), а также в Книге Иова (2: 1, 38: 7)[2]. О том, что в некоторых фрагментах под словом «боги» подразумеваются лишь существа, обладающие некоторыми качествами Бога, свидетельствует цитата из Первой книги Царств, где волшебница Аэндора говорит Саулу, что видела «богов, выходящих из земли» (в русском синодальном переводе: «Как бы бога, выходящего из земли». — *Пер.*). В данном случае подразумевается некое сверхъестественное существо или существа.

Вернувшись к характеристике точки зрения профессора Тиле, следует признать, что он прав, утверждая, будто монотеизм в Египте предшествовал политеизму. Это предположение подтверждают и сведения, содержащиеся в некоторых религиозных сочинениях, относящихся к династическому

---

[1] *Tiele*. Histoire Comparée... P. 138.

[2] См. также: Втор., 10: 17 («...ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык». — *Пер.*); Иов., 1: 6 («И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа...» — *Пер.*).

периоду. Однако в результате изучения недавно открытых египетских памятников, относящихся к додинастическому и раннединастическому периодам, можно сделать вывод о том, что политеизм все-таки древнее монотезима. С другой стороны, монотеистические идеи, прослеживающиеся в работах Кагемни и Птаххотепа, появились определенно ранее того времени, когда жили эти люди. Если в египетских гробницах будут найдены литературные сочинения, написанные в период правления первых трех династий, мы, вероятно, узнаем, что и в то время египтяне с такой же уверенностью и непоколебимостью придерживались представлений о единственности Бога. В тех же произведениях мы, очевидно, встретим имена различных божеств, созданных Единым Богом, которого, по мнению обитателей долины Нила, следует почитать и беспрекословно ему повиноваться.

Говоря о египетской религии, профессор Тиле делает вывод о том, что она с самого начала была политеистической, но затем стала развиваться в двух противоположных направлениях: с одной стороны, количество богов увеличивалось посредством введения в пантеон местных божеств; с другой — египтяне все ближе двигались к монотеизму[1].

Нам следует сказать о том, каким образом о египетском монотеизме высказывались выдающиеся египтологи. В своей статье в «Археологическом обозрении» (Revue Archéologique. 1860. P. 73) Э. де Руж пишет: «Единственность высшего и самосущего существа, его вечность, всемогущество, самовоспроизведение похожи на свойственные Богу; приписывание создания мира и всего живущего в нем высшему Богу; бессмертие души в сочетании с верой в наказание и воздаяние — вот безупречная и неизменная основа, позволяющая религиозным воззрениям древних египтян, несмотря на все отклонения и мифологические украшательства, занимать наиболее почетное место среди религий древности»[2]. В своей статье «Религия древних египтян» (Religion of the Ancient Egyptians), написанной через девять лет и ставшей итогом пристального изучения большого числа религиозных текстов, он отметил,

[1] См.: Geschiedenis van den Godsdienst in de Oudheid. Amsterdam, 1893. P. 25.

[2] Annales de Pholosophie Chrétienne. Paris, 1869. P. 336.

что пять тысячелетий назад в долине Нила был сочинен гимн, посвященный единственности Бога, и существовала вера в единственность верховного Бога, сотворившего людей, установившего для них законы и наделившего их бессмертными душами.

Описывая основные древнеегипетские памятники, хранящиеся в Булакском музее (в настоящее время — Национальный египетский музей. — *Пер.*) в Каире, Мариетт отмечает: «Во главе египетского пантеона возвышается Бог, единый, бессмертный, самосущий, невидимый и сокрытый в недоступных глубинах своей сущности; он создатель неба и земли; он сотворил все существующее, и ничего не было сделано без него — таков Бог, которого хранили от посторонних глаз посвященные в таинства»[1]. Сходной точки зрения придерживается Шаба[2]: «Единый Бог, существовавший до всех вещей, олицетворяющий чистое и абстрактное представление о божественном, не может быть точно сопоставлен с каким-либо персонажем обширного египетского пантеона. Ни Птах, ни Геб, ни Тот, ни Ра, ни Осирис, ни какое-либо иное божество не является его воплощением; но то к одному, то к другому из них иногда обращаются при помощи эпитетов, отождествляющих его с высшим существом; бесчисленные боги Египта — всего лишь символы и различные аспекты этого уникального существа».

Месье Пьере, обращаясь к этой теме, высказывает точку зрения, согласно которой египетские тексты подтверждают, что обитатели долины Нила верили в Единого Бога, безграничного и вечного. Однако в то самое время, когда писцы записывали на папирусе или вырезали на камне тексты, в которых выражалась эта вера, художники изготавливали статуи богов с головами соколов, баранов, крокодилов и богинь с головами львиц, кошек и коров. Тем не менее Единый Бог, являвшийся, без сомнения, единственным даже в окружении эннеады богов, ибо он обладал множеством имен и ипостасей, наделялся в храмах священным и загадочным обликом, иными словами, он скрывался в изображениях[3],

---

1 *Mariette O.* Notice. Cairo, 1876. P. 17.

2 Calendrier des jours fastes et néfastes. P. 107.

3 *Pierret.* Le Panthéon Égyptien. Paris, 1881.

которыми были покрыты стены, и в статуях богов, установленных в храмах.

Основным сторонником существования в Египте монотеизма был покойный доктор Бругш, наделявший слово «нечер», «Бог» 𓊹𓀭, глубоким философским смыслом, о котором уже говорилось выше. Разделив точку зрения самих египтян, согласно которой боги были всего лишь именами или свойствами Единого Бога, он изучил религиозные тексты и нашел в гимнах, молитвах и т. д., обращенных к различным богам и богиням и составленных в разные периоды египетской истории, определенные эпитеты и атрибуты[1], которыми их наделили адепты их культов. Затем он классифицировал их и, сгруппировав их в определенном порядке, составил такое описание Бога, соответствие которому сложно найти в каком-либо другом тексте, кроме Священных Писаний. Однако противники этой точки зрения заявляли о том, что данные эпитеты не встречаются в текстах вместе, а значит, египтяне не верили в Единого самосущего Бога, существовавшего всегда, сокрытого, имя которого неизвестно, создавшего небо, богов, землю, людей и все вещи, но в то же время милосердного, сострадательного, любящего, защитника слабых от сильных, награждающего и оберегающего тех, кто служит ему.

Но подобное мнение не подтверждено вескими доказательствами, потому что, хотя эти свойства приписывались огромному числу божеств, необходимо помнить, что они не употреблялись бы в отношении разных богов, если эти божества не считались бы разными ипостасями Бога. Сложно усомниться в том, что данные свойства присущи богам, созданным Богом. То, что египтяне сумели разработать концепции, подобные описанным выше, является неоспоримым доказательством возвышенности их религии и существования у них монотеизма.

В первую очередь следует еще раз отметить, что египтяне верили, что их боги являются существами низшего порядка, подчиненными великому Богу, сотворившему их, и ни в коем случае не равны Ему. Более того, необходимо еще раз

[1] Они перечислены в работе: *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 96 и далее.

отметить: Бог, упоминающийся в моральных наставлениях эпохи Древнего царства, занимает то же положение, что и Яхве у евреев и Аллах у арабов, а служащие ему боги и богини соответствуют ангелам, архангелам и всевозможным духам, как добрым, так и злым, имена которых часто встречаются в еврейских и арабских текстах. Самым веским доказательством этого являются хорошо известные слова из Второзакония (6: 4): «Слушай, о Израиль, Яхве — наш Бог (дословно — боги) — есть Яхве Единый» (в русском синодальном переводе: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть». — *Пер.*)[1]. Вспомним египетское словосочетание , «единый Бог». Насколько нам известно, употребление и значение слова __, аналогично еврейскому אֶחָד, употребленному в процитированном тексте.

Также следует отметить, что выражение «Яхве, наши Боги» свидетельствует о том, что Яхве был отождествлен с богами אֱלֹהִים, которым евреи поклонялись в период, когда их религия была политеистической. Однако вполне возможно, что, когда был написан этот стих Второзакония, слово «элохим» стало также обозначать великого Бога евреев, хотя изначально под ним понималась группа священных или божественных существ. В суре 112 Корана Бог арабов назван Единым, и из комментариев к тексту мы узнаем о том, что эти слова открылись Мухаммеду как ответ на вопрос курайшитов, спросивших его о Боге, которому он предложил им поклоняться. Если бы в нашем распоряжении имелись все тексты, написанные древними евреями и арабами при жизни Мухаммеда, мы, вероятно, узнали бы, что эпитет «единый» использовался в отношении многих местных богов Палестины и Аравии, но только Бог, наделенный способностью рассуживать людей с точки зрения морали, такой, как египетский великий Бог, наделенный этими свойствами философами, жившими в период Древнего царства, сумел сохранить его.

При этом древнеегипетскую религию всегда рассматривали исходя из двух противоположных точек зрения. Некоторые исследователи, среди которых Шампольон-Фижак, де

---

[1] Ср.: Мк., 12: 29 (в русском синодальном переводе: «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый». — *Пер.*).

Руж, Шаба, Мариетт, Девериа, Бирч и Бругш, считали ее монотеистической, а другие, в свою очередь, заявляли, что она политеистическая. Очевидно, все зависит от того, как к ней относится тот или иной ученый. Рассказывая об отличиях между точкой зрения покойного доктора Бругша и собственной, Масперо говорит о том, что они относятся к древнеегипетской религии по-разному. Время, пишет он, которое нанесло столько вреда другим народам, было благосклонно к египтянам. Оно сохранило их гробницы, храмы, статуи и тысячи предметов домашнего обихода, многими из которых они, должно быть, гордились. В результате мы судим о жителях долины Нила по самым красивым из созданных ими вещей и ставим их цивилизацию в один ряд с греческой и римской.

Но, посмотрев на все это более пристально, мы, возможно, изменим свое мнение. К примеру, Тутмос III и Рамсес II больше походят на центральноафриканского Мтесу, чем Александра или Цезаря. Конечно, это не их вина, но египтяне появились на свет слишком рано и должны были понести наказание за свою поспешность. В искусстве, науке, торговле они многое создали и сделали и, более того, многое обещали. В их религии царит та же смесь грубости и возвышенности, которая прослеживается во всех других сферах их жизни. Большинство их мифов похожи на те, которые характерны для самых диких племен Старого и Нового Света.

Каждый египтянин в душе был метафизиком, и это стало особенно заметно, когда благодаря христианству у него появился предмет для глубоких размышлений. Но, спрашивает месье Масперо, какая метафизика могла развиться на основе столь наивных представлений о Вселенной и о вещах незримых? Он полагает, что это справедливо, по крайней мере в целом, так как Бругш представлял себе египетский мир примерно так же, как и он, и, считая это правдой, больше не может соглашаться с предположением о единстве египетского Божества, признанным несколькими учеными.

Он видит в египетской религии то, чем она кажется, то есть политеизм со всеми его противоречиями, повторами, догматами, порой вульгарными, порой жестокими, порой нелепыми, по крайней мере с точки зрения современного чело-

века, с семьями похожих на людей богов, которых верующий лучше понимал и поклонялся с большим усердием, если они были похожи на него[1]. Выраженное выше мнение о египтянах, не самое лестное и прямо противоположное взглядам выдающихся египтологов, очевидно, является искренним, а значит, заслуживает уважение. Но кажется, что месье Масперо судил об обитателях долины Нила, живших во все периоды истории страны, исходя из религиозных норм, характерных для Египта додинастического времени, когда первобытные египтяне были, без сомнения, полудикими.

Египтяне, будучи африканским народом, обладали всеми достоинствами и пороками, характерными для населения Северной Африки в целом. Вряд ли какой-либо африканский народ сумел бы создать метафизику в современном понимании этого слова. Во-первых, ни один из африканских языков не подходит для выражения теологических и философских рассуждений, и ни один самый образованный египетский жрец не смог бы перевести трактат Аристотеля, потому что в итоге получилось бы произведение, которое без предварительной подготовки не понял бы ни один другой священнослужитель. Подобный перевод был невозможен и из-за самого строения египетского языка. С его помощью нельзя передать идеи великого греческого философа, принадлежащего к цивилизации, мышление и культура которой полностью чужды египтянам.

Здесь нельзя не вспомнить о христианской египетской метафизике, так как каждый, кто когда-либо брал на себя смелость прочесть сочинения коптов, знает, что они многое позаимствовали из египетской мифологии, параллельно способствуя ее вырождению, происходившему на протяжении нескольких первых столетий нашей эры, и приспособили ее к новообретенной вере в Иисуса Христа. По житиям коптских мучеников можно судить о том, как египтяне понимали метафизику, а история египетской раннехристианской церкви свидетельствует о том, что происходило, когда они пытались приспособить ее к общепринятым теологическим терминам, использовавшимся в греческом и латинском языках. В этой

[1] *Maspero*. La Mythologie Égyptienne. P. 278.

связи можно отметить, что для того, чтобы выразить различные идеи, связанные с христианским Богом и Троицей, жители долины Нила вынуждены были заимствовать греческие слова, так как в их собственном языке почти нет терминов, обозначающих абстрактные понятия.

Описывая представления египтян о Вселенной и о происхождении богов и вещей, месье Масперо учитывал только мифологическую сторону вопроса и проанализировал фрагменты, на основании которых другие египтологи сделали вывод о существовании в Египте монотеизма. Более того, он, очевидно, не принял во внимание религиозные и психологические особенности этого народа. Когда о египетской религии сказано все плохое, что только можно, оказывается: не она сама была жестокой, нелепой и полной вульгарных элементов. Основная проблема заключается в мифах, которыми поколения глупых жрецов заслоняли чистую веру в единого Бога и бессмертие, очевидно существовавшую в Египте с древнейших времен. Если о современных восточных религиях судили бы так же плохо, как о древнеегипетской, ни одна из них не избежала бы того же приговора. То же можно сказать и о верованиях некоторых западных народов.

Предрассудки, характерные для многих восточных народов, исповедующих монотеистические религии и даже христианство, так же многочисленны, как и свойственные так называемым язычникам. В качестве примеров можно привести верования христиан Южной Месопотамии и многих арабоязычных жителей Восточного Судана. Никто не отрицает существования в первом из упомянутых регионов некоей разновидности христианства, но мало кто осмелится сравнить ее с религиозными убеждениями таких людей, как Кэнон Лиддон и кардинал Ньюмен. В том, что обитатели Восточного Судана верят в Единого Бога, никто не сомневается, но монотеизм никоим образом не мешает им придерживаться грубейших верований и религиозных практик, многие из которых были унаследованы ими от их предков-язычников.

К счастью, доказательств монотеистического характера древнеегипетской религии слишком много для того, чтобы его опровергнуть, и, несмотря на сложную систему символи-

ческих церемоний, являющуюся характерной особенностью египетского культа, те, кто был достаточно образован, чтобы понять, какие идеи скрываются под множеством символов, твердо придерживались монотеистических представлений. Египтяне никогда не смешивали Бога с богами. Кажется, жители долины Нила, наоборот, стремились найти как можно больше различий между Богом и «городским богом». Так, в отрицательной исповеди (№ 38) умерший говорит: «О Утурехит, который выходит из своего дома, я не оскорблял Бога». В строке 42 он продолжает: «Приветствую тебя, Ин-а-эф, который выходит из Иукерта (загробного мира), я не думал с презрением (или не принижал) бога в моем городе».

Мы не можем точно сказать, как и когда появился египетский монотеизм. Но его древнейшие черты возникли как минимум тогда же, когда и династическая цивилизация, хотя, возможно, они относятся к гораздо более древним временам. Монотеистические представления не свойственны ни одному другому народу, жившему в то время.

Кому-то может показаться, что нет необходимости так подробно рассказывать о египетском монотеизме, но эта тема является одной из наиболее интересных и важных, так как в письменных источниках содержатся сведения, подтверждающие его существование в стране более чем за три с половиной тысячи лет до нашей эры. По сути, египетский монотеизм является древнейшей из известных нам разновидностей единобожия. Очень легко представить себе, как бы беспокоились жрецы различных городов, если бы им пришлось убеждать людей, поклонявшихся местным богам, в том, что тот или иной бог представляет собой существо, объединяющее в себе качества бога — покровителя города, великого космического божества, создавшего небо и землю, и бога, следящего за выполнением норм морали и упомянутого в трудах Кагемни, Птаххотепа, Ани и других авторов поучений.

В древнейшие времена таковым был Хор, изображавшийся в виде сокола. Он, судя по всему, является первым божеством, которому поклонялись жители всей страны. Многочисленность ипостасей этого бога, а также тот факт, что в более поздний период его свойства перешли к Хору — сыну Исиды, свидетельствуют о древности и важности этого куль-

та. Следующим божеством, избранным для того, чтобы олицетворять великого Бога, стал солярный бог Ра (в то время как Хор олицетворял небо), получивший все известные египтянам эпитеты, описывающие его силу и могущество, а также эпитеты и воплощения Хора. Но хотя его культ отправлялся по всему Египту, а святилища на протяжении многих веков считались важнейшими из всех, возведенных в стране, у нас имеются многочисленные доказательства того, что египтяне никогда не смешивали веру в великого Бога и в Ра.

В египетской религии, очевидно, сохранились пережитки веры в то, что Ра как дух или бог солнца мог быть его олицетворением или ипостасью, но они не очень отчетливы. В итоге поклонение символу Ра, солнцу, источнику света и тепла и, следовательно, жизни (как считали египтяне в ранние периоды своей истории), встречалось гораздо чаще, чем какие-либо абстрактные представления, связанные с его природой или существованием.

В гимне богу Нила содержится интересный фрагмент, в котором основные свойства и атрибуты Бога приписываются силе, вызывающей разлив реки и олицетворенной в тексте богами Птахом и Хнумом. Автор гимна обращается к этому существу: «Если тебя превзойдут на небе другие боги, оно упадет на их лица, и человечество исчезнет». Судя по контексту, сначала поэт отдает дань уважения местному богу Мемфиса Птаху, которого называет «владыкой рыбы» и «создателем пшеницы и ячменя». Он не забывает и об основной функции Птаха, считавшегося великим ремесленником, — «бездеятельность отвратительна его пальцам». Другими словами, пальцы бога ненавидят безделье.

Далее древнеегипетский поэт обращается к Хнуму, божеству — покровителю первого порога, где, как одно время считали египтяне, расположены истоки Нила, и называет его «приносящим пищу и запасы, творцом всех хороших вещей, владыкой всего лучшего и приятной пищи, кто делает так, чтобы трава росла для скота, наполняет хранилища и складывает зерно в кучу в зернохранилищах, уделяет внимание бедным и нуждающимся, делает так, чтобы вырастали урожаи, достаточные для удовлетворения желаний всех лю-

дей... сила которого подобна щиту». Далее автор гимна заявляет, что истинный Хапи, бог Нила, «не может быть изображен в камне, он не виден на изображениях, увенчанных коронами Юга и Севера с их уреями, ему не могут быть сделаны подношения, его нельзя вынести из его тайных мест, его жилище невозможно обнаружить, его нельзя найти в святилищах, покрытых текстами, нет обиталища достаточно большого для того, чтобы он в нем жил, и сердце [человека] не может изобразить его»[1].

Существо, о котором здесь идет речь, приземленно и не связано с моралью. Наиболее простое и естественное объяснение данных примечательных фрагментов заключается в том, что в них описывается недоступность самого бога и его святилища. Однако заявление о всемогуществе, силе, непостижимости, невидимости и невозможности описать словами силу божества Нила, изобразить его является свидетельством того, что для египетских писцов были характерны возвышенные представления о Боге и его качествах.

Но наряду с основополагающими идеями о Хоре и Ра и концепциями, лежавшими в основе культов этих богов, египтяне на протяжении длительного времени верили в Осириса, занимавшего в египетской религии положение, значительно отличавшееся от роли, которую играл в ней какой-либо другой бог. Нам ничего не известно о его происхождении, но нет оснований для сомнений в том, что ему поклонялись автохтонные жители страны. Его культ, очевидно, стал отправляться еще до начала династического периода. Осирис с древнейших времен был связан с верой в бессмертие и являлся, по глубокому убеждению автора, олицетворением египетского монотеизма.

Мы не в состоянии сказать (или даже предположить), каким образом ему поклонялись изначально, но нам известно, что в раннединастический период один из крупнейших центров его культа находился в Абидосе. На основании того, что он входил в состав паут — гелиопольской девятки богов, — можно предположить, что он являлся крайне важным боже-

---

[1] Транскрипция этого текста приведена в моей книге First Steps in the Egyptian. P. 208.

ством-покровителем Джеду, или Бусириса, расположенного в Дельте, и что из-за этого его святилище посещало множество паломников. Как уже говорилось выше, в период правления V династии он считался судьей мертвых, и вполне ясно, что он также являлся богом умерших в целом.

Следует отметить, что в то время главную роль в Египте играли жрецы Ра, стремившиеся уменьшить значение Осириса. Когда завершилось правление царей VI династии, власть жрецов Ра заметно ослабла, следствием чего стало процветание культа Осириса. Нет смысла подробно, шаг за шагом, описывать в этой книге его эволюцию, происходившую вплоть до периода правления царей XVIII династии. Достаточно будет сказать, что за время, прошедшее между царствованием VI и концом правления XVIII династии, Осирис получил почти все функции и атрибуты Ра, а также его имя, которое было присоединено к имени Осириса так же, как некогда это произошло с Атумом и Хорахти (в результате появились боги Ра-Атум и Ра-Хорахти). Так, в главе CXXX Книги мертвых[1] покойный говорит: «Я не буду повернут на горизонте, ибо я Ра-Осирис». Эта цитата свидетельствует о том, что уже в период XVIII династии Осирис считался солярным божеством. В главе XVII (1.110 и далее) умерший заявляет: «Я Бог-Душа, живущий в двух богах ». Затем следует вопрос: «Что это значит?» Ответ: «Это имеет отношение к Осирису, когда он отправляется в Джеду[2] и находит там душу Ра; там один бог обнимает другого, и священные души появляются в двух богах».

Эти строки в папирусе Ани сопровождаются интересной виньеткой (листы 7—10), на которой изображено похожее на пилон здание между двумя , обозначающими Джеду, на которых стоят бог Ра в виде сокола с солнечным диском на голове и Осирис в виде сокола с человеческой головой, увенчанной белой короной. Два бога смотрят друг на друга в Джеду и, согласно тексту, отождествлены. В итоге Осирис приобрел атрибуты, функции и свойства солярного бога Ра, но в то же время сохранил свои характерные черты.

---

[1] Папирус Ну, CXXX, 1.18.
[2] Мендес в Дельте, или небесный Мендес.

Приведенной здесь точки зрения придерживались и фиванские жрецы. Правда, позаимствовали они ее у своих коллег из Гелиополя. Сформулированная в теологических школах Юга, она настолько широко распространилась, что почти в каждом городе появилось святилище Осириса.

О том, каким образом Осирис был отождествлен с древними солярными богами и стал Ра, можно узнать из довольно важного гимна, посвященного ему и относящегося к периоду XVIII династии. Считалось, что его священный двойник (— ка) обитает в Мендесе. Он был богом, живущим в Сехеме (то есть Хором), владыкой Керерет (загробного мира), святым Мемфиса, владыкой храма в Гермополе, покровителями которого были Тот и его паут. Также в данном тексте Осирис назван «душой Ра» и телом этого бога . Он обладал той же сущностью, что и изначальный бог Нун, а на небе он был великим духом и божественным телом.

Египтяне верили, что Осирис вступил в сражение с демоном Себи, осмелившимся восстать против Ра, и победил его. Во всем мире он установил законы и истину, Маат. Своими собственными руками он создал землю, ветры, растения, пернатых, рыб, скот и других четвероногих животных. Ему по праву принадлежат горы и пустыни по всему свету. Земли Египта радовались, когда он был коронован на его троне, подобно своему отцу Ра. Великая и малая эннеады богов любили его, он был правителем каждого бога и братом звезд.

Наконец, в качестве доказательства полного отождествления Ра и Осириса можно процитировать первые строки главы CLXXXI Книги мертвых, где говорится: «Славься, о правитель Иментета, Ун-нефер, владыка Та-дешерет, о ты, тот, кто восходит подобно Ра! Воистину я прихожу, чтобы увидеть тебя и порадоваться твоей красоте. Его диск — твой диск; его лучи — твои лучи; его корона — твоя корона; его величество — твое величество; его восходы — твои восходы; его красота — твоя красота; трепет, который его, — это трепет, который твой; его благоухание — твое благоухание; его зал — твой зал; его сиденье — твое сиденье; его трон — твой трон; его наследник — твой наследник; его украшения — твои украшения; его приказ — твой приказ; его тайна — твоя тай-

на; его вещи — твои вещи; его знание — твое знание; его символы величия — твои символы величия; его магические способности — твои магические способности; он не умер, и ты не умрешь; он не был повергнут своими врагами, и ты не будешь повергнут своими врагами; ничто плохое не произошло с ним, и ничто плохое не произойдет с тобой вечно и бесконечно».

Такими словами египтяне восхваляли величие и силу Осириса. Однако здесь не упоминаются его качества, заставившие бесчисленные поколения египтян полюбить его. Из сотен погребальных и других текстов мы узнаем о том, что Осирис, по мнению жителей долины Нила, обладал как божественной, так и человеческой природой. Другими словами, в отличие от иных божеств, он был не только богом, но и человеком, а следовательно, у него были два тела — божественное и человеческое, — две природы, два двойника, две души и два духа.

Его человеческая ипостась, согласно древнеегипетской традиции, зафиксированной в сочинении Плутарха[1], некогда жила на земле, была подвергнута ужасной смерти и изуродована его братом. Но супруга Осириса Исида, узнав от Тота определенные слова и ритуалы и научившись у него правильно их произносить и совершать, воскресила его. Тот олицетворял ум всей девятки богов, поэтому слова, которым он научил Исиду, были священными. Очевидно, он назвал ей имена, произнеся которые сами боги поддерживали свое существование. Воскреснув, Осирис отказался от жизни на земле и отправился в загробный мир, став там судьей и богом умерших. Как мы уже видели, он был наделен всеми качествами бога солнца Ра и великого Единого Бога.

Египтяне уже в глубокой древности верили: если Осирис был воскрешен при помощи слов и ритуалов, которым Тот научил Исиду, и таким образом обрел бессмертие, то благодаря им могут возродиться и получить вечную жизнь и простые смертные. Вследствие этого египетские жрецы придумали несколько магических обрядов и убедили людей в том,

---

[1] De Iside et Osiride, ed. Didot (Scripta Moralia. T. III. P. 429—469), XII и далее.

что именно их Исида совершала по совету Тота. Они сложили заклинания из слов, при помощи которых якобы был воскрешен Осирис, и произносили их во время совершения ритуалов. При этом сами жрецы при помощи одеяний пытались походить на божеств, связанных с воскрешением Осириса.

Однако позднее египтяне стали верить в самого Осириса и обращались к нему с молитвами, считая его существом, обладающим божественной и человеческой природой, воскресшим из мертвых, не подвергнувшись разложению, вернувшись в свое собственное тело и обретя благодаря своей божественной природе дар вечной жизни, которой он наслаждался на небесах. Египтяне «любили жизнь и ненавидели смерть» и поклонялись Осирису, считая его великим Богом, способным не только жить вечно (бессмертием обладал любой бог), но и даровать людям посмертное существование. То, что Осирис совершил для себя, он мог сделать и для человека, поэтому Тутмос III обращается к богу следующим образом: «Славься, о мой божественный отец Осирис, ты живешь со своими членами. Ты не разложился, ты не превратился в червей, ты не сгнил, ты не подвергся разложению, ты не сгнил... Я не разложусь, я не сгнию... Я буду существовать, я буду жить, я буду порождать, я проснусь в мире... Мое тело будет упрочено, и оно никогда не будет разрушено и не будет уничтожено на этой земле»[1]. Так как Осирис воскрес из мертвых в своем человеческом теле, возродиться может каждый египтянин. Но у людей нет того, чем обладал Осирис, — божественного тела, такой же души, духа и природы, благодаря которым воскресли его человеческое тело, душа, дух и т. д.

Как уже было сказано выше, уже в глубокой древности появились магические заклинания и обряды, направленные на то, чтобы наделить тело человека способностью возродиться после смерти. Но со временем египтяне поняли, что ни слова, ни ритуалы не могут подарить умершим вечную жизнь — только Осирис способен дать им то, чего они так страстно желают, наделив мертвые тела способностью вос-

---

[1] Книга мертвых. CLIV.

креснуть, которой обладал он сам. Вне всякого сомнения, египтяне понимали, что Осирис — это единственный Бог, способный даровать им вечную жизнь. Один лишь он мог сделать так, чтобы «мужчины и женщины рождались снова»[1].

Мы уже видели, что он приобрел свойства великого Бога, создавшего все. Как нам теперь стало ясно, он считался также богом, способным победить смерть, воскрешая тела умерших в более совершенном виде, соединяя их с их душами и духами и даруя им вечную жизнь в своих владениях. Такого не говорили ни об одном другом божестве; ни один другой бог не получил качества, характерные одновременно для этического бога, всемогущего бога-творца и бога, способного оживлять умерших. Вера в Осириса вобрала в себя представления обо всех других божествах, но при этом ни одно другое божество за все время расцвета египетской цивилизации не сумело приобрести хотя бы одно из свойств Осириса.

Бога солнца Ра называли «Единым», да и некоторые другие боги, получившие его атрибуты и функции, получали этот эпитет. В древнейшие времена это считалось вполне нормальным, так как египтянам было известно всего одно солнце, и не так важно, к кому они обращались в своих гимнах — к самому светилу как олицетворению движущей его силы или к ней самой, ибо слово «Единый» было подходящим эпитетом как для солнца, так и для его бога.

В связи с этим важно вспомнить, насколько особое положение Осирис занимал в Книге мертвых и погребальных текстах в целом. В надписях, относящихся к эпохе V династии, говорится о том, что египтяне считали, будто Осирис «взвешивает слова», то есть, когда души людей покидают их тела, он узнает об их различных высказываниях и поступках, чтобы вознаградить их по заслугам.

Позднее это представление отразилось на виньетке, где изображено сердце умершего, взвешиваемое на Великих весах. На другой их чаше лежит символ Маат, закона, справедливости и истины. В еще более поздний период, когда сердце стало символизировать совесть, эта сцена начала свя-

[1] [hieroglyphs]; см.: Книга мертвых. CLXXXII, 1.15.

зываться с рассмотрением слов и поступков покойного, проходившим в зале Двух Маат. На изображениях взвешивания сердца, сохранившихся в записанных в периоды XVIII и XIX династий версиях Книги мертвых и сопровождающихся соответствующими гимнами и текстами, этот обряд происходит в присутствии богов великой и малой девяток, помимо которых в зале Двух Маат присутствуют сорок два советника, помогающие богам. Однако в обоих случаях судьей является Осирис. Именно к нему все египтяне надеялись вернуться после смерти.

Мы не знаем, почему советников было именно сорок два, но вполне возможно, что, как мы предполагали ранее, каждый из них в раннединастический период олицетворял одну из областей Египта, а зал Двух Маат, когда Осирис начал судить умерших, стал местом встреч советников со всей страны. Более того, нельзя понять, почему определенный советник должен был слушать признание умершего в том, что он не совершал тот или иной грех. Мы не знаем, при каких обстоятельствах они были отобраны и допущены в зал Суда. Некоторые из них, очевидно, изначально были богами городов, другие — номов. Но с другой стороны, несколько из них были богами, в древнейшие времена считавшимися враждебно настроенными по отношению к покойным. Интереснее всего в свете недостаточности информации о советниках и зале Двух Маат, в котором они находились, что, судя по изображению на виньетке, Осирис безраздельно господствовал над всеми остальными египетскими богами.

Выше мы пытались проследить развитие в Египте веры в высшее существо с древнейших времен и до момента, когда Осирис был наделен свойствами, которые в настоящее время характеризуют всемогущего Бога. Не может быть никаких сомнений в том, что в додинастические времена египтяне поклонялись неодушевленным предметам, камням, животным, растениям и деревьям. Они стали верить в зооантропоморфных богов в конце длинного периода, который в наше время называют «вопиющим идолопоклонничеством». От представлений о зооантропоморфных богах они перешли к вере в человекобога и, наконец, были готовы к восприятию монотеистических концепций.

Древнейшие из египтян, о которых мы располагаем точными сведениями, уже отказались от почитания неодушевленных предметов и камней и большей части того, что связано с подобными культами. Однако в некоторых городах священными продолжали считаться определенные животные. К тому же, как уже говорилось выше, в письменных источниках сохранились упоминания о жестоких обычаях и обрядах.

Со временем многое в отношении египтян к богам изменилось, но лишь незначительные перемены коснулись их культов и храмовых ритуалов. Другими словами, дух религии изменился, но внешнее оформление осталось прежним. Ритуалы и литература были прежними, но в них уже не верил никто, кроме простого народа. Таким образом сохранялись пережитки наиболее примитивных форм религии, передававшиеся от одного поколения к другому. После окончания периода IV династии египтяне стали жертвами консерватизма и традиционализма. Мы могли бы добавить в этот список гелиопольских и фиванских жрецов, но для этих могущественных и богатых коллегий все было совершенно иначе.

Концепция монотеизма, столь четко выраженная в моральных наставлениях, написанных в период Древнего царства, должна была быстро эволюционировать, одновременно уничтожая остатки древних устаревших верований, существовавших наряду с высокоразвитыми учениями. Однако упадок, наступивший в стране после окончания правления царей IV династии и задержавший развитие изобразительного искусства, также отразился на религии. В результате возвышенная монотеистическая концепция с характерной для нее верой в невидимое не смогла состязаться с почитанием символов, которые можно было увидеть и нести, пока не наступило время, когда Осирис стал считаться единым Богом, дарителем вечной жизни.

Египтяне, как и их боги, а также регион, где они жили, отличались от других народов. О них нельзя судить исходя из знаний о представлениях иных этносах, в какой бы период те ни жили. То же относится и к их религии и богам, о которых не следует делать какие-либо выводы, основываясь на опыте цивилизованных народов, живших в более позднее время. О том, что египтяне думали и во что верили, мы мо-

жем судить только в ходе изучения написанных ими текстов. Мы не должны делать какие-либо окончательные выводы об их представлениях, пока не будут опубликованы все произведения древнеегипетской религиозной литературы. Однако общие принципы их религии вполне ясны: нам известно, что они исповедовали здоровый практический монотеизм и верили в бессмертие, причем оба этих явления были уже очень древними даже в эпоху строительства пирамид.

Глава 4
НЕБЕСНЫЕ БОГИ

В предшествующих главах, посвященных рассмотрению общих проблем, связанных с представлениями египтян о Боге и богах, не сказано, где обитали эти существа и их спутники. В текстах, написанных во все периоды египетской истории, ничего не говорится о том, где именно находились небеса, но с некоторой уверенностью можно утверждать, что они располагались где-то над небом и назывались пет. Необходимо различать значение понятий «пет» и «нут», так как первое означает «небеса», а последнее переводится как «небо». Также следует отметить, что в текстах упоминаются две разновидности неба — дневное и ночное.

Детерминатив, сопровождающий слова «небо» и «небеса», представляет собой плиту, каждый край которой опирается на подставку. Можно предположить, что изначально египтяне верили, будто на таких опорах (двух горах) держатся небеса. Из первой горы каждое утро выходило солнце, каждый вечер скрывавшееся в другой. Гора восхода называлась Баху, а гора заката — Ману.

В древнейшие времена считалось, что небо разделено только на две части — восточное и западное, но позднее его стали делить на четыре части, каждой из которых покровительствовало отдельное божество. Это произошло задолго до того, как были написаны Тексты пирамид, потому что в них говорится, что железная плита неба, одновременно являвшая-

ся полом обиталища богов, была прямоугольной и каждый ее угол поддерживала подставка . О том, что небо таким образом представляли уже в глубокой древности, свидетельствует иероглиф , служащий детерминативом к словам, обозначающим дождь, бурю и т. п. Он представляет собой изображение падающего неба, проткнутого четырьмя опорами.

Позднее появилось представление о том, что четырем частям неба покровительствуют четыре бога, а его опоры были названы четырьмя скипетрами, которые держат в руках эти божества. Так, в тексте Тети (1.233) говорится: «Когда Тети подходит к ним, они приводят к нему четырех богов, стоящих со скипетрами неба, и они повторяют имя Тети Ра, и они доставляют его имя Хору двух горизонтов»[1]. В нескольких текстах[2] упоминается поднятие небес на четыре подпорки, например . В одном фрагменте говорится, что опоры поддерживают то, на чем держатся четыре неба . В сравнительно поздний период возникло представление, согласно которому у неба, помимо угловых, должна быть опора посередине. Бога, выполнявшего обязанности подпорки, звали Хех .

В одном из мифов, в котором небо предстает в виде головы человека, а солнце и луна — его глаз, его опоры названы длинными ниспадающими волосами. Так, в тексте Униса (1.473) упоминаются «четыре старших духа, живущие в локонах Хора, стоящие на восточной части небес, держа свои скипетры»[3]. Божествами, скипетры которых были четырьмя подпорками

[1]

[2] См.: *Brugsch*. Wörterbuch. P. 1351.

[3]

неба, одновременно являвшимися его крайними точками, были Имсет, бог восточной части неба, Хеп, бог северной части, Дуамутеф, покровитель восточной части, и Кебехсеннуф, бог западной части. Эти боги играли важную роль в путешествии умершего, описанном в Текстах пирамид, где они названы «детьми Хора»[1]. В одном фрагменте покойный призывает их привезти ему ладью Ока Атума, находящуюся на озере Ха, а в другом содержится обращенная к ним просьба защитить его жизнь при помощи их магической силы и амулетов[2], и, наконец, в надписи говорится о том, что покойный становится одним из них (Пепи I, 1.672). В Книге мертвых они связаны с погребальным культом, о чем будет сказано ниже.

Предводителем обитателей небес был Ра, восседавший, по мнению египтян, на железном троне, [бока которого были украшены] изображениями лиц львов, а ножки напоминали копыта быков[3]. Вокруг Ра, независимо от того, сидел он или шел, находились боги из его свиты, являвшиеся основными жителями небес. За ними следовали другие божества, а вся Вселенная была разделена на три части: небеса, землю и Дуат, или загробный мир. У каждой из них были свои собственные боги, и можно предположить, что все они получали места на египетских небесах.

Помимо этого, там обитали несколько категорий существ, первым из которых являются шесу-Херу, или шемсу-Херу. В Текстах пирамид это название выписано как, и его можно перевести при помощи словосочетания «последователи Хора». К тому же именно они составляли свиту Хора, сына Исиды, на небесах, где прислуживали ему и выполняли

1 (Пепи I, 1.593).

2 Там же, 1.444.

3 Там же, 11.309, 310.

его распоряжения, а в случае необходимости защищали его. Они являлись крайне важными членами небесного воинства. В текстах о них говорится так, будто они почти равны богам. Так, Пепи I (1.166) «умиротворяет их». Хотя, с другой стороны, именно они «мыли его и произносили от его имени слова тех, кто выходит, и [слова тех, кто] поднимается»[1].

Также необходимо упомянуть ашему, категорию существ, функции которых неясны. В тексте Тети (1.327) они упоминаются в связи с сехему. Слово «ашем», как правило, предположительно переводится как «ипостась, в которой бог видим», но у него должно быть другое, более древнее значение.

Хенменет[2], или хамемет, очевидно, являются существами, которые должны стать людьми или уже были ими. Вероятно, сами египтяне не очень четко понимали, что они собой представляют. Различные исследователи по-разному интерпретируют фрагменты фиванской версии Книги мертвых, в которых упоминаются хенменет.

В одном из гимнов Ра говорится, что, «когда он поднимается, рехит (разумные существа) живут, а хамемет радуются ему». Осирис назван «[владыкой] хамемет, что в Хер-аха». В главе XLII Книги мертвых можно прочитать следующие слова: «И пусть не навредят мне ни люди, ни боги, ни духи, ни умершие (или проклятые), ни рехит (разумные существа), ни хамемет». В другом месте умерший молится, «чтобы боги были в мире, когда хамемет станут разговаривать» с ним[3].

Из отрывка надписи Хатшепсут[4] становится ясно, что во второй половине династической эпохи этим словом стала

---

[1] Ср. вариант.

[2] Тети, 1.95.

[3] См. список фрагментов, приведенный в моем Словаре к «Книге мертвых». P. 205.

[4] .

обозначаться некая категория людей. По крайней мере, оно сопровождается детерминативами , обычно указывающими на то, что речь идет о смертных. Так, в тексте Рамсеса III говорится обо «всех богах и богинях Юга и Севера, всех людях, всех пат, всех рехит и всех хамемет». Наконец, о том, что хамемет некогда жили на земле, свидетельствует фрагмент гимна, обращенного к Амону-Ра, где этот бог назван «создателем зеленой травы, дающей жизнь животным и скоту и растения жизни , для хамемет»[1].

О существах, названных афа и утенну и упомянутых в тексте Пепи II (1.951), нам ничего не известно. То же относится к существам Сета , которые, в свою очередь, были разделены на две категории — высшую и низшую . Приведем отрывок, где упоминаются эти существа: «О великие небеса, протяните свою руку Пепи Нефер-ка-Ра! О могучие небеса, протяните свою руку Пепи Нефер-ка-Ра, ибо Пепи — ваш священный сокол . Пепи пришел, поднявшись на небо, и он вошел в Кебху. Пепи отдал должное своему отцу, и он поднимается, подобно Хору. Пепи пришел в место, где он находится, и он (его отец) разрешил ему взойти подобно солнцу, и он установил для него его два священных уджат , и, когда Пепи выходит с ним, великий, как Хор, сын Нут, и подобный ребенку с локоном (Харпократу), и обрушивается на короны, и приказывает богам утенну, боги афа следуют за Пепи, и те, кто на небесах и на земле, приходят к нему, чтобы засвидетельствовать свое почтение, вместе с двумя проводниками-уреями , шакалами, духами и существами Сета, как высшими, так и низшими». Вполне возможно, что природа существ Сета могла быть подобной природе самого бога Сета, изначально считавшегося братом и союзником Хора, но в более поздние времена превратившегося в воплощение зла.

[1] Ред. Grébaut, раздел VI.

Помимо них в тексте Пепи II (849) упоминаются «сторожа города Пе» и «сторожа города Нехена». Следовательно, можно предположить, что определенные города, по мнению египтян, находились под покровительством богов, в обязанности которых входило представлять их интересы на небесах. Из нескольких отрывков Книги мертвых нам известно: некоторых богов называли «душами» тех или иных городов. Судя по надписям, у каждого поселения была душа, которая, подобно человеческой, могла бродить там, где ей хотелось.

Так, на стене храма, возведенного Клеопатрой VII в Гермонтисе (в настоящее время он разрушен), великая царица была изображена рожающей своего сына Цезариона. Богиня Нейт держит ее за руку, а повивальная бабка Неджемджемет принимает мальчика в присутствии нескольких богов и богинь. В верхней части изображения помещены две группы богов-покровителей городов — семь справа и семь слева. Они должны были не только присутствовать при рождении ребенка, но и взять его под свою защиту. К числу этих городов относились Фивы, Инет, Хет, Кесет, Унет, Ихет, Хетеп, Уауаа и т. д.[1] Каждая душа изображалась в виде сокола с головой человека, а на ее голове располагались рога и диск с прикрепленным спереди уреем.

Из-за ограниченного объема книги я не могу рассказать о других странных существах, названных богами, так как их количество практически неизмеримо. Поэтому теперь нам следует обратиться к духам, душам и т. д. праведных мужчин и женщин, некогда живших на земле. Их, как и божественных существ, называли «живущими». Об этом свидетельствует фрагмент из надписи Униса (206), в котором говорится: «Приветствую тебя, Унис, вот ты не умер как покойник, а живой, ты отправился, чтобы занять трон Осириса. Твой скипетр аб в твоей руке, и ты приказываешь живущим, твой скипетр мекес

[1] См.: *Lepsius.* Denkmäler. IV. Pl. 60.

и твой скипетр нехебет [иероглифы] в твоих руках, и ты отдаешь приказы тем, чье жилище сокрыто». Когда царь Тети появляется на небесах, место его сердца оказывается «среди живущих на этой земле вечно» [иероглифы][1].

Судя по второму фрагменту, египтяне считали, что человек может получить все качества божественного существа или, можно сказать, ангела и в то же время существовать не только на небе, но и на земле. Это представление возникло, вероятно, потому, что они хотели, чтобы у тела умершего было будущее, так же как и у духов и душ праведников, обитавших на небесах. Земля и небо, как и земные и небесные боги, дополняли друг друга. Соответственно, существование духа и души человека на небе должно было сопровождаться его жизнью после смерти в какой-либо местности на земле. Судя по Текстам пирамид, мнение египтян о количестве и функциях составляющих частей их существа, как физических, так и духовных, со временем изменялось. Когда их цивилизация достигла высшей стадии развития, эти перемены отразились на их религиозных сочинениях. В начале додинастической эпохи они верили, что посмертное существование — всего лишь продолжение земной жизни. Именно поэтому они клали пищу в могилы (или на них) своих умерших родственников и знакомых.

Но жители долины Нила знали: тело, обретенное человеком в новой жизни, не может быть тем же, что и на земле, хотя оно должно быть таким же. Следовательно, они считали, что умерший должен обрести другое тело. В своих мечтах египтянин представлял себя или своего двойника, занимающегося различными делами. Он называл этого двойника ка [иероглиф]. Ка рождалось вместе с человеком, пребывало с ним на протяжении всей его жизни, как правило не вмешиваясь в нее, и продолжало существовать после его смерти. Оно никогда не покидало тело умершего, лежащее в могиле или

[1] Также ср.: [иероглифы] (Пепи I, 11.545, 546).

гробнице, а подношения, которые приносили родственники покойного, должны были обеспечить его существование.

Тем не менее считалось, что ка Хора находится на небесах (Тети, 88), как и ка Тети (94), которое просят приносить с собой пищу для царя. Раз на небесах обитали кау людей и богов, там же должны были жить кау городов, например города Пе (Тети, 88), и «владыки кау восхваляли Ра во владения как Хора, так и Сета»[1]. Царь Унис назван «предводителем двойников» . Также в тексте говорится, что он «собирает вместе сердца великого мудрого правителя» (Унис, 395). Помимо этого, как у людей, так и у богов были тени, которые также обитали на небесах после смерти своих земных тел. После того как Унис съел тела богов и получил их души и духов, его пламя «в их костях, ибо их души с Унисом, и их тени, и их воплощения» (Унис, 523; Тети, 330). Души и духи людей обитали на небесах вместе с богами, и в религиозных текстах, написанных во все периоды, постоянно говорится об этом, в связи с чем я считаю нецелесообразным приводить какие-либо примеры.

Душа, ба , обычно изображалась в виде сокола с человеческой головой, а дух, ху , — в виде цапли. Тесно связан с телом был сехем , функции которого неясны. Это слово различные исследователи переводили как «сила», «воплощение» и даже «жизненная сила». Последнее в этом списке — более совершенное тело, с которым связаны душа, дух, сила и имя умершего, — жило на небесах. Это новое тело покойного называлось саху . Для удобства мы будем называть его духовным телом. Оно выходило из физического тела умершего и могло быть вызвано при помощи особых ритуалов и слов, произносившихся жрецами, когда мумию покойного помещали в его гробницу.

[1] (Тети, 1.192).

Таким образом, к числу обитателей небес относились великая и малая эннеады, другие группы богов, а также большое число существ, которых для удобства можно назвать «младшими божествами», и несколько чинов созданий, обладавших рядом признаков, позволявших египтянам считать их божественными, а также тени, двойники, души, духи, силы, сердца и духовные тела тех, кто некогда жил на земле. В главе LXIV Книги мертвых (21) содержится довольно странное утверждение о том, что число духов достигает «четырех миллионов шестисот одной тысячи двухсот» . Однако мы точно не знаем, о каких именно духах идет речь — небесных или тех людей, которые некогда жили на земле.

О том, чем занимались обитатели небес, известно мало. Некоторые из них управляли этим миром, другие руководили движениями небесных сфер, а третьи были членами свит великих богов и сопровождали их во время путешествия по небу. Все они восхваляли Ра, царя и правителя богов, и воспевали его в гимнах, описывая в них его величие и славу, подобно тому как люди посвящали радостные песни солнцу, когда оно восходило и садилось.

Боги кормились небесной пищей, которой их снабжало Око Хора. Другими словами, они поддерживали свое существование при помощи испускаемых солнцем лучей, которыми оно освещало небо. Поэтому их тела полностью состояли из света. Согласно одному из мифов, боги питались «древом или растением жизни» (Пепи I, 430), росшего, вероятно, недалеко от великого озера в сехет-хетеп, вокруг которого они имели обыкновение сидеть[1]. Однако это представление связано с другим, согласно которому души праведников жили в прекрасной плодородной местности, где белозерная пшеница и красный ячмень росли в изобилии, достигая огромной высоты. Там текли многочисленные пол-

[1] (Пепи, 1.431).

новодные каналы и были доступны всевозможные телесные удовольствия.

В других текстах говорится о «хлебе вечности» и «пиве вечности». Вероятно, они названы так потому, что никогда не черствеют и не портятся[1]. В источниках также упоминаются небесная смоковница и небесный виноградник, плодами которых питаются праведники. Хлеб, который они ели, проливало на ветви оливкового дерева Око Хора (Унис, 200). Наконец блаженные были облачены в одеяния, сходные с теми, которые носили боги, но на них также были белые льняные одежды, а на ногах красовались белые сандалии.

Все эти детали свидетельствуют о том, что изначально египтяне считали, будто небеса являются аналогом земного имения. Они надеялись увидеть там виноградники, смоковницы и оливковые деревья, пшеницу, из которой можно печь хлеб, и ячмень, чтобы варить пиво. Они также хотели ходить в чистых белых одеяниях и белых сандалиях. Через их небесные поместья должны были течь многочисленные каналы. При этом умершим египтянам не нужно было тратить силы на наполнение их водой небесного Нила при помощи механизмов, напоминающих современный шадуф. В загробном мире боги снабжали их пашней, следя за тем, чтобы она приносила хороший урожай.

Эти простые приземленные небеса сильно отличаются от описанных в трудах еврейских и мусульманских авторов, с их всевозможными чувственными наслаждениями, обильной пищей, выпивкой и удовольствиями. В Текстах пирамид говорится о том, что на небесах есть женщины (хотя бы потому, что там обитали богини), но они совсем не похожи на чернооких гурий, упоминающихся в описаниях рая арабов. Женщины, по мнению египтян, не были главной достопримечательностью небес. Насколько нам известно, там не звучали музыкальные инструменты. На небесах раздавались лишь звуки песен, при помощи которых боги и праведники восхваляли великого Бога.

[1] Тети, 1.288; Пепи I, 1.442 и 1.390.

Знатный египтянин, живший на своей собственной земле вдали от городов, всегда оставался верен себе. Ему нравилось мыть и умащать свое тело и, надев чистое льняное одеяние, сидеть на солнце по утрам, вести себя величественно и пользоваться уважением у своих соседей и подчиненных. Он любил, когда в его хранилищах много зерна, вина и масла, а его желания исполняет достаточное количество рабов, помогающих ему с достоинством объезжать деревни. Он почитал свою мать, обычно брал ограниченное число жен, одной из которых могла быть его родная, сводная или двоюродная сестра, и надеялся на рождение наследника.

Нужно отметить, что в Текстах пирамид ничего не говорится ни о семьях умерших царей, ни об их супругах, хотя Унис (628, 629) в них в любое время может уносить женщин от их мужей туда, куда ему нравится. С другой стороны, Исида сопровождает Тети, соединившись с ним, зачинает и, подобно звезде Сопдет, рождает Хора Сопдет[1]. В другом фрагменте говорится о том, что Унис становится мужем богини Маурит и молодой женщины, проносящей ему хлеб[2].

Но эти существа были всего лишь небесными водами, которые приобрели облик богов и богинь, поэтому ни о какой чувственности в этом тексте речи идти не может, хотя его дословная трактовка предполагает обратное. Существование древнейших египтян на небе было таким же бесхитростным, как и их жизнь на земле, и больше всего им хотелось наслаж-

[1] (Тети, 1.276).

[2] (Унис, 1.181).

даться удобством и покоем, без войн, суматохи и раздоров. В текстах ничего не сказано о небесах, полы которых посыпаны белой мукой или мускусом, с жемчугом вместо камней, деревьями с золотыми стволами, домами, покрытыми золотом и серебром, молочными реками, медом, вином, бесчисленными девами с телами, слепленными из чистого мускуса, живущими в шатрах, сделанных из полых жемчужин, и свободными ото всех недостатков своего пола. Желания древнейших египтян, связанные с тем, что они хотят увидеть на небе, были такими же бесхитростными, как и сами их представления о небесах.

Жители долины Нила думали, будто смогут взобраться на железный пол неба, поднявшись на горы, некоторые вершины которых касаются его. Позднее они стали считать, что тем, кто живет вдали от гор, достигающих небесного пола, нужна лестница. Поэтому во многие гробницы клали модели этого приспособления, чтобы умерший в случае необходимости мог воспользоваться ими. Даже Осирису, по мнению египтян, нужна была лестница, подниматься по которой ему помогали Ра и Хор или Хор и Сет. Эта идея настолько плотно засела в сознании египтян, что, перестав класть в гробницы модели лестниц, они начали изображать их на папирусах Книги мертвых, также помещавшихся рядом с покойным[1]. Модель лестницы, макет , могла по желанию умершего удлиняться до бесконечности. Для этого он должен был произнести определенные магические слова. Таким же образом изображение на папирусе могло превратиться в настоящую лестницу.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что египтяне так и не сумели освободиться от материалистических представлений о небе и хотели заслужить вечную жизнь и счастье своими земными деяниями. Во второй части династического периода представления о небесах стали более материалистическими, и наконец, судя по древнеегипетским текстам, начала преобладать вера в воскрешение физического тела, а посмертное существование стало считаться не чем иным, как продолжением земной жизни.

---

[1] См. мою работу Papyrus of Ani. 2nd ed. P. 22.

Так, в заголовке главы СХ Книги мертвых говорится о том, что она призвана помочь умершему «делать все, что делает человек на земле». В результате покойный произносит следующие слова: «Да стану я там, то есть на Сехет-хетеп, или Елисейских полях, духом ху, да смогу я есть там, да смогу я пить там, да смогу я пахать там, да смогу я жать там, да смогу я сражаться там, да смогу я заниматься любовью там, пусть мои слова обретут там силу, да не буду я никогда в рабстве там, да буду я облечен властью там». Он также просит, чтобы вместе с ним на Сехет-хетеп были его отец и мать, а также, вероятно, супруга и дети, бог или боги его города. Но в этих приземленных фрагментах нет ни одного упоминания о желании умершего поклоняться небесным богам или даже великому Богу, который, как сказано в текстах, «берет там начало», и восхвалять их. В другом месте этой же главы покойный говорит: «О Уах, я вошел в тебя, я съел свой хлеб, я получил власть над лучшими кусками мяса быков и дичи, и птицы Шу были отданы мне. Я нырял в озера Десерет; узри меня, ибо вся грязь покинула меня. Великий Бог берет там начало, и смотри, я нашел [пищу там]; я ловил в силки птиц и питался лучшими из них... Я видел Осириса [моего отца], и я смотрел на мою мать, и я занимался любовью».

В более поздний период династической истории египтяне стали считать, что в каждой части Елисейских полей можно найти какое-либо новое земное удовольствие. Но, несмотря на всю свою последовательность и приземленность, египетские небеса были лучше и чище, чем те, в которые верят многие современные народы, обладающие, согласно общественному мнению, более развитым умом и цивилизованностью.

Глава 5
ЗАГРОБНЫЙ МИР

В главах, посвященных Богу и богам, уже было сказано о том, что египтяне в древнейшие времена верили: богами руководят те же страсти, как и людьми; подобно людям, они стареют и умирают. Однако позднее появилось представ-

ление о том, что смертны только тела божеств. Поэтому частью египетской религии стала вера в существование душ умерших богов, которая мало чем отличалась от убежденности в загробном существовании душ покойных людей.

Мнения авторов религиозных текстов о том, где именно находилось место, в котором пребывали все эти души, расходились. Но с начала и до конца египетской истории вне зависимости от того, какие представления были с ним связаны, его называли Дуат ★𓄿𓏏𓉐. Данное слово, как правило, переводят как «подземный мир». Однако следует четко понимать: само египетское слово не подразумевает того, что местопребывание покойных находилось под землей. Такой перевод является адаптированным, так как точное значение этого понятия нам неизвестно.

Слово «Дуат» очень древнее и связано с представлениями, характерными для древнейших египтян. Вероятно, его значение не было знакомо их потомкам, использовавшим это название, не задумываясь о его точном смысле.

Переводить его как «ад» также неправильно, так как это слово связано с представлениями современных народов и не имеет ничего общего с верованиями древних египтян, каких бы религиозных взглядов те ни придерживались. Конечно, в более поздний период появились морализированные представления о Дуате как о месте наказания грешников, но изначально он представлял собой область, которую каждую ночь пересекал умерший бог солнца Ра после своего захода (или смерти), двигаясь по направлению к той части неба, где он воскресал по утрам.

Нам известно, что в эпоху XIX династии египтяне локализовали Дуат не под землей, а за ее пределами, возможно на небе, недалеко от небес, где обитали боги. В этом месте безраздельно господствовал Осирис, который, согласно многочисленным текстам, судил там покойных и правил богами мертвых, а также самими умершими.

Дуат был отделен от этого мира горной грядой и представлял собой огромную долину, огороженную со всех сторон горами. Часть из них отделяла его от земли, а другие — от небес. Между прочим следует отметить, что у евреев об-

ласть, где находились праведники, отделялась от вместилища грешников стеной[1], а Лазаря от Крёза отделяла «великая пропасть»[2]. У мусульман рай от ада отгорожен горой аль-Араф الاعراف[3]. Она не очень широка, так как стоящий на ней может разговаривать одновременно и с праведниками, и с грешниками. Можно практически с полной уверенностью говорить о том, что и евреи, и арабы позаимствовали представления о разделении рая от ада из египетских описаний Дуата. Однако египетские тексты, очевидно, заимствовались не полностью, потому что сторонники ислама верят в существование чистилища, куда попадают те, кто слишком хорош для земли, но недостаточно праведен, чтобы обитать на небесах. На горе аль-Араф, согласно Корану, стоят ангелы, принявшие облик людей, патриархов, пророков и святых, и те, чьи добрые земные дела находятся в равновесии с их дурными поступками (следовательно, они не заслужили пребывания ни в раю, ни в аду).

По долине Дуата протекает река, аналог земного и небесного Нилов. На каждом его берегу живет большое количество чудовищ и всевозможных демонов. Среди них можно встретить множество злых духов, враждебно настроенных по отношению к каждому попадавшему в долину.

На саркофаге Сети I изображено сотворение мира (эта сцена приведена на с. 221). На нем видно, что Дуат уподоблялся телу Осириса, свернутому в кольцо так, что пальцы на его ногах касаются его затылка. На его голове стоит богиня Нут, поддерживающая солнечный диск. На основании этого изображения можно сделать выводы о том, что, во-первых, Осирис олицетворял Дуат, а во-вторых, последний представлял собой узкую круглую долину, начинающуюся на западе, там, где заходит солнце, и заканчивающуюся на востоке, там, где оно поднимается. Он считался ужасным местом из-за обитавших там чудовищ и демонов. Не менее пугающим было полное отсутствие там света, поэтому всем находившимся в Дуате существам приходилось ощупью пробираться сквозь

---

[1] См.: *Eisenmenger*. Was die Juden von der Höllen lehren (Entdecktes Judenthum. T. II. P. 322 и далее).

[2] Лк., 16: 26.

[3] См.: Коран, сура VII.

кромешную тьму. В том, что в загробном мире господствовал мрак, нет ничего удивительного, ведь его в период между закатом одного дня и рассветом следующего пересекало мертвое солнце.

Представления об этой области, отразившиеся в изображениях на папирусах Нового царства, возникли в различные периоды египетской истории. Фиванские писцы, описывавшие Дуат и изображавшие живших там существ, собрали множество легенд и мифов, которые рассказывали в каждом крупном религиозном центре, стремясь сделать их все частью учения о великом фиванском божестве Амоне-Ра. Распространив свою теологическую доктрину по всему Египту, отождествив древних божеств со своими и доказав, что в ней отразились взгляды всех египетских священнослужителей, живших в важнейших городах, фиванские жрецы попытались убедить остальных своих коллег в превосходстве и величии их бога Амона-Ра и, возможно, преуспели в этом.

Местные писцы прекрасно знали, что у жителей каждого нома или крупного города были свои представления о потустороннем мире, как и собственные, особо почитаемые боги. Каждый такой загробный мир назывался по-своему. Поэтому они сделали так, чтобы в понятии «Дуат» слились все эти представления, а саму эту область населили всеми возможными божествами, обитавшими прежде в «локальных» потусторонних мирах. Помимо этого, они наделили свое обиталище умерших названием важнейшего из этих подземных миров.

Самым известным из этих загробных миров был Иментет, «сокрытое место», который, очевидно, изначально являлся местопребыванием Инхера — покровителя Абидоса, считавшегося там богом мертвых и носившего титул «Хенти Иментет», иначе говоря, «тот, кто является владыкой невидимой земли». Когда культ Инхера уступил место вере в Осириса, последнему стал приписываться эпитет его предшественника, которого впредь стали называть «Хенти Иментет». Это присвоение титула Инхера Осирисом должно было произойти в глубокой древности, так как слово «Иментет» стало общепринятым наименованием загробного мира и встречается в текстах, относящихся ко всем периодам египетской

истории, даже в тех из них, которые были написаны в период правления V и VI династий.

Задолго до этого отдаленного периода жрецы некоторых номов или городов стали высказывать предположения о том, что жизнь каждого человека напоминает движение солнца в течение дня. Закат светила они сопоставляли со смертью. Однако каждое утро солнце появлялось вновь, очевидно облаченное в новое тело, поэтому и люди стремились возродиться в обновленной или новой оболочке. В результате египетские теологи разработали учение, согласно которому души блаженных (те, чьи тела были погребены с соблюдением всех необходимых ритуалов) сопровождали солнце, когда оно в своей ладье проплывало по отведенной им части Дуата. Когда оно пересекало Дуат, огромное количество душ садилось в его ладью, и, хотя их проводником и защитником было всего лишь мертвое солнце, плывшее по обиталищу умерших, которым правил бог мертвых Осирис, они обретали новую жизнь и свет, как только утром судно пересекало восточную границу Дуата. Эта точка зрения была очень популярной и распространенной, особенно потому, что связала вместе культы Ра и Осириса — теперь каждый из них, хотя и своими методами, защищал вечную жизнь и счастье душ умерших.

С тех пор как жрецы решили, что Дуат все-таки существует, они стали населять его всевозможными воображаемыми существами, враждебно настроенными по отношению к людям, и составлять описания различных областей, на которые он, по их мнению, был разделен. Рано или поздно все они были записаны. Сначала тексты были довольно простыми и записывались по образцу сочинений, призванных помочь умершему. Но в конце концов они усложнились, и появились первые попытки изобразить существ, обитающих в Дуате. Более того, жрецы решили составить единое сочинение, в которое вошли бы столь точные описания Дуата и такие правдивые изображения врагов, с которыми душе покойного придется там повстречаться, а также перечни их имен, что получившая такой текст душа не заблудится и не будет повержена каким-либо чудовищем, решившим преградить ей путь и не пустить ее в ладью Ра.

Сочинение, названное египтянами «Выходом в день», снабжало душу множеством заклинаний, молитв и гимнов. Но уже в период Древнего царства, около 3500 г. до н. э., многие содержащиеся в нем идеи были заменены другими, и жрецы были вынуждены добавить новые главы и отредактировать старые, чтобы сделать этот заупокойный текст пригодным для использования. В связи с тем что Книга выхода в свет была составлена в глубокой древности, представления, отраженные во многих ее главах, противоречили взглядам фиванских жрецов, живших в эпоху Нового царства, около 1650 г. до н. э.

В результате они продолжали сохранять этот текст, доставшийся им в наследство от священнослужителей из Гелиополя, и относиться к нему с огромным уважением, но при этом создали два труда — Книга о том, что в Дуат и Книга врат. В первой из них, Шат Им Дуат, были собраны все представления гелиопольских жрецов о посмертном существовании души. Несмотря на то что она основывалась на вере во всемогущество Ра, великого солнечного бога, их фиванские коллеги сумели так умело подтасовать факты, что в итоге это сочинение превратилось в панегирик Амону-Ра, богу-покровителю Фив. При этом в тексте он назван «царем богов, владыкой тронов Обеих Земель». Именно при помощи этих слов его возвеличивали жители данного города. Речь здесь идет не о царских тронах, а о святилищах богов, расположенных по всему Египту, на обоих берегах Нила.

В гелиопольской теологической системе Осирис играл довольно скромную роль в паут, эннеаде богов, и был всего лишь первым среди богов-покровителей умерших, которым поклонялись жители Дельты. В Книге о том, что в загробном мире он также занимает подчиненное по отношению к Ра положение. Потусторонний мир, где он правит, представляет собой всего лишь часть Дуата, которую ночью пересекает умершее солнце.

В Шат эн Себау, или Книге врат, Осирис уже назван величайшим из богов. Все сочинение посвящено описанию различных частей области, в

которой он правит. Его авторы стремились составить путеводитель, при помощи которого души умерших могли бы совершить успешное и комфортное путешествие по загробному миру.

В действительности в Шат им Дуат и Шат эн Себау выражены взгляды представителей двух различных теологических школ. Изначальные редакции последнего сочинения были составлены раньше. Посмертное существование человека в нем представляется всего лишь продолжением земной жизни. Согласно первому произведению, умерший должен был пребывать вместе с богом солнца.

В Шат эн Себау отразились представления о Елисейских полях и связанных с ними земных радостях. Аналогичных взглядов придерживались составители Книги выхода в день. Вероятно, Шат эн Себау представляла собой дополнение к этому тексту. Правда, в ней также отразились взгляды, привнесенные в данное сочинение для того, чтобы привести его в соответствие с учением об абсолютном превосходстве Ра, содержащемся в Шат им Дуат.

Фиванские жрецы, способствовавшие установлению владычества Амона, стремились привести все концепции, сложившиеся в рамках различных теологических школ, в соответствие со своими взглядами, что не могло не привести к росту материального благосостояния жречества Амона-Ра. Они были вполне уверены, что жившие в Фивах верующие принесут в храм их бога свои подношения, но они также хотели заполучить дары, с которыми адепты культа Осириса стекались в Абидос, считавшийся (справедливо или ошибочно) местом погребения этого бога.

Древнеегипетская история полна свидетельствами того, что борьба царей Севера и Юга за господство в стране никогда не заканчивалась, но, так как военная удача оказалась на стороне повелителей с Юга, правивших в эпоху Нового царства всей территорией Египта, жрецы бога, которому поклонялись эти цари, решили, что Амон-Ра должен находиться во главе всех остальных божеств. Их религиозные амбиции подпитывались успехами великих царей-воинов из XVIII династии, в результате чего Амон-Ра стал «сюзереном» Осириса.

Согласно обоим сочинениям — Книге о том, что в загробном мире и Книге врат, — Дуат делится на двенадцать частей, каждая из которых соответствует одному часу ночи. Эти части названы следующим образом: «поле», сехет; «город», ниут; аррет, «круг»; керерет. Согласно папирусу Ну (Британский музей, № 10.477), в главе CXLIV Книги мертвых говорится о семи аррет. Вход в каждый из них охраняют привратник, сторож и глашатай. Их зовут:

Аррет I. 1. Сехед-хер-аша-иру
2. Семету
3. Ху-херу

Аррет II. 1. Денен-пехети
2. Секед-хер
3. Сабес

Аррет III. 1. Ам-хуат-нет-пех-фи
2. Рес-хер
3. Уаау

Аррет IV. 1. Хесеф-хер-аша-херу
2. Рес-иб
3. Нетека-хер-хесеф-аду

Аррет V. 1. Анх-эм-фенету
2. Ашебу
3. Деб-хер-кехаат

Аррет VI. 1. Икен-тау-к-ха-херу
2. Ин-хер
3. Медес-хер-ири-ше

Аррет VII. 1. Медес-сен

2. Аа-херу

3. Хесеф-хер-хемиу

В главе CXLV саисской и фиванской версий Книги мертвых во владении Осириса, Сехет-Иару или Сехет-Ианер стоят двадцать одни ворота. У каждых из них, охраняемых отдельным богом, есть свое имя, обычно очень длинное. Приведем имена первых десяти божеств, защищающих их:

1. Нери ;
2. Мес-Пех ;
3. Рат-Себанека ;
4. Негау ;
5. Хенти-реку ;
6. Семамти ;
7. Икенти ;
8. Ху-джет-эф ;
9. Джесеф ;
10. Сехен-ут .

Эти имена содержатся в процитированном выше папирусе Ну (лист 25). Следующий список сделан на основании сведений, приведенных в Туринском папирусе, отредактированном Лепсиусом еще в 1842 г. По нему можно судить о том, насколько они изменились.

1. Нериу ;
2. Мес-Птах ;
3. Бек ;
4. Ху-тепа ;
5. Ерта-хен-эр-реку ;

6. Самти ;
7. Им-Нит ;
8. Неджесес ;
9. Хау-джет-эф ;
10. Сехен-ур .

Имена всех врат приведены как в фиванской, так и в саисской версии[1], но имен богов, охраняющих врата XI—XXI, нет ни в одном из этих двух текстов.

Владения Осириса, Сехет-Иару, были, согласно главам CXLIX и CL, разделены на пятнадцать иат, которые назывались:

Иат I — Сехет-Иару; ее богом-покровителем был Ра-Херу-хути;

Иат II — Упет-нет-хет ; ее оберегал Фу-анх ;

Иат III — Ду-ка-аат ;

Иат IV — «иат духов» ;

Иат V — Именхет ;

Иат VI — Исесет ;

Иат VII — Ха-серет ;

Иат VIII — Упет-нет-каху ;

Иат IX — Иду ; ей покровительствовал бог Сопед ;

Иат X — Унет ; ее богом-покровителем был Хетемет-бау ;

Иат XI — Упет-нет ; ее оберегал Аа-сехему ;

[1] См. мою книгу Chapters of Coming Forth by Day (Text). P. 334 и далее.

Иат XII — Хер-аха ; ее бог — Хапи , т. е. Нил;

Иат XIII — Итеру-ше-эн-несерет-эф-эм-шет ;

Иат XIV — Икеси ; ее богом-покровителем являлся Маа-чет-эф ;

Иат XV — Иментет-неферет, «Прекрасный Иментет» , где боги питались пирогами и пивом.

Описывая различные области владений Осириса, необходимо привести краткую характеристику Книги врат. В частности, этот текст, сопровождавшийся иллюстрациями, вырезан на знаменитом алебастровом саркофаге Сети I[1], который в настоящее время хранится в музее сэра Джона Соана, расположенном на Линкольнс-Инн-Филдс. Несколькими фрагментами текста, отличающимися от этой версии, украшены стены гробниц некоторых правителей XX династии, похороненных в Долине царей в Фивах.

Любопытно, что, как показал в своей книге месье Жекье[2], это сочинение никогда не пользовалось большой популярностью. Его находят только в царских гробницах. Большинство ученых придерживается точки зрения, согласно которой Книга врат представляет собой попытку фиванских жрецов привести культы Ра и Осириса в некое соответствие. Если это действительно так, то в ее провале нет ничего удивительного.

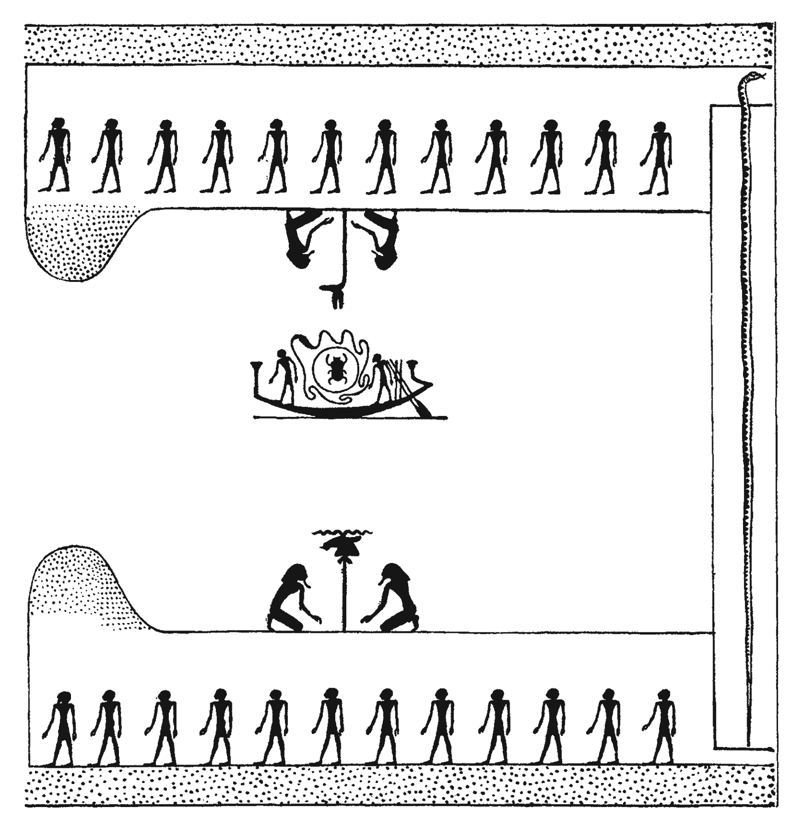
Согласно Книге врат, Дуат представляет собой длинную узкую долину с песчаными склонами, разделенную на две равные части рекой, по которой плывет ладья солнца. Она состоит из двенадцати номов или частей, количество которых соответствует числу часов ночи.

В первой области, или часе, стоит гора Запада , разделенная на две части. Вдоль ее нижней части пролегает тропа, представляющая собой проход в Дуат из мира живых. Справа

---

[1] См.: *Bonomi and Sharpe*. The Alabaster Sarcophagus of Oimenephtah I, King of Egypt. London, 1864.

[2] *Jéquier*. Le Livre de ce qu'il y a dans l'Hades. Paris, 1894. P. 13.

Первый час ночи

от нее находится штандарт с головой шакала, а слева — штандарт с головой барана. Каждому из них поклоняются бог горы Сет и бог Дуата. Справа стоят двенадцать богов горы, а слева — двенадцать богов Сет-Иментета. В центре изображена ладья солнца, в которой находится диск, заключающий в себе скарабея. Диск окружен огромной извивающейся змеей, держащей во рту собственный хвост. На носу ладьи стоит бог Са, а на корме — Хека — покровитель магии.

Если судно проплывет чуть дальше, то оно приблизится к закрытым воротам, которые охраняет гигантский змей по имени Са-Сет, опирающийся на свой хвост. Эти ворота ведут во вторую область (второй час). Когда бог преодолевает их, «все живущие в своем Сете, кричат»[1].

Справа изображены двадцать четыре человеческие фигуры, олицетворяющие тех, кто поклонялся Ра на земле, и тех, кто использовал магические слова против монстра Апопа. В центре изображена ладья, в которой под балдахином стоит бог. У него голова барана, а в руке он держит скипетр. Балдахин защищает змей Мехен, перед которым на хвосте стоит еще один змей. Ладью тянут четыре существа, обитающие в Дуате. Ее встречают семь богов: Непмех, Ненха, Ба (?), Хор, Уа-иб, Хнум и Седжет, а также шесть божеств акет и бог с посохом. Слева от божественной ладьи находятся бог Атум, опирающийся на посох, четыре покойника, лежащие на спине, и двадцать человек со связанными за спиной руками. Согласно интерпретации текста, сделанной М. Лефебуром[2], это «преступники в великом зале Ра (мир), оскорбившие Рана земле, проклявшие то, что в Яйце, препятствовавшие правосудию, оскорблявшие Хути».

Врата, к которым приближается бог, сильно отличаются от первых, но они похожи на все остальные, через которые ему придется проплыть позднее. Проход, подобно воротам крепости, огражден при помощи сложной конструкции. Через дверь в стене можно попасть в коридор, стены которого увенчаны наконечниками копий. Справа он изгибается, и в каждом углу расположены уреи, изо рта которых сыпятся огненные шары. В каждом конце коридора стоит бог в облике мумии. Одного из них зовут Ам-ауа-ках-эф

[1] *Bonomi and Sharpe*. Op. cit. Pll. 5; 4.
[2] См.: *Lefébure*. Records of the Past. Vol. X. P. 85 и далее.

Второй час ночи

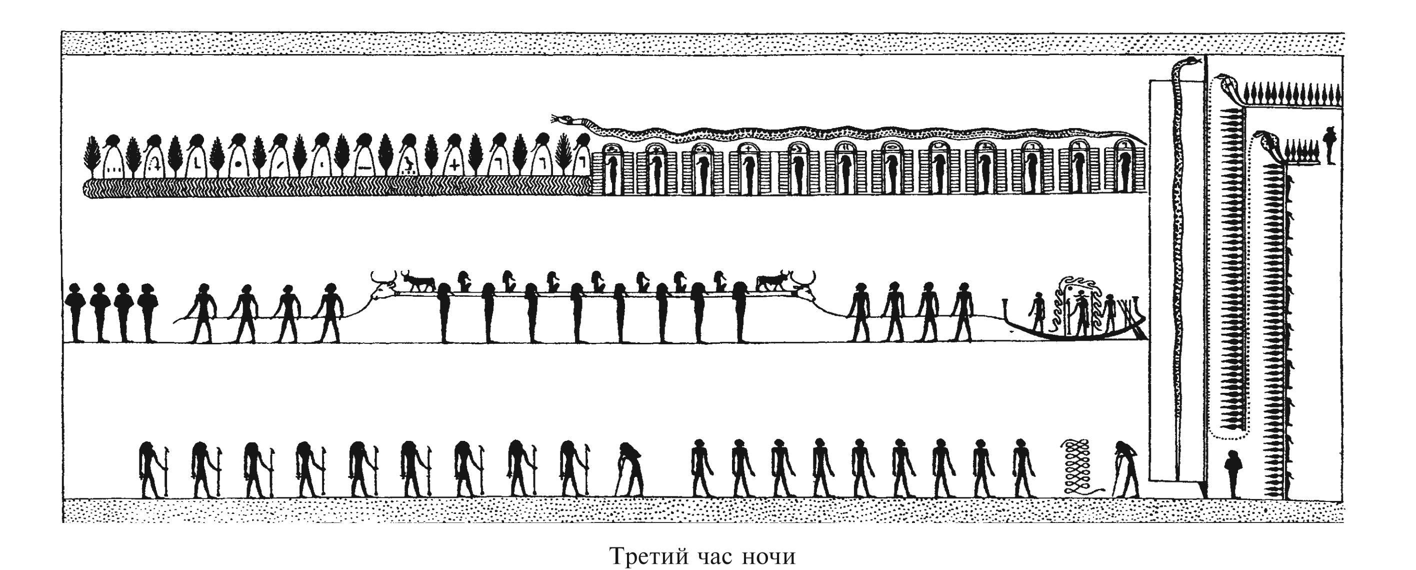
, а второго — Сехебсенефунен . Сами ворота называются Сепдет-уауау , а охраняющего их змея, стоящего на хвосте, зовут Акеби . Вход в ворота также охраняют девять богов-мумий, олицетворяющих вторую эннеаду богов .

Через ворота бог попадает в третью область неба (третий час). Врата называются Сепдет-уауау сетет-сен-Ра . Справа от лодки стоят двенадцать богов Дуата, причем каждый из них находится в своем святилище (двери всех святилищ открыты), и двенадцать богов огненных озер. Огромный змей вытянулся вдоль крыш всех этих сооружений. Перед каждым богом огненных водоемов стоит росток кукурузы (вероятно, на виньетке изображено какое-то другое растение. — *Пер.*).

Слева находятся бог Атум, змей Апоп, девять богов, названных «правители, отгоняющие Апепи» , а также Атум и девять богов вещей . Через эту область солнечную ладью тащат восемь богов Дуата. При этом середина веревки прикреплена к длинному шесту или балке, к каждому концу которой присоединена голова быка. Этот шест поддерживают восемь богов-мумий; сверху на нем сидят семь богов. Спереди и позади них стоят два быка. В конце области ладью встречают четыре запеленутые мумии.

Боги, стоящие слева от ладьи солнца и смотрящие на Атума, составляют две эннеады, основной обязанностью которых было выполнение его приказов в отношении убийцы демона Апопа. Это чудовище нужно было сначала заколдовать при помощи заклинаний, которые необходимо было произнести над ним. Затем следовало отрубить ему голову, а тело разрубить на куски. Когда бог покидал третью область и за ним закрывалась дверь, существа, обреченные оставаться внутри, начинали рыдать.

Ворота четвертой области небес (четвертый час) назывались Небет-эс-джефау . Их охранял, сидя сверху,

Третий час ночи

змей Джедби. Богов-мумий, стоящих на обоих концах коридора, звали Ненурбеста и Седа-та. Девять богов, охраняющих стену, входили в третью эннеаду.

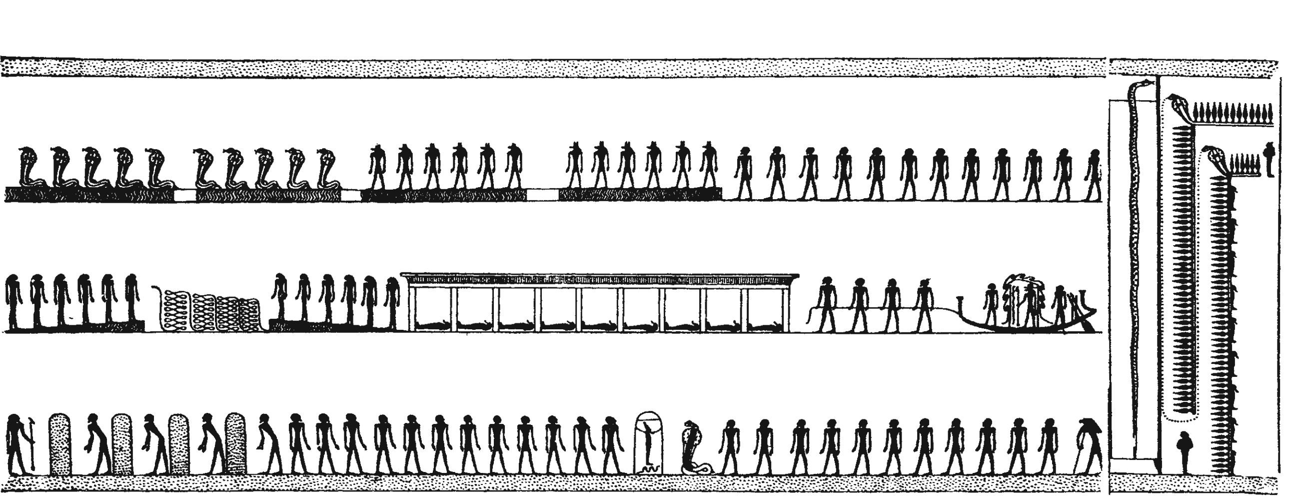
Справа от ладьи бога стоят двенадцать божеств, названных «приводящими своих двойников», двенадцать шакалоголовых существ, идущих по Озеру жизни[1], и десять уреев, поднимающихся из Озера уреев[2]. Ко всем им бог солнца обращается со словами утешения, и они реагируют соответствующим образом. Уреи, названные в тексте «живущими», получают приказ поддерживать огонь, предназначенный для врагов Ра. Они отвечают богу: «Приди к нам, соединись с Таненом».

Слева от ладьи бога стоит Хор Старший, следующий за одиннадцатью человеческими фигурами, идущими за уреем по имени Пламя к святилищу, в котором на змее стоит Осирис; на его голове — корона Юга. Позади Осириса двенадцать богов, «которые за святилищем», четыре божества, следящие за вырытыми в земле ямами, и «князь разрушения», держащий в левой руке скипетр, а в правой — анх.

Посередине изображения находится солнечная ладья, которую, как обычно, по реке Дуата тащат четыре бога. Она приближается к длинному низкому погребальному сооружению с девятью святилищами, в каждом из которых на спине лежит мумифицированный бог. Они названы «богами, пребывающими в свите Осириса в своих пещерах». За этим сооружением стоят двенадцать женщин, разделенных на две группы, по шесть в каждой. Они олицетворяют двенадцать часов, проводимых солн-

1 .

2 .

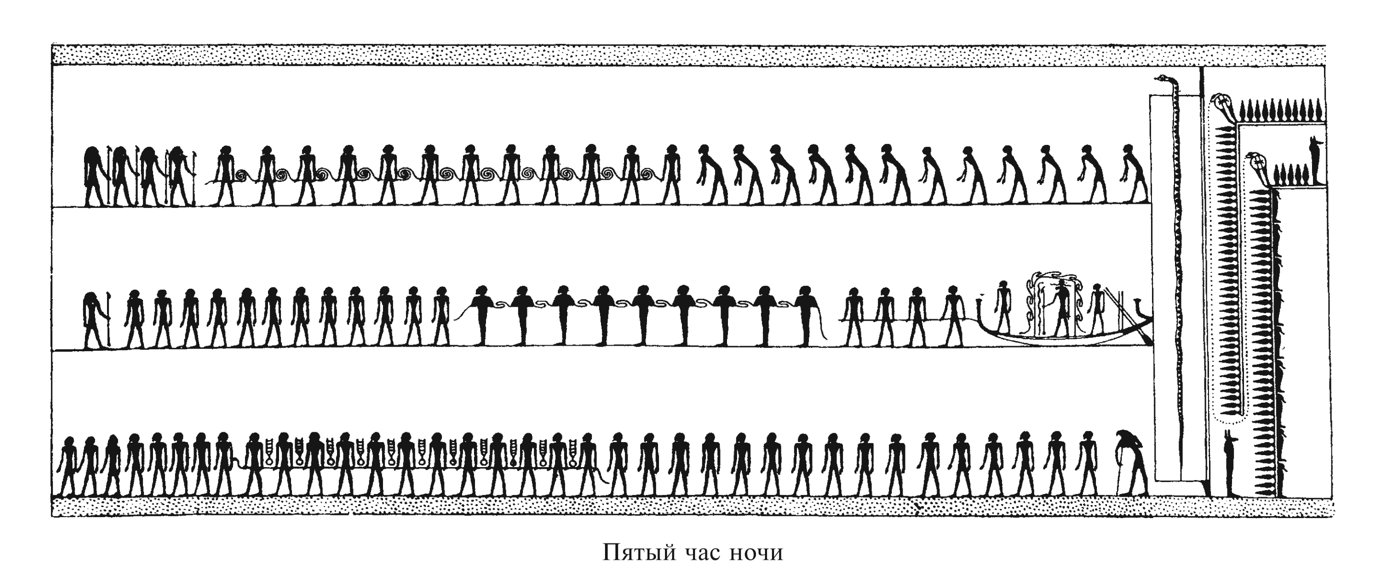
Четвертый час ночи

цем в Дуате. Между группами расположился змей Херерет , тело которого изогнуто причудливыми кольцами. В тексте сказано, что он породил двенадцать детенышей, чтобы те поглотили часы. Как и в прежних областях, Ра обращается к пребывающим здесь существам. Он приказывает, чтобы они получили пищу, и напоминает им об их долге перед ним — их создателем.

Ворота пятой области неба (пятый час) называются Ирит , а охраняющего из змея зовут Тека-хер ; шакалоголовую мумию, стоящую в одном конце коридора, — Аау , а в другом — Текеми . Вдоль лицевой части стены стоят девять богов-мумий, входящих в четвертую эннеаду.

Справа от ладьи расположились двенадцать верующих в Дуате, двенадцать носильщиков веревки и четыре бога со скипетрами. Судя по тексту, эти существа знали Ра на земле и совершали ему подношения. За это Ра вознаградил их пищей и питьем в самом священном месте Иментета и сказал им: «Я удовлетворен тем, что вы совершали для меня, когда я светил на восточном небе или был в храме моего Ока». Поэтому они питаются той же едой, что и Ра, и на земле им совершают подношения в надежде, что они будут молиться Ра в Иментете.

Существа, несущие веревку, вероятно, должны были измерять «поля духов» . Их шнуры, очевидно, представляли собой веревку, символизирующую правосудие и справедливость. «Ра говорит им, что их закон — веревка Иментета» . Слева от солнечной ладьи находятся Хор Старший, опирающийся на палку; шестнадцать мужчин, четверо из которых , египтяне, четверо — из Ааму , четверо — негры и четверо — ливийцы ; двенадцать людей, названных «теми, кто несет лестницы (?) в Именте» , и держащих длинного змея, а также восемь высочайших владык Иментета. К этим людям,

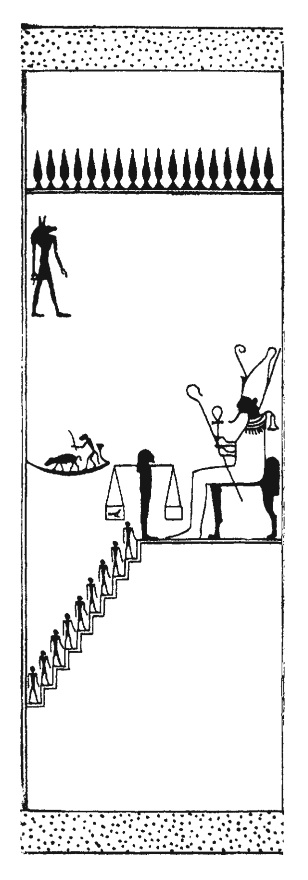

Пятый час ночи

о которых Хор Старший говорит, что они находятся в Дуате Египта и Красной земли, бог обращается со словами: «Вы слезы из моего Ока в вашем названии людей». Затем он обращается к Ааму, неграм и ливийцам, напоминая им, что он их создал, а богиня Сехмет выкупила их души. Наконец, бог адресует свои слова тем, кто держит лестницу (?), и приказывает им принять меры в отношении душ, которые должны быть уничтожены. Эти существа могут определить промежуток времени, который душа должна провести в Иментете. Данное представление является одним из доказательств того, что египтяне верили в чистилище.

В середине этой области находится ладья солнца, которую, как и прежде, тянут четыре бога. Перед ними стоят девять богов. Их локти выдаются вперед, а плечи покрыты накидками. Эти существа, названные «теми, кто держит Ненуджи», связаны друг с другом веревкой. Боги следуют за двенадцатью мужчинами — «душами людей, пребывающих в Дуате». Обе группы движутся по направлению к богу Хер-кенбет-эфу, держащему в руке скипетр. Он должен призывать души праведников и селить их рядом с собой.

Ра обращается к богам, тянущим его ладью, приказывая им тащить ее изо всех сил, быть сильными, крепкими, быстрыми и отважными, чтобы благополучно доставить его в сокрытые круги. Затем он произносит слова, предназначенные для существ с закрытыми плечами, держащих змея Ненуджи, и просит их нести его дальше. После этого он восхваляет тех, кто при жизни говорил правду и почитал воплощения Бога. Ра дарует им пирожки для их душ, ветер для их ноздрей, зеленую траву с Сехет-Иару и место среди богов истины, расположенное в той части его владений, где эннеады богов вы-

носят приговоры судьбы. Эта концепция характерна для культа Осириса, поэтому нет ничего удивительного в том, что жрецы Амона мало интересовались Книгой врат.

Ворота, ведущие в шестую область[1] (шестой час ночи), назывались Небет-аха; привратника, стоявшего в начале коридора, звали Мааиб — «Правый сердцем», а того, кто находился в его конце, — Шета-иб, то есть «Тайное сердце». Стену охраняют двенадцать божеств-мумий, названных «богами и богинями, находящимися в этих вратах».

За ней находится помещение, стены которого сверху украшены рядом наконечников копий.

Внутри, на вершине лестницы из девяти ступеней, на каждой из которых расположился бог, сидит Осирис. Следовательно, перед нами изображена вся его свита. На нем двойная корона, в руках он держит скипетр и символ жизни. Перед ним стоит мумия, к которой прикреплены весы. Очевидно, это воплощение Великих весов, знакомых нам по изображению сцены загробного суда на папирусах. На одной из чаш весов сидит птица, детерминатив зла. Рядом с ними находится ладья, где сидят обезьяна и свинья. Первая подгоняет последнюю при помощи палки. В верхней части рисунка помещены изображения голов четырех сернобыков и Анубиса.

---

[1] Изображение шестой области, нанесенное на саркофаг Сети I, сильно повреждено, в связи с чем здесь не приводится.

Эту сцену сопровождает довольно сложный текст, в котором говорится о том, что «враги Осириса под его ногами, боги и духи перед ним. Он неприятель проклятых, он отражает противников, уничтожает их и убивает их. Носитель топора и тот, кто поддерживает весы, защищают того, кто в Именти, кто покоится в Дуате, кто проходит через тьму и тень. Сверху находится радость, снизу — правда и истина. Бог покоится и дарует свет Маат, который он создал». Об обезьяне, сидящей в ладье, говорится, что она передает свинью наказания, «когда бог поднимается». Анубис произносит: «О ты, кто приносит мне слова правды или лжи, [помни], что Тот взвешивает их». Об Осирисе сказано: «Когда происходит взвешивание слов, он карает зло. У него правое сердце, он держит слова на весах в священном месте, где осуществляется испытание тайных вещей секретов духов. Это бог, который поднимается, который сотворил все существа, находящиеся в Дуате». Смысл надписи, помещенной рядом с четырьмя перевернутыми головами сернобыков, неясен. В ней говорится, что они обитают в Амехет, районе Елисейских полей, и прячут или защищают духов.

Здесь следует немного сказать о расположении шестой области Дуата. Если предположить, что загробный мир египтяне представляли в виде круглой долины, изгибающейся с запада, где садится солнце, на север и с севера на восток, где оно восходит, а длина всех областей Дуата равна, можно прийти к выводу о том, что шестая из них расположена недалеко от северной оконечности потустороннего мира. Именно там ей и следует быть, так как в северную область Дуата входила большая часть Дельты, где находились основные культовые центры Осириса — Мендес и Бусирис. Вполне логично расположить земное царство Осириса примерно там же, где находятся его владения в Дуате.

В отличие от изображения других частей Дуата в сцене с изображением шестой области отсутствует Ра, а в сопровождающих ее текстах его имя не упоминается. Согласно Книге врат, Осирис является полноправным повелителем своих владений, и исключение из ее текста Ра, или Амона-Ра, привело к тому, что это сочинение не пользовалось популярностью у

адептов культа великого фиванского божества. Изображение Осириса, сидящего наверху лестницы, иллюстрирует Книгу мертвых, где он назван «богом, который на своей лестнице». Этот факт подтверждает предположение, согласно которому царь, изображенный на деревянной табличке Семти[1], танцует именно перед Осирисом.

Бог солнца Ра, прибыв в северную часть Дуата, затем должен был отправляться на восток.

Змея, охраняющего ворота седьмой области (седьмой час)[2], звали Ахен-маати, а привратника, стоящего в конце коридора, — Шепи. К сожалению, из-за крайне плохого состояния изображения названия самих врат и имя стража, стоящего у входа в коридор, прочесть невозможно. Справа от ладьи бога изображены несколько существ, держащих веревку, напоминающую змею. Слева от нее находятся бог по имени Мен-шета, «Установитель тайного», опирающийся на посох, и несколько мумифицированных существ, помещенных на ложа и названных «могучими духами». Ра призывает их раскрыться и отогнать тьму.

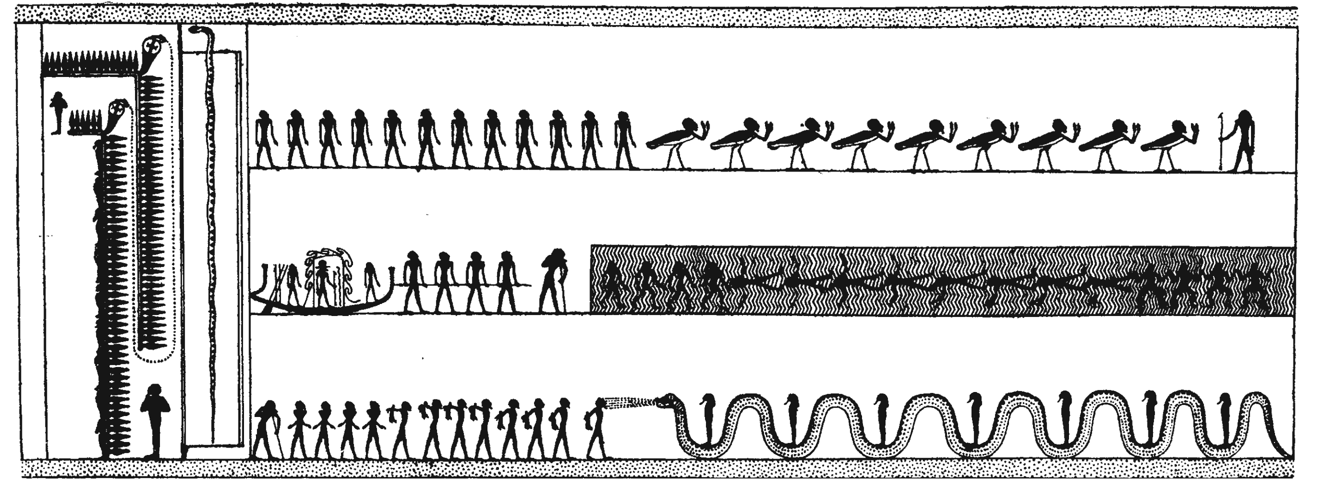
Посередине изображена ладья бога солнца, которую тянут несколько богов (вероятно, их, как и прежде, четверо). Перед божествами, буксирующими лодку, идут двенадцать богов со скипетрами и четыре мумии, призывающие обитателей этой части Дуата восхвалять Ра, ибо он будет взвешивать слова и уничтожит врагов.

Ворота восьмой области (восьмой час) названы Бехехи, а охраняющего их бога-змея зовут Сет-хер; сторожа, стоящего у входа в коридор, — Бенен, а у выхода — Хепет-та. Стену защищают девять богов-мумий.

Справа от ладьи солнца находятся двенадцать человекоподобных существ, названных «полновластными владыками,

[1] См.: Британский музей. № 32, 650.

[2] Изображение седьмой области, нанесенное на саркофаг Сети I, сильно повреждено, в связи с чем здесь не приводится.

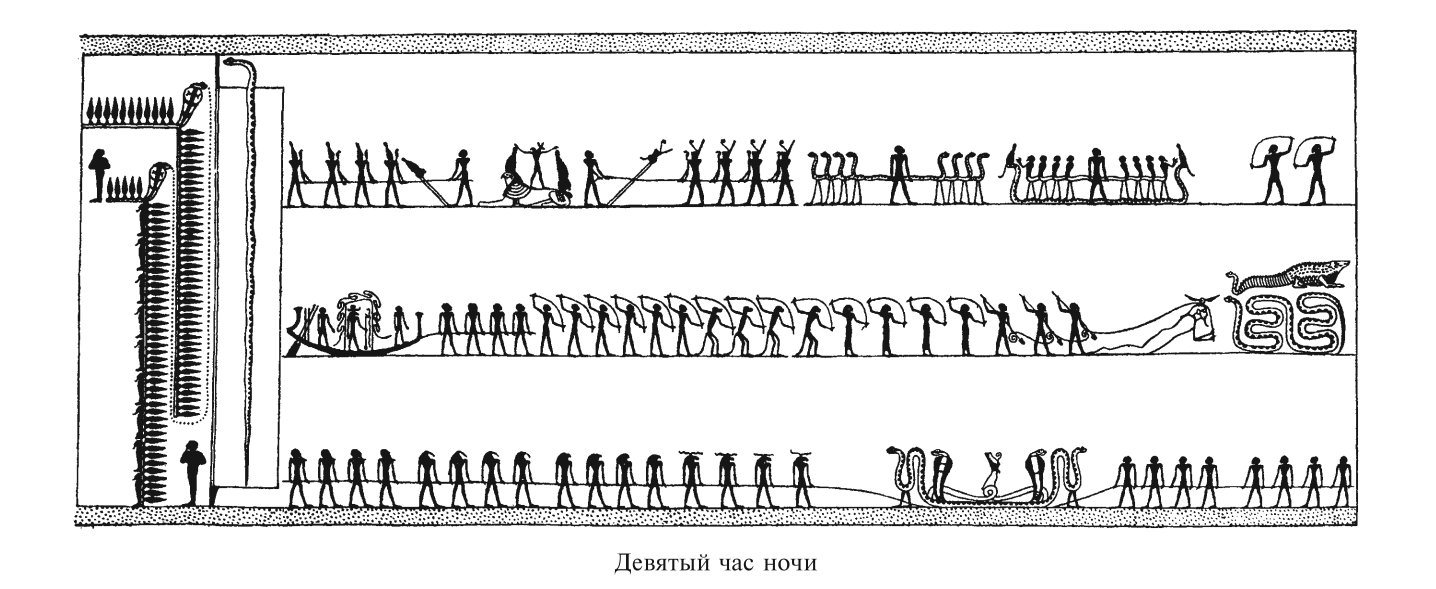
Восьмой час ночи

дающими хлеб, Маат и зелень душам Та-несерсер», и девять душ, изображенных в виде соколов с бородатыми человеческими головами и поднятыми в жесте адорации руками. Это и есть «души Та-несерсер», которых по приказу Ра кормят хлебом и зеленью.

Слева от ладьи Ра расположились Хор, опирающийся на посох, и двенадцать мужчин, олицетворяющих врагов Осириса. Их со связанными за спиной руками ведут к огромную змею, изрыгающему им в лицо пламя, в котором они должны быть сожжены. Его зовут Хети. На его спине стоят семь богов. Наказание на двенадцать существ наложил по приказу Ра Хор. Бог солнца повелел уничтожить не только их тела, но и души за то, что они выступили против Осириса, отвергнув его таинства и вынеся его изображение из святилища. Змей Хети, повинуясь повелению Хора, должен уничтожить врагов его отца, сжигая и души, и тела этих грешников.

В середине данной области находятся солнечная ладья, которую, как и прежде, тянут четыре бога, «насельник в Нуне», опирающийся на посох, и прямоугольное озеро, в котором расположились шестнадцать персонажей. Четверо из них купаются, четверо всплывают, четверо плавают, а еще четверо ныряют. Боги, тянущие лодку, говорят: «Да будут похвала душе Ра на небе и поклонение его телу на земле; ибо небеса были обновлены благодаря его душе и земля была обновлена благодаря его телу. Приветствуем! Мы открываем для тебя небеса, мы выпрямляем для тебя пути Икерта. Покойся, о Ра, на твоих сокрытых вещах; сокрытым поклоняются в твоих воплощениях». Тот, кто живет в Нуне, также обращается к находящимся в озере.

Ворота девятой области (девятый час) называются Аат-шеф-шефет, охраняющего их змея зовут Аб-та, а сторожей коридора — Инхефта и Ремен-та. Стену караулят девять богов-мумий.

Девятый час ночи

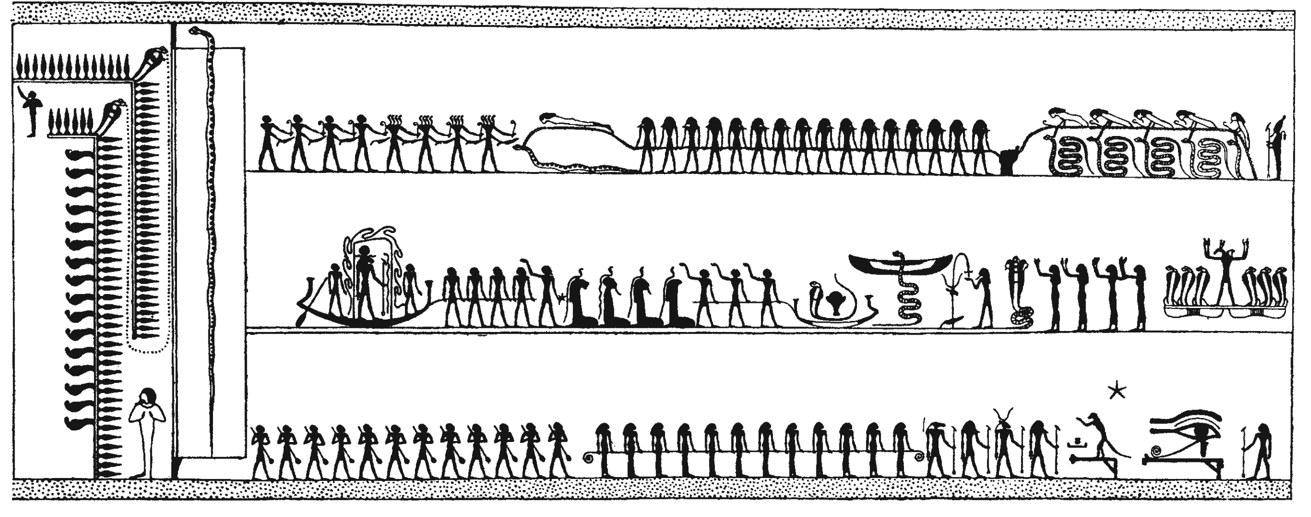
Справа от ладьи бога расположились четыре божества Юга . На голове каждого из них красуется белая корона. Они сжимают в руках веревку, которую также держит человек, названный «владыкой переда» . Между человеком и богами находится столб, увенчанный бородатой головой с белой короной, который поднимают при помощи веревки. Там же сидит сокологоловый сфинкс в белой короне, а на его задней части — бородатая голова, на которую также надета белая корона. На его спине стоит человек с головами Хора и Сета. За ним изображены четыре бога Севера ; на голове каждого — красная корона. Они держат веревку, за которую хватается человек, названный «владыкой того, что сзади» . Между ним и группой из четырех богов находится столб, увенчанный бородатой головой в красной короне, который они поднимают при помощи веревки. За ними изображен персонаж по имени Упу , держащий змея Шемти , у которого по четыре головы с каждой стороны. Позади него, на змее по имени Бич , у которого с каждой стороны по одной голове, стоит некое существо. На его спине расположился другой змей — по имени Тепи . С каждой стороны из него вырастают по четыре человеческие фигуры (головы и корпусы — сверху, ноги — снизу). Дальше идут два человека, держащие веревку (?).

Слева от лодки бога находятся шестнадцать человекоподобных существ, олицетворяющих души Иментета, последователей Тота, последователей Хора и последователей Осириса. У первых четверых головы людей, у второй четверки — ибисов, у третьей — соколов, а у четвертой — баранов. Эти шестнадцать существ тянут веревку, к которой прикреплен двойной змей с четырьмя головами, по две с каждой стороны его тела, и двумя парами ног, расположенными таким же образом. При этом на ноги опирается более крупный змей. Его зовут Хепри , а на одном из изгибов его тела стоит сокол Херу-дуати . Другой конец веревки держат восемь человекоподобных существ, названных Ихмиу .

В середине этой области изображена ладья бога, которую, как и прежде, буксируют вперед. Перед ней идут шесть человекоподобных существ, четыре обезьяны, четыре женщины, каждая из которых держит веревку (?), и три человека, несущие веревку, переброшенную через голову распростертого мужчины с ушами осла, держащего ее край в руках. Его зовут Иаи , что можно перевести как «осел». Каждый человек держит копье, готовясь воткнуть его в распростертое тело. Перед ним расположились змей Апоп и крокодил по имени Шесшес , хвост которого заканчивается змеиной головой. Описанные здесь существа по просьбе Ра заколдовывают демона Апопа. Они повелевают ему прийти в место убийства, чтобы его можно было уничтожить. Они говорят: «Места убийства перед тобой, и боги Иаи перед тобой» . Три существа с копьями метают свое оружие в Апопа и полностью уничтожают змея Сеси . Они крепко держат веревку Аи и не позволяют змею напасть на ладью бога.

Ворота десятой области (десятый час) называются Джесерит , охраняющего их змея зовут Сечу , а сторожей коридора — Неми и Кефи . Стену охраняют шестнадцать уреев.

Справа от ладьи бога находятся четыре существа, каждое из которых держит нож и веревку (?), а также четыре существа, вооруженные таким же образом, но, в отличие от предыдущих, у каждого из них по четыре змеиные головы. Первые названы Интиу , а вторые — Хентиу . За ними следует змей Апоп, «голос которого разносится по Дуату». Его держат на цепи четыре существа Седефиу и двенадцать богов, а также большая и сильная рука — «сокрытое тело» . На цепи, рядом с головой Апопа, растянулась богиня Серкет. За рукой и тем местом, откуда «прорастает» цепь, следуют Геб , держащий маленькую цепочку, к которой привязан змей Уамемти ,

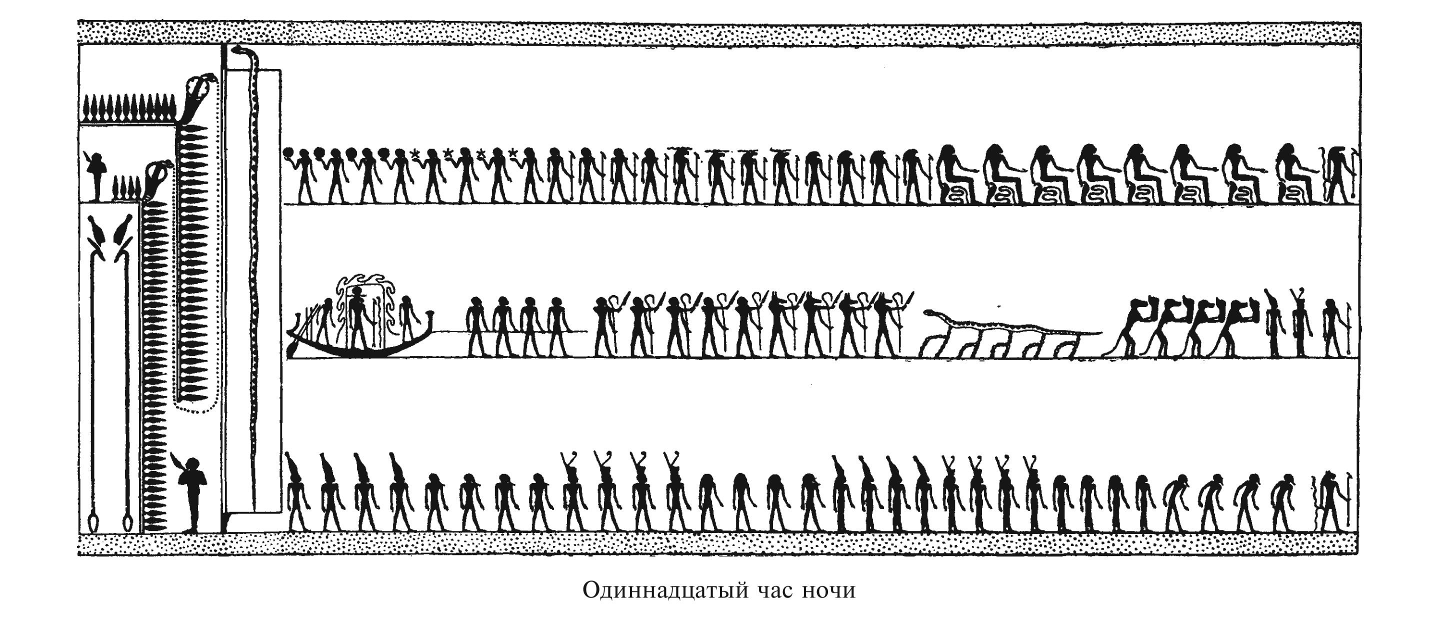
Десятый час ночи

а также Месет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсеннуф. В самом конце стоит Хенти-Аменти или Осирис. Существа, находящиеся в этой части Дуата, заняты уничтожением Апопа и врагов бога солнца, не позволяя им напасть на его ладью, когда она проплывает по узкому проходу.

Слева от ладьи Ра идут двенадцать богов Ихму-секу, держащие весла; двенадцать женщин, являющихся олицетворением часов; четыре бога со скипетрами: Банет, Сешеши, Ка-Имент и Ренен-себу; обезьяна, сидящая на штандарте со звездой над головой, названная «богом Речену (Сирии)»; око (уджат) на штандарте и бог со скипетром.

Посередине области изображена ладья бога, которую, как обычно, тянут четыре божества. Перед ней расположились бог звезд Унти; четыре божества: Сехет, Абеш, Серек и Хор; три бога звезд, буксирующие маленькую лодку, в которой находятся «лицо диска» и урей; крылатый урей по имени Семи, стоящий на хвосте; бог по имени Беси, льющий пламя на штандарт, увенчанный головой животного с рогами; змей по имени Анхи, из каждого конца которого вырастает бородатый мумифицированный бог; четыре женщины, руки которых подняты в жесте адорации и которые названы «почитательницами»; двойное божество Хор-Сет с двумя головами и двумя парами рук на одном теле, стоящее на платформе, лежащей на двух луках. Из каждого ее конца вылезают три урея. Все эти существа должны помогать Ра в его путешествии по десятой области Дуата и сделать так, чтобы он добрался до места заката. Очевидно, что большинство из них является олицетворениями звезд, возвещающих приближение рассвета.

Ворота одиннадцатой области (одиннадцатого часа) называются Шетат-бесу, охраняющего их змея

Одиннадцатый час ночи

зовут Им-нет-эф, а сторожей коридора — Медес и Шедау. Перед стеной находятся два больших скипетра, увенчанные белыми коронами. Один из них назван Саром, то есть Осирисом, а другой — Хором.

Справа от ладьи Ра изображены четыре бога, названные «несущими свет» и держащие в правой руке диск; четыре бога, названные «несущими звезды», в правой руке у них звезды; четыре бога, «которые выходят»; боги Ба, Хнум, Пендер и бараноголовый Денед; четыре бога: Хор, Хор-Сопед, Сопед и сокологоловый «тот, кто в своей двойной ладье»; восемь женщин, олицетворяющих часы и сидящих на выгибающихся кольцами змеях, причем каждая держит в руке по звезде, — это «оберегающие часы»; бог Себек-Ра с головой крокодила. Все они являются олицетворениями звезд, которые несут ладью Ра в сторону рассвета, ибо они желают снова увидеть, как она проплывает по лону Нут, и, когда «руки бога неба Нуна получают Ра, они возглашают похвалы со звездами, которые они несут, и идут к нему в небесной выси на лоне Нут»[1]. Представление о звездах, восхваляющих Ра на восходе, похоже на сформулированное в седьмом стихе главы 38 Книги Иова, где Господь, обращаясь к Иову, говорит, что он создавал землю «при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости».

Слева от ладьи Ра находятся четыре существа Сечену-теп, на головы которых надеты белые короны; четыре бородатых бога Икебиу, «плакальщики»; четыре существа, Хнемиу, на головах которых — красные

[1] . *Bonomi and Sharpe*. Op. cit. Pl. 10.

короны; четыре бородатых бога Рененију; двенадцать богинь — женские ипостаси первых трех четверок богов; четыре бога, изображенные наклонившимися, и богиня Мити с головой кошки.

Эти существа должны возложить белые короны на головы богов, сопровождавших Ра. Они не могут покинуть эту область Дуата, пройдя через ворота, хотя на это способны их души. Они обязаны оплакивать Осириса после того, как Ра покинет Имент[1]. Кроме того, их души должны пребывать с ним, а тела — оставаться там же, где и прежде. Они также призваны возродить Маат и установить ее в святилище Ра[2]. Именно они «устанавливают продолжительность срока, который в Дуате должны провести те, кому это приказано, и время тех, кто должен жить на небе»[3]. Но они «рвут свои волосы от горя перед великим богом в Иментете, ибо, хотя они отогнали Сета от ворот, им самим не позволено взойти на небо»[4].

В середине этой области изображена ладья Ра, которую, как обычно, тянут четыре бога. Перед ними идут девять богов, каждый из которых держит в правой руке нож, а в левой — скипетр, причем у первых четверых из них головы шакалов. Они названы «девятью богами, истребляющими Апопа». Затем следует сам змей Апоп, прикованный к земле пятью цепями, названными «богами, создающими ветры». Потом идут четыре обезьяны, каждая из которых держит перед собой большую руку. Перед ними — бог-покровитель Именти, на голове

1

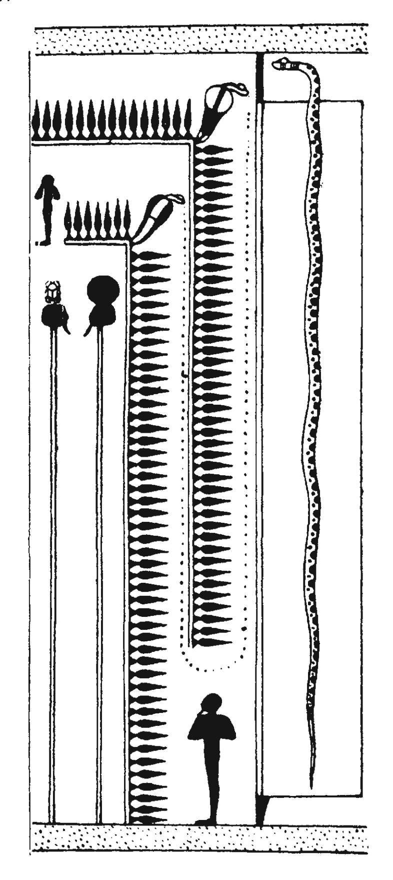
2

3

4

которого красуется корона Юга. Далее следует богиня Севера Херит (?) (?), одетая в корону Севера. В самом начале процессии идет бог Себехти .

Эти боги Дуата говорят: «[Это] выход из Имента и место отдыха в двух областях Нуна, и [бог] совершает свои преображения в руках Нуна. Этот бог не восходит на небо , но он открывает Дуат своими преображениями, происходящими в Нуне. Дуат сообщается с небом при помощи двух рук бога, чье имя сокрыто . Он пребывает во тьме, которая непрерывна , и Ра воскресает [в] ней из ночи . Те, кто в этой области, берут свои ножи в свои руки, хватают свое оружие, бьют Апопа, совершают его убийство и ломают его суставы, которые на небе. Цепи этого демона в руках детей Хора, они подходят к богу со своими путами в своих пальцах. Бог считает свои члены после того, как сокрытый раскрывает свои [руки] Оку Хора. Червь , который в этой сцене связан детьми Хора». Другие боги «приветствуют Ра на восточном горизонте неба, четыре обезьяны ведут того, кто создал их, две справа и две слева, к двум итерет этого бога».

Ворота двенадцатой части (двенадцатый час) называются Десерет-бауи , «Красные души», бога-змея зовут Себи , сторожей коридора — Паи и Ихехи .

Перед стеной стоят два шеста, каждый из которых увенчан бородатой головой. На одну из них надет диск, олицетворяющий бога Атума, на другую — скарабей, символизирующий бога Хепри. Таким образом, перед нами две ипостаси солярного божества.

Недалеко от ворот «Красные души» располагаются ворота изображавшегося в виде змея бога Рери [hieroglyphs], которые с каждой стороны охраняют два урея Исиды и Нефтиды. Пройдя через эту дверь, Ра торжественно покидал Дуат, и его ладья плыла по водам Нуна, то есть в небе.

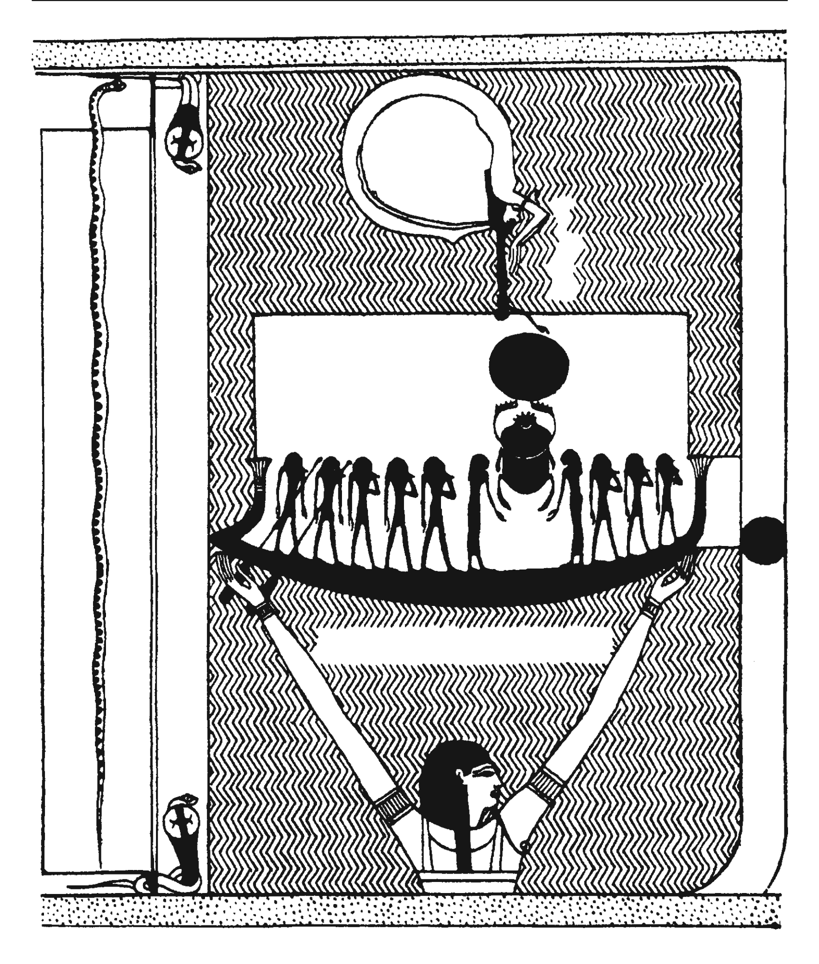
На этом изображении также присутствует ладья со скарабеем Хепри, диском Ра, пятью богами: Гебом, Шу, Хеком (Хека), Ху и Са — двумя богинями: Исидой и Нефтидой — и тремя богами врат. Бог Нун [hieroglyphs] поднимает ладью на руках, «выходящих из воды и поддерживающих этого бога».

Недалеко от ладьи расположен некий остров, образованный телом Осириса, согнутым таким образом, что кончики пальцев ног касаются затылка. В тексте говорится, что сам Осирис окружает Дуат, обозначая таким образом его пределы. На голове бога стоит богиня Нут [hieroglyphs], протягивающая руки к Ра. Изображение бога, приближающегося к концу Дуата и проплывающего через отверстие в его границе, раскрашенное черным, покрыто красными точками.

Мы видели, что Ра был всемогущим во всех областях загробного мира, за исключением одной — той, что была посвящена Осирису. Там не фигурирует ни сам Ра, ни его имя.

Теперь обратимся к пересказу содержания Книги о том, что в загробном мире. Исследователи неоднократно изучали текст этого сочинения и иллюстрирующие его виньетки[1]. Судя по сохранившимся до нашего времени папирусам, содержащим обе версии источника, он был довольно длинным. Но задолго до конца XXI династии (около 1100 г. до н. э.) египтяне не могли позволить себе приобретение полной версии текста со всеми виньетками, в результате чего стали

[1] См.: *Sharpe*. Egyptian Inscriptions. 1st series. Pll. 28—32; 2nd series. Pll. 1—21; *Pierret*. Recueil. T. V. P. 103 и далее; *Lanzone*. Domicile des Esprits. Paris, 1879; *Birch*. Papyrus of Naskhem. London, 1863; *Mariette*. Papyrus Égyptiens. T. II. Cairo, 1878.

использовать сокращенный вариант. В этом сокращенном тексте, который месье Масперо называет Abrégé, а месье Лефебур — Résumé, содержится все необходимое для умершего. В итоге он стал пользоваться популярностью по всему Египту.

В гробнице Сети I[1] были найдены полная версия этого источника со всеми виньетками, в котором описываются пер-

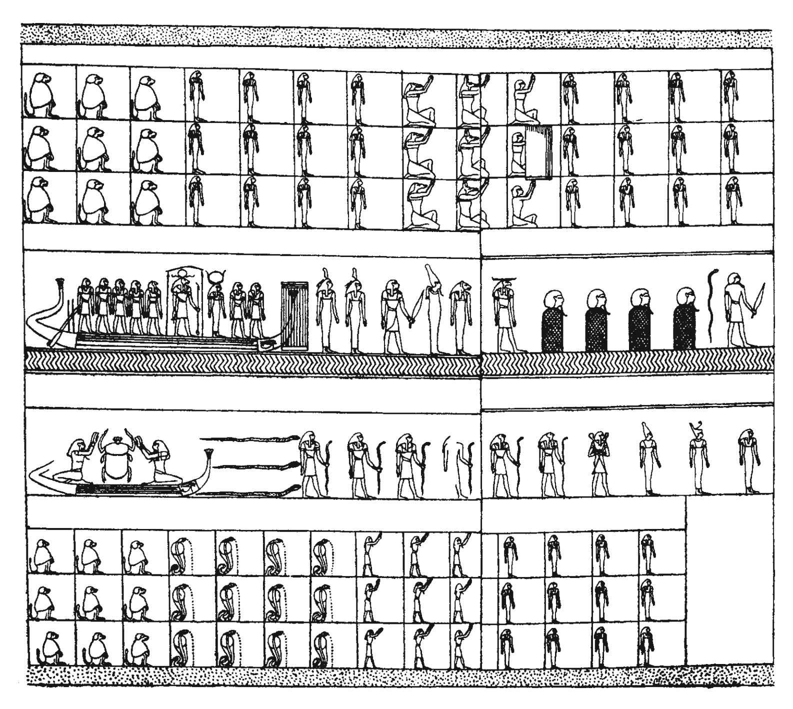
[1] См.: Le Tombeau de Seti Ier, in Mémories de la Miss. Arch. Française. Paris, 1886; *Maspero.* Les Hypogées Royaux de Thèbes. P. 29.

вые одиннадцать часов, а также сокращенный вариант сочинения. Из-за того, что мы ограничены размером данной книги, мы не сможем привести здесь подробное описание полной версии и будем вынуждены рассказать только о «конспекте». Более длинный текст озаглавлен следующим образом: «Начало рога Запада, отдаленная граница густой тьмы» . «Рог Запада» — это самая отдаленная точка, где садится солнце, а кеку саму — «густая тьма», или «кромешная тьма», — конец Дуата, который изображался похожим на черную стену, со всех сторон окруженную красными точками. В нем располагается проем, через который каждое утро проплывала ладья Ра. Сокращенная версия текста называется «Конспект этой книги» [1].

Первый час ночи называется Ушемет хату хефти Ра[2], «Тот, кто разбивает лоб врагам Ра», а для обозначения места, которое пересекает Ра, используется слово «арерит» , то есть зал или некая разновидность вестибюля Дуата. Оно не является областью Дуата, так как в тексте говорится о том, что, находясь в данном зале, Ра пребывает за пределами этой мрачной долины. Но даже здесь он сильно отличается от себя днем, ибо это уже не дневное, а ночное солнце, умерший бог, точнее, всего лишь мертвое тело, Иф , то есть «плоть». На сопровождающих текст виньетках он изображен с головой барана, увенчанной солнечным диском. Днем он передвигался по небу в ладье Атет , а ночью по реке Дуата он плывет на ладье Сектет . Кстати, в этом же судне бог путешествует по небу в период от полудня до заката. В ладье вместе с мертвым богом солнца сидят Упуат , «Тот, кто открывает пути», Са , Херу-Хекену , Нехес , Ху , двойник Шу , капитан судна и «го-

[1] Иероглифический текст с французским переводом приведен в работе: *Jéquier*. Op. cit. P. 37 и далее.

[2] .

Первый час ночи

спожа ладьи» [иероглифы]. Последнее божество постоянно изменяется, так как она является олицетворением богини-покровительницы каждого часа, которая могла сопровождать бога только в одной части Дуата. Зная, как пройти через одну область, она могла объяснить капитану судна, как и где преодолеть трудные участки реки.

В первой области ночи обитают обезьяны, открывающие богу двери ирерит, и существа, поющие хвалебные песни в честь Ра и проводившие его ладью через этот зал в Дуат, а также множество божеств, имена которых упомянуты в тексте, но в других источниках не встречаются, и души умерших, попавшие с земли в это промежуточное место и ждущие, пока у них появится возможность попасть в ладью Ра, в которой они с радостью продолжат свое путешествие. Неизвестно, почему последние находились там, но можно предположить, что

это души людей, которые при жизни не могли позволить себе совершить многочисленные дорогостоящие ритуалы и приобрести огромное число амулетов, необходимых для того, чтобы обеспечить себе благополучие в Дуате.

В тексте, описывающем первый час ночи, сказано: «Этот бог входит с земли в арерит горизонта Запада, и он должен пройти через сто двадцать итеру [hieroglyphs] в этой арерит прежде, чем он прибудет к богам Дуата. Нет-Ра [hieroglyphs] — имя этой первой страны Дуата. Ра дает поля богам, следующим за ним, и он начинает делать распоряжения и отдавать приказы касательно вещей, которые совершаются в Дуате богами этой страны. Кто бы ни совершал это согласно этому подобию сокрытых вещей Дуата и ни узнавал, что они подобия самого бога, найдет их полезными для себя на земле, и они сделают ему добро в огромном Дуате». Эта область названа «страной», следовательно, ее считали практически частью этого мира. В тексте содержится свидетельство того, что ее длина составляет 120 итеру. Итеру, очевидно, является аналогом древнегреческого слова σχοῖνος, то есть составляет примерно 201 метр. Однако расстояние в 120 итеру могло быть гораздо большим, чем 201 метр, так как на протяжении второго часа Ра попадал во владения Осириса, расположенные на гораздо более значительном расстоянии от Фив.

Второй час называется Шесат макет неб-эс, «Та, которая знает, как защитить своего господина»[1], а земля, которую пересекает бог, — Ур-нес [hieroglyphs]. Покойный доктор Бирч сравнивал ее с греческим οὐρανός и считал его аналогом. Однако это слово, очевидно, было названием Нила, протекавшего во второй области Дуата. В любом случае оно не употребляется в связи с какой-либо другой частью загробного мира или часом (хотя не обошлось и без случайного совпадения[2]).

В тексте говорится: «Затем этот великий бог прибывает в Ур-нес, триста девять итеру в длину и сто двадцать итеру в

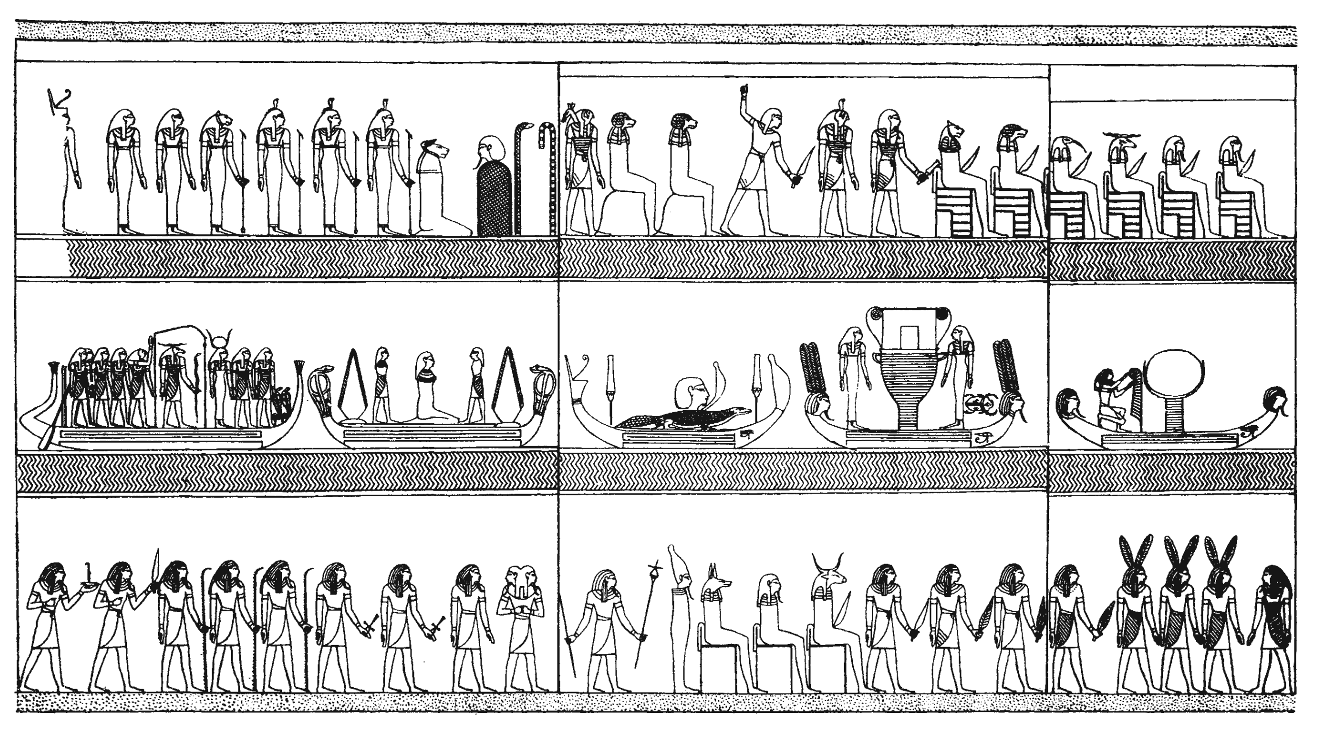
[1] [hieroglyphs].

[2] См.: *Jéquier.* Op. cit. P. 49, ссылка 2.

ширину (размер этой области — 80 × 24 километра). Имя богов, находящихся в этой стране, — «души Дуата», и тот, кто знает их имя, должен быть с ними. Этот великий бог даст им поля, расположенные в стране Ур-нес. Он будет стоять с богами, которые стоят, и он будет следовать за этим великим богом. Он проследует через Дуат, он увидит локоны богов, носящих длинные ниспадающие волосы, он будет топтать Пожирателя осла, и после того, как область незанятой земли была сотворена, он будет есть хлеб в Ладье земли, и там будут даны ему первые вещи Татуби». Далее следует рассказ о том, что те, кто изображает души Дуата и совершает им подношения на земле, получат там огромное преимущество после смерти. Более того, им будет полезно знать слова, с которыми божества обращаются к великому богу.

Боги с длинными ниспадающими волосами не кто иные, как сыновья Хора: Месет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсеннуф, у каждого из которых на голове красовался локон, превращавшийся в столб, поддерживавший один из четырех углов неба. Позднее эти боги стали покровителями крайних точек и владыками четырех частей неба. Поедатель осла, несомненно, является одной из ипостасей бога солнца, постоянно воевавшего со змеем. Осел был связан с солярным божеством из-за его впечатляющей мужской силы. По мнению месье Масперо, Ладьей земли называли ладью Ра, когда она достигала земли. Татуби, вероятно, был богом земли.

На виньетке, сопровождающей описание второго часа, изображена ладья Ра, перед которой плывут еще четыре лодки. На носу и корме первой из них красовалось изображение человеческой головы, а сбоку помещено изображение неба и ока Уджат. На ладье, на подставке, стоит луна, а за ней — бог, устанавливающий перо Маат. Это ладья Осириса, изображенного в виде луны и являвшегося одним из обитателей Дуата. Ко второй ладье прикреплены человеческие головы, увенчанные плюмажем Амона. В ней находится огромный систр, символ богини Хатхор, с каждой стороны

Второй час ночи

которого стоит богиня. На носу изображен скарабей . Это ладья Исиды в образе Хатхор, одной из жительниц Дуата. К носу третьей лодки прикреплена белая корона, а к корме — красная. В ней между двумя штандартами, олицетворяющими богов Инпу (Анубиса) и Упуата, находится огромная ящерица, из спины которой высовываются человеческая голова и белая корона. Эта ладья принадлежит богу, открывающему пути и являющемуся одним из обитателей Дуата. Из носа и кормы четвертой вырастают уреи. В центре на коленях сидит женщина без рук. С каждой стороны от нее стоят женщины, также лишенные рук. За каждой из них высится растение или куст. Перед нами ладья Непера , бога злаков и растительности, одной из ипостасей Осириса. Он также является одним из жителей Дуата.

Во втором часу ночи Осирису подчиняются следующие боги: мстящая Исида , Геб двух углов , Хнум двух углов , Тот на своей лестнице , Ифу на своей лестнице , Кетуит-ден-ба , Херел-хухуфти , Херу-Дуат , Себен-хесек-хаибит , два бога-обезьяны Бенту , Иана , бог с двумя лицами , Хор-Сет, Месет-эн-Усир , Мед-эн-Усир (одно из имен Осириса) и богиня Сесенет-ху с головой львицы. Позади них идут семь богинь: Месет-джесес , Амаммету , Хер-дуаиу , Сехет из Фив , Амет-джесеру , Имент-неферет и Нит-теп-Амент . С другой стороны ладьи бога — Небуи , Бесабес-уаа , Непер , Тепу , Хедж-а , Аб , Непен , Ир-исет-нечер , Аму-аа

, Херу-хебит , Анубис, Осирис-Уннефер, Хуи , Хор двух лиц, то есть Хор и Сет, Хен-Херу , Хун , Хаджеджу , Нехер , Хеми , Ренепети , Афау и Фа-теру . Все эти божества поклоняются великому богу, провожают его и плачут, когда он покидает их. Некоторые из них передают ему молитвы тех, кто находится на земле, а также провожают бестелесные души; другие, очевидно, олицетворяют времена года.

Когда Ра обращался к пребывающим там существам, они оживали от звука его голоса и снова начинали дышать. Он давал им пищу в достатке, а боги даровали воду духам, которую они должны были пить по его приказу. Сердца тех, кто восставал против Ра, сжигали в огне. Однако в текстах ясно сказано: несмотря на то что Осирис считался владыкой второго часа, Ра был его повелителем и, подобно Осирису, делал подарки умершим. С другой стороны, члены свиты Осириса должны были прислуживать Ра. Одна из их основных обязанностей заключалась в том, чтобы сдерживать его врагов, которые постоянно пытались помещать продвижению его ладьи. Эти божества служили Ра безвозмездно, так как они были вынуждены постоянно оставаться в одном месте и выполнять одни и те же обязанности.

На основании вышесказанного читатель может прийти к выводу о том, что полная версия описания второго часа, сопровождающаяся виньеткой, отличается от сокращенной, содержащейся в «Конспекте». В частности, в кратком варианте не приведены имена богов и существ, обитающих в загробном мире, которые могли бы пригодиться находящимся там душам умерших. Остается только надеяться, что покойные знали их при жизни. Полная версия описания второго часа весьма интересна, так как в ней содержатся сведения о том, что жрецы Ра сумели сделать так, чтобы Осирис подчинялся Ра, когда тот пересекал Дуат.

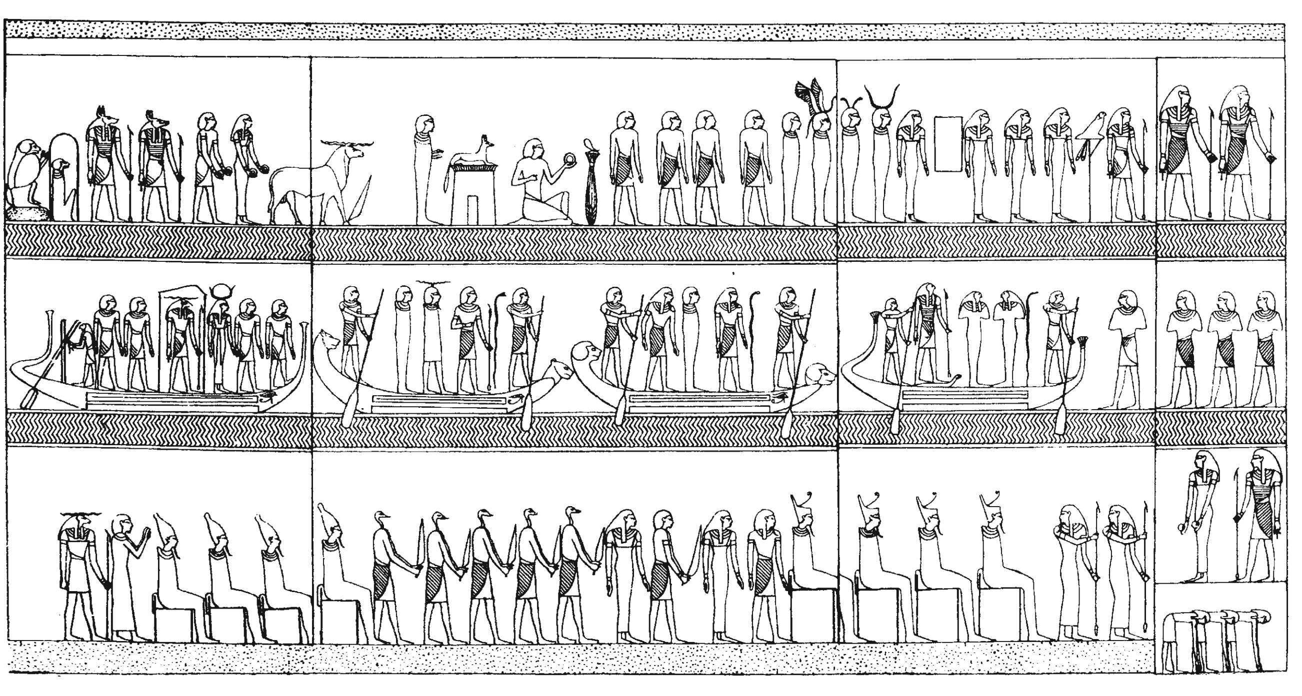
Приведем текст, сопровождающий изображение третьего часа ночи, который называется Денет-Бау: «Затем этот вели-

кий бог прибывает в страну тех, кто убивает, он плывет по потоку Осириса, месту длиной в триста девять итеру[1] и шириной в сто двадцать итеру (следовательно, длина этой области Дуата составляла около 62 километров, а ширина — примерно 24 километра). Этот великий бог приказывает богам, следующим за Осирисом, относительно этого города, и он выделяет им владения в этой стране. Имя богов, пребывающих на этом поле, — «сокрытые души», и тот, кто знает их имя, поднимется к месту, где находится Осирис, и вода будет дана ему для этого поля. Название этого поля — Нет-неб-уа-хеперет-ауту. Тот, кто нарисует эти сокрытые души вместе с изображением сокрытых вещей Дуата — начиная то же самое с Запада, — это будет очень полезно для него не только на земле, но и в загробном мире вечно. Тот, кто знает их, пройдет [невредимым] мимо них, когда они рычат, и не упадет в их котлы. Тот, кто знает эти вещи, связанный со своим местом, будет есть свой хлеб с Ра. Тот, кто, будучи душой или духом, знает эти вещи, обретет власть над своими ногами, никогда не попадет в место уничтожения, и он выйдет в своих формах и вдохнет воздух в свой назначенный час».

На виньетке, сопровождающей иллюстрированную версию Книги, изображена ладья Ра, плывущая по «потоку Осириса». Перед ним — три лодки. Каждая из них движется благодаря двоим людям с веслами. Существа, находящиеся в лодках, похожи на Осириса, а боги, стоящие по обеим сторонам реки, входят в его свиту. Их тела состояли из плоти, с которой должны были воссоединиться их тени, и их души говорили, как только Ра обращался к ним. Они отвечали богу и восхваляли его, пока он пребывал с ними, но их радостные крики сменялись стенаниями, когда он покидал их. Они не могли пойти с ним, ибо должны были охранять свою область, уничтожать врагов Ра, поддерживать его жизнь и течение Нила.

---

[1] Жекье приводит другой вариант текста, в котором говорится, что его длина составляла 480 итеру, то есть около 96,5 км.

Третий час ночи

Помимо всех прочих, в этом регионе находились девять ипостасей бога Осириса: Осирис, владыка Имента ; Осирис Хенти-Аменти , Осирис Тронный ; Осирис, покоритель миллионов ; Осирис, двойник Имента ; Осирис на своей лестнице ; Осирис, князь богов ; Осирис, царь Нижнего Египта , и Осирис-Саху . Обязанности, которые должны были выполнять существа, имеющие отношение к перечисленным выше, понятны из их имен. Они так или иначе связаны с уничтожением, и в тексте, сопровождающем изображение, говорится, что они заняты «разрубанием и разрезанием душ, заключением теней умерших и оттаскиванием тех, кто пребывает в гробницах, в их место уничтожения». Более того, они разжигают пламя, они делают так, чтобы загорелся огонь, и срубают своими мечами головы врагов Ра.

Владыку области, которую бог пересекает на протяжении третьего часа, зовут Хетери , и из речи Ра становится понятно, что обитатели мифологического региона, на который распространяется его власть, были созданы Ра специально для того, чтобы сопровождать Осириса и защищать его. Им он говорит: «О вы, те, кого я спрятал, чьи души я поместил в тайное место, кого я поместил в свиту Осириса, чтобы охранять его, чтобы сопровождать его изваяния, чтобы уничтожать тех, кто нападает на него (в то же самое время бог Ху позади тебя, о Осирис, чтобы защищать тебя, чтобы сопровождать твои изваяния, чтобы уничтожать тех, кто нападает на тебя, Ху в то же самое время для тебя, о Осирис, и Са в то же самое время для тебя, о Хенти Иментет), вы, души, чей облик установлен, вы, души, чьи магические силы помогают вам воссуществовать, которые дышат воздухом [своими ноздрями, которые смотрят] своими лицами, которые слышат своими ушами, которые облачены в свои одеяния, которые облачены в свои бинты, которым в определенное время совершаются подношения жрецами Бога, которые владеют имениями, оставленными для вашей пользы и выгоды, чьи души не разрушены, чьи тела не уничтожены. [О сокрытые души,

говорю я], откройте свои круги и разместитесь в своих собственных местах, ибо я пришел увидеть свои тела, взглянуть на свои подобия, которые в Дуате, и это вы сопровождали меня и дали мне возможность прийти к ним. И теперь я веду твою душу на небо, о Осирис, и твою душу на землю, о Хенти Иукерт, с твоими богами позади тебя, твоими духами перед тобой и твоей сущностью и твоими ипостасями [около тебя]. И твой дух имеет свои магические слова, о Осирис, и вы, духи, следующие за Осирисом, также обладаете своими магическими словами. Я поднимаюсь на землю, и день позади меня. Я пересекаю ночь, моя душа воссоединяется с вашими обликами днем, и я совершаю ритуалы ночи, которые необходимы вам. Я создал ваши души для себя, чтобы они были позади меня, и то, что я сделал для них, не даст вам упасть в место уничтожения»[1].

На протяжении четвертого часа ночи, который называется Сехемус[2], Ра путешествует по области, сильно отличающейся от предыдущих. В тексте говорится: «Затем величество этого великого бога прибывает в сокрытый круг Иментета, и он выполняет замыслы богов, пребывающих там, своим голосом, не видя их. Имя этого круга — Анехет-хеперу, название ворот этого круга — Имент-сечау. Тот, кто знает этот план сокрытых путей Ре-сетау, извилистых дорог Имехет и спрятанных ворот, которые в земле Сокар. Тот, кто на своем песке, должен есть хлеб, который был приготовлен для рта живых богов, пребывающих в храме Атума. Тот, кто знает эти вещи, будет [знать] правильные пути, сможет путешествовать по путям Ре-сетау и лицезреть ипостаси (или проводников) в Имехет».

В главе CXLIX Книги мертвых говорится о том, что круг Имехет — не что иное, как шестая Иат, или регион во владениях Осириса, в котором правит бог Сокар. Умерший об-

[1] См.: *Maspero*. Les Hypogées. P. 64.

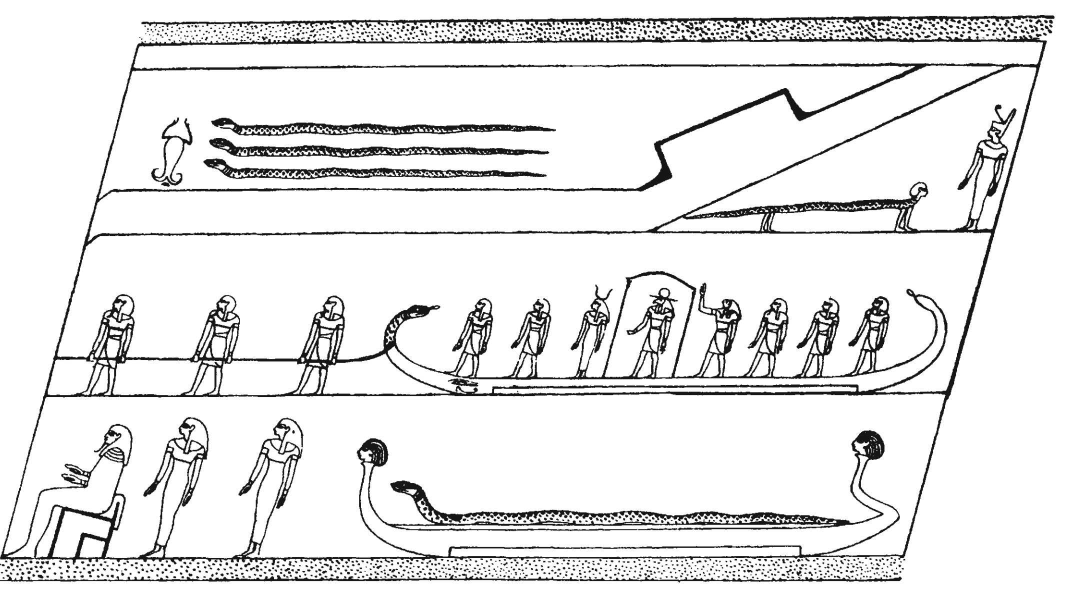
[2] , или Урет-Сехемус.

ращается к нему следующим образом: «Приветствую тебя, Имехет, посвященная богам, сокрытая для духов и губительная для покойных. Имя бога, который обитает в тебе, Сехер-Ад (?) [или Сехер-рему]. Славься, о Имехет, я пришел, чтобы увидеть богов, живущих в тебе. Откройте свои лица и снимите свои головные уборы, когда встречаете меня, ибо вот я могущественный бог среди вас, и я пришел, чтобы приготовить продовольствие для вас. Пусть Сехер-Ид (?) не обретет власть надо мной, путь божественные убийцы не придут за мной, пусть смертоносные демоны не придут за мной, но сделайте так, чтобы я жил погребальными подношениями среди вас»[1].

На виньетке из иллюстрированной версии описания четвертого часа изображена ладья Ра, плывущая по местности, совершенно не похожей на предыдущие. Эта область кишит огромными, внушающими ужас змеями. Здесь владычествует бог Сокар. Здесь нет реки, на берегах которой могли бы выстроиться боги и души умерших, и нет полей, которые Ра мог бы распределить между верными последователями (своими и Осириса). В этой области так мало существ, способных помочь ему, что он вынужден использовать другую ладью, и богу дня приходится красться по темному и мрачному региону почти без помощи других богов.

Как и прежде, Ра стоит в своей ладье, под балдахином, но само судно сделано в виде змея, тело которого с обеих сторон заканчивается головами. Ее тащат по песку бога, «того, кто на своем песке», божества из свиты Осириса. При этом они отождествлены с божествами, сопровождающими мемфисского Птаха, а сам Осирис ассоциируется с Сокаром, становясь таким образом Осирисом-Сокаром. Узкий путь Ре-сетау разделен на три части тремя дверями: Мадес-сема-та, Медес-мау-ат и Медес-нехех. В одну из них Ра не заходит, но ее дверь реагирует на звук его голоса. Во второй части находится тело Сокара, который на своем песке. Его облик со-

[1] См. мою работу Chapters of Coming Forth by Day (Translation). P. 267.

Четвертый час ночи

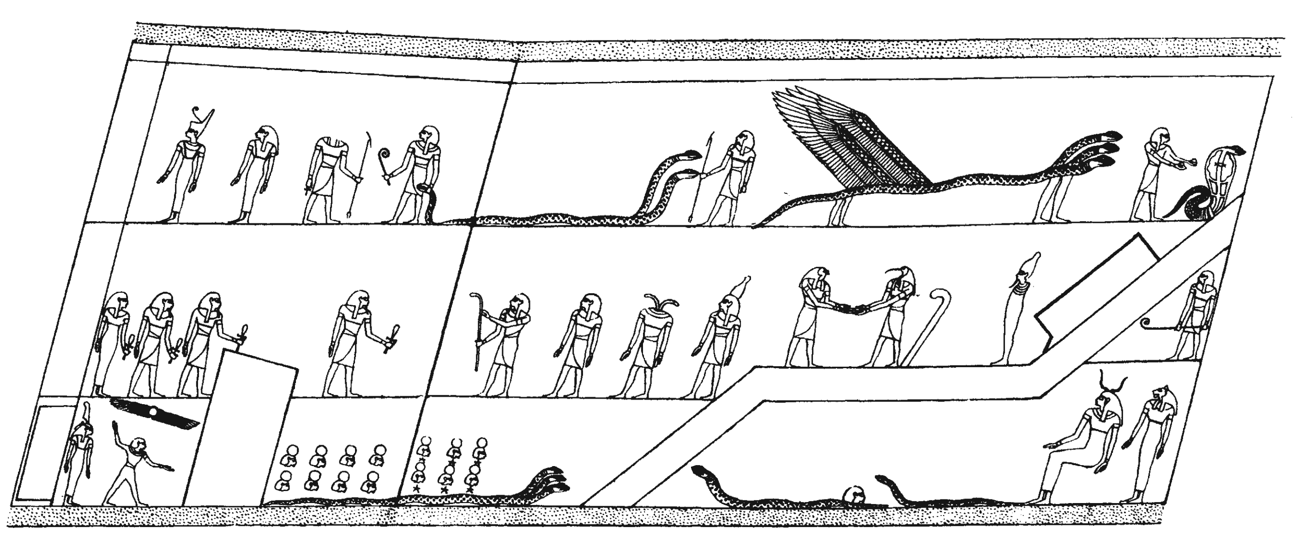
крыт и невидим. Через третью проходит Сокар, но ни боги, ни духи, ни умершие не могут попасть в нее. Она заполнена душами, сгорающими в огне, который изрыгает богиня Аммит.

Область, по которой плывет ладья Ра, погружена в кромешную тьму, и свет, обычно испускаемый богом, не может пронизать ее. Путь ему освещает огонь, изрыгаемый змеем, из которого состоит ладья Ра. Перед судном идут несколько богов, в том числе Тот и Хор, стоящие лицом друг к другу. В протянутых руках они держат Уджат, отождествленный в данном случае с богом Сокаром.

Бог проплывает мимо змеев, отличающихся друг от друга внешним видом и размером. Первого из них зовут Хедж-нау. Он вытянувшись лежит в ладье, нос и корма которой увенчаны человеческими головами, и оберегает Сокара. У второго три головы, и он передвигается по земле при помощи четырех человеческих ног. Третьего зовут Имен, четвертого — Хекенет. Из его тела, прямо над хвостом, вырастает человеческая голова. Имя пятого — Менмену. У него три головы, а на спине — четырнадцать звезд и четырнадцать человеческих голов, увенчанных дисками. Далее изображены три огромных змея, расположившиеся недалеко от гигантского скорпиона по имени Анхет и огромного урея, которому совершает возлияния человек. За ними — трехголовый змей с крыльями, передвигающийся на четырех человеческих ногах, и змей Нехеб-кау с двумя головами на одном конце тела и одной головой — на другом. Все эти чудовища, согласно тексту, каждый день путешествуют по области четвертого часа и питаются тем, что встречают на своем пути.

Этот час, как было сказано выше, входит во владения Сокара, но в пятом часу, названном Семит-хер-ибет-уиа-эс[1], расположена их столица. В тексте говорится: «Этого бога тащат по дорогам Дуата и сокрытому кругу Сокара, бога,

[1] .

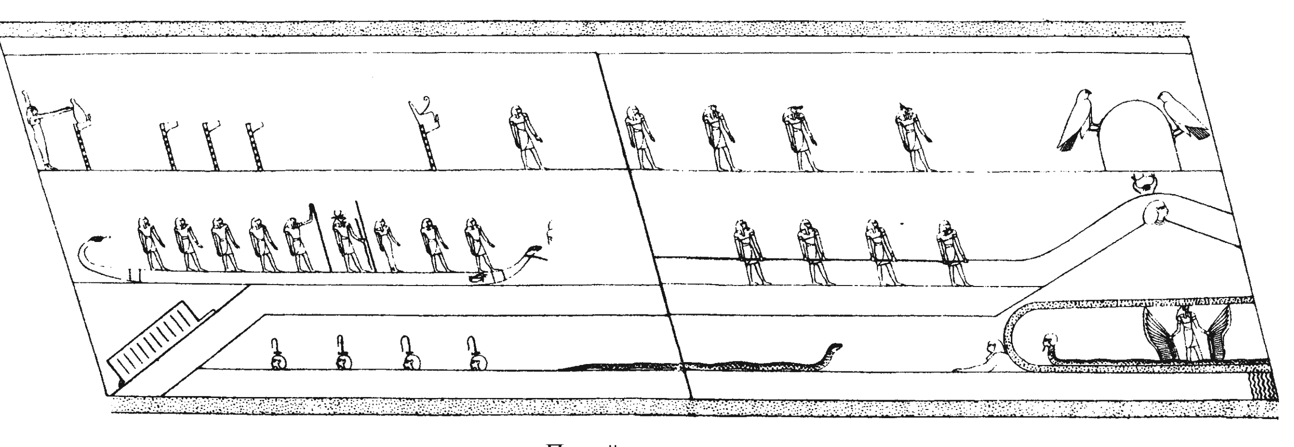

Четвертый час ночи

который на своем песке, и он не видит и не смотрит на сокрытый образ страны, содержащей плоть этого бога. Боги, пребывающие с этим богом, слышат голос Ра-Херу (?) и поклоняются ему в периоды этого бога. Имя ворот этого города — Аха-нечеру, а имя этого круга — Имент. [Здесь] тайные пути Имента, двери дома Имента, обитаемый дом, земли Сокара, его плоть, его члены и его тело в их изначальном виде. Имя тех, кто в этом круге, «Бауи иму Дуат» («Души, пребывающие в Дуате»). Воплощения, которые в своих часах, и их сокрытые существа не видят и не смотрят на это воплощение самого Сокара. Тот, кто нарисует эти вещи, которые в Именте в Дуате, к югу от спрятанного дома, и тот, кто знает эти вещи, его душа будет в покое, и он будет удовлетворен подношениями Сокара. И Хемит не порежет его тело на части, он пойдет к ней с миром. Тот, кто будет делать подношения этим богам на земле, [найдет] себе выгоду в Дуате».

В иллюстрированной версии описания пятого часа Ра изображен в своей ладье-змее, которую тянут семь богов и семь богинь — олицетворения четырнадцати дней месяца. Перед ними следуют божественные правители — Хер-ху, Ин-хетеп, Хер-хекуи и Хедж-мет. Преодолев половину пути, Ра подходит к песчаному холму, вершина которого увенчана головой женщины. Над ней возвышается передняя часть скарабея, символ бога Хепри, причем видна только ее половина. Эта голова находится над сокрытым обиталищем Сокара, и, когда скарабей садится на него, Хепри заговаривает с этим богом.

Под головой раскинулась «земля Сокара», по форме напоминающая овал. В тексте она названа «сокрытой землей Сокара, охраняющей спрятанную плоть». Она окружена стеной из песка. При этом снаружи сидят два сфинкса, у каждого из которых человеческая голова и львиное тело. В этой стране обитает двухголовый крылатый змей, хвост которого заканчивается человеческой головой. Между его крыльями стоит сокологоловый бог Сокар. Это чудовище

Пятый час ночи

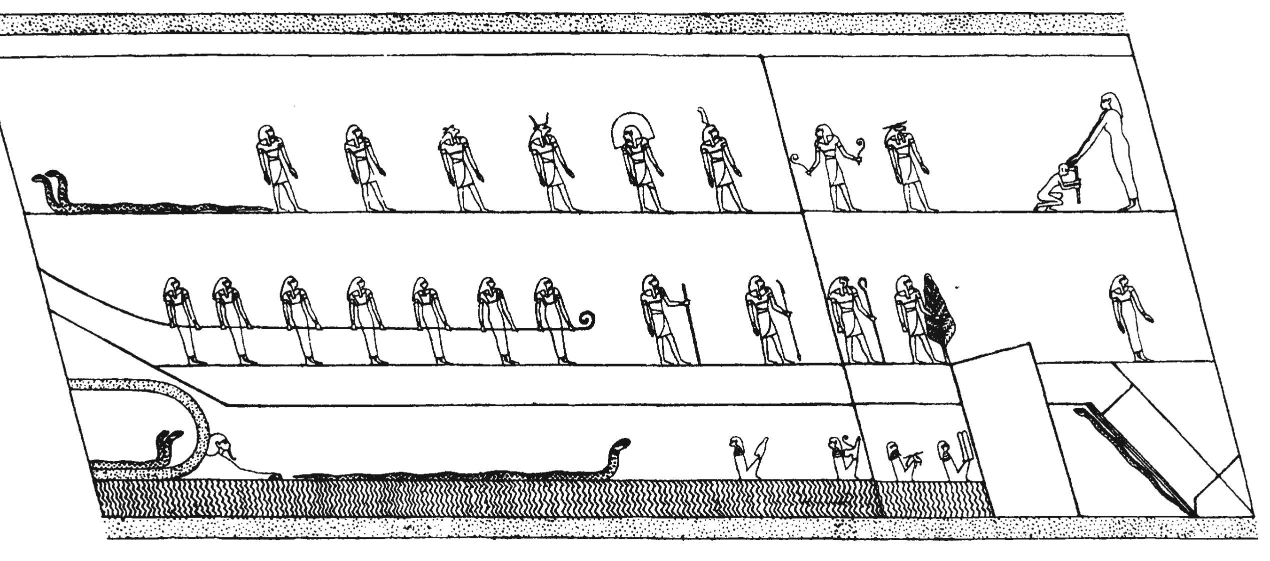
является олицетворением бога, смотрящего на свое изображение.

За сфинксами следят два змея — Депин [hieroglyphs] и Анехиапау [hieroglyphs]. Первому из них позволено приближаться к богу, которому он ежедневно доставляет подношения, совершаемые живыми. Однако второй змей никогда не покидает своего места и питается пламенем, которое сам изрыгает. Перед ним сидят четыре бога, причем на коленях каждого из них лежат изображения «сокрытых символов» Сокара — [hieroglyph], [hieroglyph], [hieroglyph] и [hieroglyph]. Они расположились у озера, которое называется Нут [hieroglyphs]. Тем, кто находится в этом озере, кажется, будто оно наполнено не водой, а огнем, и на голове каждого из четырех богов, возвышающихся над ними, красуется символ огня. За водоемом следят божества из эннеады Ра, изображенные в виде девяти топоров, и пять богов.

Однако, прежде чем пересечь область пятого часа, Ра прибывает в большое помещение со сводчатым потолком, заполненное песком и названное [hieroglyph], «ночь». С каждой стороны на него, цепляясь за склон когтями, забираются два сокола. Из его нижней части вылезает скарабей, который виден только наполовину. Этот жук, Хепри, символизировал зерно жизни. Когда ладья Ра оказывалась на описанном выше песчаном холме, она останавливалась на его вершине. Затем бог солнца отправлялся к умершему божеству и оживлял его. Вход в эти покои охранял двухголовый змей по имени Дер [hieroglyphs]. Он должен был ревностно выполнять свои обязанности — не пускать любого, кто может потревожить или уничтожить зерно жизни.

За помещением из песка стоят семь богов, которые должны следить за уничтожением умерших, и сжигать их тела при помощи ежедневно изрыгаемого ими пламени. Чуть дальше изображена богиня, «питающаяся кровью умерших», — она убивает человека, приговоренного богами к смерти.

Когда ладья Ра прибывает в конец области пятого часа, он видит звезду «живого бога, который путешествует, путешествует и проходит» [hieroglyphs]. Доктор Бругш, а вслед за

Пятый час ночи

ним месье Масперо и другие отождествили ее с планетой Венера, утренней звездой. Данное предположение, несомненно, является верным. Этот факт крайне важен. Месье Жекье отметил[1], что в сочетании с изображением скарабея, вылезающего из ночи, чтобы забраться в ладью Ра, он свидетельствует о следующем: владения Сокара, хотя и охватывают всего два часа, размещенные в определенных частях Дуата, без сомнения, некогда являлись единым адом, последним событием в котором был восход солнца.

Область шестого часа, названная Месеперит-ират-маату[2], расположена недалеко от святилищ Осириса, находящихся в Дельте. В тексте говорится: «Когда этот великий бог прибывает к бездне воды, которая является владычицей божеств Дуата, он беседует с находящимися там богами. Он приказывает, чтобы они получили власть над своими подношениями [иероглифы] в этом городе. Он плывет по этому [полю] в своей ладье, приказывает, чтобы они [обладали] своими полями для подношений, и он дает воду для их рек, когда они странствуют по Дуату каждый день. Название ворот этого города — Сепед-мету [иероглифы]. Сокрытый путь Иментета, по реке которого путешествует этот великий бог, чтобы творить дела богов Дуата, и сбор их имен, и то, каким образом покоятся их ипостаси, и то, что принадлежит по праву их сокрытым часам, и спрятанное подобие Дуата неизвестны... Величество этого бога произносит слова, он совершает священные подношения богам, которые в Дуате, и он стоит рядом с ними. Они видят его и обладают властью над своими полями и над дарами, которые преподносятся им, и они посвящают все свое существо приказам, который этот великий бог, могучий словами, отдает им. Эта область называется Меджет-небет-Дуатиу [иероглифы]». Автор третьей части текста обещает тем, кто изображает шестой час: они примут участие в совершении подношений богам из свиты Осириса. Кроме того, их сородичи на земле также будут совершать им подношения.

---

[1] *Jéquier*. Le Livre de ce qu'il y a dans l'Hades. P. 76.

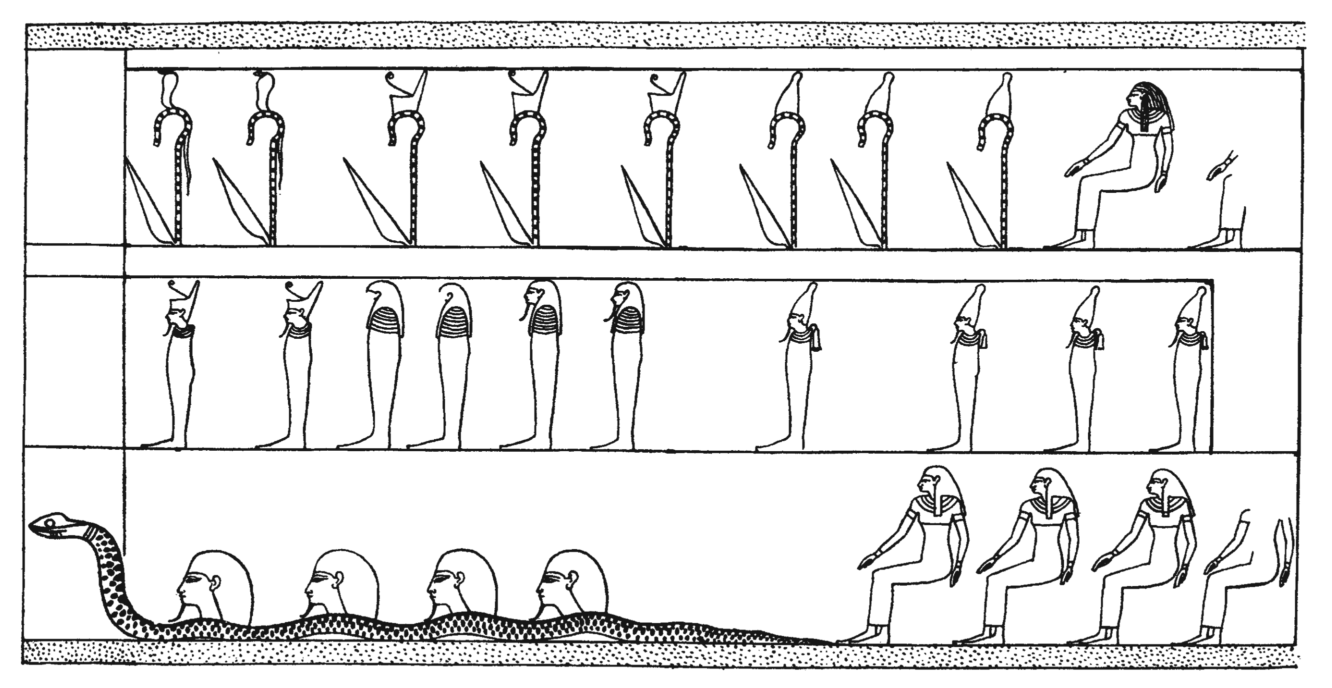
[2] [иероглифы].

Шестой час ночи

На виньетке, иллюстрирующей полную версию Книги мертвых, Ра изображен без ладьи, сделанной из тела змеи, в которой он путешествовал по владениям Сокара. Он снова плывет по реке Дуата в своей прежней ладье. Перед ней идут Тот, названный в тексте Хенти-Дуат (при этом перед ним следует собакоголовый бог, держащий в вытянутый правой руке ибиса), и богиня Имент-сему-сет . Дальше стоит большой дом, разделенный на шестнадцать частей, в каждой из которых стоит божество-мумия. Это дворец Осириса, в первых четырех помещениях которого находятся цари Юга, во вторых — Севера, в третьих — Хетептиу , а в четвертых — духи. Все они охраняют огромного пятиголового змея по имени Аша-хериу , тело которого свернуто овалом неправильной формы так, что его хвост почти касается одной из его голов. Внутри этого овала на спине лежит бог, которого зовут Афу , то есть «Плоть». Правой рукой он касается ноги скарабея, стоящего у него на голове. Следовательно, можно предположить, что перед нами мертвое тело Хепри. Этот же персонаж стоит в ладье напротив бога солнца, названного «Плотью Ра» .

Ра обращается к шестнадцати богам, упомянутым выше, и повелевает им радоваться подношениям, защищать его и уничтожить змея Апопа. Они слушают его голос. Далее в тексте говорится о том, что именно благодаря голосу Ра бог, лежащий внутри кольца, образованного телом змея, и скарабей, стоящий на его голове, начинают двигаться.

Здесь также следует упомянуть двойную эннеаду богов Осириса. Первые девять богов, входящих в нее, изображены в виде людей, сидящих на невидимых тронах. К их числу относятся Хетеп-Хенти-Дуат , Исет-имхит , Усир-им-иб-нечеру , Херу-хенти-ихет-эф , Бенти-ир-ихет-эф , Маа-иб-хенти-ихет-эф и еще три бога, чьи имена неизвестны. Вторая эннеада богов изображена в виде девяти ски-

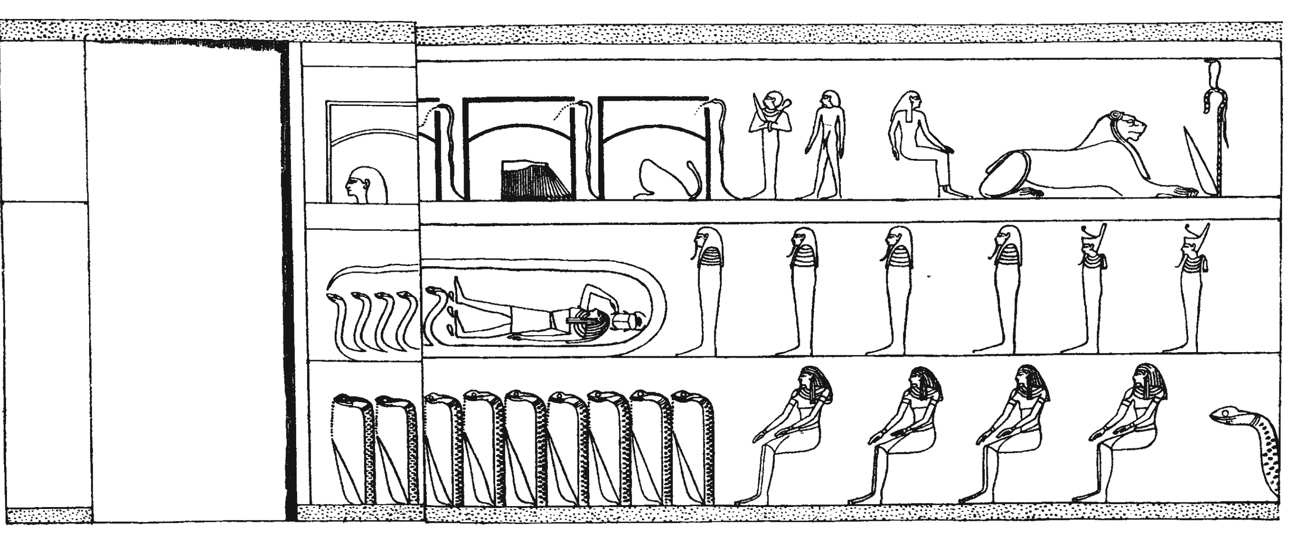

Шестой час ночи

петров, к основанию каждого из которых прикреплен нож . Первые три увенчаны белыми коронами , вторые — красными , а третьи — уреями .

Далее сидит изображенный в виде льва бог Ка-хемхем , а за ним — Исида, Хор и мумифицированное божество (?) , держащее в руках и . Они стоят на часах возле трех домов Ра, каждый из которых охраняет божество, изображенное в виде змея, стоящего на хвосте и изрыгающего изо рта пламя. Первый дом называется Хет-дуа-Ра . Его символами являются и . Название второго — Хет-сетау-Хер-аха-Ра , его символизирует знак , а третьего — Хет-демдет-Ра , его символом стало изображение головы человека .

Слева от ладьи Ра стоят два божества, имена которых неизвестны, а также Ихи , Недж-итеф , Анх-хер , Мед-хер (Сепед-хер ?), Недж-паути ; богини: Инчеч , Хенхенич , Хемет и Сехич . Рядом с ними изображен чудовищный змей Ам-ху , на спине которого стоят головы четверых сыновей Хора: Месет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсеннуф. Он должен был поглощать тени и духов врагов Ра, низвергнутых в Дуат. За змеем следуют четыре земные ипостаси Осириса: Гаи , Мени-ред , Эненредуи и Уред , а также девять изрыгающих пламя змей, держащих ножи. Это Та-ченен , Атум, Хепри, Шу, Геб, Осирис, Хор, Упу и Хетепуи . Они были обязаны уничтожать противников Хепри, разрубать их тени. Они обитали в Нуне и в водах Та-ченена, а Хепри, прибегнув к своим магическим способностям, каждый день делал так, чтобы они начинали дышать по приказу Ра.

Шестой час ночи

В области седьмого часа, который называется Хесеф-хиа-хесек-Неха-хер[1], находится тайное обиталище Осириса. В тексте говорится: «Когда величество этого великого бога прибывает в сокрытое жилище (тепехет,) Осириса, он обращается к богам, которые там, [подходящими] словами. Этот бог принимает другой облик для своего тайного обиталища, чтобы он мог прогнать Апопа при помощи магических слов Исиды и магических слов Усира . Название ворот этого города, через который путешествует бог, — «ворота Осириса» , и название города Тепехет-шетат . Этот великий бог проплывает по сокрытому пути Именетета в своей ладье, наделенной магической силой, и он путешествует по ней, когда там нет реки и когда некому буксировать их. Он делает это при помощи магических слов Исиды и Усира и при помощи могущественных магических слов, вылетающих из его собственных уст, и в этой области Дуата он наносит ножом раны Апопу, место которого на небе».

Человек, который запечатлит то, что находится к северу от сокрытого дома Дуата, получит значительную выгоду как на небесах, так и на земле. Тот, кто знает это, будет среди духов рядом с Ра, а тот, кто произносит слова Исиды и Усира, отобьет атаку Апопа в Именетете, и ему будет выделено место в ладье Ра как на небе, так и на земле. Человек, не знающий это изображение, никогда не отобьется от змея Неха-хера.

Далее в тексте идет речь о том, что «длина мелководья страны Неха-хера составляется 450 локтей и оно заполнено его изгибами, но по одной части этого данный великий бог путешествует не тогда, когда он направляется к сокрытому обиталищу Осириса, ибо он идет через этот город в облике бога Мехена . Неха-хер никогда не будет пить воду того, кто знает это, и душа, которая знает это, никогда не будет подвергнута насилию со стороны богов, находящихся в круге, а крокодил Аб-ше никогда не съест душу того, кто знает это». Из сказанного выше следует, что ладья

[1] .

Седьмой час ночи

Ра во время своего путешествия по небесной реке попадает на отмель, через которую не может проплыть (вероятно, воды в этом месте не хватало даже для того, чтобы буксировать ее). Более того, змей Неха-хер мешал передвижению бога.

Чтобы помочь Ра, великая волшебница Исида садится в его лодку и, стоя на носу, произносит магические слова, благодаря которым судно снова начинает двигаться. На виньетке, приведенной в полной версии Книги мертвых, изображены Серкет и Хер-десу-эф, хватающие Неха-хера, связывающие его и пригвождающие к земле при помощи шести ножей. В результате Ра, стоящий под балдахином, образованным телом змея Мехена, без помех и проблем продолжает свой путь.

За ужасным змеем стоят четыре богини, каждая из которых держит огромный нож. Они должны охранять гробницы четырех ипостасей Осириса. Их зовут Демдич, Денич, Никич и Хетемитет. Они были призваны отгонять врагов Ра и каждый день разрубать на куски своими ужасными ножами демона Апопа.

Четыре гробницы Осириса представляют собой прямоугольные сооружения, в каждом из которых стоит кровать или небольшое возвышение из песка, где лежат мертвые души бога — Атум, Хепри, Ра и Осирис. Верхние углы гробниц увенчаны человеческими головами, которые, как сказано в тексте, выходят наружу, услышав голос Ра. После того как он проплывает мимо них, они «съедают свои воплощения», то есть головы исчезают.

В додинастический период в Египте существовал обычай убивать рабов на могилах царей и представителей знати. Аналогичная традиция характерна для многих других стран. Те, кто придерживался ее, убивали людей и помещали их тела под фундамент будущего здания, чтобы души умерших защищали это сооружение и отгоняли злых духов. Человеческие головы на гробницах Осириса являются пережитком тех времен, когда после смерти бога в месте его последнего упокоения с описанной выше или с какой-то другой целью

Седьмой час ночи

в жертву были принесены несколько человек[1]. Эта гипотеза подробно рассмотрена месье Лефебуром, многое сделавшим для изучения погребальных обрядов египтян[2]. Вероятно, на существование подобной традиции ссылается и Гораполлон[3]. Он пишет: для того, чтобы сделать φυλακτήριον (охранный амулет. — *Пер.*), они рисовали две человеческих головы — мужскую и женскую, причем так, чтобы первая смотрела внутрь, а вторая — наружу. Эти головы отразят нападение любого злого духа, даже если не будут сопровождаться какой-либо надписью.

На других виньетках, иллюстрирующих описание этого часа, изображен бог Иф-Усир , «Плоть Осириса», сидящий под балдахином, образованным телом Анх-иру-джефау , одной из ипостасей змея Мехена. Позади него стоят змей с человеческой головой Анхтич и львиноголовая богиня Хекенеч . Чуть дальше расположился бог Шепес , одно из воплощений Тота. Перед богом на коленях стоят три персонажа, головы которых отрубил бог с головой кота, а на земле лежат три существа, связанные богом Инеку . Перед нами изображение врагов Осириса, души которых были вырваны, а тени разрублены на части, ибо они восстали против владыки Дуата. Перед ними расположились три сокола с человеческими головами в двойных коронах — души «живущих». На лежащем рядом змее стоит трон, на котором сидит бог Иф-Атум , «Плоть Атума».

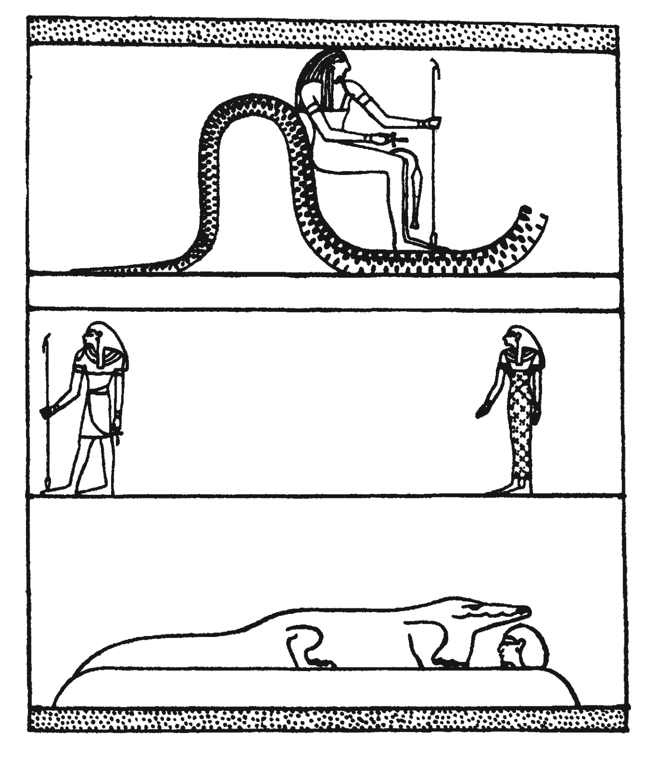
---

[1] См.: *Maspero.* Les Hypogées. P. 104.

[2] Rites Égyptiens. P. 4 и далее, 18 и далее.

[3] Φυλακτήριον δὲ γραφειν βουλόμενοι, δύο κεφαλάς ἀνθρώπων ζωγραφοῦσι, τὴν μὲν τοῦ ἄρσενος ἔσω βλέπουσαν, τὴν δὲ θηλυκὴν ἔξω. ὄυτω γάρ φασιν οὐδὲν τῶν δαιμονίων ἐφαψεται, ἐπειδὴ καὶ χωρὶς γραμμάτων, κ.τ.λ. Hieroglyphica. I, 24 («Изображая амулет, рисуют две человеческих головы: мужскую, смотрящую вовнутрь, и женскую, смотрящую вовне. Таким образом, говорят [египтяне], ни один демон не привяжется, так как даже и без надписей этими головами они оберегаются». Пер. с древнегреч. А.Г. Алексаняна по: Hieroglyphica (translatio Philippi) / Ed. F. Sbordone. Hori Apollinis hieroglyphica. Naples: Loffredo, 1940. 1—216 (= TLG 2052 001). — *Пер.*).

Седьмой час ночи

Седьмой час ночи

К числу других богов, обитающих в этой области, относится «Хор на своем троне». Перед ним стоят несколько богов, связанных с определенными звездами, и богини двенадцати часов. На них смотрит крокодил Абу-ша-им-Дуат, охраняющий гробницу Осириса и то, что в ней находится. Когда Ра проплывает мимо крокодила, названного в тексте «Осирисом, Оком Ра», он, разговаривая с этим чудовищем, зачаровывает его и делает беспомощным. Тогда мертвый Осирис, лежащий в земле, под крокодилом, поднимает голову, чтобы тоже посмотреть на бога солнца.

Последователи Осириса также пользуются возможностью взглянуть на Ра, ведь теперь они могут не опасаться того, что заколдованный богом монстр сожрет их.

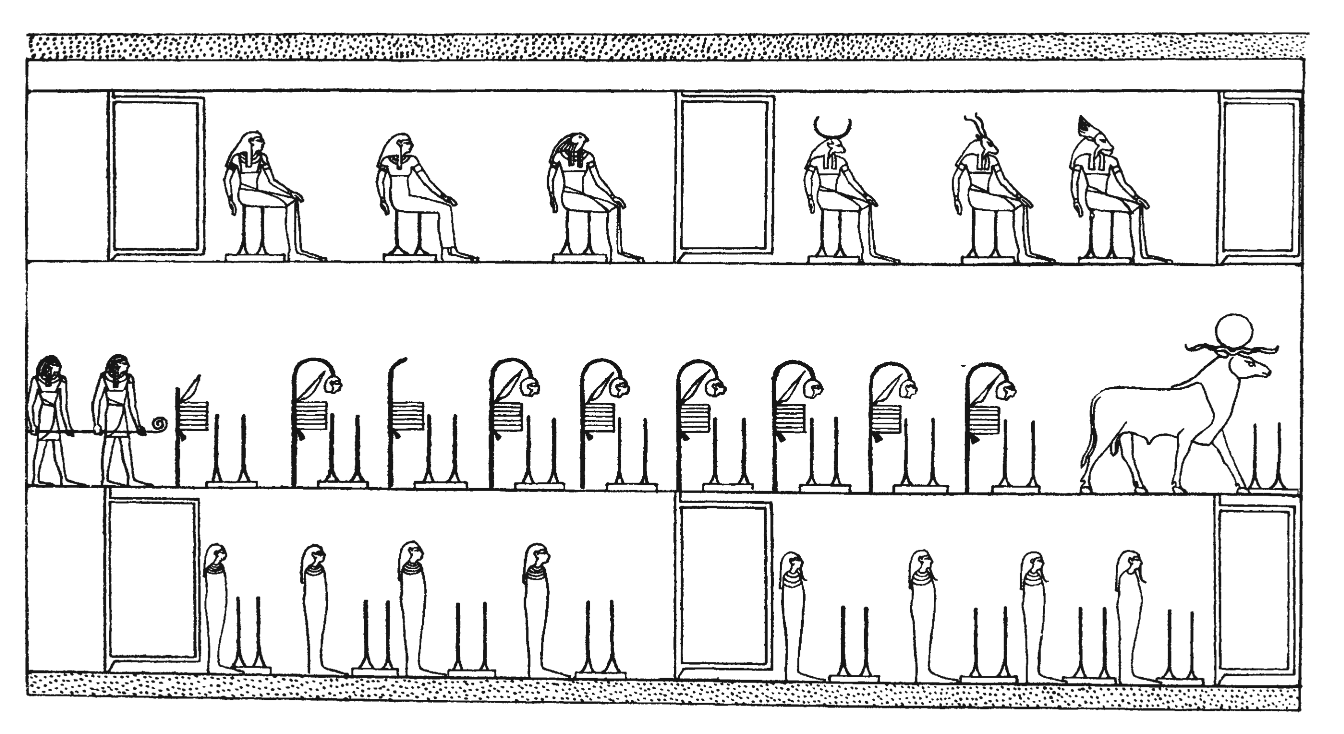
На восьмом часу, который называется Небет Ушау[1], Ра попадает в довольно примечательную область Дуата. Название ее ворот — Аха-эн-уред-эн-эф, а города — Дебат-нечеру-эф. Ра путешествует по этому региону в своей ладье и под защитой Мехена, по приказу которого боги буксируют судно. Он видит всех богов в различных кругах, а также тех, «кто на своем песке», и говорит с ними. Когда бог проплывает мимо, они выходят из своих тайных убежищ, двери которых открываются сами. В области этого часа находятся только мумифицированные и погребенные с соблюдением необходимых обрядов боги и духи. Несмотря на то что они мертвы, эти существа быстро оживают по приказу Ра, призывающего их уничтожить всех его врагов, пребывающих там.

На виньетке, сопровождающей иллюстрированную версию текста, изображена ладья Ра, которую буксируют несколько божеств. Перед ней стоят девять больших знаков, представляющих собой слегка видоизмененное изображение иероглифа шесу, или шемсу, который можно перевести как «последователь», «слуга». К верхушке семи из них подвешены человеческие головы, являющиеся доказательством того, что мы имеем дело с последователями Осириса. Перед каждым знаком помещен иероглиф, при помощи которого выписывалось слово «полотно». Эти примечательные предметы олицетворяют существ, мумифицированных способом, предписанным Хором, и снабженных достаточным количеством бинтов для обмотки. В тексте говорится о том, что жизнь сосредоточена в их головах. Когда Ра называет их по имени, они тотчас же повсюду хватают его врагов и отрубают их головы своими ножами.

Перед ними в виде баранов изображены четыре ипостаси бога Та-ченена. В тексте они названы «воплощение первое», «воплощение второе», «воплощение третье» и «воплощение четвертое». С каждой стороны пути, по которому двигается Ра, изображены пять кругов.

[1] .

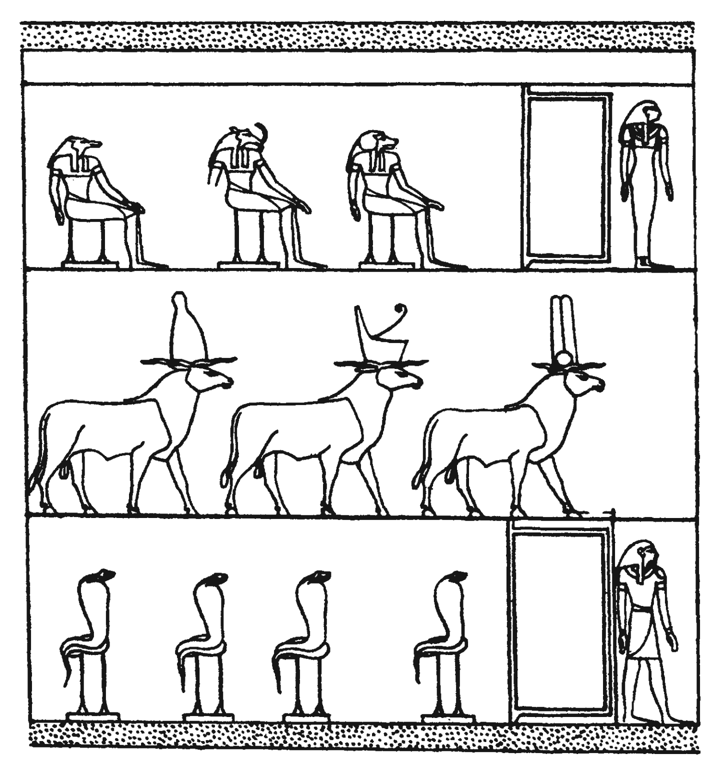
Восьмой час ночи

Восьмой час ночи

Дверь первого круга, Сешета, называется Дес-неб-дерер , и перед ней помещены изображения Атума, Хепри и Шу. Когда Ра заговаривает с ними, они отвечают ему, и их голоса похожи на жужжание пчел. Дверь второго круга, Дуат , называется Дес-аха-Та-ченен . Перед ней стоят изображения Тефнут, Геба и Нут. Когда Ра заговаривает с ними, они отвечают, и голос их похож на плач женщины. Название двери третьего круга, Иснечеру , — Дес-хем-бау . Перед ней расположены изображения Осириса, Исиды и Хора. Когда Ра обращается к ним, они отвечают ему, и звуки их голоса напоминают человеческий стон. Дверь четвертого круга, Иагеби , называется Дес-шета-эм-чехен-нечеру . Перед ней — изображения Ка-Иментета , Ба-нечеру и Рем-нечеру . Когда Ра обращается к ним, они отвечают ему, и звук их голоса подобен производимому стенающими быками и людьми. Дверь пятого круга, Небет-сему-нефу , называется Дес-сема-кекуи . Перед ней помещены изображения Хетри , Аффи и Иранебефи . Когда Ра заговаривает с ними, они отвечают ему, и их голос похож на голос того, кто молится, охваченный ужасом.

Все эти пять кругов находятся за дверью, которая называется Дес-хаибит-дуатиу . Дверь, ведущая в шестой круг, названа Дес-эрмен-та . Перед ней стоят божественные существа, сущность которых нам пока неясна. Когда Ра обращается к ним, они отвечают ему, и их голос похож на мяуканье котов. Название двери седьмого круга, Хетемет-хемиу , — Дес-Ра-хефети-эф . Перед ней находятся изображения Нут, Та и Себек-хера . Ког-

Восьмой час ночи

да Ра заговаривает с ними, они отвечают ему, и голос их подобен хохоту живых. Дверь восьмого круга, Хап-сему-эс, называется Дес-сехем-иру. Перед ней стоят четыре божества[1]. Когда Ра обращается к ним, они отвечают ему, и их голос подобен крикам, которые слышны во время битвы Нуна. Дверь девятого круга, Сехерет-бау-эс, называется Дес-сепед-несету, и перед ней стоят

[1] Хебесет, Сенекет, Дебат и Темдет.

четыре божества[1]. Когда Ра заговаривает с ними, они отвечают ему, и голос их подобен крику божественного сокола Хора. Название двери десятого круга, Аат-сетекау, — Дес-ху. Перед ней — четыре бога в облике уреев, стоящие на знаке. Когда Ра обращается к ним, они отвечают ему, и голос их похож на щебетание водоплавающей птицы на озере. Последние пять кругов находятся за дверью, которая называется Дес-аммит-эт-шета-эф.

На девятом часу, называющемся Дуатет-макет-неб-эс[2], вместе с богом мы попадаем в «сокрытый круг Иментета». Расположенный в этой области город называется Бес-иру[3], а ворота — Са-агеб. «Когда великий бог прибывает в этот круг, он из своей ладьи обращается к находящимся там богам, и матросы его ладьи довольны этим городом». Человек, который сумеет скопировать изображения этого часа и будет знать имена богов и то, какое место они занимают в Иментете, достигнет там высокого положения. Он будет вставать в присутствии господина дел и благодаря помощи божественных советников получит возможность делать так, чтобы его желания исполнялись, в день, когда пер-аа (фараон) станет воздавать каждому по его заслугам.

На виньетке, приведенной в полной версии Книги мертвых, изображена ладья бога, плывущая, как и прежде, по реке Дуата. Перед ней стоят двенадцать божественных гребцов, каждый из которых держит в руках весло. Их зовут Хену, Ихем-сек-эф, Ихем-уред-эф

---

[1] Кеку, Менехи, Джер-ху и Хебес-та.

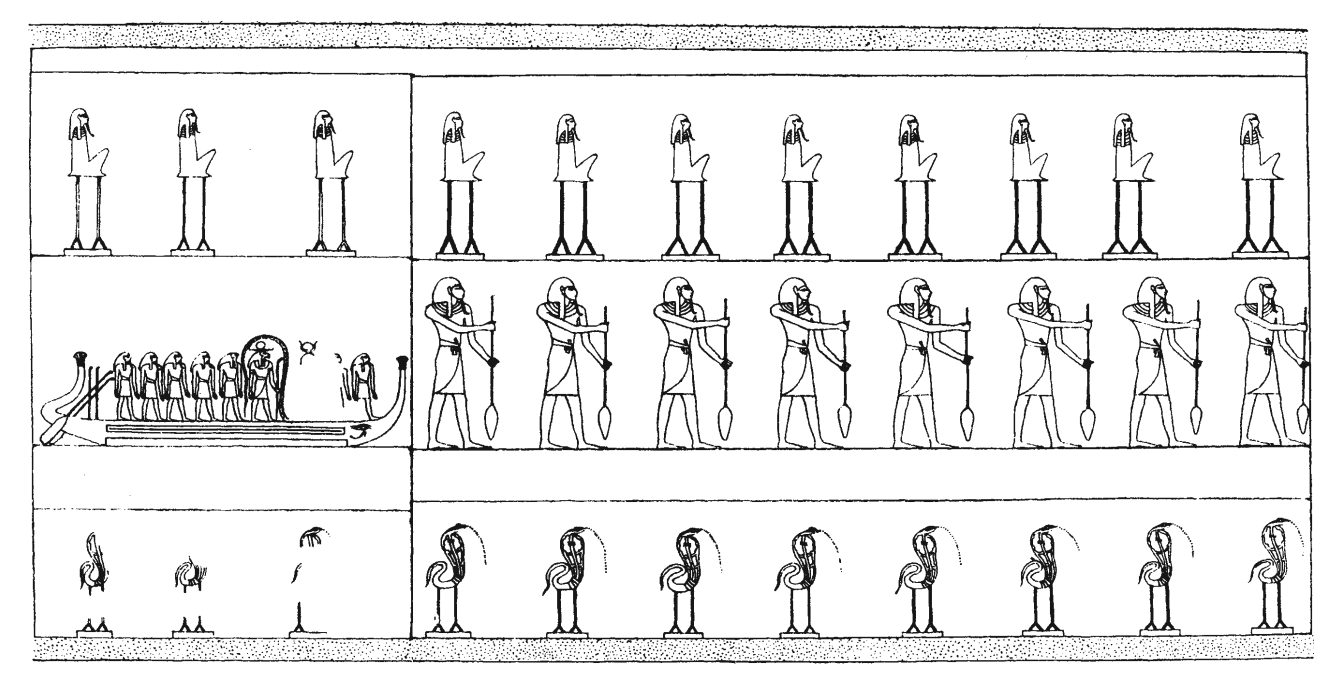
[2] .

[3] В некоторых версиях текста это название длиннее — к нему добавляются следующие знаки: .

, Ихем-хеми-эф , Ихем-хемес-эф , Хен-уннут-эф , Хапти-та-эф , Хетеп-уаа , Нечер-нечеру , Джа-Дуат и Депи . Они должны не только грести, но и плескать своими веслами воду на духов, стоящих на обоих берегах реки. Кроме того, им предписано отвести душу Ра туда, где он сможет восстановить свой диск.

Перед этими божественными гребцами на корзинах сидят три бога, делающие многочисленные подношения. Это Мути-хенти-Дуат , Гети-хенти-Дуат и Небет-ау-хенти-Дуат . Справа от ладьи Ра — двенадцать богов, каждый из которых сидит на знаке , и двенадцать богинь. Они начинают дышать после того, как он поприветствует их. Они должны произносить магические заклинания, посредством которых они окружают спрятанную душу и таким образом обретают достаточную силу, чтобы вернуть к жизни Осириса. Их зовут Нехата , Деба , Ирти , Менхет , Хебес , Небти , Исети-нечер , Исети-паут , Хетемет-ху , Небет-пат , Демджу , Мен-а , Перит , Шемат-ху , Небет-шат , Небет-шеф-шефет , Аат-иадет , Небет-седау , Хенет-ниут-эс , Небет-мит , Десерет-инет , Аат-ху , Сехет-меду , Нетерет-эн-хентет-Ра .

Слева от ладьи Ра находятся двенадцать уреев, каждый из которых сидит на знаке и изрыгает изо рта пламя. Согласно тексту, с его помощью они разжигают огонь для бога, пребывающего в Дуате. Когда бог покидает эту область

Девятый час ночи

загробного мира и отправляется дальше, они поедают пламя, которое изрыгнули перед тем, как мимо них прошел Ра. Огонь, несомненно, предназначался для того, чтобы осветить ему путь.

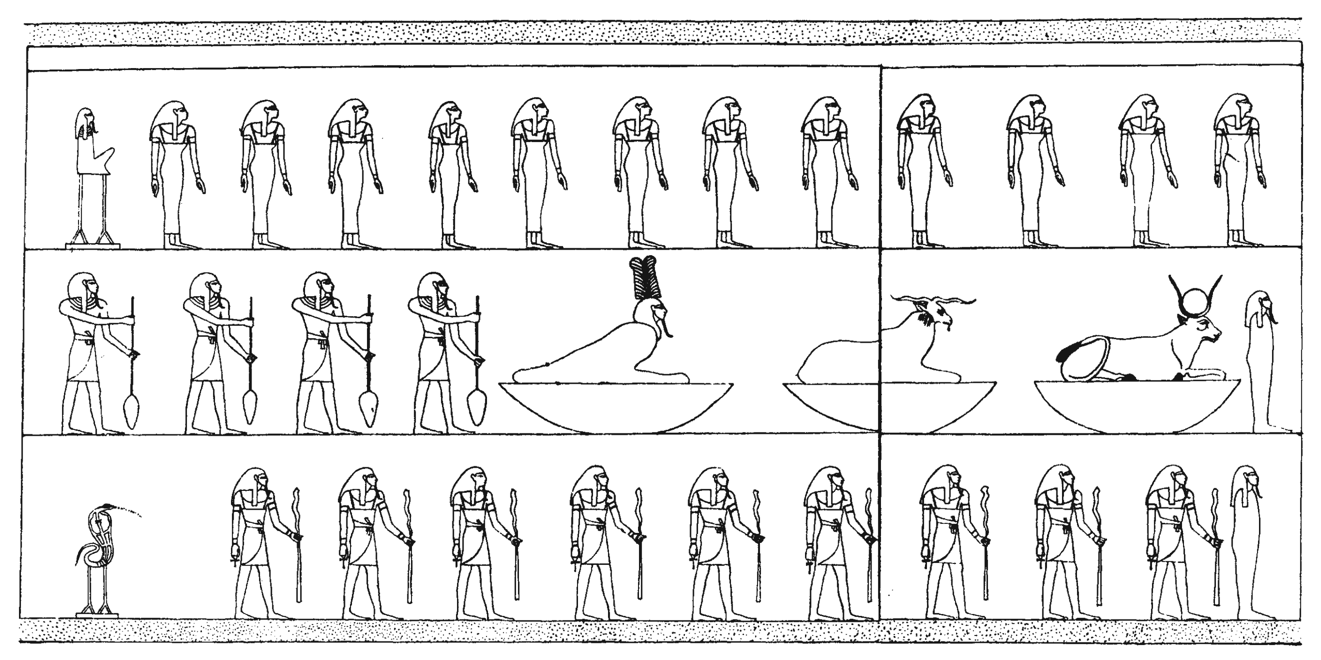
Перед этими уреями изображены девять богов-покровителей земледелия, руководит которыми божество с обликом мумии. Это сехетиу, «крестьяне» бога Хер-ше-дуату. Они выполняют любую работу, связанную с вспахиванием и орошением полей.

На десятом часу, который называется Дендит-ухескет-хад-удебу[1], Ра попадает в город Меджет-кат-удебу. Название ведущих в него ворот — Аа-хеперу-мес-иру. Ладья Ра, как и прежде, плывет по реке подземного мира, но в руке бог снова держит змея, заменяющего ему посох.

Сразу перед ним изображен змей Чес-херу, тело которого с обеих сторон заканчивается головой. На одну из них надета белая корона, на вторую — красная. Кроме того, чудовище стоит на четырех человеческих ногах, две из которых повернуты направо и две — налево. Его тело выгнуто таким образом, что походит на рога. При этом в нижней части образованной им дуги стоит Хент-Херу в облике черного сокола. Слева от него изображена богиня-покровительница Севера, Нейт, со своими двумя луками, а справа — богиня Херет-эрмен.

Далее стоит ладья, в которой сидит змей Анх-та, а перед ним — три группы богов, по четыре божества в каждой. Вместо головы у первых четырех — солнечные диски, и все они вооружены стрелами. Их зовут Тепчери, Шесери, Демау и Уду. Каждый представитель второй группы держит в руках метательное копье. Перечислим их имена: Сету, Рау, Хесефу и Не-

[1]

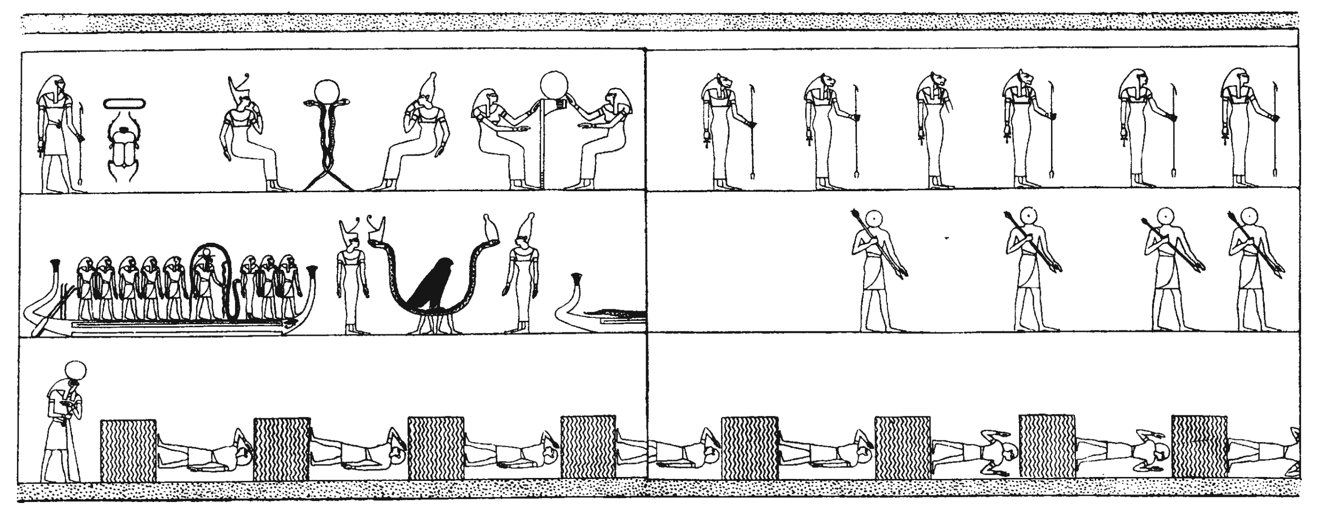
Девятый час ночи

кену. Боги, входящие в третью группу, вооружены луками. Их зовут Песечи, Шемеречи, Десу и Ха-а. Все они сопровождают Ра в его путешествии на восток, убивая при этом всех его врагов, обитающих во тьме. Особое внимание они уделяют мести змею Неха-херу. Они сопровождают Ра до пределов области этого часа, войдя в восточной части неба в состав его свиты.

Регион, который пересекает Ра на протяжении этого часа, называется Игерет. По дороге бог видит «живого скарабея», рожденного пред лицом бога Пе-анха, а также то, как этот жук катит перед собой свою территорию. Далее помещены изображения двух змеев, Менenuи, стоящих опираясь на хвосты. Их тела переплетены, а на выгнутые шеи водружен солнечный диск. Рядом с ними — олицетворения Юга и Севера, изображенные сидящими на воображаемых тронах. За ними — две богини: Нечеч и Кенит, одна из которых поддерживает топор, а вторая — стоящий на нем солнечный диск. Две богини, покровительницы Востока и Запада, выходят из змеев. От топора, который называется Сефедит, отделяются эти же богини. Таким образом, можно предположить, что они являются душами змей и топора, выходящими наружу, чтобы взглянуть на бога солнца. Сразу после того, как он проходит мимо них, они возвращаются в свои материальные оболочки.

Затем Ра видит восемь богинь[1], приближающихся к сидящему божеству с головой собаки, показывающему им Око Хора. Они должны убедиться, что с ним все в порядке,

[1] Сехет, Менкерет, Хунчеч, Усит, Абет-нечеру-эс, Ирет-та-чеч, Ахат и Чемач.

Десятый час ночи

заботиться о нем и защищать его, чтобы оно каждый день светило. Помимо них, на виньетке изображены восемь богов: Эрменуи, Неб-акет, Дуа-ху, Херше-тау, Сем-Херу, Дуа-Херу, Хенти-исетэф и Хенти-мент. Эти божества, живущие благодаря дыханию великого бога, должны были разрубать тела врагов Ра и разбрасывать их бинты.

Слева Ра, путешествующий по региону этого часа ночи, видит Хора, а также двенадцать существ, плавающих, ныряющих и преображающихся в резервуаре с водой. Согласно тексту, они ударяют по воде, чтобы снова обрести дыхание, и Ра призывает их наполниться водой небесного Нила и обещает, что их члены не подвергнутся разложению, а тела не исчезнут. Он приказывает им стать в воде хозяевами своих собственных рук, ибо они обитатели Нуна, а также повелевает, чтобы их души жили.

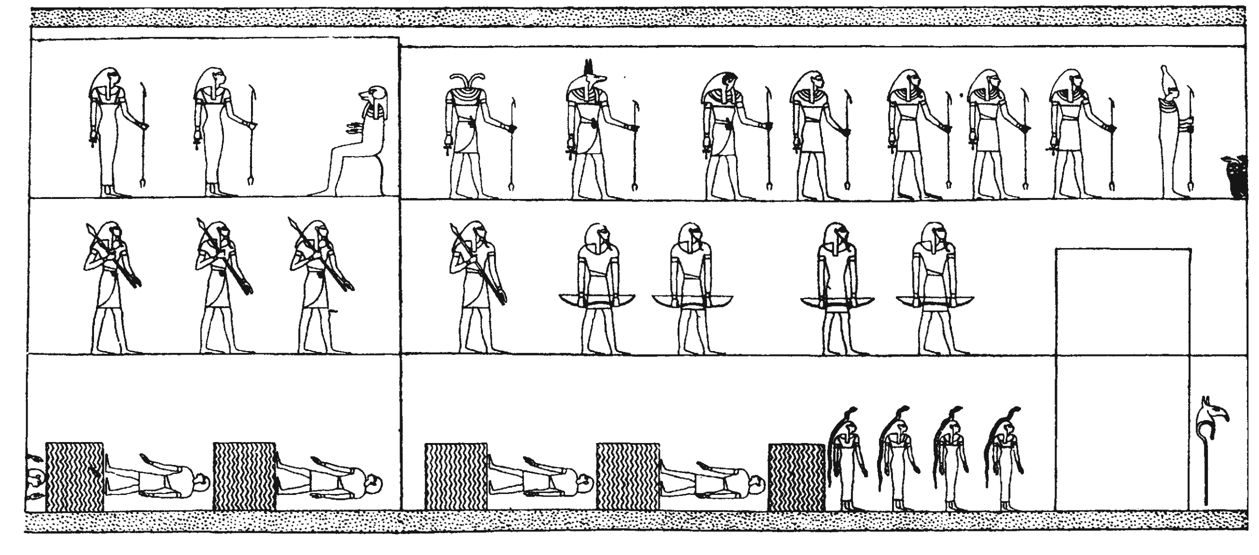
Позади них изображены четыре богини, над головой каждой из которых возвышается голова змея, а его тело ниспадает по ее спине. Перед ними стоит штандарт, увенчанный головой Сета. Этот бог считался хранителем десятого часа. Когда Ра собирался отправиться из этой области в восточную часть неба, Сет пробуждался и отправлялся вместе с ним. Четыре богини, «живущие своими головами», освещали путь Ра.

В начале одиннадцатого часа, который называется Себуит-небет-уиа-хесефет-себиу-эт-перет-эф[1], бог попадал в город Эр-кререт-ипет-хат. Название его ворот — Сехен-дуатиу. Текст и сопровождающие его иллюстрации предназначались для того, чтобы души умерших могли стать сопричастными богам, а также для того, чтобы они получили вещи, необходимые им как на небе, так и на земле.

Ра, как обычно, стоит в своей ладье, но вместо змея, которого он прежде использовал в качестве скипетра, в его руке

———

1 .

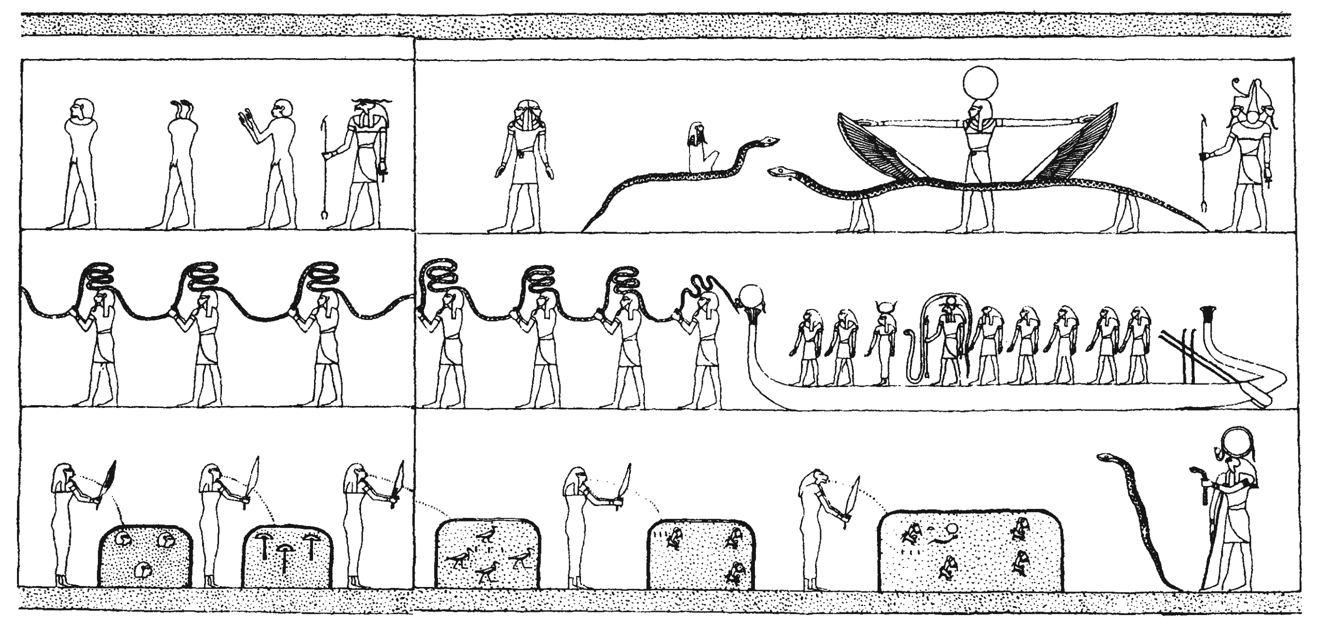

Десятый час ночи

обычный скипетр, а на носу судна стоит солнечный диск, увенчанный змеем, который называется или , Песду или Песдет. Вероятно, он связан с некоей хорошо известной египтянам звездой, гелиактический восход которой происходил в определенное время года. Этот диск должен был направлять ладью великого бога в ту часть Дуата, расположенную в конце области одиннадцатого часа, где исчезал мрак. В текстах эта темнота названа кеку кескесу . Смысл данного словосочетания противоположен значению понятия кекуи самуи — кромешной тьмы, господствовавшей в большей части Дуата.

Перед ладьей Ра идут двенадцать богов. Они держат на головах змея Мехена и несут его в восточную часть неба. Их зовут Фа, Эрмену, Ачепи, Недеру, Шепу, Реда, Аму, Има, Шеду, Сехену, Семсем и Мехни. Перед ними изображены урей с короной Севера на голове, из спины которого поднимается человеческая голова, а также урей, из спины которого появляется белая корона, причем из ее боков, в свою очередь, высовываются две человеческих головы.

Первого из них зовут Сем-шет, а второго — Сем-небет-хет. Человеческие головы появляются из белой короны только тогда, когда мимо нее проплывает Ра. Следовательно, когда он удаляется, они исчезают. Далее изображены четыре ипостаси богини Нейт: две в белых коронах и две — в красных. Перед нами Нейт Оплодотворительница — согласно одному из мифов, она сама создала себя, — Нейт красной короны, Нейт белой короны и Нейт Дитя. Эти богини воссуществовали, услышав голос Ра. Они должны были охранять ворота Саиса, неизвестные, никем не виденные и незримые.

Одиннадцатый час ночи

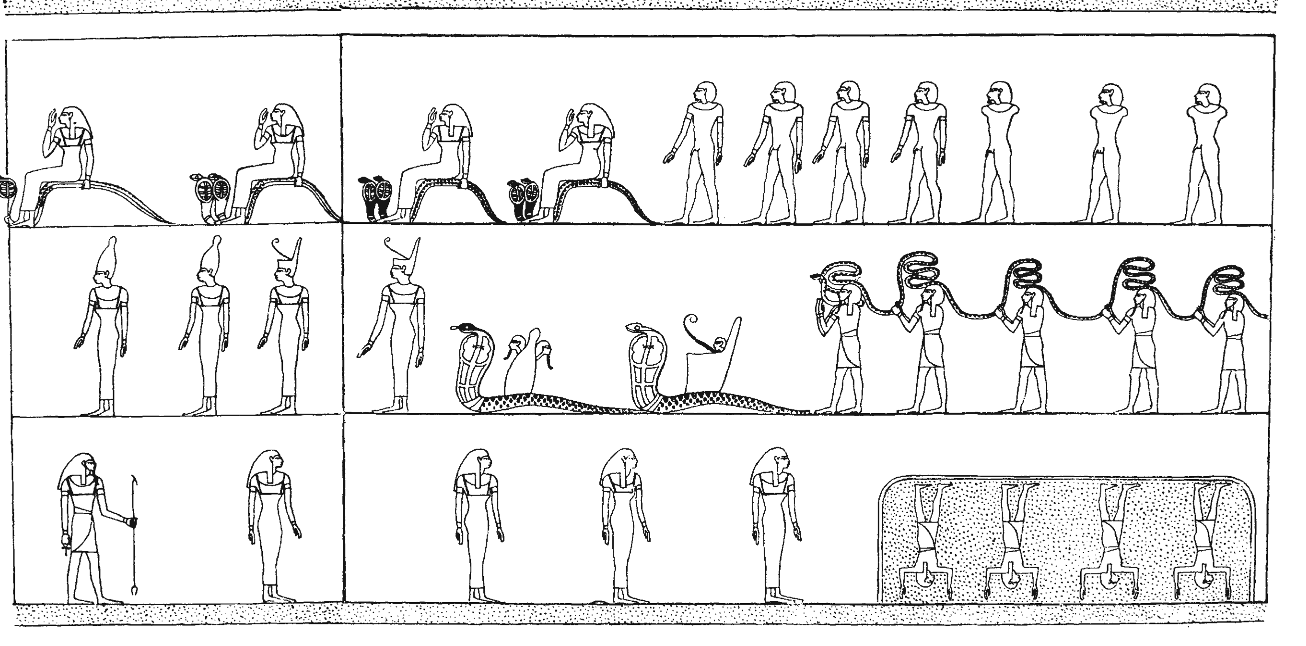
В этом круге Дуата, через который бог проходит, чтобы появиться на горе восхода, обитает множество чудесных существ. В тексте сказано о том, что «они всегда глотают воплощения, находящиеся там, пред лицом бога, кто знает , кто в этом городе, и затем он воздает им за рождения тех, кто вот-вот воссуществует на этой земле». Среди них бог, у которого вместо головы солнечный диск, а из него вырастают две головы: одна в , а вторая — в . Его зовут Апер-хер-неб-джета . Он смотрит на божество по имени Тепуи с двумя головами, на которых нет корон. Между ними изображен змей с двумя крыльями и четырьмя человеческими ногами. Его взгляд направлен на змея Шеду , на спине которого сидит божество. Головы обоих змеев окружены звездами.

Рядом с крылатым змеем по имени Джет-эс стоит бог Петери . Руками он разводит крылья в разные стороны. На его голове возвышается диск, а к шее с каждой стороны прикреплено Око Уджат . В тексте бог с диском и двумя головами назван «тем, кто встает при помощи Ра»[1]. В источнике также сказано, что он никогда не оставляет предначертанное ему место в Дуате. Рядом с крылатым змеем стоит Атум, выскакивающий из спины рептилии, когда Ра обращается к ней. Как только бог солнца умолкает, Атум снова исчезает в теле змея. Второй змей является олицетворением созвездия Шеду, Черепахи. Его душа в облике человека появляется на его спине, как только Ра заговаривает с ним. Но как только слова перестают звучать, она снова погружается в тело. Шеду должен был «испускать жизнь для Ра каждый день».

Перед ними идет Хнум, которого сопровождают десять божеств. У пяти из них нет рук, а из шеи одного бога высовываются головы двух змей[2]. В тексте сказано, что души этих

[1] Месье Масперо называет его «агатодемоном» Ра.

[2] Их зовут Хнум-ренит , Нерета , Аауи-эф-эм-ха-эн-эф , Упет-тауи , Мер-эн-аауи-эф , Иунаауи-эф , Ресет-эф , Дуа-Херу , Маа , Месхети и Хепа .

Одиннадцатый час ночи

богов живут благодаря сокрытому свету Ра, дыхание, исходящее из его уст, дало им жизнь, а их души питаются пищей, хранящейся в его ладье. Они должны были сопровождать этого бога и прислуживать ему.

Помимо них, в этой области обитают четыре богини, каждая из которых сидит на двух уреях. Их тела скручены друг с другом таким образом, что образуют некое подобие сиденья. Головы каждых двух змей подняты и находятся на уровне коленей богинь, сидящих на их спинах и положивших ноги на их шеи. Правая рука каждой женщины вытянута таким образом, будто та пытается закрыть ею лицо. При этом левой рукой она держит тело одного из уреев. Возможно, на виньетке изображены только четыре змея, у каждого из которых две головы. Приведем имена богинь: Небет-анху 𓎟𓏏𓋹𓏤, Небет-ху 𓎟𓏏𓄟𓏤, Нерет 𓈖𓂋𓏏 и Хент (?)-нечеру 𓈖𓏏𓊹𓏥.

Согласно тексту, руки этих существ находятся на земле, а ноги — в кромешной тьме. Как только бог заговаривает с ними, они начинают кричать и шумно приветствовать его. Они никогда не покидают своих мест, и их души живут благодаря голосам уреев, которые каждый день исходят из их ног. Когда тени уходят, богини при помощи поднятых рук, которые они держат около своих лиц, отводят от них ветры, дующие в Дуате. Здесь, очевидно, речь идет о сильном прохладном ветре, поднимающемся на заре (он, как правило, начинает дуть за час до восхода) и хорошо знакомом всем тем, кто путешествует по пустыне.

Слева от ладьи Ра изображено наказание его врагов. С одной стороны этой области, охваченной ярко горящим пламенем, стоит Хор, на голове которого красуется диск, окруженный уреем. В левой руке он держит бумеранг, заканчивающийся головой змея. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с представлением, согласно которому оружие отождествлялось с настоящим змеем, и, если его бросить в противника Ра, оно неожиданно вопьется в его тело, подобно разъяренному урею. Правой рукой бог опирается на посох. Перед ним возвышается огромный змей, названный в тексте «Сетом миллиона лет» 𓋴𓏏𓁨. Он обязан был проглатывать врагов Ра, то есть умерших, которым удалось избежать огня, пылающего в об-

ласти одиннадцатого часа. Далее изображены пять ужасных помещений (или ям), наполненных ярко пылающим огнем, в котором сгорают противники Ра.

Первое помещение, или яма, Хад , набито телами проклятых, которые сами бьют себя по голове топорами . За ним присматривает львиноголовая богиня Херет-Кетит-эс . Она стоит рядом и изрыгает изо рта огонь. Пока огонь уничтожает несчастные создания, их тела разрубают на части два огромных ножа, которые богиня держит в обеих руках.

Второе помещение, или яма, также полна тел проклятых. За него отвечает женщина по имени Херет-Хандуи . Она также изрыгает на них огонь и держит в руке ужасный нож. В третьем помещении (или яме) томятся души злодеев. За ним присматривает женщина по имени Херет-Некенит . Она тоже изрыгает огонь и вооружена таким же ножом. В четвертом и пятом помещениях, за которые отвечают женщины, похожие на описанных выше, — Херет-Неммит-сет и Херет-сефу-эс , — находятся тени и головы проклятых.

Пройдя через эти помещения, мы попадаем в «долину тех, кто сброшен головой вперед» . Она представляет собой большую низину, в которой четыре человека стоят на головах . Рядом с ними — четыре богини пустыни, причем каждая из них держит на голове соответствующий иероглиф. Их зовут Песи , Рекехит , Хер-шаэс и Саит . Значение каждого имени так или иначе связано со словом «огненный», ведь эти богини являлись покровительницами жаркой пустыни. Позади них изображен бог Хер-ут-эф , имевший какое-то отношение к бальзамированию тел умерших. В тексте, сопровождающем это изображение, говорится о том, что вели-

кий бог Ра повелевает «своему отцу Осирису разрубить на куски тела врагов и умерших, которые сброшены головой вперед».

Затем, обращаясь к самим врагам, он говорит, что после того, как его отец Осирис приговорит их к уничтожению, разрубит на куски их духи и души, разорвет их тени и отрубит их головы, чтобы они никогда больше не существовали, их сбросят головой вниз в горящие печи, из которых невозможно бежать, откуда нет спасения. Сет, вечный змей, направит на них свое пламя, владычица печей, владычица огненных ям, владычица смертоносных глыб и владычица мечей станут изрыгать на них огонь и разрубят на части таким образом, что несчастные создания больше никогда не увидят живущих на земле. Приказ убивать врагов отдает Хор, покровитель тех, кто в Дуате. Следует отметить, что, согласно тексту Книги мертвых, боги из его свиты живут благодаря голосам убиваемых врагов, а также крикам и воплями душ и теней, которых бросают в огненные ямы.

В начале двенадцатого часа, Маа-неферет-Ра[1], бог попадает в круг, расположенный на границе кромешной тьмы. Там находится город Хеперет-кекуи-хаат-месет, ворота которого называются Чен-нечеру. В этом регионе бог снова рождается, становясь Хепри, Нуном, Нут, Хеху и Хехут. Родившись, он входит в круг, а затем покидает Дуат, пересаживается в ладью Мандит и поднимается на тело[2] Нут.

Ра передвигается так же, как и прежде, но солнечный диск, стоявший на носу лодки на протяжении одиннадцатого часа, здесь сменяет скарабей Хепри, предвестник восходящего солнца[3]. Лодку тянут двенадцать богов, причем не

[1]

[2]. Это слово иногда переводят как «вульва», «лобковая кость» или «бок».

[3] *Lanzone*. Domicile des Esprits. Pl. V.

по реке или по спине змея или змеев, а *через* него. Спереди буксирный трос держат двенадцать женщин. Этого змея зовут Ка-эн-Анх-нечеру, «жизнь богов». Боги, буксирующие через него ладью Ифа, другими словами Ра, названы его «верными слугами», Имху.

Ладья проникает в хвост змея в непроглядном мраке и, пройдя по всему его телу, выходит через рот, озаряемая дневным светом. В самом начале пути в лодке сидит мертвый престарелый бог, а выходит из нее он живым и снова юным, появляясь на небе в облике Хепри.

«Верные слуги» Ра — не кто иные, как души праведников, которым посчастливилось попасть в его ладью. При жизни они были преданы ему и в награду за свою верность получили возможность снова стать молодыми и возродиться на земле. В тексте нет четкого указания на то, чем они станут заниматься на ней. Однако вполне понятно, что они не могут оставаться там вечно — их господину приходится восстанавливать свою молодость каждый день, а значит, им суждена та же участь. Судя по некоторым фрагментам текста, они не попадали на саму землю, а получали возможность путешествовать по небу и в одной из его областей лицезреть сцены из своей прежней жизни.

После того как ладья Ра проходила через змея, двенадцать женщин или богинь, упомянутые выше, забирали трос у богов и тащили его на небесные пути. На протяжении двенадцатого часа бога сопровождают двенадцать богинь, на голове и плечах каждой из которых расположился змей, а также двенадцать богов или мужчин с поднятыми вверх руками (поза адорации). Все они находятся справа от Ра. Имя каждого из этих божеств написано перед его изображением. Согласно тексту, уреи богинь вырастают из их тел. Из их ртов исходит отгоняющий Апопа огонь. Богини сопровождают Ра, пока он не восходит на небе. Тогда они возвращаются на свои места. Двенадцать богов должны восхвалять Ра.

Слева от его ладьи изображены боги Нун, Нуч, Хеху, Хехут. Они находятся «в своих собственных телах». Каждый день на небе они

направляются к Ра, чтобы встретить этого великого бога, когда тот появляется на востоке. Они обитают в аррит, зале горизонта, но их ипостаси , находящиеся в Дуате, принадлежат этому кругу.

Далее изображены два бога с человеческими головами, божество с головой птицы — Нехуи , бог с двумя птичьими головами по имени Ни , змей Несмехеф и четыре божества с человеческими головами. Все они держат на правых плечах весла. Они должны каждый день поднимать диск солнца, а предназначение змея Несмехефа заключается в том, что он убивает врагов Ра. Они путешествуют вместе с Ра и получают в этом кругу своих духов .

Перед ними следуют десять богов с поднятыми в адорации руками[1]. В тексте они названы хентиу , ипостасями Осириса, правителя кромешной тьмы . Обращаясь к нему, они говорят: «Живи, о ты, который является правителем своей тьмы! Живи, о ты, кто велик во всех вещах! Живи, о ты, князь Иментета, Осирис, ты правитель тех, кто в Именти! Живи, живи, о тот, кто является правителем Дуата. Ветер Ра в твоих ноздрях, дыхание Хепри с тобой; ты живешь, и они живут. Привет тебе, Осирис, владыка живущих. Боги, которые с Осирисом, были с ним в начале» и т. д.

В этих словах содержится указание на миф о смерти и погребении Осириса, согласно которому Хор готовил все необходимое для проведения принятых в таких случаях ритуалов. Любящий сын Осириса продумал все мельчайшие детали мумификации и т. д.

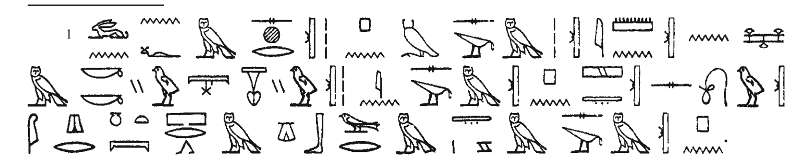
На виньетке, сопровождающей полную версию Книги мертвых и опубликованной синьором Ланцоне (tav. VII), изо-

[1] Дуати , Дес-ху , Чемар , Иахебу , Сехену , Эрмену , Хену , Буна , Аур , Ачеп и Им... .

бражена полукруглая темная область, которая отделяет Дуат от материального мира. Напротив нее, снизу, лежит мумия, олицетворяющая Осириса. Она названа Сем-Иф, «облик (или ипостась) Ифа». Именно ему поклоняются две последние группы богов. Вот что написано об этой мумии в тексте: «Изображенный на этом рисунке в сокрытой ипостаси Хора кромешной тьмы — тайный облик, который Шу помещает под Нут. Он выходит из Геб-ура на земле в этом облике»[1].

Посередине области кромешной тьмы изображен красный диск, из которого высовывается человеческая голова. Это «облик Шу», протягивающий руку вдоль сводчатой стены. При этом одна часть его тела в Дуате, а другая — в этом мире. Прямо над головой бога находится скарабей Хепри, имя которого в данном случае выписано как. Он попадает в этот мир через отверстие во тьме, проделанное головой и плечами Шу. Через эту брешь туда попадала и ладья Ра. Бог продолжал свое путешествие с помощью божеств, буксировавших его ладью. В этом не может быть никаких сомнений, так как буксирный трос тянется до области кромешной тьмы. Когда Иф, мертвое тело Ра, попадал в наш мир, он обретал новую жизнь, положив таким образом конец ночи, — начинался новый день.

Выше был описан путь солнца по Дуату, такой, каким его представляли те, кто верил в абсолютную власть Осириса, и каким он предстает в Книге врат. Также мы кратко охарактеризовали области загробного мира на основе Книги о том, что в Дуате, в которой утверждается превосходство Ра. В этих двух сочинениях приведены противоположные представления о загробном существовании. Адепты культа Осириса представляли его довольно приземленно. Жизнь, которую вели в том мире праведники, была во всех смыслах всего лишь продолжением той, к которой они привыкли на земле. Небеса жре-

1

цов Ра были более возвышенными; они лишены грубых черт, характерных для Елисейских полей Осириса.

Некоторые исследователи заявляли, будто египтяне верили в чистилище, вечную муку проклятых в адском огне, воскресение душ и во многие другие вещи, свойственные, согласно общепринятому мнению, современным народам. Однако фактов, подтверждающих данное предположение, нет. Ни в загробном мире Ра, ни в том, которым повелевал Осирис, не было чистилища. Только праведники могли благополучно пройти суд Осириса и попасть на Елисейские поля, а грешники тотчас же истреблялись. Другими словами, наказанием за совершенный грех было уничтожение.

Египтяне были глубоко убеждены в эффективности заупокойных сочинений. Помимо любви к ближнему и благих поступков, которые они совершали во все периоды истории страны, жители долины Нила стремились соблюдать все необходимые религиозные ритуалы и совершать все обряды, связанные с погребением покойных. Они с трепетом относились к магии и верили в силу заклинаний, амулетов и священных текстов.

Конечно, многие египтяне не могли позволить себе пышные похороны. Были и такие, кто был не в состоянии приобрести даже самые дешевые амулеты. Однако во время суда Осириса им не выносился обвинительный приговор только из-за того, что они бедны. Напротив, они могли не опасаться уничтожения и по воле Осириса попадали в первую область Дуата. Правда, им приходилось оставаться там, потому что они не знали заклинаний, благодаря которым сумели бы продолжить путешествие по остальным регионам загробного мира. Но этих людей не наказывали за то, что при жизни они были бедны и невежественны. Они просто оставались там, где им позволяли находиться их познания в сфере религии. Каждый вечер (или ночь) они удостаивались чести лицезреть великого бога Ра, проплывающего в своей ладье по Дуату, и радостно встречали его.

Те, кого карали в Дуате Осириса, назывались «врагами Осириса». Они же, как правило, считались и «врагами Ра». Но ни в одном источнике не сказано о том, что понесенное ими наказание снимало с них вину, или о том, что через

какое-то время они попадут в другую область Дуата, где будут подвергаться менее суровому наказанию или где им вообще не придется его претерпевать. Конечно, благодаря своим благим земным поступкам, а также совершению соответствующим образом подготовленными жрецами всех необходимых ритуалов, связанных с его погребением, наличию в гробнице копий необходимых текстов египтянин мог заслужить счастье во владениях Осириса или Ра. Однако у нас нет оснований считать, будто его душа в загробном мире находилась в более выгодном положении. Такого человека так же, как и всех прочих, наказывали за грехи или вознаграждали за совершенные им при жизни благие поступки.

Подношения, приносившиеся к гробнице умершего, предназначались для его ка, или двойника, а также, возможно, для животной души, в существование которой египтяне на протяжении какого-то времени верили. Но ни сами они, ни молитвы, произносившиеся во время совершения этого ритуала, не могли помочь душе покойного перебраться из одной области Дуата в другую или изменить вынесенный ей приговор. В нашем распоряжении нет источников, в которых говорилось бы о том, что молитвы за умершего или подношения способны улучшить положение тех, кто благополучно прошел суд Осириса и был отправлен богом в ту или иную часть его владений.

Глава 6
АД И ПРОКЛЯТЫЕ

В учении о загробной жизни, которое проповедовали жрецы Ра, вера в чистилище отсутствовала. По мнению этих священнослужителей, душа попадала в Иментет, то есть «сокрытый» регион, египетский Аид, где они ожидали, пока мимо них не проплывет ладья Ра. Когда она появлялась, те, кто поклонялся богу при жизни и знал соответствующие заклинания, поднимались на ее борт и следовали вместе с ним через Дуат. Под защитой Ра они благополучно миновали все опасности загробного мира, проплывали мимо владений Осириса и Сокара и, наконец, на восходе появлялись вместе с Ра на

восточном горизонте неба. Судя по всему, до заката им было позволено свободно передвигаться по небу. Затем они снова садились в ладью бога и опять пересекали вместе с ним Дуат.

В каждой области загробного мира, очевидно, обитали существа, желавшие попасть в ладью Ра, но неспособные сделать это либо из-за незнания необходимых заклинаний, либо потому, что продвинуться дальше им не было позволено. Однако все они ликовали, увидев проплывавшего мимо них по ночам бога. Когда он покидал ту или иную область, чтобы войти в новую, их охватывала печаль, и многие из них прекращали свое существование до следующей ночи, когда на короткое время они снова возрождались.

Во многих областях Дуата обитали враги Ра, которых безжалостно уничтожали последователи бога. Но у нас нет оснований полагать, будто ими были проклятые или что они были вынуждены вечно подвергаться наказанию. В конце Дуата располагался регион, где несколько богинь надзирали за огненными ямами, руководя уничтожением тел, духов, теней и голов множества таких врагов. Судя по ножам, которые они держали в руках, богини разрубали тела на части, прежде чем предать их огню. Но даже эти существа не подвергались наказанию вечно — как только бог появлялся в этой области, огонь гас, да и сам факт его появления на восточном небе свидетельствует о том, что все его противники уничтожены. Каждую ночь и каждое утро Ра истреблял массу своих врагов, пытавшихся помешать его продвижению по Дуату. Они мгновенно погибали в пламени, исходившем из созданных им божественных существ.

Изначально подобные враги были всего лишь олицетворением различных сил природы: сумерек, ночи, мрака, затмения, тумана, дождя, облаков, бури, ветра, ураганов и т. п. Ра ежедневно уничтожал их при помощи своих огненных лучей. Почти всем таким существам египетские художники придавали человеческий облик, поэтому многие полагали, будто на описанных выше виньетках изображено сожжение душ грешников. Невежественные люди, охваченные предрассудками, не могли понять, что бог солнца каждую ночь и каждое утро уничтожал при помощи огня врагов, появлявшихся затем

снова, что восход солнца являлся следствием их истребления. Ра приходилось все время сражаться с одними и теми же врагами, но египтяне так не думали. Они считали, будто каждую ночь и каждое утро на Ра нападают полчища новых противников. Что бы они ни думали, наказание не длилось вечно. Пытки возобновлялись только перед самым рассветом и завершались с восходом солнца.

Души грешников не могли сделать ровным счетом ничего для того, чтобы помешать передвижению Ра, да и сами египтяне никогда не полагали, будто подобные умершие могут сделать это. Однако возможно, что в Поздний период в Египте существовали определенные теологические школы, сторонники которых не верили в уничтожение грешников, обитающих в Дуате вместе с упомянутыми выше олицетворениями сил природы. Копья, которыми протыкали тела врагов Ра, были огненными лучами солнца, а ножи, с помощью которых их разрубали на части, представляли собой его пламя. Сияние, наполнявшее восточную часть неба на восходе, ассоциировалось в сознании египтян с огненными озерами и ямами. Они, несомненно, не верили в вечное наказание, по крайней мере в текстах нет никаких свидетельств этого.

Представления о чистилище и Рае, широко распространенные в Европе в эпоху Средневековья, не были свойственны древнеегипетской религии. Египтяне были слишком практичными людьми, чтобы верить в возможность каждодневного уничтожения или сожжения одного и того же тела. Но даже если бы такое представление существовало, мы, несомненно, обнаружили бы текст, сочиненный для того, чтобы человек мог избежать столь ужасной судьбы.

В древнейшие времена египтяне мумифицировали тела умерших, ибо верили, что им суждено возродиться, а позднее они делали это, так как полагали, будто из физического тела должно выйти духовное. Они не надеялись на получение в загробном мире нового тела и поэтому старались при помощи магических заклинаний и ритуалов сохранить тела, к которым привыкли на земле. Если по тем или иным причинам тело было разрушено, погибали и ка, или двойник, человека, и его тень, и многие другие ментальные и духов-

ные составляющие. Египтяне настолько сильно опасались его уничтожения и того, что его духовная составляющая, которая должна выйти наружу после кончины человека, окажется в смертельной опасности, что придумали специальные молитвы, призванные уберечь ее от «повторной смерти».

Несмотря на то что обитатели долины Нила не разработали учение об Аде в средневековом понимании этого слова, огненные ямы, демоны и враги Ра, в которых они верили, заложили основу представлений об Аде, характерных для других народов, живших в более позднее время, таких как евреи и даже потомки тех же египтян, обратившиеся в христианство, — копты. В коптской литературе содержится множество доказательств этого предположения. Приведем несколько примеров.

В «Пистис Софии»[1] Дева Мария просит своего Господа Иисуса описать «внешнюю тьму»[2] и рассказать о том, сколько там мест для наказания. Господь наш отвечает: «Тьма внешняя — это великий Дракон, хвост которого внутри его пасти, который вне всего мира и окружает весь мир, причем множество судных мест внутри его, составляющих двенадцать помещений жестоких мук, причем в каждом помещении Архонт, и лица Архонтов отличаются друг от друга. Первый же Архонт, пребывающий в первом помещении, это крокодилье лицо, причем его хвост внутри его пасти, и всяческий холод выходит из пасти Дракона, и всяческая пыль, и всяческая стужа, и различные болезни. Этот (Дракон) называется своим подлинным именем в своем месте: Енхфонин. И Архонт, пребывающий во втором помещении, его подлинное лицо есть кошачье лицо, этот, который называется в их месте: Харахар. И Архонт, пребывающий в третьем помещении, его подлинное лицо есть собачье лицо, этот, который называется в их месте: Архарох. И Архонт, пребывающий в четвертом помещении, его подлинное лицо есть змеиное лицо, этот,

[1] См.: Pistis Sophia. Opus Gnosticum Valentino adjudicatum / Ed. Schwartze. Berlin, 1851. Ниже приведен фрагмент в переводе на русский язык А.И. Еланской (по изд. кн.: *Премудрость* Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. СПб.: Алетейя, 2004. С. 148—149. — *Пер.*).

[2] ⲡⲕⲁⲕⲉ ⲉⲧ ϩⲓ ⲃⲟⲗ

который называется в их месте: Ахрохар. И Архонт, пребывающий в пятом помещении, его подлинное лицо есть черное бычье лицо[1], этот, который называется в их месте: Мархур. И Архонт, пребывающий в шестом помещении, его подлинное лицо есть кабанье лицо, этот, который называется в их месте Ламхамор. И Архонт седьмого помещения, его подлинное лицо есть медвежье лицо, этот, который называется своим подлинным именем в их месте: Jlухар. И Архонт восьмого помещения, его подлинное лицо есть коршунье лицо, этот, который называется своим именем в их месте: Лараох. И Архонт девятого помещения, его подлинное лицо есть лицо василиска, этот, который называется своим именем в их месте: Археох. И десятое помещение — в нем множество Архонтов, причем семь драконьих голов у каждого из них в их подлинном лице. И тот, который над ними всеми, называется своим именем в их месте: Зармарох. И одиннадцатое помещение — в том месте множество Архонтов, причем семь голов кошачьелицых у каждого из них в их подлинном лице. И великий, который над ними, называется в их месте: Рохар. И двенадцатое помещение, в нем Архонты весьма многочисленные, причем семь голов собачьих у каждого из них в их подлинном лице. И великий, который над ними, называется в их месте: Хримаор.

Эти же Архонты этих двенадцати помещений — внутри Дракона тьмы внешней, и у каждого из них имя согласно часу, и каждый из них меняет свое лицо согласно часу».

Не может быть никаких сомнений в том, что помещения, описанные в приведенном выше отрывке из известного гностического сочинения, являются «наследниками» двенадцати областей Дуата, о которых речь уже шла выше. Чтобы понять тесную связь между этими произведениями, читателю остается только сравнить виньетки к CXLIV и CXLV главам Книги мертвых с отрывком из «Пистис Софии».

Изучив другое знаменитое гностическое сочинение — «Книгу Иеу»[2], — можно окончательно убедиться в том, что подземный мир гностиков был не чем иным, как слегка видоиз-

[1] ⲟⲩϩⲟ ⲙⲙⲁⲥⲉ ⲛ̄ ⲕⲁⲙⲉ

[2] См.: *Schmidt.* Gnostische Schriften in Koptischer Sprache. Leipzig, 1892.

мененным Именететом, или Именти, египтян, к которому были добавлены элементы еврейского и греческого религиозных учений. Огненные реки и моря гностиков являются всего лишь аналогами описанных в Книге мертвых. Существа, обитающие в Именти, Хаосе и Внешней Тьме, позаимствованы из древнеегипетской заупокойной литературы. Великий дракон внешней тьмы и его двенадцать залов, охраняющие их двенадцать сторожей или правителей (архонтов), меняющие имена и облик каждый час, являются прямыми «преемниками» древнеегипетских двенадцати врат или двенадцати часов, из которых состоял загробный мир. Семиголовый змей, упоминающийся в гностических текстах, произошел от великого змея Нау, «быка богов», у которого «семь змеев на его семи шеях»[1]. У змея Нау-шемсы также семь голов-уреев. Он руководит семью лучниками (или семью луками)[2].

Пережитки веры в существование Именитета и Дуата часто встречаются в мученичествах коптских святых, но, как и следует ожидать, демоны и огненные ямы египетского загробного мира превратились в этих сочинениях в орудия кары душ, не принявших при жизни христианство. В частности, автор «Мученичества Георгия Каппадокийского»[3] рассказывает о том, как святой воскресил некоего язычника по имени Боес, который к тому времени был мертв уже на протяжении двухсот лет. Он сказал правителю Дадиану, что при жизни поклонялся «глупому, немому, глухому и слепому Аполлону». Умерев, он отправился в «место в огненной реке до тех пор, пока не перебрался туда, где не умирал червь».

Согласно сочинению другого автора, Макария Антиохийского, святой воскресил человека, который был мертв на протяжении шести часов. Тот сказал, что за этот короткий про-

[1] Тети, 1.307.
[2] Там же, 1.306.
[3] См. мою работу: St. George of Cappadocia. P. 20.

межуток времени ему пришлось перенести гораздо большие страдания, чем те, с которыми он вынужден был сталкиваться на протяжении всей своей земной жизни. Он признался, что поклонялся идолам. Когда он умирал, его окружили демоны с лицами змеев, львов, крокодилов и, как это ни странно, медведей. Они не церемонясь вырвали его душу из тела и побежали вместе с ней к огромной огненной реке. Там они опустили ее на глубину четырехсот локтей, а затем вытащили обратно и привели к Судье Истины[1], который вынес ей приговор. После этого демоны отвели душу в «место тьмы, где не было никакого света, и они бросили ее в холод, где раздавался зубовный скрежет. Там, — сказал несчастный, — я увидел червя, который никогда не спал, и голова его была подобна крокодильей. Он был окружен всевозможными змеями, бросавшими перед ним души, и, когда его собственный рот был полон, он позволял поесть другим тварям. В этом месте они разрывали нас на куски, но мы не умирали. После этого они забрали меня из этого места и отвели в Именти, где я должен был оставаться вечно»[2].

В другом тексте[3] безымянная мумия рассказывает о том, как перед смертью человеку, которым она некогда была, явились мстящие ангелы с железными ножами и заостренными палками. Они вонзили это оружие в его бока, а другие ангелы вырвали его душу из тела и, связав ее так, чтобы она напоминала черного коня, понесли ее в Иментет. Там она подвергалась пыткам в месте, наполненном вредоносными рептилиями. Брошенная во внешнюю тьму, она увидела яму глубиной более 70 метров, полную семиголовых рептилий, тела которых были покрыты некими подобиями скорпионов. В этом месте обитало еще несколько ужасных змей. Одна из них, зубы которой были подобны железным кольям, пожирала души несчастных. Это чудовище мучило душу на протяжении пяти дней, но в субботу и воскресенье она получала пере-

---

[1] **пікрітнс м̄мнı**. Слово **мнı** произошло от древнеегипетского [hieroglyph] маа, которое, как правило, переводится как «закон», «правда», «истина», «справедливость» и т. п.

[2] *Hyvernat.* Les Actes des Martyrs de l’Égypte. P. 56 и далее.

[3] *Amélineau.* Monuments pour servir à l’Histoire de l’Égypte Chrétienne. P. 167.

дышку. Судя по всему, этот змей с почтением относился к Шаббату (субботе) евреев и воскресенью христиан.

Все эти примеры, как и слова Исаии: «Червь их не умрет, и огонь их не угаснет» (Ис., 66: 24), напрямую связаны с описанием обитавшего в древнеегипетском загробном мире змея, известного под многими именами, одна мысль о котором во все периоды истории страны приводила в ужас адептов культа бога солнца. Его союзники и спутники также были змеями, да и каждой силе, враждебно настроенной по отношению к умершим и живым, египтяне приписывали облик змеи. Олицетворением и символом всего враждебного Ра был змей Апоп, или Апепи, каждодневно нападавший на него и каждый день терпевший поражение. Это чудовище упоминается в нескольких главах Книги мертвых, но они не передают всего ужаса, который одно упоминание его имени вызывало во второй половине династической эпохи.

В папирусе, хранящемся в Британском музее[1], содержатся сведения о том, что в Верхнем Египте проводилась специальная служба, целью которой было лишить Апопа силы, чтобы он не смог навредить солнцу. В определенное время дня жрецы читали ряд заклинаний, одновременно совершая сложные магические обряды. В частности, в одном из фрагментов текста сказано, что нужно написать зелеными чернилами на куске нового папируса имя Апопа и сделать фигурку этого демона из воска, написав на ней зелеными чернилами его имя.

И папирус, и статуэтку нужно было сжечь. Египтяне верили: вместе с плавящимся воском и горящим папирусом ослабеет и змей Апоп, который в конце концов развалится на части. Пока восковая фигурка таяла, на нее нужно было плевать несколько раз в час, а полностью расплавленный воск следовало смешать с фекалиями и снова сжечь. Это было необходимо сделать в полночь, когда Ра начинал свое путешествие по Дуату, а также на рассвете, в полдень, вечером — по сути, каждый час. Данный ритуал также следовало проводить, если на небе появлялись облака или сгущались тучи, предвещая дождь.

---

[1] См.: Archaeologia. Vol. III.

Ознакомившись с приведенным ниже отрывком, читатель поймет, насколько важны были ритуалы, связанные с уничтожением Апопа. Покойный говорит: «Апоп упал в пламя, нож вонзен в его голову, его имя больше не существует на земле. Мне приказано наносить ему удары. Я вонзаю дротики в его кости, я уничтожаю его душу каждый день. Я отделяю его позвонки от его шеи, разрубаю его плоть ножом и пронзаю его кожу. Он предан огню, который обретает власть над ним в своем имени Сехет, и он обладает над ним властью в своем имени Око, сжигающее врагов. Дротики вонзены в его душу, его кости сожжены огнем, его члены сложены там. Хор, могучий силой, повелел, чтобы он мог встать перед ладьей Ра. Его путы из стали связывают его и делают так, чтобы его члены не могли двигаться. Хор отвергает его миг удачи во время его затмения, и он заставляет его изрыгать то, что внутри его. Хор сковывает, связывает и забинтовывает, и Акер забирает его силу, чтобы я мог отделить его плоть от его костей, чтобы я мог сковать его ноги и отрубить его руки и плечи, чтобы я мог закрыть его рот и губы и выбить его зубы, чтобы я мог вырезать его язык из его горла и унести его слова, чтобы я мог закрыть его два глаза и забрать его уши, чтобы я мог вырвать его сердце с его сиденья и трона и чтобы я мог сделать так, чтобы он перестал существовать. Пусть его имя никогда не существует, и пусть то, что рождено от него, никогда не живет; пусть он не будет никогда существовать, и его потомки не будут никогда существовать; пусть он не будет никогда существовать, и его родичи не будут никогда существовать; пусть он не будет никогда существовать, и пусть его наследник не будет никогда существовать; пусть его потомки никогда не достигнут зрелости; пусть его семя никогда не упрочится; более того, пусть его душа, тело, дух, тень, магическая сила, его кости, его кожа никогда больше не будут существовать».

В следующем фрагменте сказано: «Эти слова необходимо произносить над изображением Апопа, сделанным зелеными чернилами на куске нового папируса, положенного в чехол, на котором написано его имя. Ты должен крепко перевязать его шнуром и каждый день бросать изображение и чехол в огонь. Ты должен растоптать его и испачкать его левой но-

гой, и ты должен плюнуть на него четыре раза на протяжении каждого дня. Поместив его в огонь, ты должен сказать: «Ра торжествует над тобой, Апоп, Хор побеждает своих врагов, и Пе-аа (то есть умерший) одолевает своих противников». Затем тебе следует записать имена всех демонов и демониц, которых боится твое сердце, имена всех врагов Пе-аа, в смерти и в жизни, имена их отца, матери и детей. [Помести папирус] в чехле вместе с восковой фигуркой Апопа. Их нужно положить в огонь именем Апопа, и они должны быть сожжены, пока Ра поднимается утром. Это ты должен повторить днем и вечером, когда Ра садится в земле жизни, пока горит свет у подножия горы. Над каждой фигуркой Апопа тебе нужно произнести приведенные выше слова, поистине, ибо, совершая это, ты получаешь большую пользу [для себя] на земле и в загробном мире»[1].

Для того чтобы уничтожить демонов, сопровождавших Апопа, нужно было изготовить их восковые фигурки и, написав на них их имена, связать их черным волосом, а затем бросить на землю, пнуть левой ногой и проткнуть каменным копьем. Чтобы получить наибольшую выгоду от всех имен Апопа, человеку следовало изготовить фигурку змея с хвостом во рту и, воткнув нож в его спину, бросить на землю, произнеся: «Апоп, демон, Бетет». Автор текста также просит верного почитателя Ра: «Сделай другого змея с мордой кошки, воткни в его спину нож и назови его Хемхемом. Сделай другую с мордой крокодила с ножом, воткнутым в спину, и назови ее Хауна-иру-хер-хери. Сделай другую с мордой утки и ножом в спине и назови ее Алути. Сделай другую с мордой белой кошки и с ножом в спине, забинтуй и крепко свяжи ее и назови ее Апоп, враг».

Папирус, процитированный выше, был составлен около 312—311 гг. до н. э., хотя, вероятно, описанные в нем ритуалы совершались гораздо раньше. Однако на основании этого текста можно судить о том, что даже в столь поздний период, когда правителями Египта стали македоняне и доминирующее положение в стране начали занимать греки, египтяне верили в то же, что и их далекие предки.

---

[1] On the Hieratic Papyrus of Nesi-Amsu. P. 52 (Archaeologia. Vol. LII).

Обитатели долины Нила опасались змей и пытались их усмирить. Египтяне, жившие в самом начале династической эпохи, использовали заклинания и магические формулы для того, чтобы оградить своих умерших от змей и всевозможных рептилий. Гелиопольские жрецы уважали представления местных крестьян и вводили древние заклинания против змей в произведения заупокойной литературы.

В каждой версии Книги мертвых есть главы, призванные защитить покойного от нападения змей. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что формулы, содержащиеся в некоторых из них, возникли одновременно с началом династической эпохи. Следовательно, тогда египтяне боялись рептилий не меньше, чем прежде, хотя их, очевидно, было не так много.

Благодаря жрецам Амона змеи стали играть важную роль в загробном мире. Как ни странно, те верили, будто умерший бог солнца, или «Плоть Ра», перерождался, чтобы начать новый день, только после того, как его ладья проплывала через тело змеи. Египтяне, как правило, не говорили, не писали и не изображали ничего просто так. Хотя определить причину того или иного их поступка каждый раз довольно сложно, в данном случае она вполне понятна. Они видели, что змеи время от времени сбрасывают кожу и в итоге их тела становятся гораздо красивее. Не может быть почти никаких сомнений: именно этот факт стал причиной, заставившей их считать, будто их обновленный бог Ра появляется в своей ладье из гигантского змея, лежащего в глубокой расселине между Дуатом и нашим миром.

Выше уже было сказано о том, насколько сильным было влияние представлений древних египтян о Дуате на то, как, по мнению коптов, выглядел Ад. Следует также отметить, что и евреи, вероятно, позаимствовали многие их идеи, связанные с существованием мертвых в загробном мире.

Можно с определенной долей уверенность утверждать: родиной их представлений об Аде был не Вавилон. Вспомним легенду о нисхождении Иштар в «землю без возврата». В потустороннем мире вавилонян было семь врат, однако в источнике ничего не говорится ни об огненных ямах, ни об ужасных змеях. Согласно легенде, Иштар оказалась во тьме.

Она увидела, что обитающие там существа одеты в наряды из перьев. При этом питались они пылью и грязью[1].

Чаще всего обиталище грешников евреи называли Ге Хинном[2], или Геенной. Первоначально этим словом обозначалось реальное место — долина Хинном (также Гинномская долина, долина Еннома, долина сыновей Еннома. — *Пер.*), расположенная недалеко от Иерусалима[3]. По преданию, там приносили в жертву Молоху детей[4]. В Новом Завете этот топоним уже приобрел более привычную для нас форму — Γέεννα, а в арабской литературе Ад называется Джаханнам[5].

Часть долины Хинном, где сжигали жертв, называлась тофет.

По мнению раввинов, Геенна была создана на второй день творения, причем в ней были свой небесный свод и свои ангелы. По аналогии с двумя Раями, Верхним и Нижним, израильтяне верили в существование двух Геенн, одна из которых располагалась на небе, а вторая — на земле. В текстах говорится о том, что Египет протянулся на 400 парасангов[6] в длину и 400 парасангов в ширину, то есть примерно 1920 километров в длину и 1920 километров в ширину. Нубия, כוש, была в шестьдесят раз больше Египта, а весь мир — в шестьдесят раз больше Нубии. Чтобы пересечь его как в длину, так и в ширину, человеку, по мнению древнего автора, потребовалось бы 500 лет. Геенна при этом была в шестьдесят раз больше, чем весь мир. Для того чтобы добраться до нее, человеку пришлось бы потратить 2100 лет[7].

В Геенне, как и в Раю, стояли семь дворцов היכלות. Наказания, налагавшиеся на их обитателей, отличались друг от друга не только видом применявшихся к ним пыток, но и тяжестью. Каждый дворец состоял из 6000 домов или комнат.

---

[1] См.: *King L.W.* Babylonian Religion. P. 179 и далее.

[2] גֵּי־הִנֹּם

[3] Большинство исследователей полагает, что теперь это место называется Вади-эр-Рабаби.

[4] См.: 2 Цар., 23: 10 (в русском синодальном переводе см.: Иер., 32: 35. — *Пер.*).

[5] جَهَنَّم

[6] Парасанг равен 30 стадиям, а стадий — примерно 181,8 м.

[7] *Eisenmenger.* Entdecktes Judenthum. Pt. II. P. 328.

В каждом доме стояло 6000 ящиков, а в каждом ящике — 6000 сосудов, наполненных желчью. Геенна настолько глубока, что для того, чтобы достичь ее дна, потребуется 300 лет. Согласно другой точке зрения, ее длина (а также ширина и глубина) составляет 300 миль (примерно 480 км. — *Пер.*). Пламя, горящее в каждом последующем дворце, гораздо свирепее и разрушительнее, чем в предыдущем. В отличие от земного огонь, пылающий в его глубинах, способен полностью уничтожить человеческую душу.

Существует точка зрения, согласно которой за каждым дворцом надзирает ангел, находящийся в подчинении у Думы, правителя Геенны, и командующий десятками тысяч ангелов, которые осуждают грешников и определяют их участь. В других текстах говорится о том, что семью особняками управляют три ангела — Машхит, Аф и Хема, а ими, в свою очередь, руководит Дума דומה. Голоса существ, обитающих в Геенне, достигают неба, смешиваясь с воплями проклятых. Вероятно, можно говорить о египетском происхождении правителя Геенны Думы, так как в Библии содержатся следующие слова: «Когда Моисей сказал: «Я буду совершать суд надо всеми богами Египта», Дума, князь Египта, прошел 400 миль (примерно 640 км. — *Пер.*), и Господь сказал ему: «Этот приговор вынесен Мною, даже если он записан, Я посещу воинство выспреннее на высоте»[1]; и в тот же час он был лишен владычества, он был назначен правителем Геенны, и некоторые утверждают, будто он был поставлен над умершими».

Другого владыку Геенны звали Арзиэль. Он обязан был стоять перед душами праведников, следя за тем, чтобы они не смели молиться Богу за грешников. В источниках содержатся различные предположения о количестве врат или дверей Геенны. Авторы некоторых текстов приводят число 50, другие — 8000, третьи — 40 000. Но, согласно самой распространенной точке зрения, их семь. Необходимо отметить, что эта же цифра приведена в большинстве исламских текстов. Наконец, через Геенну, как и через Дуат, течет река или канал.

---

[1] Ис., 24: 21 (в русском синодальном переводе данный стих звучит следующим образом: «И будет в тот день, посетит Господь воинство выспреннее на высоте и царей земных на земле». — *Пер.*).

Длина первой области Геенны — 100 миль (примерно 160 км. — *Пер.*), ширина — 50 миль (около 80 км. — *Пер.*). В ней вырыто несколько ям, в которых живут огненные львы. Когда туда попадает человек, зверь съедает часть его тела, а пламя пожирает то, что от него осталось. Однако вскоре он возрождается снова, чтобы пройти через огонь, пылающий во второй области. Там его тело снова подвергается уничтожению и опять восстанавливается. Аналогичным образом он должен пройти через пламя, горящее во всех семи частях Геенны.

По другой версии, половину Геенны занимает огонь, а другую — ледяной поток, и ангелы беспрестанно бросают души грешников из огня в воду и из воды в огонь. В другом тексте сказано, что в каждой области Ада текут семь огненных и семь ледяных рек, причем каждая последующая его часть в шестьдесят раз больше предыдущей. В каждой области располагаются 7000 маленьких комнат, в каждой комнате — 7000 расселин, в каждой расселине — 7000 скорпионов, у каждого из них семь суставов, в каждом из которых — 1000 сосудов с желчью. Через нее текут семь смертельно ядовитых рек. Проклятым приходится проводить одну половину года в огне, а другую — во льду и снеге, причем последние гораздо ужаснее пламени. Более того, из-под трона Всемогущего Господа вытекает река, низвергающаяся на головы грешников. При этом трижды в день — утром, в полдень и во время вечерней молитвы — они могут отдохнуть от наказаний в течение полутора часов. Также им не приходится терпеть кару по субботам и во время каждого празднования новолуния. Некоторые раввины считали, что наказание проклятых продлится вечно, а другие полагали, будто для очищения проклятым достаточно шести или двенадцати месяцев.

Грешники не помнят имен, которые они носили при жизни, и, хотя ангелы бьют их и требуют, чтобы они назвали себя, не могут сделать это. Данной точки зрения, несомненно, придерживались и египтяне, ибо в тексте Пепи I (169) содержатся следующие слова: «Пепи счастлив вместе со своим именем» [иероглифы]. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что евреи позаимствова-

ли у египтян многие представления о загробном мире, а также о том, насколько тесно иноземные религиозные представления переплелись с местными.

Некоторые иудейские авторы лучше понимали подобные вещи, чем другие. Были и такие, кто, сам того не осознавая, воссоздал изначальное представление о Дуате — месте уничтожения врагов Бога — и считал, что Геенна, или Ад, рано или поздно будет упразднена. Они полагали, что когда-нибудь Бог сдвинет солнце и поместит его на второй небесный свод, где окажется специально приготовленное для него место или комната, и, осудив и приговорив грешников, поместит их в это помещение, где их уничтожит пылающий жар, исходящий от солнца[1].

Раввины не утруждали себя объяснениями того, как возникли огни Геенны или почему они не гасли. Правда, рабби Яннаи и рабби Шимон бен-Лакиш попытались сделать это. Они считали, что источником разрушительного огня является солнце. В результате судьба еврейских грешников стала напоминать ту, которая была уготована египетским противникам Ра.

Следует отметить, что в Геенне не было змей, которыми кишел Дуат. Однако в этом нет ничего удивительного, если сравнить природные условия Египта с характерными для Сирии и Палестины. В додинастический период Египет был буквально наводнен всевозможными змеями, и внушаемый ими ужас жители долины Нила продолжали испытывать и в династическую эпоху, когда страна уже была частично очищена от рептилий. В Палестине и Сирии никогда не водилось много змей, однако в Южной Вавилонии, откуда происходили Авраам и его спутники, их, очевидно, было немало. Кажется довольно странным, что евреи, космогония которых была во многом почерпнута из вавилонских источников, не попытались позаимствовать у своих соседей и чудовище Тиамат, игравшее в вавилонской мифологии ту же роль, что и Апоп в египетской.

Вавилонская Тиамат воевала с Мардуком, воином, избранным богами, и считалась воплощением мирового зла,

[1] *Eisenmenger*. Op. cit. P. 366.

как материального, так и морального. Хотя евреи приписывали змеям ум и хитрость и утверждали, что они «хитрее всех зверей» (Быт., 3: 1), они не наделяли пресмыкающихся силой, достаточной для того, чтобы ежедневно сражаться с солнцем.

Насколько нам известно из одного клинописного текста[1], длина Тиамат составляла 50 касбу, высота изгибов ее тела — 1 касбу, ширина ее рта — 0,5 гара, или 6 локтей. Она плавала под водой на глубине 9 локтей. В источнике приводятся и другие ее размеры: 1 гар, 1 гар и 5 гар, но следующий за этими цифрами текст сильно поврежден, и мы не можем сказать, к чему они относились. Касбу — это расстояние, которое человек мог пройти за два часа, а локоть составлял около 51 сантиметра. Предположив, что касбу равнялся примерно 9,6 километра, мы получим чудовище, длина которого — 480 километров, ширина его рта — 3 метра, а высота изгибов тела — 9,6 километра. Пять гар, вероятно, относились к обхвату ее тела. Следовательно, его диаметр составлял 30 метров. В источнике сказано, что, когда Тиамат убили, кровь текла из ее тела на протяжении трех лет, трех месяцев и одного дня. Она была настолько огромна, что Мардук, разбив ее череп своей дубиной и перерезав ее вены и артерии, разрубил ее на две части, одну из которых он использовал в качестве «балдахина небес»[2].

Не может быть никаких сомнений в том, что изначально вавилонская Тиамат была всего лишь олицетворением дождевых облаков и тумана, в определенное время года сгущающегося над Тигром и Евфратом рано утром. Если взглянуть на реки со стороны пустыни, кажется, будто над ними растянулась гигантская змея.

В иудейских Писаниях содержатся несколько описаний вселенского змея[3], хотя для него не нашлось места ни в одном из дворцов Ада. Так, пророк Амос (9: 3) рассказывает о ги-

---

[1] См.: *King*. Cuneiform Inscriptions from Babylonian Tablets, etc. Pt. XIII. Pl. 33 и далее. London, 1901; *Idem*. Seven Tablets of Creation. Vol. I. P. 119.

[2] *King*. Babylonian Religion. P. 77.

[3] См.: *Goldziher*. Mythology of the Hebrews. P. 27, 28; *King*. Babylonian Religion. P. 115.

гантском пресмыкающемся, обитающем на дне моря, которому Яхве повелит «уязвить» грешников, если те попытаются скрыться от него. В 74-м псалме сказано, что Бог размозжил головы Левиафана и драконов, живущих в воде.

В Книге Исаии есть такие слова: «Восстань, восстань, облекись силой, о плечо Яхве! Восстань, как в древние дни, в древние поколения! Разве не убило чудовище Раава и нанесло ранение змею (таннин)?» (в русском синодальном переводе: «Восстань, восстань, облекись крепостию, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние! Не ты ли сразила Раава, поразила крокодила?» — *Пер.*) Некоторые исследователи полагают, будто под словом «Раав» в данном случае подразумевается Египет. Если это так, то здесь он фигурирует как родина ужасного змея, известного нам под именем Апоп, которого пророк Исаия считал символом этой страны. Таким образом, данный фрагмент не имеет ничего общего с карой, уготованной Египту Яхве.

Иудейские авторы называли вселенского змея различными словами: таннин, нахаш, раав. Но за всеми этими названиями кроется один и тот же монстр — Левиафан לִוְיָתָן, «змей многочисленных изгибов или складок». С ним отождествлялись и Навуходоносор II, и «царь Ассирии» (см. Иер., 51: 34; Исаия 14: 29).

По мнению раввинов, он был создан на пятый день творения[1]. На него охотился, стремясь убить, Гавриил, которому благодаря помощи Яхве это удалось. Этот рассказ напоминает легенду о Тиамат, так как Гавриил во многом походит на Мардука, а Яхве — на предводителя вавилонских богов Аншара. В конце концов, Гавриил убил Левиафана, подобно тому, как Мардук истребил Тиамат. Из его кожи архангел сделал жилище для праведников[2] и облицовку для стен Иерусалима. Она была светлой и сверкающей, а испускаемый ею свет — настолько ярким, что его было видно с обоих концов мира.

Последний факт напоминает рассказ, содержащийся в четвертой табличке с поэмой о сотворении мира, в которой го-

---

1 *Eisenmenger*. Op. cit. P. 877.

2 עתיד הקדוש ברוך הוא לעשות סוכה לצדיקים מעורו של לויתן (*Ibid*. P. 888).

ворится о том, что Мардук сделал из половины тела или кожи Тиамат балдахин для неба. Согласно иудейской версии легенды, праведники питались телом Левиафана. Однако в известных в настоящее время клинописных табличках ничего на этот счет не сказано.

Судя по тексту упоминавшегося выше псалма (74: 13), у Левиафана было множество голов. Но данный факт не засвидетельствован ни в одном из сохранившихся описаний Тиамат. Ввиду отсутствия каких-либо сведений на этот счет мы вынуждены предположить, что евреи позаимствовали веру в существование многоголовых змеев у египтян. В Откровении Иоанна Богослова (12: 3; 13: 1) упоминаются «большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем», появившийся на небе, а также зверь с семью головами и десятью рогами, с десятью коронами на рогах, вышедший из моря. Подобные представления определенно не были почерпнуты из вавилонской религии и мифологии.

Все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства подтверждают предположение о том, что Левиафан и связанные с ним легенды были привнесены в еврейскую религию из вавилонской, а вера в огненный Ад позаимствована иудеями у египтян.

Подобным образом дракон, упомянутый в Откровении Иоанна Богослова, а также семиголовый василиск из «Пистис Софии»[1] являются прямыми наследниками змея с семью головами, известного нам по Текстам пирамид.

В Откровении Иоанна Богослова (19: 9) также идет речь о лошадях с хвостами, которые «были подобны змеям и имели головы». Вспомним чудовище, жившее у одних из ворот Дуата. У него было тело крокодила, а хвост представлял собой извивающееся тело змеи с головой на конце.

Хотя многие представления об Аде евреи позаимствовали у египтян, они не воспользовались придуманными жителями долины Нила способами избежать попадания в Иментет и Дуат. Другими словами, в нашем распоряжении нет свидетельств о том, что в древности ими была разработана система

---

[1] ⲥⲓⲧ ⲛ̄ ϩⲟϥ ⲉⲣⲉ ⲥⲁϣϥⲉ ⲛ̄ ⲁⲡⲉ ⲉⲣⲟϥ; ed. *Schwartze*. P. 136, 140, 147.

магических заклинаний, игравшая столь важную роль в древнеегипетской религии. С другой стороны, копты, по крайней мере те из них, кто исповедовал гностическое учение, сохранили веру в могущество магических слов и имен, использовав их в своих писаниях.

Так, в «Пистис Софии» говорится[1] о том, что Иисус после воскресения стоял вместе со своими учениками возле моря и молился Отцу Своему, называя его рядом магических имен, таких как Аэиоуо, Иао, Аои, Оиапсинотер, Тернопс, Нопситер, Загуре, Пагуре, Нетмомаот, Непсиомаот, Марахахта, Тобаррабау, Тарнахахан, Зорокофора, Иеу, Саваоф[2]. Пока он произносил эти имена, Фома, Андрей, Иаков и Симон Кананит стояли на западе, смотря на восток, а Филипп и Варфоломей — на юге, смотря на север. В другом месте трактата[3] Иисус обращается к Своему Отцу, используя следующие слова и имена: Иао Иоуо, Иао, Аои, Оиа, Псинотер, Теропсин, Опситер, Нефтомаот, Нефиомаот Марахахта, Мармарахта, Иеана менаман, Аманеи ту урану, Исраи Хамен Хамен, Субаибаи аппаап Хамен Хамен, дерааараи Хапаху Хамен Хамен, Сарсарсарту Хамен Хамен, Кукиамин миаи Хамен Хамен, Иаи, Иаи, Туа Хамен Хамен Хамен, Маинмари, Мариэ, Мареи Хамен Хамен Хамен[4].

Тех, кто прощает грехи, Он называет так[5]: Сифирепснихиеу, Зенеи, Бериму, Сохабрихер, Эутари, Нанай Диеисбалмерих, Меунипос, Хирие, Энтаир, Мутиур, Смур, Пеухер, Оусхус, Минионор, Исохоборта[6]. Затем он сразу обращается к силам Отца Своего, называя их Ауэр, Бебро, Атрони, Эурет,

[1] Ed. *Schwartze*. Op. cit. P. 357.

[2] ⲁⲉⲏⲓⲟⲩⲱ· ⲓ̈ⲁⲱ· ⲁⲱⲓ̈· ⲱⲓ̈ⲁⲯⲓⲛⲱⲑⲉⲣ· ⲑⲉⲣⲛⲱⲯ· ⲛⲱⲯⲓⲧⲉⲣ· ⲍⲁⲅⲟⲩⲣⲏ· ⲡⲁⲅⲟⲩⲣⲏ· ⲛⲉⲑⲙⲟⲙⲁⲱⲑ· ⲛⲉⲯⲓⲟⲙⲁⲱⲑ· ⲙⲁⲣⲁⲭⲁⲭⲑⲁ· ⲑⲱⲃⲁⲣⲣⲁⲃⲁⲩ· ⲑⲁⲣⲛⲁⲭⲁⲭⲁⲛ· ⲍⲟⲣⲟⲕⲟⲑⲟⲣⲁ· ⲓ̈ⲉⲟⲩ· ⲥⲁⲃⲁⲱⲑ:

[3] Ed. *Schwartze*. Op. cit. P. 375.

[4] ⲓ̈ⲁⲱ ⲓ̈ⲟⲩⲱ· ⲓ̈ⲁⲱ· ⲁⲱⲓ̈· ⲱⲓ̈ⲁ ⲯⲓⲛⲱⲑⲉⲣ· ⲑⲉⲣⲱⲯⲓⲛ· ⲱⲯⲓⲑⲉⲣ ⲛⲉ-ⲫⲑⲟⲙⲁⲱⲑ· ⲛⲉⲫⲓⲟⲙⲁⲱⲑ· ⲙⲁⲣⲁⲭⲁⲭⲑⲁ· ⲙⲁⲣⲙⲁⲣⲁⲭⲑⲁ· ⲓⲏⲁⲛⲁ ⲙⲉⲛⲁⲙⲁⲛ· ⲁⲙⲁⲛⲏⲓ̈· ⲧⲟⲩ ⲟⲩⲣⲁⲛⲟⲩ· ⲓⲥⲣⲁⲓ̈ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲥⲟⲩⲃⲁⲓ̈ⲃⲁⲓ̈· ⲁⲡⲡⲁⲡⲡ· ϩⲁⲙⲏⲛ· ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲇⲉⲣⲁⲁⲣⲁⲓ̈ ϩⲁⲡⲁϩⲟⲩ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲥⲁⲣⲥⲁⲣⲥⲁⲣⲧⲟⲩ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲕⲟⲩⲕⲓⲁⲙⲓⲛ ⲙⲓⲁⲓ̈· ϩⲁⲙⲏⲛ· ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲓ̈ⲁⲓ̈· ⲓ̈ⲁⲓ̈· ⲧⲟⲩⲁⲡ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ· ⲙⲁⲓⲛ ⲙⲁⲣⲓ· ⲙⲁⲣⲓⲏ· ⲙⲁⲣⲉⲓ· ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ ϩⲁⲙⲏⲛ. P. 375.

[5] Ibid. P. 375.

[6] ⲥⲓⲫⲓⲣⲉⲯⲛⲓⲭⲓⲉⲩ· ⲍⲉⲛⲉⲓ· ⲃⲉⲣⲓⲙⲟⲩ· ⲥⲟⲭⲁⲃⲣⲓⲭⲏⲣ· ⲉⲩⲑⲁⲣⲓ· ⲛⲁⲛⲁⲓ̈· ⲇⲓⲉⲓⲥⲃⲁⲗⲙⲏⲣⲓⲭ· ⲙⲉⲩⲛⲓⲡⲟⲥ· ⲭⲓⲣⲓⲉ· ⲉⲛⲧⲁⲓⲣ· ⲙⲟⲩⲑⲓⲟⲩⲣ· ⲥⲙⲟⲩⲣ· ⲡⲉⲩⲭⲏⲣ· ⲟⲟⲩⲥⲭⲟⲩⲥ· ⲙⲓⲛⲓⲟⲛⲟⲣ· ⲓ̈ⲥⲟⲭⲟⲃⲟⲣⲑⲁ. P. 376.

Эоне, Суфен, Книтусохреоф, Маyонби, Мнеуор, Суони, Хохетеоф, Хохе, Этеоф, Мемох и Анемф[1].

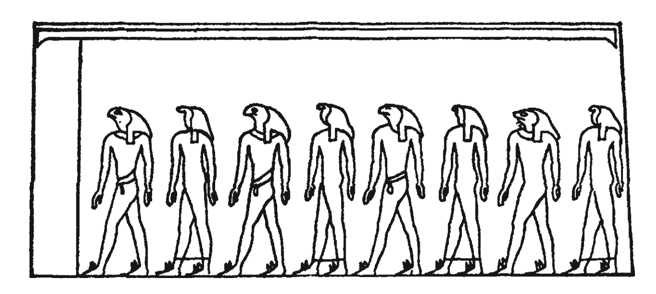
В ходе изучения текста «Пистис Софии» можно прийти к выводу о том, что многие элементы описанных в нем «мистерий» основаны на древнеегипетской религии. К тому же становится понятно, что содержащееся в этом трактате учение о духовном свете является более глубокой и одухотворенной версией представлений о силе солнечного света, воздействующей как на живых, так и на мертвых, которых египтяне придерживались задолго до появления христианства. Все они были собраны в крайне сложную и противоречивую систему, в которой нашлось место для магических слов и имен, эманаций, ангельских чинов, врат, сторожей и элементов христианского вероучения. Центральной фигурой, объединяющей все эти элементы, стал Христос.

Еще очень многое необходимо сделать для того, чтобы сопоставить древнеегипетскую религию и христианство, проследить, насколько сильным было влияние первой на последнее. Однако приведенные выше факты, возможно, убедят читателя в необходимости и важности изучения данной темы.

Глава 7
ДРЕВНЕЙШИЕ БОГИ И СОТВОРЕНИЕ МИРА

В предыдущих главах мы упомянули о трех группах богов, о существовании которых говорили жрецы Гелиополя, а также показали, что группу обычно составляли четыре божественные пары (четыре бога и четыре богини) и верховное божество. Мы увидели, что *песеджет*, или группа богов, не обязательно включала в себя именно девять богов, нередко в нее входило и большее их количество. Тем не менее изначально гелиопольские жрецы или те, кто разработал теологическую систему, представленную в Текстах пирамид, подразумевали, что *песеджет* состоит именно из девяти богов.

[1] ⲁⲩⲏⲣ· ⲃⲉⲃⲣⲱ· ⲁⲑⲣⲟⲛⲓ· ⲛ̄ⲟⲩⲛⲉϥ· ⲛ̄ⲱⲛⲉ· ⲥⲟⲩⲫⲉⲛ· ⲕⲛⲓⲧⲟⲩⲥⲟⲭⲣⲉⲱϥ· ⲙⲁⲩⲱⲛⲃⲓ· ⲙⲛⲉⲓⲱⲣ· ⲥⲟⲩⲱⲛⲓ· ⲭⲱⲭⲉⲧⲉⲱϥ· ⲭⲱⲭⲉ· ⲉⲧⲉⲱϥ· ⲙⲉⲙⲱⲭ· ⲁⲛⲏⲙϥ. P. 376.

Древнейшая группа богов

Вероятно, это стало результатом присоединения местного бога Атума к группе из четырех богов и четырех богинь. Гелиопольские жрецы составили четыре божественные пары согласно той же схеме, какой следовали ранние теологи, создавшие более древнюю группу богов. Возможно, она является самой древней, хотя по разным причинам она никогда не была так популярна, как «Великая девятка богов Иуну», и не занимала столь важного места в умах религиозных философов Египта. Это неудивительно, поскольку если в гелиопольскую группу входили бог солнца Ра-Атум (или Ра-Атум-Хепри) и бог мертвых Осирис, то древнейшую группу составляли пары богов, выражавших религиозные понятия и верования, которые уже в те отдаленные времена считались давно себя изжившими. Их значение было забыто, сами божества заменены другими, их культы упразднены, а знание об их происхождении и атрибутах сохраняли лишь жрецы и ученые, по всей видимости рассматривавшие предания об этих богах как продукт цивилизации, стоявшей на более низкой ступени развития, чем их собственная. Боги, о которых идет речь, являются персонификациями определенных аспектов или стадий, или же свойств первородной материи. Их можно перечислить в следующем порядке:

Нун	Наунет
Хух	Хаухет
Кук	Каукет
Герех	Герхет

Сущность первой пары богов определяют иероглифы, которыми записаны их имена. Так, имя Нуна [1] выписано при помощи трех сосудов для воды, служащих для выражения звучания, знака неба, детерминатива, обозначающего воду, и знака бога. Все вместе они свидетельствуют о том, что это божество воплощало находящуюся в небесах влагу. Богиня Наунет была всего лишь его женским дополнением, на что указывают иероглифы.

Из разных религиозных, мифологических и заупокойных текстов всех периодов становится ясно, что, по крайней мере, в первобытные времена египтяне верили в существование безграничного водного пространства, из которого произошли и небо, и земля, и все, что в них. В этих водах находились зачатки всего живого, пребывавшие там искони. Египтяне не сформулировали четко, в какой именно части неба, или небесного свода, располагалось сие водное пространство, и конечно же они не пытались описать его размеры при помощи обычных методов измерения. Позднее бога Нуна часто отождествляли с небом *пет* или с небосводом, находящимся над ним, *нут*, хотя, строго говоря, он представлял собой водное пространство, находящееся между ними. Следует заметить, что океан и Нил[2] также ассоциировались с Нуном. К концу династического периода свойства и качества этого божества претерпели некоторые изменения. Его имя сравнивали с коптским словом **NOYN** («бездна», «первозданный хаос» и т. п.). Возможно, между ними действительно существует некая связь. Однако в таком случае неясно, как оно может иметь значение «юный», как предположил покойный доктор Бругш[3]. Гораздо более вероятно, что на истинное значение

---

[1] Древнее написание: или (Унис 199, 399) или (Тети 78).

[2] Ср.: Гораполлон I, 21 Νείλου δὲ ἀνάβασιν σημαίνοντες, ὅν καλοῦσιυ Αἰγύπτιστι Νοῦν; первым на этот отрывок обратил внимание Таттам.

[3] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 129.

указывает игра слов *Нун* и *нен* из следующего отрывка: «Я поднял их из водного пространства (*нун*), из неподвижности (*нен*)». Таким образом, Нун — это неподвижное, инертное водное пространство, из которого был создан мир.

О женском дополнении Нуна — Наунет — сказать почти нечего, за исключением того факта, что она считалась праматерью. Позднее сразу нескольких богинь, которым были приписаны ее свойства, стали отождествлять с Наунет (например, Хатхор, Мут и Нейт). Нуна изображали по-разному. Он предстает в облике человека со скипетром в руках, когда находится в группе богов Амона, но также может изображаться с головой лягушки, увенчанной жуком, и даже с головой змеи. Богиня Наунет изображалась в виде женщины. Иногда у нее была голова урея, увенчанная диском, а в некоторых случаях — голова кошки.

Охарактеризовать следующую пару богов, Хуха и Хаухет, довольно сложно. Согласно мнению синьора Ланцоне, они являются мужским и женским воплощением огня[1]. Из древних изображений становится понятно, что египетские художники рассматривали их с различных точек зрения. Так, в одной группе из восьми перворожденных богов Хух представлен в одной из форм Нуна, то есть с головой лягушки, а Хаухет — в форме Наунет[2]. В другом случае у Хуха — голова змеи, а у Хаухет — кошки. Согласно доктору Бругшу[3], имя Хуха связано со словом, обозначающим неопределенное бесконечное число, то есть *хех*. Применительно ко времени последнее означало «миллионы лет». В этом случае Хух является эквивалентом греческого αἰών. В нескольких отрывках, которые цитирует Бругш, бог Хух упоминается как воплощение воздуха, находящегося между небом и землей и тождественного богу Шу. Этот выдающийся египтолог даже сравнил функции Хуха с теми, что в греческих философских системах выполняли Эон, Эрос и Пневма. На небольшой картинке, воспроизведенной синьором Ланцоне,

[1] *Lanzone*. Dizionario. P. 685.
[2] Ibid. Pl. 168ff.
[3] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 132.

мы видим бога Гарпократа в его обычном виде под чем-то напоминающим невысокое дерево. Справа от него преклонила колени богиня Хаухет. Ее протянутая рука служит юному богу опорой, он держится за нее левой рукой. С другой стороны изображен коленопреклоненный Хух. Он поднимает или поддерживает ноги бога, на голове которого изображены жук и диск.

Третью пару богов, Кука и Каукет , описать легче. Практически очевидно, что они представляют мужскую и женскую ипостаси тьмы, покрывавшей воды первозданного хаоса. Доктор Бругш сравнивает их с греческим Эребом. Похоже, в некоторых аспектах они являются воплощениями дня и ночи, ибо Кука называют «поднимающим свет», а Каукет — «поднимающей ночь». Происхождение имен этих божеств проследить несложно, поскольку Кук олицетворяет ту часть ночи, что предшествует наступлению дня, а Каукет — промежуток времени, который следует сразу за окончанием дня. В определенный период Кук и Каукет считались божествами Элефантины, а их черты были идентичны чертам нубийского бога Хнума и его женского дополнения, богини Сатет. Однако это, несомненно, стало результатом того, что Кук и Каукет рассматривались как воплощения Хапи — бога Нила, скрытые истоки которого располагались в скалах острова Элефантина. Согласно другой точке зрения, воплощением древнего бога Кука являлся бог-крокодил Себек, одним из центров почитания которого был Ком Омбо. В любом случае считалось, что Себек был одной из основных форм, которые принимала душа первородной тьмы. В сценах, представляющих древнейшую группу богов, Кука обычно изображают с головой змеи, а Каукет — с головой лягушки или кошки[1].

В одной из них Кук и Каукет выступают в качестве Ка и Каит , . Первого называют «прародителем всех богов», а вторую — «праматерью божественной девятки» . На этом изображении у Ка, или Кука, голова

[1] *Lanzone.* Dizionario. Pl. 168ff.

лягушки, увенчанная жуком, а у Каит, или Каукет, голова змеи с диском.

Четвертую пару богов, Гереха, и Герхет, трудно охарактеризовать. Иногда в текстах вместо их имен упоминаются другие божества. Так, вместо Гереха можно встретить Ни, Нену, Нут или Амона, а вместо Герхет Нуит, Ненуит, Нут, Нит или Амаунет.

Обычно слово *герех* означало «ночь». Соответственно, Герех и Герхет, вероятно, представляли мужскую и женскую ипостаси сил ночи. С другой стороны, детерминатив, встречающийся в обоих именах, указывает, что эти божества считались воплощениями неких, по всей видимости, инертных сил изначального водного хаоса. Поэтому мы можем отнести их к типу сил природы, пребывающих в покое после периода активности или же перед ним. В сценах, представляющих древнейшую группу богов, Ни, то есть Герех, изображается с головой лягушки с жуком на ней (либо без жука), а Нуит, то есть Герхет, — с головой лягушки или кошки.

Непросто привести к общему знаменателю те весьма отличающиеся друг от друга точки зрения, которых придерживаются египтологи относительно четырех пар богов, описанных выше. Похоже, что и древние египтяне не совсем ясно представляли себе их функции. Не может быть сомнений относительно их древности. Хотя самые ранние их изображения и датируются периодом правления Сети I, стиль повествования однозначно свидетельствует о том, что эти божества выражают очень древние понятия. В качестве одного из доказательств следует рассматривать тщательное упоминание женских дополнений четырех великих первозданных богов. Обычно богиням, считавшимся супругами богов династического периода, уделяли мало внимания. Так, у Ра и Амона были женские дополнения, Рат и Аменет, но они не играли значимой роли в египетской мифологии и редко упоминаются в текстах. Человек всегда представлял и, возможно, всегда будет представлять своего бога (или богов)

похожими на него самого. Достигнув определенного периода в своем развитии, он всегда наделял их супругами и потомством. Положение жен богов зависело от того, какое положение занимали женщины в семьях тех, кто сочинял легенды.

По убеждению автора настоящего труда, богов, относящихся к древнейшей группе, придумало общество, где положение женщин было достаточно высоким и они обладали большей властью, чем обычно принято у народов Востока. Наунет, Хаухет, Каукет и Герхет равны Нуну, Хуху, Куку и Гереху, а не просто вынашивают их потомство, как более поздние богини. Общий смысл текстов, где описаны четыре пары богов, позволяет сделать вывод, что три из них олицетворяли качества, или свойства, или признаки четвертой пары. Однако некоторые полагают, что все четыре пары богов являются мужскими и женскими воплощениями четырех элементов (Земли, Воздуха, Огня и Воды), а другие считают их воплощением первичной Материи, из которой было сотворено все, первичного Пространства, первичного Времени и первичной Власти. В настоящий момент невозможно сказать со всей определенностью, что именно символизировали эти божества, поскольку знания, которыми мы обладаем ныне, не позволяют нам дать окончательный ответ на этот вопрос.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению обстоятельств, при которых были созданы солнце и весь остальной мир, небезынтересно будет сравнить упомянутые выше четыре пары богов с теми, которых изображают «Семь табличек о сотворении мира»[1], написанные клинописью. Они отражают верования ассирийцев и их представления о происхождении богов, мира и человечества. Там тоже упоминаются восемь перворожденных богов, и они явно делятся на пары. Первая пара состоит из Апсу-ришту [клинопись], то есть «первозданного хаоса», и Мумму-Тиамат [клинопись]

[1] Лучшие копии приведенных здесь клинописных текстов можно найти в издании «Клинописных текстов вавилонских табличек», часть XIII (Лондон, 1901). Эти и многие другие тексты приводит *King L.W.* Seven Tables of Creation вместе с транслитерацией, переводами, заметками и т. д. (Т. 1. Лондон, 1902).

. Значение слова *мумму* неизвестно[1], однако Тиамат — это имя женского дополнения Апсу-ришту и матери его детей. Таким образом, эти божества выступали как мужская и женская ипостаси водного пространства, в котором содержались зачатки всего живого. Они жили в те времена, «когда никто из богов еще не явился в мир, и ничто не имело названия, и ничьи судьбы [не были предопределены]».

Сотворение мира началось, когда «смешались их воды». Таким образом, мы видим, что Апсу-ришту и Мумму-Тиамат занимают абсолютно такое же место в вавилонской космогонии, как Нун и Наунет в египетской. Они являются прототипами греческих ᾽Απασῶν и Ταυθὲ, которые приведены в схеме Дамаския[2].

Следующая пара богов в ассирийских текстах — это Лахму, и Лахаму . Однако нам ничего не известно об их функциях, так же как и о функциях египетских Хуха и Хаухет. Имена третьего и четвертого божества в списке Дамаския — Δαχός и Δαχή. Это явно ошибочные написания слов Λαχός и Λαχή, то есть Лахму и Лахаму.

Согласно Первой табличке, «прошли века», и на свет явились еще два бога, а именно Аншар и Кишар (. У Дамаския это ᾽Ασσωρός и Κισσαρὴ. До сего момента три пары ассирийских богов точно соответствуют первым трем парам египетских богов древнейшей группы. Сходство в некоторых местах поразительное. Из таблицы, которую приводит Бругш[3], ясно, что мнения египтян относительно имен бога и богини из четвертой пары отличались. Некоторые полагали, что это Герех и Герхет, другие называли Амона и Амаунет, третьи считали, что это Энен и Эненет-хемсет, четвертые думали, что это Ни и Нуит. Однако все сходились в том, что четвертая пара богов была необходима в группе и что это должны быть бог и богиня.

---

1 *Митти* = Μωῦμις у Дамаския и, возможно, означает «хаос».

2 Он родился в Сирии (возможно, в Дамаске) в последней четверти V в. н. э. Учился в Александрии и Афинах, был учеником Марина и Зенодота. Когда Юстиниан закрыл школы в Афинах, Дамаский отправился ко двору персидского царя Хосрова.

3 *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 127.

Первая табличка, рассказывающая о сотворении мира, упоминает седьмое божество, чье имя, Ану, совпадает с Ἀνός у Дамаския. Восьмое божество зовут Нудиммуд. Это одно из имен бога Эа. Контекст, который мог бы открыть нам имя девятого божества, утрачен, и в настоящее время мы не располагаем возможностью восстановить данный отрывок. Оба этих божества были мужского рода, хотя одно должно было быть мужского рода, а другое женского. В списке первых богов у Дамаския за Κισσαρῆ следуют Ἄνός, Ἴλλινις и Ἀός. Первый, как мы уже сказали, — это Ану, второй — Энлиль и третий — Эа. Однако все они являются богами, среди них нет богинь. Напрашивается вывод, что при редактировании текста, сохранившегося в клинописной форме, ассирийские переписчики заменили тремя божествами (Ану, Бэлом и Эа), представлявшими небо, землю и водный хаос соответственно, тех, что были в более древней версии. Ассирийская копия, дошедшая до нас, была записана в период царствования Ашшурбанипала, правившего Ассирией с 668 по 626 г. до н. э. Вероятно, она была сделана с вавилонского оригинала, датировать который не представляется возможным. В «Семи табличках о сотворении мира» встречаются некоторые древние шумерские слова, ассимилированные ассирийцами, — факт, служащий доказательством того, что содержащиеся в тексте предания имеют шумерское происхождение и восходят к глубокой древности. Весьма странно, что существует такое сходство между первыми богами Шумера и Египта, особенно если учесть, что заимствования в данном случае быть не могло. Было бы невероятно предположить, что переписчики Ашшурбанипала переняли свою схему у египтян или что ученые мужи времен Сети I позаимствовали идеи у образованных вавилонян или ассирийцев. Посему мы приходим к заключению, что и боги шумеров, и боги египтян происходят из очень древнего источника, общего для обоих народов. Две группы богов слишком похожи друг на друга, чтобы объяснить это простым совпадением, тем более что существует большая вероятность того, что шумерскую систему принесли в Египет те же люди, которые на-

учили египтян изготавливать кирпичи, использовать цилиндрические печати и т. д. Так или иначе, совершенно ясно, что древнейшая группа богов, общая, как мы видим, для шумеров и египтян, довольно заметно отличается от групп, возглавляемых Осирисом и Ра-Атумом, если говорить о Египте, а также от тех групп, что сформировались в Вавилоне и Ассирии в те времена, когда их стали населять семитские народы.

Первая табличка однозначно говорит о том, что сотворение мира началось, когда смешались воды, или сущности, двух изначальных божеств — Апсу и Тиамат. От их союза появились Лахму и Лахаму, Аншар и Кишар и т. д. Каковы были взгляды египтян на этот счет, мы не знаем, однако многочисленные аллюзии в текстах позволяют сделать вывод, что вторая, третья и четвертая пары богов были потомками первой пары — Нуна и Наунет, то есть являлись их качествами. Еще одно заключение, к которому мы пришли, — Нун и Наунет представляли мужскую и женскую ипостаси безграничного инертного водного пространства вместе со своими мужским и женским дополнениями Ни и Нуит, а вторая пара богов — Хух и Хаухет — символизировала их вечную природу. Третья пара богов — не что иное, как мужское и женское воплощение Тьмы. Таким образом, первичная материя, от которой произошло все, — это вечное безграничное водное пространство, содержавшее в себе зародыши всего живого, мужское и женское начала. Это водное пространство было окружено непроницаемой тьмой. Покойный доктор Бругш, основываясь на некоторых египетских текстах, утверждал, что в первозданном духе (*Urgeist*) возникла потребность творить и что его слово пробудило к жизни мир в той форме, которая ранее отразилась в его сознании. Первым деянием этого духа стало сотворение из изначального водного пространства яйца, из которого появился свет дня, то есть Ра, и это немедленно привело к возникновению жизни на всей земле. Всемогущая сила божественного духа приняла форму этого света, то есть Восходящего Солнца.

Мнение выдающегося египтолога во всех подобных вопросах имеет огромное значение. Однако не следует забывать, что тексты не являются достоверным источником, повеству-

ющим о событиях, происходивших до появления солнца в небе. Единственным источником информации об идеях египтян насчет сотворения мира для нас служат сочинения, которые в форме, дошедшей до нас, датируются не ранее чем концом Среднего и началом Нового царства. Соответственно, многие описанные в них представления относятся к указанным периодам. Несомненно, египтяне верили, что солнце произошло из изначального водного пространства Нуна, они постоянно повторяли, как Ра возник из Нуна. Однако, насколько нам известно, они не утверждали, что там пребывал первозданный дух (*Urgeist*), который замыслил и создал мир в своем сознании еще до его сотворения, а созидая, следовал тем канонам, что родились в нем задолго до того момента, когда тьму, окутывавшую изначальное водное пространство, пронзил первый луч солнца. Мы знаем, что жрецы Гермополя, или по-египетски Хемену, то есть «города Восьми богов», где почитались Нун, Наунет, Хух, Хаухет, Кук, Каукет, Герех и Герхет, помещали во главу этой группы бога Тота, которому в более поздние времена стали приписывать многие качества *Urgeist*'а доктора Бругша. Однако мы не только не располагаем доказательствами того, что Тот изначально возглавлял эту группу, но, напротив, имеем все основания считать, что если бы в Огдоаде (восьмерке) и появилось главное божество, то им стал бы один из богов, являющихся воплощением бога солнца. Если жрецы Гелиополя формировали группы из богов, уже существующих и признанных, и ставили во главу их местных божеств, то жрецы Гермополя по неизвестной причине приняли группу Восьми перворожденных, а старшим божеством «назначили» местного бога Тота. Ничего подобного «духу Элохим», то есть Духу Божьему, который, как сказано в Книге Бытия, носился над водой до того, как был создан свет, в египетских текстах не существует.

Тем не менее, хотя мы и не имеем понятия о том, как именно, по мнению древних египтян, появилось Солнце, мы можем точно ответить на вопрос, что они думали о возникновении богов, мира вообще, животных, птиц, деревьев, рыб, рептилий и прочих тварей, населяющих его, и по чьей воле он был создан. Мы обязаны нашими знаниями папирусу, хранящемуся в Британском музее (№ 10188), который

был написан для жреца из Панополя (современного Ахмима) в тринадцатый год правления «Александра, сына Александра», то есть около 312 г. до н. э. Жрец по имени Нес-Мин был человеком знатного происхождения и занимал весьма высокое положение. В этом замечательном документе содержатся, помимо прочих ценнейших сочинений, ряд глав магических заклинаний, призванных уничтожить врага рода человеческого Апопа и его пособников — демонов тьмы, а также прогнать бури и ураганы. Многие главы снабжены указаниями на то, какие ритуалы необходимо совершать при их чтении. Такие предписания мы встречали в рассказе о Дуате. Неясно, где должны были произноситься тексты этих глав, но, судя по тому, что две из трех входящих в папирус частей читались в храме Амона-Ра, царя богов, в Фивах, мы не слишком ошибемся, если предположим, что третий фрагмент представляет собой описание церемонии, которая должна была иногда проводиться в храме. Первая часть — «Праздничные песни Исиды и Нефтиды» — представляла собой очень важную службу, вторая — «Плач Исиды», — возможно, была ее продолжением. Во время больших праздников в честь Осириса две жрицы, представлявшие Исиду и Нефтиду, по очереди пели отрывки из «Праздничных песен». Поскольку «Плач» совпадал с ними по ритмике, его, возможно, исполняли во время тех же богослужений.

Указания к «Праздничным песням» гласят, что они должны были исполняться в храме Амона-Ра, а так как третья часть «Книга низвержения Апопа» посвящена защите бога солнца Ра, главного божества храма, то должны были быть сделаны предписания, чтобы они пелись в этом храме. Но так или иначе, основная ценность данного папируса для нас заключается в том, что в нем содержатся две копии истории[1] о сотворении мира, представляющей огромный интерес. Любопытно, что оба варианта вставлены в главы основного текста. Судя по всему, они представляют собой две отдельные версии, хотя текст во многих местах абсолютно одинаков.

Каждая копия называется «Книгой познаний воссуществований Ра и низвержения Апопа». Слово, которое мы

[1] Первая копия — столбец XXVI, вторая — столбец XXVIII.

перевели как «воссуществование», — это египетское *хеперу*, происходящее от корня *хепер*, что означает «делать, создавать, порождать, возникать, становиться», а также в переносном смысле «катиться». Таким образом, название можно перевести как «Книга познаний творений Ра», то есть вещей, созданных Ра или обретших существование благодаря Ра. В тексте в уста владыки вселенной бога Неб-ер-джера, являющегося одним из воплощений бога солнца Ра, вложены следующие слова: «Я тот, кто воссуществовал в форме бога Хепри, и я был творцом того, что воссуществовало, ибо я был создателем всего, что воссуществовало; когда я воссуществовал; многие вещи, сотворенные мною, вышли из моих уст». Этим Неб-ер-джер, или Ра, сообщает, что он принял форму Хепри, то есть что он — божество, которое тесно связано с созданием всего, что есть на земле. Символом Хепри был жук, принадлежащий к «копрофагам» (то есть «поедающим экскременты»), — скарабей. Такие жуки, отложив яйца в навоз, скатывают из него шар. Эти шары, хотя и сделаны из мертвой неподвижной материи, несут в себе живые зародыши, которые развиваются под влиянием тепла, в соответствующий момент выходят наружу и становятся живыми существами, способными передвигаться и добывать себе пищу. С самых древних времен для египтян навозный шар символизировал солнечный диск, отчасти из-за формы, а отчасти потому, что для человека солнце, дававшее ему свет, тепло и жизнь, являлось тем же самым, что навозный шар для личинок скарабея. Идея о сходстве солнца и шара жука-навозника получила дальнейшее развитие, и египтяне стали считать, что солнце катит по небу огромный скарабей, подобно тому как он катит свой шар по земле. На изображениях восхода солнца мы действительно видим скарабея, подталкивающего солнечный диск вверх или катящего его по небу. Постепенно с этим насекомым оказались связаны такие идеи, как новая жизнь, воскрешение, жизнь в иной форме и т. п. Божество, обладающее свойствами скарабея, в число которых египтяне позднее включили и способность к саморождению,

стало одной из самых важных ипостасей Ра и творца неба, земли, Дуата и всего, что в них.

Объявив, в какой именно форме он появился на свет, Хепри далее сообщает, что сила творить не иссякла в нем после одного деяния, что он продолжил создавать новые вещи из уже существующих по его воле и что все они выходили из его уст. Слово «уста», возможно, употребляется здесь в переносном смысле, но, судя по дальнейшему рассказу, мы все же должны понимать его буквально. Бог продолжает свою речь так: «Небо еще не существовало, и земля еще не появилась, и создания земные (растения?) и ползучие твари еще не возникли в этом месте (или в то время), и я поднял (или сотворил) их из Нуна, из неподвижности». Таким образом, ясно, что сам Хепри — это единственное, что существовало помимо водного пространства Нуна. Следует понимать, что при сотворении мира Хепри действовал без помощи какого бы то ни было женского начала. Нун не принимал участия в этом процессе, разве что послужил источником той первородной материи, из которой все было создано и которую Бругш называет *Urstoff*. Слово, переведенное нами как «неподвижность», *нен* [hieroglyphs], относится к тем вещам, которые, по словам Хепри, он поднял из Нуна. Из этого мы должны сделать вывод, что все, что есть на земле и на небе, находилось тогда в состоянии покоя в водном пространстве Нуна.

Повествование продолжается: «Не нашел я места там, где мог бы встать. Сотворил я заклинание над своим собственным сердцем (или волей), [и] заложил я твердь в Маа, [и] создал я все образы (или свойства). Был я один, [поскольку] не изрыгнул из себя бога Шу и не выплюнул богиню Тефнут; не было никакого иного существа, которое творило вместе со мной». Из этого отрывка следует, что Хепри был единственным творцом и что ему не на чем было стоять, когда он создавал мир. Фраза Khut-na em ab-a, которая переведена здесь как «сотворил я заклинание над своим собственным сердцем», представляет некоторую трудность, однако в любом случае эти слова имеют значение близкое тому, что нами предложено.

Слово в текстах подобного рода обычно означает «совершить магический ритуал или обряд». Автор этого рассказа о сотворении мира раньше нас осознал, что необходимо заставить Хепри прибегнуть к помощи магии, чтобы выйти из затруднительного положения. Очевидно, бог каким-то образом произвел некие действия над своим сердцем или волей и в результате основал твердь, на которую смог встать в процессе совершаемой им в Маа работы. Слово может читаться и как «Маа», и как «Шу». Однако в данном случае второй вариант не подходит, поскольку в следующем предложении Хепри сообщает, что на тот момент он еще не исторг из себя Шу. Из текстов различных периодов мы знаем, что египтяне подразумевали под Маа. Известно, что изначально это слово означало «то, что прямо». Впоследствии оно также стало значить «прямота, честность, правильность, истинность, право, закон, порядок, справедливость» и прочие понятия того же порядка. Богиня Маат считалась воплощением Истины. Идея, которую пытается донести текст, заключается в следующем: Хепри заложил основы будущего мира согласно ясному, четкому, не допускающему изменений плану, в котором не могло быть ошибки. Маа пребывал рядом с Хепри точно так же, как Хокма חָכְמָה (слово, несколько неправильно переводимое в Притчах (8 и далее) как «премудрость») пребывала с Яхве. Премудрость говорит, что она была искони, от начала, прежде бытия земли, когда не существовали еще бездны, когда не водружены были еще горы и холмы, когда Он не сотворил еще ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной, что она была там, когда Яхве уготовлял небеса и проводил круговую черту по лицу бездны (Притч., 8: 23 и далее).

Повествование продолжается: «Сотворил я твердь в (или посредством) своем собственном сердце, и воссуществовали многие вещи от вещей тех, что произошли от вещей, которые они сотворили». Это предложение является чрезмерно сложным и многословным, но, к счастью, понять его значение не слишком трудно. Автор просто вкладывает в уста Хепри впечатляющие слова о том, что все сущее есть результат создания

им тверди в собственном сердце и что процессы творения, будучи запущены, продолжались уже сами по себе, без вмешательства изначальной созидающей силы. В следующем предложении мы встречаем ссылку на некое любопытное верование, существовавшее уже в период VI династии. Однако в то время оно относилось не к Хепри, а к богу Атуму и выглядело так: «Этот Пепи очищается в озере Иару, где очищается Ра; Хор принес спину этого Пепи, и Тот принес его ноги, и Шу поднял его вверх на небо; о Нут, протяни свою руку Пепи. Атум прибыл к Иуну, чтобы утолить свою жажду наслаждений; он вложил свой пенис в свою руку и удовлетворил свое желание, и произвел двоих детей, Шу и Тефнут[1], и двое этих детей поставили Пепи между ними и поместили его среди богов, что в Сехет-хетепет».

В истории сотворения мира Хепри произносит: «Я соединился со своей рукой и обнял свою тень любовным объятием; я пролил семя в свой собственный рот и исторг из себя потомство в виде богов Шу и Тефнут». Мифы подобного рода могут являться лишь продуктом цивилизации, стоящей на весьма низкой ступени развития. Довольно трудно понять, чем руководствовался автор, в одной строке «вызволяя» Хепри из трудного положения путем наделения его магическими способностями, а в другой заставляя его совершить акт мастурбации, чтобы положить начало роду богов, и в то же время приписывая ему ту же власть, которой, по мнению христиан, обладает Господь. Единственное, чем можно объяснить этот вульгарный отрывок, — писец поместил его в папирус Нес-мина просто потому, что так было в источнике, с которого он снимал копию. Или же автор, зная, что Шу и Тефнут считаются потомками Хепри и что рядом с последним не было божества женского пола, объяснил для себя возникновение детей вышеописанным образом. Но в любом случае данный грубоватый образчик натурализма не подразумевал непристойности. Его следует рассматривать как отражение в

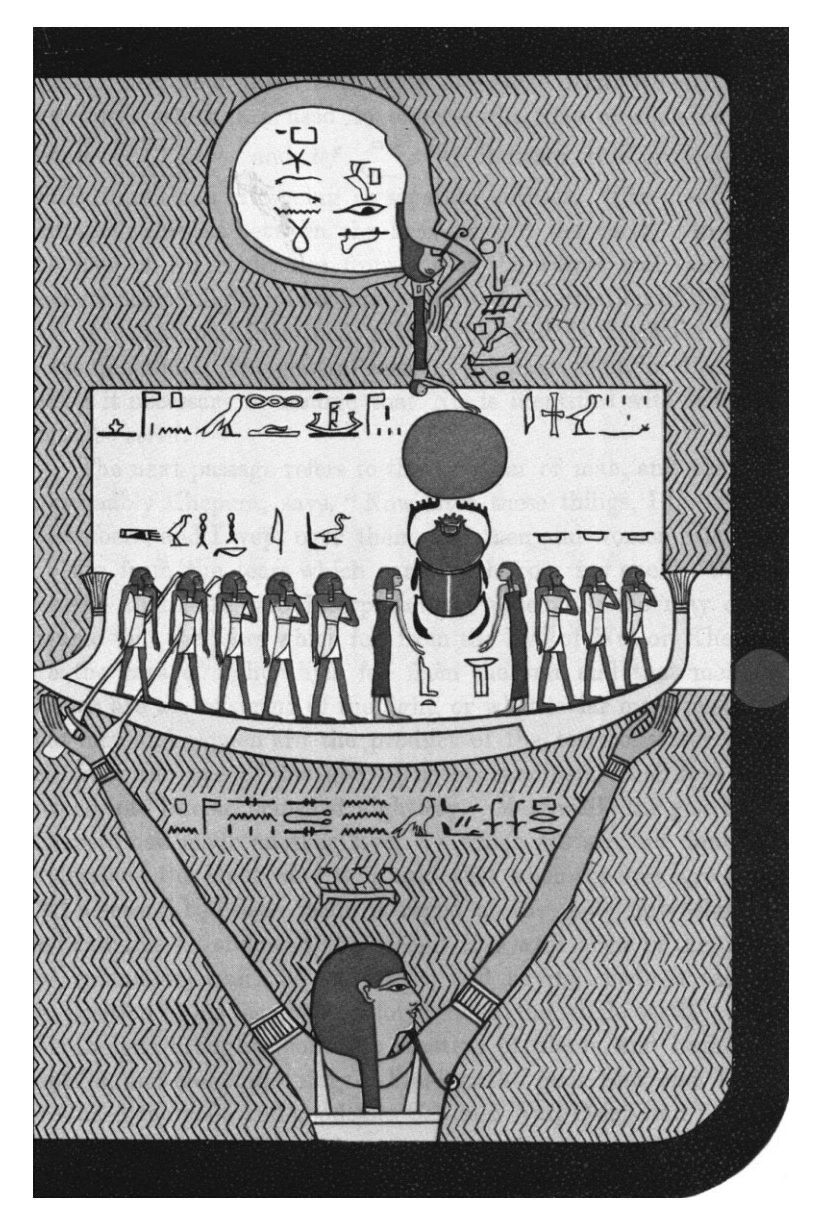

[1] Пепи I, строка 465 и далее.

письменных источниках примитивных обычаев жителей Египта додинастического периода, вернее, членов одного из африканских племен, потомками которого отчасти являются египтяне династического периода.

Следующую часть повествования довольно трудно перевести и объяснить. Она содержит речи, которые, по словам Хепри, произносит его «отец» Нун. Нун говорит, что его око, то есть Солнце, было сокрыто позади Шу и Тефнут, но после того, как прошли периоды *хенти*[1], он стал тремя богами вместо одного. После того как он воссуществовал на этой земле, Шу и Тефнут были подняты из водного пространства, где они пребывали, и принесли с собой его око.

Судя по всему, это следует понимать так. Когда Хепри сам по себе существовал в Нуне, солнце, с которым он впоследствии объединился, скрывалось в глубинах вод. Однако, как только Хепри произвел Шу и Тефнут, солнце встало из воды и последовало за ними. Иными словами, мы узнаем, что Око Нуна не могло сделаться видимым до тех пор, пока не появились Шу и Тефнут. Принимая во внимание все уже описанные нами свойства этих божеств-близнецов, мы можем сделать вывод, что Шу представлял свет дня, а также в некоторых случаях воздух, подпирающий небо и поддерживающий его над землей, в то время как Тефнут, женское дополнение Шу, являлась воплощением дождя, росы и влаги. Мы видели, что эти божества произошли от Хепри, и слова, используемые для выражения процесса отделения, то есть и , указывают на то, как именно они стали двумя отдельными существами. При создании Шу возникло некое пространство между небесами и землей, куда Око Нуна смогло подняться из вод и воссиять. Поскольку солнечный свет появился сразу же после сотворения Шу, то этот бог иногда ассоциируется со светом и считается его воплощением. Также необходимо добавить, что, исходя из об-

[1] Период *хен* равен 60 годам, но в случае, когда упоминается два подобных срока, это не обязательно означает 120 лет. Как правило, автор имеет в виду некий неопределенно долгий отрезок времени.

Сотворение

щего смысла анализируемого отрывка, Нун отождествлялся с Хепри и наоборот.

Следующий фрагмент рассказывает о сотворении человека. Божество, по всей видимости Хепри, говорит: «Тогда после всех этих вещей соединил я свои члены и плакал над ними, и мужчины и женщины воссуществовали из слез, вытекающих из моего Ока». Здесь допустимы два толкования. Можно предположить, что слезы, лившиеся из Ока Нуна или Хепри, — это лучи света, исходившие от солнца, и что мужчины и женщины суть потомки света; либо — и это гораздо более вероятно — что люди произошли из слез-капель воды, которые божество проливало над своими членами[1].

В это же время Нун и Хепри создали еще одно Око, под которым, вне всяких сомнений, подразумевается луна. В тексте говорится, что первое Око, узнав о сотворении второго, разгневалось на бога, а бог, увидев это, передал второму Оку часть силы (или блеска). Сделав так, он поместил его на своем лице, чтобы оно могло управлять всей землей. После этого бог сотворил растения, травы, рептилий и ползучих тварей. Наконец, божества Шу и Тефнут произвели на свет богов и богинь Геба и Нут, Осириса и Исиду, Сета и Нефтиду, Херухент-ин-маати, то есть «Слепого Хора». Они появились один за другим во время одних родов. Эти божества имели потомство и размножились на земле. Вот полный отчет о том, как существовавшее в водном пространстве Нуна божество мужского пола неестественным способом сотворило из себя самого пару божеств — одно мужского и одно женского пола, как эта пара произвела на свет три других пары богов (то есть трех богов и трех богинь) и еще одно божество мужского пола — фактически *песеджет*, или группу великих богов Гелиополя, которая в этом случае включает в себя десять богов. Интересно отметить порядок сотворения мира. Существующий сам по себе, бывший всегда бог, создает: 1. Свет; 2. Небосвод, или место для скопления влаги, то есть облаков и дождя; 3. Человечество; 4. Второе (?) Око, то есть Луну (?); 5. Растения, травы, рептилий и ползучих тварей; 6. Семь божеств, четыре мужского пола и три женского.

1

Во второй версии истории о сотворении мира, которую мы сейчас изложим, встречаются любопытные вариации. Мы увидим, что бог Осирис узурпирует положение, занимаемое в первой версии Хепри. Текст открывают следующие слова: «Неб-ер-джер говорит: «Я творец всего, что воссуществовало, и сам я воссуществовал как бог Хепри, и я воссуществовал в изначальные времена. Я воссуществовал как бог Хепри, и я был творцом всего, что воссуществовало, ибо я создал себя из изначальной материи, и я создал себя в изначальной материи. Имя мое — Иусирес (то есть Осирис), [который есть] изначальная материя изначальной материи. Я претворил свою волю на этой земле, я распростерся по ней вширь и сделал сильной (или поднял) мою руку». В этом отрывке Неб-ер-джер, воссуществовавший как Хепри, отождествляет себя с Осирисом, который назван *паутет паутиу*, то есть квинтэссенцией изначальной материи, источником всего сущего. Весьма примечательно, что эти слова относятся к богу мертвых. Они становятся более понятными, если вспомнить, что, по мнению древних египтян, жизнь возникла из смерти. Повествование продолжается: «Я был один, поскольку они (то есть боги) еще не родились, и еще я не исторг из себя ни Шу, ни Тефнут. Я вложил имя свое в уста свои собственные, ибо [я произнес его как] слово силы, *хекау*, и с ним воссуществовал во всех вещах, которые были созданы, и в виде Хепри».

Здесь мы имеем довольно интересное заявление, поскольку бог сообщает, как он появился, и считает недостаточным просто сказать, что он существовал. Из древнеегипетской литературы мы знаем, как важны были слова силы в магии и религии. Люди верили, что можно осуществить все свои желания, если произнести особые имена, слова или заклинания. В этом отрывке бог Осирис преобразовывает самого себя из квинтэссенции изначальной материи в активный элемент творения с помощью произнесения собственного имени. Вера в силу определенных имен была распространена в Египте с древнейших времен. Она основывалась на еще более давнем представлении о том, что ничто на земле, будь то одушевлен-

ное создание или неодушевленный предмет, не может существовать, если ему не было дано имя. Эта идея знакома нам по Ветхому Завету (Быт., 2: 19 и далее), где Адам нарекает имена всем зверям полевым и всем птицам небесным и всем скотам. Считалось, что у каждого бога, богини и сверхъестественного существа имелось тайное имя, и именно им, посредством его и в нем он или она существовали. Человек, знавший тайное имя какого-либо божества, мог располагать его помощью, а если он тем или иным способом сам обретал тайное имя, то становился, по его мнению, равен богам. С другой стороны, уничтожить или «разрушить» имя означало стереть с лица земли того, кому оно принадлежало. Поэтому еще на заре цивилизации в Египте были установлены ритуалы, во время которых поминалось имя или имена умершего, сопровождаемые при этом хвалебными эпитетами. Заметим также, что одним из величайших даров, который мог получить истинный верующий Пергамской церкви, был «белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр., 2: 17). Это прямое указание на верование, согласно которому сильнейшим амулетом считался определенного рода камень с начертанным на нем именем, заключавший в себе жизнь и счастье владельца.

Однако вернемся к нашему повествованию. Бог продолжает: «Я воссуществовал из перворордной материи, и я появился в виде множества вещей от начала. Ничто не существовало в то время, и я был тем, кто сотворил все, что было сотворено. Я был один, и не было со мной другого существа, которое творило бы со мной в этом месте. Я создал все то, в чем появился с помощью (или из) бога-души, которую я поднял из Нуна, из неподвижности (или из неподвижного пространства)». Здесь мы встречаемся с новым понятием «бога-души», или, иными словами, Души, обладавшей свойствами *нечер*'а и находившейся в состоянии неподвижности в инертном водном пространстве Нуна. Это утверждение не вызывает удивления, учитывая общие представления египтян о душе. Мы знаем, что они наделяли душой все существующее в природе. Поэтому если они признавали наличие некой изначальной материи, то логично,

что они полагали, будто она обладает душой. Таким образом, во второй версии истории сотворения мира наличествует идея, которая совершенно отсутствует в первой. Читаем далее: «Не нашел я там (то есть в Нуне) места, где мог бы стоять. Я сотворил изречение в своем сердце, и заложил твердь перед собой, и создал все, что было создано. Я был один. Заложил я твердь в (или посредством) сердце своем и создал другие вещи, которые воссуществовали, и вещи Хепри, созданные им, были многочисленны, и потомство их появилось от тех, что они родили. Я исторг Шу, и я исторг Тефнут, и из одного (или из единственного) бога сделался я тремя, ибо два других бога воссуществовали на этой земле из меня, и подняты были Шу и Тефнут из Нуна, где находились. Смотри, Око мое (то есть солнце) принесли они мне (или я принес им), когда [минули] два периода *хен* с тех пор, как вышли они из меня. Собрал я свои члены, которые произошли от меня самого после того, как соединился я с рукою своей, и мое сердце (или воля) вошло в меня из моей руки. Пролилось семя в мой рот, и исторг я из себя Шу и Тефнут, и из одного бога сделался я тремя, ибо два других божества, воссуществовавших на этой земле, произошли от меня, и Шу и Тефнут подняты были из Нуна, где находились».

Повторы в этом отрывке объясняются тем, что у писцов, вероятно, было несколько оригиналов, несомненно представлявших версии различных школ, и создатель папируса Нес-Мина, относясь к написанному с благоговением, включил в свой текст все варианты.

Следующий фрагмент содержит крайне интересное добавление к первому рассказу. «Отец» Нун сообщает, что его Око, то есть солнце, было скрыто густой «растительностью» в течение неопределенного количества периодов, каждый из которых составлял шестьдесят лет. «Растительностью», которую иначе именуют «волосами», называются облака, окружающие солнце на рассвете и не дающие его лучам просочиться. Похоже, что бог сетует на то, что они веками затуманивали его зрение. Далее идут слова, вроде бы говорящие о том, что все растения и рептилии, включая червей и змей, произошли от

бога Рема и что они возникли из слез, пролитых Хепри, но этот перевод неточен. Растения и черви, о которых идет речь, — это туман и облака, частично или полностью закрывающие солнце. Возможно, предложение было добавлено в связи с «растительностью», о которой рассказывает выше «отец» Нун. Мы ничего не знаем о боге Реме, но, поскольку слово *рем* означает «плакать» и в тексте в одной строке с именем божества упоминается «плач или рыдания», мы можем сделать вывод, что Рем является воплощением слез бога Ра. В Книге мертвых (LXXXIII, 4) встречается некое божество по имени Реми, предположительно бог-рыба, тем или иным образом отождествлявшийся с Себеком, воплощение Нуна, но нельзя сказать точно, тот же самый это бог или нет.

Мы подошли к созданию человека. Два варианта истории творения предлагают на этот счет разные версии. Согласно первой, Хепри объединил, или соединил, свои члены, плакал над ними, и из его слез родились мужчины и женщины. По второй версии, слезы пролились из Ока Хепри, и из них возникли мужчины и женщины. Трудно сказать, какая из них является более древней, возможно, что первая. Следует отметить, что боги и люди были созданы разными способами. Боги — это семя Хепри, и они вышли из его уст, в то время как люди — это всего лишь слезы Хепри, и они появились из его Ока. Согласно более древней версии, слезы Хепри падали на его половой орган, и только после контакта с ним они превратились в человеческие существа. В период поздних династий египтяне подразделяли человечество на четыре класса, а именно египтян, *ааму, нехсу* и *чехему*. В «Книге пилонов» Хор говорит «владыкам Ра», которые в Дуате Черной Земли и Красной Земли (то есть в Египте и в пустынях к югу от него): «Вы суть слезы, сотворенные моим Оком в имени вашем «люди»[1].

---

1 .

Ааму, то есть семитские племена кочевников из Восточной пустыни, были созданы Хором и Сехмет, и эта богиня защищала их души. *Чехему*, или ливийцы, также были созданы Хором и Сехмет; богиня защищала и их души. О *нехсу*, или неграх, Хор говорит: «Я мастурбировал для вас, и удовольствовался я миллионами, что родились от меня в имени вашем *нехсу*; Хор создал вас, и он защищает их души»[1].

Последнее утверждение представляет определенный интерес, поскольку связывает идею мастурбации с неграми, то есть чернокожими нубийскими народами, обитавшими на берегах Нила к югу вплоть до шестого порога. Как мы уже говорили, легенда о сотворении богов Шу и Тефнут ведет свое происхождение скорее от туземных чернокожих племен, чем от смешанной расы, называемой нами египтянами. Заметим, что лишь египтяне, или потомки Ра, были созданы из слез Ра, которые суть то же самое, что слезы из Ока Хора, то есть солнца.

Согласно одной версии истории сотворения мира, люди были созданы *после* богов Шу и Тефнут и *до* растений и рептилий, однако, по другой, их сотворили *после* растений и рептилий. Ни в одном из вариантов не упоминается создание животных и скота. Интересно, что Хепри, или Неб-ерджер, не сам сотворил мужчин и женщин, а что они родились почти случайно. Создавая богов, Хепри воплощал свою волю и свой замысел, но люди были всего-навсего слезами, которые, похоже, капали из его Ока сами по себе. Однако заметим также, что в обеих версиях легенды бог солнца Ра, Око Атума, в действительности является создателем людей, и именно об этом сообщает нам месопотамская история творения. После того как Мардук победил Тиамат и одиннадцать ее демонов, он рассек ее тело, как рыбу, и из одной половины ее кожи сделал небо. Он разговаривал с Эа, вла-

[1] , строки 16—20.

стителем великой бездны, и так объявил ему о своем намерении сотворить людей: «Возьму я кровь свою и кость создам, и сделаю я человека, чтобы человек мог...; и создам я человека, который населит [землю]». Этот весьма важный отрывок доказывает, что утверждение Бероса, будто человек был создан из крови Бэла (то есть Мардука), основывалось на древнем ассирийском предании. К сожалению, клинописный текст[1], впервые переведенный Л. Кингом, не полон. Однако, когда будет обнаружена копия, которая, несомненно, существует, мы сможем узнать конец этой легенды, согласно Беросу. По его словам, кровь, из которой были сделаны люди, была получена после того, как отрубили голову Бэла.

За историей сотворения человека в египетской версии следует отрывок, повествующий об Оке Нуна, которое, как говорит Хепри, тот наделил силой или блеском, или змеей *ахет*, обладавшей обоими этими качествами. Око разгневалось на него, когда обнаружило на своем месте «иную вещь» (под этим, конечно, подразумевается луна) и напало на «растительность», то есть на легкие облака, которыми Хепри завесил ее, чтобы украсить или чтобы соблюсти порядок. В итоге оно заняло свое место на лице божества и с той поры управляло землей. Текст завершается сообщением о том, что Шу и Тефнут породили богов Геба, Нут, Осириса, Херу-хенти-ин-маати, Сета, Исиду и Нефтиду и что потомки их размножились на земле. Они заклинали именем Хепри и таким способом победили своих врагов. Они создали слова силы, посредством которых низвергли Апопа. Теперь мы можем вкратце подвести итог обеих версий. Итак, египтяне считали, что саморожденный и существовавший сам по себе бог обитал один в изначальном водном пространстве, которое было частично женского рода и частично мужского и содержало в себе две животворящие силы, мужскую и женскую, а также душу. Это пространство явля-

[1] Таблица имеет номер 92629 (obv. ll. 5—7). Текст гласит: [клинописный текст]

лось безграничным и вечным и было покрыто непроницаемой тьмой. Существующий сам по себе бог в неизвестное время по неизвестной причине произнес свое собственное имя как слово силы и немедленно воплотился в форме Хепри. Затем он пробудил душу водного пространства от состояния неподвижности и, воздействовав каким-то образом, возможно произнесением определенных слов, на свое сердце, сотворил некое материальное пространство, быть может землю, на которую смог встать. Стоя там, он создал богов Шу и Тефнут, в результате чего мгновенно возник свет и рассеял тьму. Образовалось небо, или небесный свод. За этим последовало сотворение либо мужчин и женщин, либо растительности, пресмыкающихся и рептилий всех видов. О создании звезд, птиц и животных ничего не говорится. Все вышесказанное представляет одну из древнейших теорий египтян о сотворении мира — ту, что фактически и приняли вначале жрецы Гелиополя, впоследствии преобразовав ее таким образом, чтобы она соответствовала выработанной ими теологической системе. Тексты, на которых мы основывались, приводятся в следующей главе.

Глава 8
ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ БОГОВ И МИРА

Иероглифический текст с транслитерацией и переводом

Версия А

после того, как он воссуществовал: «Я тот, кто воссуществовал в форме Хепри, я был (*или* стал) творцом того, что воссуществовало, творцом того, что воссуществовало всего; после моего воссуществования много [было] вещей, которые воссуществовали, вышедших из моих уст. Не существовало небо, не существовала земля, не сотворены были создания земные (то есть растения) и твари ползучие в месте том; я поднял их из Нуна (то есть первородного водного хаоса)

em enen	*ȧn*	*qem-nȧ*	*bet*	*āḥā-nȧ*
из состояния неподвижности.	Не	нашел я	места,	чтобы мог я встать

ȧmi	*khut-nȧ*	*em*	*ȧbt-ȧ*
на нем.	Сотворил я заклинание	над (или с)	моим сердцем.

senti-nȧ	*em Maā*	*ȧri-nȧ*	*ȧru*	*nebt*
Я заложил твердь	в Маа,	[и] я сделал	сущность каждую.	Я был один,

uā-k[uȧ]	*ȧn*	*ȧshesh-nȧ*	*em Shu*	*ȧn*
[поскольку]	не	выплюнул я	в форме Шу,	не

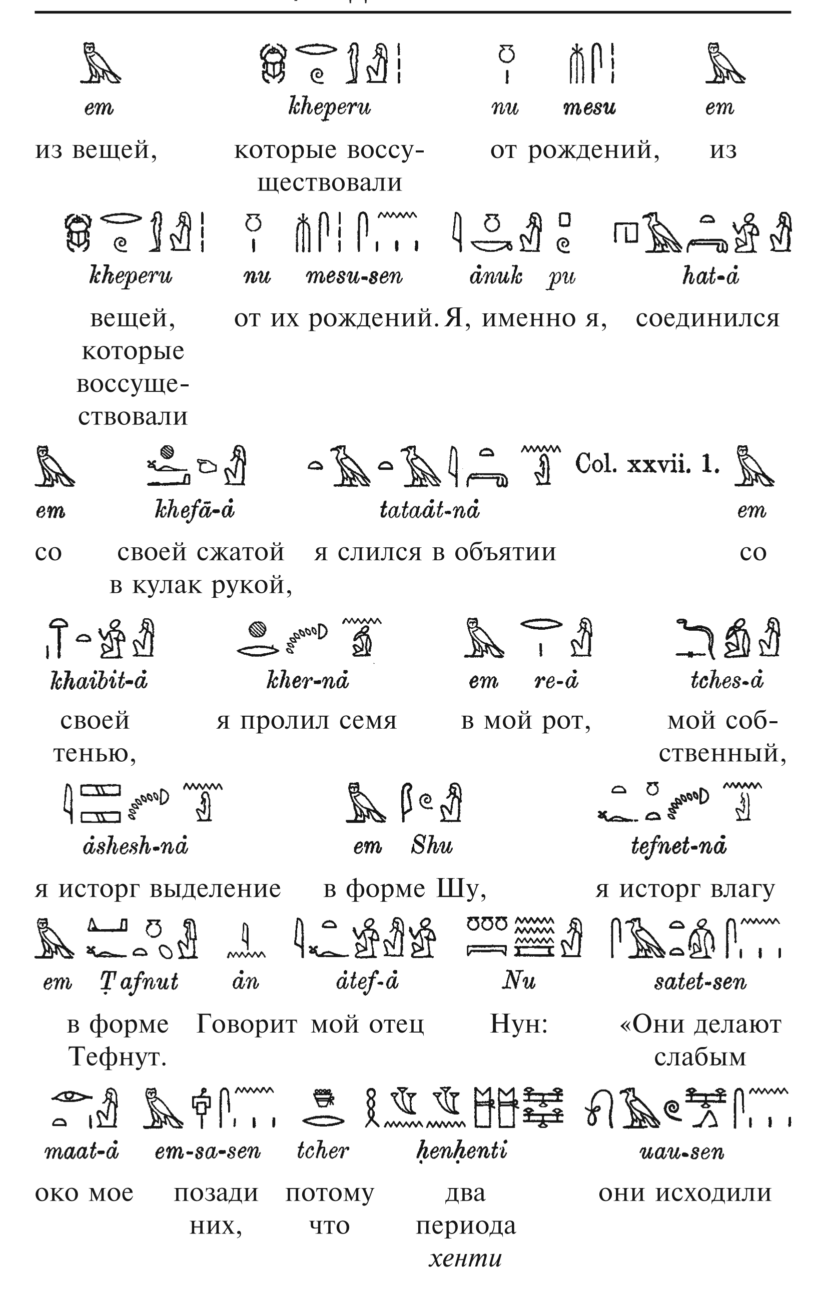
tef-nȧ	*em Tefnut*	*ȧn*	*kheper*	*ki*
изрыгнул я	Тефнут[1],	не	существовало	другого,

24.

ȧri-nef	*ḥenā-ȧ*	*senti-nȧ*	*em ȧbt-ȧ tches-ȧ*
кто делал	со мной.	Я заложил твердь	в моем сердце, собственном (или моей собственной волей),

kheper	*āsht*	*kheperu*	*nu*	*kheperu*
[и] воссуществовали	множества вещей,	которые воссуществовали	от вещей, которые воссуществовали	

[1] То есть я не исторг из своего тела ни выделения, которое приняло форму Шу, ни влаги, которая приняла форму Тефнут.

em
kheperu
nu
mesu
em
из вещей,
которые воссуществовали
от рождений,
из
kheperu
nu
mesu-sen
ȧnuk
pu
hat-ȧ
вещей, которые воссуществовали
от их рождений.
Я, именно я,
соединился
Col. xxvii. 1.
em
khefā-ȧ
tataȧt-nȧ
em
со
своей сжатой в кулак рукой,
я слился в объятии
со
khaibit-ȧ
kher-nȧ
em
re-ȧ
tches-ȧ
своей тенью,
я пролил семя
в мой рот,
мой собственный,
ȧshesh-nȧ
em
Shu
tefnet-nȧ
я исторг выделение
в форме Шу,
я исторг влагу
em
Ṭafnut
ȧn
ȧtef-ȧ
Nu
satet-sen
в форме Тефнут.
Говорит
мой отец
Нун:
«Они делают слабым
maat-ȧ
em-sa-sen
tcher
ḥenḥenti
uau-sen
око мое
позади них,
потому что
два периода *хенти*
они исходили

er-ȧ	*em-khet*	*kheper-ȧ*	*em*	*neter*	2. *uā*	*neter*	*khemt*
из меня	после того,	как я стал	из	бога	одного	богами	тремя,

pu	*er-ȧ*	*kheper-nȧ*	*em*	*ta*	*pen*	*ḥāā*
это	из меня самого,	[и после] того, как я воссуществовал	на земле этой.			Подняты были

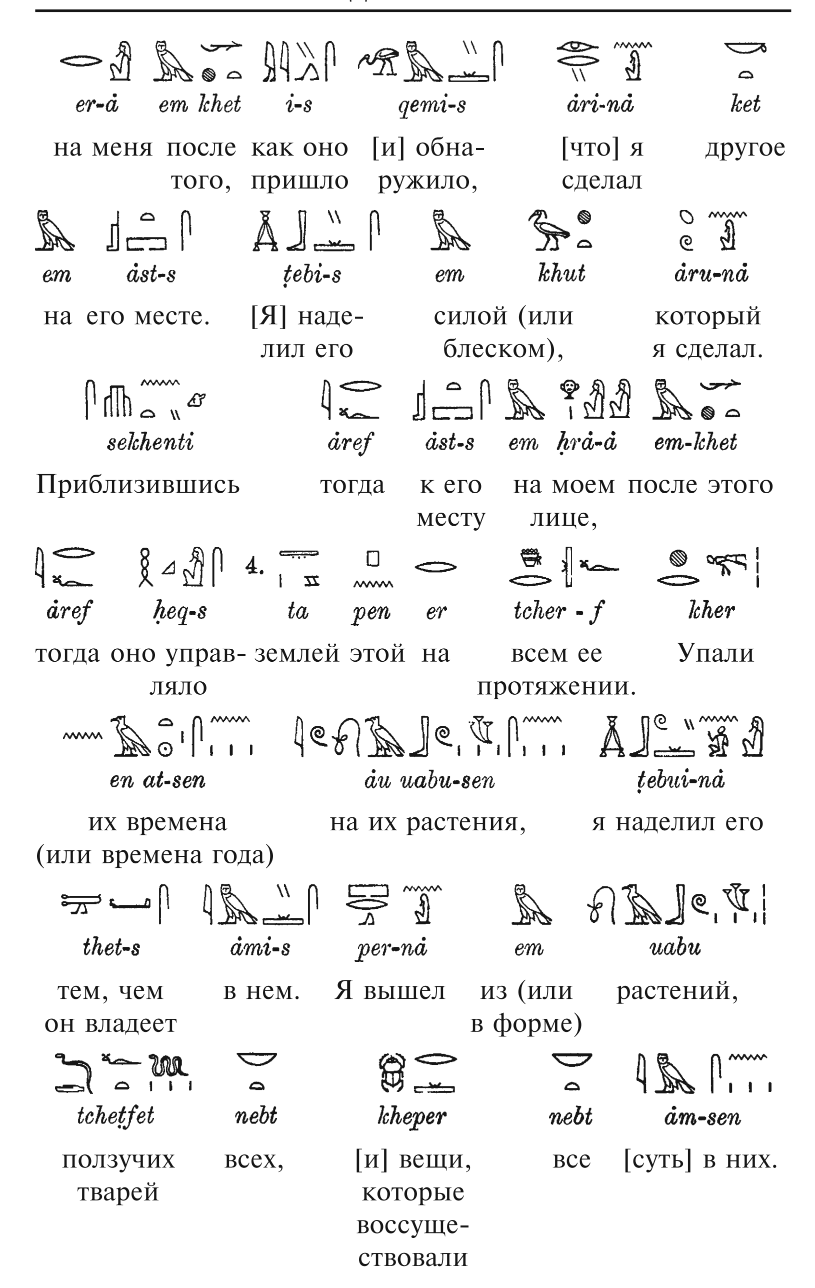
ȧref	*Shu*	*Ṭāfnut*	*em*	*enenu*
тогда	Шу	[и] Тефнут	из	неподвижного водного пространства,

un-sen	*ȧmi - f*	*ȧn-sen*	*nȧ*	*maat-ȧ*
где они были,		принесли они мне		мое око

em	*khet-sen*	*em-khet*	*ȧref*	*sam-nȧ*	*āt-ȧ*
вслед за собой.		После	того	я соединил	мои члены,

rem-nȧ	*ḥer-sen*	*kheper*	3. *reth*	*pu*	*em*
я плакал	над ними,	[и] воссуществовали	мужчины и женщины		из

remu	*per*	*em*	*maat-ȧ*	*khāru-s*
слез,	[которые] вышли	из моего ока,		[и] оно разгневалось

er-á em khet i-s qemi-s ári-ná ket

на меня после того, как оно пришло [и] обнаружило, [что] я сделал другое

em ást-s ṭebi-s em khut áru-ná

на его месте. [Я] наделил его силой (или блеском), который я сделал.

sekhenti áref ást-s em ḥrá-á em-khet

Приблизившись тогда к его месту на моем лице, после этого

áref ḥeq-s 4. *ta pen er tcher-f kher*

тогда оно управляло землей этой на всем ее протяжении. Упали

en at-sen áu uabu-sen ṭebui-ná

их времена (или времена года) на их растения, я наделил его

thet-s ámi-s per-ná em uabu

тем, чем он владеет в нем. Я вышел из (или в форме) растений,

tchetfet nebt kheper nebt ám-sen

ползучих тварей всех, [и] вещи, которые воссуществовали все [суть] в них.

5.

mesu ȧn — *Shu Ṭāfnut* — *ḥenā* — *Nut* — *mesu ȧn*

Родили Шу [и] Тефнут [Геба] и Нут. Родили

Seb Nut — *Ȧsȧr* — *Ḥer Khent-ȧn-maa* — *Set* — *Ȧst*

Геб и Нут Осириса, Хора-Хент-ин-маати, Сета, Исиду,

Nebt-ḥet — *em* — *khat* — *uā* — *em-sa* — *uā* — *ȧm-sen*

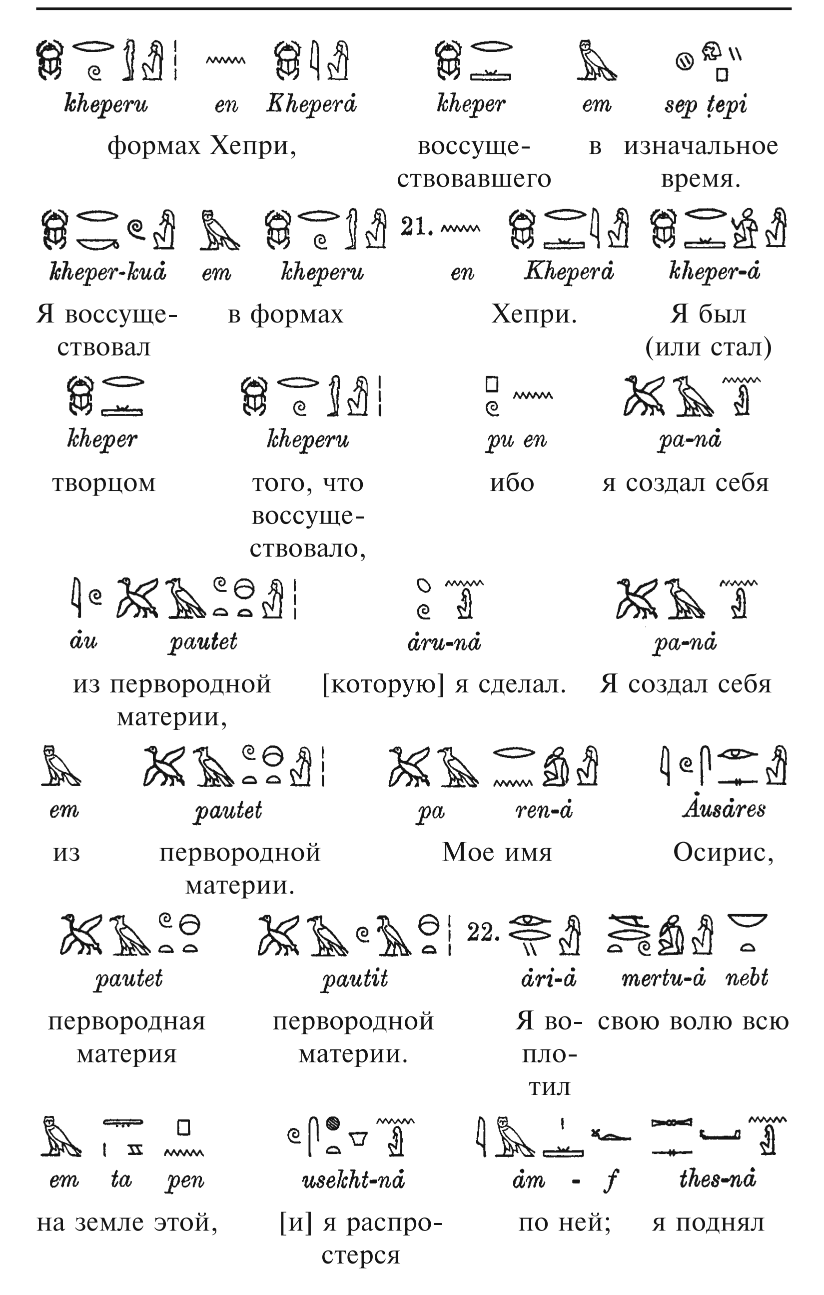
Нефтиду из утробы, одного за другим из них

mes-sen — *āsht-sen* — *em* — *ta* — *pen*

они родили, [и] они размножились на земле этой.

Версия Б

kheperu en Kheperȧ kheper em sep ṭepi
формах Хепри, воссуществовавшего в изначальное время.

kheper-kuȧ em kheperu 21. *en Kheperȧ kheper-ȧ*
Я воссуществовал в формах Хепри. Я был (или стал)

kheper kheperu pu en pa-nȧ
творцом того, что воссуществовало, ибо я создал себя

ȧu pautet ȧru-nȧ pa-nȧ
из перворордной материи, [которую] я сделал. Я создал себя

em pautet pa ren-ȧ Ȧusȧres
из первородной материи. Мое имя Осирис,

pautet pautit 22. *ȧri-ȧ mertu-ȧ nebt*
первородная материя первородной материи. Я воплотил свою волю всю

em ta pen usekht-nȧ ȧm - f thes-nȧ
на земле этой, [и] я распростерся по ней; я поднял

ṭet-ȧ *uāu-kuȧ* *ȧn* *mes-sen* *ȧn*

своюруку. Я был один; не рождены [были] они. Не

ȧshesh-nȧ *em Shu* *ȧn* *ṭāf-nȧ* *em Ṭāfnut*

выплюнул я в форме Шу, не изрыгнул я Тефнут.

ȧn-nȧ *re-ȧ* *tches-ȧ* *ren-ȧ* *pu*

Я вложил [в] мои уста свое собственное имя мое, то есть

ḥekau *ȧnuk pu kheper* 23. *- nȧ* *em*

слово силы, и я, именно я, воссуществовал в форме

kheperu *kheper-kuȧ* *em* *kheperu* *en* *Kheperȧ*

вещей, которые воссуществовали, и я воссуществовал в формах Хепри.

kheper-nȧ *em* *pautti* *kheper*

Я воссуществовал из перворожденной материи, воссуществовав

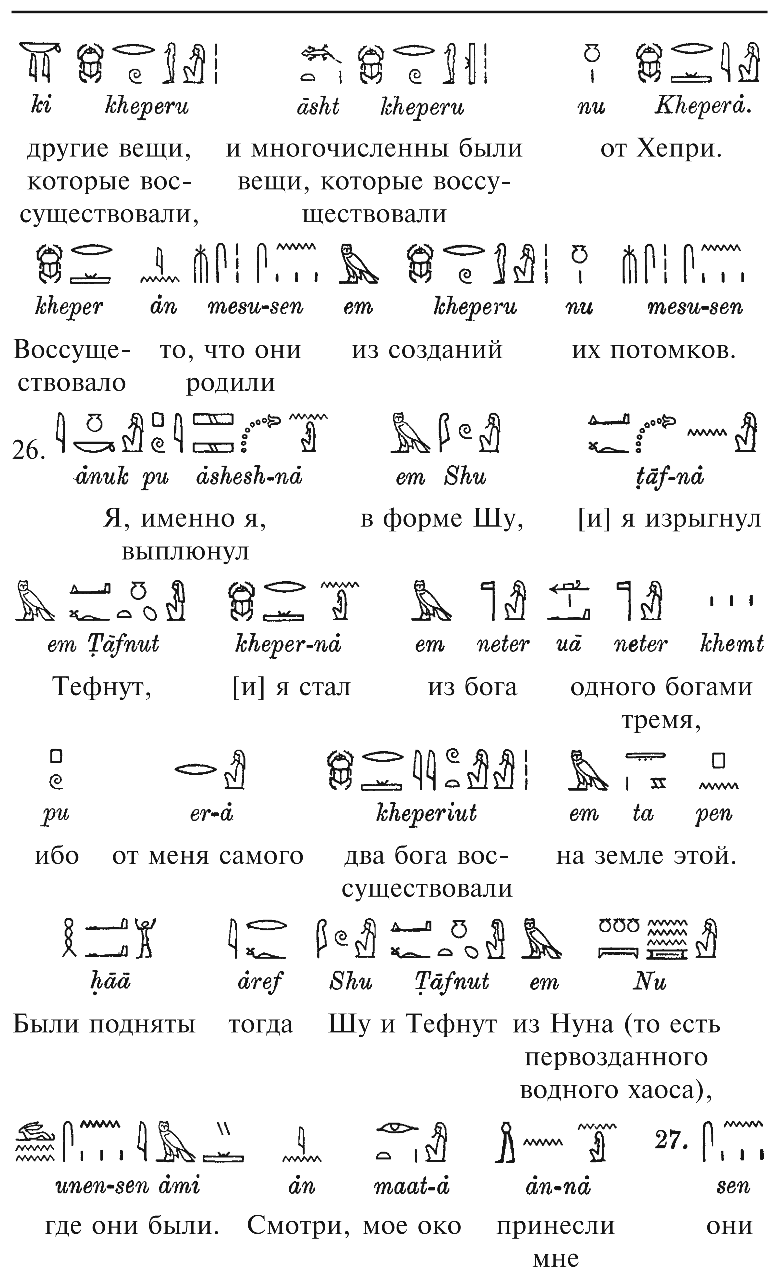
āsht *kheperu* *em* *ṭep-ā* *ȧn* *kheper*

[во] множестве форм от начала. Не существовали

kheperu *nebt* *em* *ta* *pen* *ȧri-nȧ* *ȧri*

сотворенные вещи какие-либо в земле этой; я сделал то, что было сделано

nebt uāu-k[uȧ] ȧn kheper 24. ki en ȧru-nef
все. Я был один, не существовало [кого-либо другого], кто делал
ḥenā-ȧ em bet pui ȧri-ȧ kheperu-ȧ
со мной в месте этом; я сделал то, что я сделал
ȧmi em ba pui thes-nȧ
там с помощью божественной души той, [которую] я поднял
ȧmi em Nu em enen ȧn
там из Нуна (то есть перводанного водного хаоса) из состояния неподвижности, не
qemi-nȧ bet āḥā-nȧ ȧmi khut-nȧ
нашел я место, на котором мог встать. Я произвел действия над духом, [который] был
em ȧb-ȧ senti 25. - nȧ em ḥrȧ-ȧ ȧri-nȧ ȧri
в моем сердце, я заложил твердь передо мной, я сделал то, что было сделано
nebt uāu-k[uȧ] senti-nȧ em ȧb-ȧ qemam-nȧ
все. Я был один, я заложил твердь в моем сердце, я сделал

ki kheperu — другие вещи, которые воссуществовали, *āsht kheperu* — и многочисленны были вещи, которые воссуществовали *nu Kheperȧ.* — от Хепри.

kheper — Воссуществовало *ȧn mesu-sen* — то, что они родили *em kheperu* — из созданий *nu mesu-sen* — их потомков.

26. *ȧnuk pu ȧshesh-nȧ* — Я, именно я, выплюнул *em Shu* — в форме Шу, *ṭāf-nȧ* — [и] я изрыгнул *em Ṭāfnut* — Тефнут, *kheper-nȧ* — [и] я стал *em neter* — из бога *uā neter khemt* — одного богами тремя,

pu — ибо *er-ȧ* — от меня самого *kheperiut* — два бога воссуществовали *em ta pen* — на земле этой.

ḥāā — Были подняты *ȧref* — тогда *Shu Ṭāfnut* — Шу и Тефнут *em Nu* — из Нуна (то есть первозданного водного хаоса),

unen-sen ȧmi — где они были. *ȧn* — Смотри, *maat-ȧ* — мое око *ȧn-nȧ* — принесли мне 27. *sen* — они

em-khet ḥenti uau-sen er-ȧ

вслед за сроком *хенти*, они изошли из меня.

sam-nȧ em āt-ȧ per-sen ȧmi tches-ȧ em-khet

Я собрал свои члены, они вышли из меня самого после того, как

hat-nȧ em khefā-ȧ i-nȧ

я соединился со своей сжатой в кулак рукою, пришло ко мне (?)

ȧb-ȧ em ṭet-ȧ āaāa kher em

мое сердце (или желание) из моей руки. Семя, [которое] упало в

re-ȧ ȧshesh-nȧ Col. xxix. 1. *em Shu ṭāf-nȧ*

мой рот, я выплюнул в форме Шу, я изрыгнул воду

em Ṭāfnut kheper-nȧ em neter uā neteru

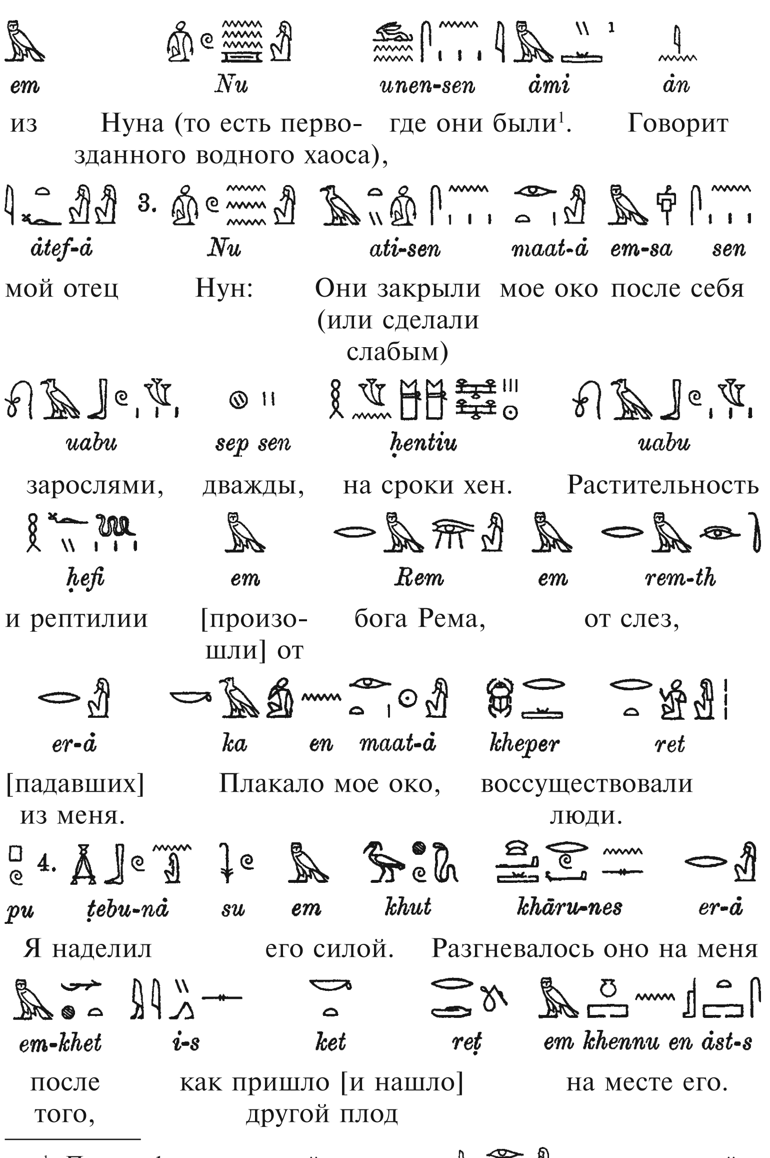
в форме Тефнут, я стал из бога одного богами

khemt pu er-ȧ kheperiut em

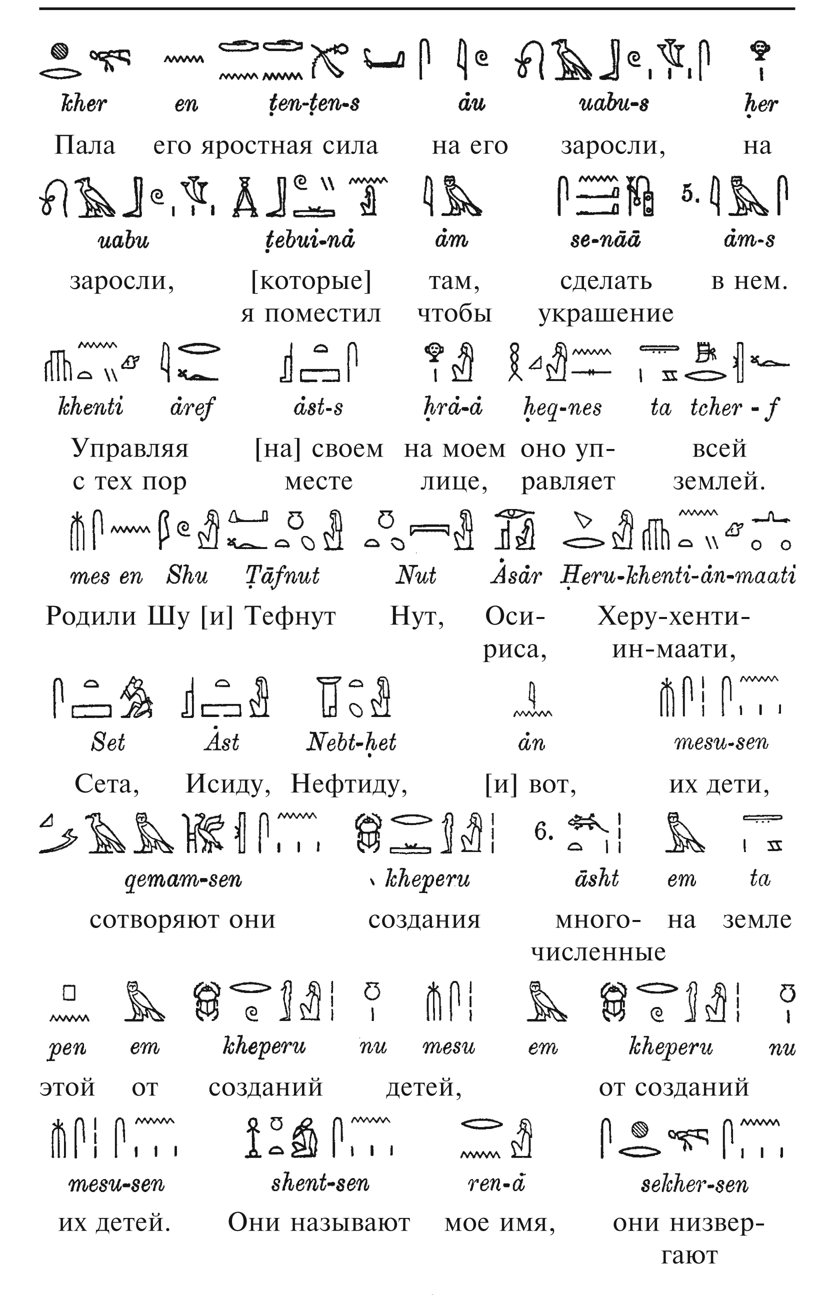
тремя, ибо из меня самого два бога вос- существовали на

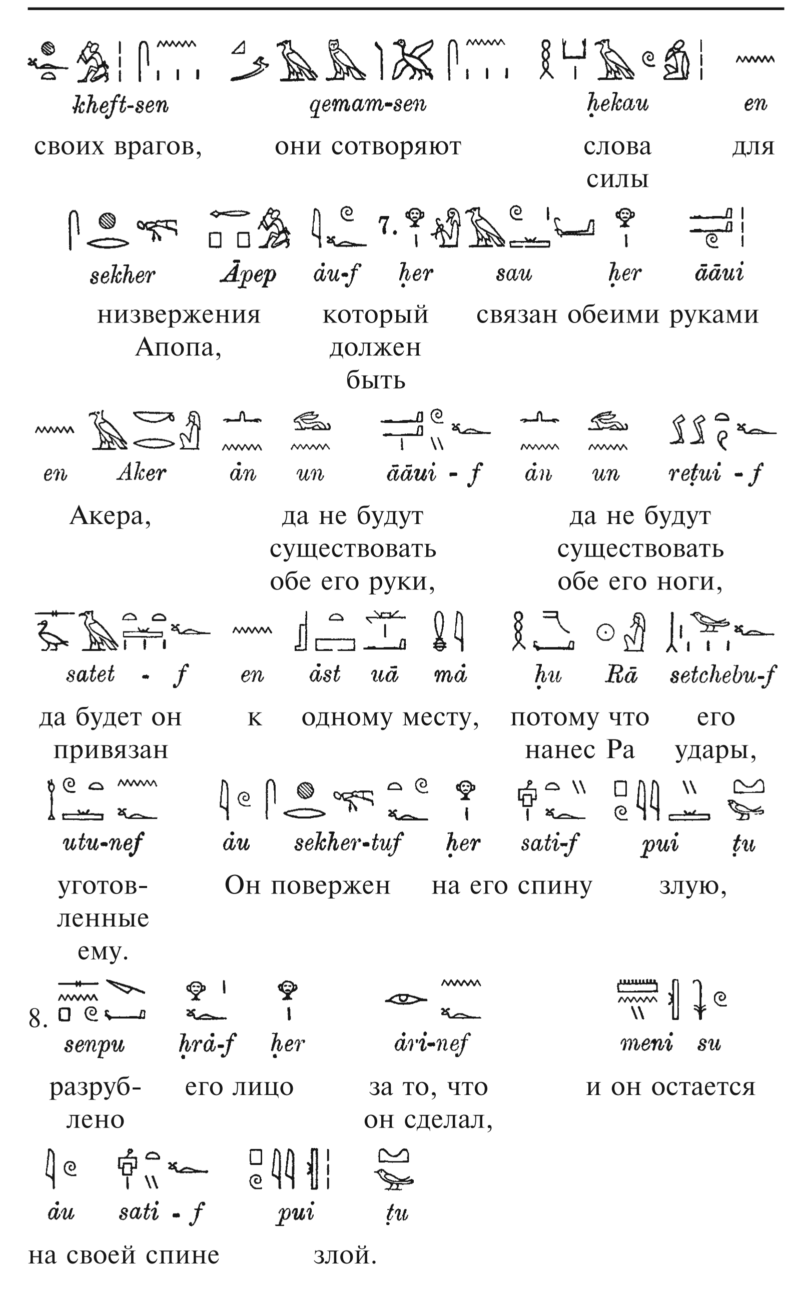
ta pen ḥāā 2. *ȧref Shu Ṭāfnut*

земле этой. Были подняты тогда Шу и Тефнут

[1] Параграф, начинающийся словами и оканчивающийся словами , по всей видимости, повторяется в папирусе случайно.

kher en ṭen-ṭen-s àu uabu-s ḥer
Пала его яростная сила на его заросли, на
uabu ṭebui-nà àm se-nāā 5. àm-s
заросли, [которые] я поместил там, чтобы сделать украшение в нем.
khenti àref àst-s ḥrà-à ḥeq-nes ta tcher-f
Управляя с тех пор [на] своем месте на моем лице, оно управляет всей землей.
mes en Shu Ṭāfnut Nut Àsàr Ḥeru-khenti-àn-maati
Родили Шу [и] Тефнут Нут, Осириса, Херу-хенти-ин-маати,
Set Àst Nebt-ḥet àn mesu-sen
Сета, Исиду, Нефтиду, [и] вот, их дети,
qemam-sen kheperu 6. āsht em ta
сотворяют они создания многочисленные на земле
pen em kheperu nu mesu em kheperu nu
этой от созданий детей, от созданий
mesu-sen shent-sen ren-ă sekher-sen
их детей. Они называют мое имя, они низвергают

kheft-sen *qemam-sen* *ḥekau* *en*

своих врагов, они сотворяют слова силы для

sekher *Āpep* *àu-f* *ḥer* *sau* *ḥer* *āāui*

7. низвержения Апопа, который должен быть связан обеими руками

en *Aker* *àn* *un* *āāui-f* *àn* *un* *reṭui-f*

Акера, да не будут существовать обе его руки, да не будут существовать обе его ноги,

satet-f *en* *àst* *uā* *mà* *ḥu* *Rā* *setchebu-f*

да будет он привязан к одному месту, потому что его нанес Ра удары,

utu-nef *àu* *sekher-tuf* *ḥer* *sati-f* *pui* *ṭu*

уготовленные ему. Он повержен на его спину злую,

8. *senpu* *ḥrà-f* *ḥer* *àri-nef* *meni* *su*

разрублено его лицо за то, что он сделал, и он остается

àu *sati-f* *pui* *ṭu*

на своей спине злой.

Глава 9

БОГ СОЛНЦА РА
И ЕГО ФОРМЫ

Во времена династического периода египтяне называли бога солнца Ра. Он считался создателем, творцом всего, что мы видим вокруг, богов на небе, а также и самого неба, Дуата (или загробного мира) и всех его обитателей. Изначальное значение этого имени неизвестно, но одно время в Египте, судя по всему, полагали, что слово *ра* имеет значение «действующая созидательная сила». В качестве имени собственного оно означало «Творец». Ту же идею подразумеваем и мы, называя так Господа Бога, Создателя небес, земли и всего сущего. Поклонение солнцу в Египте уходит корнями в древнейшие времена. Оно было распространено повсеместно. Почитание его изначально было связано с культом бога-сокола Херу, который олицетворял «высоту» небес и считался символом солнца. Культ Херу является самым древним в Египте, и, строго говоря, именно с него, а не с Ра следовало бы начать анализ. Однако Ра со своими воплощениями был величайшим божеством египтян, его можно рассматривать как истинного «отца богов». Формы Ра и мифы о нем более важны, чем мифы о Хоре. Бога Ра обычно изображают в виде человека с головой сокола, но иногда он представлен просто в виде сокола. На голове у него помещается его символ, то есть солнечный диск, окруженный змеей *ахет*, о которой мы уже упоминали. Когда у Ра человеческое тело, то в правой руке он держит знак жизни, а в левой скипетр. С пояса его туники свисает хвост — часть мужского одеяния, унаследованная от додинастического периода. С практической точки зрения Ра был старейшим из всех египетских богов. Появление солнечного диска из вод Мирового океана стало первым этапом сотворения мира. С первого восхода солнца начался отсчет времени, но египтяне никогда не предпринимали попыток объяснить, когда именно, то есть сколько

лет назад, произошло это событие. Если они говорили, что та или иная вещь существовала «со времен Ра»[1], это означало, что она была всегда.

Египтянам, знающим, что солнце — это огонь, было несколько затруднительно объяснить тот факт, что оно поднималось в небо прямо из воды и туда же спускалось. Тогда они придумали, что солнце путешествует по водам в ладье или в нескольких ладьях. Собственно говоря, они верили, что первую часть пути оно совершает на одной ладье, а вторую — на другой. Утренняя ладья солнца называлась Манджет, то есть «становящаяся сильной», а вечерняя — Месектет, то есть «становящаяся слабой». Эти же названия использовались для восходящего и заходящего солнца[2].

Согласно легенде, путь Ра по небу был определен при сотворении мира богиней Маат, которая являлась воплощением таких понятий, как «правильность», «справедливость», «закон», «неизменный порядок» и т. д. Несомненно, именно неизменное ежеутреннее появление солнца в небе и приносимые им каждый день тепло и свет поражали первобытных людей и заставляли их поклоняться светилу. Пересекая ночью Дуат, или загробный мир, Ра, по мнению египтян, в определенных местах покидал свою ладью и пользовался другими, среди которых была даже представлявшая собой тело змея. Согласно одному из представлений, Ра менял ладью каждый час дня и ночи, но, по самым древним верованиям, их было всего две. В путешествии Ра сопровождали несколько богов, в обязанности которых входило управлять ладьей, чтобы она благополучно добралась от восточной части неба до того места, где Ра входил в Дуат. Курс прокладывали бог Тот и его женское дополнение — богиня Маат. Они стояли по обе стороны от Хора, который был рулевым, а также капитаном. Перед ладьей Ра с каждой стороны плыли две рыбы Абджу, и Инет[3].

1 .

2 См. Унис, 292.

3 Книга мертвых (Папирус Ани, илл. 1, строка 15).

Однако, судя по мифологическим и религиозным текстам, дошедшим до нас, ни вся власть Ра, ни сила богов, находившихся рядом с ним, не могли предотвратить нападение чудовищ и демонов, которые пытались помешать движению ладьи.

Главными среди этих монстров были змеи Апоп, Себиу и Ник. Самым злобным и опасным из них считался Апоп. В династический период Апоп являлся воплощением мрака самого темного часа ночи, с которым Ра не просто должен был сразиться, но и победить, чтобы утром взойти на востоке. Изначально Апоп олицетворял непроглядную тьму, окутывавшую водное пространство Нуна и мешавшую солнцу пробиться наверх, выйти из инертной среды, где оно пребывало. Апоп часто упоминается в Книге мертвых, но скорее в моральном, нежели физическом аспекте. В главе XXXIX умерший произносит: «Изыди, демон, перед стрелами его лучей. Ра низверг твои слова, боги отвернули твое лицо назад. Рысь Мафдет разорвала твою грудь, богиня-скорпион набросила на тебя путы, и Маат предопределила твое разрушение. Те, кто на путях, низвергли тебя. Пади ниц и удались, о Апоп, ты — враг Ра». Далее умерший говорит: «Я принес тебе путы, о Ра, и Апоп пал, потому что ты стянул их туго. Боги Юга и Севера, Запада и Востока сковали его цепями и связали его путами. Бог Рекес низверг его, и бог Хертит сковал его цепями. О Апоп, ты — враг Ра, никогда ты не испытаешь восторгов любви, никогда ты не утолишь свое желание! Он заставляет тебя отступить, о ты, ненавистный Ра. Он смотрит на тебя. Отступи! Он пронзает твою голову, он рассекает твое лицо, он разделяет твою голову там, где соединяются ее кости, и она расколота в земле твоей, кости твои раздроблены на куски, члены твои отрублены, и бог Акер исполнил над тобой приговор судьбы».

Из «Книги низвержения Апопа» (папирус Нес-Мина) мы получаем информацию о сокрушении чудовища. Это произведение ежедневно исполнялось в храме Амона-Ра в Фивах. Первая книга состоит из следующих глав: 1. Глава о прон-

зании Апопа; 2. Глава об осквернении Апопа левой ногой; 3. Глава о взятии копья для пронзания Апопа; 4. Глава о сковывании Апопа; 5. Глава о взятии ножа для пронзания Апопа; 6. Глава о поджигании Апопа. Следующие книги подробнейшим образом описывают, как именно уничтожают Апопа, порой детали несколько утомительны. Согласно Книгам, чудовище, которое называется то крокодилом, то змеем, сначала пронзают копьем, затем протыкают кинжалами, и каждая часть его тела отделяется от другой раскаленными докрасна ножами. Отрезаются голова, лапы, хвост и т. д. Останки его следовало поджечь и зажарить, и в конце концов их пожирало пламя. То же самое проделывали и с помощниками Апопа и со всеми их составляющими, то есть их тенями, душами, двойниками и духами. Они должны были быть полностью уничтожены, как и любое их возможное потомство. Одного только произнесения заклинаний, направленных на низвержение Апопа и его демонов, было недостаточно. Большое внимание уделялось различным магическим обрядам, призванным помочь не только Ра, но и тем, кто поклонялся ему на земле. Считалось, что Апоп хитер и творит зло. Как и Ра, он обладал множеством имен. Чтобы его победить, необходимо было проклясть его, назвав каждое из них. Дабы ни одно имя не было пропущено, в папирусе Нес-Мина приводится их список. Поскольку они являются основой для многих магических имен, которые встречаются в папирусах в дальнейшем, они здесь перечислены: 1. Нешд. 2. Джуджу. 3. Хау-Хери. 4. Хемхемти. 5. Кеджу. 6. Кернеру. 7. Иубани. 8. Амам. 9. Хем-таиу. 10. Сиадетта. 11. Хермути. 12. Кенememти. 13. Шета. 14. Сереем-тауи. 15. Сехем-хери. 16. Унти. 17. Кариу-инемемти. 18. Хесеф-хери. 19. Себа-нет-себа. 20. Хак-иб. 21. Ханер...уаа. 22. Наи. 23. Ам. 24. Туррупа (?). 25. Иубау. 26. Уаи. 27. Харубу, четырежды мерзкий. 28. Сау. 29. Беджешу[1].

[1] 1. . 2. . 3. . 4. . 5. . 6. . 7. . 8. . 9. . 10. . 11. . 12. . 13. . 14. . 15. . 16. .

В египетских текстах нет рассказа о первом сражении Ра с Апопом, но из «Книги низвержения Апопа» ясно, что оно некогда произошло. То, как бог солнца уничтожил своего врага, напоминает победу Мардука над Тиамат. Корни ассирийской легенды, несомненно, берут начало в шумерской культуре и уходят в глубокую древность. Вполне вероятно, что и шумерское, и египетское предания происходят из одного и того же общего для обоих народов источника. Согласно ассирийскому варианту, Мардук был вооружен непобедимой булавой, которую дали ему боги, а также луком, копьем, сетью и кинжалом. Молния была перед ним, и пламя ярости наполняло его тело. У него были Четыреждымощный и Семишквальный ветры. Мардук схватил молнию и взобрался на колесницу, запряженную четырьмя быстрыми огненными конями, которые сокрушали своими копытами все, что попадалось им на пути. Когда он добрался до места, где находилась Тиамат, Кингу, находившийся во главе ее войска, задрожал от страха, но сама Тиамат «стояла непоколебимо, не склоняя головы». После обмена бранными словами начался бой. Тиамат произнесла свое заклинание, но оно не возымело никакого действия, поскольку Мардук опутал ее сетью и впустил ветры, которые были с ним, в ее тело. Когда она раздулась, он метнул в нее копье и пронзил ее до самого сердца, проткнул ее внутренности и размозжил булавой ее череп. Встав на тело Тиамат, он разрубил его кинжалом, «как рыбу на две половины», и из одной части сделал небесный свод. За исключением этого момента, каждая деталь ассирийской легенды повторяет египетский текст о Ра и Апопе. Сходство с этим сражением можно обнаружить и в апокрифическом сочинении «Бэл и дракон». Оно гласит, что и бог, и чудище почитались в Вавилоне, но змей был побежден посредством

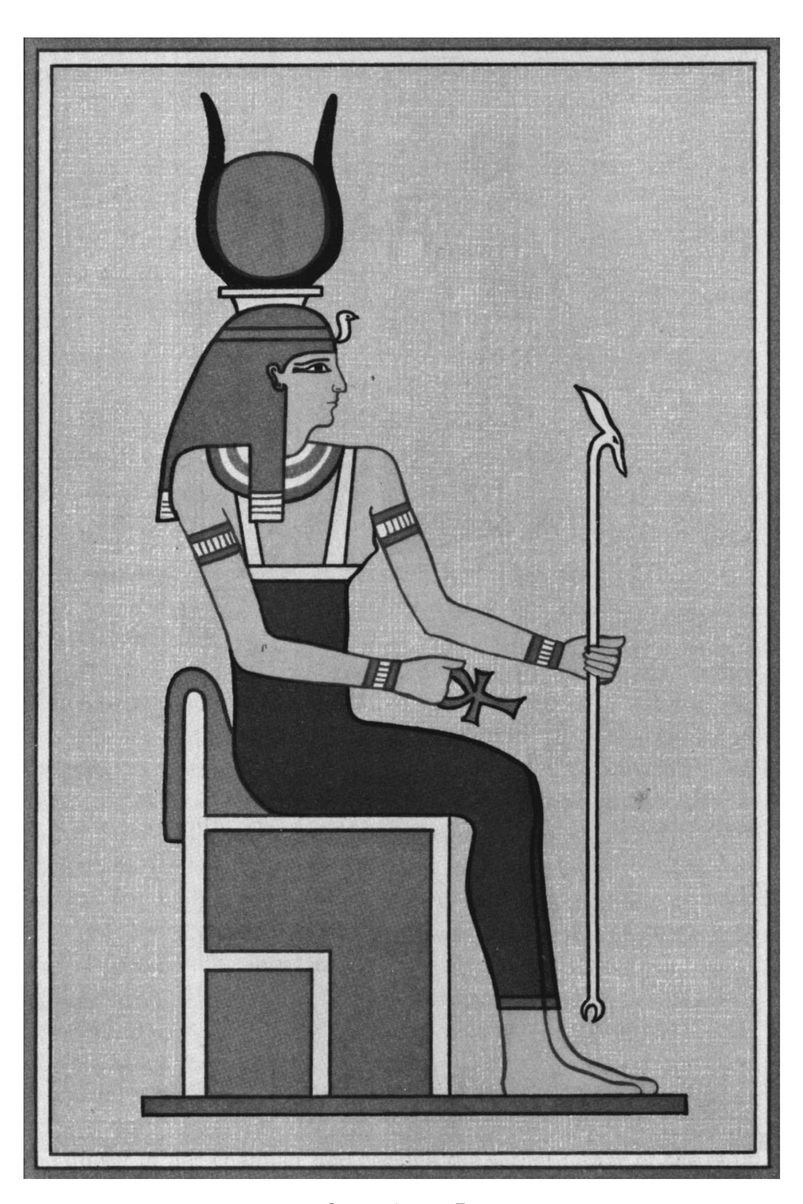
---

17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29.

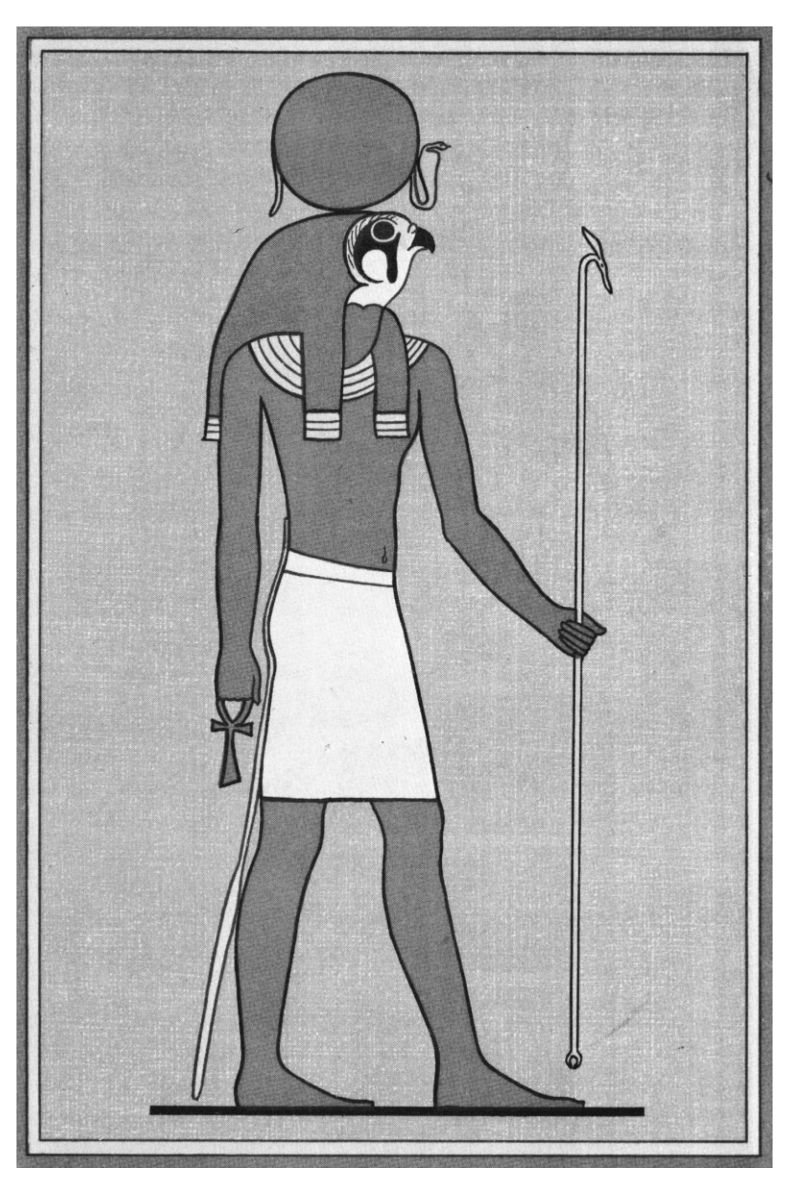
смеси смолы, жира и волос, которую засунули ему в рот, — таким образом монстра разорвало. В египетских папирусах Апоп обычно изображается в виде змея, в каждый извив которого вонзен нож. В «Книге врат» (см. выше) Апоп изображен с цепью, стянутой вокруг шеи. Вдоль цепи вытянулась богиня-скорпион Серкет. Конец цепи держит в руках некое божество, а змей прикован к земле еще пятью цепями.

Мы уже упоминали, что Ра называли «отцом богов». Уже в период V династии у него появилось женское дополнение — богиня, считавшаяся матерью богов. В текстах пирамиды Униса (строка 253) она носит имя Рат, позднее ее стали величать «Рат обеих земель, владычица неба, госпожа богов». Также ее называли «Владычицей Гелиополя». Ее полное имя, возможно, было Рат-тауит, то есть «Рат мира». Ее изображают в виде женщины с диском, увенчанным рогами, и уреем на голове. Иногда над диском располагаются два пера. Атрибуты богини неизвестны, но не похоже, чтобы она считалась главнее любой другой великой богини.

В династический период основным центром почитания Ра в Египте был город Иуну, или Ин, который евреи называли Оном, а греки — Гелиополем. Местоположение его отмечено деревней Матария, которая находится приблизительно в пяти милях к северо-востоку от Каира. Этот город был известен как Иуну Мехет, то есть Северный Иуну, в отличие от Иуну Кемау, то есть Южного Иуну, или Гермонта. У ранних христиан большое значение имело масло, получаемое из росших здесь деревьев. Было распространено поверье, что в знаменитом Источнике солнца Дева Мария стирала одежды своего Сына. Древние египтяне также верили, что каждый день на рассвете Ра купался в определенном озере или пруду поблизости. О зарождении и становлении культа Ра в Гелиополе нам ничего не известно, но с уверенностью можно утверждать, что во времена V династии жрецы Ра уже утвердились в этом городе и обрели большую власть. Как свидетельствует папирус Весткар, Усеркаф, первый фараон из этой династии, был верховным жрецом Ра, и имен-

Отец богов Ра

Амон-Ра-Херу-Хути

но он первым стал добавлять слова «сын Солнца» к титулатуре египетских царей. До этого каждый фараон носил следующие имена: 1. Имя как потомка или слуги Хора; 2. Имя как потомка или слуги Сета; 3. Имя как владыки святилищ Нехбет и Уаджет ; 4. Имя как царя Севера и Юга . Усеркаф ввел титул «сын Солнца» , за которым всегда следовал второй картуш. С тех пор им обладал каждый египетский фараон. Согласно папирусу Весткар, Усеркаф и два его наследника, Сахура и Какаи, были сыновьями Ра от Реддедет — жены жреца Ра Сахабу . Им помогли родиться бог Хнум и богини Исида, Нефтида, Месхенет и Хекет, и они же провозгласили, что эти мальчики должны стать правителями Египта.

Это предание имеет большое значение не только потому, что показывает, в каком порядке наследовали трон три первых фараона V династии, но и потому, что содержит доказательство того, что в Древнем царстве цари Египта верили, будто они являются сыновьями бога солнца Ра. Согласно традиции считалось, что Ра некогда царствовал в Египте, и всегда находилось подтверждение, что в жилах любого фараона, взошедшего на египетский престол, течет кровь Ра или что он имеет право на трон, поскольку связан с Ра через свой брак. Рельефы царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, а также Аменхотепа III в Луксоре или Клеопатры VII в храме в Гермонте (теперь, увы, разрушенном!) показывают, как Ра или Амон-Ра становился отцом царей и цариц Египта. Мы видим, что, когда род фараона нуждался во вливании божественной крови, Ра принимал облик царя, правившего в то время Египтом, и входил к его царственной супруге. Таким образом, он становился фактическим отцом ее ребенка. Родившийся младенец считался воплощением божества, и по прошествии определенного времени его с соответствующими церемониями представляли Ра или Амону-Ра в храме, где бог принимал его и признавал своим сыном. Это хитроумное изобретение жрецов Ра давало им в руки огромную власть, но подобное теократическое правление не всегда было хорошо для Египта (однажды оно привело к падению дина-

стии). Впервые жрецы Ра пришли к власти в начале V династии, когда его культ стал главным в стране. Во времена Усеркафа в честь бога был возведен ряд святилищ, объединивших в себе основные черты низкой прямоугольной могилы, известной под арабским названием «мастаба», то есть «скамья», и пирамиды. Однако, согласно профессору Зетэ, обычай строить подобные храмы существовал всего около ста лет, то есть от Усеркафа до Мен-кау-Херу. Так или иначе, жрецам Гелиополя удалось сделать культ Ра главенствующим среди культов большинства других богов и вобрать в принятую ими теологическую систему всех более или менее важных местных богов, отодвигая их при этом на второстепенные позиции.

Изначально в Гелиополе почитался бог Атум, которому поклонялись в особом храме. Жрецы объединили его свойства со свойствами Ра и создали двойное божество — Ра-Атума (Унис, 222). К концу правления VI династии власть служителей Ра пошла на убыль. Только во времена Сенусерта I (ок. 2433 г. до н. э.) святилище в Гелиополе было восстановлено или, возможно, отстроено заново. Царь посвятил возведенный им храм самому Ра и двум его формам — Хору и Атуму. Предполагалось, что они воплощались в знаменитом быке Мневисе, которому в Гелиополе поклонялись так же, как Апису в Мемфисе. Перед храмом были установлены два массивных гранитных обелиска высотой 66 футов каждый, пирамидионы которых были покрыты медью. Они стояли на этом месте еще в 1200 г. до н. э. В промежутке между XII и XX династиями о Гелиополе практически нет упоминаний. Следующая стадия восстановления храмовых построек началась при Рамсесе III, который выделил большие средства для поддержания культа Ра и оказал внимание его жрецам и слугам. Пианхи, завоевав Египет около 750 г. до н. э., после взятия Мемфиса посетил Гелиополь на пути к горе Хер-аха и совершил ритуальные омовения в «Озере прохладной воды». Он омыл лицо в «молоке Нуна, где обыкновенно омывал свой

лик Ра»[1]. Это «Озеро», без сомнения, было тем самым Источником солнца, о котором мы уже упоминали.

В месте, называемом Шаи-ка-эм-Иуну[2], он «принес богатые жертвы Ра в Ша-ка-эм-Имену на рассвете, а именно: белых быков, молоко, мазь *анти*, ладан и благоуханную древесину, а затем направился в храм Ра и, входя туда, склонился низко в знак почитания бога.

Главный жрец *херихеб* вознес молитвы за царя, дабы тот победил своих врагов. Затем, совершив обряд, связанный со «Звездной комнатой», он взял пояс *седеб*, очистился благовониями, совершил возлияние, когда принесли ему цветы, что приносятся в Хут-Бенбенет[3].

Он взял цветы и поднялся по ступеням [ведущим] в «великую обитель», чтобы узреть Ра в Хут-Бенбенет. Он стоял там [наверху] один, он отодвинул засов, он отворил двери [обители] и узрел отца своего Ра в Хут-Бенбенет. Он поклонился ладье Ра *Манджет* (то есть Ладье восходящего солнца) и ладье Атума *Месектет* (то есть Ладье заходящего солнца). Затем он затворил двери снова, и, приложив к ним глину для запечатывания, он запечатал их печатью самого царя. Затем призвал он жрецов, [сказав]: «Я поставил [свою] печать здесь, пусть же никакой другой царь не войдет сюда [или] не встанет здесь». И они распростерлись ниц перед его величеством, говоря: «Да будет Хор, любящий Иуну (Гелиополь), силен и крепок, да не окончатся дни его». И царь вошел в храм Атума, и совершил он все обряды и службы, посвященные поклонению отцу Атуму-Хепри, князю Иуну».

Из вышесказанного ясно, что священные ладьи Ра хранились в своего рода деревянной молельне с двумя дверца-

---

[1] (Стела Пианхи, 102).

[2]

[3] То есть в святилище, или святая святых, храма Ра.

ми, которые запирались на засов. По их изображениям мы точно знаем, что в ладье Манджет находилась статуя Ра с головой сокола, а в ладье Месектет — статуя Ра с человеческой головой. В тексте сказано, что молельня располагалась на вершине лестницы. Этого вполне можно было ожидать, поскольку нам известно, что она должна была олицетворять высокий холм в городе Хемену (Гермополе) или поблизости него. На нем Ра стоял в тот день, когда вышел из вод Нуна, до того, как были установлены столбы Шу. В Книге мертвых это возвышение называется «*Кака* в Хемену». В период захвата Египта персами благосостояние гелиопольских жрецов упало. Источники сообщают, что позднее, в правление Птолемея II (285—247 гг. до н. э.), многие из них нашли пристанище в Александрии, где их уважали за ученость. Считается, что Солон, Фалес и Платон посещали великую школу Гелиополя и что последний действительно там учился, а также что Манефон, жрец из Себеннита, написавший историю Египта для Птолемея II на греческом языке, собирал материалы для нее в библиотеке жрецов Ра. Однако еще до наступления нашей эры слава Гелиополя давно миновала, храмы его лежали в руинах, и посещали их лишь те, кому требовались камни или тому подобные полезные вещи, которые могли пригодиться при строительстве или в хозяйстве.

Теперь уделим немного внимания сути того учения, которое являлось основополагающим для жрецов Гелиополя. Прежде всего, оно провозглашало абсолютную власть Ра над всеми богами, делало его главой каждой группы богов, но при этом не отрицало божественности более древних богов Египта. Основным источником для изучения гелиопольской доктрины служат неоднократно упоминавшиеся здесь Тексты пирамид. По ним мы видим, какую изобретательность и такт проявили жрецы Ра, включая в свою религию более древние культы Египта вместе с их магическими обрядами и ритуалами. Они не пытались запретить их, напротив, позволяли их проведение при условии, что местные жрецы при-

знают главенство Ра над своими богами. Так, Осирис, Исида и сопутствующие им божества были включены в Великую эннеаду Гелиополя, а теологическая система жрецов Осириса смешалась с системой жрецов Ра. О происхождении поклонения Осирису ничего не известно, но и сущность божества, и ритуалы, которыми сопровождались празднования в его честь, позволяют предположить, что культ Осириса был знаком жителям Египта додинастического периода. Вера в Богочеловека, воскресшего из мертвых и ставшего судьей и царем в загробном мире, утвердилась в сознании египтян с древнейших времен. И хотя идея рая с земными наслаждениями, который был обещан всем поклоняющимся Осирису, возможно, и не нашла полного одобрения у утонченных и культурных жителей Египта, но была молчаливо принята ими как должное и рассматривалась большинством людей в качестве религиозного наследия предков. С другой стороны, жрецы Ра провозглашали, что души блаженных после смерти отправляются в ладью Ра, и если им удастся взойти на нее, то их ожидает вечное счастье. Никакие демоны не смогут достать их, и никакие враги не смогут напасть на них, покуда они занимают места в «Ладье миллионов лет». Они питаются пищей богов, и эта пища — свет. Они одеты в свет, и их обнимает бог света. Вместе с Ра в его ладье они минуют все опасности Дуата. Каждое утро, когда бог поднимается на небо, они могут бродить там же или навещать свои дома на земле. Однако они должны не забыть снова занять свои места в ладье до наступления ночи, когда злые духи обретают большую власть и могут ранить или даже убить души, не сумевшие вовремя добраться до ладьи.

Несмотря на то что жрецы Ра в период Древнего царства и жрецы Амона-Ра в период Среднего и Нового царств пользовались поддержкой величайших царей и цариц, когда-либо занимавших египетский трон, им так и не удалось уничтожить веру в Осириса, бытовавшую среди большей части населения, поскольку предлагаемая ими идея рая носила куда более отвлеченный характер, нежели идея рая Осириса. Материалистическая сторона натуры египтян не хотела отказываться от мысли о Поле Покоя, расположенном рядом

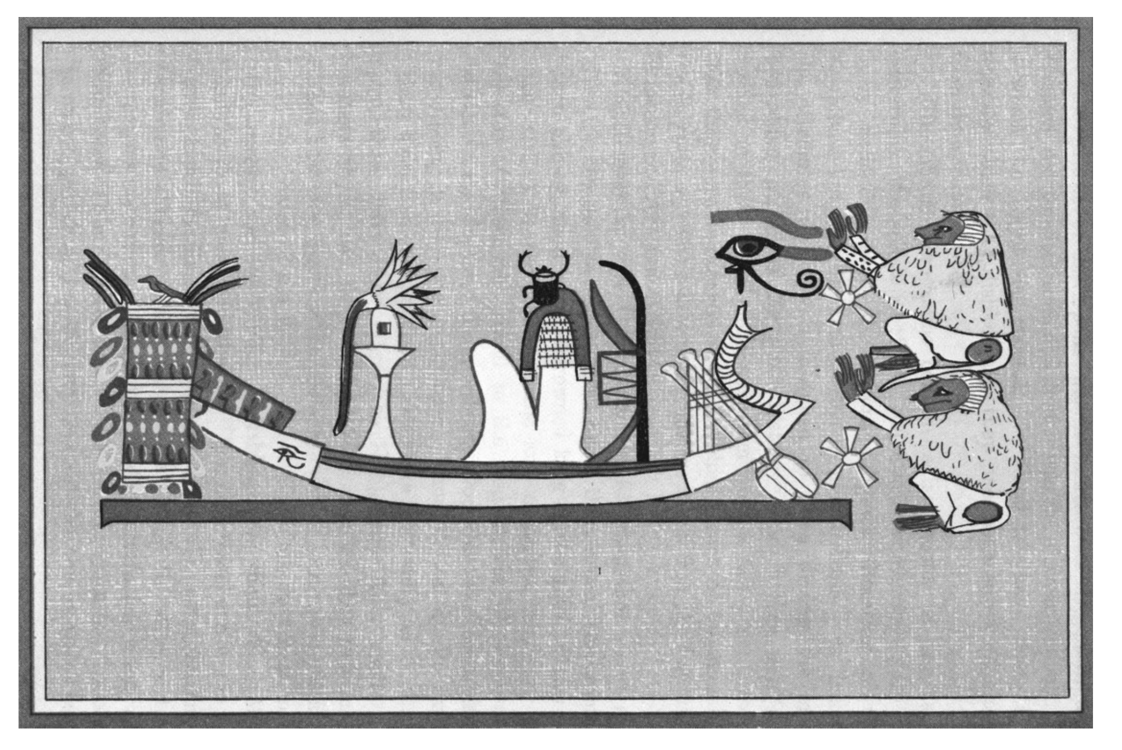
с Полем Тростника и Полем Кузнечиков[1]. Здесь в изобилии росли пшеница и ячмень, у человека могли быть свои виноградники, фиговые деревья и финиковые пальмы, здесь его ждали его родители, и жизнь была более приятной, чем на земле.

Учение о царстве света, в котором и еда, и питье, и одежда — все было светом, а также идея превращения в существо света и вечного пребывания среди таких же созданий света не находили у них отклика. Результатом этого противоречия стало постоянное соперничество между жрецами Ра и жрецами Осириса. В конце концов победило учение Осириса, и ему были приписаны качества бога солнца. Рассуждая о противостоянии культов Ра и Осириса, нельзя не задаться вопросом, в чем же причина столь сильного противодействия, которое встретили жрецы Ра со стороны египтян. Судя по всему, в этой доктрине содержалось нечто такое, что было совершенно чуждо этому народу. В Гелиополе всегда жили люди разных национальностей. Это делало город чрезвычайно удобным местом для тех, кто путешествовал из Аравии и Сирии в Египет и наоборот. В таком случае весьма вероятно, что учение о Ра в том виде, в каком преподносили его гелиопольские жрецы, было смесью египетского и западноазиатских учений и что именно его азиатский элемент вызывал у египтян такое неприятие. Дело было отнюдь не в самом культе солнца, поскольку они являлись солнцепоклонниками с незапамятных времен.

Все сказанное выше о поклонении Ра и Осирису является умозаключениями, которые мы сделали из существующей религиозной литературы египтян. Теперь настало время самим гимнам, посвященным этим божествам, поведать о свойствах, которые приписывались им в период наибольшего расцвета Египта. Данным богам было адресовано больше гимнов, чем любым другим. Это служит доказательством того, что именно к ним прибегали египтяне, чтобы спасти свои души. Следующие гимны взяты из папирусов Хунефера, Ани и Нахта.

---

[1] [иероглифы] Книга мертвых. CXXV, 19.

Бог Хепер, сидящий в своей лодке

«Почтение тебе, о ты, кто есть Ра, когда встает, и Атум, когда садится. Ты встаешь, ты встаешь, ты сияешь, ты сияешь, ты — венчанный царь богов. Ты — господин неба, ты господин земли, ты создатель тех, кто обитает в высотах, и тех, кто обитает в глубинах. Ты Бог Единственный, воссуществовавший в начале времен. Ты сотворил землю, ты создал человека, ты создал водное пространство неба, ты создал Хапи (Нил), ты сотворил водное пространство, ты дал жизнь всему, что в нем. Ты соединил вместе горы, ты сделал, чтобы воссуществовали люди и звери полевые, ты сотворил небо и землю. Славься тот, кого Маат обнимает утром и вечером. Ты путешествуешь по небу с сердцем, исполненным радости... Змей-демон Ник повержен, и обе его руки отрублены. Ладью Месектет сопровождают добрые ветры, и сердце того, кто в святилище, радуется. Ты венчанный князь небес, и ты Единственный одарен [всеми] из тех, кто сошел с неба. Ра — это тот, чье произнесенное слово должно воплотиться в приказ. О ты, божественное дитя, ты наследник вечности, ты саморожденный, ты, который родил сам себя! О ты, Единственный, ты, обладающий бесчисленными обликами и формами, Царь мира, Князь Иуну (Гелиополя), господин бесконечности и владыка вечности, боги радуются, когда ты восходишь и плывешь по небу. О ты, возносящийся в ладье Месектет» (из папируса Хунефера, лист 1).

«Приветствие тебе, Диск, ты владыка лучей, который восходит на горизонте день за днем! Почтение тебе, о Хорахти, который есть бог Хепри, сотворивший сам себя. Когда восходишь ты на горизонте и посылаешь свои лучи света на земли Севера и Юга, ты прекрасен, воистину прекрасен, и все боги радуются, когда видят тебя, Царь небес. Богиня Небет-уннут утвердилась на твоей голове, и ее уреи Юга и Севера над челом твоим; она заняла свое место перед тобой. Бог Тот утвердился на носу ладьи твоей, чтобы сокрушить всех твоих врагов. Те, кто в Дуате, выходят встречать тебя и склоняются в почтении, когда подходят к тебе, дабы узреть твой прекрасный облик. И я пришел к тебе, чтобы быть с тобой и видеть Диск твой каждый день. Да не буду я заперт [в гробнице], да не вернут меня обратно, да обновятся члены мои, когда увижу я твои красоты, так же как [те, что]

любимы тобой, ибо я из тех, кто поклонялся тебе на земле. Да приду я в страну вечности, да приду я также в страну бесконечности, ибо вот то, что уготовил ты мне, о господин мой.

Почтение тебе, о ты, кто восходит на горизонте как Ра, ты опираешься на закон неизменный и неколебимый. Ты проходишь по небу, и каждый созерцает тебя и путь твой, так как был ты сокрыт от взглядов их. Ты показываешься на рассвете и вечером день за днем. Ладья Месектет, когда в ней твое величество, испускает свет; твои лучи на всех лицах; [число] красных и желтых лучей твоих невозможно узнать, о ярких лучах твоих нельзя рассказать. Земли богов и земли Пунта должны быть видимы прежде, чем те, что скрыты [в тебе], будут измерены. Один и сам по себе явился ты, когда воссуществовал над Нуном. Да выйду я, так же как ты выходишь. Да не перестану я двигаться, так же как ты не перестаешь двигаться, даже на мгновение; ибо за шаг, который совершаешь ты в мгновение, проходишь ты расстояние, на которое [человеку] нужно миллионы и миллионы лет, [это] делаешь ты и затем удаляешься на покой. Ты оканчиваешь часы ночи, и ты пересчитываешь их, ты оканчиваешь их в тобою же назначенное время, и земля становится светлой. Ты являешься там перед работой своей в обличье Ра, [когда] ты восходишь на горизонте.

Ты увенчан величием своих красот; ты вылепляешь члены свои, пока идешь вперед, ты рождаешь их без родовых мук в обличье Ра, пока восходишь в небе. Милостью твоей взойду я в небо, которое вечно, и на гору, где живут любимые тобой. Да присоединюсь я к тем существам сияющим, священным и совершенным, которые в загробном мире; и да приду я вместе с ними узреть красоты твои, когда ты сияешь вечером и отправляешься к матери своей Ну. Ты помещаешь себя на западе, и обе руки мои [подняты] в знак поклонения тебе, когда являешься ты как живое создание. Взгляни, ты создатель вечности, поклоняются тебе, когда являешься ты в небе. Отдал я сердце свое тебе без колебаний, о ты, который могущественен более, чем боги. Гимн хвалы тебе, о ты, который восходит как в золоте и который наводняет мир светом дня твоего рождения. Твоя мать рождает тебя, и ты

даришь свет по пути Диска. О ты, великий Свет, что сияет в небесах, ты даешь силу людям, разливая Нил, и ты даришь радость всем землям, всем городам и всем храмам. Славишься ты своим великолепием, и наполняешь ты силой своего Двойника с помощью божественной пищи. О ты, могучий победами, ты, который есть Сила Сил, который укрепляет престол свой от злых демонов, славный величием своим в ладье Месектет, всемогущий в ладье Атет, исполни меня славой словами, которые, будучи произнесены, должны иметь силу в загробном мире. Да пребуду я милостью твоей в загробном мире без зла. Молю тебя оставить проступки мои позади тебя; милостью твоей да буду я одним из верных слуг твоих, тех, что с сияющими. Да присоединюсь я к душам, которые в Та-чесертет, и да отправлюсь я в Сехет-Иару по благоприятному и счастливому повелению» (папирус Ани, лист 20 и далее).

«Почтение тебе, о ты, сияющее создание, ты, наделенный всеми формами, о Атум-Хорахти, когда восходишь ты на горизонте неба, крик радости доносится до тебя из уст всех людей. О ты, прекрасное создание, ты обновляешься в свое время в обличье Диска внутри матери твоей Хатхор, тогда в каждом месте каждое сердце наполняется радостью от вечного восхождения твоего. Приходят к тебе с почтением и Север, и Юг, и шлют приветствия тебе, когда восходишь ты на горизонте неба. Освещаешь ты обе земли лучами бирюзового света. О Ра, ты, который есть Хорахти, божественное дитя, наследник вечности, самосозданный и саморожденный, царь земли, князь Дуата, правитель областей Иукерт, выходишь ты из воды, возникаешь ты из бога Нуна, который лелеет тебя и упорядочивает твои члены. О ты, бог жизни, господин любви, все люди живут, когда ты сияешь. Ты венчанный царь всех богов. Богиня Нут почитает тебя, и Маат обнимает тебя во все времена. Те, кто поклоняются тебе, радостно поют тебе и склоняют лбы свои до земли, когда встречают тебя. Ты господин небес, ты господин земли, ты царь Справедливости и Истины, ты господин бесконечности, ты князь вечности, ты владыка всех богов, ты бог жизни, ты творец вечности, ты создатель небес, где ты утвердился.

Боги радуются твоему восхождению, земля веселится, когда видит лучи твои. Люди, которые были давно мертвы, издают крики радости, когда видят твои красоты каждый день. Ты проходишь каждый день по небу и земле и обретаешь каждый день силу от матери своей Нут. Ты путешествуешь по высотам неба, сердце твое исполнено радости... Змей-демон повержен, его руки отрублены, нож пронзает его члены. Ра живет благодаря Маат прекрасной. Ладья Месектет движется вперед и заходит в гавань. Юг и Север, Запад и Восток возносят хвалы тебе, о ты, изначальная сущность земли, кто воссуществовал по собственной воле. Исида и Нефтида приветствуют тебя, они поют песни радости, когда возносится ладья твоя, они защищают тебя своими руками. Души Востока следуют за тобой, души Запада восхваляют тебя. Ты правитель всех богов, и сердце твое в радости в святилище твоем, ибо предан был огню змей-демон Ник, и будет радоваться сердце твое вечно» (папирус Нахта, лист 21).

Еще больше информации содержат Семьдесят пять восхвалений Ра, которые были обнаружены на стенах царских гробниц XIX и XX династий в Фивах. В них перечисляется огромное количество эпитетов и форм Ра. Некоторое представление о них можно получить из следующего перевода.

1. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем[1], господин скрытых кругов [Дуата], создатель форм, ты покоишься в тайных местах и творишь свои дела в форме бога Дамеда (, то есть вселенского божества).

2. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты созидающая сила , которая распростерла свои крылья, которая покоится в Дуате, которая творит вещи, происходящие из его божественных членов.

3. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Татенен, творец богов. Ты тот, кто защищает все, что в нем, и ты создаешь свои творения как Правитель своего Круга.

4. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, смотрящий на землю и освещающий Именти. Ты тот, чьи формы есть

[1] Буквально «сила, власть».

его собственные творения, и ты создаешь свои творения в твоем Великом Диске.

5. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Слово-душа, что покоится в своей вышине. Ты тот, кто защищает своих скрытых духов, и они имеют форму в тебе.

6. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, могучий, отважный лицом, связывающий воедино свое тело. Ты тот, кто собирает вместе своих богов, когда удаляется в свой скрытый Круг.

7. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, взываешь ты к своему Оку и говоришь со своей головой, даришь дыхание душам в местах их, они получают его и имеют формы в нем.

8. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, сокрушивший своих врагов; ты тот, кто предопределяет сокрушение мертвых.

9. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, посылающий свет в свой Круг; ты тот, кто создает тьму в Круге своем, и ты покрываешь тех, кто в нем.

10. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, освещающий тела на горизонтах; ты тот, кто вошел в свой Круг.

11. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, опора Кругов Именет; воистину ты есть плоть Атума.

12. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, скрытая опора Инпу; воистину ты есть плоть Хепри.

13. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, чья жизнь длится дольше, чем жизнь той, чьи формы сокрыты; воистину ты есть тела Шу.

14. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, проводник *себи*) Ра к членам его; воистину ты есть тела Тефнут.

15. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты умножаешь вещи, которые есть вещи Ра в свое время, и воистину ты есть Геб.

16. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, могучий, который ведет счет вещам, которые в нем; воистину ты есть тела Нут.

17. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, господин, который возносится; воистину ты есть Исида.

18. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, голова которого сияет ярче, чем все вещи, что перед ним; воистину ты есть тела Нефтиды.

19. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, объединен он членами своими, Единственный, который собрал вместе все семя; воистину ты есть тела Хора.

20. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты, сияющий, который испускает свет над водами неба; воистину ты есть тела Нуна.

21. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, мститель за Нуна, который выходит из того, что в нем; воистину ты есть тела бога Реми.

22. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты два Урея, у которых [на головах] два пера; воистину ты есть тела бога Хуааити.

23. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты входишь и выходишь, и ты выходишь и входишь в свой скрытый Круг; воистину ты есть тела Ааду.

24. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Душа, которая отбыла в назначенное время; воистину ты есть тела Нечерт.

25. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, который стоит, Душа Единственная, который мстит за своих детей; воистину ты есть тела Нетути.

26. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты поднимаешь голову свою, и ты делаешь смелым чело свое, ты баран, самый могучий из всех сотворенных созданий.

27. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, свет Шу во главе Игерет; воистину ты есть тела Именет.

28. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Душа, которая видит, правитель Именет; воистину ты есть тела двойного Круга.

29. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты душа, которая скорбит, и бог, который плачет [hieroglyphs]; воистину ты есть тела Иакеби [hieroglyphs].

30. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты поводишь рукой своей и восхваляешь свое Око; воистину ты есть тела бога сокрытых членов [hieroglyphs].

31. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Душа, возвысившаяся в двойном скрытом месте [hieroglyphs]; воистину ты есть Хенти-Именти [hieroglyphs].

32. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, многих творений в священном доме; воистину ты есть тела бога Хепрера [hieroglyphs].

33. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты связал врагов своих крепкими путами; воистину ты есть тела Мити [hieroglyphs].

34. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты излучаешь свет в скрытом месте; воистину ты есть тела бога порождения [hieroglyphs].

35. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты, оживляющий тела; ты заставляешь гортани вдыхать воздух; воистину ты есть тела бога Дебати [hieroglyphs].

36. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты собираешь тела в Дуате, и они обретают форму жизни, ты сокрушаешь мерзкие нравы, и воистину ты есть тела бога Серки [hieroglyphs].

37. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Скрытый лик [hieroglyphs], Сешем-Нечерет [hieroglyphs]; воистину ты есть тела Шаи [hieroglyphs].

38. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, всемогущий владыка; ты обнимаешь Дуат; воистину ты есть тела Сехен-Ба [hieroglyphs].

39. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты скрываешь тело свое в том, что внутри тебя; воистину ты есть тела Именхата [hieroglyphs].

40. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, более сильный сердцем, чем те, кто следуют за ним; ты предаешь огню в доме разрушения; воистину ты есть тела бога огня Рекхи .

41. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты посылаешь разрушение, и ты даешь творениям воссуществовать в созданиях твоих в Дуате; воистину ты есть тела Дуати .

42. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Буа-теп , правитель своего Ока; ты излучаешь свет в скрытое место; воистину ты есть плоть Шепи .

43. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Демд-хату, утвердитель Имта ; воистину ты есть тела Демд-хату .

44. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, создатель сокрытых вещей, творец тел; воистину ты есть тела бога Сештаи .

45. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты даешь тем, кто в Дуате, все, что нужно им в скрытых Кругах; воистину ты есть Апер-та .

46. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, члены твои радуются, когда видят тело твое, о Уаш-Ба , когда ты входишь в тело свое; воистину ты есть тела Хаи .

47. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, древняя зеница Ока Уджат, Баи ; ты исполнен величия; воистину ты есть тела Ченти .

48. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты прокладываешь прямые пути в Дуате и открываешь дороги в скрытом месте; воистину ты есть тела Маа-уат .

49. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Душа, что движется вперед, ты ускоряешь шаги свои; воистину ты есть тела Ихпи .

50. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты посылаешь вперед свои звезды, и ты освещаешь тьму в Кругах тех, чьи формы сокрыты; воистину ты есть бог Хетчиу.

51. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты создатель Кругов, ты даешь телам воссуществовать своей созидательной силой. Ты, о Ра, создал вещи, которые существуют, и вещи, которые не существуют, мертвых, богов и духов; воистину ты есть плоть, которая дает Хати воссуществовать.

52. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты дважды сокрытый и тайный бог, и души идут туда, куда ты ведешь их, и ты делаешь так, чтобы те, кто следует за тобой, вошли; воистину ты есть тела Имени.

53. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты есть Убен-Ин Именет, и свет локона на тебе; воистину ты есть тела бога Убена.

54. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Древнейшая форма, которая проходит сквозь Дуат, которой души воздают хвалы в Кругах своих; воистину ты есть тела Чен-иру.

55. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, когда соединяешься ты с Прекрасной Именет, боги Дуата радуются, узрев тебя; воистину ты есть тела Иаи.

56. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Великий Кот, мститель богов, судья слов, глава независимых правителей (или советников) и властелин священного Круга; воистину ты есть тела Великого Кота.

57. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, когда наполняешь ты свое око и говоришь с зеницей его, божественные мертвые тела проливают слезы; воистину ты есть тела Меду-ахет-ф.

58. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Душа в небесах, и твои тела сокрыты; ты излучаешь свет, и ты смотришь на

скрытые вещи (или места) свои; воистину ты есть тела Херба.

59. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, высокий Душою; ты сокрушаешь врагов своих, ты предаешь огню нечестивых; воистину ты есть тела Ка-Ба.

60. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Иуаиу, который скрывается в чистоте; ты приобрел власть над душами богов; воистину ты есть тела Иуаиу.

61. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Старейший, Великий, Властелин Дуата, Творец; ты сотворил двоих Седжет; воистину ты есть тела двух богов Седжет.

62. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, Могущественный странствиями; шаги твои предопределяет Маат, ты Душа, которая приносит благо плоти, ты Сенк-хера (то есть Лик Света), и воистину ты есть тела Сенк-хера.

63. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты защищаешь [или мстишь за] тело свое, и ты устанавливаешь равновесие [между] богами как сокрытый Ами [и] как Им-та, и воистину ты есть тела двойного бога Ами-Имта.

64. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты владыка оков своих врагов, Единственный, Князь Обезьян, и воистину ты есть тела Интету.

65. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты возжигаешь огонь в своих печах, и ты отрубаешь головы тех, кто подлежит разрушению; воистину ты есть тела двух богов Кетуит.

66. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты бог, породивший, ты сокрушаешь потомков [своих], ты Единственный, ты утверждаешь обе земли [своим] духом

, и воистину ты есть тела бога Та-тенена .

67. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты утверждаешь богов, которые следят за часами на их штандартах и которые невидимы и скрыты, воистину ты есть тела сторожащих богов .

68. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты двойной бог Джент небесный и врата Дуата, и бог Беси [с] его одухотворенными телами , воистину ты есть тела Беси.

69. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты бог Обезьяны , и ты есть истинная созидающая Сила [своих] божественных форм ; воистину ты есть тела бога-обезьяны в Дуате.

70. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты обновляешь землю, и ты открываешь путь тому, что внутри, ты есть Душа, которая дает имена членам своим; воистину ты есть тела Сема-та .

71. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты Нехи , который сжигает своих врагов, бог огня Седжети , который сжигает путы; воистину ты есть тела Нехи .

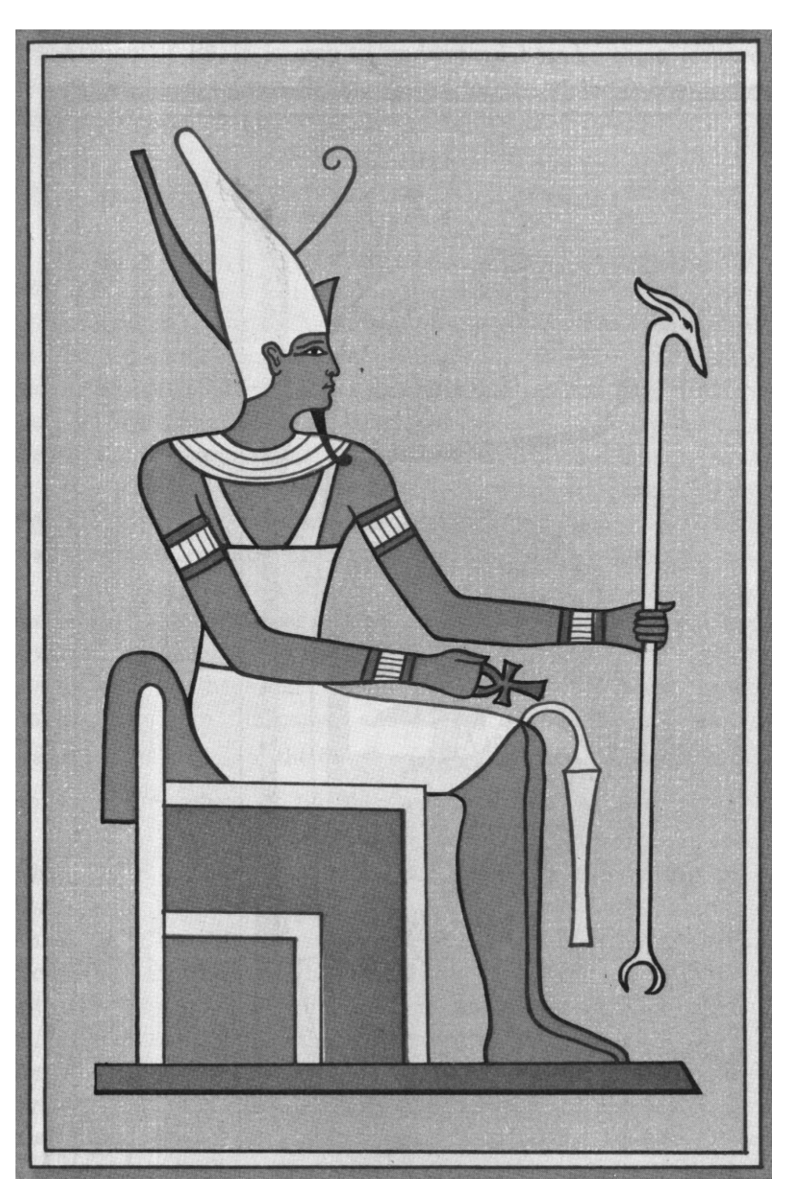
72. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты бог движения , бог света , который странствует, ты делаешь так, что тьма приходит после света твоего; воистину ты есть тела Шемти.

73. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты владыка душ, который в доме своего обелиска , ты повелитель богов, верховных в своих областях , и воистину ты есть бог Неб-баиу (то есть Владыка душ).

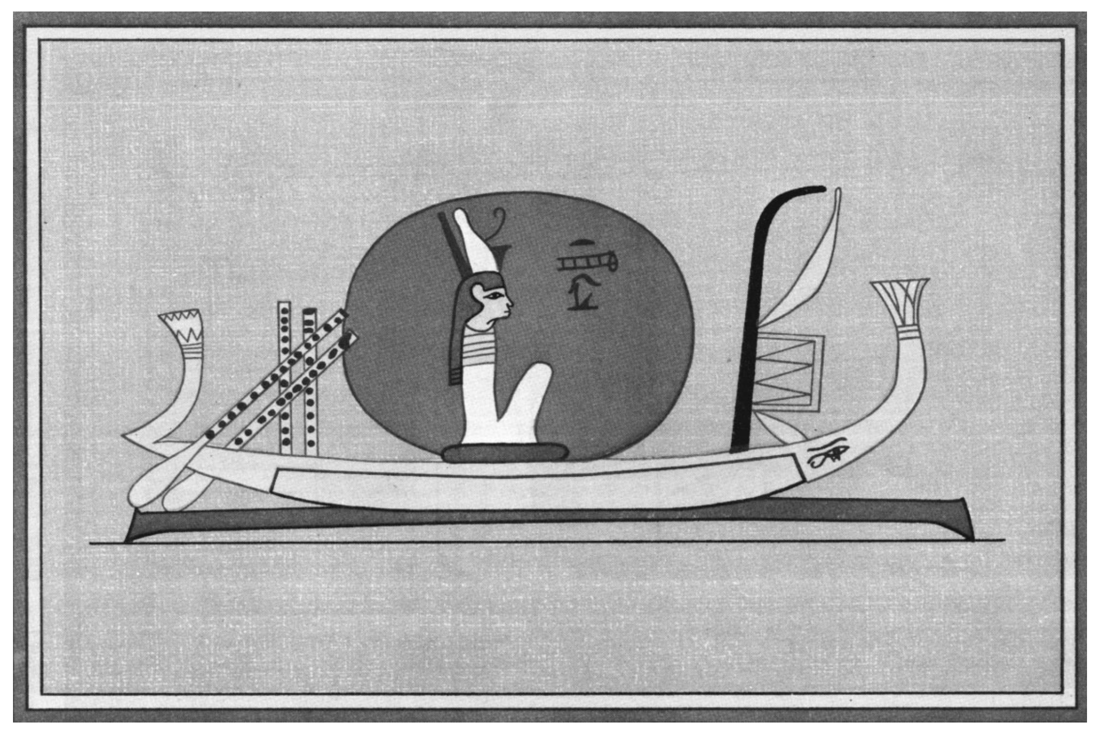
74. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты бог — двойной Сфинкс, бог — Двойной обелиск, Великий Бог, что поднимает оба Ока своих; воистину ты есть тела бога — двойного Сфинкса Хуити.

75. Хвала тебе, о Ра, высший Сехем, ты господин света, и ты возглашаешь вещи, которые сокрыты. Ты — Душа, что говорит с богами, которые в своих Кругах; воистину ты есть тела Неб-Сенку, то есть Господин света.

Непредвзятое изучение приведенного выше перевода убедит читателя, что египтяне связывали с богом солнца Ра весьма возвышенные понятия, и нет никакого сомнения в том, что они наделяли божество, чьим символом было солнце, всеми свойствами и прерогативами, которые, как считают современные люди, принадлежат лишь Господу Всемогущему. Он называется Единственным, творцом богов и людей; он создатель небес, земли и загробного мира; он самосотворенный и саморожденный; он существовал всегда и будет существовать вечно; он источник жизни и света; он олицетворение закона, истины и блага, а также сокрушитель тьмы, ночи, порока и зла. Вряд ли найдется такое более или менее значимое определение, относящееся к Господу нашему, которое египтяне не использовали бы в гимнах и текстах, посвященных Ра и описывающих его величие и могущество, поскольку он был не только богом всего живого, но также богом мертвых и богом всего нерожденного. Отношения между ним и Осирисом, который был частично богом, частично человеком, и рассматривался как тот, кто принес людям бессмертие, — это одновременно отношения бога, отца и равного ему. Если принять во внимание тот факт, что Осирис некогда правил Египтом, а каждый царь считался воплощением Ра, то легко понять, как Осирис приобрел власть восстать из мертвых и сделаться судьей мертвых от имени своего отца Ра.

Бог Тему

Бог Тем, сидящий в своей лодке

Тем, или Тему [hieroglyphs], [hieroglyphs], или Атум [hieroglyphs].

Тем, или Тему, или Атум, изначально был местным божеством города Иуну, то есть Гелиополя. В династический период он, во всяком случае, считался одной из форм великого бога солнца Ра и воплощением заходящего солнца. Однако если рассматривать додинастический период, то он, как заметил господин Лефебюр, был первым человеком, который, по мнению египтян, обрел божественность и после смерти стал ассоциироваться с заходящим солнцем. Иными словами, Атум был для египтян первым *живым* богочеловеком (подобно тому, как Осирис был для них первым *мертвым* богочеловеком), и как таковой он всегда изображался в виде человека с человеческой же головой. Важно отметить этот факт, поскольку он указывает на то, что люди, создавшие это божество, стояли на более высокой ступени развития, чем те, кто представлял древнейшего из египетских богов — Хора — в виде сокола или человека с головой сокола. На папирусах и памятниках он обычно изображается с [hieroglyph], коронами Юга и Севера на голове, в правой руке у него [hieroglyph], символ жизни, а в левой скипетр [hieroglyph]. Мы видим его в человеческом облике в ладье Ра, даже когда сам Ра символически представлен в виде диска, который катит скарабей, бог Хепри изображен в виде жука, а восходящее солнце Хорахти показано в виде головы сокола, от которой исходят лучи света. По сути, Атум являлся для египтян воплощением Бога в человеческой форме. Формирование у них этой концепции означало конец того времени, когда они наделяли своих богов обликами животных, и начало нового периода, в котором в умах людей развилась идея Бога Всемогущего, непостижимого, непознаваемого, творца и создателя вселенной. Бессмысленно пытаться установить более или менее точно, когда именно египтяне начали поклоняться богу в человеческой форме, так как мы не располагаем источниками. Однако культ Атума является очень древним. Тот факт, что жрецы Ра V и VI династий присоединили его к своему бо-

жеству под именем Ра-Атум, свидетельствует о том, что поклонение Атуму было распространено повсеместно и предполагалось, что он обладал теми же свойствами, что и Ра.

Из Текстов пирамид ясно, что свойства Атума смешались со свойствами Ра. Покровительство и расположение этого божества были необходимы для благополучного пребывания умершего в загробном мире. Именно Атум, отец, протягивает руку Пепи I и помещает его во главе богов, где он судит мудрых и великих[1].

Это доказывает, что Атум считался отцом человеческой расы. Поскольку он также являлся богом, его возможности помочь мертвым были очень велики. Во многих отношениях он считался равным Ра. Молитвы и гимны, адресованные ему, свидетельствуют, что египтяне всячески старались умилостивить Атума. Это легко понять, принимая во внимание, как, согласно учению гелиопольских жрецов, души умерших покидали этот мир. Души, оставляющие этот мир, попадали в область, расположенную между землей и входом в Долину Дуата, называемую Иментет, и ждали там появления Ладьи Заходящего Солнца, то есть ладьи Ра в форме Атума. Когда она прибывала, души устремлялись к ней. Те из них, кто служил Ра на земле, чьи тела были похоронены с соблюдением всех обрядов и ритуалов под чтение молитв жрецами Ра и, следовательно, снабженные необходимыми заклинаниями, допускались в ладью Атума, где получали вечную защиту и милость от божества в его различных формах.

Существовал и еще один аспект, благодаря которому Атум занимал в умах египтян особое положение. Он ассоциировался не только с богом мертвых Осирисом, но также и с юным Хором, восходящим утренним солнцем. Все эти идеи нашли отражение в гимне Атуму, содержащемся в папирусе Мутхетеп (Британский музей, № 10010, лист 5), целью которого было дать возможность любому духу, произносившему его, «выйти в день» в любой выбранной им форме и наделить его

[1] (Пепи I, 201).

властью в Дуате. Госпожа Мут-хетеп говорит: «О Ра-Атум, в своем прекрасном движении восходишь ты, и заходишь ты как живое создание за великолепным западным горизонтом. Заходишь ты в землю свою, что на Горе Заката (Ману). Урей твой позади тебя, урей твой позади тебя. Поклонение тебе, о ты, который покоится в мире; поклонение тебе, о ты, который покоится в мире. Соединился ты с Оком Атума, и решил оно [поместить] силы защиты свои позади членов твоих. Проходишь ты по небу, странствуешь ты над землей, и движешься ты вперед. О Светило, северная и южная половины небес приходят к тебе, склоняются низко в благоговении перед тобой и поклоняются тебе день за днем. Боги Иментет радуются красотам твоим, а места невидимые поют тебе восхваляющие гимны. Те, кто в ладье Месектет, окружают тебя, и души востока поклоняются тебе. Когда встречают они твое величество, то восклицают: «Приди, приди с миром!» Возгласы приветственные сопровождают тебя, о господин небес и властелин Иментет! Тебя признала Исида, она видит сына своего в тебе, владыка страха, внушающий ужас своим могуществом. Ты заходишь как живое создание в месте сокрытом. Отец твой [Та]-тенен поднимает тебя, и обе руки его позади тебя. Ты наделен свойствами божественными в членах [твоих] земных; пробуждаешься ты с миром и заходишь в Ману. Милостью твоей да удостоюсь я расположения Осириса, и да приду я к тебе, о Ра-Атум! Я поклонялась тебе, сделай же для меня то, чего желаю я. Милостью твоей да предстану я победоносной перед богами. Прекрасен ты, о Ра, на своем западном горизонте Иментет, ты, владыка Маат, ты, кого страшатся и чьи проявления величественны, о ты, любимый теми, кто пребывает в Дуате! Светишь ты лучами своими на тех, кто там навечно, и излучаешь ты свет свой на путь Ра-сетау. Ты открываешь путь Богу — двойному льву, ты поместил богов на престолы [их] и духов на места их. Сердце Наиререф (то есть Ин-руд-ф, области загробного мира) радуется, [когда] Ра спускается; сердце Наиререф радуется, когда Ра спускается. Приветствие вам, о боги страны Иментет, приносящие жертвы и подношения Ра-Атуму, славите вы [его, когда] встречаете его. Возьмите оружие свое и со-

крушите демона Себа ради Ра, дайте отпор демону Небду ради Осириса. Боги земли Иментет радуются, берутся за веревки ладьи Месектет и приходят с миром. Боги скрытого места, пребывающие в Иментет, торжествуют». В первых словах другого гимна к Атуму обращаются так: «Ра, который, когда заходит, есть Атум-Хорахти (Тем-Хармахис), ты, божественное существо, ты самосозданный, ты изначальная материя». Таким образом, мы видим, что такие эпитеты, как «самосозданный», относящиеся, строго говоря, к Хепри, приписывались и Атуму.

В мифе о Ра и Исиде бог произносит: «Я Хепри утром, Ра в полдень и Атум вечером»[1].

Из этого мы можем заключить, что день и ночь разделялись на три части, над каждой из которых главенствовал Ра в одной из трех своих форм. Во времена Среднего царства Атум часто упоминается вместе с Хорахти, Ра и Хепри. Жрецы Гелиополя всегда пытались доказать, что он был прародителем всех других форм Ра.

В Книге мертвых (XVII, 5 и далее) умерший отождествляет себя с Атумом как со старейшим из богов и говорит: «Я Атум восходящий; я Единственный; я воссуществовал в Нуне. Я Ра, который поднялся вначале». За этим утверждением следует вопрос: «Кто же тогда это?» Ответ таков: «Это Ра, когда вначале он поднялся в городе Несу-хенен, венчанный как царь восходящий. Столпы Шу не были еще сотворены, когда был он на холме того, кто пребывает в Хемену» (то есть Тота). Таким образом, ясно, что жители Гелиополя считали Атума первым божеством, воссуществовавшим в первородном водном пространстве, и они последовательно ставили его в один ряд с Хармахисом (Хорахти) и Хепри как с формами восходящего солнца. С другой стороны, они часто весьма непоследовательно отождествляли его с заходящим солнцем и считали, что от него исходит вечерний ветер, освежающий живых и дающий дыхание мертвым.

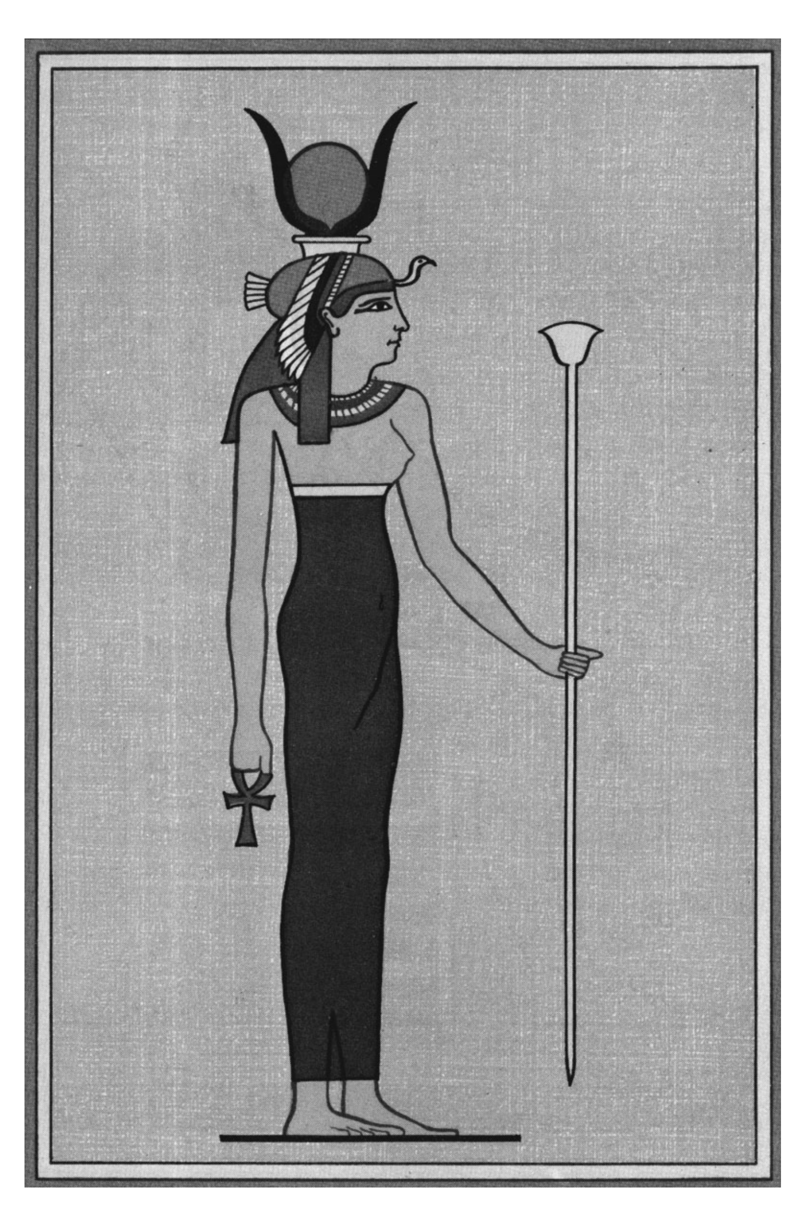
[1]

Трудно точно сказать, где первоначально располагалось святилище Атума. Судя по всему, оно находилось в Восьмом номе Нижнего Египта (Нефер Иабт, Героопольском номе греков), в месте, которое называлось и Чекет , и Пер-Итемт и описывалось как «врата востока». Священное название города Пер-Итемт в форме «Пифом» упоминается в Библии. Долгое время считалось, что место, где некогда был город Пер-Итемт, или Пифом, погребено под развалинами, которые арабы называют Телль-эль-Масхута и которые находятся недалеко от современной деревни Телль-эль-Кебир. Раскопки, проведенные здесь господином Навиллем, доказывают правильность этого предположения.

Надписи свидетельствуют, что главным божеством в Пифоме был Атум. Из содержащихся в них указаний на «Священного Змея», а также из того факта, что одна из частей храма называлась Пер-Керхет[1] или Асет-Керхет , то есть «дом бога-змея Керхета», можно сделать вывод, что одной из форм, в которых почитался Атум, был огромный змей.

Город под названием Пифом находился на большом канале, соединяющем Красное море с Нилом. Поскольку он был расположен на крупном торговом пути из Аравии в Гелиополь, его население должно было быть достаточно смешанным, включая купцов и прочий люд из Западной Азии. Возможно, они принесли с собой некоторые причудливые обычаи, связанные с поклонением их собственным богам. Местные жители переняли их и приспособили к местным божествам. Приведенный выше отрывок из Текстов пирамид вроде бы указывает на то, что изначально культ Атума имел фаллический характер, но, даже если это действительно так, достоверно об этом ничего не известно. Некоторые ученые рассматривают обелиски как фаллические символы и в доказательство своей точки зрения приво-

[1] В Библии это Пи-хахирот.

Богиня Асет

дят тот факт, что наиболее древние обелиски увенчивали диски.

У бога Атума имелось два женских дополнения — Иусаасет и Небет-Хетеп. Они также входили в группу гелиопольских богов и упоминались наряду с Атумом, господином обеих земель Иуну, Ра и Хорахти[1].

Иусаасет, у Плутарха Σαωσις, называли «госпожой Иуну» и «Оком Ра». Судя по текстам, она считалась матерью, супругой и дочерью Атума. В качестве жены Атума она была матерью Шу и Тефнут. Ее изображали в виде женщины, держащей в правой руке скипетр и «жизнь» ☥ в левой[2].

Ее головной убор в виде грифа увенчан уреем и рогами с диском между ними. В этой форме она именуется «госпожой Иуну» и супругой Атума-Хорахти. Богиня Небет-Хетеп является, по всей видимости, всего лишь одной из форм Иусаасет, поскольку в одной из сцен, где она представлена в виде коровы, ее называют «госпожой богов, Иусаасет—Небет-Хетеп».

Согласно Бругшу[3], Атум был объединен с Осирисом (Тем-Усир) и возглавил триаду Героополя, куда входили также Хатхор из Анну, или Анта, и Херу-сема-тауи. В качестве форм местных божеств Атум-Ра выступает как Хнум (Хнему) на Элефантине, Хнему-Херу-шефит в Гераклеополе Магна и Хнему-Ба-неб-Джедет в Мендесе.

Хепри

Третьей формой бога солнца Ра являлся Хепри-хепер-джесеф, то есть Хепри самосотворенный, прототипом и символом которого был жук-скарабей.

---

[1] Большой Папирус Харрис, л. 1, 4.
[2] *Lanzone.* Dizionario. Pl. 51.
[3] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 290.

Обычно его изображали в виде человека с жуком на голове. Однако иногда жук изображался вместо человеческой головы. В одной из сцен, приводимых Ланцоне, Хепри представлен сидящим на земле, из его колен поднимается голова сокола Хора, увенчанная знаком ☥, «жизнь»[1].

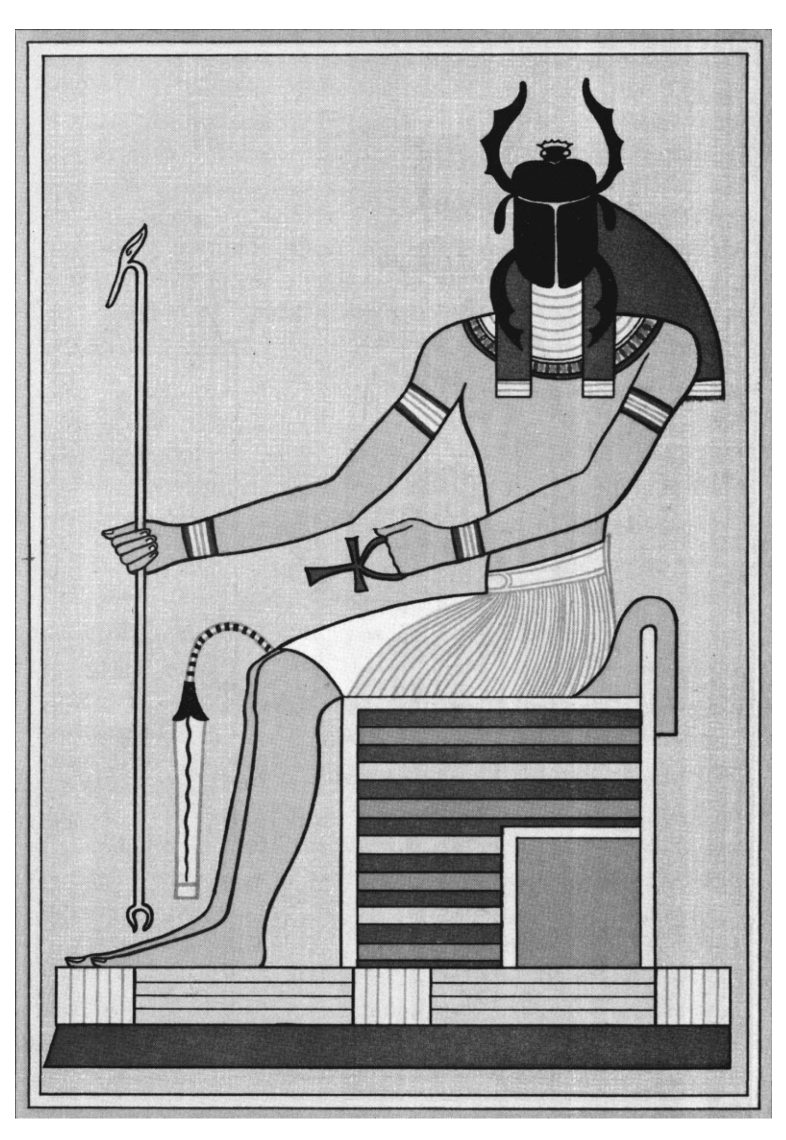
Рассказывая о сотворении мира, мы перевели и подробно обсудили текст, повествующий, как бог солнца Ра воссуществовал в первозданном водном пространстве Нуна в форме Хепри, как посредством души, пребывавшей там вместе с ним, он создал твердь, на которой смог стоять, и сотворил богов Шу и Тефнут, от которых произошли все другие боги. Культ скарабея, однако, являлся более древним, чем культ Ра, и совершенно очевидно, что отождествление Ра с богом-скарабеем является ярким примером того, как жрецы прививали новые идеи и верования на старую основу. Поклонение скарабею (или, по крайней мере, благоговение перед ним) было распространено по всему Египту. Некоторые идеи, которые связывали с ним древние египтяне, сохранились в династический период, а иные из них и по сей день продолжают оставаться актуальными для жителей долины Нила. Жук, занимающий столь важное место в египетской мифологии, принадлежит к семейству *Scarabæidae* (Coprophagi) и виду *Scarabaeus sacer*. Эти насекомые составляют весьма многочисленную группу копрофагов из семейства пластинчатоусых, большинство из которых обитает в тропических странах. Чаще всего они черные, но иногда имеют яркие цвета с металлическим отливом. Обычно они летают в самые жаркие часы дня. Несомненно, именно из-за этой особенности первобытные жители Египта стали связывать их с солнцем. Так, во времена VI династии про умершего царя Пепи говорится, что он мог «летать, подобно птице, и садиться, подобно жуку, на пустой трон в ладье Ра»[2].

Согласно мнению Латрея, с солнцем впервые начали связывать особей, имевших зеленый цвет (*Ateuchus Aegyptiorum*).

---

[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 329.

[2] [иероглифы] ⊙ (Унис, 477).

Бог Хепри

Это насекомое откладывает большое количество яиц в навоз, из которого формирует шар и закатывает его в предварительно выкопанную нору.

Навозный шар с содержащимися в нем яйцами имеет от одного до двух дюймов в диаметре. В процессе его скатывания жук практически стоит на голове, которая при этом повернута в противоположную от шара сторону. В соответствующее время под воздействием тепла солнечных лучей, попадающих в нору, из яиц появляются личинки. Навозный шар обеспечивает им питание и защиту. В умах первобытных египтян этот шар, несущий в себе зародыши жизни, отождествлялся с солнечным шаром, который каждый день катится по небу и является источником жизни для всего живого. Жуки с удивительным упорством закатывают их в норы, где должны выводиться личинки. Часто насекомым приходится переносить их через неровности почвы на своей плоской широкой голове. Если не удается выполнить эту задачу самостоятельно, скарабеи прибегают к помощи своих собратьев. Эта повадка жуков нашла отражение в мифологических сценах; там изображен скарабей с солнечным диском или шаром на голове . Некоторые античные авторы, например Элиан («О природе животных», X, 15), Порфирий («О воздержании», IV, 9), и Гораполлон разделяли весьма любопытную точку зрения, будто все эти жуки были особями мужского пола Κάνθαρος γὰς πᾶς ἄῤῥην. А так как особи женского пола среди них не встречаются, то насекомые воспроизводят себя без их участия, подобно богу солнца Ра. Возможно, это ошибочное представление возникло потому, что женская и мужская особи скарабея очень похожи, и те и другие в равной степени заботятся о потомстве. В любом случае оно является очень древним, поскольку в египетской истории сотворения мира бог, чьим прообразом и символом был скарабей, не только произвел сам себя на свет, но также зачал, выносил и родил двух других богов, мужского (Шу) и женского (Тефнут) пола.

В египетских текстах Хепри назван «отцом богов» , а в Книге мертвых (XVII, 116) усопший обращается к нему со следующими словами: «Приветствие тебе, о Хепри, в ладье

твоей, две девятки богов в теле твоем». Однако формой бога солнца Ра, с которой его чаще всего объединяют, является Хорахти, или Хармахис. В Книге мертвых Хепри играет весьма важную роль в связи с Осирисом. Его называют «создателем богов» (папирус Ани, 1, 2), «Хор-ахти-Тему-Херу-Хепри» (папирус Кенны, 2, 15). Умерший провозглашает свое право принимать любую из его форм. Более того, бог Хепри сам становится в некотором роде мертвым телом, при этом он, так сказать, представляет некую материю, в которой содержится живой зародыш, готовый перейти из состояния инертности к активной жизни. Он был живым началом в водном пространстве Нуна и появился оттуда в форме восходящего солнца. Подобно ему, зародыш живой души, находящийся в теле умершего, должен был пробудиться к новой жизни при чтении молитв, сопровождающих соответствующие обряды, и в новой форме воскреснуть либо в царстве Осириса, либо в ладье Ра. Символом этой доктрины были личинки-зародыши в навозном шаре. Та же сила, что превращала их в живых существ, пробуждала и духовное тело человека. Олицетворял же ее бог Хепри. Таким образом, Хепри символизировал воскрешение тела, и именно это представление лежало в основе египетской традиции носить изображения скарабеев и помещать их в гробницы и на тела умерших. Мириады скарабеев, найденных в разных областях Египта, подтверждают повсеместное распространение этого обычая. По поводу его глубокой древности также не возникает ни малейших сомнений, так как скарабей был связан с захоронением уже во времена IV династии. Так, в папирусе Ну (Британский музей, № 10477, лист 21) сообщается, что глава LXIV Книги мертвых была выложена ляпис-лазурью на плите «из южного железа» у ног бога (то есть Тота) в правление Мен-кау-Ра (Микерина) принцем Хордедефом в городе Хемену.

В конце второго параграфа этой главы имеется предписание, что ее должен читать человек, «ритуально очистившийся, не евший плоти животного или рыбы, не прикасавшийся к женщинам». Текст продолжается: «И вот, ты должен сделать скарабея из зеленого камня с золотой оправой, и он должен быть помещен в сердце человека, это должно совершить для него «Отверзание уст». И ты должен смазать его

мазью *анти* и прочитать над ним следующие заклинания». Заклинания, которые следует произносить, составляют главу XXX B Книге мертвых. В них умерший обращается к скарабею: «Мое сердце, моя мать; мое сердце, моя мать! Мое сердце, посредством которого я стал существовать». Затем он молит скарабея не оставлять его, пока он стоит перед «хранителем» Весов, где должно быть взвешено его сердце, чтобы никто не выступил против него на суде, или не лжесвидетельствовал против него, или не «сделал его имя зловонным». Достаточно любопытно, что он при этом называет скарабея «своим двойником» (*ка*). Другое пояснение к главе LXIV сообщает, что она относится ко времени правления Хесепти (Семти), пятого царя I династии. Соответственно, обычай класть скарабея из зеленого базальта на грудь покойного или помещать его внутрь грудной клетки может быть столь же древним. Так или иначе, живые тоже носили скарабеев в качестве защитных амулетов, символов оправдания в Зале Суда Осириса и воскрешения посредством содействия бога Хепри, которого представляли скарабеи. Заклинания главы XXX B были направлены на то, чтобы скарабей исполнил роль ка, или двойника, умершего в день «взвешивания слов» перед Осирисом, его помощниками и судьями, писцом богов Тотом и двумя группами богов. Если скарабея клали под саркофаг, ни один демон не мог повредить последний, а присутствие скарабея в гробнице обеспечивало ей защиту «отца богов».

Глава 10
МИФЫ О РА

На предыдущих страницах мы показали, что теологи и мудрецы Древнего Египта рассматривали Ра в качестве Бога, но люди определенных занятий, а именно маги, астрологи и предсказатели, имели отличные взгляды на природу и свойства Ра. Следует помнить, что в древние времена они прописывали чтение или ношение некоторых магических текстов в качестве противоядий к яду или болезни. Считалось, что эти тексты обладали огромной силой, особенно

если в них содержался рассказ о том, как тот или иной бог или божественное создание исцелились от яда или отравления с помощью некоего великого существа. В скобках заметим, что подобные верования бытовали не только среди египтян, точно такие же идеи существовали в Вавилоне и Ассирии. Это подтверждает следующий отрывок из вавилонской таблички, приведенный Р. Кемпбеллом Томпсоном[1].

Звучит он так: «От Ану [произошли небеса], небеса [сотворили] землю, земля сотворила реки, реки сотворили протоки, протоки сотворили болота, и болота сотворили Червя. Предстал затем Червь перед Шамашем, богом солнца, причитая, и до Эа дошли его стенания: «Что дашь ты мне в пропитание? Что дашь ты мне для глодания?» [Боги отвечали:] «Я дам тебе сухие кости [в пропитание] и колючее дерево *хашхар*». [Произнес Червь:] «Что мне твои сухие кости? И что мне твое дерево *хашхар*? Позволь мне меж зубов [человека] пить и дай мне место в [его] деснах, дабы мог я сосать кровь из зубов и чтобы мог я рвать на куски плоть десен. Тогда буду я иметь власть над затвором двери» (то есть ртом человека). Поэтому, о больной человек, должен ты произнести следующие слова: «О Червь, да сокрушит тебя Эа всем своим могуществом». Далее следовало указание изготовить смесь из пива, масла и сока определенного растения и, после того как над человеком, страдающим от зубной боли, трижды прочтут заклинания, втереть снадобье в зуб. В одном случае целью повествования было излечить человека, укушенного ядовитой змеей, а в другом облегчить зубную боль, причиняемую червем, потомком того самого Червя, который получил от Эа право разрушать зубы и пить кровь из десен.

Египетские магические тексты сохранили для нас некоторые весьма любопытные и занимательные мифы о Ра. Среди них есть рассказ о Ра и богине Исиде. Текст озаглавлен следующим образом: «Повествование о величественном боге, создавшем себя самого, который сотворил небо и землю, ветры, дарующие жизнь, огонь, богов, людей, зверей, скот, рептилий, птиц небесных и рыб морских. Он царь людей и

[1] Клинописные тексты вавилонских табличек. Ч. XVII. Ил. 50.

богов, единый срок есть жизнь его, и для него двойной период *хен* (то есть 120 лет) как один год. Имена его многочисленны и неизвестны, даже боги не знают их». Рассказ продолжается: «Вот, Исида была женщиной, обладающей словами силы. Сердце ее утомилось от миллионов людей, избрала она миллионы богов, и сочла она миллионы духов. И замыслила она в своем сердце, говоря: «Не смогу ли я посредством священного имени Бога стать госпожою земли и сделаться богиней, равной и подобной Ра в небесах и на земле?» И вот каждый день выходил Ра во главе своего отряда мореплавателей и восседал на престоле обоих горизонтов. Но божественный (то есть Ра) состарился, влага вытекала из его рта, и плевки его падали на землю, и капала слюна его на почву. И смешала Исида [ее] в руке своей с землей и сделала из этого священного змея в форме стрелы. Не держала она его перед своим лицом, а положила на землю на той дороге, по которой проходил великий бог по желанию своего сердца в свое двойное царство. Вот могучий бог появился, и боги, следовавшие за ним, как за фараоном, шли с ним. И вышел он по своему ежедневному обыкновению, и священный змей ужалил его. И огонь его жизни стал уходить из него и поразил живущего в кедрах. Могучий бог открыл рот свой, и крик его величества достиг небес. И сказала его свита богов: «Что произошло?» И воскликнули его боги: «Что это?» Но не мог Ра ответить, челюсти его дрожали, и все члены его тряслись, яд быстро разлился во плоти его, подобно тому как Нил разливается по всей его земле. Когда великий бог укрепил свое сердце, вскричал он своей свите: «Придите ко мне, о вы, созданные из моего тела, вы, боги, вышедшие из меня, расскажет вам Хепри, что за ужасное несчастье произошло со мной. Сердце мое ощущает его, но очи не видят; не моя рука сотворила его, и не знаю я, кто сделал это со мной. Никогда не чувствовал я подобной боли, никакая болезнь не может причинить больше страданий, чем эта. Я владыка, сын владыки, священная сущность, произошедшая от бога. Я великий, сын великого, и отец мой замыслил мое имя. У меня множество имен, и множество форм, и моя сущность в каждом божестве. Нарекли меня вестники Атум и Хор. И отец мой, и мать моя произнесли

мое имя; но сокрыто оно внутри меня тем, кто создал меня, кто не хотел, чтобы слова силы никакого мага не имели власти надо мной. Я вышел обозреть то, что сотворил я, проходил я по миру, что я создал. И вот! Ужалило меня что-то, но не знаю я, что! Огонь ли это? Вода ли это? Сердце мое в огне, плоть моя сотрясается, и дрожь объяла все члены мои. Пусть приведут ко мне детей моих — богов, владеющих словами силы и волшебными заклинаниями и устами, знающими, как произнести их, чья власть достигает неба».

Затем пришли к нему дети всех богов, издавая горестные крики. И пришла также Исида со своими словами волшебной силы, и уста ее были полны дыхания жизни, ибо ее талисманы прогоняют боли, и слова ее оживляют тех, чьи горла мертвы. И заговорила она и сказала: «Что случилось с тобой, о божественный отец? Что произошло? Не змей ли ужалил тебя, не существо ли, сотворенное тобой, подняло свою голову против тебя? Воистину будет он повержен моими мощными словами силы, и изгоню я его от зрения твоих лучей». Могучий бог открыл рот свой и произнес: «Следовал я путем своим и проходил я через обе земли свои по желанию сердца моего, чтобы обозреть то, что сотворил я. И вот! Ужалил меня змей, которого не видел я. Огонь ли это? Вода ли это? Я холоднее воды, я горячее огня. Вся плоть моя в поту, я дрожу, око мое не имеет силы, не могу я видеть небо, и пот струится по лицу моему, как в летнюю пору». Тогда сказала Исида Ра: «О, скажи мне имя твое, божественный Отец, ибо тот, кто произнесет имя твое, будет жить». И Ра сказал: «Я сотворил небо и землю, я связал вместе горы, я создал все, что над ними, я сотворил воду, я создал богиню Мехет-урет, и я сотворил Тельца его матери, от которого произошли все радости любви. Я создал небо, я растянул оба горизонта, словно занавеси, и я поместил души богов в них. Я тот, кто, открывая очи, творит свет, и, закрывая их, творит тьму, по чьему повелению разливается Нил и чье имя не знают боги. Я сотворил часы, я создал дни, я открываю праздники года, я создаю разлив Нила. Я творю огонь жизни, я даю пищу домам. Я Хепри утром, я Ра в полдень, и я Атум вечером». Тем временем яд не покинул его тело, но проник глубже, и великий бог не мог более ходить.

Тогда сказала Исида Ра: «То, что сказал ты, не есть твое имя. О, скажи мне его, и выйдет яд; ибо будет жить тот, чье имя произнесено». Теперь яд жег, словно огонь, и был он горячее огня и жара очага. И его величество бог сказал: «Согласен я, пусть ищет во мне Исида, и перейдет мое имя из меня в нее». Затем скрылся он от богов, и место его в Ладье Миллионов Лет было пустым. И когда пришло время сердцу Ра выйти, Исида говорила с сыном своим Хором и сказала: «Бог связал себя клятвой, чтобы отдать оба свои Ока (то есть солнце и луну)». Так, было имя великого бога взято из него, и Исида, госпожа слов магической силы, сказала: «Выйди, яд, покинь Ра. О Око Хора, выйди из бога и воссияй на его устах. Это я, кто творит, это я, кто заставляет яд побежденный упасть на землю, ибо имя великого бога было взято из него. Да будет жить Ра, да умрет яд! Да будет жить Ра, да умрет яд!» Таковы слова Исиды, великой госпожи, властительницы богов, знавшей Ра под его собственным именем». Вышеприведенный текст следовало читать над изображениями Атума, «Тельца его матери», Хора, и Исиды и Хора. Не может быть ни малейшего сомнения, что эти изображения представляли различные сцены из повествования о том, как был отравлен Ра и как богине Исиде удалось узнать его имя.

Другой миф о Ра, представляющий значительный интерес, рассказывает об уничтожении человечества и о том, как люди начали насмехаться над Ра, потому что он состарился. Разрушенная запись этого мифа была обнаружена на стенах гробниц Сети I и Рамсеса IV в Фивах. Вот что можно понять из него: «[Ра], бог, сотворивший самого себя, после того он стал править людьми, богами и всеми созданиями, Единственный. И возроптали люди, говоря: «Взгляните, его величество, жизнь, сила и здоровье [ему]! состарился, кости его как серебро, члены его как золото, и волосы его как истинный лазурит». Вот услышал его величество слова, что говорили люди [о нем], и сказал тем, кто следовал за ним: «Позовите и приведите ко мне Око мое, и Шу, и Тефнут, и Геба, и Нут, и отцов, и матерей, что были со мной, когда пребывал я в Нуне, вместе с богом своим Нуном. Пусть приведет он своих советников с собою, и пусть

придут они неслышно, так чтобы люди не услышали их и не убежали со своими сердцами. Придите с ними в Великий Дом, и пусть объявят они замыслы свои, ибо пойду я из Нуна в место, где творил, и пусть [богов] приведут ко мне туда». И вот были боги по обе стороны от Ра, и склонились они до земли перед его величеством, и говорил он слова свои перед отцом перворожденных богов, создателем людей, царем тех, кто обладает знанием. И держали они речь перед его величеством, [говоря]: «Говори нам, ибо мы слушаем». И обратился Ра к Нуну, говоря: «О ты, перворожденный бог, из которого я воссуществовал! О вы, боги, предки [мои]! Смотрите, что делают люди. Те, кого сотворило Око мое, шепчутся обо мне. Внемлите же мне и скажите, как мне поступить, и не убью я их, пока не скажете вы мне, [что делать мне] с этим».

Тогда его величество бог Нун, сын Ра, заговорил [и сказал]: «Ты бог, который более велик, чем тот, кто создал тебя, и который является господином тех, кого он сотворил. Тверд престол твой и велик страх пред тобой. Да будет Око твое направлено на тех, кто богохульствовал на тебя». И его величество Ра заговорил и [сказал]: «Смотрите, как бежали они в горы! Их сердца полны страха из-за того, что сказали они». Тогда боги держали речь перед его величеством, говоря: «Пусть выйдет Око твое и уничтожит для тебя тех, кто богохульствовал нечестиво на тебя. Нет на земле ока, которое может противостоять твоему, когда снисходит оно в обличье Хатхор». И богиня [Хатхор] отправилась в путь и убила людей на горе. И его величество, бог этот, заговорил [и сказал]: «Иди, иди с миром, Хатхор, дело сделано». И богиня сказала: «Ты живешь для меня. Когда властвовала я над людьми, было приятно это сердцу моему». И его величество Ра заговорил [и сказал]: «Я буду властвовать над ними как царь, и [я] уничтожу их». И было так, что Сехмет бродила в пору ночную по их крови, начиная с Несу-хенен (Гераклеополя Магна). Тогда его величество Ра заговорил [и сказал]: «Крикните и позовите ко мне быстрых и проворных посланцев, которые могут бежать, подобно ветру». И тотчас доставили ему этих посланцев. И его величество бог этот заговорил [и сказал]: «Пусть отправятся они в Абу (Элефантину)

и принесут мне много мандрагоры». И принесли ему ту мандрагору, и его величество, бог этот, дал ее Сектету, который [пребывал] в Гелиополе, чтобы размолоть. И вот, когда размалывали женщины ячмень, чтобы [приготовить] пиво, положил он мандрагору ту в сосуды, куда наливали пиво, а также немного крови людей, [которые были убиты]. И вот сделали они семь тысяч сосудов пива.

И вот, когда царь Юга и Севера Ра пришел с богами посмотреть на пиво. И явился свет дня после того, как богиня убила людей в срок их, когда плыла вверх по реке. Его величество Ра сказал: «Вдвойне хорошо это, но должен я защитить людей от нее». И Ра заговорил [и сказал]: «Пусть возьмут они эти сосуды и отнесут их в место, где были убиты мужчины и женщины». Затем его величество, царь Юга и Севера, Ра приказал им опорожнить эти сосуды во [время] красоты ночи, когда от пива будет клонить [людей] ко сну. И земли четырех небес наполнились им по воле его величества, этого бога. Вот, когда богиня Сехмет пришла утром и увидела, что земли затоплены, озарилось лицо ее радостью, и пила она пиво с кровью, и радовалось ее сердце. И опьянела она, и не обратила она более внимание на людей. И его величество Ра заговорил с богиней [и сказал]: «Иди, иди с миром, о прекрасная и милостивая богиня». И [с той поры] было много юных и прекрасных женщин в городе Имау[1].

Тогда его величество Ра заговорил с этой богиней [и сказал]: «Будут приготовлены для тебя сосуды с питьем, которое будет клонить тебя ко сну в каждый праздник Нового года, и число их будет зависеть от числа моих прислужниц». И с того дня до настоящего люди приготовляли по случаю праздника Хатхор сосуды с пивом, от которого клонило их ко сну, и число их было равно числу прислужниц Ра. И его

[1] Здесь есть игра слов: имя богини Имаит [иероглифы] и название города Имау [иероглифы], то есть столицы нома Имент [иероглифы], где почиталась богиня Хатхор. Город также назывался [иероглифы] и «городом Аписа».

величество Ра заговорил с этой богиней [и сказал]: «Смотри, обжигающая боль болезни посетила меня, откуда пришла [эта] боль?» Затем его величество Ра сказал: «Я один, но сердце мое очень устало оттого, что я с ними (то есть с людьми). Я убил [иных] из них, но остались бесполезные, и разрушение, исполненное мной, было не соразмерно моей силе». И боги в свите его сказали [ему]: «Не пребывай в слабости твоей, ибо сила твоя зависит лишь от воли твоей». Тогда его величество, бог этот, сказал его величеству Нуну: «В первый раз потеряли члены мои силу, и никогда не позволю я этому случиться в другой раз».

Далее текст сильно разрушен, и трудно вынести общий смысл из разрозненных слов. Согласно покойному доктору Бругшу, миф оканчивается приблизительно так. Когда Ра пожаловался на слабость Нуну, этот бог приказал Шу исполнять работу Ра и занять место его Ока. Он также велел богине неба Нут помочь Ра. И когда Нут спросила Нуна, что ей сделать, бог сказал, что она должна нести Ра на своей спине. Тогда Нут приняла облик коровы, и Ра уселся ей на спину. В нужное время люди увидели Ра на спине Нут и преисполнились раскаяния в своем прежнем поведении. Они пожелали убить его врагов, возводивших на него хулу, но его величество не задержался и проследовал в храм. На следующий день, как только наступило утро, люди вышли, вооруженные копьями и луками, чтобы вступить в битву с врагами Ра. И когда бог увидел это, то сказал им: «Ваши грехи прощены, ибо жертвоприношения, совершенные вами, положили конец убийствам, [совершенным моими врагами]». Затем Ра поднялся на спине богини Нут в небо, где сотворил себе царство, куда принимал всех людей. Наконец повелел он появиться Полю, *хетеп сехет*, и сразу воссуществовало Поле Хетеп («Покой») *Сехет-хетеп*[1]. И его величество бог сказал: «Я посажу, *иарид-и* (буквально «Я дам расти») зеленые растения в нем». И сразу воссуществовало *Сехет-иару*[2]

[1] Обратите внимание на аллитерацию в словах *хетеп* и *сехет*.

[2] Обратите внимание на игру слов *иарид-и* (глагола) и *иару* (существительного).

. «И я наполню его вещами, которые сверкают[1], то есть звездами».

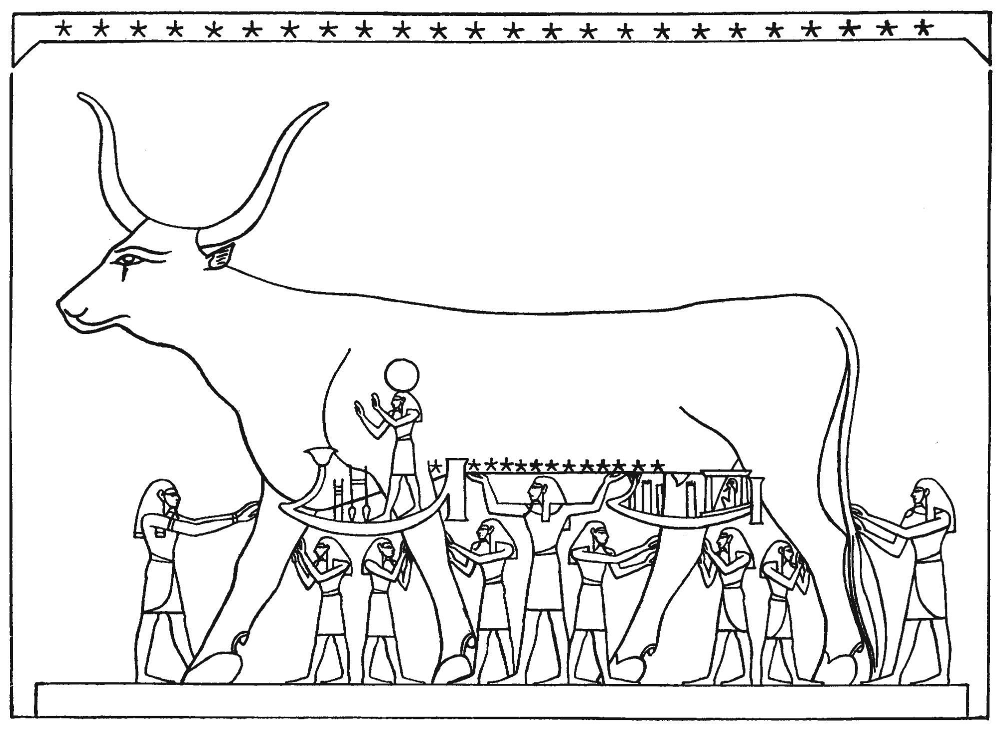
Тут задрожали ноги богини Нут, и объявил Ра, что создаст опоры, чтобы поддержать ее. И немедленно появились опоры.

Затем приказал Ра сыну своему Шу встать под богиней Нут, которая дрожала, чтобы поддержать ее тело. И велел он ему следить за опорами, или столбами, на которые опиралась Нут, и стеречь их, и держать Нут над головой его.

Возле этого места в тексте имеется изображение великой богини-коровы Нут, то есть небесного свода и неба. На животе коровы, которая является символом неба и которую поддерживает бог Шу, располагаются тринадцать звезд, а сразу же под ними помещаются две ладьи бога солнца. В ладье Манджет стоит Ра как бог дня с диском на голове, а в ладье Месектет мы видим бога, сидящего в святилище. Первая ладья находится между передними ногами коровы Нут, вторая — возле ее вымени. Каждую ногу коровы поддерживают два бога, один спереди и один сзади. У каждого из них есть особое имя, которое выписано в вертикальных столбцах, расположенных по обе стороны от этого изображения.

Когда повествование возобновляется (строка 56), оно сообщает нам, что его величество бог Ра приказал Тоту передать богу Гебу, или Сабу (которого Бругш называет «Кебом»), повеление Ра явиться к нему. Когда это было исполнено и Геб предстал перед ним, Ра сообщил ему, что раздор возник из-за червей (или змей) , которые были в его (то есть Геба) области. И он добавил: «Да будут они испытывать страх предо мной, пока я жив». Ра также повелел Гебу разузнать их намерения и затем отправиться в то место, где пребывал его отец Нун, и предупредить его, чтобы он был осторожен с тем, что на земле и в воде. Далее текст становится чрезвычайно запутанным, но общий смысл его, видимо, сводится к тому, что Ра поручает Гебу пригля-

[1] Обратите внимание на аллитерацию в словах *хет*, «вещи», и «вещи, которые сверкают».

Богиня-корова Нут

дывать за змеями в земле. И хотя сам он удаляется в небесную высь, свет его лучей будет проникать в их норы и следить за ними. Более того, Ра обещает людям, знающим слова силы, дать им власть над змеями и снабдить их заклинаниями и чарами, которые изгонят змей из нор. После этого его величество бог Ра приказал богу Тоту немедленно явиться к нему. Когда Тот прибыл, он сказал ему: «Покинем же небеса и место мое, ибо хочу я сотворить вещь света бога света в Дуате и в Стране Бабат. И запишешь ты для наказания тех из живущих там, кто совершил мятеж против меня, и тех, кого возненавидело сердце мое. И будешь ты на моем месте, и имя твое будет Асти, то есть наместник Ра. И будет позволено тебе посылать своего вестника (*хаб*), и при этих словах возник ибис (*хаби*), посланник Тота». Далее Ра сказал, что даст Тоту право поднимать руку среди великих собраний богов. При этом он использует игру слов *хен* и *Техни* (священная птица Тота). Также он обещал Тоту дать объять *инх,* оба неба его красотами, и немедленно возникла Луна. Далее Тот должен был вернуться *ин*, в Ха-небу, и сразу возникла Обезьяна бога *анан*. Наконец Ра назначает Тота своим представителем на земле.

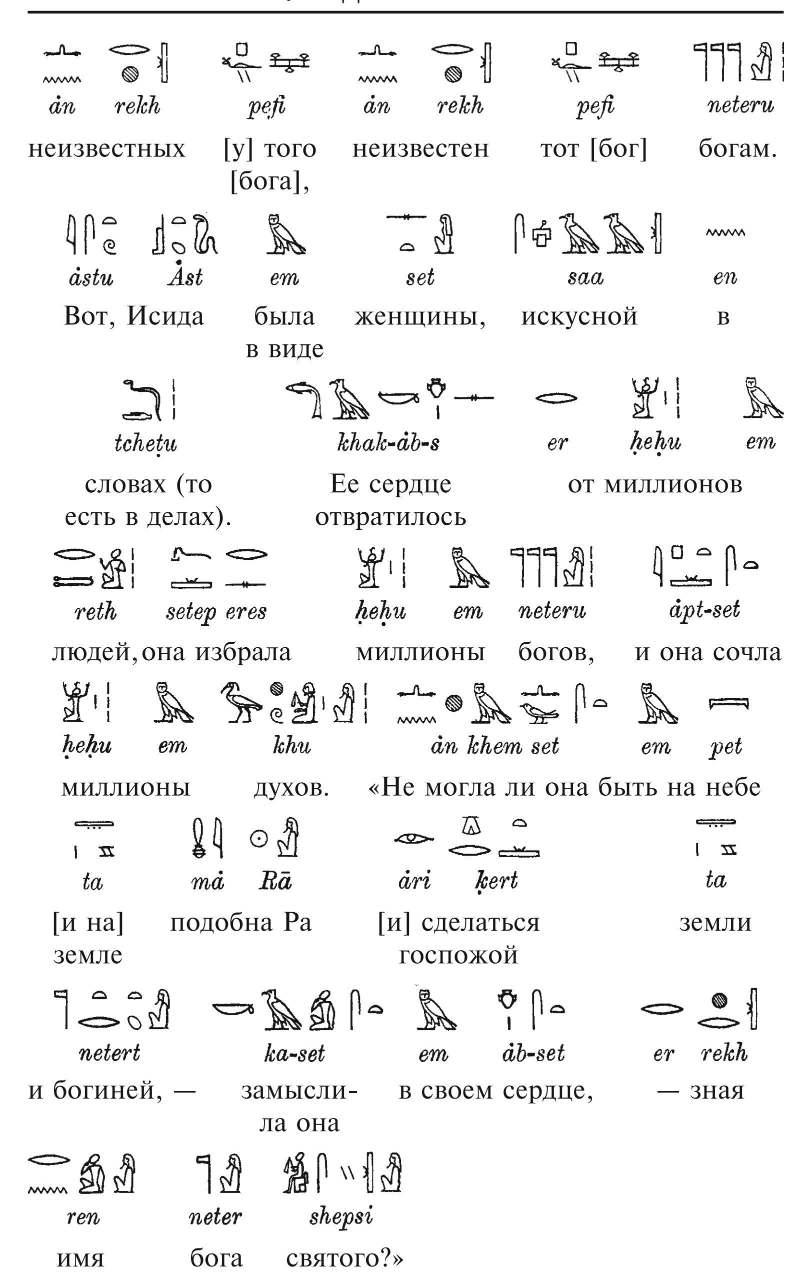
Из замечаний, которые следуют за речами Ра, ясно, сколь священными считались его слова. Каждый, кто хотел повторить их, должен был смазать лицо маслом, натереть ладаном руки и места за ушами, очистить рот натром, омыть свое новое одеяние в водах Нила, надеть белые сандалии, положить на язык фигурку Маат и очищаться семикратным очищением каждый день в течение трех дней. В конце царь (Сети I), для которого были написаны эти тексты, провозглашает, что его душа — это душа Шу [Хнума], Нехеха

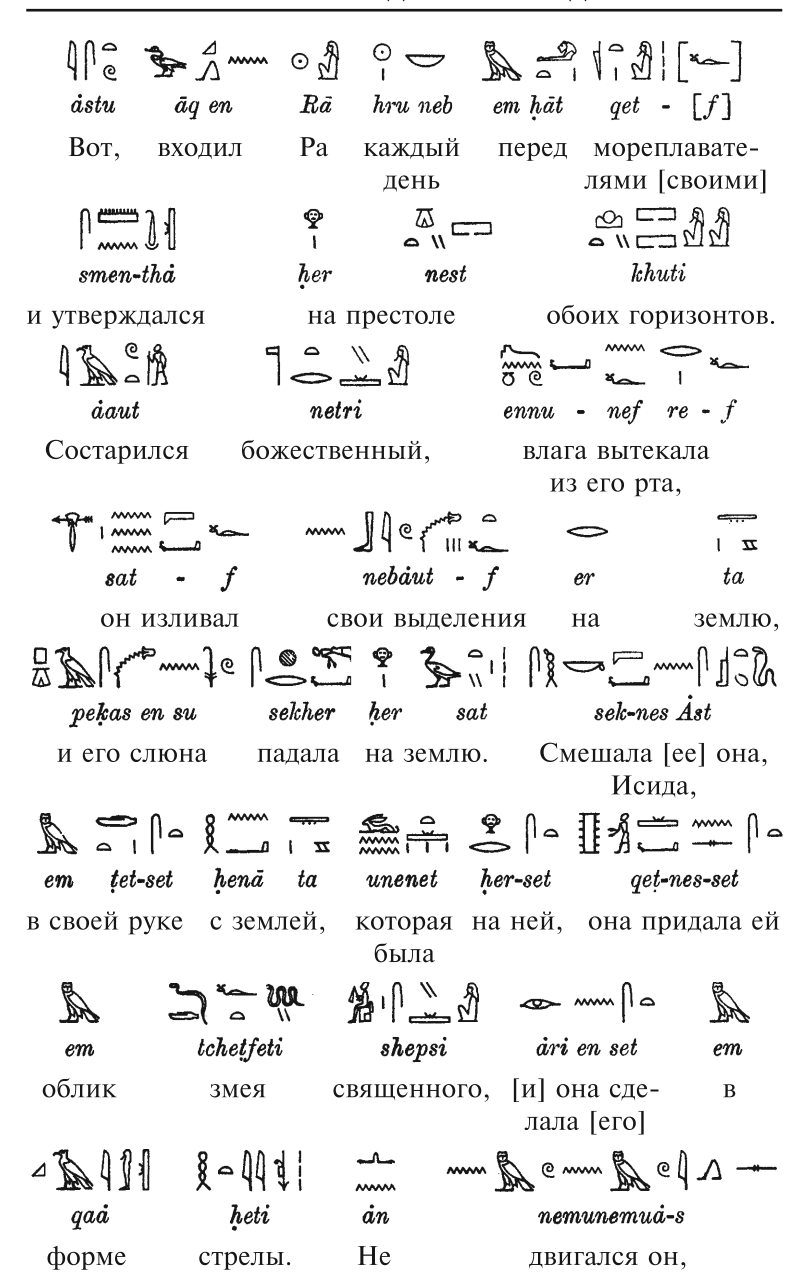
, Кека , Гереха , Нуна, Ра, Усир-Ба-Деддеда, души богов Себеков , Крокодилов, душа каждого бога, имеющего форму змеи , душа Апопа и Ра на всей земле.

Глава 11
ЛЕГЕНДА О РА И ИСИДЕ

Иероглифический текст с транслитерацией и переводом

ȧn rekh pefi ȧn rekh pefi neteru
неизвестных [у] того [бога], неизвестен тот [бог] богам.
ȧstu Ȧst em set saa en
Вот, Исида была в виде женщины, искусной в
tcheṭu khak-ȧb-s er ḥeḥu em
словах (то есть в делах). Ее сердце отвратилось от миллионов
reth setep eres ḥeḥu em neteru ȧpt-set
людей, она избрала миллионы богов, и она сочла
ḥeḥu em khu ȧn khem set em pet
миллионы духов. «Не могла ли она быть на небе
ta mȧ Rā ȧri ḳert ta
[и на] земле подобна Ра [и] сделаться госпожой земли
netert ka-set em ȧb-set er rekh
и богиней, — замыслила она в своем сердце, — зная
ren neter shepsi
имя бога святого?»

àstu āq en Rā hru neb em ḥāt qet - [f]

Вот, входил Ра каждый день перед мореплавателями [своими]

smen-thà ḥer nest khuti

и утверждался на престоле обоих горизонтов.

àaut netri ennu - nef re - f

Состарился божественный, влага вытекала из его рта,

sat - f nebàut - f er ta

он изливал свои выделения на землю,

peḳas en su sekher ḥer sat sek-nes Àst

и его слюна падала на землю. Смешала [ее] она, Исида,

em ṭet-set ḥenā ta unenet ḥer-set qeṭ-nes-set

в своей руке с землей, которая была на ней, она придала ей

em tcheṭfeti shepsi àri en set em

облик змея священного, [и] она сделала [его] в

qaà ḥeti àn nemunemuà-s

форме стрелы. Не двигался он,

ānkh-thȧ живой *er kheft-set* перед ней, *khaā-set* [и] она оставила [его] *ḥamu* лежащим *ḥer* на

uat дороге, *āpep neter āa ḥer-s* по которой странствовал великий бог *er ȧba - f* по его желанию

em khet taui - f через обе его земли.

neter Бог *shepsi* святой *khā - f* поднялся, *er ḥa* позади *neteru* боги

em Āa-perti в великом двойном доме — *ānkh utcha senb* жизнь, сила, здоровье! *em khet- f* — следовали за ним,

seftseft - f [и] шел он *mȧ* как [делал] *hru neb* каждый день, *unkhu-set* [когда] ужалил *em* [его]

tchetfeti змей *shepsi* священный; *khet* огонь *ānkhet* жизни *per-thȧ* выходил

ȧm - f из него *tchesef* самого, *ṭer-nes* он поразил *ȧmi* живущего *na āshu* в кедрах.

neter netri [un] - f re - f kheru en

Бог святой, он открыл свой рот, голос

ḥen - f ā. u. s. peḥ-nef er pet Paut

его величества — жизнь, сила, здоровье! — достиг небес. Эннеада

neteru tuf ḥer mā pu-u neteru - f

богов была в [говорении]: «Что это?» Его боги [были]

ḥer petrȧ-u ȧn qem - f

в [говорении]: «Что случилось?» Не нашел он

meṭtu er ushebt ḥer - f ȧrti-fi

слов, чтобы ответить об этом. Его обе челюсти

ḥer khetkhet āt - f neb ȧstiti metu

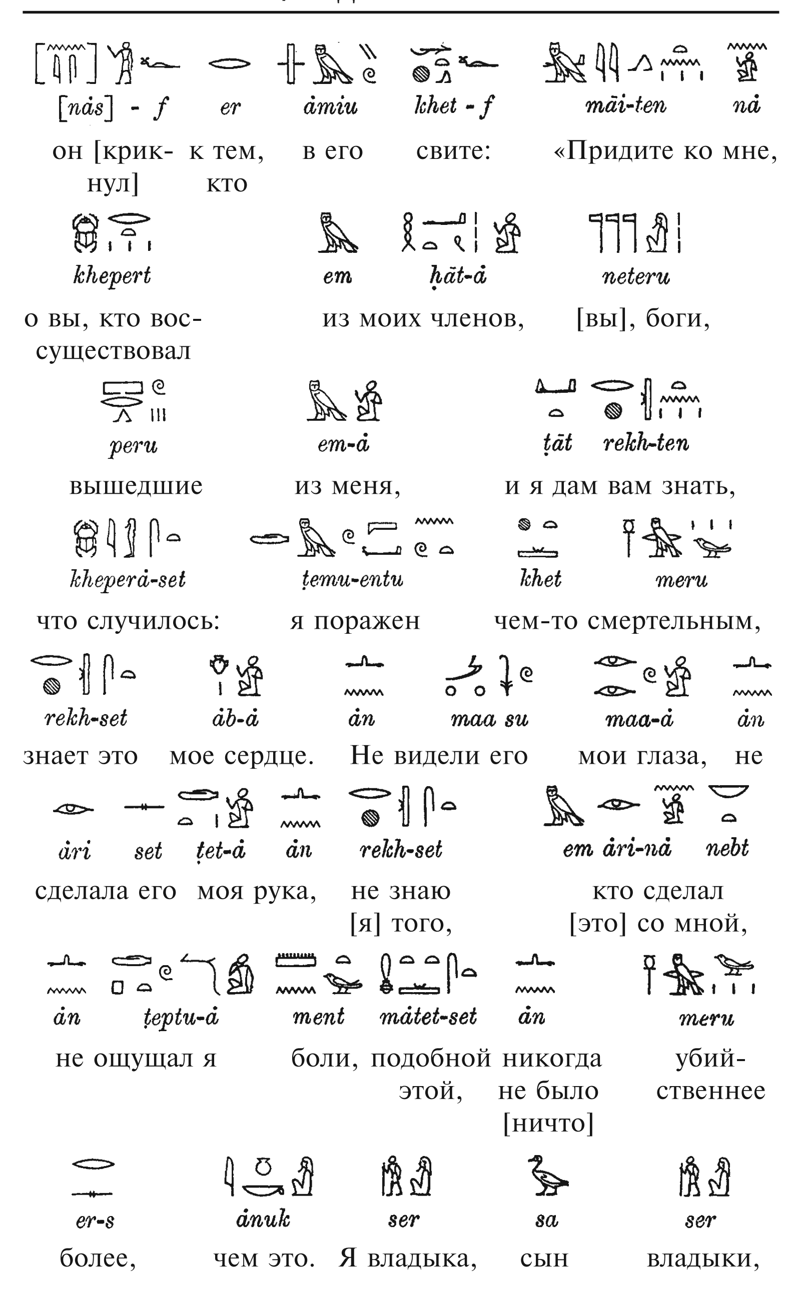
стучали, его члены все дрожали, яд

thetet-nef em ȧufi mȧ thetet Ḥāp

овладел его телом, как овладевает Нил

em khet - f neter āa smen-nef ȧb - f

своим руслом. Бог великий укрепил свое сердце,

[nås] - f — er — åmiu — khet - f — māi-ten — nå

он [крикнул] к тем, кто в его свите: «Придите ко мне,

khepert — em — ḥāt-å — neteru

о вы, кто воссуществовал из моих членов, [вы], боги,

peru — em-å — ṭāt — rekh-ten

вышедшие из меня, и я дам вам знать,

kheperå-set — ṭemu-entu — khet — meru

что случилось: я поражен чем-то смертельным,

rekh-set — åb-å — ån — maa su — maa-å — ån

знает это мое сердце. Не видели его мои глаза, не

åri — set — ṭet-å — ån — rekh-set — em åri-nå — nebt

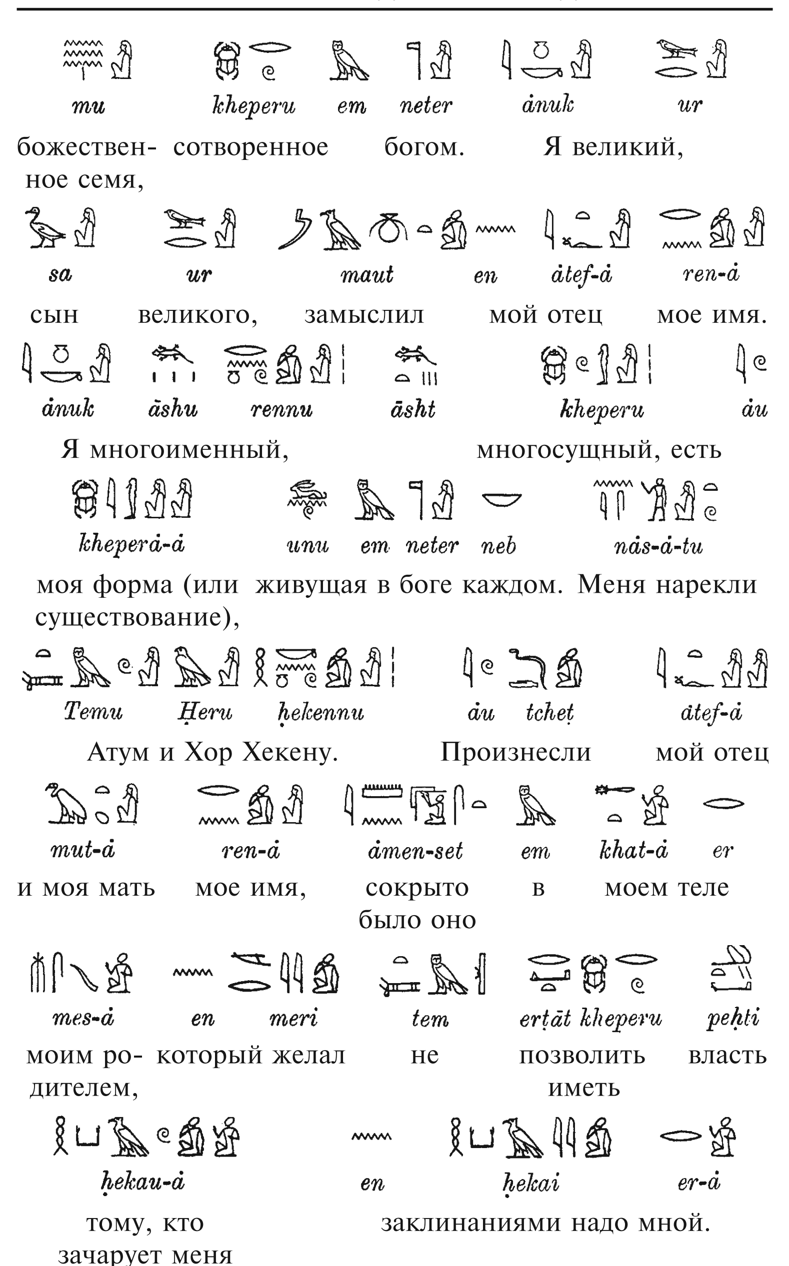
сделала его моя рука, не знаю [я] того, кто сделал [это] со мной,

ån — ṭeptu-å — ment — måtet-set — ån — meru

не ощущал я боли, подобной этой, никогда не было [ничто] убийственнее

er-s — ånuk — ser — sa — ser

более, чем это. Я владыка, сын владыки,

mu *kheperu* *em* *neter* *ȧnuk* *ur*

божествен- ное семя, сотворенное богом. Я великий,

sa *ur* *maut* *en* *ȧtef-ȧ* *ren-ȧ*

сын великого, замыслил мой отец мое имя.

ȧnuk *āshu* *rennu* *āsht* *kheperu* *ȧu*

Я многоименный, многосущный, есть

kheperȧ-ȧ *unu* *em* *neter* *neb* *nȧs-ȧ-tu*

моя форма (или существование), живущая в боге каждом. Меня нарекли

Temu *Ḥeru* *ḥekennu* *ȧu* *tcheṭ* *ȧtef-ȧ*

Атум и Хор Хекену. Произнесли мой отец

mut-ȧ *ren-ȧ* *ȧmen-set* *em* *khat-ȧ* *er*

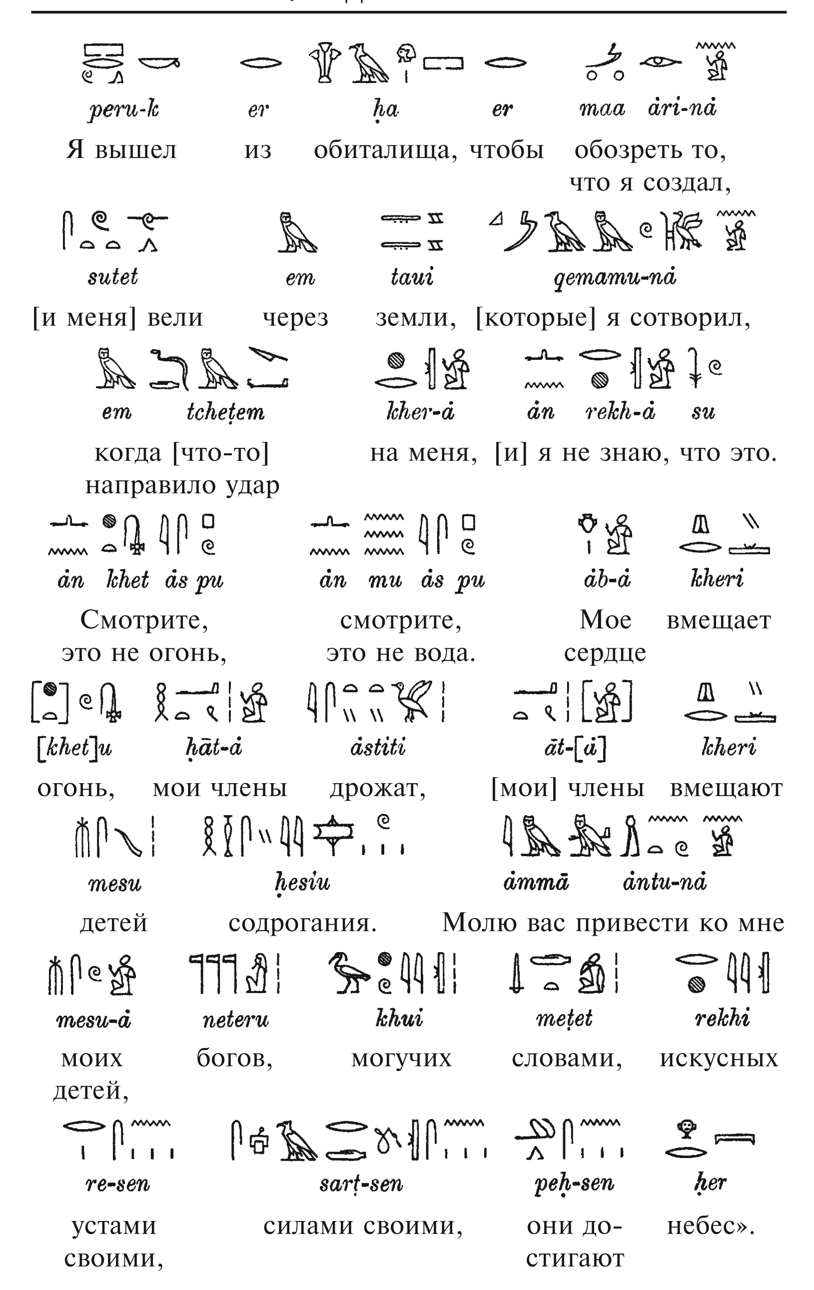
и моя мать мое имя, сокрыто было оно в моем теле

mes-ȧ *en* *meri* *tem* *erṭāt* *kheperu* *peḥti*

моим родителем, который желал не позволить иметь власть

ḥekau-ȧ *en* *ḥekai* *er-ȧ*

тому, кто зачарует меня заклинаниями надо мной.

peru-k er ḥa er maa àri-nà

Я вышел из обиталища, чтобы обозреть то, что я создал,

sutet em taui qematu-nà

[и меня] вели через земли, [которые] я сотворил,

em tcheṭem kher-à àn rekh-à su

когда [что-то] направило удар на меня, [и] я не знаю, что это.

àn khet às pu àn mu às pu àb-à kheri

Смотрите, это не огонь, смотрите, это не вода. Мое сердце вмещает

[khet]u ḥāt-à àstiti āt-[à] kheri

огонь, мои члены дрожат, [мои] члены вмещают

mesu ḥesiu àmmā àntu-nà

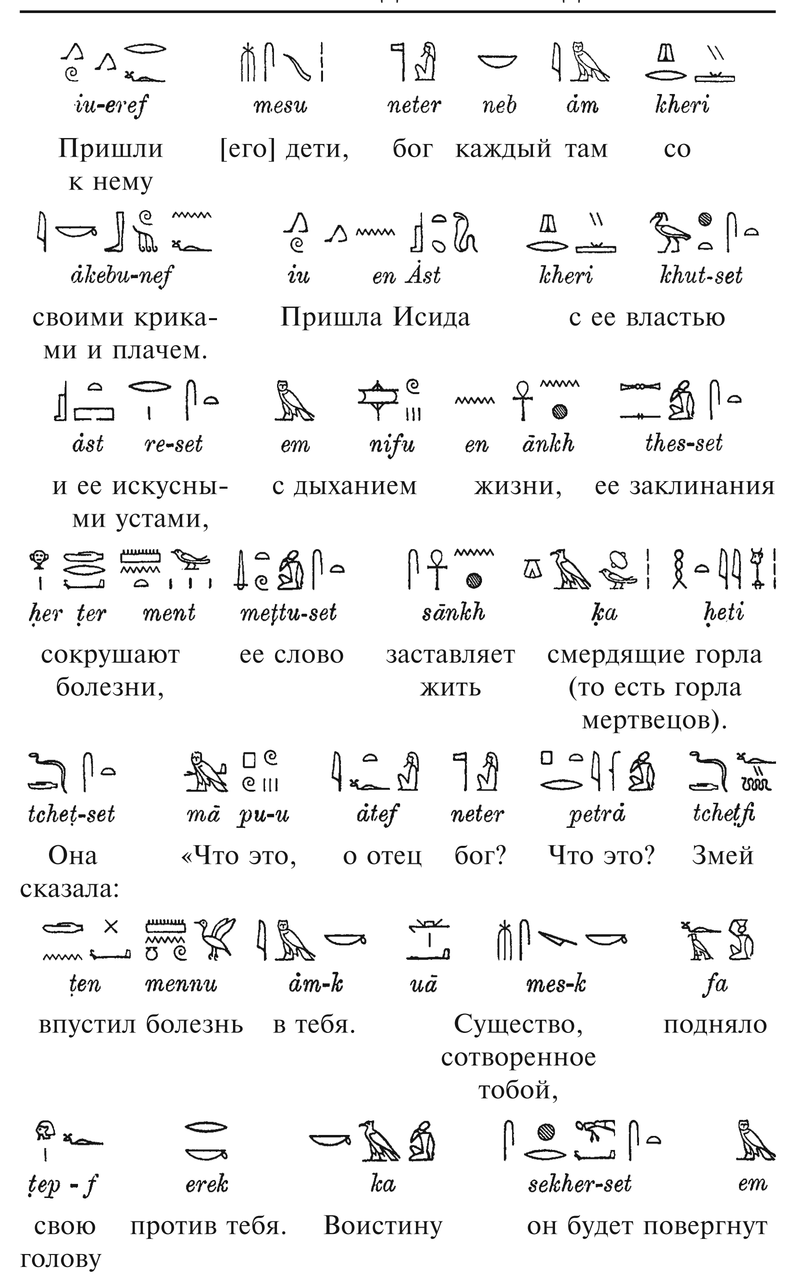
детей содрогания. Молю вас привести ко мне

mesu-à neteru khui meṭet rekhi

моих детей, богов, могучих словами, искусных

re-sen sarṭ-sen peḥ-sen ḥer

устами своими, силами своими, они достигают небес».

iu-eref mesu neter neb åm kheri

Пришли к нему [его] дети, бог каждый там со

åkebu-nef iu en Åst kheri khut-set

своими криками и плачем. Пришла Исида с ее властью

åst re-set em nifu en ānkh thes-set

и ее искусными устами, с дыханием жизни, ее заклинания

ḥer ṭer ment meṭtu-set sānkh ḳa ḥeti

сокрушают болезни, ее слово заставляет жить смердящие горла (то есть горла мертвецов).

tcheṭ-set mā pu-u åtef neter petrå tcheṭfi

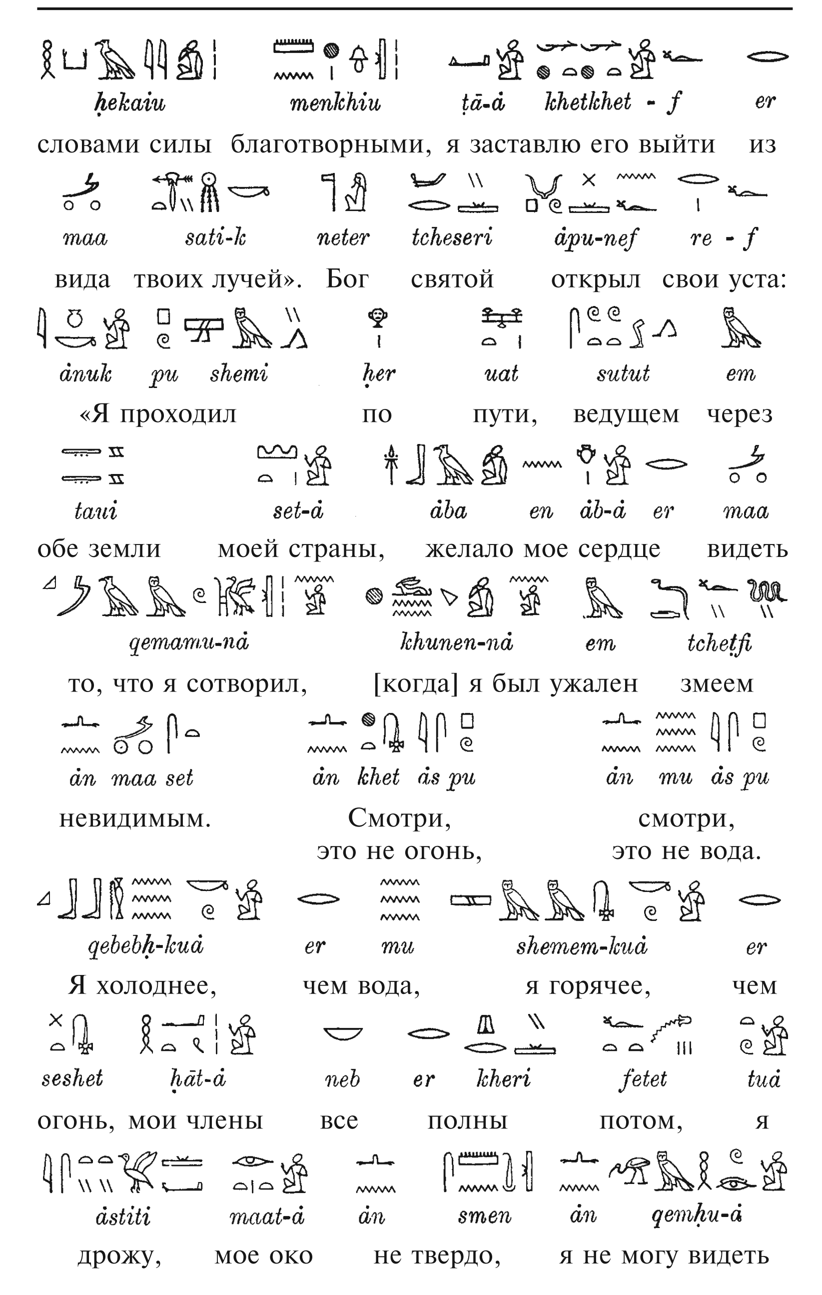
Она сказала: «Что это, о отец бог? Что это? Змей

ṭen mennu åm-k uā mes-k fa

впустил болезнь в тебя. Существо, сотворенное тобой, подняло

ṭep-f erek ka sekher-set em

свою голову против тебя. Воистину он будет повергнут

ḥekaiu menkhiu ṭā-ȧ khetkhet - f er

словами силы благотворными, я заставлю его выйти из

maa sati-k neter tcheseri ȧpu-nef re - f

вида твоих лучей». Бог святой открыл свои уста:

ȧnuk pu shemi ḥer uat sutut em

«Я проходил по пути, ведущем через

taui set-ȧ ȧba en ȧb-ȧ er maa

обе земли моей страны, желало мое сердце видеть

qemamu-nȧ khunen-nȧ em tcheṭfi

то, что я сотворил, [когда] я был ужален змеем

ȧn maa set ȧn khet ȧs pu ȧn mu ȧs pu

невидимым. Смотри, это не огонь, смотри, это не вода.

qebebḥ-kuȧ er mu shemem-kuȧ er

Я холоднее, чем вода, я горячее, чем

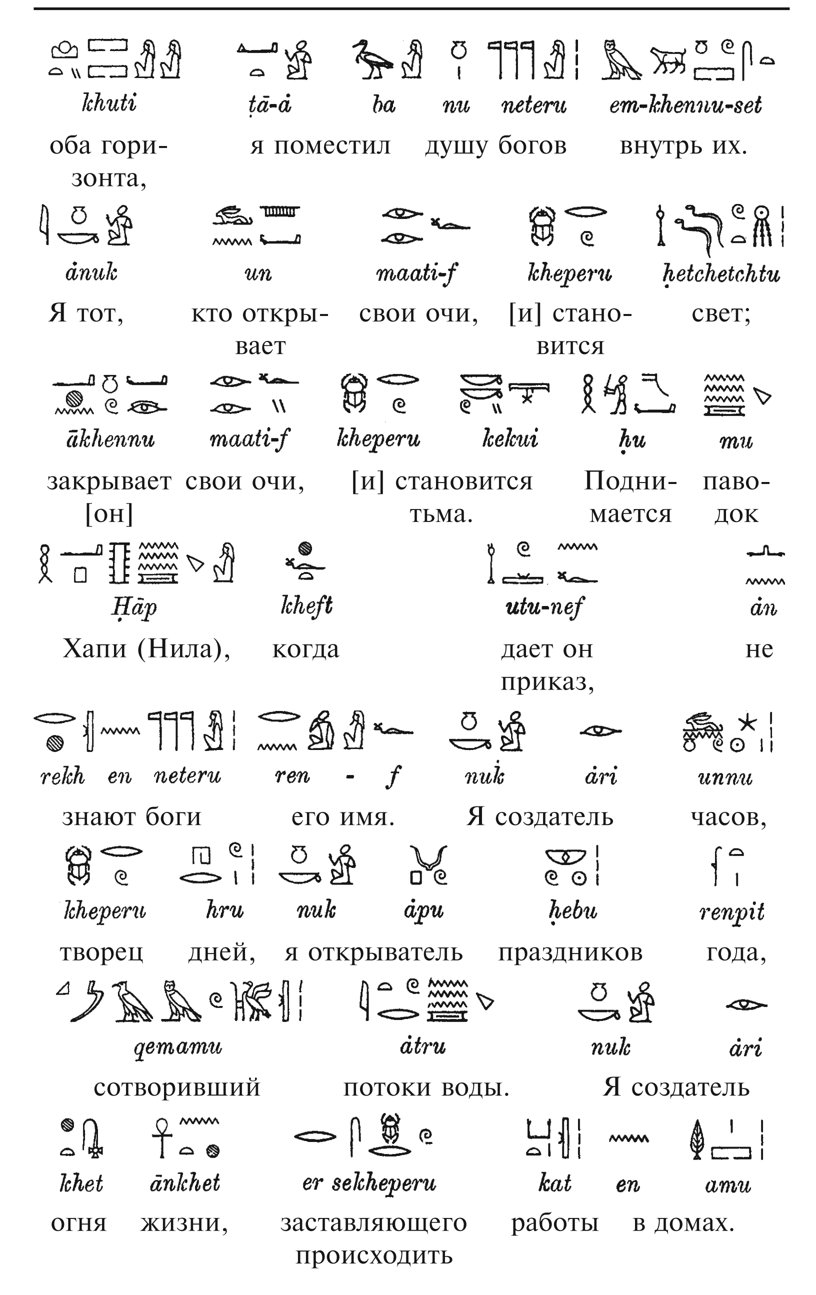
seshet ḥāt-ȧ neb er kheri fetet tuȧ

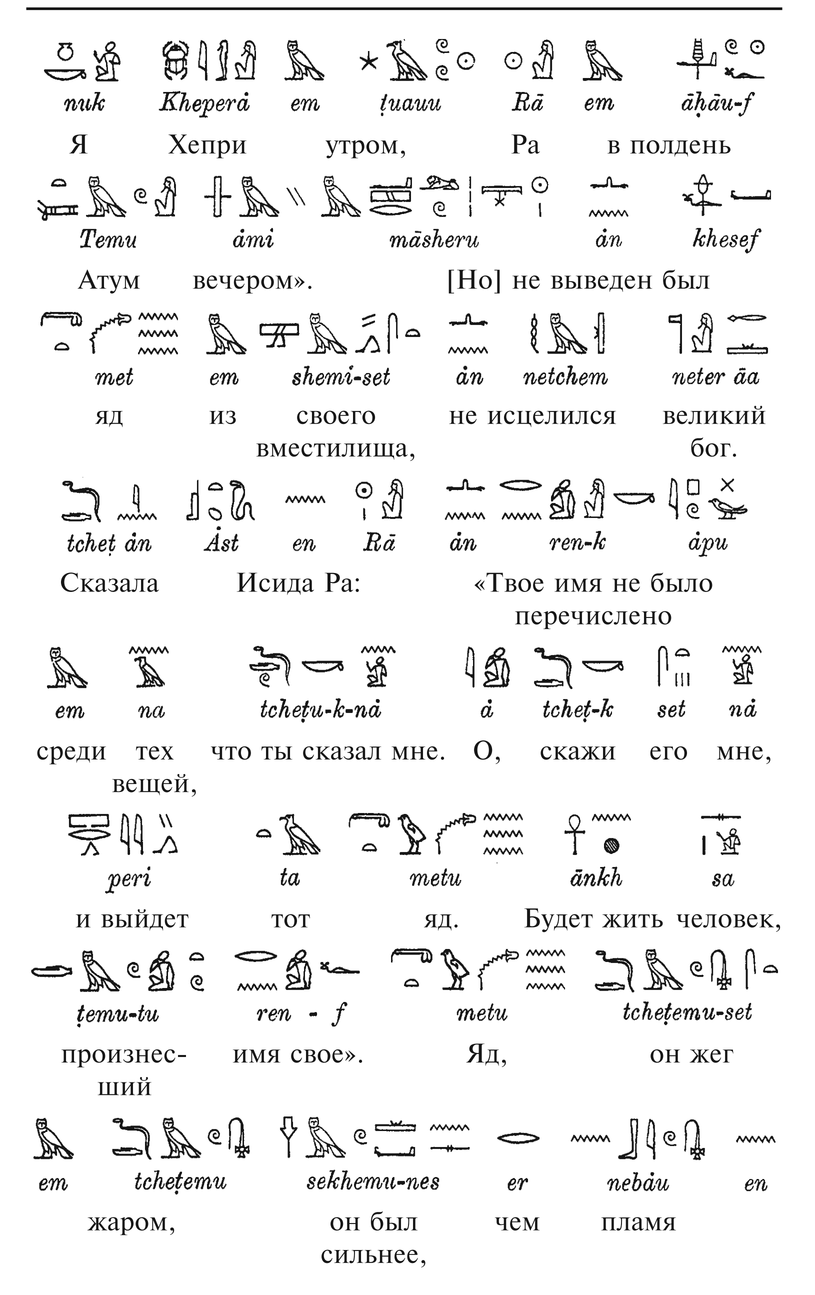
огонь, мои члены все полны потом, я

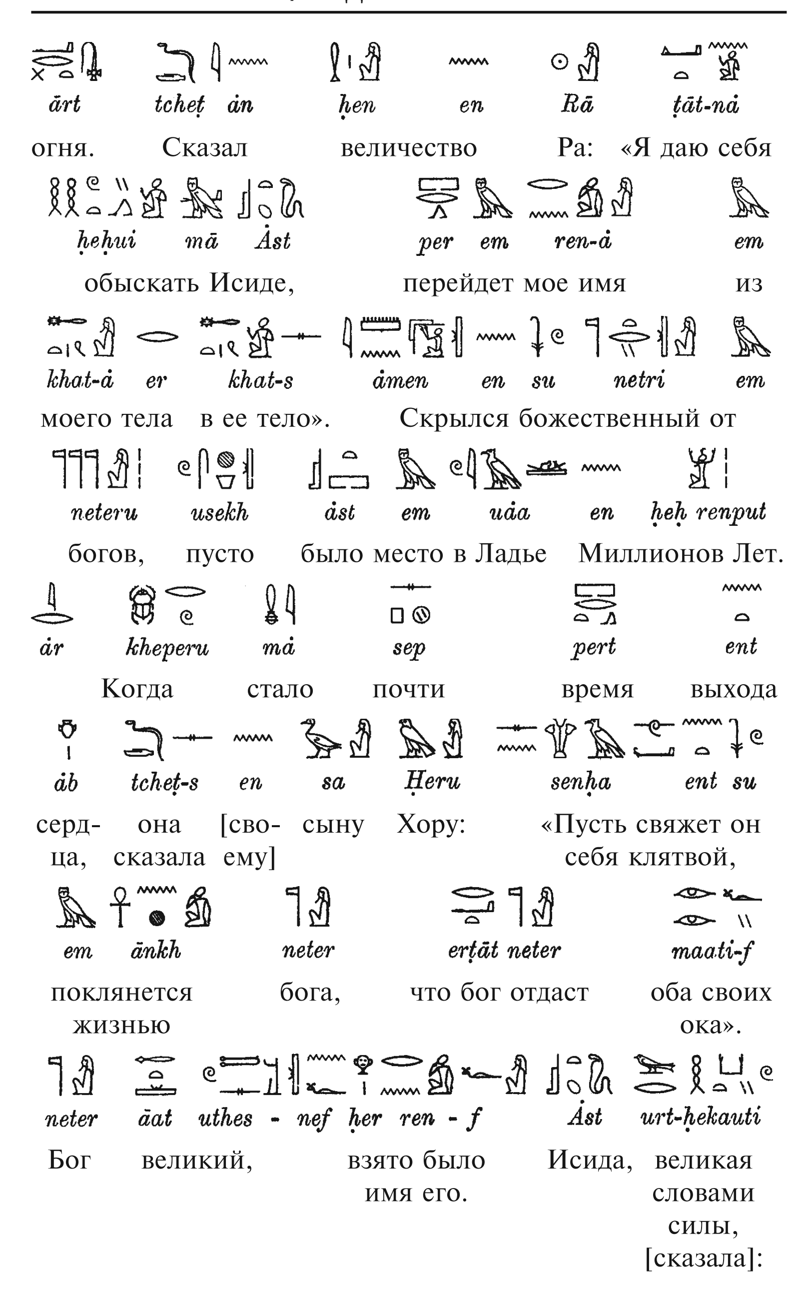
ȧstiti maat-ȧ ȧn smen ȧn qemḥu-ȧ

дрожу, мое око не твердо, я не могу видеть

pet | ḥu | mu | ḥer | ḥrȧ-ȧ | em | shemu
небо, выступает вода на моем лице, [как] летом».
tcheṭ ȧn | Ȧst | en | Rā | ȧ | tcheṭ-nȧ | ren-k
Сказала Исида Ра: «О, скажи мне твое имя,
ȧtef | neter | ānkh | sa | ṭemu-tu | ḥer
отец бог! Живет человек, который провозгласил
ren - f | ȧnuk | ȧri | pet | ta
свое имя». [Сказал Ра:] «Я создатель неба [и] земли,
thes | ṭuu | qemamu | unnet
связавший воедино горы, творец того, что существует
ḥer - f | nuk | ȧri | mu | kheperṭu
на ней. Я создатель воды, давший существовать
Meḥt-ur | ȧri | ka | en | mut - f | kheperu
Мехет-урет, действующий [как] телец его матери, творец
netchem netchemiu | nuk | ȧri | pet | sesheta
радостей любви. Я создатель неба, и [я] покрыл

khuti
tā-ȧ
ba
nu
neteru
em-khennu-set
оба горизонта,
я поместил
душу богов
внутрь их.
ȧnuk
un
maati-f
kheperu
ḥetchetchtu
Я тот,
кто открывает
свои очи,
[и] становится
свет;
ākhennu
maati-f
kheperu
kekui
ḥu
mu
закрывает [он]
свои очи,
[и] становится тьма.
Поднимается
паводок
Ḥāp
kheft
utu-nef
ȧn
Хапи (Нила),
когда
дает он приказ,
не
rekh
en
neteru
ren
-
f
nuk
ȧri
unnu
знают боги
его имя.
Я создатель
часов,
kheperu
hru
nuk
ȧpu
ḥebu
renpit
творец
дней,
я открыватель
праздников
года,
qemamu
ȧtru
nuk
ȧri
сотворивший
потоки воды.
Я создатель
khet
ānkhet
er sekheperu
kat
en
amu
огня
жизни,
заставляющего происходить
работы
в домах.

nuk Kheperȧ em ṭuauu Rā em āḥāu-f
Я Хепри утром, Ра в полдень
Temu ȧmi māsheru ȧn khesef
Атум вечером». [Но] не выведен был
met em shemi-set ȧn netchem neter āa
яд из своего вместилища, не исцелился великий бог.
tcheṭ ȧn Ȧst en Rā ȧn ren-k ȧpu
Сказала Исида Ра: «Твое имя не было перечислено
em na tcheṭu-k-nȧ ȧ tcheṭ-k set nȧ
среди тех вещей, что ты сказал мне. О, скажи его мне,
peri ta metu ānkh sa
и выйдет тот яд. Будет жить человек,
ṭemu-tu ren - f metu tcheṭemu-set
произнесший имя свое». Яд, он жег
em tcheṭemu sekhemu-nes er nebȧu en
жаром, он был сильнее, чем пламя

ārt tchet ȧn ḥen en Rā ṭāt-nȧ

огня. Сказал величество Ра: «Я даю себя

ḥeḥui mā Ȧst per em ren-ȧ em

обыскать Исиде, перейдет мое имя из

khat-ȧ er khat-s ȧmen en su netri em

моего тела в ее тело». Скрылся божественный от

neteru usekh ȧst em uȧa en ḥeḥ renput

богов, пусто было место в Ладье Миллионов Лет.

ȧr kheperu mȧ sep pert ent

Когда стало почти время выхода

ȧb tchet-s en sa Ḥeru senḥa ent su

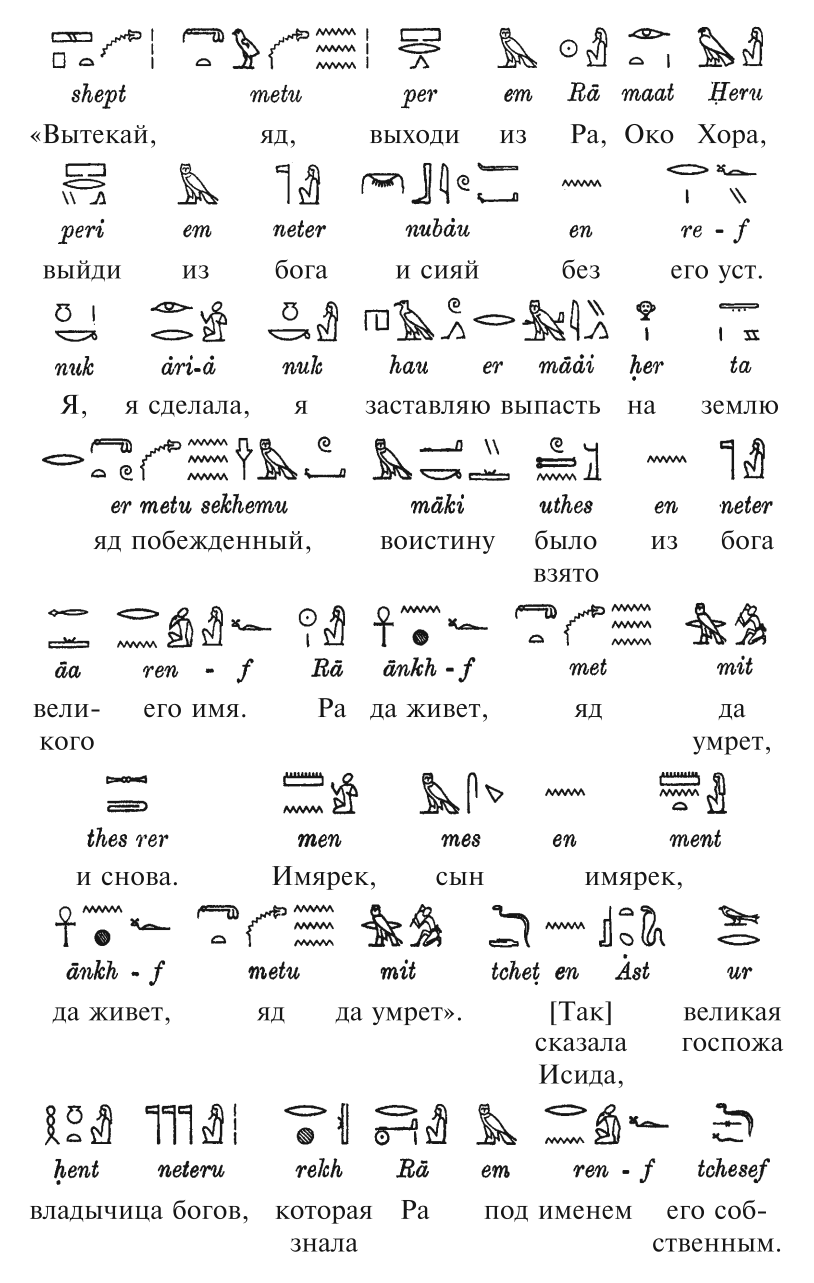
сердца, она сказала [своему] сыну Хору: «Пусть свяжет он себя клятвой,

em ānkh neter ertāt neter maati-f

поклянется жизнью бога, что бог отдаст оба своих ока».

neter āat uthes - nef ḥer ren - f Ȧst urt-ḥekauti

Бог великий, взято было имя его. Исида, великая словами силы, [сказала]:

shept metu per em Rā maat Ḥeru
«Вытекай, яд, выходи из Ра, Око Хора,
peri em neter nubȧu en re - f
выйди из бога и сияй без его уст.
nuk ȧri-ȧ nuk hau er māāi ḥer ta
Я, я сделала, я заставляю выпасть на землю
er metu sekhemu māki uthes en neter
яд побежденный, воистину было взято из бога
āa ren - f Rā ānkh - f met mit
великого его имя. Ра да живет, яд да умрет,
thes rer men mes en ment
и снова. Имярек, сын имярек,
ānkh - f metu mit tcheṭ en Ȧst ur
да живет, яд да умрет». [Так] сказала Исида, великая госпожа
ḥent neteru rekh Rā em ren - f tchesef
владычица богов, которая знала Ра под именем его собственным.

tchet her tut en Temu henā Heru-hekennu

Говорить над изображением Атума и Хора-хекену,

erpit Ȧst tut Heru

и [над] изображением Исиды, и изображением Хора.

Глава 12
ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Иероглифический текст с транслитерацией и переводом

.... neter kheper tchesef em-khet un-nef em

.......бог, который создал себя самого. После он был в

sutenit reth neteru em khet

царствовании [над] людьми, и богами, и созданным,

Uāti un ȧn reth her kat metet

Единственный, мужчины и женщины богохульствовали и говорили:

ȧstu eref hen ānkh utcha senb ȧaiu

«Смотрите, его величество! — жизнь, сила, здоровье! — состарился,

kesu-f em ḥetch ḥāu - f em nub sheni - f

его кости как серебро, его члены как золото, его волосы

em khesbeṭ maāt un ȧn ḥen-f ḥer setem

как лазурит настоящий». Его величество слушал,

meṭet ȧn reth tcheṭ ȧn ḥen-f ānkh utcha senb

что говорили люди. Сказал его величество, жизнь, сила, здоровье,

er enti emkhetti-f nȧs mā-nȧ er maat-ȧ

тем, кто был в его свите: «Позовите, приведите мое Око, ко мне

er Shu Tefnut Seb Nut ḥenā ȧtefiu mut

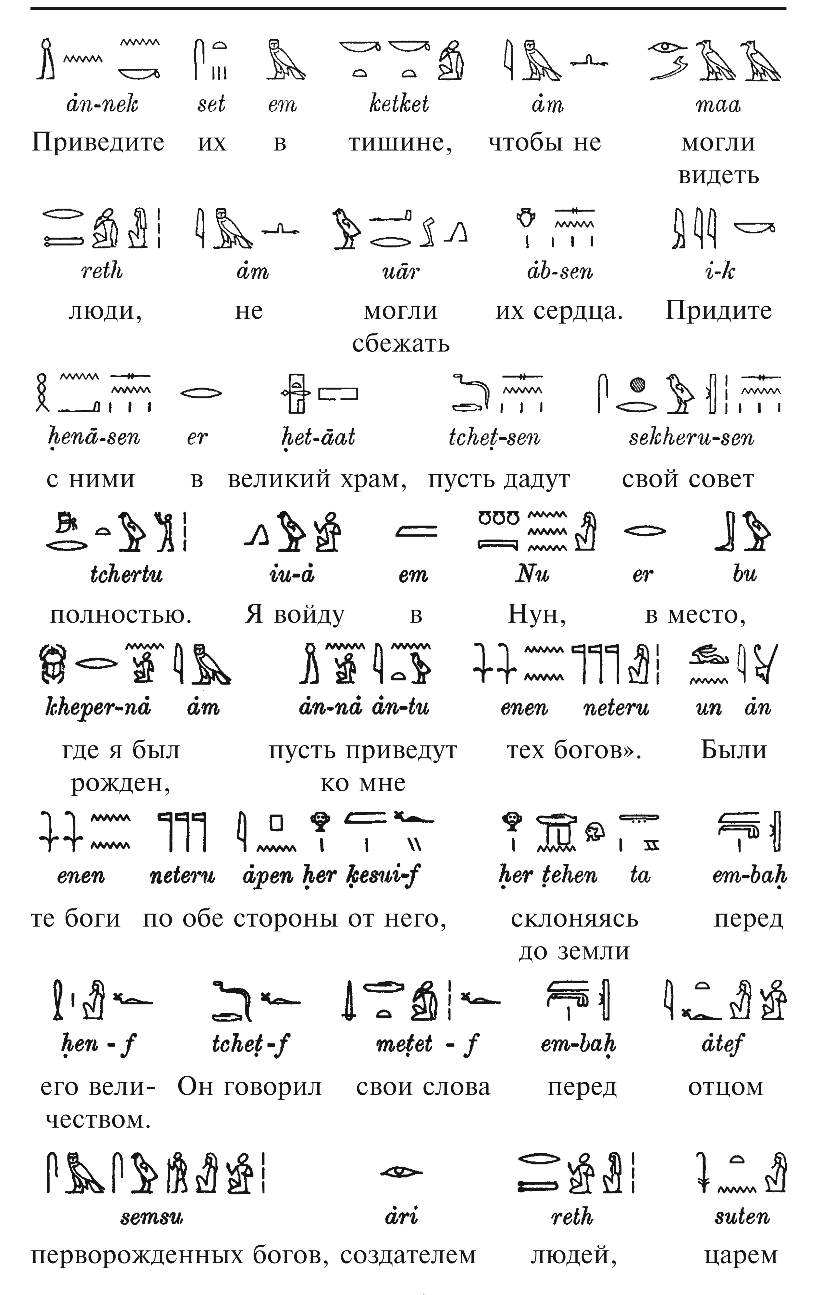
и Шу, Тефнут, Геба, Нут и божественных отцов и матерей,

uneniu ḥenā-ȧ ȧstu-ȧ em Nu ḥenā kher

которые жили со мной, когда, вот, я пребывал в Нуне вместе с

neter-ȧ Nu ȧn-nef shenthi - f ḥenā - f

моим богом Нуном. Пусть он приведет свою свиту с собою.

ȧn-nek set em ketket ȧm maa

Приведите их в тишине, чтобы не могли видеть

reth ȧm uār ȧb-sen i-k

люди, не могли сбежать их сердца. Придите

ḥenā-sen er ḥet-āat tcheṭ-sen sekheru-sen

с ними в великий храм, пусть дадут свой совет

tchertu iu-ȧ em Nu er bu

полностью. Я войду в Нун, в место,

kheper-nȧ ȧm ȧn-nȧ ȧn-tu enen neteru un ȧn

где я был рожден, пусть приведут ко мне тех богов». Были

enen neteru ȧpen ḥer ḳesui-f ḥer ṭehen ta em-baḥ

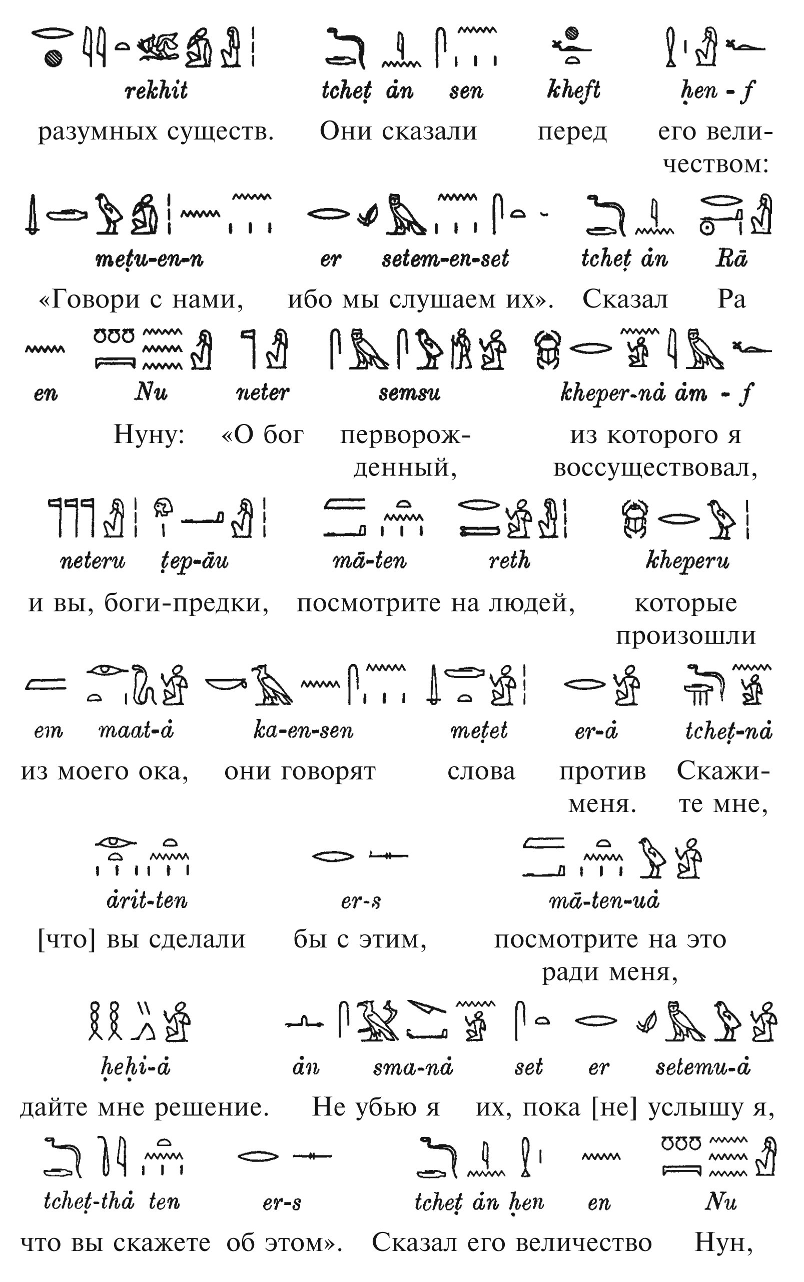
те боги по обе стороны от него, склоняясь до земли перед

ḥen-f tcheṭ-f meṭet-f em-baḥ ȧtef

его величеством. Он говорил свои слова перед отцом

semsu ȧri reth suten

перворожденных богов, создателем людей, царем

rekhit tchet ȧn sen kheft ḥen-f

разумных существ. Они сказали перед его величеством:

metu-en-n er setem-en-set tchet ȧn Rā

«Говори с нами, ибо мы слушаем их». Сказал Ра

en Nu neter semsu kheper-nȧ ȧm-f

Нуну: «О бог перворожденный, из которого я воссуществовал,

neteru ṭep-āu mā-ten reth kheperu

и вы, боги-предки, посмотрите на людей, которые произошли

em maat-ȧ ka-en-sen metet er-ȧ tchet-nȧ

из моего ока, они говорят слова против меня. Скажите мне,

ȧrit-ten er-s mā-ten-uȧ

[что] вы сделали бы с этим, посмотрите на это ради меня,

ḥeḥi-ȧ ȧn sma-nȧ set er setemu-ȧ

дайте мне решение. Не убью я их, пока [не] услышу я,

tchet-thȧ ten er-s tchet ȧn ḥen en Nu

что вы скажете об этом». Сказал его величество Нун,

sa	*Rā*	*neter*	*āa*	*er*	*åri su*
сын	Ра:	«Бог,	более великий,	чем	тот, кто создал его,

ur	*er*	*qema[m]-iu-su*	*ḥems*
более могущественный,	чем	те, кто был сотворен вместе с ним,	сиди на

åst-k	*ur*	*senṭ-k*	*åu maat-k*	*er*
своем престоле,	велик	страх перед тобой,	пусть Око твое будет	на

uaiu åm-k	*tcheṭ ån ḥen en*	*Rā*
тех, кто богохульствовал на тебя».	Сказал его величество	Ра:

mā-ten	*set*	*uār*	*er*	*set*	*åb-sen*
«Смотрите,	они	бегут	в	гору,	их сердца

senṭu	*ḥer*	*tcheṭ en sen*	*tcheṭ ån-sen*
страшатся	из-за того,	что они сказали».	Они сказали

kheft ḥen-f	*ṭā shem maat-k*	*ḥau-s-nek*
перед его величеством:	«Пусть выйдет твое Око,	пусть сокрушит для тебя

set uaiu em ṭu ȧn maat

тех, кто богохульствует со злобой, никакое око

khenti ȧm-s er ḥu . . . . .-k set ha-s

не может оставаться в противодействии ему... [когда] оно снисходит

em Ḥet-Ḥert iu ȧn eref netert ten

в виде Хатхор». Выступила тогда богиня эта,

smam-nes reth ḥer set tcheṭ ȧn

она убила людей на горе. Сказал

ḥen en neter pen ịȧi-ui em ḥetep Ḥet-Ḥert

величество бога: «Иди, иди в покое, Хатхор,

ȧrit en ȧrit tcheṭ ȧn netert ten ānkh-k nȧ

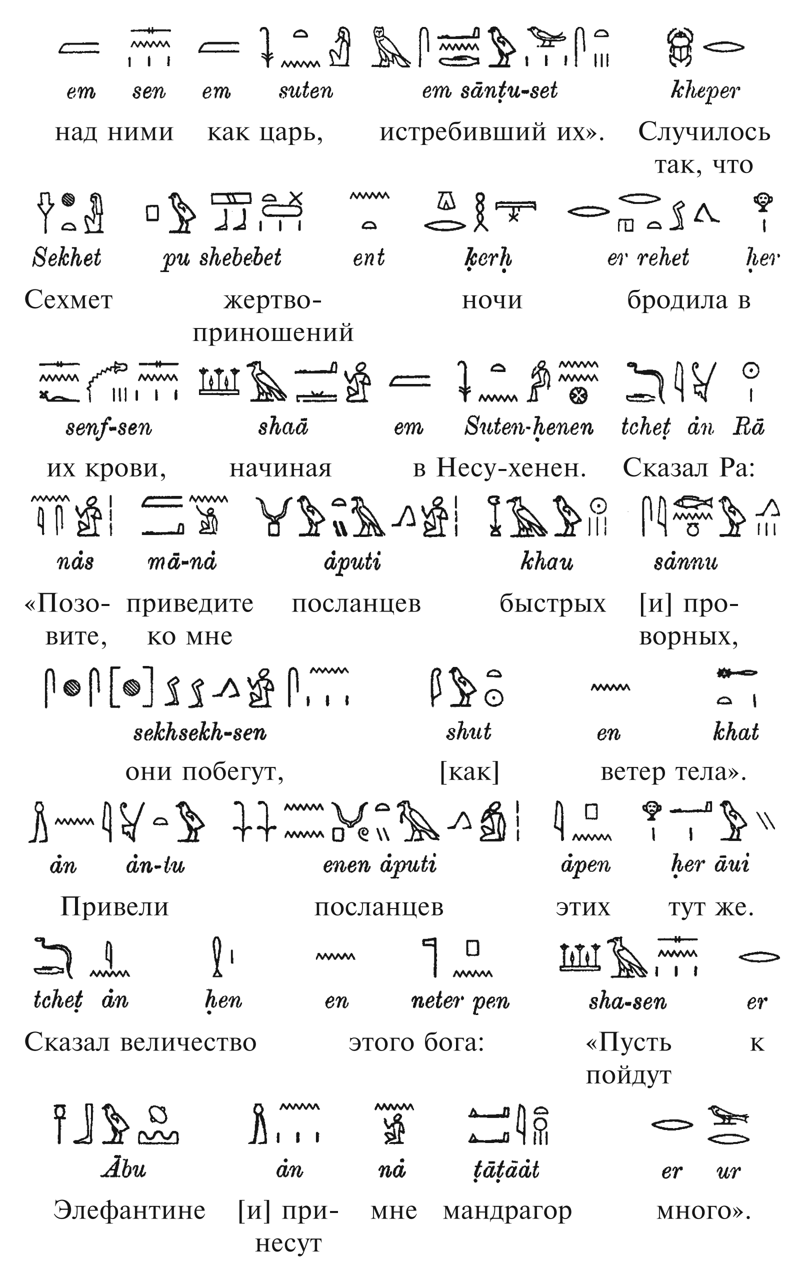
ибо дело сделано». Сказала эта богиня: «Ты даешь мне жизнь;

ȧu sekhem-nȧ em reth ȧu netchem ḥer

когда я имела власть над людьми, это было приятно для

ȧb-ȧ tcheṭ ȧn ḥen en Rā ȧu-ȧ er sekhem

моего сердца». Сказал его величество Ра: «Я буду господином

em sen em suten em sānṭu-set kheper
над ними как царь, истребивший их». Случилось так, что
Sekhet pu shebebet ent kerḥ er rehet ḥer
Сехмет жертвоприношений ночи бродила в
senf-sen shaā em Suten-ḥenen tcheṭ ȧn Rā
их крови, начиная в Несу-хенен. Сказал Ра:
nȧs mā-nȧ ȧputi khau sȧnnu
«Позовите, приведите ко мне посланцев быстрых [и] проворных,
sekhsekh-sen shut en khat
они побегут, [как] ветер тела».
ȧn ȧn-tu enen ȧputi ȧpen ḥer āui
Привели посланцев этих тут же.
tcheṭ ȧn ḥen en neter pen sha-sen er
Сказал величество этого бога: «Пусть пойдут к
Ābu ȧn nȧ ṭāṭāāt er ur
Элефантине [и] принесут мне мандрагор много».

ȧn ȧn-tu nef enen ṭāṭāāt ertāt ȧn ḥen

Принесли ему эти мандрагоры, дал величество

en neter pen Sektet enti em Ȧnnu ḥer netch

этого бога Сектету, который в Гелиополе, размолоть

ṭāṭāāt ȧpen ȧstu kher ḥent ḥer tesh

мандрагоры эти. Вот, когда женщины толкли

pertu er ḥeqt ertā ȧn-tu ṭāṭāāt ȧpen

ячмень для пива, они клали мандрагоры эти

ḥer shebebet ten senf en reth

в сосуды пивные, [они стали] кровью людей.

ȧrit-ȧn-ʻu ḥeqt ārnet 7000 iu ȧn

Сделано было пива сосудов семь тысяч, пришел

eref ḥen en suten bȧt Rā ḥenā

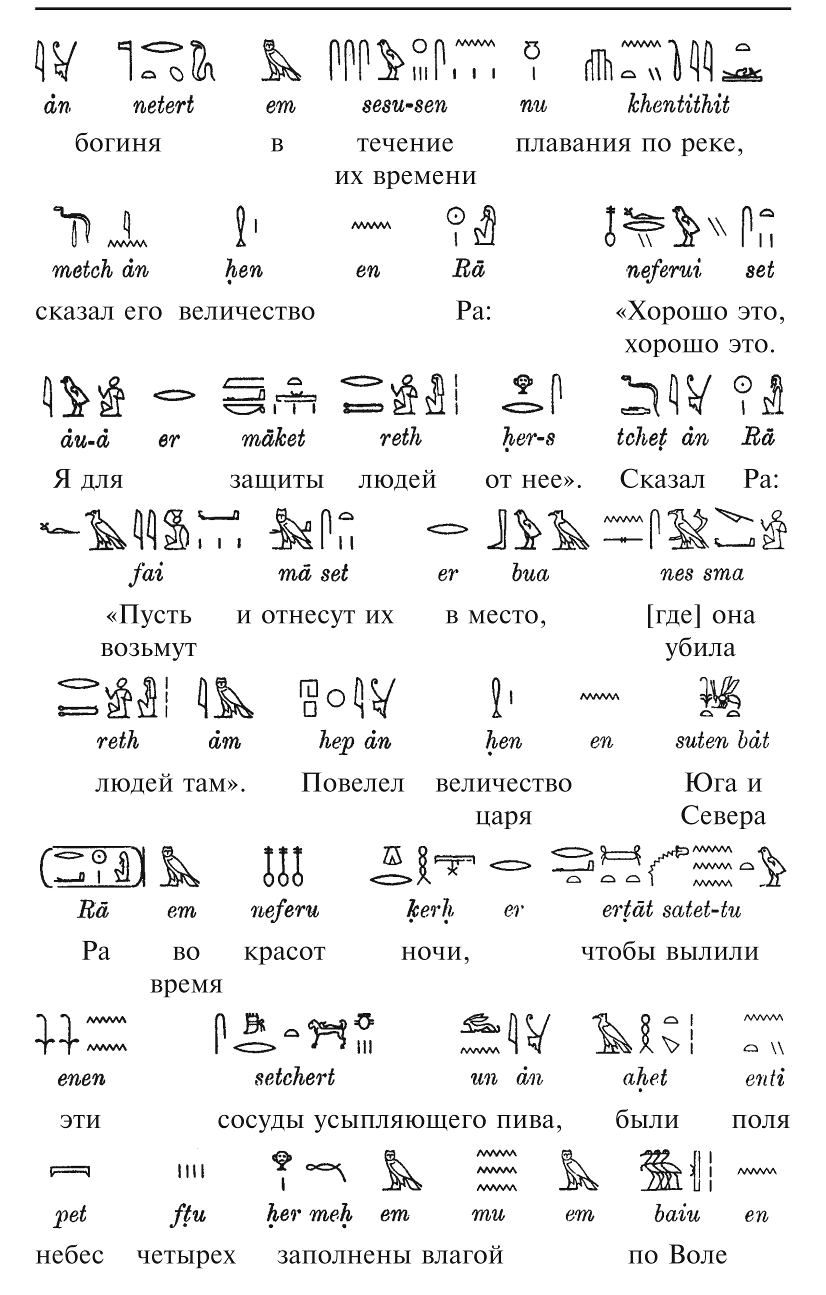
тогда величество царя Юга и Севера Ра с

neteru ȧpen er maa enen ḥeqet ȧstu

богами этими, чтобы увидеть это пиво. И вот,

ḥetch ta en smama reth

когда настал рассвет после того, как убила людей

ȧn netert em sesu-sen nu khentithit
богиня в течение их времени плавания по реке,
metch ȧn ḥen en Rā neferui set
сказал его величество Ра: «Хорошо это, хорошо это.
ȧu-ȧ er māket reth ḥer-s tcheṭ ȧn Rā
Я для защиты людей от нее». Сказал Ра:
fai mā set er bua nes sma
«Пусть возьмут и отнесут их в место, [где] она убила
reth ȧm hep ȧn ḥen en suten bȧt
людей там». Повелел величество царя Юга и Севера
Rā em neferu ḳerḥ er ertāt satet-tu
Ра во время красот ночи, чтобы вылили
enen setchert un ȧn aḥet enti
эти сосуды усыпляющего пива, были поля
pet ftu ḥer meḥ em mu em baiu en
небес четырех заполнены влагой по Воле

ḥen en neter pen shemt ȧn netert ten em

величества этого бога. Пришла богиня (то есть Сехмет) эта

ṭuaiu qem-nes enen ḥer meḥt nefer

утром, нашла она это [небо] наполненным, радостным

ȧn ḥrȧ-set ȧm un ȧn set ḥer surȧ

было ее лицо из-за этого, стала она пить,

nefer ḥer ȧb-set i-nes tekh-thȧ

веселым было ее сердце, она стала пьяной,

ȧn sa-nes reth tcheṭ ȧn ḥen en Rā

не знала она людей. Сказал величество Ра

en netert ten it-ui em ḥetep Amit

богине этой: «Иди, иди с покоем, о Прекрасная».

kheper nefert em Am tcheṭ ȧn

И вот стали прекрасные молодые женщины в Имау. Сказал

ḥen en Rā en netert ten ȧri en set

величество Ра богине этой: «Пусть готовят для нее

setchertet em trȧiu renpet ȧpen

сосуды с усыпляющим пивом во времена года эти;

set er ḥent-ȧ kheper ȧrit

они [будут] соразмерны моим прислужницам». И стали готовиться

setchert pu em ȧpt ḥent

сосуды с усыпляющим пивом согласно числу прислужниц

ḥeb en Ḥet-ḥert ȧn reth neb tcher hru

на празднике Хатхор людьми всеми с дня

ṭepi tcheṭ ȧn ḥen en Rā en netert ten

первого. Сказал величество Ра богине этой:

ȧn ȧu mer en heh en mer kheper

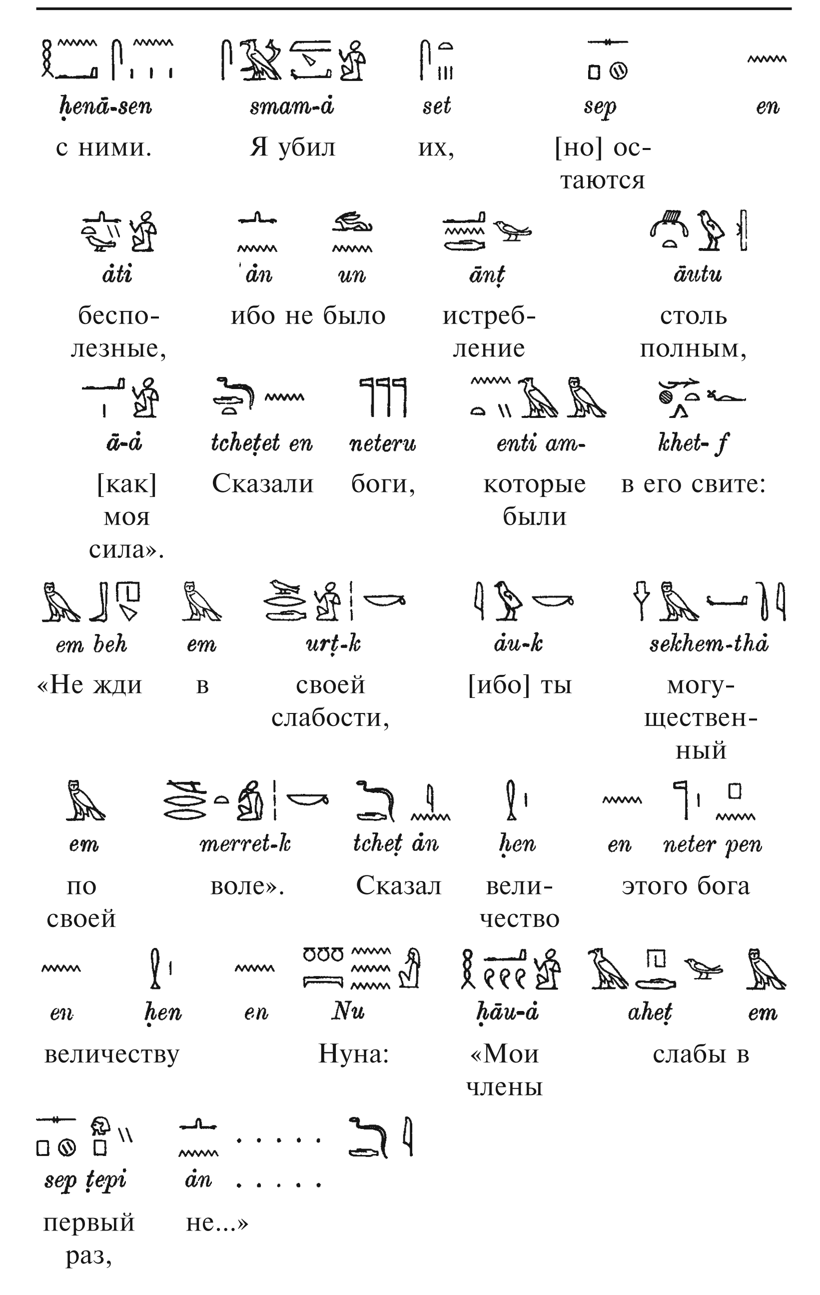
«Смотри, боль огня болезни посетила [меня],

kher trȧ-ui ȧn mer tcheṭ ȧn ḥen en

откуда, о, откуда эта боль?» Сказал величество

Rā ānkh-nȧ ȧu ȧb-ȧ urṭu ur unen

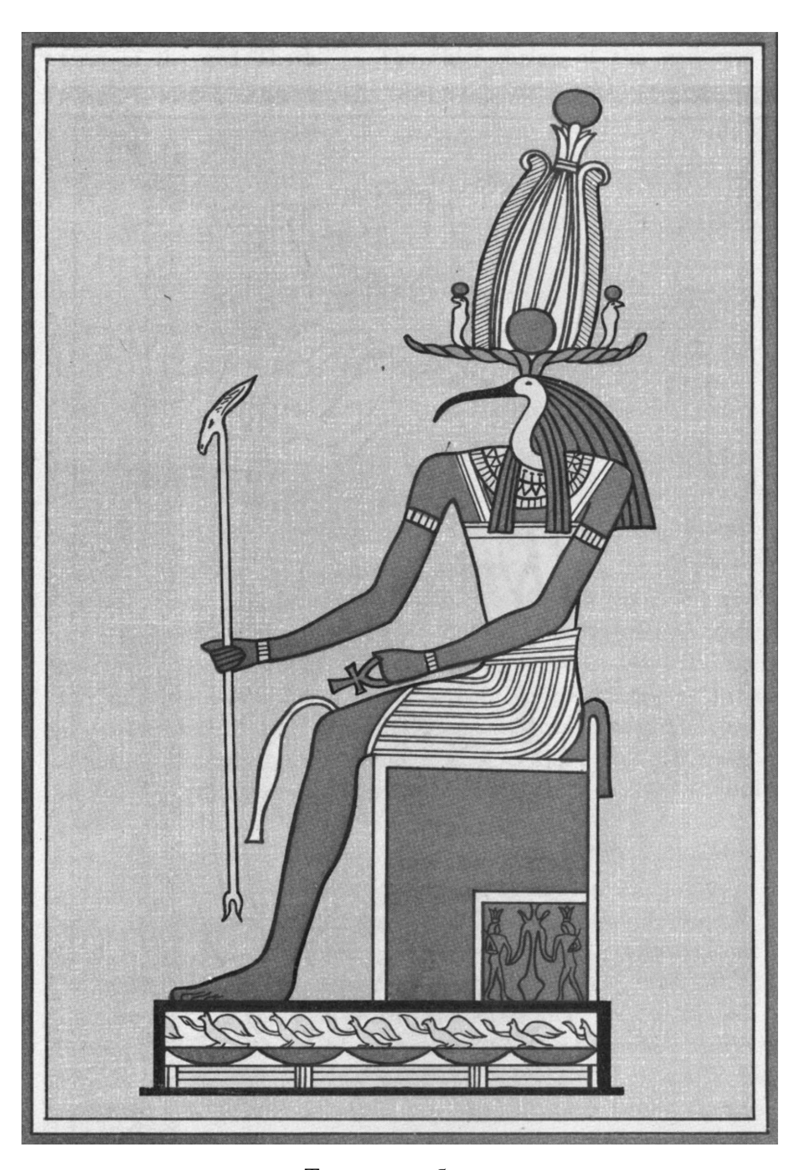
Ра: «Я живу, [но] мое сердце очень устало быть

ḥenā-sen smam-ȧ set sep en
с ними. Я убил их, [но] остаются
ȧti ȧn un ānṭ āutu
бесполезные, ибо не было истребление столь полным,
ā-ȧ tcheṭet en neteru enti am- khet- f
[как] моя сила». Сказали боги, которые были в его свите:
em beh em urṭ-k ȧu-k sekhem-thȧ
«Не жди в своей слабости, [ибо] ты могущественный
em merret-k tcheṭ ȧn ḥen en neter pen
по своей воле». Сказал величество этого бога
en ḥen en Nu ḥāu-ȧ aheṭ em
величеству Нуна: «Мои члены слабы в
sep ṭepi ȧn . . . . .
первый раз, не...»

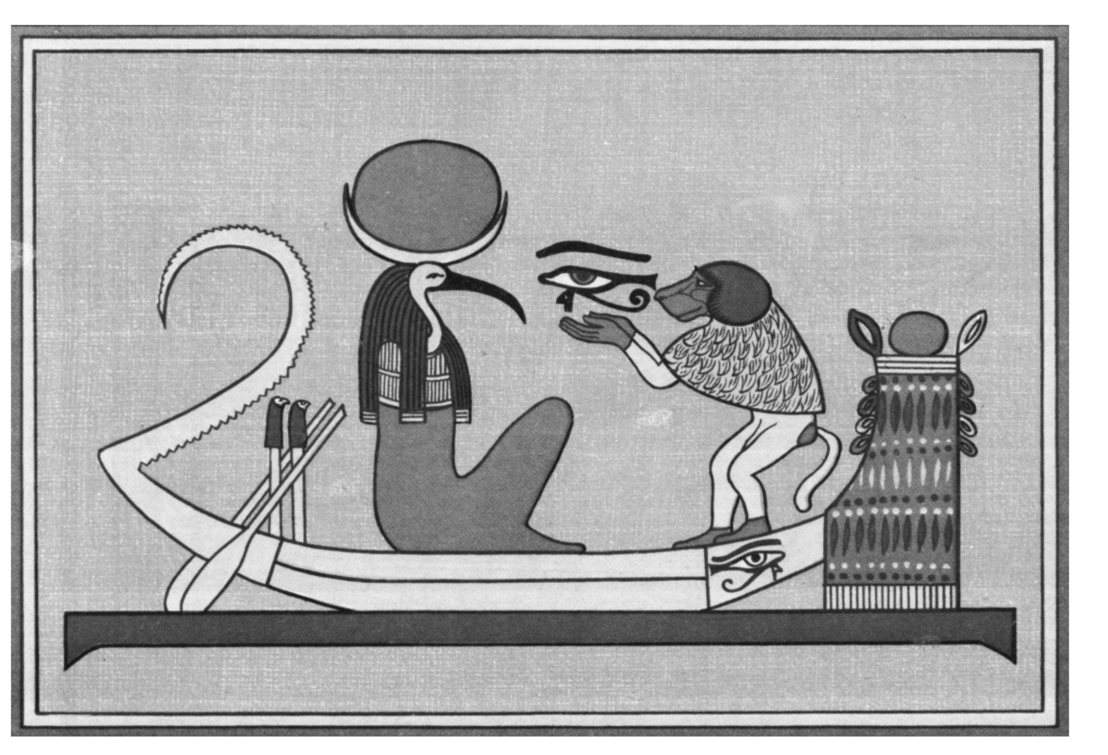
Глава 13

ТОТ (ДЖЕХУТИ), МААТ И ДРУГИЕ БОГИ, СВЯЗАННЫЕ С НИМ

Гимны Ра, содержащиеся в Книге мертвых, а также в других заупокойных текстах древних египтян, утверждают, что божества Тот и Маат стояли по обе стороны от Ра в его ладье. Очевидно, считалось, что они играли важную роль в определении ее курса. Поскольку они были вместе с Ра, когда этот бог возник из хаоса Нуна, то по возрасту они должны быть равны ему. Идеи, которые сформировались в сознании египтян относительно Тота и Маат, носили одновременно и материальный, и духовный характер. Невозможно сделать вывод о том, какие функции исполняли эти божества, не сделав сначала обзор тех фактов о них, которые упоминаются в текстах. Вообще, Маат можно рассматривать как женское дополнение Тота. В Текстах пирамид, нашем самом раннем источнике, функции у Тота исключительно заупокойные: там он выступает всего лишь как бог, который выражает желание быть помощником умершего царя. Хотя из многих отрывков ясно, что души в загробном мире очень ждали его помощи, детального описания того, что делал Тот, этот источник не дает. В таком случае обратимся к надписям позднего династического периода. Из них мы узнаем, что Тота называли «Господином Хемену, создавшим себя самого, которого не родил никто, богом Единственным», «тем, кто ведет счет на небе, считающим звезды, пересчитывающим землю и все, что на ней, измерителем земли», «сердцем Ра, которое выступает в форме бога Тота». Главное святилище этого бога находилось в Хемену, который греки называли Гермополем, а арабы Ашмунейном. Однако святилища Тота находились также в Абидосе, Хесерте, Урите, Пер-абе, Рехуи, Та-уре, Сепе, Хате, Пселкете, Талмисе, Иа-джа-Мутете, Бахе, Имен-хери-ибе, и Та-кенсе. Как владыка этих мест, он был «господином божественных

Тот, писец богов

Джехути с другим своим образом обезьяны

слов», «господином Маат» и «судьей двух сражающихся богов», то есть Хора и Сета. Среди других его титулов — «Дважды великий» и «Трижды великий». От двух последних произошли эпитеты «Трисмегист» и *ter maximus*, встречающиеся у классических авторов.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что Тот считался богом, который сам себя породил и сам себя создал, что он был Единственным, что он производил вычисления, связанные с устройством небес, звезд и земли, что он был сердцем Ра, господином закона и в материальном, и в моральном аспектах и что он обладал знанием «божественной речи». Многие отрывки дают нам понять, что Тот также изобрел все искусства и науки, что он являлся «господином книг» и «писцом богов». Он был «могущественным в речах», то есть его слова были действенными. Ему приписывали авторство многих заупокойных текстов, посредством которых умерший мог обрести вечную жизнь. Тот играет очень важную роль в Книге мертвых и занимает особое положение среди богов. Он обладает большей властью, нежели Осирис, и даже большей, чем сам Ра. Однако, прежде чем продолжить разговор об этом, рассмотрим те формы, в которых Тот появляется на памятниках. Обычно он предстает в облике человека с головой ибиса, но иногда и в виде ибиса. Когда Тот изображен в виде человека, он держит в руках скипетр и символ «жизни» — элементы, обычные для всех богов. Однако головные уборы его могли быть разными в зависимости от того, в какой именно форме художник желал изобразить Тота. Поскольку этот бог ведет счет сезонам года и времени вообще, на голове у него располагаются полумесяц и диск. В качестве воплощения одной из форм Шу и Ин-Хера он носит головной убор этих богов. Его также иногда изображают в короне *атеф*, или в двойной короне Юга и Севера[1].

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 402f.

В Книге мертвых он появляется как «писец Маат в эннеаде богов» . Тогда он держит тростниковую палочку и палетку для письма. На связь Тота с Ра и первым восходом солнца иногда указывает *уджат* , то есть власть или сила Ока Ра, который он держит в руках.

Имя бога Тота , Джехути, происходит, по всей вероятности, от очень древнего египетского названия ибиса, то есть *джеху*, к которому было добавлено окончание *-ти*, означающее, что царь по имени Джехути обладал свойствами или качествами ибиса. Производное от этого имени, прижившееся среди египтян, связывало его со словом *тех* , «гирька». В отрывках, которые приводит Ланцоне, мы видим, что бога действительно называли *«тех»* [1].

Детерминативом к слову *тех*, «гирька», является знак «сердце» . Мы знаем, что птица, называвшаяся *тех*, или *техуу*, и очень напоминавшая ибиса — священную птицу Тота, была, по мнению некоторых древних ученых, связана с сердцем. Так, Гораполлон утверждал (I, 36), что когда египтяне хотели написать слово «сердце», то они изображали ибиса, ибо эта птица была посвящена Гермесу (то есть Тоту) — владыке мудрости и знаний. Элиан (X, 29) подтверждал свои доводы несколькими любопытными фактами о повадках ибиса. Другими именами Тота были[2]: И , Шепс, господин Хемену , Исден , Хенти , Мехи и т. д.

Самым распространенным именем Тота бало *хаб* , «ибис» (слово, коптским эквивалентом которого является ϩⲓⲃⲱⲓ), а одной из наиболее часто встречающихся форм — павиан , занимающий заметное место в сцене загробного суда в Книге мертвых. Он изображен сидящим на опоре весов, на которых взвешивается сердце умершего. Его обязанностью было следить за стрелкой весов и сооб-

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 402f.
[2] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 441.

щать ибисоголовому Тоту, когда весы находились в равновесии. Согласно мнению Бругша, павиан — это форма Тота в качестве бога «равновесия»[1], и он, судя по всему, являлся символом весеннего и осеннего равноденствий.

Павиан *аан* также связан с луной, так как его часто изображают с полумесяцем и диском на голове. Несомненно, он представлял Тота в образе «владыки божественных слов и писца [богов]», поскольку в сцене, приводимой Ланцоне[2], мы видим, что в одной лапе он держит палетку бога и тростник для письма и что к нему относятся упомянутые нами титулы.

Кроме этих форм Тота можно также назвать и те, в которых он обладал свойствами других богов. Так, в качестве бога Мендеса он предстает в образе человека с головой быка, увенчанной диском и уреем; как Шу его изображают в виде человека в короне Шу; в качестве Ин-хера он выглядит как человек в короне этого божества; как Шепс Тот имеет голову сокола[3]. Ибис и павиан были его наиболее распространенными формами.

Главным местом, где почитался Тот, был Хемену, или Гермополь, — город, известный в египетской мифологии тем, что там находился «холм», на котором Ра отдыхал, когда взошел в первый раз. Здесь Тот считался главой восьмерки местных богов, куда входили Нун и Наунет, Хех и Хаухет, Кек и Каукет, Герех и Герхет, то есть четырех пар богов, каждая из которых состояла из божества мужского и женского рода. Относительно важности этой группы богов два выдающихся египтолога придерживались прямо противоположных мнений. Покойный доктор Бругш полагал, что эти четыре пары богов являются самым древним образцом огдоады, в то время как господин Масперо считал, что мы должны присоединить к четырем упомянутым парам Тота, и тогда девять богов сформируют независимую эннеаду, частично основанную на модели гелиопольской эннеады. Доктор Бругш думал, что восемь богов Гермополя представ-

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 443.
[2] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 404. № 1.
[3] Ibid. Pl. 402ff.

ляют собой самых первых богов; по мнению Масперо, происхождение их носит совершенно искусственный характер и это всего-навсего «божества, созданные согласно законам грамматики, четыре женского рода и четыре мужского»[1].

Последний аргументирует свою точку зрения тем, что верховный жрец Гермополя носил титул, указывающий, что он служит «тому, кто есть глава пяти». Соответственно, богов города изначально было пять: Тот и боги четырех сторон света. К этим четырем впоследствии были присоединены женские дополнения, отсюда и «Восемь богов» [иероглифы]. По мнению господина Масперо, для этой восьмерки Тот был тем же, что и Ра, или Ра-Атум, для эннеады Гелиополя. Гермопольская эннеада была сформирована по образцу гелиопольской. Так, Нун и Наунет = Шу и Тефнут, Хух и Хаухет = Геб и Нут, Кук и Каукет = Осирис и Исида, Герех и Герхет = Сет и Нефтида. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в текстах. На взгляд автора данной работы, они свидетельствуют, как было сказано выше, что четыре пары богов Гермополя принадлежат к теогонии гораздо более древней, чем группа богов Гелиополя. К тому же следует помнить, что Тот был тесно связан с павианом, как и боги, входящие в его группу. Это отсылает нас к глубокой древности, когда определенному классу обезьян, считавшихся спутниками Тота, приписывались сверхъестественные способности и когда египтяне принимали сообразительность и хитрость павиана за доказательство его божественной природы. Между этим периодом и формированием гелиопольской теогонии прошло очень много времени. Эти две концепции созданы людьми, не только находившимися на разных стадиях развития цивилизации, но и принадлежавшими, возможно, к двум различным расам.

Одним из наиболее любопытных эпитетов Тота является «судья Рехехуи, примиритель богов, пребывающих в Унну (Гермополе), великий бог Храма Ибтити»[2].

---

[1] *Maspero*. La Mythologie Egyptienne. P. 257.

[2] [иероглифы]

Согласно очень древнему египетскому преданию, некогда произошла великая битва между богом света и богом тьмы. Позднее самого Ра или одну из его форм (обычно одну из ипостасей Хора) стали отождествлять с богом света, а Сета в той или иной его форме — с богом тьмы. Таким образом, мифы о битве Ра с Апопом, Хора Бехдетского (Херу-Бехдети) с Сетом и Хора, сына Исиды, с Сетом являются, по сути, вариациями одной и той же истории, хотя и относящимися к разным временам. Бог Тот в этих битвах играл очень важную роль. Когда Око Ра, то есть солнце, сражалось с Сетом, последнему удалось напустить на него тучи. Именно Тот разогнал их и «вернул Око живым, невредимым, здоровым и неповрежденным его господину» (Книга мертвых. XVII, 71 и далее). То же самое он, судя по всему, сделал для Ра после его боя с Апопом. Также Тот присутствовал при сражении Сета и Хора, сына Исиды, желавшего отомстить Сету за смерть своего отца Осириса. Когда Хор отсек голову своей матери Исиде за то, что она вмешалась в бой тогда, когда его победа уже была близка, именно Тот дал ей голову коровы взамен отрубленной. Во всех этих битвах Тот выступал судьей, и его обязанностью было не допустить окончательной победы или уничтожения того или иного бога. Фактически, он должен был поддерживать равновесие между двумя враждующими силами. Этими силами были свет и тьма, день и ночь или добро и зло в зависимости от времени создания легенды и от того, что писцы намеревались сохранить, описывая их. Среди титулов Тота, приведенных в этом параграфе, упоминается «великий бог в Хут Ибтит», или Храме Ибтит, который был одним из главных святилищ этого бога и находился в Гермополе.

Иероглифы, которыми выписано название «Хут Ибтит», доказывают, что оно означает «дом Сети», то есть храм, где хранили и почитали сеть. Возникает естественный вопрос, что это была за сеть и в чем было ее предназначение. Из двух версий главы CLIII Книги мертвых нам известно, что в загробном мире существовала некая сеть, к которой умершие относились со страхом и отвращением. Все ее части — шесты, веревки, грузила, узлы и крюки — имели особые названия, которые покойный должен был знать, если желал ее избежать

и если хотел использовать ее для того, чтобы добывать себе пищу вместо того, чтобы быть пойманным «теми, кто расставляет ловушки». Так, в молитве мы читаем: «Приветствие тебе, «бог, который смотрит позади тебя», тебе, «бог, который овладел твоим сердцем», я иду рыбачить со снастью «объединителя земли» (Хора?) и того, кто проходит через землю. Приветствие вам, рыбаки, родившие своих собственных отцов, расставляющие ловушки сетями своими, обходящие залы воды! Не ловите меня сетью, которой ловили вы беспомощных демонов, не опутывайте меня веревками, которыми опутали вы мерзких демонов земли. Рама ее достигала небес, а грузила лежали на земле». Из этого отрывка ясно, что среди египтян бытовала легенда, согласно которой один из участников мифической битвы был вооружен сетью, которой он старался опутать своего противника. В главе CXXXIII умерший произносит: «Поднимись, о Ра, пребывающий в своем божественном святилище, втяни в себя ветры, вдохни северный ветер, поглоти *бекесу* своей сети в день, когда ты вдыхаешь Маат». Значение слова *бекесу* в этом отрывке не совсем ясно. Благодаря его детерминативу мы должны связать его с неким органом человеческого тела, но из контекста очевидно, что Ра обладал некой сетью, а из вышеприведенного отрывка понятно, что сеть эта была одним из орудий, которые он использовал в борьбе против бога и демонов тьмы.

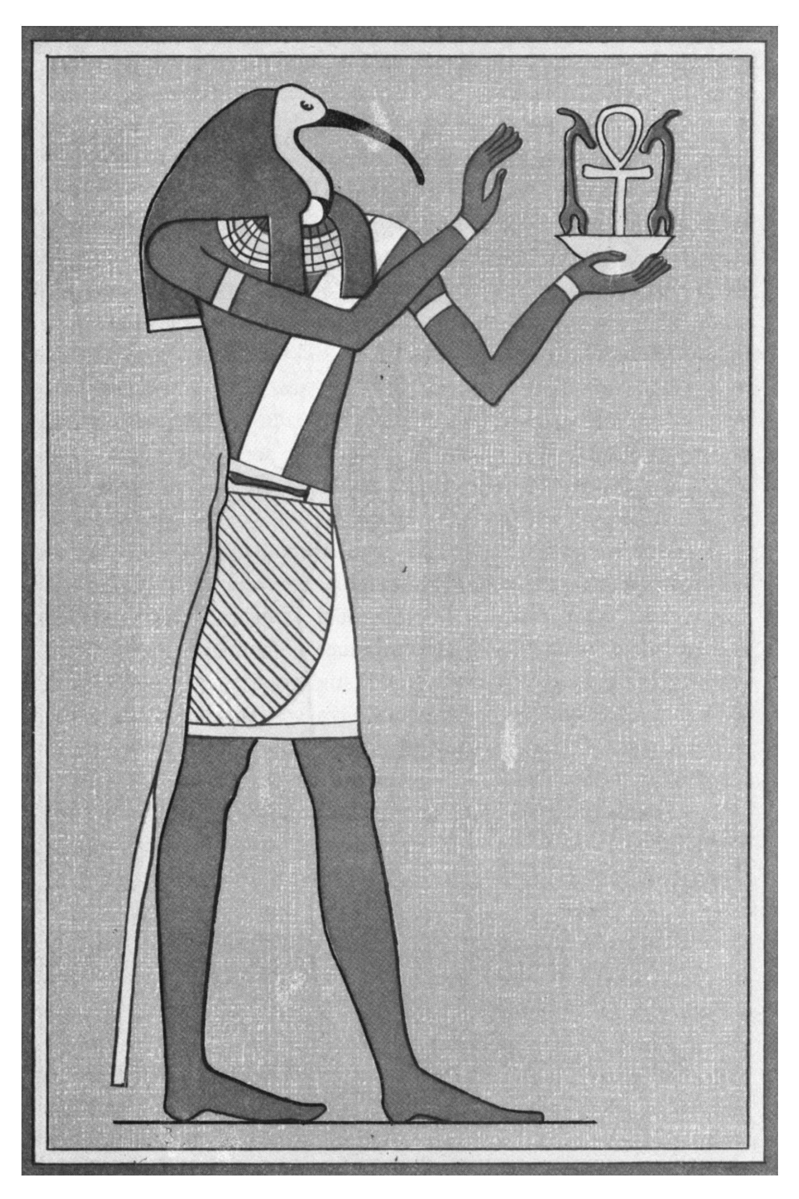
Можно провести интересные параллели с ассирийской и вавилонской версиями легенды о битве бога солнца Мардука и чудовища Тиамат и ее демонов. Там сообщается, что «он (то есть Мардук) выпустил молнию перед собою, пылающим огнем наполнил он свое тело. Изготовил он сеть, чтоб уловить изнутри Тиамат, поставил он Четыре Ветра, чтобы ничто из нее не могло ускользнуть. Южный ветер и Северный ветер, Восточный ветер и Западный ветер поставил он рядом с сетью, что дал ему его отец Ану». Любопытно, что в главе CXXXIII ветры также упоминаются в связи с сетью Ра, и нельзя не прийти к заключению, что и способ использования сети богом солнца в обеих легендах был одним и тем же. Так или иначе, это тем не менее не

представляет особой важности для нашего анализа. Совершенно очевидно, что в египетских легендах бог Тот имел отношение к сети Ра и что в его храме, который назывался Храм Сети, почиталось некое изображение сети или даже сама сеть.

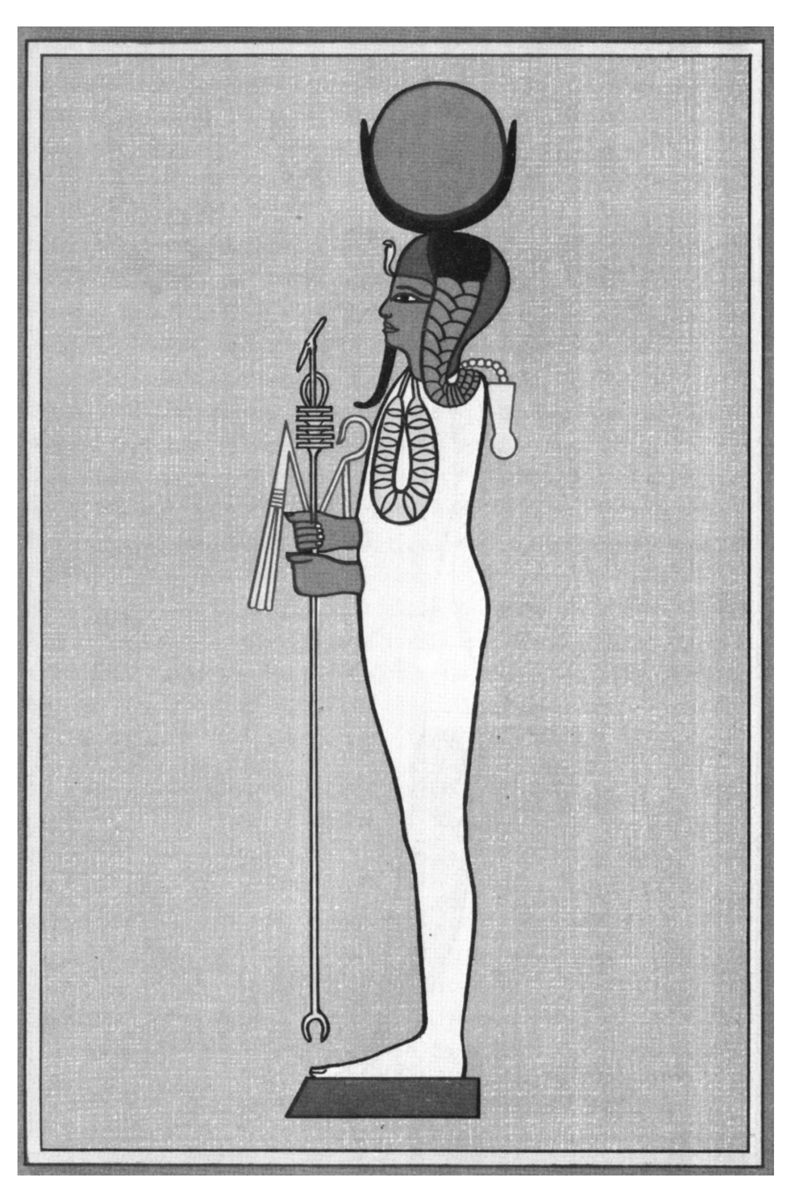
Теперь мы можем подытожить то, что нам известно о свойствах Тота, и рассмотреть, как он использовал их в связи с умершими. Прежде всего он считался одновременно сердцем и языком Ра, то есть разумом и рассудком этого божества, а также выразителем его воли в словах. С одной стороны, он был речью как таковой, а позже стал олицетворять, как заметил доктор Бёрч, то, что Платон называл λόγος. В каждой легенде, где Тот играет более или менее заметную роль, мы видим, что именно он произносит те слова, посредством которых воля Ра претворяется в жизнь. Ясно, что, коль скоро он отдал какое-либо приказание, оно не могло не быть исполнено. Он произнес слова, повлекшие за собой создание неба и земли, он научил Исиду заклинаниям, позволившим ей оживить мертвое тело Осириса, чтобы она смогла зачать от него дитя, и вернувшим к жизни Хора после смертельного укуса скорпиона. Его знания и способности к подсчетам устроили небеса и спланировали землю, а также все, что в них. Его воля и власть держали в равновесии все силы на земле и на небе. Его знание небесной математики способствовало правильному применению законов (*маат*), на которых основывалось устройство и функционирование вселенной. Он управлял движением небесных тел, временем и сезонами года. Без его слов боги, существование которых зависело от этого, не могли бы занять свое место в свите Ра. Он был «писцом богов» и обладал практически неограниченной властью в загробном мире. Бог Осирис во многом зависел от правильного исполнения Тотом своих обязанностей, а обычный смертный жаждал его слов и помощи. В сцене загробного суда в Книге мертвых Тот исполняет обязанности записывающего ангела, все остальные боги одобряют и разделяют его решение и сообщают о нем Осирису. Если Тот говорил, что душа умершего была взвешена и оправдана испытанием на Великих Весах

и что в ней не было найдено никакого греха, боги неизменно отвечали: «То, что исходит из уст твоих, — истина, и умерший свят и праведен». Соответственно, они сразу предоставляли ему место рядом с Осирисом в Сехет-Хетепу, или Елисейских полях. Как великий бог слов, Тот с полным основанием считался и судьей слов. Испытание души на Весах в Зале Осириса описывается не суд как таковой и не как «взвешивание поступков», а как «взвешивание слов»

Египтяне с величайшим вниманием относились к словам, произносимым при определенных обстоятельствах. Фактически действенность молитвы зависела от манеры произнесения слов и интонации. Тот мог научить человека не только заклинаниям, но и способам их произнесения. Египтяне особенно ценили умение так произнести заклинания и главы из Книги мертвых, чтобы они достигли той цели, которой добивался умерший. В заупокойных папирусах к имени умершего всегда добавляются *маа херу* или . Это означает «тот, чье слово есть *маа*», то есть тот, чьи слова обладают силой, будучи изреченными, обязательно воплотиться в жизнь. Однако здесь имеются в виду слова, которым умерший должен научиться от Тота. Не зная их и не зная того, как их произносить, он не мог пройти через загробный мир. Заклинания Тота открывали перед ним тайные пилоны, обеспечивали его необходимой пищей, водой и одеждой, отпугивали злобных демонов. Слова давали ему возможность узнать тайные имена чудовищ загробного мира и произносить их так, чтобы монстры становились его друзьями и помогали ему в пути, пока он не прибудет в Поля Покоя Осириса или не войдет в Ладью Миллионов Лет. Это те слова, на которые указывает эпитет Тота «господин божественных слов» или «господин слов бога». Считалось, что Тот сочинил всю Книгу мертвых, а отдельные ее главы «записал своими собственными перстами». В более поздней «Книге дыхания» говорится: «Тот, самый могущественный бог, господин Хемену, приходит к тебе и пишет для тебя «Книгу дыхания» своими собствен-

Тот, писец богов

Бог луны Иах-Джехути

ными перстами. Так душа твоя будет дышать вечно, и тело твое наполнено будет жизнью на земле, и будешь ты богом среди душ богов, и они будут сердцем Ра, и члены твои будут членами великого бога». Позднее в эпитет *маа херу* стали вкладывать несколько иной смысл: иногда это выражение можно перевести как «тот, чье слово истинно». Он имеет отношение к словам, которые Тот произносил на суде, когда сообщал богам, что сердце Осириса было взвешено с величайшей тщательностью им самим и его павианом, сидящим на Весах. При этом он говорил, что сердце на одной из чаш Весов уравновесило перо Истины или Закона, лежавшее на другой чаше, и человек, дело которого рассматривалось, «праведен».

Во многих отрывках из Книги мертвых рассказывается, что сделал Тот для Осириса и что, как предполагалось, он должен повторить для каждого, кто будет оправдан на суде. В главе XVIII перечисляются опасности, которые Тот сумел отвести от Осириса, передав мертвому богу особые слова и научив произносить их так, чтобы победить всех врагов. Так, Осирис восторжествовал (*сема-херу*) «в присутствии великих советников каждого бога и каждой богини; в присутствии советников, находящихся в Иуну, в ночь битвы и победы над демоном Себиу в Джеду, в ночь установки двойного джеда в Сехеме, в ночь созданий ночи в Сехеме, в Пе и в Депе, в ночь вступления Хора в наследство его отца в Рехти, в ночь, когда Исида оплакивала брата своего Осириса в Абджу, в ночь праздника Хакер, когда разделяются мертвые и духи, что на пути мертвых, в ночь суда над теми, кто должен быть уничтожен на великом [празднике] пахоты и переворачивания земли в Ин-руд-ф в Ра-сетау, в ночь, когда торжествует Хор над своими врагами». В главе CLXXXIII умерший Хунефер говорит Осирису: «Я пришел к тебе, о сын Нут, Осирис, Правитель вечности; я следую за богом Тотом, и я радуюсь каждой вещи, которую сделал он для тебя. Он принес тебе сладостный (то есть свежий) воздух для носа твоего, и жизнь и силу для твоего прекрасного лица, и северный ветер, который исходит от Атума, для ноздрей твоих, о господин Та-джесерта. Он сделал так, что бог Шу из-

ливает свет на твое тело; он осветил путь твой лучами величия; он исправил для тебя [все] повреждения членов твоих магической силой слов, изреченных им. Он примирил двоих братьев Хоров для тебя; он сокрушил бурю и ураган, он сделал так, что Два бойца были милостивы к тебе, и обе земли были в мире перед тобой; он удалил гнев, что был в их сердцах, и каждый из них помирился с братом своим».

В главе XCIV умерший обращается к «хранителю книги Тота» и говорит: «Я наделен славой, я наделен силой. Я полон мощи, я владею книгами Тота, и я принес их, чтобы они помогли мне пройти мимо бога Акера, что обитает в Сете. Я принес палетку и чернильницу, предметы, которые находятся в руках Тота; скрыто то, что в них! Смотри же, я писец! О Хорахти, ты повелел мне, и я переписал то, что есть правда и что есть истина, и я приношу это тебе каждый день». На виньетке к этой главе перед умершим изображены палетка для письма и чернильница.

Тексты пирамид свидетельствуют, что Тот был связан с западной частью неба, подобно тому как Хор отождествлялся с восточной. Эта идея получает интересное развитие в главе CLXXV Книги мертвых. В ней умерший обращается к Тоту одновременно и как к Тоту, и как к Атуму — заходящему солнцу или богу Запада. Он обеспокоен тем, что «произошло с божественными отпрысками Нут», ибо «они сражались, они спорили, они совершили зло, они сотворили демонов, они совершили убийство, они породили беды; воистину, во всех своих деяниях могущественные были против слабых... А ты не касаешься зла, ты не гневаешься, когда отдают они свои годы раздору и наполняют тревогой свои месяцы; ибо во всем, что они сделали тебе, они тайно содеяли беззаконие». Умерший добавляет: «Я твоя палетка для письма, о Тот, и я принес тебе твою чернильницу». Провозглашая, что он не из тех, кто творит беззаконие в тайных местах, он тем самым отрекается от тех, кто так поступает. Далее следует весьма примечательный отрывок. Умерший, обращаясь к Тоту как к Атуму, спрашивает его, что это за место, куда он пришел, и говорит, что оно лишено воды, что «здесь нет воздуха, это бездна неизмеримая, она черна, как самая темная ночь, и люди бродят здесь, беспомощные.

Здесь не может жить человек в спокойствии сердца; не утолить здесь жажду любви». Немного погодя умерший спрашивает Атума, то есть Тота: «Сколько должен я прожить?», то есть как долго продлится его существование в этом новом мире. И бог отвечает: «Ты на миллионы миллионов лет, срок жизни в миллионы лет». Интересно, что не Осирис, бог вечной жизни, а Атум-Тот обещает умершему это.

В первой части главы, откуда были взяты эти отрывки, к Тоту обращаются, бесспорно, как к измеряющему время и регулирующему сезоны года, то есть как к богу луны. Обычно его называли Иах-Джехути , или , «великий бог, господин неба, царь богов», а также «создатель вечности и творец бесконечности». В этом качестве бог Тот изображается следующим образом: 1. В виде мумии, стоящей на символе *маат* , и держащей в руках символы «жизни» , «неизменности» , «верховной власти и господства» и скипетр . На голове мумии изображался полумесяц и локон сбоку — символ юности ; 2. В виде мумии с бородой, с полумесяцем на голове и локоном, символизирующим юность. У него, однако, было два лица, которые, предположительно, олицетворяли фазы роста и убывания луны[1].

В некоторых сценах Иах-Джехути представлен в виде диска, который расположен между двумя рогами полумесяца. Он покоится в ладье, похожей на ту, в которой обычно видят Ра. Иногда на обоих концах ладьи находится *уджат* . В одной любопытной сцене бог Иах-хетеп изображен с головой ибиса, увенчанной диском луны и полумесяцем. Он сидит в ладье, перед ним стоит павиан и протягивает ему *уджат*. Интересно отметить, что изогнутый конец ладьи имеет такие же зазубрины, как и пальмовая ветвь, символизирующая «годы» . Строго говоря, Иах-Джехути является воплощением новой луны. Это естественно, поскольку, как известно, все связанные с луной вычисления, которые велись на Востоке с незапамят-

[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 36ff.

ных времен, начинались с момента первого появления новой луны в небе. Однако Тот как бог луны представляет это светило вообще. С другой стороны, *Уджат* Тота указывает на полную луну, точно так же как *Уджат* Ра обозначает полуденное солнце. Этот факт подтверждает любопытная сцена, взятая синьором Ланцоне[1] из работы Бругша «Памятники» (Берлин, 1857).

Мы видим бога Тота с головой ибиса, стоящего рядом с колонной в форме лотоса, которая поддерживает небесный свод ; на знаке неба покоится полумесяц, а в нем расположен *Уджат* Тота . К вершине колонны ведет лестница из четырнадцати ступеней разной длины, символизирующих первые четырнадцать дней месяца, у подножия которой стоят четырнадцать богов[2]. Первым из них является Атум, его правая нога опирается на первую ступень, самую короткую из всех. Боги, стоящие позади него, — это Шу, Тефнут, Геб, Нут, Хор, Исида, Нефтида, Херу-эм-хет-Иа, Имсети, Хапи, Дуамутеф, Кебехсенуф и безымянное божество.

В более широком смысле *Уджат* Тота представляет собой левое око Ра, или зимнюю половину года, когда не слишком жарко, свет солнца не очень ярок и темное время суток длится дольше. Этот *Уджат* Тота, или Тота-Хора, как правильнее было бы его называть, упоминается в Текстах пирамид[3], где он назван «Черным Оком Хора». Так, о царе Унисе сказано: «Ты завладел обоими Очами Хора, Белым Оком и Черным Оком, ты унес их и установил перед собой, и они освещают лик твой»[4].

Белое Око, которое здесь упомянуто, — это, конечно, солнце. Таким образом, мы видим, что Тот не только принес Око Ра богу, как мы уже сказали, но и утвердил Око бога луны, который, собственно, был одной из его собственных

---

[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 39.

[2] Голова и имя четвертого божества отсутствуют.

[3] Унис, строка 37; ссылка, которую дает Бругш в своей «Религии», как и многие другие, неверна.

[4] .

форм. В некоторых отношениях Тот отождествлялся с Осирисом, Хором и Атумом, а стало быть, и с Хепри. Остается отметить лишь еще одно качество Тота, известное нам из главы XCV Книги мертвых. Там умерший произносит: «Я тот, кто насылает ужас на силы дождя и грома... я сделал сильным свой нож вместе с тем, что в руках у Тота, в силах дождя и грома». Небольшой фрагмент, из которого взят этот отрывок, называется «Глава о приближении к Тоту». На виньетке умерший стоит перед Тотом и протягивает к нему обе руки в жесте поклонения.

Из всех приведенных выше фактов ясно, что греки, отмечавшие мудрость и ученость Тота и отождествлявшие его с Гермесом, в целом были правы. Они описывали его как изобретателя астрономии и астрологии, вычисления и математики, геометрии и землеустроения, медицины и ботаники. Он первым основал систему теологии и стабилизировал управление страной, установил почитание богов и правила о том, что следует приносить им в жертву и когда это делать. Он сочинил гимны и молитвы, с которыми человек должен обращаться к богам, и утвердил порядок богослужения. Он изобрел цифры и буквы алфавита, а также научил людей чтению, письму и ораторскому искусству во всех его проявлениях. Он был автором всех трудов в любой области знаний, и человеческих и божественных. Согласно Клименту Александрийскому (Строматы, VI), «Книг Тота»[1] было сорок две и они подразделялись на шесть групп. Книги с I по X были посвящены законам, богам и образованию жрецов. Книги с XI по XX касались отправления культов богов, то есть жертвоприношений, даров, форм поклонения и прочего. Книги с XXI по XXX рассказывали об истории мира, географии и иероглифическом письме. Книги с XXXI по XXXIV являлись трактатами по астрономии и астрологии. Книги XXXV и XXXVI содержали религиозные сочинения. Книги с XXXVII по XLII относились к медицине.

[1] Любопытные замечания о «Книгах Тота» есть у Бругша в «Религии и мифологии» на с. 448 и далее. Этот выдающийся египтолог полагал, что обнаружил исконные названия многих из них на стенах храма в Эдфу.

Некоторое время назад была предпринята попытка включить Книгу мертвых в «Книги Тота», однако ныне совершенно очевидно, что, хотя Тот и считался автором некоторых ее глав, ее следует рассматривать как абсолютно самостоятельное произведение, к тому же гораздо более известное. Непонятно, как Тоту удавалось совмещать все те разнообразные занятия и обязанности, которые приписывали ему древние египтяне, однако стоит вспомнить, что он, согласно их верованиям, был сердцем, то есть разумом и рассудком, бога Ра. Эпитет, которым награждают его некоторые надписи [hieroglyphs], «трижды великий, великий», и от которого произошло греческое имя божества ὁ τρισμέγιστος (Трисмегист), или «ter maximus», все еще не получил удовлетворительного объяснения. Точный смысл, который египтяне вкладывали в эти слова, в настоящее время неизвестен. Тем не менее очевидно, что Тот занимал в их умах особое положение, весьма отличающееся от положения других богов, и приписываемые ему свойства также заметно отличались от свойств других богов, составлявших группы. Образ Тота прекрасен и величествен. Возможно, это самая одухотворенная идея божества, когда-либо сформированная в умах египтян и, как мы видим, основанная некоторым образом на материальной стороне божественной сущности. Тот как воплощение разума Бога, всепроникающей, сдерживающей и направляющей силы неба и земли, является в египетской религии понятием столь же возвышенным, как вера в воскрешение мертвеца в духовном теле или учение о вечной жизни.

Богиня Маа, или Маат [hieroglyphs], или [hieroglyphs], или [hieroglyphs]

Богиня Маат была связана с Тотом настолько тесно, что фактически может считаться его женским дополнением. Она стояла в ладье Ра рядом с Тотом, когда бог солнца впервые поднялся над водами первозданного хаоса Нуна. Отличи-

тельным знаком и символом этой богини является страусиное перо, которое всегда прикреплено к ее головному убору или которое она иногда держит в руке. Ее изображают в виде сидящей или стоящей женщины со скипетром в одной руке и знаком «жизни» в другой. Часто ее руки соединены с крыльями, в редких случаях она предстает в облике женщины со страусиным пером вместо головы.

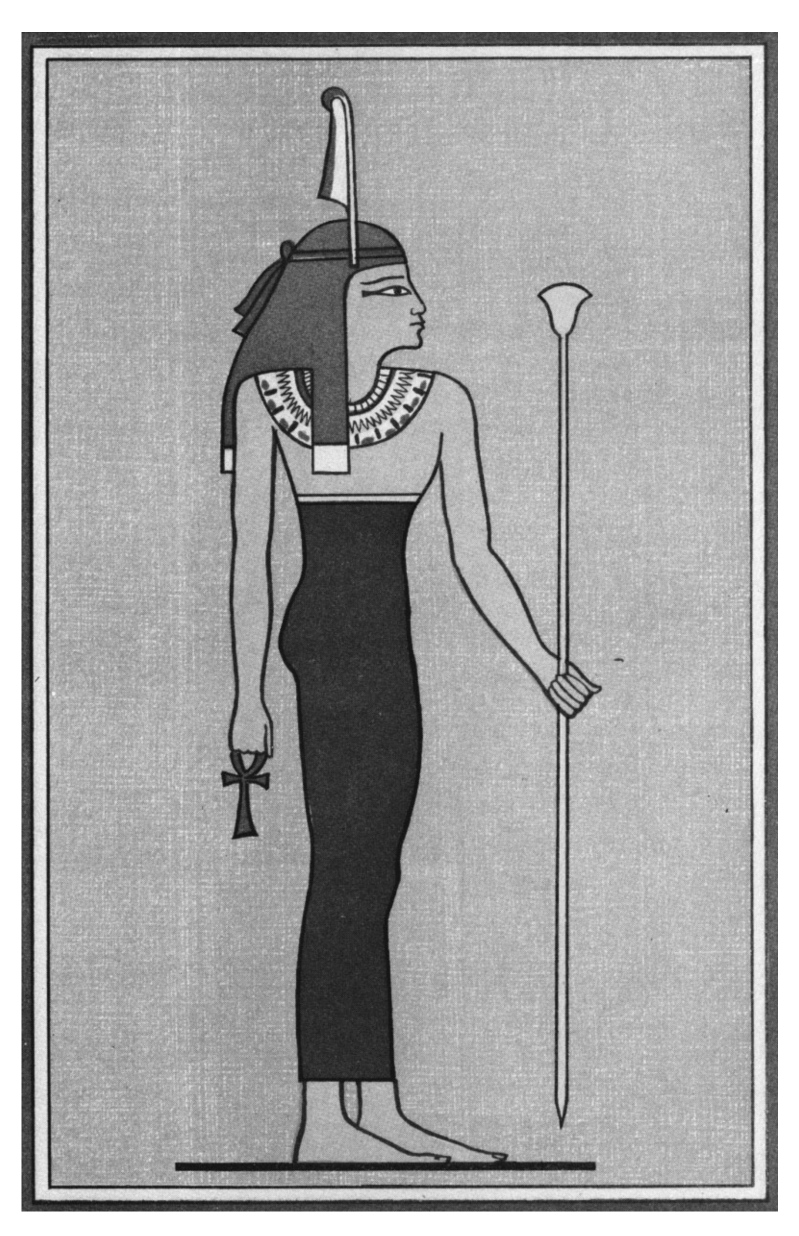
Причина, по которой Маат ассоциируется со страусиным пером, неизвестна, как и первобытная концепция, лежащая в основе ее имени, однако она, бесспорно, принадлежит глубокой древности и относится, возможно, к додинастическому периоду. Некоторые ученые трактуют иероглифический знак, который произносится «маат», как «локоть», то есть меру длины в локоть, а другие — как «флейту», сделанную, предположительно, из тростника. Однако мы видим, что бог Птах обычно стоит на пьедестале в форме, как и бог Осирис. И, поскольку у нас нет оснований полагать, что изображения этих двух богов устанавливались на флейту, можно сделать вывод, что означало нечто иное. Нам известно, что Птах Мемфисский считался богом ремесленников вообще и тех, кто обрабатывал металлы, и скульпторов в частности. Логичнее будет предположить, что пьедестал, на котором он стоит, представляет собой некий инструмент из тех, что использовали скульпторы и резчики, — например, зубило. Или, возможно, правильной является трактовка этого предмета как «локтя», если имеется в виду какой-либо измерительный инструмент. С определением значения слова *маат*, к счастью, не возникает трудностей. Из множества текстов, относящихся к различным периодам, ясно, что сперва оно означало «то, что прямо», и, возможно, было названием инструмента, с помощью которого ремесленники любого рода определяли прямизну. Насколько мы можем судить, тот же смысл, что содержался в греческом слове κανών (которое, прежде всего, по-видимому, означало любую *прямую палку*, применяемую, чтобы сделать вещи ровными, а затем *принцип*, применяемый каменщиками, и, наконец, правило, или закон, или принцип,

который управляет жизнью человека и служит ориентиром), был присущ и египетскому слову *маат*. Египтяне использовали это слово и в прямом, и в переносном значении. Так, оно стало подразумевать «правильный, правдивый, истинный, настоящий, подлинный, честный, оправданный, справедливый, постоянный, неизменный» и т. д. *Хесбет маат* — это «настоящая ляпис-лазурь», в отличие от голубой пасты. *Шес маат* означает «постоянно и непрерывно». *Эм ун маат* указывает, что вещь действительно такова. Хороший и честный человек — это *маат*. Истина (*маат*) велика и могущественна и «никогда не нарушалась со времен Осириса». Наконец, английское выражение «Господь будет судить правых» имеет египетский эквивалент *па нечер упу па маат*.

Следовательно, богиня Маат являлась олицетворением физического и нравственного законов, порядка и истины. В связи с богом Ра она указывала на регулярность, с которой всходит и заходит солнце, и на его неизменный ежедневный путь с востока на запад. Так, в гимне Ра мы читаем: «Земля Ману (то есть Запад) принимает тебя с радостью, и богиня Маат обнимает тебя и утром, и вечером»; «Бог Тот и богиня Маат записали твой дневной путь для каждого твоего дня»; «Да увижу я Хора, гребца [в ладье Ра] с Тотом и Маат по обеим сторонам от него»[1].

В другом гимне Кенна произносит: «Я пришел к тебе, о Господин богов, Атум-Хорахти, которого направляет Маат»; Амон-Ра «покоится на Маат», то есть существует благодаря Маат; Ра «живет Маат»; Осирис «поддерживает землю благодаря Маат в имени своем Сокар». Маат определяет путь бога солнца, и поэтому ее называют «дочерью Ра», «Оком Ра», «госпожой небес, царицей земли и властительницей загробного мира» и, конечно, «госпожой богов и богинь». В качестве нравственной силы Маат была величайшей из богинь. В своей двойной форме — Маати, то есть богини Маат Юга и Севера, — она являлась госпожой Зала загробного суда. Она стала олицетворением справедливости, возда-

[1] Папирус Ани, л. 1.

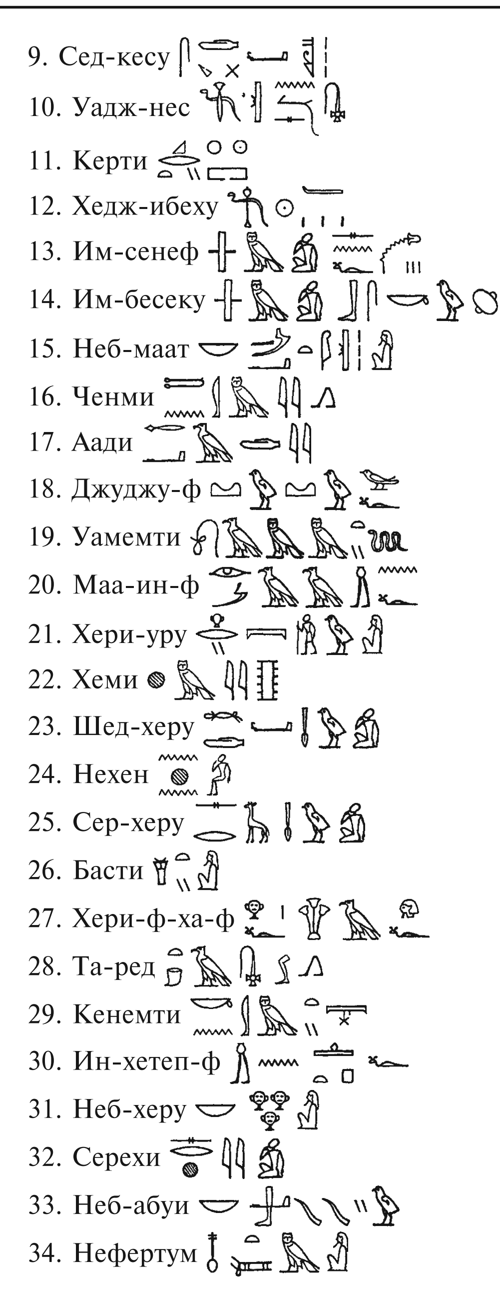

Богиня Маат

ющей каждому по заслугам. Судя по некоторым виньеткам, изображающим взвешивание сердца, она иногда принимала форму самих Весов. Зал, в котором восседала Маат в двойной форме и выслушивала «исповедь» умершего, часто изображают в связи с главой CXXV Книги мертвых. Мы видим, что он был просторным и его венчал карниз из уреев и перьев, символизирующих Маат. В центре зала находился бог, простирающий руки над озером, а в каждом конце зала рядом с весами сидел павиан.

Анубис был стражем расположенной в конце зала двери, через которую входил умерший и которая называлась Хер-сек-Шу . Одна створка двери носила имя Неб-Маат-хери-теп-редуи-ф , а другая — Неб-пехти-чесу-менменет . Умерший должен был выучить и произнести эти названия, прежде чем войти в зал двух богинь Маат (или). Когда он входил в Зал, то видел там сорока двух Заседателей, или Судей. Они располагались по обеим сторонам Зала двумя рядами. Перед каждым из них умерший должен был торжественно поклясться, что не совершал того или иного греха. Эти сорок два высказывания известны как «Исповедь отрицания». Вот имена этих Заседателей, согласно папирусу Небсени (Британский музей, № 9900, лист 30):

1. Усехет-немтут
2. Хепет-Седжет
3. Фенджи
4. Ам-шут
5. Нехахау
6. Рути
7. Ирти-ф-эм-дес
8. Неби-пер-эм-хетхет

9. Сед-кесу
10. Уадж-нес
11. Керти
12. Хедж-ибеху
13. Им-сенеф
14. Им-бесеку
15. Неб-маат
16. Ченми
17. Аади
18. Джуджу-ф
19. Уамемти
20. Маа-ин-ф
21. Хери-уру
22. Хеми
23. Шед-херу
24. Нехен
25. Сер-херу
26. Басти
27. Хери-ф-ха-ф
28. Та-ред
29. Кенемти
30. Ин-хетеп-ф
31. Неб-херу
32. Серехи
33. Неб-абуи
34. Нефертум

35. Тем-сеп

36. Ир-эм-иб-ф

37. Ихи-му (?)

38. Уджу-рехит

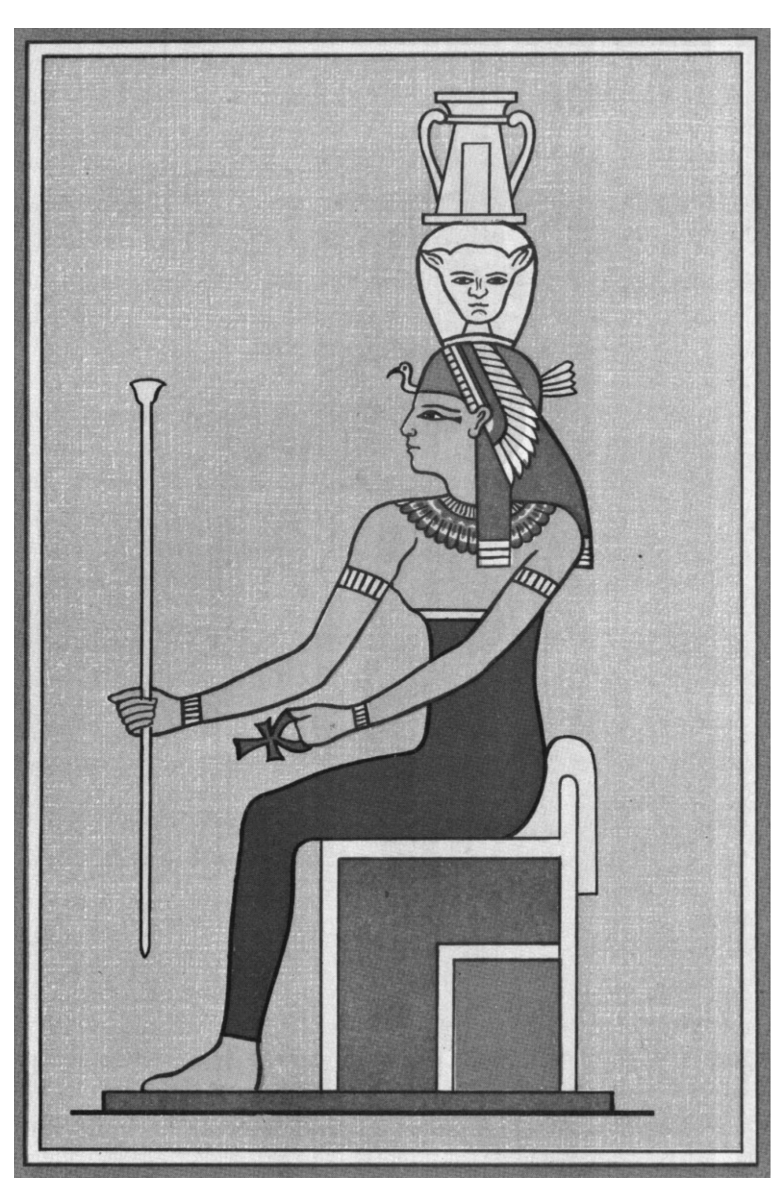
39. Нехеб-неферт

40. Нехеб-кау

41. Джесер-теп

42. Ин-а-ф

Даже если умерший убедил сорока двух Заседателей, он не мог выйти из Зала Маати, если не знал магические имена различных частей двери, которая открывалась в земли блаженных. В обращении, адресованном всем богам сразу и следовавшем, как принято считать, вслед за «Исповедью отрицания», он перечислял свои хорошие поступки и объявлял богу Осирису, которого именовал «господином короны Атеф», что он совершил *Маат* и очистился посредством *Маат* и ни один его член не испытывает недостатка в *Маат*. Он рассказывает, как побывал в «Поле кузнечиков» и как омылся в пруду, где омываются плывущие вместе с Ра. Он описывает все, что он проделал, включая и то, что он нашел кремневый скипетр в «пашне Маат». Наконец, умилостивив все части двери произнесением их магических имен, умерший подходил к богу Мау-тауи , который исполнял обязанности стража Зала Маати. Последний отказывался пропустить его, пока покойный не назовет имя бога. Умерший говорит: «Твое имя Са-ибу-джар-хет ». Он требует, чтобы ему дали пройти, но бог не удовлетворяется этим ответом и вопрошает: «Какой бог пребывает в этом часе?» В ответ на это умерший произносит имя Мау-тауи, и бог тут же задает вопрос: «А кто это?» Покойный говорит: «Мау-тауи — это Тот». Здесь Тот осведомляется, зачем умерший пришел в Зал. Когда последний объясняет, что он пришел, дабы Тот

Богиня Нехемауаит

записал его имя, бог снова начинает расспрашивать его, пригоден ли он для того, что собирается сделать, а также об имени существа, «чьи небеса из огня, чьи стены суть живые уреи, в чьем доме пол — это поток воды». На это умерший должен ответить, что он «очистился от зла», а тот, чей дом был описан, — это Осирис. Тогда Тот позволяет ему войти, сообщая, что имя его будет «упомянуто», или записано.

Итак, мы видим, насколько тесно свойства Маат были переплетены со свойствами Тота. Судьба умершего полностью зависела от этих двух божеств. Ему недостаточно было миновать Заседателей, поскольку за ними стоял Тот со своими заключительными вопросами. Тот произнес слово, благодаря которому возникла вселенная. И именно Тоту дана была власть так назвать имя умершего, чтобы его новое духовное тело воссуществовало в царстве Осириса. В некоторых отношениях этот бог был даже более великим, чем Ра или Осирис, но и с материальной, и с нравственной точки зрения Тот был неразрывно связан с Маат, воплощением наиболее возвышенной концепции физического и нравственного законов и порядка, известной египтянам.

Богиня Нехемауаит

Помимо Маат или Маати в разных частях Египта почитались и другие богини, связанные с Тотом. В их числе была и богиня Нехемауаит. Согласно текстам, она обитала в Иатджамутет, была «святой и могущественной госпожой Хемену» (Гермополя)[1], «госпожой Пер-Хемену», «госпожой Бахут», а также «пребывающей в Дендере».

Таким образом, ее почитали в великом храме города Тота, то есть Гермополя, и у нее были святилища в Дендере и в пятнадцатом номе Нижнего Египта — в городе Бахут, священное название которого звучало как Пер-Джехути-уп-ре-

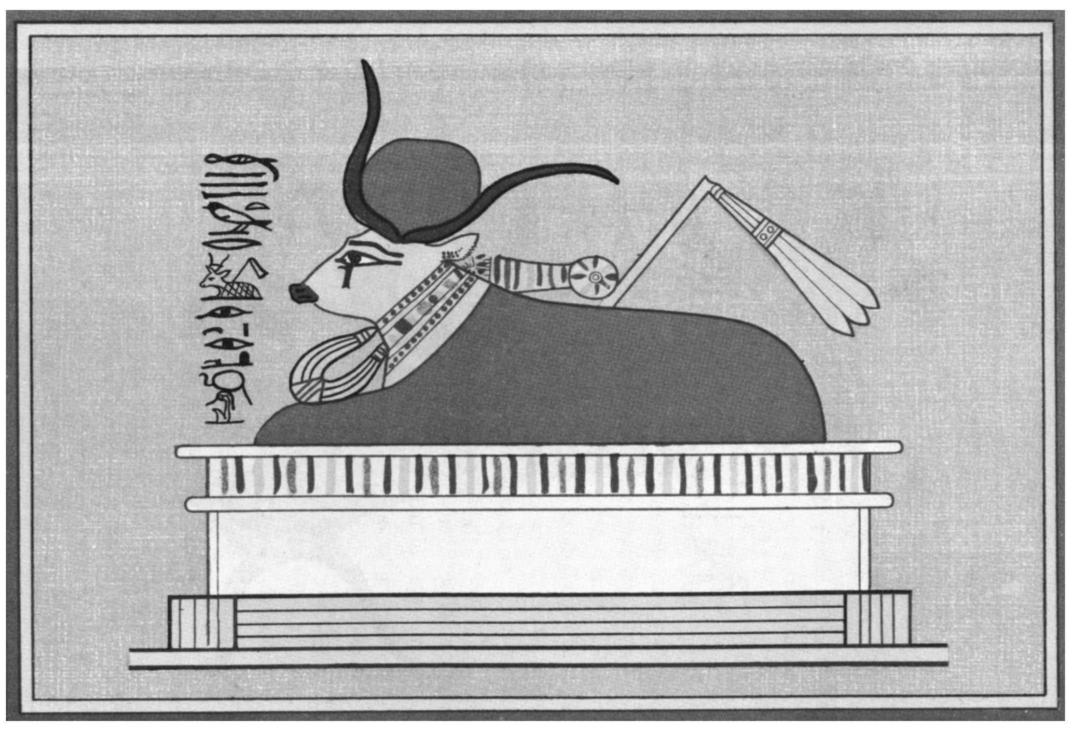
1 .

хух, то есть «Храм Тота, судьи между *Рехуи* (Хором и Сетом)». Тексты именуют Нехемауаит «дочерью Ра», а то, как ее обычно изображают, позволяет предположить, что она считалась одной из форм богини Хатхор. На иллюстрациях, приведенных синьором Ланцоне[1], она изображена в виде женщины, на голове у которой либо систр, либо рога с диском между ними.

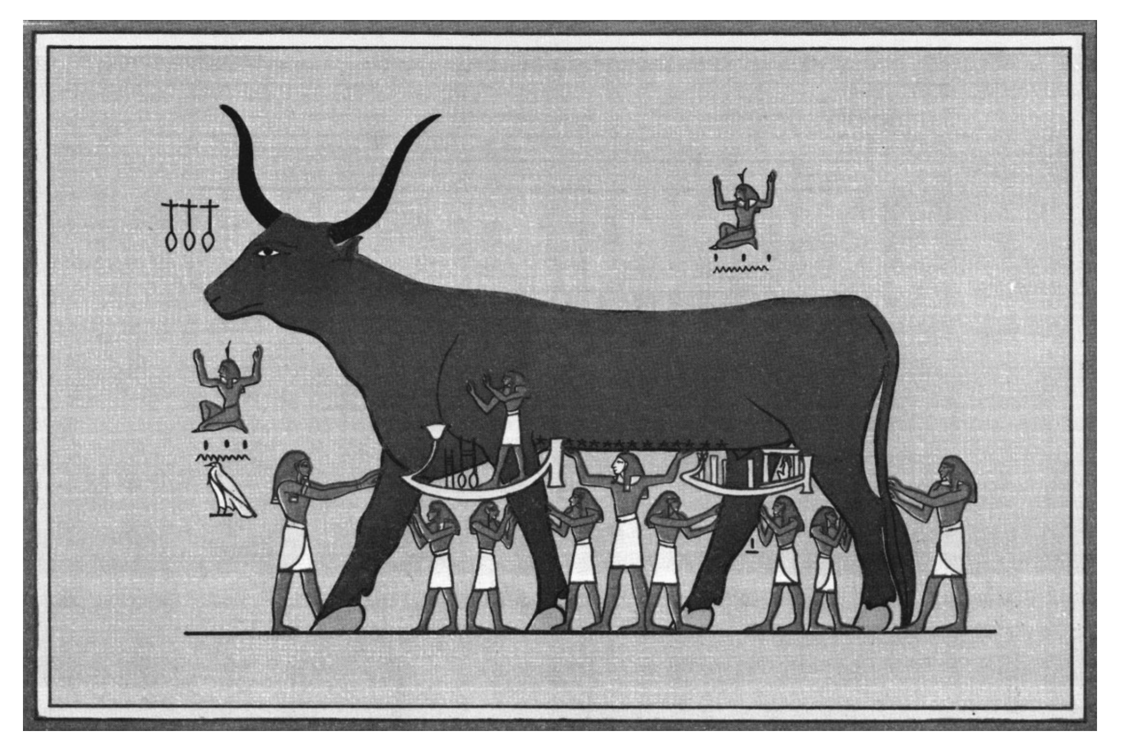
На одном из рисунков она держит на ладони правой руки скипетр в форме папируса, а на ладони левой — изображение Маат. На одном очень интересном наброске, который также можно найти у синьора Ланцоне, показано, что символом этой богини был штандарт с головой Хатхор, увенчанный систром. По бокам от систра располагались два урея с дисками на головах, и такие же уреи свисали по обе стороны от лица богини. Штандарт удерживали в вертикальном положении двое мужчин, стоящих по обе стороны от него. Как заметил Бругш, согласно Плутарху, Тифона изгнали с помощью систра. Это, по всей видимости, означает, что инструмент издавал звук, наводивший страх на это чудовище. Знатные дамы и жрицы часто изображались с систрами в руках. Обычно данный факт объясняют участием этих женщин в музыкальной части храмовых церемоний, однако, возможно, они носили с собой систры не только в качестве музыкальных инструментов, но и как амулеты. Доктор Бругш цитирует два отрывка из текстов, где некая особа царской крови заявляет, что систр, который он держит в руках, отгоняет злые силы. Нехемауаит не упоминается в Книге мертвых и, судя по всему, не принадлежит к древнейшим божествам. Она, вероятно, являлась относительно новой формой некой известной древней богини.

Из текстов позднего династического периода мы узнаем, что Нехемауаит отождествлялась с Мехет-урет[2], а также с богиней, чье имя может читаться как Сефех-абу, или Сешат. Мехет-урет довольно редко упоминается

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 174.
[2] У Плутарха — Мефиер (с. 422, сн. 1).

Богиня Мехетурет

Богиня Нут — Небесная Корова

в Книге мертвых (XVII, 76, 79; LXXI, 13; CXXIV, 17), однако отрывок из главы XVII сообщает нам, кто она.

Умерший говорит: «Я вижу Ра, рожденного вчера из ягодиц богини Мехет-урет». И далее на вопрос: «Что это тогда?» — следует ответ: «Это водное пространство неба или (как говорят другие) это образ Ока Ра в его ежедневном утреннем рождении. Мехет-урет — это Око (Уджат) Ра». Изначально Мехет-урет считалась женским воплощением водного пространства, в котором сформировалась материя мира. Ее имя, означающее «могущественная полнота», указывает, что она являлась обильным и неисчерпаемым источником материи любого рода, оплодотворяемым мужским жизненным началом любого вида. Фактически она символизировала первородное женское созидательное начало и в некоторых аспектах отождествлялась с Исидой и Хатхор. Безусловно, это представление появилось позднее, нежели концепции Нут или Нейт, формой которых являлась Мехет-урет. На одном из изображений этой богини, приведенных синьором Ланцоне[1], она представлена в виде беременной женщины с полными грудями — символом плодородия.

Однако обычно мы видим ее в облике великой небесной коровы (см. гл. 10). Иногда ее изображали с телом женщины и головой коровы. В таких случаях Мехет-урет держала в правой руке скипетр, обвитый стеблем лотоса. Богиня, по-видимому, нюхала этот цветок, который располагался между — символами Юга и Севера. Предполагается, что он олицетворял великий цветок лотоса, из которого во времена сотворения мира вышло солнце. Обычными эпитетами этой богини являются «госпожа небес, владычица всех богов, владычица обеих земель». Однако про нее также говорят, что она «существовала изначально» и помогала Тоту создать первые вещи, возникшие в Хемену, то есть в Гермополе. В древнейшие времена считалось, что «взвешивание слов», допрос умершего и суд над ним происходили в Зале Мехет-урет. Это, похоже, служит доказательством того, что ранее качества Маат приписывались великой богине, выступавшей в форме коровы, а также того, что египтяне верили, будто

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 131ff.

души умерших судят на небе. Первичная концепция Суда, возможно, была вполне материальной, и, лишь когда возобладал культ Осириса, она приняла тот вид, который знаком нам по Книге мертвых. Похоже, в самой глубокой древности египтяне полагали, что именно тело, а не душу подвергали допросу небесные силы. Это вполне логично, если учесть, что существовавшая в додинастические времена теория воскрешения предполагала наличие обновленного или оживленного физического тела.

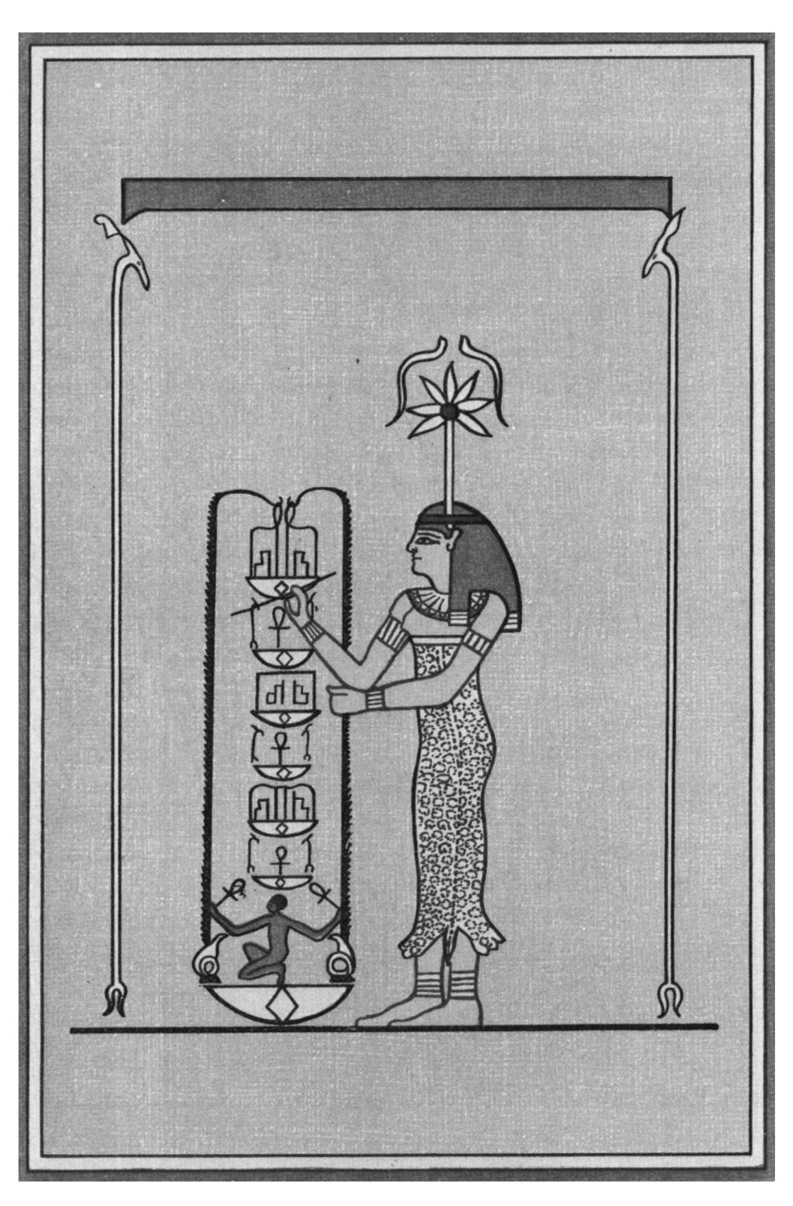
С Тотом как богом письма и знаний была тесно связана богиня , чье имя обычно читается как Сефхет-абут . Из-за иероглифического знака , который является символом этой богини, также возможен вариант прочтения ее имени как «Сешат». Однако обе версии — всего лишь предположения, ибо фонетическое значение знака до конца не выяснено, да и смысл его пока не определен. Все, что мы можем о нем сказать, — это то, что, судя по некоторым изображениям богини, он представляет собой пару перевернутых рогов, под которыми находится звезда с семью лучами или цветок с семью лепестками, стоящий на штандарте. Бругш полагал, что правильным является прочтение имени как «Сефхет-абут» и что оно означает либо «та, что перевернула свои рога», либо «та, у которой семь рогов». Последнее предположение основывается на сходстве первой части имени — «Сефхет» — со словом, обычно используемым для обозначения числа семь. Каковы были функции этой богини, ясно из ее изображений и сопровождающих их эпитетов. Богиня носила облегающее одеяние из шкуры пантеры, на голове у нее находился ее характерный символ, а в руках палетка писца и тростниковая палочка для письма. В таком облике богиня именовалась «великой, госпожой дома книг» . Таким образом, она являлась богиней литературы и библиотек.

На других изображениях она предстает уже без шкуры пантеры. В правой руке у нее тростинка для письма, а в левой картуш — символ, означающий «имя». Подобный облик предполагает, что богиня играла роль некоего запи-

сывающего ангела, причем запечатлевала она даже не деяния людей, а скорее их имена. Она делала это для Тота, чтобы он мог огласить их перед Осирисом. В надписи, сопроводающей это изображение, ее называют «великой, госпожой письма, госпожой дома книг» [hieroglyphs]. В другой раз она держит в руке пальмовую ветвь и, видимо, пересчитывает зазубрины на ней[1].

Нижний конец ветви покоится на спине лягушки, сидящей на [hieroglyph] — знаке «вечности». На другом конце ветви висит символ праздника Сед [hieroglyph]. Можно сделать вывод, что в данном случае богиня выступала в качестве летописца и хронолога. Использование пальмовой ветви с зазубринами как символа подсчета годов отсылает нас к обычаю, возможно существовавшему в додинастические времена. В следующей сцене богиня стоит перед столбцом иероглифов, означающих «жизнь», «власть» и «праздники тридцати лет», который опирается на сидящую фигуру, держащую в каждой руке ☥, «жизнь», и олицетворяющую «миллионы лет». В связи с этим следует отметить отрывок из текста, где богиня объявляет царю, что она сделала запись о том, что срок его жизни будет равен «сотням тысяч периодов в тридцать лет», и уготовила ему столько же лет на земле, сколько лет Ра (то есть что он будет жить вечно). В Книге мертвых (LVII, 6) усопший говорит: «Мой рот и мои ноздри открыты в Джеду, и место моего покоя в Иуну, где мой дом; его построила для меня богиня Сефхет-абут (или Сешат), и бог Хнум возвел для меня его стены». И далее (глава CLII, 3) он произносит: «Богиня Сефхет-абут привела бога Небда, и Инпу (Анубис) призвал Осириса Ну (то есть меня) построить дом на земле. Основание его в Хер-аха, святилище его есть бог Сехем, что пребывает в Сехеме, согласно тому, что я записал о его обновлении. Мужчины и женщины приносят подношения и возлияния и приводят служителей. И Осирис сказал всем богам, что были в его свите и странствовали [вместе с ним]: «Вот дом, что был построен для духа, снабженного всем, который приходит ежедневно, дабы обновиться среди вас». В

[1] Все эти изображения приведены у Ланцоне, «Словарь...», илл. 340.

Богиня Сегиат

главе CLXIX (строка 18) говорится, что богиня сидит перед усопшим, и богиня Са охраняет его члены.

Эти отрывки показывают, что Сефхет-абут считалась «богиней строительства» . Таким образом, она была подходящим дополнением для Тота и могла выполнять его приказания при сотворении мира. Тем не менее очевидно, что ее основные обязанности были связаны с записыванием истории. Счастлив был тот царь, деяния которого удостоились чести быть записанными рукой самой богини. План его жилища в загробном мире составлялся ею как изобретательницей письма, госпожой измерений при строительстве и основательницей искусства архитектуры[1].

В тексте, который цитирует Бругш, она сообщает Сети, что ее слова о нем никогда не будут опровергнуты, что ее рука запишет всю его славу так, как это делает ее брат Тот, и все это по повелению Атума. Эта богиня отождествлялась с богиней Рененутет , а также с Исидой. В Дендере ее называли «дочерью Нут», в Ликополе она считалась сестрой Осириса и матерью Херу-небу , то есть «Хора золота».

В связи с Маат и Тотом следует упомянуть еще одну богиню — Уннут , госпожу Унну , которую не стоит путать с богиней часов Уннут, изображавшейся в виде женщины со звездой на голове. У той богини, о которой мы сейчас говорим, были тело женщины и голова зайца, в обеих руках она обычно держала ножи [2].

Однако иногда в одной руке у нее был скипетр, а в другой , «жизнь». В одном из своих аспектов, а именно в качестве богини, убивающей своими ножами, она отождествлялась с Сехмет , и в этой форме являлась божеством города Менхет . Некоторое представление о древности богини Уннут мы можем получить из главы CXXXVII Книги мертвых. В конце пояснения (строка 38) говорится,

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 474.
[2] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 52.

что эта глава, написанная рукой Тота, была найдена в храме «Уннут, госпожи Унну» [иероглифы], Хордедефом, сыном Хуфу, то есть фараона IV династии Хеопса. Отсюда ясно, что даже в те весьма отдаленные времена в городе Унну, то есть Гермополе, или городе Тота, существовал храм богини Уннут. Унну, как нам известно, был главным городом нома Ун, местное божество которого изображалось в виде зайца [иероглиф]. Уннут является женским дополнением бога Унну и древней местной богиней этого города.

На виньетке к главе CX Книги мертвых мы видим умершего с поднятыми в жесте поклонения руками перед тремя сидящими божествами, у первого из которых голова зайца, у второго змеи, а у третьего быка. Позади покойного изображен бог Тот с палеткой и тростниковой палочкой, однако непонятно, имеет ли он отношение к этим трем божествам. Бога с головой зайца также можно увидеть в группе из трех богов, правящих одним из аритов в загробном мире. Согласно папирусу Ани, это был первый арит, в папирусе Ну говорится, что это второй арит. В Дендере встречается изображение бога с головой зайца в виде мумии, причем руки его находятся в позиции, предполагающей его тождество с Осирисом. В связи с этим изображением предпринимались попытки доказать, что бога с головой зайца звали Ун, что это имя является составной частью известного эпитета Осириса «Ун-нефер», что бог-заяц Ун являлся лишь одной из форм Осириса и что Осирис получил имя Ун потому, что он «выпрыгнул», подобно зайцу, которого, как и восходящее солнце, называют «прыгуном». Согласно этой точке зрения, богиня Уннут могла быть женской ипостасью бога-зайца Уна или Унну. Однако мнение доктора Бругша о том, что Уннут являлась богиней города Унну, или Гермополя, представляется нам более верным, особенно если вспомнить, что богини городов Ина, Ипта, Бехдета и других носили имена Инит, Ипит и Бехдит. Мы уже говорили, что у богини Маат было две формы, то есть Маат Юга и Маат Севера. Подобным же образом две формы имела и богиня Уннут. Одна из них относилась к Гермополю Юга, а другая к Гермополю Севера

Унну мехит, в тексте, то есть Гермополю Парва, где Тот почитался в форме Уп-рехуи, вместе со своим женским дополнением Нехемауаит[1].

Глава 14
ХАТХОР, ХУТ–ХЕРЕТ, И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ БОГИНИ

Богиня Хатхор является одной из самых древних египетских богинь. Очевидно, ее почитали в форме коровы еще в начале архаического периода, поскольку голова коровы, сделанная из кремня, была найдена среди прочих фигурок, относящихся к раннему архаическому или позднему додинастическому периоду[2].

Изображения Хатхор очень разнообразны, но это неудивительно, учитывая, что на протяжении династического периода она отождествлялась с каждой более или менее значимой местной богиней и ей приписывались все их свойства. Самой древней формой является, вероятно, корова, и это представление сохранялось преимущественно в заупокойных изображениях и в Книге мертвых вплоть до начала римского периода. Имя богини Хут-Херет означает «Дом наверху», то есть небо или небесный свод. Другая форма этого имени, которая читается как Хут-Херу и означает «Дом Хора», показывает, что эта богиня была воплощением дома, где пребывал бог солнца Хор, и олицетворением той части небес, по которой пролегал его путь. В древнейшие времена Хатхор, или Ἀθωρ у греческих авторов, представляла только область неба, где рождался Хор — самая ранняя форма бога солнца. Ее владения располагались на востоке неба, но с течением времени она стала воплощать небо вообще и благодаря этому, несомненно, вобрала в себя многие функции и признаки додинастических богинь. В тексте Пепи I (стро-

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 477.
[2] Этот экспонат хранится в Британском музее, № 32124.

ка 593) говорится: «Каждый бог на небе возьмет Ра-мери за руку, и они отведут его в Хут-Херу, что на небесах Кебху, и его двойник сможет своим голосом (или словом) воздействовать на Геба». Этот отрывок показывает, что «Дом Хора», судя по всему, был лишь особой частью великого водного пространства небес, известного под названием «Кебху».

В те времена, когда была создана первая египетская теогония, Хатхор, безусловно, являлась космической богиней. Она была связана с богом солнца Ра, основным женским дополнением которого считалась. В теологической системе гелиопольских жрецов она стала, по выражению Бругша[1], «матерью света», рождение которого и было первой ступенью сотворения мира.

Следующим стало сотворение ею Шу и Тефнут, то есть отдельных их аспектов, ибо, согласно древнейшей легенде, их творцом и создателем был Атум. О разных формах, в которых изображали Хатхор, можно сказать следующее[2].

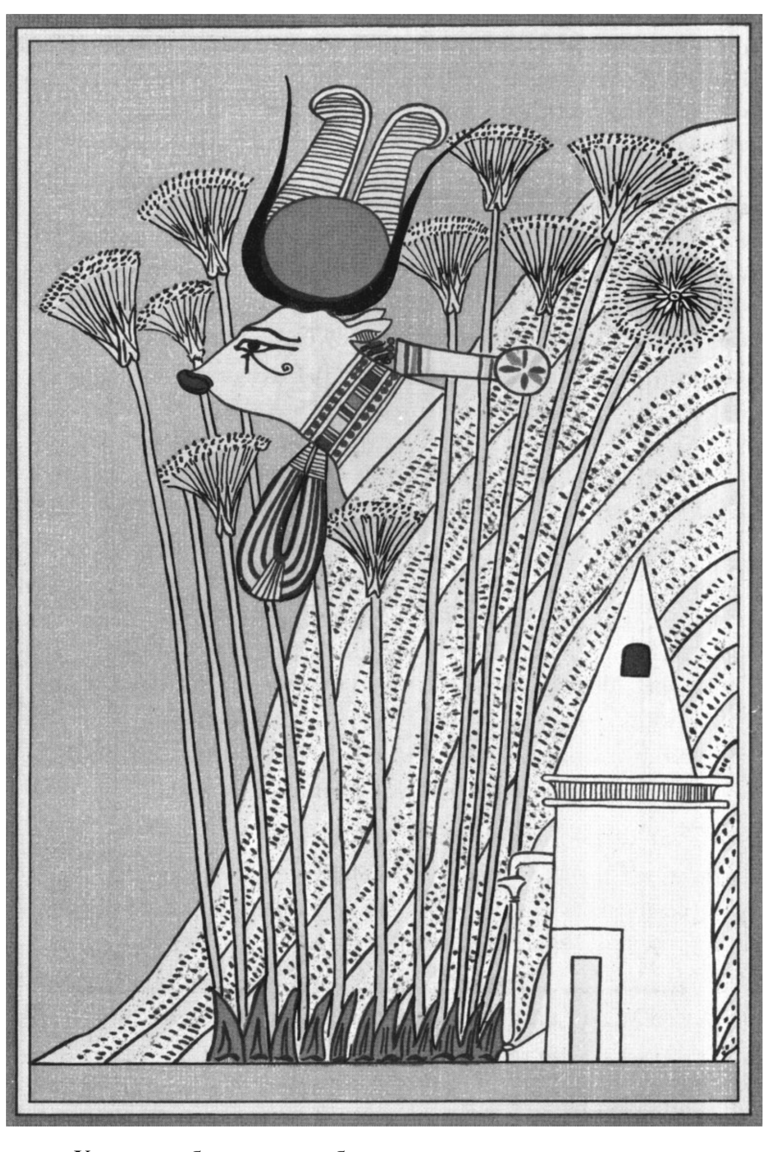
Как «властительница», Фив и госпожа Иментет Хатхор предстает в облике женщины с рогами на голове, между которыми располагается солнечный диск. Когда она выступает как госпожа Хетепет, то изображается в головном уборе в виде грифа с уреем впереди и пятью уреями наверху. В качестве владычицы Сенемет богиня предстает в виде женщины в головном уборе или с перьями и рогами на голове. У Хатхор как госпожи Ибшека, между рогами изображается диск. Выступая в роли великой богини Дендеры, она появляется в виде львицы с уреем на голове или женщины с и, или, или и, или и, или систром, или и, или и, или и, и, и. В одной руке у нее обычно был скипетр

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 312.
[2] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 314ff.

или , а в другой «жизнь» . В качестве госпожи «южного сикомора» Хатхор изображалась с головой коровы. Госпожа Иуну появляется с на голове. Богиня [земли] бирюзы, то есть Синайского полуострова, называемого «*Мефек*» , носит на голове корону Севера , или и . В другой своей форме Хатхор предстает в головном уборе в виде грифа, увенчанном тиарой из уреев, на которой расположен пилон в окружении цветов и бутонов лотоса. «Госпожа Святой Земли», то есть загробного мира, и Иментет , изображается в виде коровы, выходящей из горы, а иногда в виде коровы, стоящей в ладье, окруженной папирусами, которые значительно выше ее. Когда Хатхор предстает в форме богини-коровы загробного мира, впереди с ее шеи свисает длинное ожерелье, а с обратной стороны шеи находится *менит* — символ радости и удовольствия. На спине у коровы чепрак с линейным рисунком. Иногда все ее тело усеивают кресты, возможно символизирующие звезды. Два довольно любопытных изображения Хатхор приводит синьор Ланцоне[1]. На одном из них богиня держит в руке пальмовую ветвь с зазубринами, которая обычно является атрибутом богини Сефех-абу, помогающей богу Тоту с записью лет и событий. В этом случае Хатхор можно рассматривать как женское дополнение Тота. На другом она предстает в образе сфинкса в головном уборе в виде грифа с уреем и диском. Ее тело сбоку напоминает по форме *менит*. Сама богиня покоится на пилоне. Надписи, сопровождающие последнее изображение, называют ее «госпожой Хетепа, Оком Ра, пребывающим в его диске, госпожой небес, владычицей всех богов» .

Мы уже упоминали, что культ Хора был распространен повсеместно, вероятно, с древнейших времен и что в династический период его святилища были рассеяны по всему Египту. Тексты доказывают, что и поклонение Хатхор было

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 325ff.

Хатхор — богиня загробного мира, выходящая из горы в виде коровы

всеобщим, а посвященных ей храмов было даже больше, чем связанных с почитанием Хора. Фактически она являлась великой матерью мира. Древняя, космическая, Хатхор была воплощением великой природной силы, вечно зачинающей, сотворяющей, рождающей, взращивающей и питающей все свои создания, большие и малые. Она была «матерью своего отца и дочерью своего сына». Она правила небом, землей и загробным миром и являлась матерью всех богов и богинь. Ее почитали во всех значимых святилищах местных богинь наравне с ними. Хатхор всегда считалась главным женским дополнением бога, возглавлявшего группу или триаду, куда в качестве гостьи входила она. Доказательством этого служит список, составленный доктором Бругшем, в котором перечислены все имена Хатхор и все формы, в которых она почиталась в Верхнем и Нижнем Египте.

Итак, мы видим, что Хатхор отождествлялась с Сатет, и Анукет на Элефантине; с Та-сенет-неферет в Омбосе; с Бехдет в Аполлонополе Магна; с Нейт, Небуут и Менхит в Латополе; с Мут и Нехбет в Эйлетиасполе; с Рат-тауи и Чененет в Гермонте; с Мут и Именчет, в Фивах; с Хекат в Аполлонополе Парва; с Исидой и Иунит в Коптосе; с Сефхет-абут в Диосполе-Парва; с Мехит-Тефнут-Ахет-Менхит в Тине; с Исидой и Хент-Иабтет в Панополе; с Хекат и Анчит в Афродитополе; с Нейт, Уаджет Сехмет и другими в Гипселе; с Маат и Исидой в Иераконполе; с Мут и Сефхет-абут в Ликополе, с Сехмет и Маат в Кусах; с Нехемауаит, Сефхет-абут и Мехет-урет в Гермополе; с Хекат и Ашет в Ибиу; с Пахет в Спеос

Артемидос; с Инпет в Кинополе; с Уаджет в Алабастронополе; с Хатхор в Оксиринхе; с Анчит и Мерсехнет в Гераклеополе Магна; с Ренепет в Крокодилополе; с Херсехет в Птолемаиде; с Исидой и Деп-Ихет в Афродитополе; с Бастет, Сехмет и Ренепет в Мемфисе; с Небуарехет-аат в Летополе; с Усерет-хекат в Просописе; с Нейт в Саисе; с Урет-Упсет в Хоїς; с Исидой в Канопе; с Уаджет в Буто; с Тефнут в Пер-Теме (Пифоме); с Таджет или Таит в Бусирисе; с Хуит в Атрибисе; с Джеджет, дочерью Ра, и с Тефнут в форме львицы, и с Херет, то есть женским дополнением Хора, и с Несерет; и с Иусасет, и с Небет-хетепет, и с Менит, и с Репит; с Хент-Иабтет в Селе (?); с Нехемауаит, Тефнут и Исидой в Гемополе; с Хат-мехит в Мендесе; с Мут, Тефнут и Хент-Иабтет в Диосполе; с Бастет в Бубастисе; с Исидой и Уаджет в Иммет; и с Септит, и Хехсит в номе Сопду.

Таким образом, очевидно, что, по крайней мере, в поздний династический период Хатхор являлась воплощением всех великих богинь Египта и что посвященные ей храмы имелись в большинстве крупных городов. В своем ценнейшем труде «Словарь египетской мифологии» (с. 875) синьор Ланцоне собрал названия всех городов[1], в которых находились святилища Хатхор. Однако перечислять их все в данной

[1] Тем не менее следующая подборка представляет определенный интерес: Арит, Акент, Сехет-Ра, Кесет, Сенмет, Хауит, Маджед, Шедену

работе довольно бессмысленно, поскольку, описав всех богинь, с которыми отождествлялась Хатхор, мы тем самым вполне наглядно доказали, что культ ее был распространен повсеместно.

Итак, если принять во внимание все вышесказанное, становится ясно, что почитатели Хатхор едва ли смогли бы назвать все формы этой богини. Также очевидно, что некоторые воплощения считались более важными, чем другие. Поэтому сравнительно рано было выбрано семь форм богини Хатхор. Семью богинями, почитавшимися в Дендере, были 1: Хатхор Фиванская; 2. Хатхор Гелиопольская; 3. Хатхор Афродитопольская; 4. Хатхор Синайского полуострова; 5. Хатхор Момемфиская (Имау); 6. Хатхор Гераклеопольская; 7. Хатхор из Кус. Их изображали в виде молодых привлекательных женщин в облегающих туниках, на голове у которых были головные уборы в виде грифа, увенчанные, а в руках тамбурины. В «Сказке о двух братьях» семь Хатхор выступают в роли волшебниц-предсказательниц. История рассказывает, что их призвали взглянуть на жену, которую Хнум сотворил для младшего брата Баты и которая была «прекрасней любой другой женщины на земле, ибо все боги были в ней». Однако когда они увидели ее, то произнесли в один голос: «Она погибнет от ножа». К сожалению, мы не знаем, какие именно области представляли эти семь Хатхор. Семь

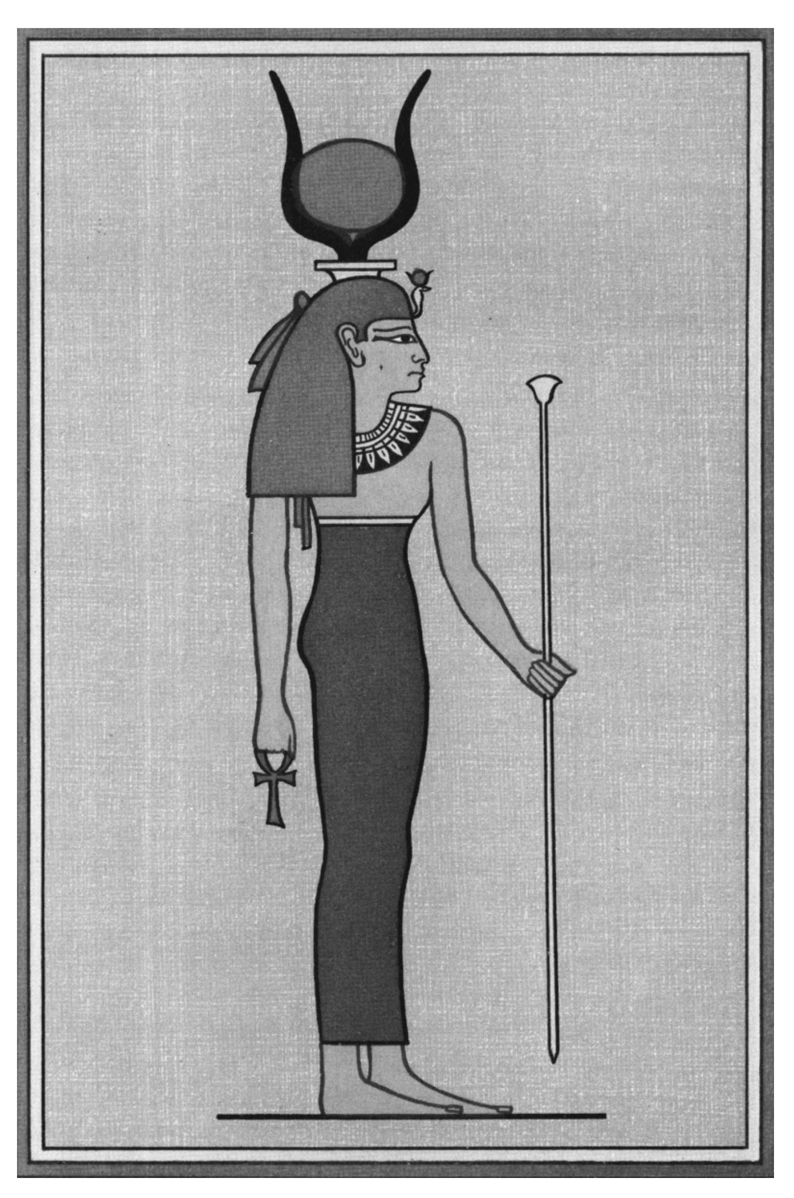
, Агену, Хахат (?), Ше-Дешер, Кепенут (в Сирии), Пер-дену в Анх-тауит, Рехесу, Фека, Теп-ихет, Алкат, Иун-Менту, Маати, Себти, Генну, Джерутет, Сег, Пер-Уджат, Хес, Кенсет, Неферус, Хехуит, Интет, Сенут.

Хатхор, которых упоминает Мариетт[1], включают Хатхор из Дендеры , Кесет (Кус), Нехет , Двух Гор (современного Гебелейна), Эйлетиасполя , Мефека (Синая), Кепенут (Библоса) и Хут-сешеша (Диосполя Парва).

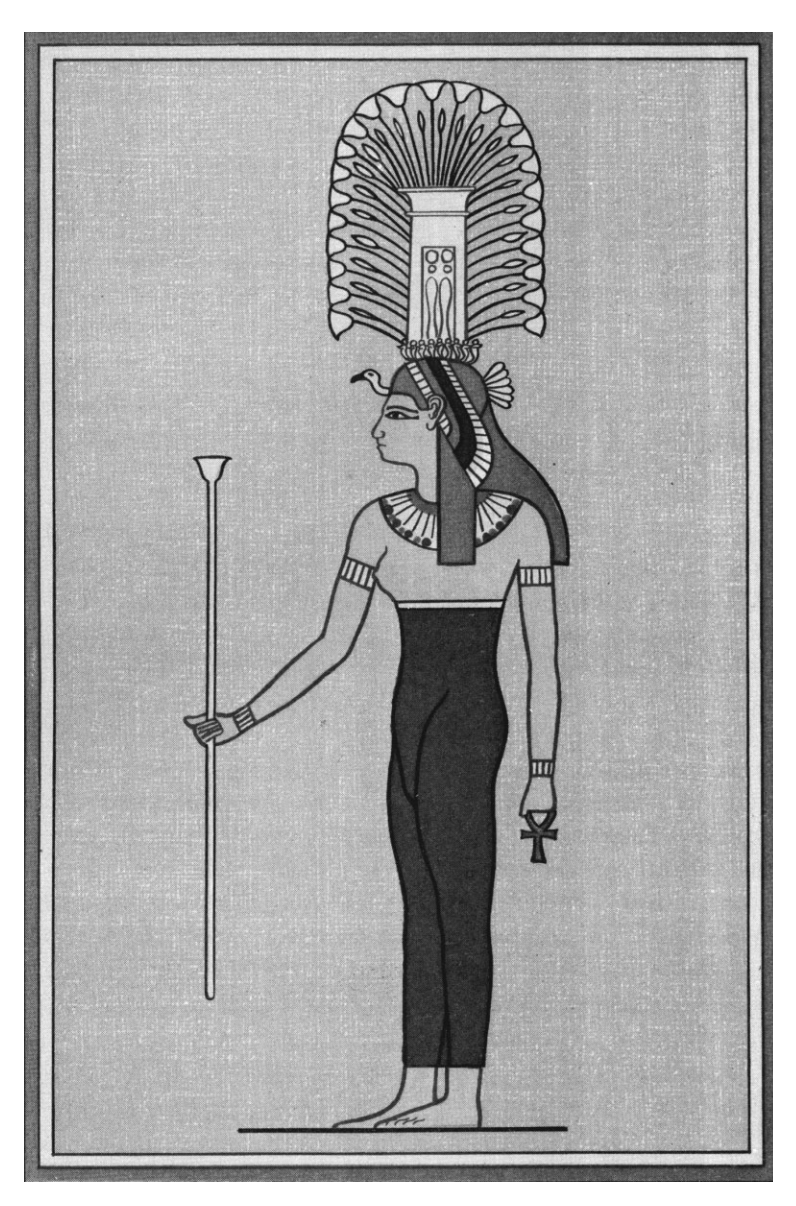
Таким образом, мы видим, что группа из семи Хатхор не всегда состояла из одних и тех же богинь. В «Литаниях Сокару» содержится также «Литания богиням Хатхор», где упоминаются Хатхор из: 1. Деп-ихет; 2. Мефека и Фив; 3. Фив; 4. Небет-хетепет; 5. Несу-хенена; 6. Мемфиса; 7. Ше-дешера, то есть другая группа семи Хатхор. В шести строках текста, следующего далее, Хатхор отождествляется с богинями: 1. Бастет; 2. Сатет; 3. Уаджет; 4. Сехмет; 5. Госпожой Имау; 6. Нейт. После этого следуют обращения к Хатхор Фив, Несу-хенена, Деп-ихет, Нехау, Рехсау, Шет-Тешерт, Мефека, Инеба, Уауа, Имау, Амема и Хатхор, госпоже «Города Шестнадцати» (Ликополя), то есть всего к двенадцати Хатхор. Если бы мы располагали достаточной информацией, то, возможно, обнаружили бы, что в каждом городе была своя группа Хатхор, и формы этой богини, имена которых были начертаны на заупокойных папирусах, были просто личным выбором тех, по чьему заказу эти папирусы изготавливались.

Греки отождествили Хатхор со своей богиней Афродитой, и многие египетские тексты доказывают, что они сделали это не без оснований. Она олицетворяла не только то, что было истинно, но и то, что было хорошо, а также все лучшее, что может быть в женщине — жене, матери, дочери. Хатхор покровительствовала певцам, танцорам и прочим представителям подобных профессий, красивым женщинам, любви, художникам и произведениям искусства, и к тому же виноделию и вину, пиву, радости и счастью и всему, что могло их обеспечить. Ее отождествляли со звездой Сепедет , или Сотис, которую называли «вторым солнцем на небе». Таким образом, она была связана с поднятием уровня воды в Ниле,

[1] *Denderah*. T. 1. Pl. 27.

Богиня Хатхор

Богиня Хет-Херт (Хатхор)

предшествующим его разливу. В виде этой звезды Хатхор появлялась на небе рядом с солнцем во второй половине июля. Гелиакический восход Сотис происходил в первый день египетского нового года. Когда бог солнца Ра поднимался на свою ладью, Хатхор, богиня звезды Сотис, поднималась туда вместе с ним и занимала свое место, как корона на его челе. Как мы сказали, она являлась одновременно супругой Ра и его дочерью. Богиня Нут родила Хатхор в облике ребенка с черной или черно-красной кожей; свое имя — Хнемет-анх , или , — та получила от названия последнего часа дня[1].

Как госпожа загробного мира, Хатхор играла важную роль в обеспечении благополучия умершего, поскольку без ее помощи и покровительства он не мог достигнуть вечной жизни.

Место, которое Хатхор занимала среди богов загробного мира, хорошо показывают следующие отрывки из Книги мертвых. В своем гимне Ра умерший Нахт говорит: «О ты, прекрасное создание, ты обновляешься во время свое в форме Диска в матери своей Хатхор». Эти слова представляют Хатхор как природную силу. Мы находим ее в сцене загробного суда среди богов, наблюдавших за «взвешиванием слов» и впоследствии принимавших решение о даровании радости и счастья сердцу, которое было взвешено и признано праведным. Когда умерший встречается лицом к лицу с Апопом, Хатхор вместе с другими богами (Неджеб-иб-фом , Атумом, Ненджей , Гебом, Нут и Хепри) вдохновляет его на бой с чудовищем. Она кричит ему: «Берись за оружие!» Однако, подобно умершему, Хатхор испытывает ужас перед чудовищем и «дрожит» (XXXIX, 22). В главе XLII, посвященной обожествлению членов усопшего, богиня становится его глазами. Он произносит: «Глаза мои — это глаза Хатхор». Согласно одному мифу, Хатхор была звездой Сотис *Сепедет*, и правым оком Хора или Ра. В другом мифе она являлась ночным небом и одновременно луной. Соответственно, очи Хатхор — это солнце и луна, и

[1] Двенадцатого часа дня.

умерший представляет их как свои глаза. В других главах (LII, LXIII A, LXVIII) она предстает как богиня, дарующая усопшему пищу и питье. Мы находим следующий отрывок: «Позволь мне вкусить мою пищу под сикомором госпожи моей Хатхор и позволь времени моему пройти среди тех божественных созданий, которые осветили его». И снова: «В чистом месте сяду я на землю под листьями финиковой пальмы богини Хатхор, пребывающей в большом Диске, когда приближается он к Иуну, владеющей книгами божественных слов, написанных богом Тотом». И еще: «Дай же мне власть над хлебами и позволь мне вкусить их под листьями пальмы богини Хатхор, моей божественной госпожи» (LXXXII, 7).

В Зале Маати левая ступня усопшего называлась «посохом Хатхор» (CXXV, 35). Особая глава (CIII) была посвящена тому, чтобы умерший мог «быть среди тех, кто следует за Хатхор». Значит, Хатхор считалась достаточно важной для того, чтобы иметь собственную свиту из сопровождающих ее богов или ангелов. На виньетке к главе CXXXIV Хатхор изображена среди группы гелиопольских богов, куда входят Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Нефтида и Хор, последний при этом занимает место Сета. В главе CXL Хатхор вместе с Атумом, Уджат, Шу, Гебом, Осирисом, Сетом, Хором, Менти, Бахом, Ра-эр-нехехом, Тотом, Наиу-джетта (?), Нут, Исидой, Нефтидой, Нехет, Мерет (?) (?), Маат, Инепом и Та-мес-джетта названы «душой и телом Ра». В главе CLI A Нефтида обращается к умершему со словами: «Ра слышит мольбу твою; о дочь Хатхор, ты создана для победы, голова твоя никогда не будет отнята у тебя, и восстанешь ты в покое». Именно Хатхор в облике коровы принимала мертвых, когда они входили в загробный мир, она даровала им новую жизнь и обеспечивала небесной пищей. В заупокойных текстах, относящихся к римскому периоду, сущность умершего сливается с богиней подобно тому, как в текстах династического периода

она сливалась с Осирисом. Наконец, в отрывке из папируса, приведенном господином Масперо[1], который описывает наложение «бинтов Хатхор» на лицо покойного, говорится: «Она (то есть Хатхор) сделает твой лик совершенным среди богов, она сделает твои бедра большими среди богинь, она откроет око твое, так что ты будешь видеть каждый день, она увеличит место твое в Иментет, она сделает так, что голос твой возобладает над врагами твоими; она сделает так, что ноги твои пойдут с легкостью по загробному миру именем Хатхор, госпожи Иментет».

В одном любопытном тексте из храма птолемеевского времени в Дейр-эль-Медине[2], находящейся на западном берегу Нила напротив Фив, Хатхор названа Нубт, то есть «Золотой».

К ней обращаются как к «царице богов», и ее почитатель говорит: «Ты стоишь высоко на юге как госпожа Тека (Эйлетиасполя), и ты освещаешь запад как госпожа Саиса. Ты появляешься, и тебя чествуют на празднествах в качестве Хатхор, великой госпожи, возлюбленной Ра в семи [твоих] формах». Как сообщает текст, бог Тот приходит взглянуть на ее лицо, он восхваляет ее согласно ее пожеланию и возвышает ее своими словами. В форме Небетхетепет она блистает на небе, обладает могуществом на земле и является царицей загробного мира. В качестве богини Темт ее называли госпожой «обеих земель», она сияла в городах Буто и Бубастисе. Из вышесказанного ясно, что как богиня загробного мира Хатхор отождествлялась с четырьмя великими древними богинями: Нехбет из Нехбета (Эйлетиасполя), Уаджет из Пер-Уаджет, Бастет из Бубастиса и Нейт из Саиса, то есть с богинями, представляющими четыре стороны света. Также очевидно, что такая идентификация является продуктом позднего периода, когда древнейшие функции и признаки Уаджет, Нехбет и других богинь были уже забыты. Тем не менее автору представля-

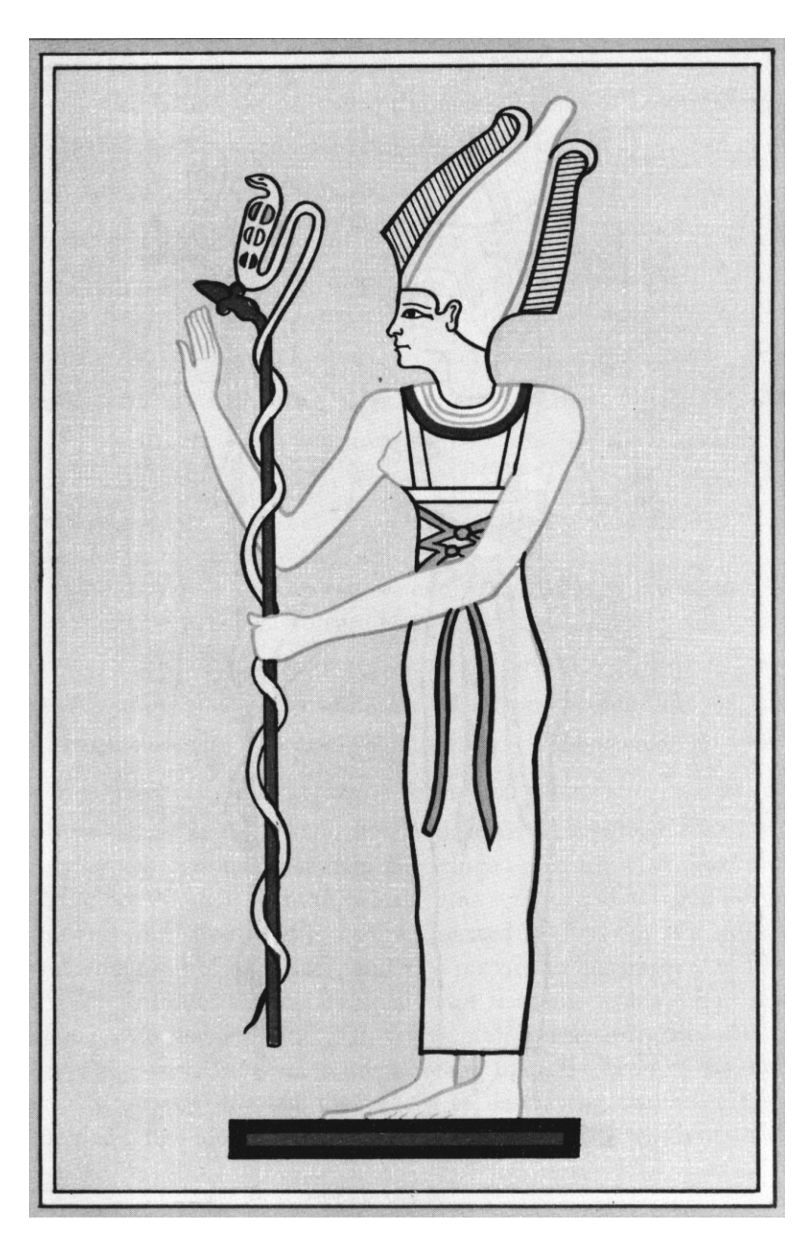
[1] «Исследование нескольких папирусов из Лувра», Париж, 1875, с. 104.

[2] Египтяне называли это место, Хефт-хер-неб-с, а греки — Пасемис.

ется целесообразным описать этих богинь именно в главе о Хатхор, и не потому, что он считает их птолемеевское отождествление верным, а потому, что ему есть что сказать о данном предмете.

Нехбет, богиня Юга

Согласно иероглифическим надписям архаического периода, мы знаем, что египетские фараоны обычно ставили перед своими именами знак, символизирующий их власть над Югом и Севером. Не совсем ясно, как следует читать эти знаки, однако по поводу их смысла не может быть никаких сомнений. Гриф является символом богини Юга, а урей — символом богини Севера. Вплоть до конца династического периода цари Египта провозглашали, что они являются правителями страны милостью богинь, которых олицетворяли гриф и урей. С большой долей уверенности можно утверждать, что в додинастические времена грифа почитали в основном в Верхнем Египте, а определенному виду змей поклонялись в Дельте. Центром культа грифа был город Нехеб (Нехбет) или, который греки называли Эйлетиасполем, а римляне *Civitas Lucinae*. Он являлся столицей третьего нома Верхнего Египта. Основным центром почитания змеи был Пер-Уаджет Βοῦτος греков и Буто римлян, столица седьмого нома Нижнего Египта. Нехбет считалась дочерью Ра, а также «божественной супругой Хенти-Именти». Храм богини *Нехен*, или, или находился на месте современного арабского поселения Эль-Каб. Позднее Нехеб утратил свое политическое значение, и его место заняли соседние города Иуни и Сенти. В городе Нехене, название которого также выписывалось как (то есть «Белый Нехен»), находился храм «священного (или святого) грифа»

Богиня Нехбет

. Тексты однозначно доказывают, что Нехбет, богиня-гриф Южного Египта, отождествлялась с Хатхор[1].

Нехбет обычно изображали как женщину в головном уборе в виде грифа, увенчанном белой короной — символом владычества над Верхним Египтом — с двумя перьями по бокам. Иногда она держит в одной руке скипетр или , а в другой знак «жизнь» . В некоторых случаях в качестве скипетра выступает цветок с длинным стеблем (по всей видимости, водяная лилия), обвитый крылатой змеей, на голове у которой корона Юга, так же являющаяся символом богини, как и гриф. Иногда Нехбет предстает в виде женщины с головой грифа, а на иллюстрации, приведенной синьором Ланцоне[2], она стоит на знаке *маат* и держит в левой руке лук и стрелу.

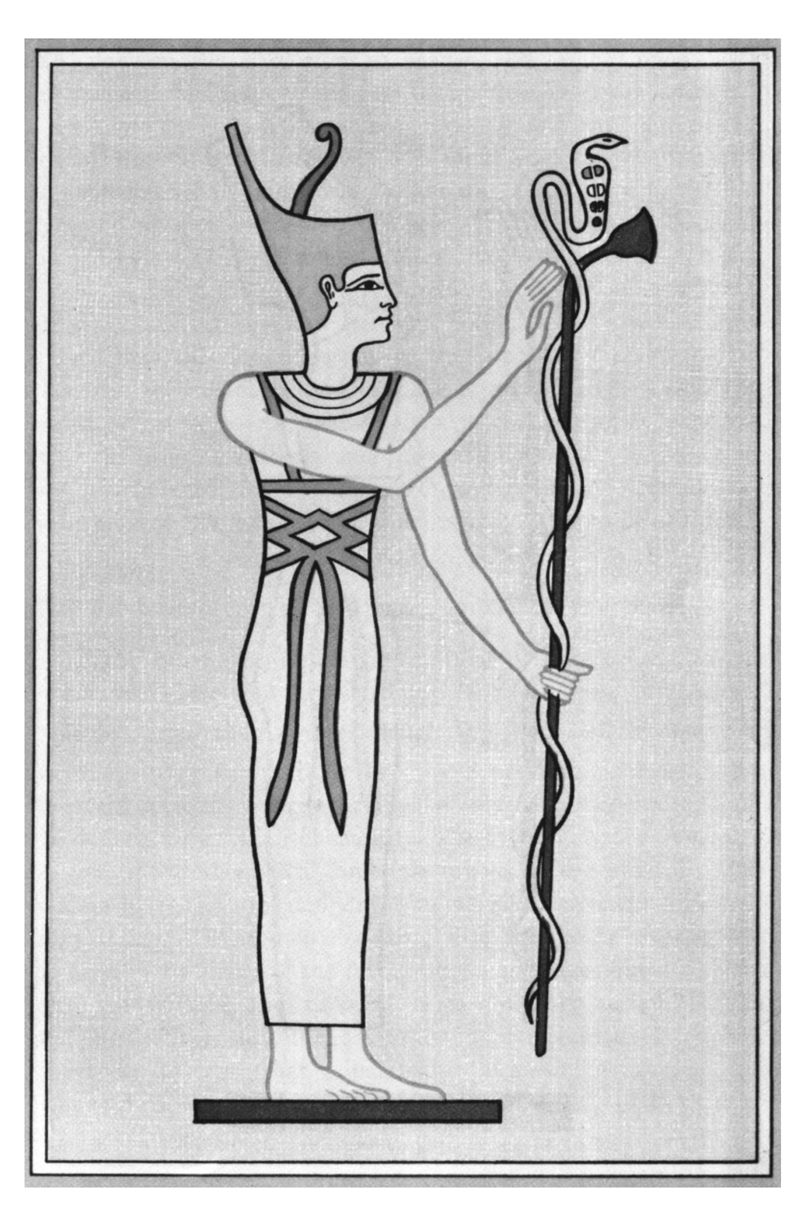
Вместе со своей сестрой-близнецом Уаджет Нехбет в форме урея занимала место на челе Ра. Обязанностью обеих богинь являлось уничтожение врагов солнечного бога. На это указывают изображения крылатого диска над дверями египетских храмов. По бокам от него располагаются змеи. Та, что справа, или на южной стороне, — это Нехбет, а та, что слева, или на северной стороне, — Уаджет. С астрономической точки зрения Нехбет являлась западным, или правым, оком солнца во время его путешествия по загробному миру, а Уаджет была левым, или восточным, оком. Нехбет также считалась формой первородного пространства, породившей свет[3], и в качестве таковой именовалась «отцом отцов, матерью матерей, существовавшей от начала начал, сотворительницей мира». На рельефах в египетских храмах она, как правило, изображалась вместе со своей сестрой-близнецом Уаджет, чаще всего в сценах коронации, ибо для царя самым важным было, чтобы эти богини увенчали его двойной короной .

---

1 .

2 *Lanzone*. Op. cit. 348.

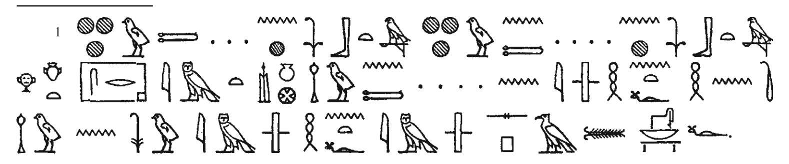
3 *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 321.

Богиня Уаджет

Согласно Бругшу, рядом со святилищами богов в египетских храмах существовали особые помещения, где, как считалось, пребывали Уаджет и Нехбет. Комната первой располагалась с западной, или правой, стороны от святилища и называлась *пер несерт*, то есть «дом огня», комната второй находилась с восточной, или левой, стороны от святилища и носила имя *пер ур*, или «великий дом». Весьма вероятно, что во время церемонии коронации жрицы одевались в костюмы двух богинь, и одна провозглашала, что фараону отдается Юг, а другая таким же образом отдавала ему Север. На изображениях Нехбет Фагит мы видим, что она была окрашена в светло-желтый, почти белый цвет, символизирующий, возможно, тон песков южных пустынь и свет только что взошедшего солнца или луны. В одном из своих аспектов Нехбет отождествлялась с Исидой, богиней плодородия, так же как Уаджет — с Нефтидой, исполнявшей роль кормилицы младенца, рожденного Исидой. Иными словами, Нехбет считалась матерью бога солнца и, соответственно, его сына — царя Египта, а Уаджет — его кормилицей. Отрывок из текста Мер-ен-ра (строка 762), похоже, связывает Нехбет с Иуну. Он гласит: «Ты защищаешь Мер-ен-ра, о Нехбет, ты защитила Мер-ен-ра, о Нехбет, в доме князя Иуну; ты вверила его Им-хент-фу, а Им-хент-ф вверил его Им-сепа-фу»[1].

Возможно, Нехбет отождествлялась с местными богинями Иусаасет и Небет-хетепет. В интересном тексте, который приводит Масперо, упоминается натр из города Нехеба, повидимому широко применявшийся для бальзамирования умерших, и утверждается, что впоследствии богиня Нехбет будет присматривать за усопшими в загробном мире и изменит их лица, сделав их прекрасными, а глаза сверкающими. Чтобы это произошло, на лоб каждой тщательно изготовленной мумии клали «повязку из Нехеба».

1

Уаджет, , *богиня Севера*

Как мы уже говорили, Уаджет, или Уаджит, — это богиня, которую почитали в облике змеи. Древнейшим центром ее культа был Пер-уаджет Βοῦτος греков, — город, расположенный в «земле Уаджет» , то есть в седьмом номе Нижнего Египта, или Нефер-Имент . Храм, где почиталась Уаджет, и прилегающая к нему территория в текстах всех периодов известны под названием Пе-Деп . Частое упоминание этого двойного названия в Текстах пирамид позволяет сделать вывод, что святилище было и очень известным, и очень древним. С самого раннего времени Уаджет отождествлялась с Исидой, и мы обладаем достаточными доказательствами того, что сын Исиды Хор почитался вместе со своей матерью в Пер-Уаджет. Таким образом, Пе-Деп был городом, где существовало четкое разделение. В одной части поклонялись Хору, а в другой Исиде-Уаджет, причем считалось, что Хор пребывал в Пе, а Исида-Уаджет в Депе. Следует упомянуть, что существовали и другие варианты названия города, например Пи-Джепет, , и Пи-Теп, . В поздний династический период Уаджет называли Уп-тауи, то есть «открывательницей земель» , однако точный смысл этого титула неясен. Неподалеку от города богини находился остров Хебит , или , или , который классические авторы небезосновательно отождествляли с островом Χέμμις или Χέμρες. Вокруг него были заросли папируса На-идех, или Нафо греков, игравшие столь важную роль в легендах об Исиде и Хоре. Согласно им, Исида, зачав дитя, удалилась в заросшие папирусом топи и скрывалась там до тех пор, пока не подошел ее срок. Она разрешилась от бремени младенцем Хором, который впоследствии стал «мстителем за своего отца». Сету так и не удалось обнаружить место, где пряталась Исида, потому что

великая богиня сумела сделать так, чтобы папирусы и другие растения заслоняли ее от взора врага. Богиня Уаджет навещала ее в этом убежище и всячески помогала.

На рисунках и рельефах Уаджет представала в виде женщины с короной Севера на голове. В одной руке она держала скипетр в виде папируса, вокруг которого иногда обвивалась длинная змея. В некоторых случаях корона Севера находилась у нее в правой руке, и она собиралась возложить ее на голову царя. Изредко она изображалась в облике большой крылатой змеи с короной Севера на голове[1].

Богиню называли «Уаджет, госпожа небес, Уаджет, госпожа Пе, владычица Депа, августейшая, могущественная»; «Уаджет, госпожа небес, владычица всех богов»; «Уаджет, госпожа Небиуи госпожа Нечер-та , госпожа Пер-Менат , госпожа Имемет ». Помимо посвященных ей храмов, находившихся в вышеперечисленных городах, существовало, вероятно, еще одно святилище в Сопду . Об отношении богини к умершему свидетельствуют изречения из Книги мертвых. В главе XVII Уаджет упоминается в связи с богом Реху . Также она явно отождествляется с Исидой, которая защитила своего сына Хора, укрыв его волосами, хотя Уаджет предстает при этом в виде крылатой змеи, обвившейся вокруг стебля папируса, и именуется «оком Ра». В главе XLII сказано, что плечо умершего — это плечо Уаджет. В главе LXVI умерший произносит: «Я владею знанием. Меня зачала Сехмет, и богиня Нейт родила меня. Я Хор, и я происхожу из Ока Хора (то есть Ра). Я Уаджет, которая произошла от Хора. Я Хор, и я взлетаю и сажусь на чело Ра на носу его ладьи, что в небе». В главе CXXXVI A умершего именуют «владыкой Маат , которую создала богиня Уаджет». В главе CXXXVI B он говорит: «Я духовное тело (*сах* владыки Маат, созданной богиней Уаджет». В главе CLXXIX умерший заявляет: «Враг по-

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 58ff.

бежден мной в присутствии заседателей, и я поедаю его на великом поле на алтаре богини Уаджет». Наконец, в главе CLXXII (I, 19) определенные части головы покойного отождествляются с таковыми у богинь Уаджети, то есть у Уаджет и Нехбет. Во время церемоний, связанных с бальзамированием, жрец обращался к мумии со следующими словами: «Богиня Уаджет пришла к тебе в виде живого Урея *Арат*, чтобы умастить твою голову их[1] пламенем.

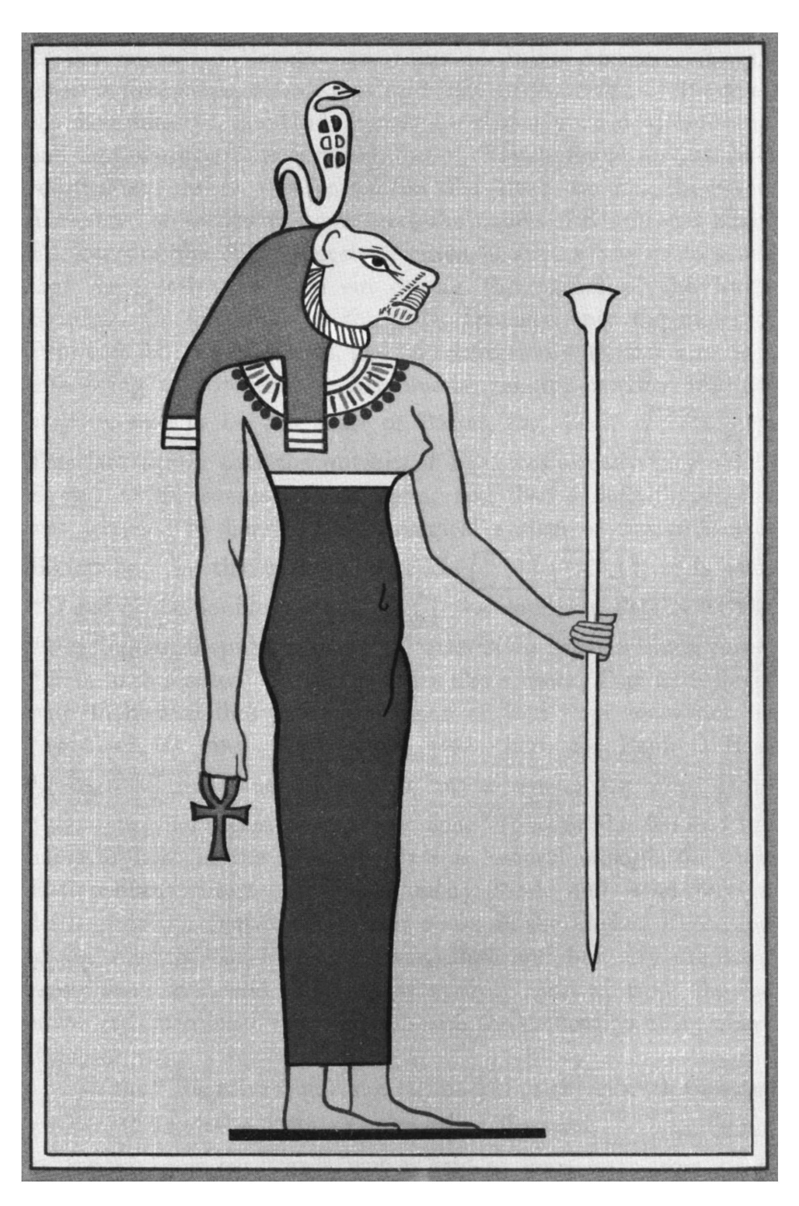
Она поднимается слева от твоей головы, и она сияет безмолвно справа от твоих висков. Они поднимаются на твоей голове каждый час дня так же, как делают они для своего отца Ра. Благодаря им ужас, что вселяешь ты в священных духов, усиливается. Оттого, что Уаджет и Нехбет поднимаются на твоей голове, и оттого, что чело твое становится той частью головы, где они утверждаются, так же как утверждаются они на челе Ра, и оттого, что они никогда не покидают тебя, внушаешь ты трепет душам, что сделаны совершенными».

Согласно Книге мертвых, основной задачей Уаджет было сокрушение врагов умершего. Однако связь этой богини с Маат показывает, что она также отождествлялась с одним из женских дополнений Тота. По календарю, опубликованному Бругшем, мы видим, что Уаджет считалась богиней одиннадцатого месяца египетского года (Эпифи) под именем Ипет , или .

Бастет , госпожа Востока

Бастет была богиней преимущественно восточной части Дельты, центром ее культа являлся Пер-Бастет , или , или Бубастис, столица Им-Хент , — седьмого нома Нижнего Египта. Этот город часто упоминается у античных авторов (*Геродот*. II, 137, 156; *Диодор*. 16, 51; *Стра-*

[1] Их = Уаджет и Нехбет.

Богиня Бастет

бон. XVII; *Плиний*. V, 9), в Библии он известен как Бубаст פִּיבֶסֶת (Иез., 30: 17). Его развалины находятся в месте, которое носит современное название Телль-Баста. Раскопки там проводил господин Навилль. Он сделал несколько интересных открытий, касающихся древности города Бубастиса, и выпустил труд, в котором опубликовал надписи, обнаруженные им на руинах великолепных зданий, некогда возвышавшихся здесь. По сведениям Манефона, переданным Юлием Африканом, в правление первого царя II династии Боэтоса в Бубастисе разверзлась пропасть, и многие люди погибли. Однако Навилль не обнаружил на месте раскопок никаких находок, относящихся к той эпохе. Ему удалось найти на каменных блоках имена царей IV династии Хуфу и Хаф-Ра, причем способ их начертания позволяет предположить, что надписи были высечены в период Древнего царства. Что касается представителей VI династии, то в Бубастисе было найдено лишь имя Пепи I. Интересно отметить, что в заупокойной надписи этого фараона (569) сказано, что его сердце — это сердце Бестет, то есть Бастет . Это доказывает, что культ Бастет в Египте к тому времени уже был очень древним, по крайней мере в Дельте, и что ей отводилось определенное место в теологической системе гелиопольских жрецов. В тексте Пепи II говорится: «О бог двойного города , двойник Пепи для двух твоих перстов; Пепи улетел в небо, подобно цапле, Пепи узнал небо, подобно соколу, Пепи взлетел в небо, подобно кузнечику Ра; Пепи не должен быть отвергнут, о царь, нет зеленого растения для Пепи, о Бастет , и никто не станцевал танцев для Пепи, [который стоит] подобно великому у двери» (869). Естественно, что имя Бастет встречается в Текстах пирамид, ибо их гелиопольские «редакторы» включили многих местных и даже иноземных божеств в группу своих богов. Однако в фиванской редакции Книги мертвых Бастет и ее город упоминаются крайне редко. Ее имени нет в списке богов, связанных с обожествлением членов покойного (глава XLII).

В «Исповеди отрицания» (16) главы CXXV встречается Заседатель по имени Ченеми, , то есть тот, кто

ходит задом наперед. О нем сказано, что он вышел из Бубастиса, . Другой Заседатель по имени Басти, (26), явился из города Шетаит.

Бастет обычно изображали в виде женщины с головой кошки, но иногда у нее была голова львицы, увенчанная змеей. В правой руке богиня держала систр, а в левой эгиду с головой кошки или львицы наверху. В древнейшие времена египтяне поклонялись Бастет в виде кошки, ее отождествление с львицей принадлежит, видимо, к более позднему периоду. Нам известно из текстов, что ее отождествляли также с Рат, , женским дополнением Ра, и с Темт , женским дополнением Атума. Ее часто называют «оком Ра», «оком Атума» и Шетат , то есть «Сокрытой». Согласно одной легенде, Бастет являлась воплощением души Исиды и в качестве таковой почиталась в Бубастисе. В «Бубастисе Юга», то есть в Дендере, она считалась женским дополнением Атума. Поскольку она была связана с богом Сопду, «господином Востока», можно с определенной долей уверенности утверждать, что Бастет рассматривали как иноземную богиню, позаимствовавшую функции и признаки у других. В Дендере в ипостаси Темт она считалась матерью львиноголового бога Ирихеса, , господина Афродитополя , священного Сехем , обитавшего в храме Бастет в Дендере. Ее супругом в этом случае был бог Иун, , одна из форм Осириса.

В Фивах Бастет отождествляли с Мут, госпожой Ашеру; в Мемфисе с Мут и Уаджет; в Гелиополе с Иусаасет; в Нубии с Сехмет и Менхет; в городе Сехет , располагавшемся в Дельте, ее, судя по всему, называли Баре-Асет [1].

---

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 226.

Говоря о происхождении имени Бастет, мы, прежде всего, должны связать его со словом «огонь», *бес* . Таким образом, богиня являлась воплощением силы солнца, выражавшейся в жаре. Это подтверждают и некоторые отрывки из египетских текстов, в которых Бастет и Сехмет описываются как тесно связанные друг с другом женские воплощения жара и света бога солнца. Они считаются сокрушителями врагов как бога солнца, так и умершего. В «Книге низвержения Апопа» о Сехмет говорится (XXVII, 15): «Око Хора падает на него, отрубая и отделяя его голову от шеи; богиня Сехмет вырывает его внутренности и отбрасывает в огонь своей левой ногой; она кидает их в огонь и сжигает их в имени ее Сет-усерт-аа ; она горит в нем и вынимает душу его из тела; она овладевает им в имени ее Сехмет, и побеждает его в имени ее Ах-небит (, то есть «Око огня»); она пожирает его внутренности и опаляет их пламенем из своего рта». Вообще говоря, Сехмет олицетворяла огненную, сжигающую, разрушающую силу солнца, а Бастет представляла более мягкую жару, тепло, в определенное время дня и года вызывавшее рост растений и пробуждение к жизни семян.

Очевидно, что Сехмет и Бастет являлись богинями огня, поскольку они обе сопровождали Хатхор в ее ипостаси «Ока Ра». В качестве форм бога солнца они символизировали жару конца лета и его начала соответственно. Мы уже упоминали о том, что в Фивах Бастет отождествлялась с Мут. Однако следует заметить, что Мут-Бастет изображалась там как Исида[1]. На голове у нее находились перья бога Шу и рога с солнечным диском между ними.

В этом случае она выступала как женское дополнение бога Амона-Ра-Атума-Хепри-Хорахти, который изображался с головой сокола и короной Шу. Потомком этого союза являлся бог Хонсу, . Принимая во внимание эти факты, можно сделать вывод, что Бастет, по крайней мере

[1] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 334.

в династический период, считалась воплощением луны, особенно если учесть, что Хонсу был лунным божеством. Когда Бастет изображалась с головой львицы, обычно окрашенной в зеленый цвет, она символизировала солнечный свет. В случае, когда она представлена с головой кошки, ее связь с луной не подлежит сомнению. Доктор Бругш отмечает высказывание Плутарха о том, что зрачки кошки увеличиваются и округляются при полной луне. Вполне вероятно, что древние египтяне тоже верили в это и отождествляли Бастет — богиню с головой кошки — с луной. Считалось также, что Бастет обладала особым влиянием на беременных женщин. Иногда ее изображали среди других богинь в доме рождения. О ее сыне Хонсу говорили, что он «дарит женщинам плодовитость и помогает расти человеческому зародышу в утробе матери». Эти функции были присущи ему в ипостаси «луны, несущей свет».

Согласно Стеле Канопа, главные праздники богини Бастет отмечались в апреле и мае. Некоторые интересные сведения об одном из них можно найти у Геродота (II, 60). Он рассказывает: «Когда люди едут в город Бубастис на праздник, то поступают они следующим образом. Женщины и мужчины плывут к городу вместе, причем на каждой барке много тех и других. Некоторые женщины держат трещотки, которыми они производят большой шум. Часть мужчин играют на флейтах. Остальные женщины и мужчины хлопают в ладоши и громко поют. Когда они подплывают к какому-нибудь городу, то одни женщины продолжают потрясать трещотками, другие же осыпают бранью и всячески поносят женщин того города, третьи танцуют, четвертые сбрасывают свои одежды, открыто показывая свой срам. Это они делают в каждом городе, мимо которого плывут. Наконец, прибыв в Бубастис, они справляют праздник со всеми важными церемониями и пышными жертвоприношениями в честь Дианы и выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год. Собирается же здесь до 7000 мужчин и женщин, не считая детей. И так они проводят время в Бубастисе». О самом же городе Бубастисе Геродот говорит (II, 137, 138): «Город Бубастис расположен на высоком месте. В этом городе стоит знаменитый храм,

посвященный богине Бубастис, по-нашему Диане. Есть там и другие святилища, даже более просторные и богато украшенные, однако ни одно из них не радует глаз так, как этот храм. Кроме входа и дороги, ведущей к городу, он весь стоит на острове, который с двух сторон омывают воды двух каналов, идущие от Нила. Они обтекают храм с обеих сторон и затем расходятся в разные стороны. Каждый канал имеет в ширину 100 футов, его берега обсажены деревьями, которые создают приятную прохладу и отбрасывают на воды тень. Ворота или вход в город имеют высоту 10 оргий и украшены красивой статуей в 6 локтей вышины. Сам храм расположен в центре города, и вид на него открывается отовсюду. Так как сам город был поднят при помощи земляных насыпей, а святилище осталось на том месте, где его возвели изначально, то его можно видеть из любой части города. Храм огорожен стеной, на которой вырезаны изображения разных тварей. Внутри ограды находится роща с высокими деревьями, посаженными руками человека. В этой роще стоит сам храм со статуей богини. Длина и ширина святилища с каждой стороны равна 1 стадию. От входа мощенная камнем дорога длиной около 3 стадиев ведет на восток к дому Меркурия. Ее ширина составляет 4 плефра. По обеим сторонам дороги стоят высокие деревья, посаженные руками человека. Таков этот храм».

Согласно Бругшу[1], в великую триаду города Бубастиса входили Осирис, Бастет и их сын, которого называли Херухекену, или Нефертум, или Баст.

В Гелиополе ее аналогом была триада Атум, Иусаасет и Нефертум; в Мемфисе Птах, Сехмет и Нефертум; в Фивах Амон-Ра-Хорахти, Мут-Бастет и Хонсу, или Хор, или Неб-аут-иб; в Афродитополе Осирис-Ин, Бастет-Темт и Ири-хес. В Бубаститском номе было много храмов и особых мест, где почиталась в первую очередь Бастет. Среди них можно назвать Баирасет и Нечерет или, где хранилось бедро Осириса, запертое в «тайном ларце».

[1] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 336.

Нейт, [иероглифы], или [иероглифы], или [иероглифы], или [иероглифы], госпожа Запада

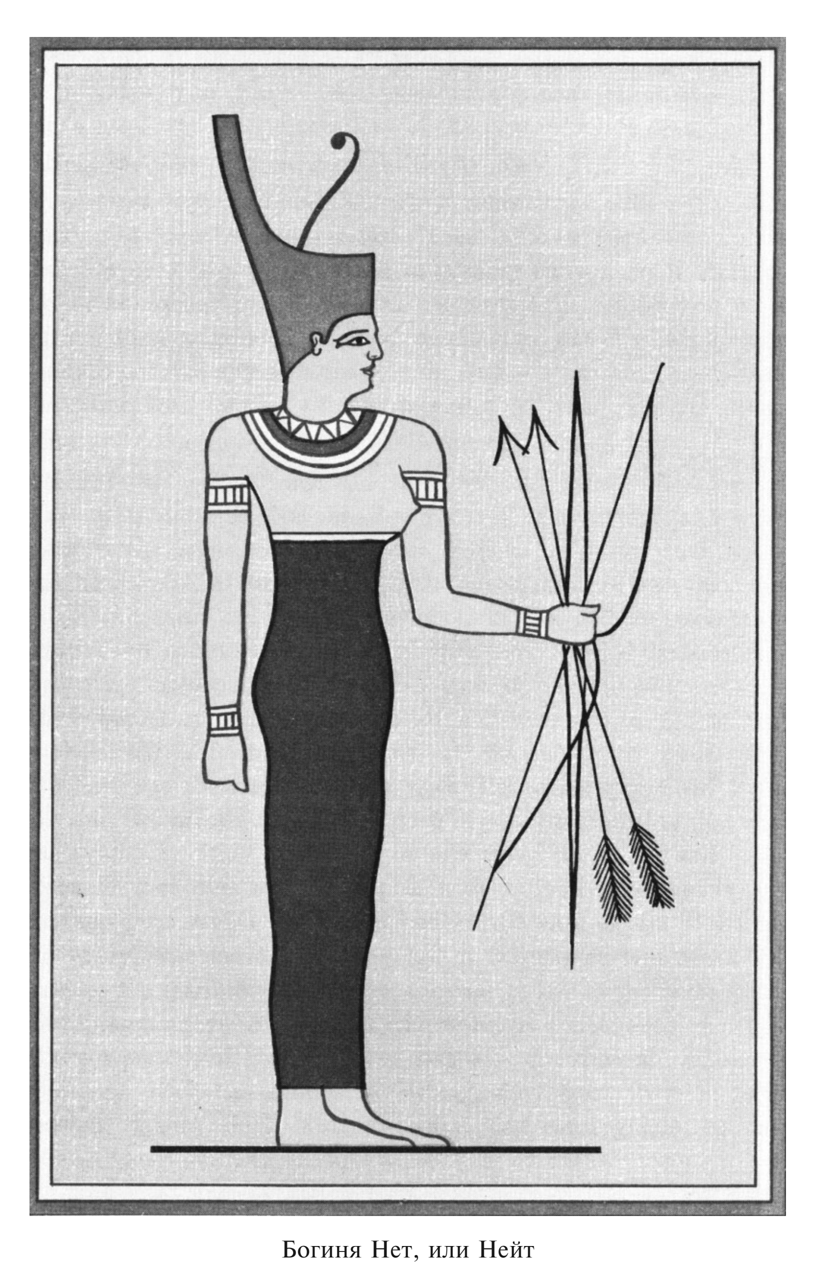
Нейт, или Нет, является одной из самых древних египетских богинь, и мы можем с уверенностью утверждать, что ее культ был широко распространен уже в додинастический период. Было предпринято немало попыток установить с помощью этимологического анализа, каковы были ее изначальные функции и признаки. Однако они не увенчались успехом, поскольку отражали лишь представления об этой богине в сравнительно поздний династический период, а в некоторых случаях объясняли только значение тех предметов, что изображались в руках у Нейт. На иллюстрациях, приводимых Ланцоне, Нейт предстает в облике женщины с короной Севера [иероглиф] на голове. Часто в одной руке она держит скипетр [иероглиф] или [иероглиф] и символ жизни в другой. Однако иногда в той руке, которая сжимает скипетр, находятся еще лук и две стрелы — ее обычный символ. В единственном случае она появляется в виде коровы с восемнадцатью звездами на боку и ожерельем на шее, с которого свисает ☥. На ее спине располагается лев с головой барана с рогами и перьями на голове [иероглиф][1].

Корова стоит в ладье, нос которой снабжен крыльями и оканчивается головой льва с диском над ней, а корма увенчана головой барана. Возле передних ног коровы, именуемой «Нейт, Корова, родившая Ра» [иероглифы], находится *уджат* [иероглиф]. В одной из сцен изображена Нейт, которая кормит грудью двух крокодилов[2].

В поздний династический период Нейт, или Нет, бесспорно, считалась всего лишь одним из воплощений Хатхор, но ранее она явно олицетворяла одну из форм великого неподвижного первозданного водного пространства, из которого возник бог солнца Ра. Вполне может быть, что предпо-

---

[1] *Lanzone.* Op. cit. Pl. 175ff.
[2] Ibid. Pl. 175. № 3.

Богиня Нет, или Нейт

ложение Бругша, будто имя Нет схоже по значению с именем Нут, вполне верно. С другой стороны, существует иная точка зрения, согласно которой имя богини связано с корнем *нетет*, «ткать, плести» и тому подобное. Таким образом, Нейт была богиней ткачества, а знаки и , часто изображаемые у нее на голове, можно идентифицировать как челнок. Однако очевидно, что древнейшими и наиболее характерными символами богини являются две стрелы и щит. Они служат эмблемой не только самой Нейт, но и города, где располагался ее главный храм, а также символом, с помощью которого выписано название нома, столицей которого был Саис. Поскольку Нейт была представлена луком и двумя стрелами, вполне логично будет предположить, что изначально она считалась богиней войны или охоты и, вероятно, отождествлялась с местным духом леса или охоты, почитавшимся на востоке Дельты в додинастическое время. Учитывая функции, которые приписывают Нейт тексты, в любом случае ясно, что она олицетворяла сразу нескольких богинь, выражавших концепции, относящиеся к различным периодам истории и ступеням развития цивилизации. Так, в разные времена ее признаки совпадали с признаками Исиды, Уаджет, Сехмет, Бастет, Мут, Нехбет и других богинь, и она отождествлялась с каждой из них.

Самое древнее и самое известное святилище Нейт находилось в Саисе , *Саут*, столице пятого нома Нижнего Египта. Этот ном назывался Нерет-мехтет, то есть «Нерет Севера» или «Хут-Нет» , то есть «Дом Нейт», или «Асет-Нет», , «Престол Нейт». Довольно редкий вариант, который приводят Бругш[1] и де Руже[2], — «Сипи» или .

В текстах часто упоминаются «храмы Нейт» . Имеются в виду храмы богов, почитавшихся в Саисе вместе с Нейт.

[1] Словарь географических названий Древнего Египта. Лейпциг, 1879. С. 1323.

[2] Древняя география Нижнего Египта. Париж, 1891. С. 24.

Вот названия этих храмов: Хут-хебит, Ресенет и Мехенет, , Пер-Ра и Пер-Тем. Не следует путать большой храм Нейт в Саисе с тем, что располагался в Саисе Верхнего Египта, то есть Эсне. Последний назывался Пер-Нет-мут-хепер-хедж. Эсна также известена как Иуни и Сени. По словам Геродота (II, 59), в Саисе каждый год отмечался пышный праздник в честь Исиды-Нейт. Вот как он его описывает (II, 62): «Когда они собираются на праздник в Саисе, чтобы совершить необходимые обряды и церемонии, то с приближением ночи возжигают в домах светильники. Они наполняют их чистейшим маслом, смешанным с солью. Светильники горят ночь напролет, и праздник этот называется праздником возжигания светильников. Даже те, кто не участвует в празднестве, отмечают этот день: ночью в каждом углу дома они ставят светильники, так что возжигание их происходит не только в Саисе, но и по всему Египту. А то, почему этой ночью возжигают свет, имеет тайные религиозные причины, которые мы не можем поведать».

Описывая то место в храме Саиса, где был похоронен Априй, Геродот упоминает «обширную каменную комнату с колоннами в виде пальм и другими украшениями», в центре которой находятся «два столба, а между ними стоит саркофаг». Он также сообщает, что там находится «гробница того, чье имя я не могу разглашать, не нарушив религиозного запрета». Далее он переходит к другим вещам, связанным с Саисом, и рассказывает следующее (II, 170): «В Саисе в храме Минервы ниже святилища поблизости от стены Минервы стоят большие каменные столбы, к которым примыкает озеро, очень красиво обложенное камнем по краям. Оно достигает такой же величины, как и озеро на Делосе, что именуется Трохоидой. В этом месте в ночное время египтяне представляют действа, связанные с их чувствами и фантазиями. Они называют их мистериями. Впрочем, об этом я буду хранить молчание, хотя и мог бы сообщить более подробно о том, что они рассказали мне». «Мистерии», о которых говорит Геродот, вероятно, проводились в честь еже-

годного поминовения страданий и смерти Осириса, похороненного, согласно древней легенде, в Саисе.

Что касается древности культа Нейт в Саисе, мы обладаем достаточными доказательствами того, что этой богине здесь поклонялись уже в конце додинастического периода. Наиболее ранняя форма имени Нейт была найдена на крышке шкатулки и на сосуде, изготовленных из слоновой кости. Там оно упоминается вместе со знаком *хетеп* и служит составной частью имени собственного Нейт-хетеп [hieroglyphs]. Как мы знаем, Нейт-хетеп была связана с древним царем Сема и, судя по всему, являлась супругой царя [hieroglyphs] Аха, без достаточных оснований отождествленного с Менесом — первым в истории египетским фараоном. Однако вопрос о том, можно ли считать Аха Менесом или нет, не принципиален для данного исследования, поскольку совершенно очевидно, что и Сема, и Аха правили приблизительно в начале периода I династии. Следовательно, имя богини, послужившее составной частью имени царицы Нейт-хетеп, насчитывает не меньше веков. Ясно, что уже во времена I династии культ Нейт был достаточно древним. В период правления первых четырех династий святилища богини существовали во многих частях Египта, и некоторые из ее жриц и жрецов были похоронены в мастабах в Саккаре и ее окрестностях.

Господин Малле цитирует[1] любопытную надпись на саркофаге Апа-анха, которая обращается к Нейт наряду с Инуну [hieroglyphs] и Несерт [hieroglyphs] — двумя очень древними богинями.

В этом отрывке сообщается, что Нейт произошла от бога, а бог произошел от нее[2].

Таким образом, мы видим, что во времена IV династии Нейт считалась одновременно и матерью, и дочерью бога солнца Ра, у нее было несколько форм и ей дана была сила каждый день зачинать и рождать нового бога-солнце с помощью известных ей божественных и магических заклинаний. Среди самых ранних ее эпитетов числится Упет-уат, то

[1] Le Cult de Neit. Paris, 1888. P. 104.

[2] [hieroglyphs].

есть «Открывательница путей», . Это позволяет предположить, что богиня тем или иным образом представляла женское дополнение Анубиса.

В тексте Унаса (67) «храмы Нет» [1] упоминаются рядом с городом Депом , а имя богини связано с именем Татет — богини, одевавшей умерших.

Текст доказывает, что Нейт совершала некие важные обряды, вероятно магического характера, связанные с сохранением умершего. Заметим, кстати, что в более позднем «Ритуале бальзамирования», опубликованном Масперо[2], предписывалось вложить в руку покойному кусок льняной ткани с нарисованными изображениями Хапи и Исиды, и указывалось, что Исида отождествляется с Нейт.

Этот кусок ткани призван был служить амулетом и даровать умершему покровительство Нейт, которая подразумевалась под именем Исиды. В тексте Унаса (597) мы встречаем следующее обращение: «Приветствие тебе, о Хор, в землях Хора; приветствие тебе, о Сет, в землях Сета, приветствие тебе, о Иару , в Сехет-Иару[3]; приветствие тебе, о Неттиб , ты сын этих четырех богов, что в Великом Храме, откуда не доносится глас Унаса. Сними свои одежды, чтобы Унас мог видеть тебя, подобно тому как Хор видит Исиду, и чтобы Унас мог видеть тебя, подобно тому как Нехеб-кау видит Серкет; и чтобы Унас мог видеть тебя, подобно тому как Себек видит Нейт, и чтобы Унас мог видеть тебя, подобно тому как Сет видит Неттиб».

Чуть далее (строки 620—627) вновь упоминаются Нейт и ее сын Себек: «Унас пришел в обличье Хенти-ем-мехт-агеби , и этот Унас есть Себек с зе-

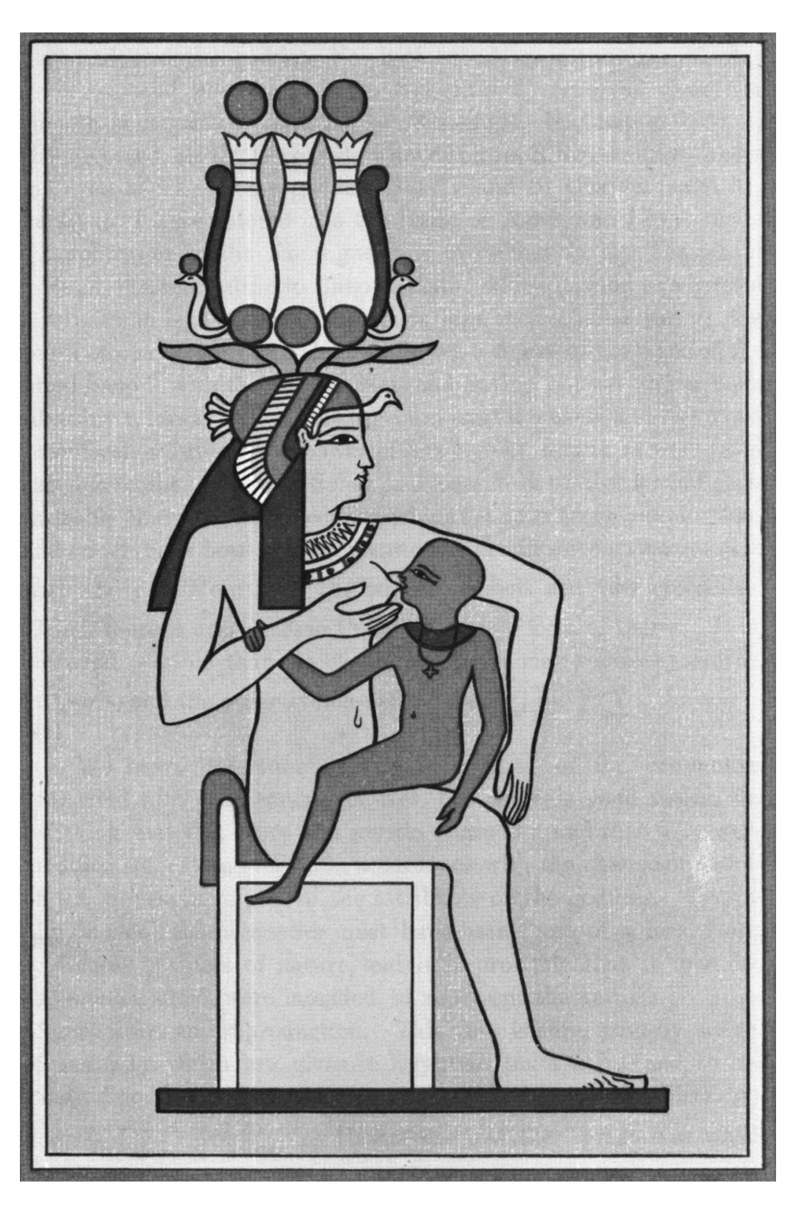
[1] Ср. также .

[2] Memoire sur quelques Papyrus du Louvre. P. 90.

[3] .

леным пером , который созерцает и который поднимает чело свое, белый, вышедший из бедра [бедер] Хебсет-урет , что в свете. Унас пришел к своим прудам, что на берегах канала Мехет-урет, , в место, где растут подношения, и в поля, что на горизонте, и он сделал так, что сад его цветет на берегах горизонта. Унас принес хрусталь Великому Оку, что в поле. Унас занял место свое на горизонте, он взошел, подобно Себеку, сыну Нейт, , он ест своими устами» и т. д. В тексте Тети (204) Нейт наряду с Исидой, Нефтидой и Серкет-Хету выступает как одна из четырех богинь, изрыгавших пламя, и сотворявших «защиту», от имени бога Нуна , когда он восседал на своем престоле.

Эти же четыре богини упоминаются в связи с четырьмя сыновьями Хора, которым они посредством магии помогали защитить различные части тела человека, помещенные в канопы. Так, Исида говорит: «Я сражаюсь с врагом, я сотворяю защиту Имсети, который во мне». Нефтида произносит: «Я скрываю сокрытое, и я сотворяю защиту Хапи, который во мне». Нейт заявляет: «Я провожу утро, и я провожу ночь каждого дня, сотворяю защиту Дуамутефа, который во мне». Серкет сообщает: «Я занимаю каждый свой день тем, что сотворяю защиту Кебехсенуфа, который во мне». Египетское слово, переведенное здесь как «защита» — *са* . Этот знак представляет причудливый узел. Хорошо известно, что веревки и различные способы завязывания узлов играли важнейшую роль в магических обрядах, поэтому в данной работе не имеет смысла углубляться в этот вопрос. Заметим только, что знак указывает на магический характер защиты, которую предоставляла Нейт умершему. Это подтверждает и отрывок из текста Унаса (271 и далее), где Нейт упомянута вместе с богинями Ини , Урет , Несерт и Урет-хекау . Урет-хекау напрямую

Богиня Нейт и ее сын Себек

названа «защищающей силой Ока Ра», соответственно, и прочие богини должны были выполнять функции подобного рода. В тексте Пепи I (572) в отрывке, посвященном обожествлению членов умершего, сказано, что бедра Пепи — это «Нейт и Серкет». Однако в фиванской редакции Книги мертвых (глава XLII, 11) предплечья умершего отождествляются с предплечьями госпожи Саиса, то есть Нейт. В фиванской версии усопший провозглашает (LXVI, 2), что он был зачат богиней Сехмет и что его родила богиня Нейт. В главе LXXI, 15 мы читаем: «Вот, Одноликий бог со мной. Бог Себек встал на своей земле, и богиня Нейт встала в своем владении». Из других отрывков (CXIV, 5; CXVI, 2) мы узнаем, что она сияет в городе Маджат, или Менджат. В главе CXVI, 4 умерший произносит: «О вы, боги, пребывающие в Хемену, вы знаете меня, так же как знаю я богиню Нейт». В главе CXLV, 81 он говорит: «Я вошел в дом Истес, и я обратился с мольбами к богам Хати и к Сехмет в Храме Нейт». В пояснении к главе CLXIII, на виньетке которой изображены змея с ногами и два знака *уджат* с ногами, сказано, что на зрачке одного из *уджат* должна быть нарисована фигура «бога с поднятой рукой» с лицом Нейт, у которого перья и спина как у сокола. По меньшей мере в одном аспекте Нейт воплощала некую форму силы Ока Хора, как и его мать Исида. Ее сын Себек — это местная форма Хора. Вполне возможно, что два крокодила, с которыми, как мы упоминали выше, она иногда изображается, имеют отношение к богу Хенти. Пара крокодилов является его символом. Имеются все основания полагать, что Хенти — это одна из форм Осириса. Тем не менее возможно, что один из крокодилов олицетворяет Хора или Осириса, а другой сына Нейт Хедж-Нефер-Себека.

К сожалению, мы не располагаем описаниями церемоний, связанных с поклонением Нейт, но можем не без оснований утверждать, что они носили мистический характер. Время от времени в ритуалы вносились изменения, обусловленные тем, что представления жрецов о предназначении

богини менялись. Изначально она являлась, вероятно, местной (в Дельте) или же ливийской богиней природы, и ее культ включал в себя обряды, воспроизводившие различные стадии процессов зарождения и развития жизни. В пользу этой теории свидетельствуют некоторые эпитеты, которыми Нейт и родственных ей богинь награждают египетские тексты. Так, в качестве Исиды она была первой, кто родил бога ; как Хатхор она была «великой коровой, родившей Ра»; ее называли «великой богиней, матерью всех богов» и «Рат (то есть женской ипостасью солнца), госпожой небес, властительницей всех богов, которая существовала в начале начал». В тексте, который цитирует Малле[1], она названа «Единственной» — факт, доказывающий, что в определенный период она являлась для богинь тем же, чем Ра для богов.

Некоторый свет на этот вопрос проливает и надпись на знаменитой наофорной статуе Уджат-Херу, ныне хранящейся в Ватикане, но не следует забывать, что этот памятник датируется не ранее чем началом персидского периода. Уджат-Херу был чиновником, занимавшим очень высокое положение в Саисе. Он являлся верховным жрецом Нейт и в качестве такового носил официальный титул *Ур-суну* , то есть «великий знанием». Он командовал флотом Яхмеса II (Амасиса). Когда Камбиз, завоевав Египет, посетил страну и побывал в Саисе, именно Уджат-Херу принял его, провел по всем святилищам в храме Нейт и рассказал ему о древности и величии этой богини. Он объяснил царю, что Нейт, могущественная мать, родившая Ра, первая родила на свет все, что существует, и что она сделала это, когда ничего еще не было рождено, и что сама она никогда не рождалась. По каким-то причинам Уджат-Херу завоевал расположение Камбиза, и тот, как сообщает текст, совершил жертвоприношение «так же, как делали все хорошие цари». Уджат-Херу потратил средства, предоставленные Камбизом, на восстановление пришедших в упадок школ и заведений, где обучались жрецы Саиса. О древности и славе богини Нейт и ее куль-

[1] *Mallet.* Le Culte de Neit. P. 140.

та часто упоминают поздние греческие писатели. Плутарх («Об Исиде и Осирисе», IX) приводит следующую надпись на статуе Паллады: «Я есть все, что было, и что есть, и что будет, и никогда еще не было того, кто откинул мое покрывало»[1].

Также он сообщает (глава LXII), что египтяне часто называют Исиду именем Афины, что означает «Я произошла сама от себя»[2].

Пока иероглифические надписи, являющиеся тем оригиналом, с которого греки сделали свой перевод, не найдены. Однако Плутарх, несомненно, всего лишь облек в слова те представления о богине Нейт, которые бытовали во времена, когда он писал свой известный трактат об Исиде и Осирисе. У Прокла, который приводит греческий вариант египетского текста, весьма напоминающий строки Плутарха, после слов Τὸν ἐμὸν χιτώνα οὐδεὶς ἀπεκάλυψεν богиня Нейт произносит: «ὅν ἐγὼ καρπὸν ἔτεκον, ἥλιος ἐγένετο». Бесспорно, это высказывание с достаточной точностью выражает египетское «Нейт, могущественная мать, родившая Ра»[3].

Фраза, вложенная в уста Нейт («Я то, что было, что есть и что будет»), представляет, как отметил Малле[4], игру слов между именем Нейт и египетским *нет*, [hieroglyphs], или *нетет* [hieroglyphs], что означает человека или вещь, которая есть или существует.

Иными словами, египтяне рассматривали Нейт как «Существо» в полном смысле этого слова, то есть Существо вечное и бесконечное, созидающую и направляющую силу неба, земли, загробного мира, а также всех созданий и вещей, что в них находятся. Однако Плутарх не без оснований приписывал Нейт слова καὶ τὸν ἐμὸν πέπλον οὐδείς πω ἀπεκάλυψεν, поскольку в египетском тексте, который приводит Пьерре[5], вслед за эпитетом «госпожа дома сикоморов», [hieroglyphs], идет такое обращение к богине Нейт:

---

[1] ʼΕγώ εἰμι πᾶν τὸ γεγονὸς, καὶ ὄν, καὶ ἐσόμενον, καὶ τὸν ἐμὸν πέπγον οὐδείς πω ἄπεκάλυψεν.

[2] ἦλθον ἀπ᾽ ἐμαυτῆς.

[3] [hieroglyphs].

[4] *Mallet*. Op. cit. P. 191.

[5] *Pierret*. Études Éguptologiques. Paris, 1873.

Из этих строк состоит молитва, с которой Анх-ф-эн-Хенсу обращается к богине. В том виде, в каком она представлена здесь, молитва датируется не ранее чем саисским периодом,

то есть приблизительно 550 г. до н. э. Однако ее слова явно указывают на таинственный характер рождений Нейт и ее непознаваемость в дважды скрытом загробном мире. Умерший, провозглашая, что ничто никогда не проникало сквозь покров, за которым скрыта богиня, просит приоткрыть его для него. Для обозначения слова «покров» используются два слова, *керис* и *сенху* , и . Здесь сразу возникают ассоциации с греческими πέπλος и χιτῶν, которые используют Плутарх и Прокл, чтобы выразить это же понятие. Однако идеи и верования, отраженные в молитве, несомненно, относятся к гораздо более раннему периоду, чем времена Псамметихов, и в той или иной форме восходят к эпохе Древнего царства.

Еще одно доказательство того, что греческие авторы приписывали Нейт особые мистические свойства, предоставляет Гораполлон. В своем трактате «Иероглифика» (I, 12) он говорит, что египтяне, когда хотят изобразить Гефеста, рисуют скарабея и грифа, а когда им нужно изобразить Афину (то есть Нейт), то они рисуют грифа и скарабея, поскольку верят, что мир создан из двух элементов — мужского и женского и только в этих двух богах одновременно заключены и мужское и женское начало[1].

Мы уже говорили о том, что бог Хепри, по мнению египтян, обладал способностью оплодотворять, зачинать и производить на свет, по сути являясь и мужчиной и женщиной одновременно, и что другие формы бога солнца также считались самосозданными и саморожденными. Однако эти свойства не были присущи никаким другим богиням, кроме Нейт. Коль скоро египтяне объявили ее существовавшей от начала времен и создавшей саму себя, вполне логично было заключить, что в ней были заключены и мужская и женская природа. Мы рассказывали, как Хепри, согласно древним египетским текстам, произвел на свет своего сына Шу и свою дочь Тефнут, однако подробности рождения Ра богиней Нейт до нас не дошли. Насколько мы можем судить, представления египтян о том, как именно Нейт привела в действие свою воспроизводительную силу, должны были быть гораз-

[1] οὗτοι γὰρ μόνοι θεῶν παρ᾽ αὐτοῖς, ἀρσενοθήλεις ὑπάρχουσι.

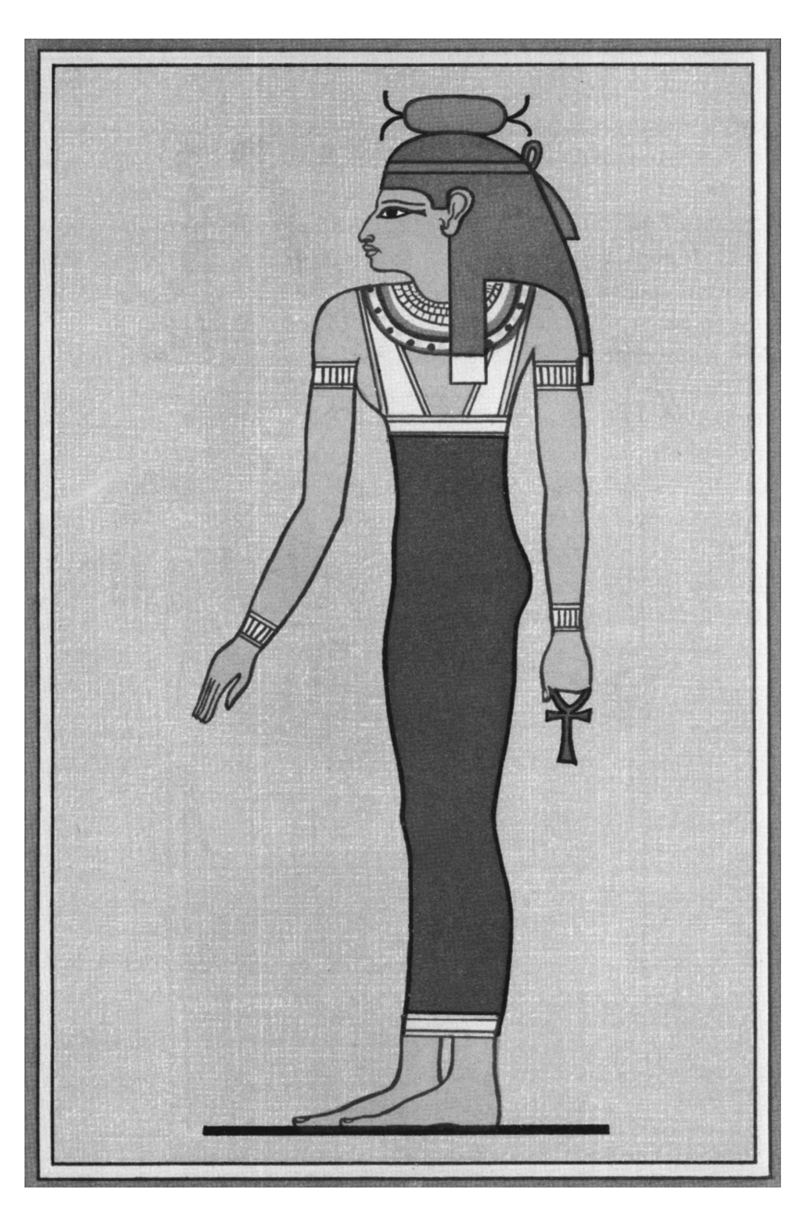
до более возвышенными по сравнению со способом Хепри, приведшим к рождению Шу и Тефнут. Предполагается, что жители Древнего Египта не имели никаких философских концепций до прихода в эту страну греков, но эта точка зрения ошибочна, поскольку существуют многочисленные доказательства того, что уже в эпоху Древнего царства египетские философы размышляли над проблемами, связанными с космогонией и теогонией. Причиной, по которой они не продвинулись в этом вопросе дальше, стали традиционные верования и идеи, а также ритуалы и церемонии, которые, по мнению большинства, должны были быть неотъемлемой частью публичного поклонения богам. Утверждения греческих авторов, подкрепленные иероглифическими текстами, показывают, что в ранней древности Нейт считалась воплощением вечного источника жизни, женской сущности, питавшей саму себя и существовавшей сама по себе, тайной, непознаваемой, всепроникающей. Мыслители более материального толка, хотя и признавали, что Нейт родила своего сына Ра без помощи супруга, не могли тем не менее расстаться с идеей о том, что для этого процесса все же необходимо было мужское начало. Будучи не в состоянии объяснить его участием некой внешней силы или другого существа, они сделали вывод, что не только материя, из которой должно было сформироваться тело Ра, но и мужская суть, оплодотворившая ее, заключались в самой богине. Таким образом, Нейт явилась прообразом партеногенеза.

Как свидетельствует Гораполлон, когда египтяне представляли Нейт в виде грифа, они обращались к ее сущности всеобщей матери. В текстах имеются на это многочисленные ссылки. Некоторые отрывки действительно рассказывают о том, как Нейт вложила стрелу в свой лук, и о том, как ее враги каждый день падали, сраженные ее стрелами. Однако обычно тексты описывают, как богиня дает одежду умершим, подобно матери семейства, оборачивающей пеленами усопшего родственника. Так, выступая в форме Мехенит, она приносила льняные одежды и покрывала белого, зеленого, красного и пурпурного цветов, чтобы

украсить лицо умершего. Древняя легенда гласит, что Нейт нарядила Осириса в одеяние, специально сотканное для него двумя богинями Рехти, , то есть Исидой и Нефтидой. Из-за того участия, которое она, по преданию, приняла в облачении Осириса в погребальное одеяние, Нейт считалась главной в , то есть в месте, где умерших бальзамировали и обертывали бинтами. Также она властвовала в тех помещениях храмов, где изготавливались притирания, предназначавшиеся для публичных церемоний. Египтяне верили, что притирания, которые богиня приготовила для Осириса, сохранили его тело от разложения и сделали его снова юным. Счастлив был тот умерший, которому помогала сама Нейт. В связи с этим отметим, что многие функции и свойства Нейт как богини мертвых были приписаны ей именно из-за ее связи с Осирисом. Тексты позднего династического периода свидетельствуют о том, что она рассматривалась как мать этого бога, а Саис в действительности назывался городом Осириса. В определенное время года там устраивались празднества, посвященные бальзамированию, оборачиванию бинтами и погребению этого бога. Крупный праздник возжигания светильников, о котором упоминает Геродот, также считался одним из самых важных. Другой значимый праздник отмечался весной в день рождения Осириса, сына Исиды-Нейт, который покойный доктор Бругш определял как праздник рождения весеннего солнца[1].

В Верхнем Египте Нейт поклонялись главным образом в Сени (Эсне), Латополе греков, который назван в текстах «домом Нейт в земле юга». Здесь ее отождествляли с Небуут , Менхит, Сехмет и Тефнут и изображали с головой львицы, окрашенной в зеленый цвет. Она именовалась «Отцом отцов и Матерью матерей», а также «Нейт-Менхит, великой госпожой, госпожой юга, великой коровой, родившей солнце, создавшей зародыши богов и людей, матерью Ра, поднявшей Атума в изначальные времена, существовавшей, когда ничто иное не существовало, сотворившей то, что существует после того, как она воссуществовала». Жители Сени

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 347.

Богиня Нейт

(Латополя) приписывали ей в качестве супруга бараноголового бога Хнума, господина первого порога Нила. Поэтому она считалась «госпожой Абу» (Элефантины) и матерью Туту — одной из форм бога Шу, символом которого был идущий лев. Туту [1] известен также под именами Хер-ка, [2] и Хедж-нефер-себек.

Он изображается в виде молодого человека с короной Севера и короной *Атеф* с уреями и дисками на голове. Указательный палец его правой руки поднесен ко рту, что предполагает определенное родство этого бога с Харпократом. Согласно доктору Бругшу, он являлся воплощением солнца, находящегося в зодиакальном знаке Льва. Тот же исследователь предполагает, что водостоки с львиными головами в храмах Хонсу в Фивах, Дендеры, Эдфу и Филэ были связаны с летним солнцем[3].

В текстах, где описаны эти водостоки, они носят такие названия: «лев», «сильный силой», «могущественный силой», «обладающий двойной силой», «могущественный рыком», «огненноликий» и «лев с околдовывающим (или ужасающим) ликом». В надписях часто встречается Ир-хес-нефер. Это одна из форм Туту, сына Нейт и Хнума. Его описывают как «бога юга». По всей видимости, его следует отождествлять с богом с головой крокодила, который появляется в храме Эсны под именами Себека-Ра и Хес-нефер-Себека, сына Нейт.

Из отдельных отрывков текстов, приводимых доктором Бругшем[4], ясно, что «царь богов» Амон-Ра являлся сыном Нейт. В тексте гимна, который по приказу Дария II был высечен на стене храма Хебт в Большом оазисе, сказано, что корова, то есть Нейт, обладает «тельцом его матери».

---

[1] Варианты: или.

[2] Или Хер-ка-п-херед.

[3] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 353.

[4] Ibid. P. 353.

Бог солнца описан здесь как супруг, оплодотворяющий своим семенем[1]. Сказано, что он приходит в город , то есть Саис.

Гимн продолжается так: «Твой образ покоится в Хут-хебит, в гнезде госпожи Саиса. Мать твоя Нейт соединяется с тобой в форме Ну, и с телом твоим, убранным в покрывало, [сотканное ею], тело твое пребывает в храмах Ресенет и Мехенет. Твое одеяние на руках двух богов-крокодилов, ». Боги-крокодилы, о которых здесь говорится, — это конечно же те два крокодила, которые иногда изображаются по обе стороны от Нейт. Добавим также, что в Фивах Нейт в качестве супруги и матери Амона-Ра была известна под именем древней богини Амаунет. Она изображалась в виде молодой женщины с короной Севера на голове, держащей в каждой руке символ воды . Ее называли «Амаунет, пребывающей в Ипет, Нини» . В ипостаси Амаунет-Ра, ее изображали кормящей грудью Хора и также представляли в виде богини с головой барана в короне *Атеф*[2].

Все свойства Нейт были перенесены на богиню Амаунет, которая изначально являлась женским дополнением местного бога Амона и считалась не слишком важным божеством. Так, Амаунет называли «Коровой, великой госпожой, создавшей богов, матерью Ра, родившей Хора». Очень трудно привести к общему знаменателю все те признаки, свойства и функции, которые приписывают Нейт тексты, и все вышесказанное является наглядной иллюстрацией этого. Однако наш анализ показывает, что идеи египтян относительно этой богини время от времени менялись, и противоречивость их суждений объясняется не столько непоследовательностью и невежеством жрецов, сколько попытками согласовать каждую вновь образующуюся религиозную систему или верование с уже существующими.

---

[1] .

[2] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 25.

Глава 15
БОГ ХОР И ЕГО ФОРМЫ

Мы уже говорили о том, что сокол, вероятно, был первым живым существом, которому начали поклоняться жители всего Египта, и что как духа небесной выси и воплощение бога, создавшего небо, его называли Херу, то есть «тот, кто вверху» или «то, что вверху». Однако, судя по всему, уже в древнейшие времена это представление о Херу было частично утеряно. И либо вследствие разницы во взглядах между различными ранними школами мыслителей, либо ввиду созвучия имени Херу и слова, обозначающего «лицо» (*хер* или *хери*), бог Херу со временем стал олицетворять Лик небес, то есть Лик непознанного в других отношениях и невидимого божества. Мы видим, что эта идея была достаточно древней уже во времена возведения пирамид, поскольку в заупокойных текстах V и VI династий содержатся упоминания о «волосах» или «локонах», Лика Херу как Лика небес, и что о четырех богах, называемых «сыновьями Хора»[1], говорится, что они обитают в этих локонах[2].

Четыре бога поддерживали Лик небес при помощи четырех скипетров, которые были у них в руках. Эти четыре скипетра заняли место четырех столбов бога Шу, подпиравших, согласно древней легенде, четыре угла, то есть четыре стороны, огромной медной пластины, являвшейся полом небес и, соответственно, небом над землей. Из множества аллюзий ясно, что небеса рассматривались в качестве Лика. Так, солнце часто называли «Оком Хора», как и луну. При этом солнце представляло правое око, а луна левое. Хорошо известно имя Лика «Хор Двух Очей», а когда ни одного из них не было видно, то он звался «Хором, пребывающим без Очей». Египетские тексты упоминают множество форм Хора. Ниже перечислены наиболее важные из них.

---

[1] Пепи I, строки 593, 600.

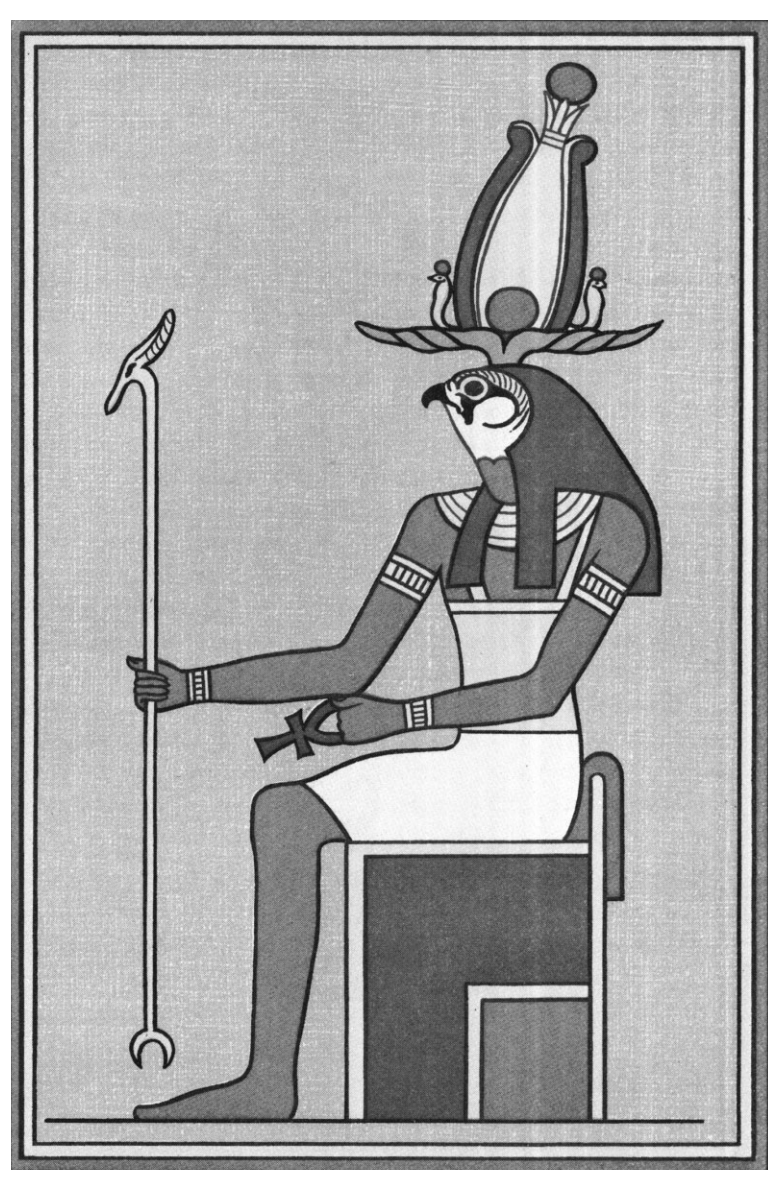
[2] «Сыновья Хора» будут описаны ниже.

1. Херу-ур, то есть Хор Старший (или Старый), у греков Ἀρωῆρις. Его называли так, чтобы отличать от Херу-па-хереда, или Хора Младшего. Этот бог изображался в виде человека с головой сокола, а также льва с головой сокола. На голове у него обычно была объединенная корона Юга и Севера. Однако существуют изображения с рогами Хнума, увенчанными короной с перьями, уреями, дисками и т. д.[1]

Согласно египетским текстам, Херу-ур был сыном Ра и Хатхор. Хатхор, которая имеется в виду в данном случае, является той формой богини, которую особо почитали в Гесете, то есть Аполлонополе Парва. Однако Плутарх объявляет его сыном Кроноса и Реи, то есть Геба и Нут, и, стало быть, братом Осириса. Это утверждение, возможно, было правильным в поздний династический период, когда люди полностью отождествили Хора, сына Исиды, с Хором Старшим. Изначально Херу-ур представлял лишь один аспект Хора, Лика небес: именно он являлся богом-близнецом Сета. Херу-ур воплощал Лик днем, а Сет ночью. Существовал также Херу-ур Юга, как мы узнаем из изображения божества, приведенного Ланцоне[2].

Основным центром его культа был Махенут, находившийся поблизости от Эль-Каба в Верхнем Египте. Также известен Херу-ур Севера, которому поклонялись главным образом в Сехемете, или, или Сешмете, Латополе греков и ⲟⲩϣⲉⲙ коптов, располагавшемся в нескольких милях к северу от Мемфиса. Другие святилища Херу-ура находились в Омбосе, Семеннуте и Аполлонополе. Самый важный храм этого божества был в Сехеме, где располагалось святилище Пер-иит. Там хранилось плечо бога Осириса, а рядом росли знаменитые деревья Небес и Шент. Херу-ур из Сехема именуется «господином *Уджати*», то есть го-

[1] *Lanzone.* Op. cit. Pl. 226.
[2] Ibid. № 3.

Бог Херу-ур

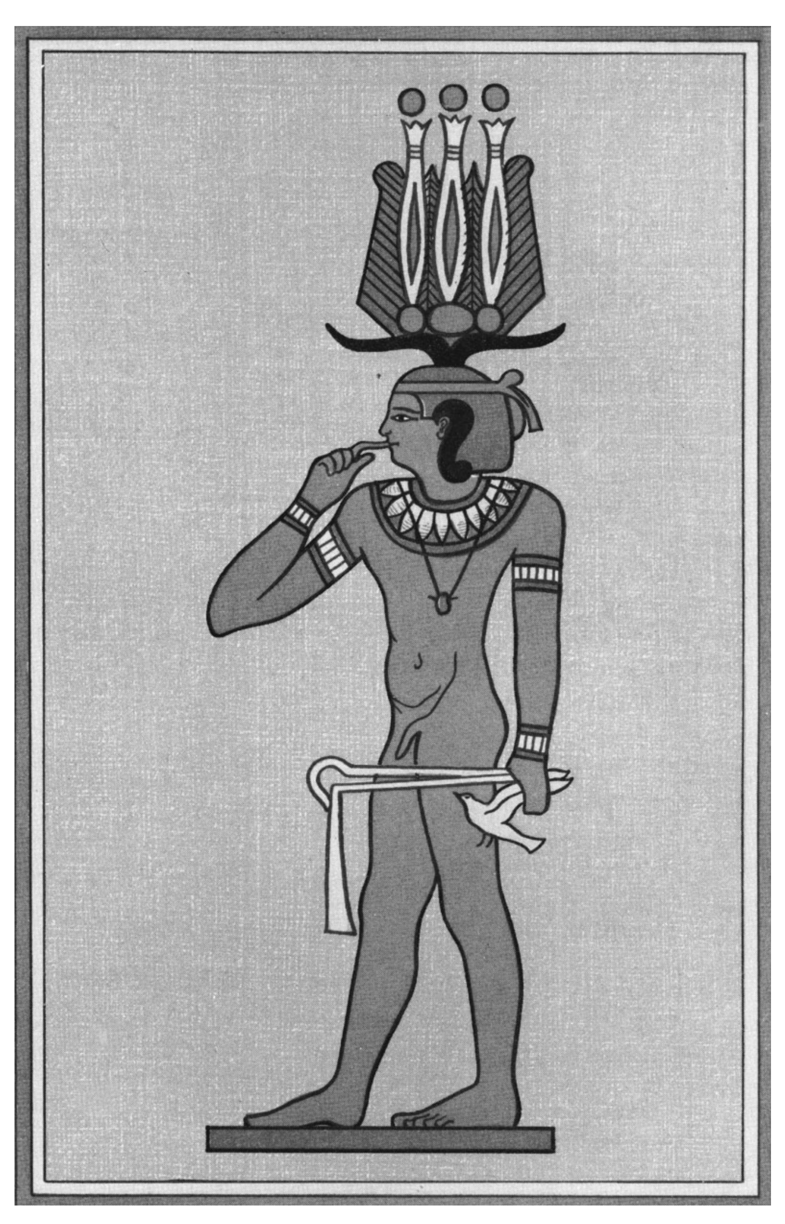
сподином солнца и луны. В Книге мертвых (XVIII С) сказано, что князья, правящие Сехемом, — это Херу-хент-ин-маати и Тот. Однако ясно, что великими местными божествами города являлись Исида, Осирис и Хор. Формой, в которой Херу-уру поклонялись в Сехеме и других местах, был лев. Надписи на стенах храма в Омбосе называют его «господином юга» и «господином Нубти (Омбоса)»[1].

Они свидетельствуют, что Херу-ур отождествлялся с Шу, сыном Ра; с «Херу-тема, великим богом и господином небес, обладающим двойной силой, могущественным среди всех богов, чья сила сокрушила врагов его отца Ра»; с Имен-уром, или Амоном Старшим; с несколькими богами, являвшимися воплощениями света и различных аспектов восходящего солнца, и божествами, связанными с ними. В Омбосе Херу-ур считался главой триады, включавшей его женское дополнение Та-сент-неферт и их сына П-неб-тауи , которого иногда называли «дитя» . Третий член этой триады изображался с диском на голове и локоном сбоку, как у Харпократа, и именовался «молодым солнцем». Некоторые из эпитетов, которыми египтяне награждали Херу-ура и Та-сент-неферт, указывают на то, что позднее их стали отождествлять с Шу и Тефнут.

2. Херу-п-херед , то есть Хор Младший (или «Дитя»), Ἁρποκράτης греков, которого называли так, чтобы отличить от Херу-ура, или Хора Старшего. Его изображали в виде юноши с локоном — символом юности — справа от лица. Иногда на голове у него была тройная корона с перьями, дисками и прочим, иногда диск с перьями , но обычно он носил объединенную корону Юга и Севера . Существует изображение, где он сидит внутри ларца, покоящегося на спине льва[2].

Харпократ считался сыном бога Хора от богини Рат-тауит , которая родила его в храме Хут-эннуд ,

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 539.
[2] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 328.

Херу-п-херед

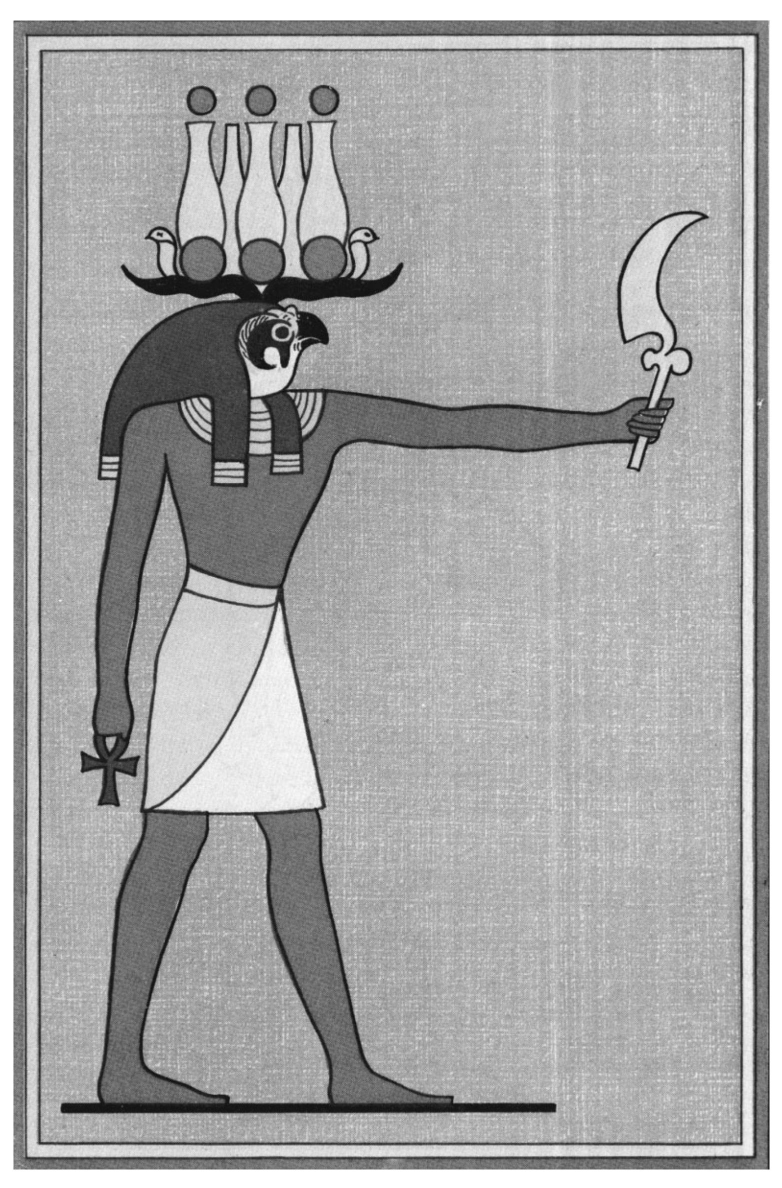
что в Гермонте, в доме рождения, расположенном на прилегающей к зданию Кемкем территории. По всей видимости, богиня почиталась здесь в форме самки гиппопотама, . Херу-п-херед, или Харпократ, был воплощением восходящего солнца и олицетворял его первые лучи. Египтяне различали семь форм, или аспектов, этого божества: 1. Херу-Ра-п-херед , пребывающий в Гермонте; 2. Херу-Шу-п-херед великий, , чьим отцом был Саба , а матерью Иунит ; 3. Сематауи-п-херед, [сын] Хатхор ; 4. Херу-п-херед, пребывающий в Бусирисе, ; 5. Ихи , сын Хатхор; 6. Пех-п-херед, сын Сехмет; 7. Херу-Хенну , то есть «Хор Дитя».

3. Херу-мерти . В этой форме бог изображался в виде человека с головой сокола, рогами бога Хнума и солнечным диском, окруженным уреем. В руке он держал *Уджати* . В отрывке из папируса, который приводит Ланцоне[1], он называн «Хором с Двумя Очами», что и означает его имя, «господином Шетену , Имсети-Иах , в городе Ипу», то есть Панополе. Судя по всему, это указывает на то, что Херу-мерти являлся местной формой бога Имсу, или Хема, или Мина, то есть луны.

4. Херу-ин-мут-ф , был местной формой Хора, почитавшейся в Итеб , то есть Эдфу, но конкретные свойства этого божества нам неизвестны.

5. Херу-небу . Этому божеству поклонялись в Иераконполе, Пер-Херу-небуте . Его изображали в виде сокола, сидящего на голове антилопы, что, согласно Бругшу[2], символизировало его победу над убийцей Осириса Сетом.

[1] *Lanzone.* Op. cit. Pl. 617.
[2] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 664.

Херу-ахти (Хармахис)

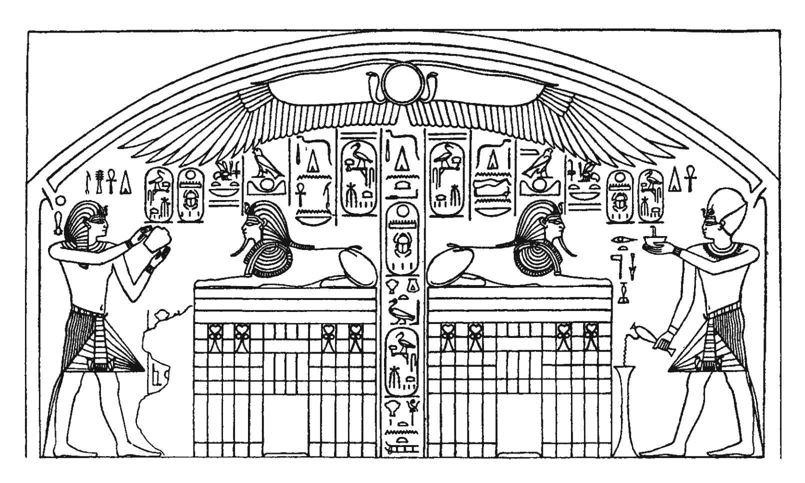
6. Херу-хенти-Хет . В этом воплощении бог представлен в виде человека с головой крокодила, на которой находятся рога Хнума и тройная корона с перьями[1]. По всей видимости, эта форма Хора не является древней.

7. Херу-хенти-ин-маати , то есть «Хор во главе слепоты» или «Слепой Хор», который представлял бога в то время, когда ни один его глаз не был виден.

8. Херу-ахти , , , то есть «Хор обоих горизонтов», Хармахис греков. Он являлся одной из главных форм бога солнца Ра и, собственно говоря, представлял солнце, совершавшее свой ежедневный путь по небу, начиная с момента, когда оно покидало Гору Восхода (Бахау), до момента, когда оно входило в Гору Заката (Ману). Таким образом, он сочетал в своем лице и самого Ра, и несколько его форм. В Книге мертвых и других заупокойных текстах он сливается с Атумом и Хепри . Здесь Атум олицетворяет бога заходящего солнца, а Хепри — солнце, которое вот-вот взойдет. Предполагалось, что, когда Хорахти отождествлялся с различными формами бога солнца, он обладал и их особыми свойствами. Так, считалось, что он сам себя создал, и этим объясняется тот факт, что были найдены гимны, обращенные к нему. Тексты называют его «господином неба», «великим богом, господином Сепет-Хат» , города или местности неподалеку от первого порога, «правителем Иат Ра» (Гелиополя), «Хорахти-Атумом, господином двух земель Иуну» и «пребывающим в Бехдете».

Тем не менее главные святилища этого бога располагались в Иуну и Аполлонополе. Самым главным считалось святилище Иуну, или Гелиополя, где Хорахти отождествлялся с формами Ра, которым там поклонялись. Самый большой известный памятник или статуя Хорахти — это знаменитый Сфинкс, который находится возле пирамид Гизы. Это потрясающее

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 622; *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 606.

Тутмос IV совершает подношения Сфинксу

сооружение существовало уже в правление Ха-ф-Ра, или Хефрена, построившего Вторую пирамиду в Гизе. Возможно, что оно гораздо старше и датируется концом архаического периода. Однако упоминания о Сфинксе не встречаются в текстах вплоть до царствования Тутмоса IV. В надписи, высеченной на стеле между передними лапами Сфинкса, сообщается, что статуя была целиком засыпана песком. Однажды, когда Тутмос вкушал свой послеполуденный отдых, ему во сне явился бог-Сфинкс, Хорахти-Ра-Атум-Хепри, и пообещал корону Египта, если он очистит его статую от песка и восстановит его храм. Тутмос IV исполнил повеление божества и, откопав Сфинкса и отстроив заново храм, расположенный у его лап, установил в память об этом стелу с надписью. Судя по молчанию, которое древние памятники хранят относительно Сфинкса, данная статуя Хорахти не была популярна в династический период. Если это было так, то, возможно, сие было обусловлено тем, что Сфинкс считался каким-то образом связанным с иноземцами или иноземной религией — наследием додинастического периода. Появилась и фантастическая теория, которая приписывает сооружение Сфинкса Аменемхату, фараону XII династии. По-египетски Сфинкс именовался Ху . Изображения Хорахти весьма раз-

нообразны, но, представлен ли он в человеческом обличье или нет, обычно у этого бога была голова сокола. В примерах, собранных синьором Ланцоне[1], мы видим на голове у него солнечный диск, окруженный уреем, или тройную корону , или корону *атеф*.

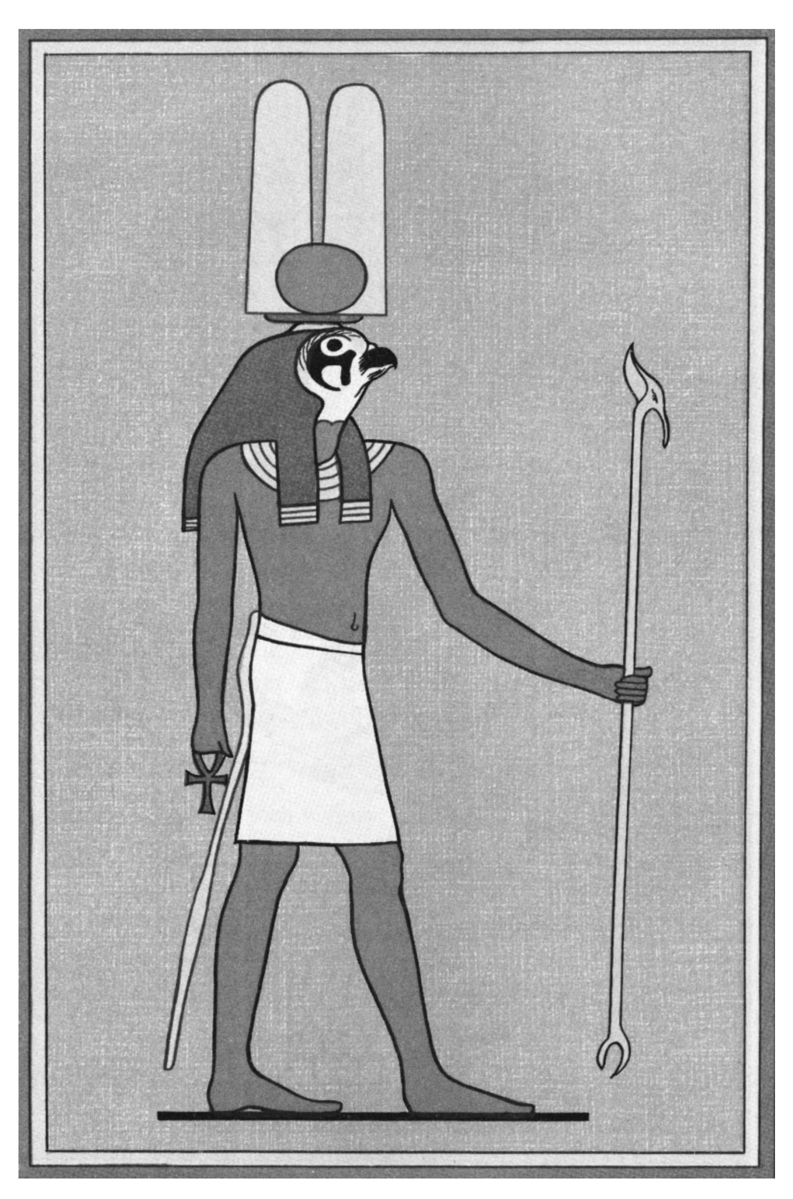
В одной сцене он изображен в виде человека с двумя ликами соколов, один из которых смотрит налево, а другой направо. На этой двуликой голове располагается *уджат* . В другой сцене у Хорахти голова барана, которая отождествляет его с Хнумом — богом первого порога Нила. Еще в одной он предстает сидящим на троне, который держат на опорах два бога с головами змей и два с головами жуков.

9. Херу-сема-тауи , то есть «Хор, объединитель Юга и Севера». Он считался сыном Хатхор. Главным образом ему поклонялись в Иат-хеху , местности возле Гераклеополя Магна, в Иунет , то есть Дендере, а также в городе Хадат . Предполагалось, что он воплощался в соколе и некоторых видах змей. Обычно его изображали как человека с головой сокола, змеи или человека. В качестве головного убора у него могли быть , или . На одном изображении он представлен в виде сокола, на голове которого диск и перья [2]. В этой форме Хор возникал из цветка лотоса, который распускался в небесном пространстве Нуна на рассвете в день нового года.

10. Херу-хекену . Он считался сыном богини Бастет, центрами его культа являлись города Нечерет , и Хут-Нефер-Тем. Он изображался в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском, который окружала змея. Свойства и функции этого божества точно не известны.

11. Херу-Бехдети . Это одно из самых великих и важных воплощений Хора, поскольку в этой форме

[1] *Lanzone*. Op. cit. Pl. 229ff.
[2] Ibid. Pl. 239.

Хера-сема-тауи

он представляет Хорахти-солнце, сияющее в середине дня в южной части неба, и, таким образом, олицетворяет наибольшую силу и жар солнца. В этом воплощении Хор сражался с Сетом, или Тифоном. Надписи изобилуют упоминаниями о блистательной победе, одержанной богом света над князем тьмы и его демонами.

Главные святилища этого божества располагались в Месен , Гем-баус , Иат-уаб (Филэ) и Джебет (Танисе). В последнем он почитался в форме льва с тройной короной на голове, которого изображали попирающим своих врагов. Однако обычно Херу-Бехдети предстает с головой сокола и держит в руках какое-нибудь оружие, указывающее на его сущность разрушителя. Так, на одной иллюстрации, приводимой синьором Ланцоне[1], бог держит в правой руке нечто похожее на булаву или палицу, а в левой — лук и три стрелы[2].

На другой он собирается ударить булавой связанного человека с ослиной головой[3].

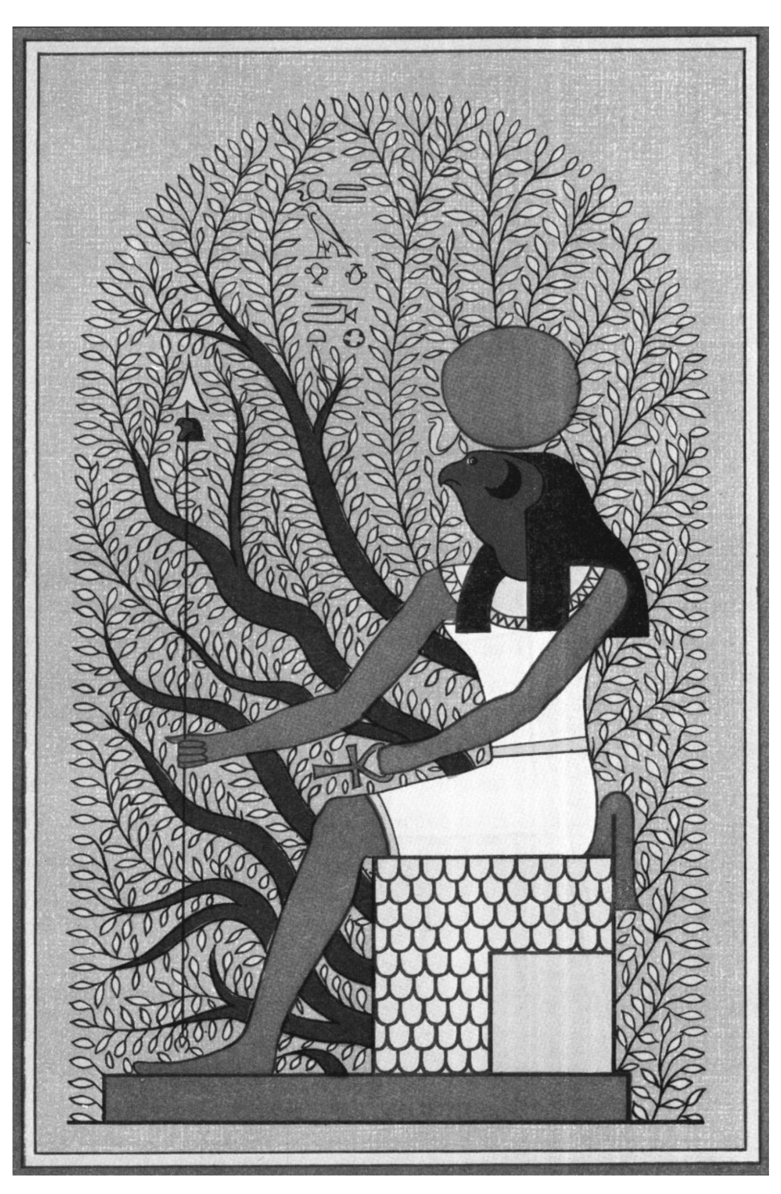
На третьей бог стоит на ориксе или антилопе и держит в правой руке длинное копье, увенчанное головой сокола, и три веревки, к каждой из которых привязан пленник . На прочих изображениях Херу-Бехдети представлен с головой льва, и именно в этой форме он, видимо, почитался в Чаре , или Танисе, в Дельте. В одном случае он изображен сидящим на троне, который стоит на спине льва. В качестве бога плодородия Херу-Бехдети предстает в виде сокола с фаллосом, оканчивающимся головой льва. В поздний период он выглядел как существо с телом человека и головой и крыльями сокола, стоящее на коленях на спинах двух крокодилов. Его голову венчал , в левой руке он держал скорпиона, .

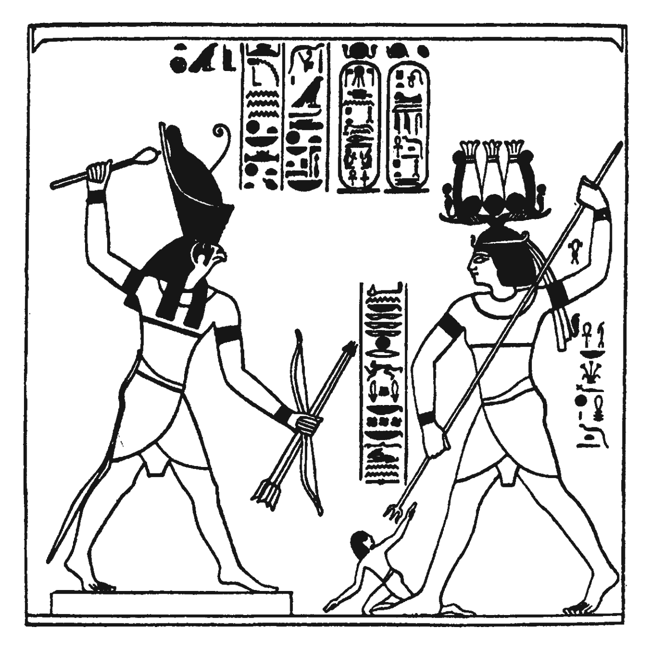
1 *Lanzone*. Op. cit. Pl. 242ff.

2 Он назван здесь .

3 В данном случае он назван «карающим мятежников»

Ра-Херу-Ахти

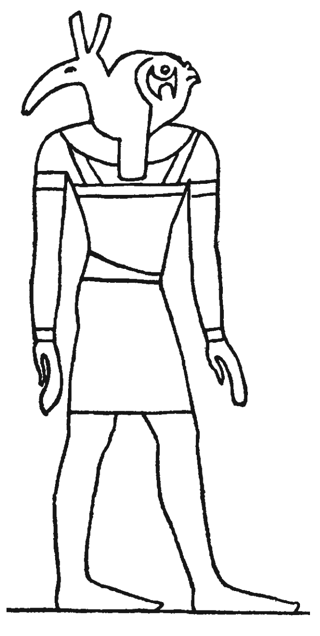
Херу-Бехдети, вооруженный луком, стрелами и булавой

В тексте, начертанном на стене храма в Эдфу, который приводит доктор Бругш[1], Херу-Бехдети описывается как сила, рассеивающая тьму и ночь, разгоняющая тучи, дожди и бури, наполняющая светом и блеском небо и землю. Он восходит с золотым диском, подобно священному золотому жуку. Херу-Бехдети назван господином и создателем богов.

Он сотворил сам себя, нет никого подобного ему, каждый день он рождается заново, год за годом он следует своим путем в небе, принося смену времен года и все, что им соответствует. В одной из своих ипостасей Херу-Бехдети отождествляется с Осирисом, и в этом случае из водного пространства Нуна ему помогают появиться Исида и Нефтида. Он сделал небо обителью своей души и создал бездну, чтобы скрыть в ней свое тело, которое здесь называется Ун-нефером. Однако наиболее притягательными для

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 548.

египтян были образы Херу-Бехдети как бога света, сражающегося с богом тьмы Сетом, и как бога добра, бьющегося с богом зла. Из Книги мертвых (XVII, 66) мы узнаем, что в древние времена состоялась схватка между Хором и Сетом, в ходе которой Хор лишил Сета его мужской состоятельности, а Сет запустил в лицо Хора грязью. Это традиционное описание сражения между Двумя бойцами, или Рехуи [иероглифы], которое послужило основой для повествования, высеченного на стенах большого храма в Эдфу.

Двойной бог Хор-Сет

Тем не менее между описанием схватки Хора и Сета додинастического периода и версией из Эдфу есть одно существенное отличие. В первом случае сражающиеся безоружны, во втором Хор вооружен оружием из металла, и его сопровождают существа, которые называются *месниу* [иероглифы], или *месентиу* [иероглифы][1].

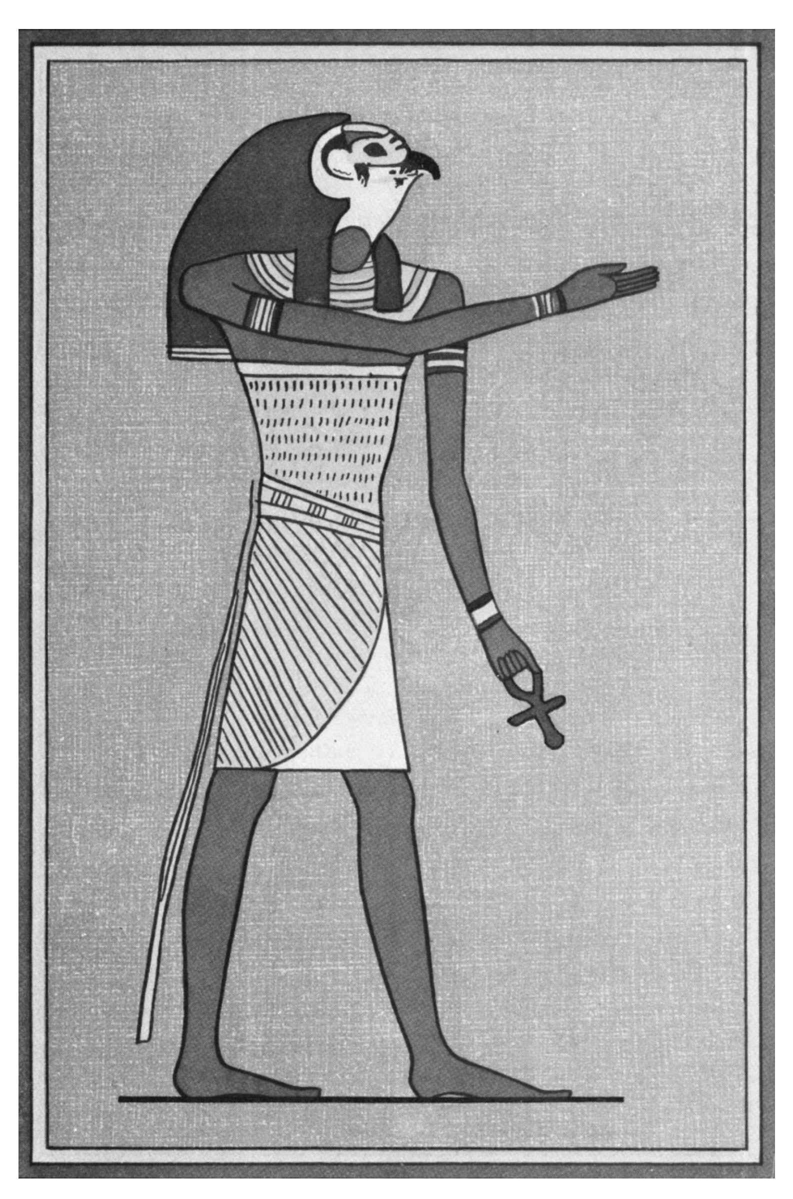
Если рассмотреть слово **васнет**, коптский эквивалент слова *месентиу*, то становится ясно, что *месниу* обозначает мастеров, обрабатывающих металлы, и что сначала так называли кузнецов, а позже — людей, носящих оружие, изготовленное из металла. Место, где производились подобные работы, то есть плавилась руда и выковывалось оружие, называлось *меснет* [иероглифы], «плавильня». Почитатели Херу-Бехдети описывали его как «господина города-кузницы», то есть Эдфу — места, где, согласно легенде, он стал первым великим мастером-кузнецом. Сам Эдфу считался местом, где был выкован великий солнечный диск, о чем свидетельствует отрывок из

[1] Существуют также варианты: [иероглифы], [иероглифы], [иероглифы].

текста, который приводит доктор Бругш: «Когда двери кузницы открыты, Диск восходит».

Еще одним подтверждением этой легенды является тот факт, что некое помещение в храме Эдфу, расположенное непосредственно за святилищем, называлось *меснет*. Именно здесь ожидали кузнецы, чтобы сопроводить статую божества в его храм. На изображениях кузнецов, высеченных на стенах храма Эдфу, мы видим, что это были люди с обритыми головами и широкими ожерельями на шеях, одетые в короткие туники. В правой руке они держали копья, повернутые острием вниз, а в левой некие металлические инструменты. В той же сцене Херу-Бехдети представлен стоящим в ладье и одетым так же, как и его свита. Правой рукой он направляет длинное копье в голову гиппопотама, находящегося под ладьей, а левой сжимает двойную цепь, которой сковано чудовище. На носу ладьи находится коленопреклоненная Исида, в обеих руках у которой цепи, сдерживающие гиппопотама. Заметим, что такелаж ладьи также сделан из цепей, предположительно металлических, а не из канатов. В другой сцене Хор стоит на спине гиппопотама, ноги которого связаны цепями. Нижняя челюсть чудовища также скована. История победы Хора над Сетом, изложенная на стенах храма в Эдфу, звучит приблизительно так. В год 363 Ра-Хорахти, царя Юга и Севера, который живет во веки веков, его величество оказался в стране Та-Сети или Нубии, ибо он отправился в местность Уауат[1], поскольку некие люди устроили заговор против своего господина. Подавив восстание, он вернулся в Эдфу и послал своего сына Херу-Бехдети, чтобы тот продолжал вести войну вместо него. Этот бог видел, как люди устроили заговор против его

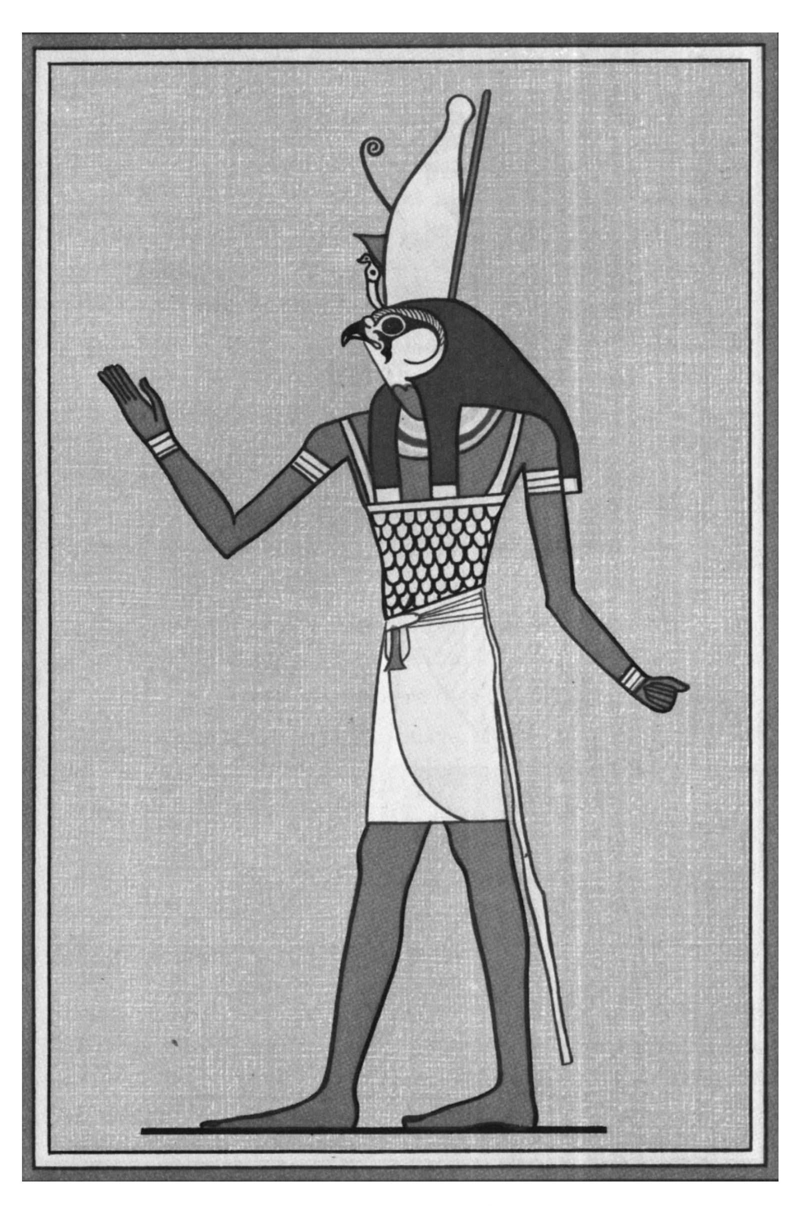
[1] Отметим игру слов в названии Уауат и глаголе, «роптать, устраивать заговор».

Херу-неджа-ит

отца, и готов был выполнить его повеление. Посему Херу-Бехдети взлетел в небеса в облике крылатого диска и с тех пор звался «великим богом, господином небес».

С высоты небес он смог увидеть врагов своего отца и пустился преследовать их в виде великого крылатого диска. Он напал на них с такой яростью и силой, что они лишились всех своих чувств и не могли ни видеть своими глазами, ни слышать своими ушами. Каждый из них набросился на своего соседа и убил его. В одно мгновение все они были мертвы. И тут же Хор, покрытый разноцветными перьями, вернулся в свое обличье крылатого диска и занял место в ладье Ра. Тогда Тот объявил, что Хор, сын Ра, должен именоваться Херу-Бехдети и Бехдет (Эдфу) должен называться городом Хора. Ра с удовольствием узнал о крови, которую пролил его сын и которую он уподобил соку винограда. Затем Хор предложил Ра пойти и взглянуть на его мертвых врагов. Ра вместе с богиней Хатхор и следовавшей за ними богиней Астередет (которую называли «госпожой лошадей» и изображали в виде женщины с головой львицы, стоящей в колеснице) согласился сделать это. Колесницу богини влекли четыре коня, топтавшие лежащих на земле врагов Ра. Когда Ра увидел это, он сказал своему сыну Хору: «Это очень приятная жизнь». С того дня храм Хора получил название «Приятная жизнь». Тогда Тот произнес: «Это было пронзание моих врагов». Поэтому Эдфу именуется Джеб. Далее он сказал Хору: «Ты великий защитник», и тут же ладья Хора стала называться «Великим защитником». После этого Ра предложил продолжить путь по воде, и враги его также вошли в воду. Как только они оказались в ней, то обратились в крокодилов, *эмсуху*, и гиппопотамов, *тепу*. Приблизившись к Ра, они разинули свои пасти, чтобы проглотить бога. Тогда явился Хор со своими кузнецами. У каждого из них было копье, выкованное из божественного металла

Херу-неджа-ит-ф

, и цепь . Они убили крокодилов и гиппопотамов и схватили 651[1] врага . Затем Ра-Хорахти повелел воздвигнуть свои статуи в земле южной в месте, называющемся «Хут-а-нехет» . Тот вознес Хору хвалы за то, что он применил заклинания из «Книги об истреблении гиппопотама», , и с того дня кузнецы Херу-Бехдети пребывали в Эдфу.

Хор снова принял облик крылатого диска. Он встал на носу ладьи Ра и взял с собой двух богинь — Нехбет , и Уаджет , в облике двух змей, чтобы они могли сокрушать крокодилов и гиппопотамов. Когда враги Ра почуяли, что их преследуют, они повернули и бежали к югу, но Хор и его кузнецы настигли их, каждый с копьем и цепью в руках. Великая битва разгорелась на равнине, что лежит к юго-востоку от Фив . После ужасающего кровопролития, что случилось там, она стала зваться Джедемет , что значит «побоище». Это было второе убийство врагов Ра. После сражения они удалились на север к Средиземному морю. Они были сломлены и испытывали ужас перед Хором. Однако бог пустился вслед за ними в ладье Ра, и с ним его соратники с копьями и цепями. Сам Хор был вооружен боевым копьем и цепью , и ним были его кузнецы, . Он прождал целый день и увидел врагов своих к северо-востоку от города Дендеры . Напав на них, он устроил третье великое избиение, *хаи* . То место, где враги были повержены, с тех пор именовалось «Божественное избиение» , и было оно поблизости от Дендеры. Херу-Бехдети стал его божеством, и ему были посвящены акация и сикомор .

[1] Навилль дает вариант , но Бругш и Видеман считают, что это число составляло 381, то есть читают его как .

И снова враги бежали на север, и по пятам гнался за ними Хор, вооруженный, как и прежде. Целых четыре дня и четыре ночи не мог он найти врагов, ибо они обернулись крокодилами и гиппопотамами. Но когда он увидел их, то напал на них с великой отвагой и убил многих. 142 врага заковал он в цепи и втащил в ладью Ра. Схватил он также «самца гиппопотама» . Он всех убил и отдал их внутренности своим соратникам, а мясо богам и богиням, что были в ладье Ра возле города Хебена, . Чтобы доказать свою победу, он встал на спину гиппопотама, и поэтому его назвали «Хер-песед», «Тот, кто на спине». Все это произошло на земле, которая стала владением храма города Хебена и составляла 342 *хет* на юг, север, запад и восток. Однако Хор уничтожил не всех врагов. Некоторые бежали на север, желая добраться до «Великого Зеленого Моря» . Бог пустился за ними в погоню и часть убил. Оставшиеся дошли до моря Мертет и соединились там с демонами Сета . Спустя некоторое время Хор нашел место, где они пребывали, и, догнав их, взял в плен 381 мятежника и убил их на носу ладьи Ра. Он отдал по одному телу каждому из своих соратников. Когда Сет увидел, что Хор сделал с его друзьями, он страшно закричал и стал изрыгать отвратительные проклятия и жаловаться на ужасную резню, учиненную Хором. За мерзкие свои слова *меду-неха* с тех пор стал этот демон зваться «Нехаха» . Тогда Хор напал на Сета и метнул в него свое копье. Он поверг его на землю возле города, который с тех пор зовется Пер-Рereху . Когда он вернулся, то принес Сета с собой, и копье бога было в шее врага , и ноги чудовища были скованы, и уста его были запечатаны ударом булавы Хора. После этих подвигов повелел Ра, чтобы Хор именовался Уруи-Денден и далее сказал, что враги его и Хора — Сет и его сподвижники — отданы будут богине Исиде и ее сыну

Хору, дабы те могли поступить с ними как пожелают. После этого Исида и Хор заняли свои места рядом с Ра, и юный бог вонзил свое оружие в Сета в месте, называемом «Шен-аха», что значит «Озеро Битвы», или «Ше-нечет», то есть «Озеро Бога». Затем он отрубил головы Сету и его сподвижникам, и смотрели на это Ра и великая девятка богов. Потом протащил он тело Сета по всей своей земле, пронзив копьем его голову и спину.

Затем повелел Ра, чтобы Хор, сын Исиды, протащил тело чудовища по земле, и из-за такого «таскания» это место с тех пор звалось Итха, . Тогда божественная Исида стала просить отца своего Ра, чтобы крылатый диск отдан был ее сыну Хору в качестве талисмана, потому что срубил он головы демону и его сподвижникам. И вышло так, что Херу-Бехдети и Хор, сын Исиды, вместе гнались за врагом Сетом. Оба они имели человеческие тела и головы соколов, оба были увенчаны Белой и Красной Коронами с перьями и уреями. Все это случилось в седьмой день месяца Тиби, , и место, где это было, называлось Иат-шатет .

После всего произошедшего Сет обернулся громко шипящим змеем и нашел дыру в земле, где укрылся и стал жить. Тогда Ра сказал: «Чудовище Ба обернулось шипящим змеем. Пусть же Хор, сын Исиды, станет столбом, увенчанным головой Хора , и вонзится в нору Сета, чтобы никогда тот не смог выйти из нее». И стал змей этого города зваться «Шипящим» или «Рычащим» Хемхемет. Хор, сын Исиды, встал над ним в форме столба, или жезла, на верхушке которого была голова сокола. Когда все эти вещи были сделаны, ладья Ра приплыла в Пер-аха, , или «Дом Битвы». Передняя часть ладьи была сделана из акации, а задняя из сикомора, и оба этих дерева с тех пор были священными. Тем временем все еще оставались враги Ра на этой земле, и этот бог послал сына своего истребить их окончательно. Хор сказал своему отцу, что если он позволит ла-

дье плыть туда, куда ему будет нужно, то он сделает с врагами то, что обрадует Ра. Когда ладья прошла немного по водам Мех, он обнаружил одного из друзей Сета. Метнув в него копье, он достал его и убил на глазах Ра в месте, что зовется Асетиабет, . Затем шесть дней и шесть ночей Хор отдыхал, а Исида в это время читала свои заклинания, чтобы отвратить Ба, то есть Сета от местности Иун-руд-ф. Вскоре после этого Хор убил еще 106 врагов, а затем устроил последнюю битву с ними в окрестностях Иун-хат и Чар, то есть Таниса. Некоторые бежали и сумели скрыться в горах, а другие бросились в море. Хор обернулся львом с человеческой головой, увенчанной тройной короной, и, взяв острый кинжал, бросился за ними в погоню. Он захватил 142 врага, которых убил. Он вырвал им языки, и их кровь потоком лилась на землю.

Когда это было сделано, Ра сказал Хору, что желает далее продолжать путь по морю и истребить оставшихся врагов, обернувшихся крокодилами и гиппопотамами возле берегов Египта. Однако Хор ответил, что нельзя плыть по морю, ибо треть врагов все еще остается там[1].

Когда Тот услышал это, то прочитал особые главы, в которых были магические заклинания, чтобы защитить ладью и корабли кузнецов, плывшие за ней, и успокоить море во время бури. Когда заклинания были произнесены, Ра и его спутники ночью вышли в море, но не нашли больше врагов и вернулись в Египет. После всего этого Хор и его соратники снова направились в Нубию, в город Шас-хертет, и истребили там мятежников Уауат и самых искусных их воинов. Когда это было сделано, Хор снова принял вид крылатого диска с уреями и взял с собой богинь Нехбет и Уаджет в облике двух змей, чтобы они могли спалить огнем тех мятежников, что остались в живых. Когда боги, бывшие в ладье, увидели это, то они сказали: «Воистину ве-

[1] .

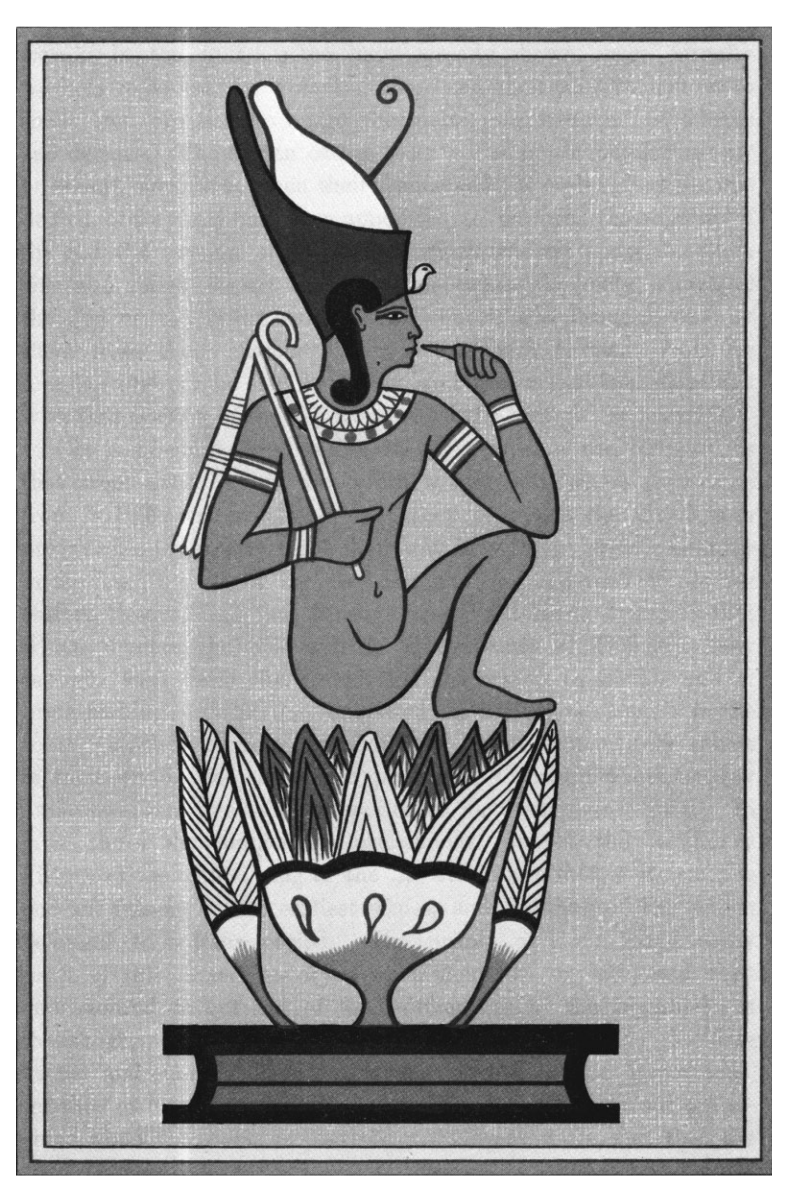
лико то, что сделал Хор своим двойным змеиным венцом; он сокрушил врага, трепетавшего перед ним!» И Хор провозгласил: «Отныне пусть двойной змеиный венец Херу-Бехдети зовется Ур-Уаджети. И стало так. После этого Хор продолжил свой путь на корабле, или ладье, и прибыл в Аполлонополь Магна (Эдфу). Бог Тот объявил, что он должен именоваться «Дарящим свет, тем, кто исходит с горизонта». И тогда Хор повелел Тоту, чтобы крылатый солнечный диск с уреями был внесен в каждое святилище, где он пребывает, и в святилища всех богов северных и южных земель, и в Иментет, дабы он мог защищать от зла. И Тот сделал изображения крылатого солнечного диска с уреями и раздал их по всем храмам, святилищам и местам, где пребывали божества. Таково значение крылатых дисков с уреями, которые мы видим над входами в храмы всех богов и богинь Египта. Божество в облике змеи справа от него — это богиня Нехбет, а слева — Уаджет.

Эта легенда очень важна для изучения египетской мифологии, несмотря на то что в том виде, как она изложена здесь, она появилась довольно поздно. Ее основные события принадлежат к самому раннему периоду египетской истории. Легенда восходит к первобытному мифу о сражении Света и Тьмы. Кроме того, у данного мифа есть и еще один аспект, не менее древний и к тому же являющийся историческим. В изначальном варианте битвы Ра с Апопом или Хора с Сетом бога солнца сопровождают соратники, задача которых, по всей видимости, заключалась в том, чтобы наблюдать за сражением. Они, как и сам Ра, не были связаны с землей. Однако, когда Херу-Бехдети сражается с Сетом, его воины предстают как некие создания, имеющие человеческий облик и вооруженные копьями и цепями, чтобы связывать пленных. Бог вознаграждает их как людей. Сам Херу-Бехдети вооружен очень длинным копьем из «металла бога», или «божественного металла», и цепью необычайной длины. Его метод ведения боя состоит в том, чтобы метнуть копье в противника и, когда оно достигнет цели, связать его цепью, втащить в ладью и там убить. Первое великое поражение враги

Ра потерпели в Иат-Джедеми, что возле Фив, второе в месте Нечер-Хаида, неподалеку от Дендеры. Далее последовали менее значимые битвы в близлежащих номах по направлению к северу, и последний крупный бой, в котором Херу-Бехдети принял облик льва, состоялся при Чаре, или Танисе, расположенном на востоке Дельты, недалеко от современного Суэцкого канала.

Все эти факты указывают на то, что мы имеем дело не только с мифическими событиями. Можно быть практически уверенным, что повествование о блистательной победе Херу-Бехдети основано на реальных военных подвигах некоего завоевателя, который в древнейшие времена воцарился в Эдфу, а затем, продвигаясь со своим войском на север, подавил тех, кто оказывал ему сопротивление. Очевидно, что своим успехом он во многом был обязан оружию, превосходившему оружие противника, то есть материалу, из которого оно было изготовлено. При одинаковой доблести соперников воины, имеющие оружие из кремня, недолго продержатся против воинов с оружием из металла. Иными словами, бойцы Хора, названные в тексте *меснити*, являлись, как мы сказали, мастерами, умевшими обращаться с металлом, или кузнецами, которые знали, как расплавить железную руду и выковать из нее оружие для нападения и защиты. Эти люди называли свою мастерскую или кузницу *меснет* или *меснит*. Позже, когда их вождь и они сами были причислены к сонму богов и жрецам нужно было устраивать религиозные церемонии в честь бога, отведенная им часть храма также стала называться *меснет* или *меснит*. Когда они выносили металлическую статую бога восходящего солнца Херу-Бехдети из этого помещения, то считалось, что бог выходит из кузницы, где его выковали. Таким образом, *меснет* отождествлялся с той частью неба, где появлялся бог солнца.

Конечно, невозможно сказать, кем были эти кузнецы, прошедшие весь Египет с юга на север, или откуда они явились. Автор данного труда полагает, что так стали называть неких завоевателей додинастического периода, пришедших в Еги-

Хор — сын Исиды, сын Осириса

пет по Красному морю из страны, расположенной на Востоке, и далее продвигавшихся через восточную пустыню по дороге, пролегавшей либо через Вади-Хаммамат, либо вышедшей к Нилу несколько южнее Фив. Они принесли с собой искусство обработки металлов и изготовления кирпичей. Покорив коренное население юга, то есть Эдфу и его окрестностей, они сделали этот город центром своей цивилизации и продолжили завоевывать другие города и воздвигать святилища своему богу или богам[1].

Позднее местные служители культа смешали легендарную историю обожествленного царя кузнецов с легендой о Хоре, боге небес древнейших времен, и с мифом о Ра, принадлежащим к более позднему периоду. Жрецам Эдфу было трудно найти объяснение многим моментам этой смешанной истории, и они вышли из затруднительного положения с помощью придуманной игры слов и вымышленной этимологии названий, посредством которых они пытались разъяснить происхождение имен и истолковать события. Этот факт тоже достаточно важен, поскольку служит доказательством, что, по крайней мере, некоторые места легенды были непонятны в то время, когда изобреталась пресловутая игра слов и прочее, а значит, они уходят корнями в глубокую древность. Мы видим также, что сами египтяне знали об этом предмете не больше, чем знаем сейчас мы.

12. Херу-Чема, то есть «Хор пронзающий». В этой форме бог напал на Сета, убийцу своего отца Осириса, с длинным копьем, у которого был острый железный наконечник. Его изображают в виде человека с головой сокола, направляющего свое длинное копье в невидимого врага, находящегося на земле или под ней.

13. Херу-Хебену, то есть Хор-Хебену, или Хебенута, города в шестнадцатом номе Верхнего Египта. Он упоминается в мифе о Херу-Бехдети и часто отождествляется с ним. Обычно его изображают в виде человека с головой сокола, стоящего на спине антилопы. Считалось,

[1] Исторический аспект в этой легенде ранее отметил Масперо («Кузнецы Хора и легенда о Хоре Эдфусском»).

что это животное было связано с Сетом, и Хор-Хебену попирал его в знак своей власти над богом тьмы и всем его войском.

14. Херу-са-Асет-са-Усир, то есть «Хор, сын Исиды, сын Осириса». Как и многие другие воплощения Хора, он в основном олицетворял восходящее солнце. По всей видимости, в этом отношении он являлся для египтян тем же, чем Аполлон для греков. У этого божества было несколько аспектов, и, как следствие, множество его святилищ существовало как на Юге, так и на Севере. В этой форме в разное время воплощались все разновидности Хора, начиная с Херу, бога небесной выси, и Хора Старшего и заканчивая наименее важной ипостасью Хора как божества какого-нибудь маленького городка. Тем не менее Херу-са-Асет-са-Усир имел два основных аспекта: он представлял новое солнце, рождающееся каждый день, преемника Хорахти или Ра, а также являлся сыном мертвого богочеловека Осириса и его законным наследником. Образ Хора, сына Исиды и Осириса, был особенно близок жителям Египта, поскольку в нем они видели символ того, что хотели бы иметь, а именно возрожденной жизни, восторжествовавшей над смертью, движения, отличающегося от неподвижности, общения с живыми вместо взаимодействия с мертвыми. В какой-то степени Хор и Осирис являлись дополнениями друг друга, но основное различие между ними заключалось в том, что Осирис олицетворял прошлое, а Хор настоящее. Как гласит Книга мертвых (XVII, 15), «Осирис есть вчерашний день, а Ра (то есть повзрослевший Хор) есть день сегодняшний». Тексты не всегда последовательны относительно того, кто является отцом Хора. В качестве его матери неизменно выступает Исида, а отцовство иногда приписывают Осирису, а иногда Ра. Однако эти разночтения можно объяснить, если вспомнить, что Осирис в одном из своих аспектов выступает как мертвый бог солнца. Обстоятельства, при которых произошло зачатие Хора, нам хорошо известно из гимна Осирису, где описывается горе его матери

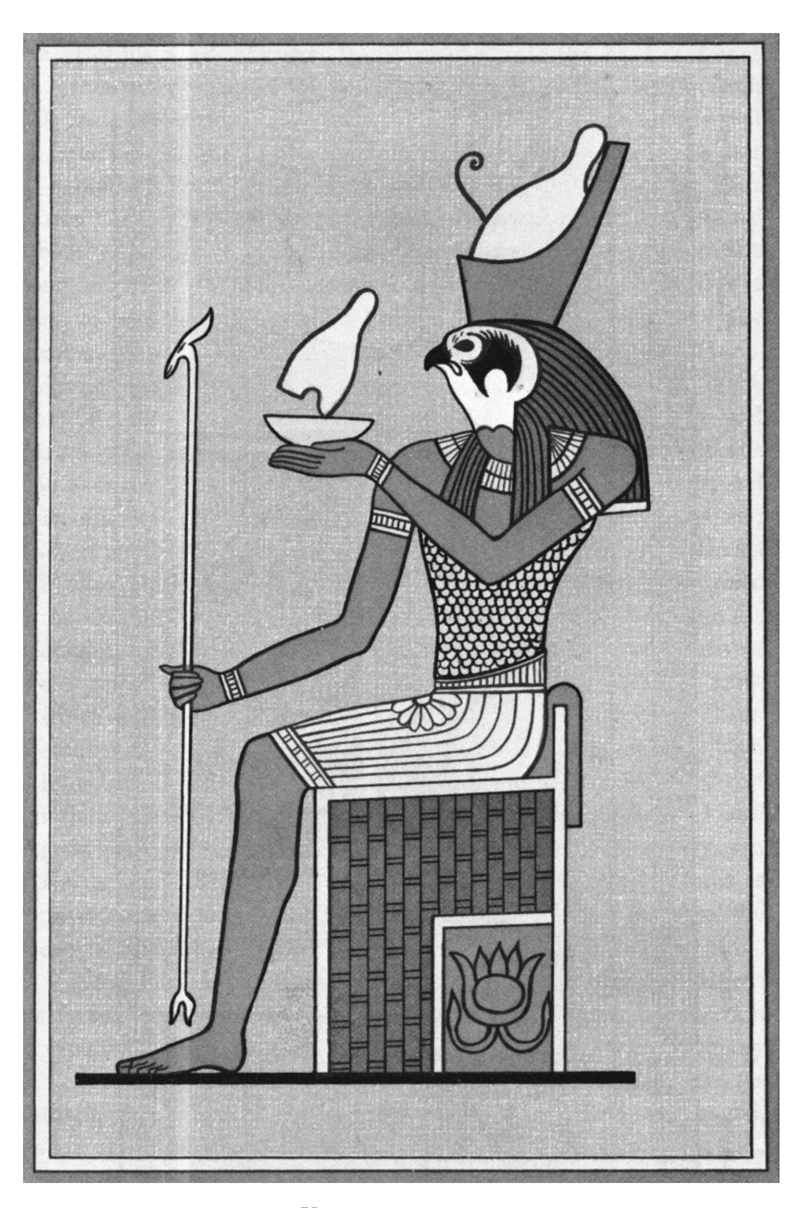
Исиды, потерявшей супруга. Богиня была очень опечалена, но она владела могучими словами силы и знала, как произнести их, чтобы они подействовали с наибольшим эффектом. Она отправилась на поиски трупа Осириса и в конце концов нашла его. Своими волосами она создала свет, а крыльями колебала воздух в то время, как оплакивала Осириса. Когда его тело стало подвижным, она соединилась с ним. Так она зачала от него дитя, и сын Исиды Хор родился в тайном месте, где она выкормила и вырастила его.

Судя по всему, это место находилось в заболоченных землях Дельты, на что указывают многочисленные изображения Исиды, где она кормит грудью свое дитя среди густых зарослей папируса. Вскоре после рождения Хора Сет схватил ее и держал вместе с младенцем в заточении в некоем доме, но однажды вечером с помощью Тота богине удалось бежать. Она пустилась в путь под охраной семи скорпионов, носивших имена Тефен, Бефен, Местет, Местетеф, Петет, Четет и Матет. Эти семь скорпионов, возможно, олицетворяют семь звезд из созвездия Большого Пса, в котором расположены звезды Исиды и Сотис. Три последних скорпиона указывали Исиде путь и довели ее до города Пер-суи, то есть Крокодилополя, а затем до Чебти, города Двух Богинь Сандалий, откуда начинались болота. Однажды, когда Исиды не было рядом, Хора ужалил скорпион. Богиня вернулась и увидела, что ее сын лежит на земле без движения, на губах его пена, сердце его не бьется, и все члены и мускулы в его теле тверды и неподатливы. Она защитила его от Сета и от нападения любого существа, живущего на болоте, но скорпион ужалил ее дитя, и он умер. Когда Исида оплакивала смерть сына, явилась ее сестра Нефтида вместе с Серкет, богиней-скорпионом, и дала ей совет воззвать к небесам за помощью. Она сделала это, и крик ее достиг Ра в его «Ладье Миллионов Лет». Великий бог остановил ладью, и вниз спустился Тот, принесший с собой слова силы. С их помощью сын Исиды вновь обрел жизнь и здоровье. Вскоре после этого Хор взялся отомстить за смерть

своего отца Осириса. Именно в этой форме, «Хор, мститель за отца своего», столь сильно будоражил воображение египтян.

Согласно календарю, который приводится в папирусе Салье IV (Британский vузей, № 10184), битва Хора и Сета, продолжавшаяся три дня, началась в 26-й день месяца Тота. Оба бога сражались в облике людей. Исида присутствовала при этом и каким-то образом поддержала Сета в этой схватке. Тогда сын набросился на нее с яростью «пантеры юга» и отрубил матери голову. Однако это увидел бог Тот. Он взял голову богини и с помощью слов силы превратил ее в голову коровы, которую и приставил к телу Исиды. Плутарх рассказывает («Об Исиде и Осирисе»), что Хору удалось схватить Сета и заковать его в цепи, но Исида, не желая смерти брата, ослабила путы и выпустила Сета на свободу. За это Хор сорвал с ее головы символы власти. У нас нет возможности установить, когда именно появилась эта легенда, но она, должно быть, является очень древней. Ясно, что это всего лишь вариация на тему еще более древнего предания о битве Ра с Апопом, или Херу-ура с Сетом, или Херу-Бехдети с Сетом. Несомненно, она послужила основой для всех поздних мифов о победе царей над драконами, вроде легенд об Александре Великом или святом Георгии. Когда Хор одолел Сета, он наследовал своему отцу. Он занял место на престоле Осириса и правил вместо него, повторяя слова, с которыми обращался к Осирису умерший Хунефер: «Хор торжествует в присутствии всех богов, ему было даровано господство над миром, и его владения простираются до самых отдаленных пределов земли. Ему был присужден престол бога Геба и титул, что был основан богом Атумом, утвержден указами в Палате Книг и начертан на железной пластине по повелению отца твоего Птаха-Татенена на великом троне... Боги небесные и боги земные предоставляют себя в распоряжение сына твоего Хора и следуют за ним в зал его, [где] издан указ, что он должен быть господином над ними, и они исполняют указ немедленно»[1].

[1] Книга мертвых. CLXXXIII, 12 и далее.

Херу-неджа-ит-ра

ЧЕТЫРЕ СЫНА ХОРА, ИЛИ БОГИ СТРАНЫ СВЕТА

Хапи Имсет Дуамутеф Кебехсенуф

Умерший встает из гроба, в каждой его руке символ жизни

Кроме того, что он отомстил за отца, Хор исполнил еще много других сыновних обязанностей, за что египтяне его очень любили. Так, он с величайшим вниманием следил за тем, чтобы над телом его отца были исполнены все обряды, которые могли помочь умершему, и наблюдал за каждой стадией мумификации Осириса, за тем, как именно его обматывали бинтами, проверял, чтобы были положены все амулеты, и т. д. Эта сыновняя любовь являлась для египтян примером для подражания с незапамятных времен. Они верили, что Хор помогает умершим так же, как помогал своему отцу, и надеялись, что после смерти он окажет им поддержку и выступит в качестве посредника между ними и Судьей загробного мира. В сцене суда в Книге мертвых в папирусе Ани Хор, сын Исиды, ведет умершего к Осирису после того, как было взвешено сердце покойного. Он говорит своему отцу: «Я пришел к тебе, о Ун-нефер, и я привел к тебе Осириса Ани». Затем он рассказывает, что Тот взвесил сердце Ани на весах, согласно решению богов, и оно было признано праведным и истинным. Хор также просит Осириса, чтобы тот позволил Ани предстать перед ним, и чтобы Ани дали хлеба и пива, и чтобы он навсегда остался в свите Хора. Во всех вариантах сцены загробного суда роль бога, представляющего умершего Осирису, неизменно исполняет Хор. Несомненно, эта обязанность была возложена именно на него, поскольку предполагалось, что Осирис благосклонно отнесется к тому, кого приведет его сын, так много для него сделавший. Из Текстов пирамид мы знаем, что в те времена, когда египтяне верили, что, дабы подняться на небо, была необходима лестница, Хор являлся богом лестницы, и к нему обращались с мольбой установить и держать ее, пока умерший будет забираться на небо. Иногда один конец лестницы поддерживал Ра, а другой Хор, а порой ее держали Хор и Сет. Однако даже в этом случае умерший испытывал затруднения при подъеме, потому что источники говорят, что Хор должен был подтолкнуть его вверх двумя пальцами.

Хор делал для умерших даже больше. Он брал тела усопших под свою защиту, так же как взял в свои руки тело отца, и наблюдал за исполнением всех погребальных обрядов и церемоний. В этом труде ему помогали существа, которых на-

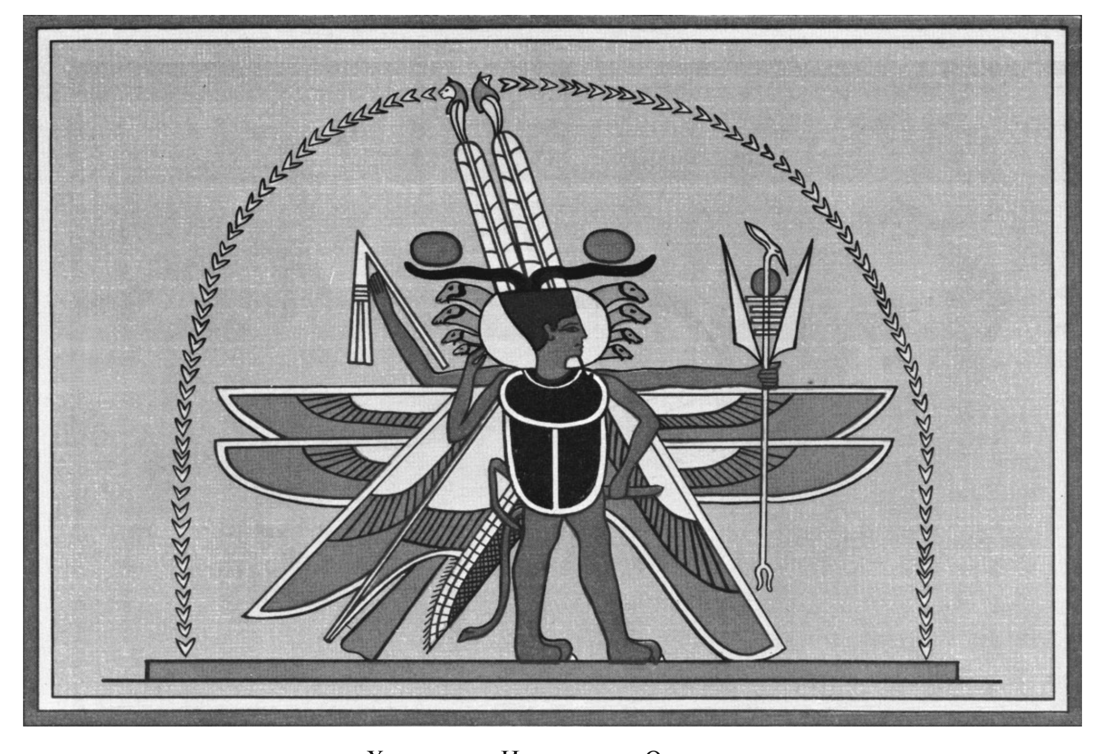
зывали Херу-шемсу, то есть «спутники Хора». Мы знаем из Книги мертвых, что Осирису, Ра, Нефертуму, Неб-ер-джеру, Мехи, Хатхор и фактически всем великим богам прислуживали менее значимые божества. Однако все они были далеко не так важны, как спутники Хора, и не являются столь же древними. Мы уже говорили, что изначально бог Хор олицетворял лик небес. Предполагалось, что у него были длинные волосы, которые ниспадали локонами по обе стороны от лица и, возможно, поддерживали его. В мифах о Шу его опоры, то есть четыре столба, поддерживавшие огромную прямоугольную металлическую пластину, которая являлась полом небес, стояли среди локонов Хора. Позднее, когда четырех спутников Хора, сына Исиды, стали отождествлять со спутниками Хора Старшего, этих богов «поселили» возле столбов Шу. Они властвовали над этими опорами, а также над четырьмя сторонами света. Таким образом, эти божества заняли место древних богов юга, севера, запада и востока. В Книге мертвых эти четыре сына Хора играли весьма важную роль, и умерший пытался всеми способами (и жертвоприношениями, и молитвами) добиться их расположения. На изображениях похоронных процессий показаны четыре человека, несущие ящик, в котором находятся мумифицированные внутренности умершего, четверо животных предназначены для принесения в жертву, и мы видим, что и инструментов для обряда «отверзания уст», и сосудов, и коробочек с притираниями — всего было по четыре. Даже молитвы и заклинания читались по четыре раза. Так, в главе XL умерший, обращаясь к Пожирателю Осла, четыре раза произносит: «Я знаю тебя». А в главе CXXIV покойный четырежды утверждает: «Я чист». Тем не менее важнее всего было помнить, что четверо сыновей Хора вместе защищали тело умершего, и уже во времена V династии считалось, что они управляли его жизнью в загробном мире. Вот имена этих четырех богов: Хап, Дуамутеф, Имсет и Кебехсенуф. В таком порядке они упоминаются в Текстах пирамид. Но позднее и написа-

ние имен, и порядок их перечисления претерпевают изменения, и список начинает выглядеть так: Мести , Хапи , и Кебехсенуф . Руки покойного отождествлялись с Хапи и Дуамутефом, а его ноги с Имсети и Кебехсенуфом. Когда он входил в Сехет-Иару, они были его проводниками и шли вместе с ним, по двое с каждой стороны. Хапи представлял север и защищал тонкий кишечник, Дуамутеф представлял восток и защищал сердце и легкие, Имсети представлял юг и защищал желудок и толстый кишечник, и Кебехсенуф представлял запад и защищал печень и желчный пузырь. Богини Нефтида, Нейт, Исида и Серкет (или Селкет) были связаны с этими богами и, возможно, являлись их женскими дополнениями.

Поскольку Хор, сын Исиды, отождествлялся с Хором Старшим и прочими формами восходящего солнца, неудивительно, что его святилища были крайне многочисленны и располагались во всех частях страны. Названия большинства из них были собраны синьором Ланцоне[1].

Так, Хор, пребывающий в обоих Египтах , был господином Нубти (Омбоса), господином Уасет (Фив), а также Миама , Кенсета , Хут-Анта , Ре-ура , Пе , Бухена , Нехена , Пер-неджема , Ре-ау , Хуренета, , Какема , Рекетита , Черера , Бака , Иат-аата , Ху , Чарета , Иат-уаба , Хута , Хут-несу , Педжаджа , Ити , Речема , Хебену , Сехема , Абджу , Шес-ен-меха , Хут-неха , Хебта , Шепа , Хата , Каха , Денретута , Иунета , Бака и т. д.

[1] *Lanzone.* Dizionario. P. 569.

Хор — сын Исиды, сын Осириса

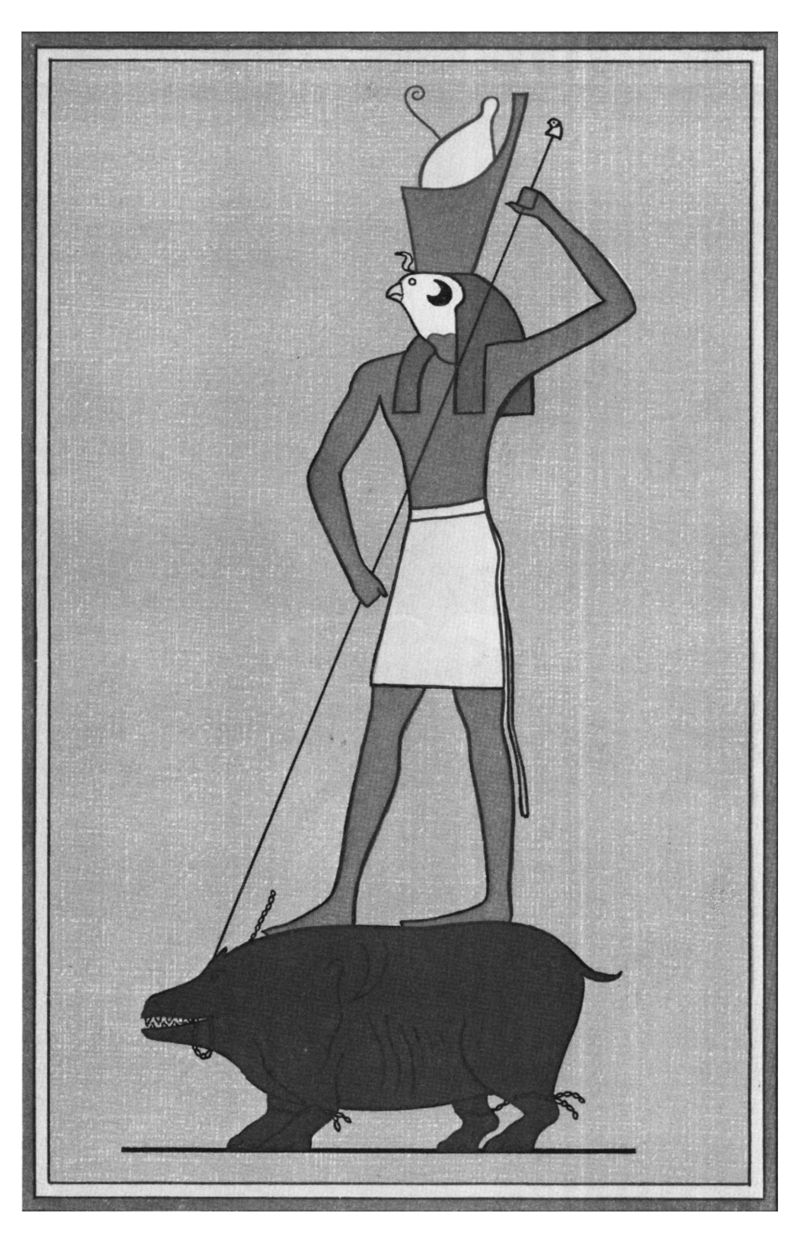
Существует множество изображений Хора, сына Исиды; все они крайне интересны и показывают, насколько полно этот образ вобрал в себя свойства других форм Хора. Так, он предстает в виде ребенка с локоном, сидящего на цветке лотоса и касающегося губ указательным пальцем. На голове у него короны Юга и Севера, а в руках [hieroglyph] и [hieroglyph][1].

В другой раз он стоит на спине гиппопотама, в голову которого вонзает копье. В этом случае он явно отождествляется с Херу-Бехдети. В поздний династический период этого бога изображали в самых разнообразных, самых причудливых видах, а многочисленные функции, приписываемые ему, нашли отражение в любопытнейших изображениях. Так, Хор, охраняющий гроб Осириса, представлен в облике существа с головой сокола, увенчанной тройной короной. При этом он имеет тело льва и хвост в виде головы и шеи неизвестного животного. В ином случае он изображен с семью головами, среди которых головы быка, барана, кота и крокодила. Он имеет человеческое тело (в итифаллической форме), ноги и копыта быка и крылья птицы. В одной руке бог держит нож, а в другой змею.

Помимо признаков и функций прочих форм бога Хор, сын Исиды, обладал и качествами других богов. Так, вместе с богом Инпу, или Анубисом, он превращался в Херу-эм-Инпу, то есть Хора в качестве Анубиса. Считается, что он пребывал в «божественном зале» [hieroglyphs]. Его имя вызывает в памяти бога Германубиса, о котором упоминали Плутарх («Об Исиде и Осирисе», 61) и Диодор (строки 18, 87). Это двойное божество изображалось в виде человека с головой шакала. По внешнему виду его невозможно отличить от двух других богов-шакалов — Инпу, или Анубиса, и Уп-уата, которые являются двумя формами одного и того же бога. Строго говоря, Инпу — это «открыватель дорог Юга, сила обеих земель» [hieroglyphs], а Упуат — «открыватель дорог Севера, сила небес» [hieroglyphs][2].

---

[1] *Lanzone.* Dizionario. Pl. 214ff.
[2] Книга мертвых. CXLII, § IV, 24, 25.

Бог всех богов

Изображения этих двух богов часто встречаются на стелах, в этих случаях они символизируют две половины года, а также ночное и дневное небо и периоды возрастания и убывания сил природы летом и зимой.

Особой формой Хора, отождествлявшейся с Хором, сыном Исиды, являлся Хор города Хебену, Гиппонона греков, где также почитался Анубис. Причину, по которой Хор, сын Исиды, отождествлялся с Анубисом, объяснить легко. Оба этих бога помогали мумифицировать мертвое тело Осириса, и в Книге мертвых (XVII, 125 и далее) ясно сказано, что именно Анубис проходит через зал очищения в *Мескет* и что он стоит «позади ящика, который содержит внутренности Осириса». Согласно той же главе (строки 100—108), именно Анубис назначил Семерых Духов, «спутников их господина Сепа», стражами мертвого тела Осириса. Некий источник, цитируемый в той же главе, утверждает, что Семь Духов — это четыре сына Хора, о которых мы упоминали выше, а также Маа-ит-ф, Хери-бек-ф и Херу-хенти-маати. Однако другой источник называет Семерых Духов так: 1. Неджех-неджех; 2. Иакедкед; 3. Ин-ерда-неф-бес-ф-хенти-хех-ф; 4. Ак-хер-ими-уннут-ф; 5. Дешер-маати-ими-хут-Инес; 6. Убес-хер-пери-ем-хетхет; 7. Маа-ем-герех-ин-неф-ем-херу[1].

В связи с этим стоит упомянуть богиню Хетеп-сехус, отождествлявшуюся либо с Оком Ра, либо с пламенем, которое следовало за Осирисом и пожирало его врагов, а также судей той части загробного мира, что на-

[1] 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.

зывается Ин-иарередеф или Ин-иредеф , то есть «место, где ничего не растет», главой которых считался Херу-неджа-хер-ит-ф , или «Хор, мститель за отца своего».

15. Херу-па-херед , то есть «Хор-Дитя». Мы уже описывали Хора-Дитя, который являлся сыном и наследником Хора Старшего. Теперь расскажем вкратце о Хоре-Дитя, выступающем в качестве сына и наследника Осириса. Большая часть признаков древних воплощений Хора перешла к сыну Исиды и Осириса, особенно в поздние династические времена, когда культ Осириса доминировал в Египте. Хор-Дитя стал олицетворением нового рождения, новой жизни, первых часов дня, первых дней месяца, первых месяцев года и фактически всего юного и полного сил. Однако вскоре к его собственным свойствам добавились признаки и функции великих воплощений бога солнца, и изначальная концепция Хора-Дитя оказалась несколько подзабытой. Иногда довольно трудно определить, о каком именно Хоре идет речь в тексте. Во всех великих храмах Египта можно найти свидетельства того, что с периода Нового царства жрецы местных богов отождествляли Хора-Дитя, или Харпократа, с формами своих главных богов, в которых воплощались обновленные и омолодившиеся главы групп или триад богов. Покойный доктор Бругш собрал массу примеров подобной трансформации и доказал, что в форме Херу-сема-тауи-па-херед Хор отождествлялся с Атумом и считался сыном Хорахти и Хатхор; что, соединившись с Ихи , Харпократ стал формой Ра и именовался «сыном Хатхор, которого родила Исида», при этом он рассматривался как наследник Ун-нефера , то есть Осириса, и, наконец, что он был обновленным воплощением богов Шу, Геба, Хонсу и Имсу, или Мина[1].

В связи с Хором, сыном Исиды, в той или иной его форме можно вспомнить любопытную легенду, сохранившуюся в

[1] *Brugsch.* Religion und Mythologie. P. 373.

главе CXII Книги мертвых. Она ссылается на жителя местности под названием Хат [иероглифы] в городе Анпет [иероглифы], что в номе Ха-мехит [иероглифы], то есть шестнадцатом номе Нижнего Египта. Строго говоря, Анпет — это название храма и квартала города Мендеса, местная триада которого состояла из Ба-неб-джедета [иероглифы], Ха-мехит [иероглифы] и Херу-па-хереда. Мендес был связан с культом Осириса, поскольку в храме хранились фаллос и позвоночный столб этого бога. Храм назывался Хут-баут, [иероглифы], то есть «Дом Баранов», а место, где были найдены «мощи», — Пер-хент [иероглифы][1].

Бараны, о которых идет речь, напоминают о легенде, согласно которой Баран Мендеса соединил в себе души Ра, Осириса, Шу и Хепри. Он был известен как «Баран с четырьмя головами на одной шее» [иероглифы]. Возможно, именно его имеет в виду текст Пепи I (419), когда говорит о боге с четырьмя лицами [иероглифы]. В вышеупомянутой главе умерший спрашивает у богов: «Знаете ли вы, по какой причине город Пе был отдан Хору?» И затем продолжает: «Я, даже я знаю это, хотя вы этого не знаете. Вот, Ра отдал ему город этот за то, что повреждено было его Око. И Ра сказал Хору: «Дай же мне взглянуть, что происходит, твоим оком» — и тотчас взглянул. Тогда Ра сказал Хору: «Посмотри на эту черную свинью». И он взглянул, и его око немедленно повредилось, то есть могучая буря [началась там]. Тогда сказал Хор Ра: «Истинно, око мое чувствует, будто Сути нанес удар ему». [Сказав это], он съел свое сердце[2].

Тогда велел Ра тем богам: «Отведите его в палаты его, и он поправится». Вот, черной свиньей был Сути (Сет), который обернулся черной свиньей, и он направил огненный удар, повредивший око Хора. Тогда сказал Ра тем богам: «Свинья — создание, омерзительное Хору; но он поправится, хотя свинья — мерзость для него». Тогда боги, бывшие среди божественных

---

[1] [иероглифы].

[2] То есть вышел из себя, разгневался.

спутников Хора, когда он существовал в виде собственного сына, молвили: «Пусть будут принесены в жертву его быки, и его козлы, и его свиньи». Вот, отец Имсети, Хапи, Дуамутефа и Кебехсенуфа — это Хор, а мать их — Исида. Тогда сказал Хор Ра: «Дай мне двух божественных братьев в городе Пе и двух божественных братьев в городе Нехене, которые [произошли] от моего тела и которые будут со мной в виде вечных судей, и расцветет тогда земля, и тучи и дождь уйдут». И имя Хора стало Хер-уадж-ф.

В добавление к уже перечисленным формам Хора назовем еще несколько, известных из Текстов пирамид: 1. Херу-Иах, то есть Хор, бог луны[1]; 2. Херу-хенти-перу (Унис, 202); 3. Херу-им-Хенну (Унис, 211) и Херу Дата (Унис, 218). Согласно этому же источнику, Хор обладал одним белым оком и одним черным (Унис, 37), о которых говорится, что царь Унис взял их, чтобы они освещали его лицо. Также бог именовался «Хором с двумя голубыми очами», (Унис, 369), «Хор с двумя красными очами», (Унис, 869). В фиванской редакции Книги мертвых (CLXXVII, 7) упоминаются еще Херу-аа-ибу, Херу-ахаи, Херу-ими-ибу-хер-иб-ими-хет, Херу-ими-итен, Херу-эм-хебит, Херу-неб-уререт, Херу-хер-неферу, Херу-хенд-хех, Херу-хенти-хех, Херу-Сехаи, Херу-шед-хер и другие. И наконец, в тексте Униса (462 и далее) встречается Херу-Сепд, упоминающийся в связи с Ра, Атумом, Тотом, Хором Дата и звездой Нехех. Херу-Сепд — это форма Хора, вероятно, бога вос-

[1] (Тети, 365).

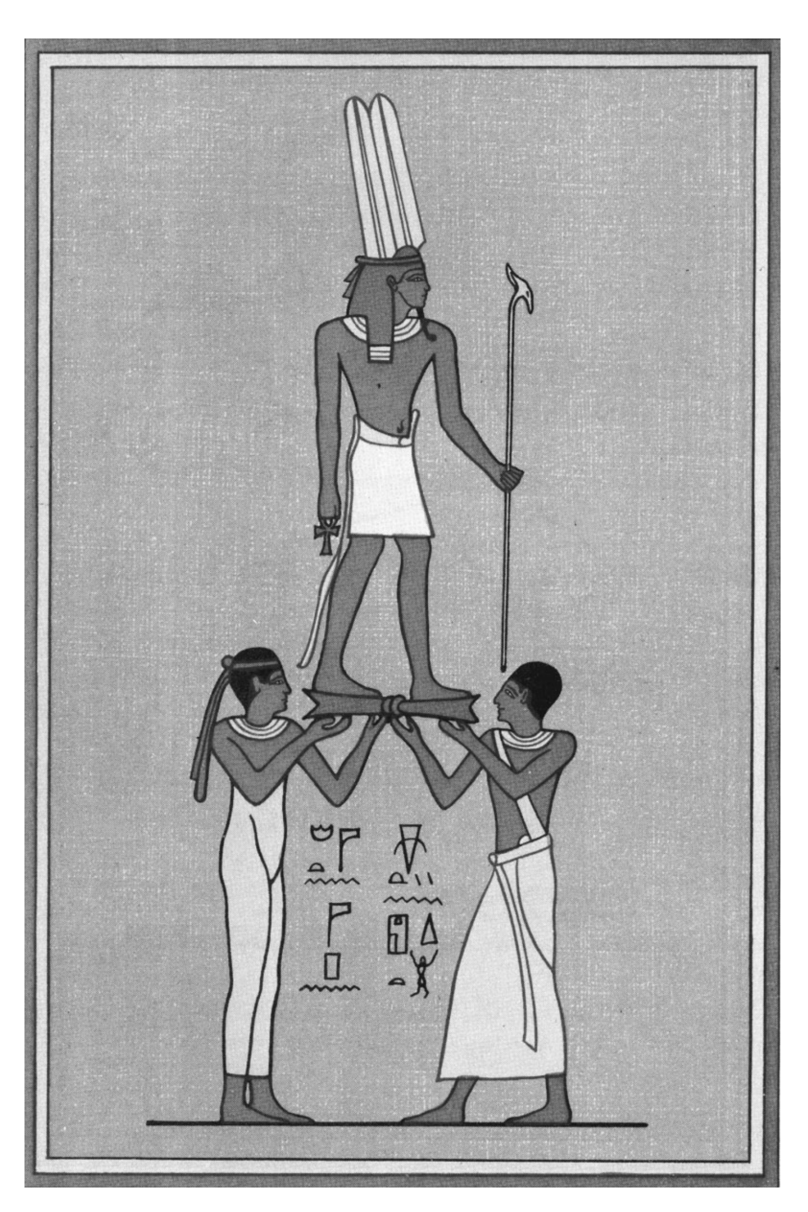
ходящего солнца, соединившегося с той формой бога Сопду, которой поклонялись в двенадцатом номе Нижнего Египта, то есть номе Сепду, . На некоторых иллюстрациях, приводимых синьором Ланцоне, Сопду изображается в облике человека, на голове у которого был символ , или два пера , или диск ⊙. В других случаях он представлен в виде мумифицированного сокола , с перьями на голове, перед которым находится символ , а на его спине *менит* . В надписях, сопровождающих изображения, он именуется «господином Востока», то есть восточной части Дельты и Аравии. В святилище, обнаруженном господином Навиллем в Сафт-эль-Хенне, Сопду изображен в виде бога Беса с перьями на макушке и распростертыми руками и крыльями. В этом воплощении он зовется «Сопду, сокрушитель ментиу» , то есть племен, населявших восточную пустыню и Аравию. Сопду, несомненно, был богом битвы . Его называли «Быком, топчущим ментиу»; он был «укрепителем Египта и защитником храмов богов».

Главным местом почитания Сопду была столица нома, то есть Пер-Сепду . Если Кесем — это иной город, а не Пер-Сепду, то храм бога мог находиться и там. Женским дополнением Херу-Сепда была одна из форм богини Хатхор, которую в двенадцатом номе Нижнего Египта называли Септит . В святилище Сопду находились несколько деревьев *небес*[1], поэтому его именовали *асет небес* , «дом деревьев *небес*».

Как «господина битвы» Сопду изображали в виде льва с головой сокола и хвостами льва и сокола. При этом у него были человеческие руки, в которых он держал лук и булаву. Его голову венчали диск[2] и перья.

[1] *Cordia Sebestena*, или *Zizyphus Lotos W.*, согласно Бругшу, «Религия...», с. 567.

[2] *Lanzone*. Dizionario. P. 1048.

Бог Сепд

Сопду упоминается также в Книге мертвых, причем он явно предстает как бог войны. В главе XVII (30) говорится, что он «расстроил замыслы врагов Неб-ер-джера». В главе XXXII умерший изгоняет Крокодила Юга при помощи слов «Я Сопду», а в главе CXXX (11) говорится о плахе бога Сопду. Пока еще не было найдено объяснение знака, который является символом бога Сопду, но возможно, что это треугольник. Статуя или модель его сохранилась в Имен-хеперутет, который описывается в списке Эдфу как, то есть «скрытый, Хас (?) ен-Сепд».

Глава 16

ВЕЛИКАЯ ТРИАДА МЕМФИСА: ПТАХ, СЕХМЕТ И ИМХОТЕП

Самым великим из всех древних богов Мемфиса, несомненно, являлся Птах, или Птах-неб-анх. Его культ в той или иной форме восходит к началу династического периода. Обычно он рассматривался как форма бога солнца или как воплощение восходящего солнца в тот момент, когда оно только показывается из-за горизонта или едва поднялось над ним. Предполагалось, что имя божества означает «Открыватель» и происходит от корня, близкого по значению к хорошо известному семитскому корню פְּתַח. Действительно, Птах считался «Открывателем» дня, подобно тому как Атум был «Закрывателем». Однако главным недостатком этой теории является то, что ни один текст не включает Птаха в основные формы бога солнца, и его свойства и признаки разительно отличаются от свойств и признаков Хепри, Атума, Хора и Ра. Более того, хотя слово *птах* действительно присутствует в египетском языке, оно никогда не употребляется в значении «открывать» в прямом смысле этого слова (например, «открывать дверь»). Детерминатив сле-

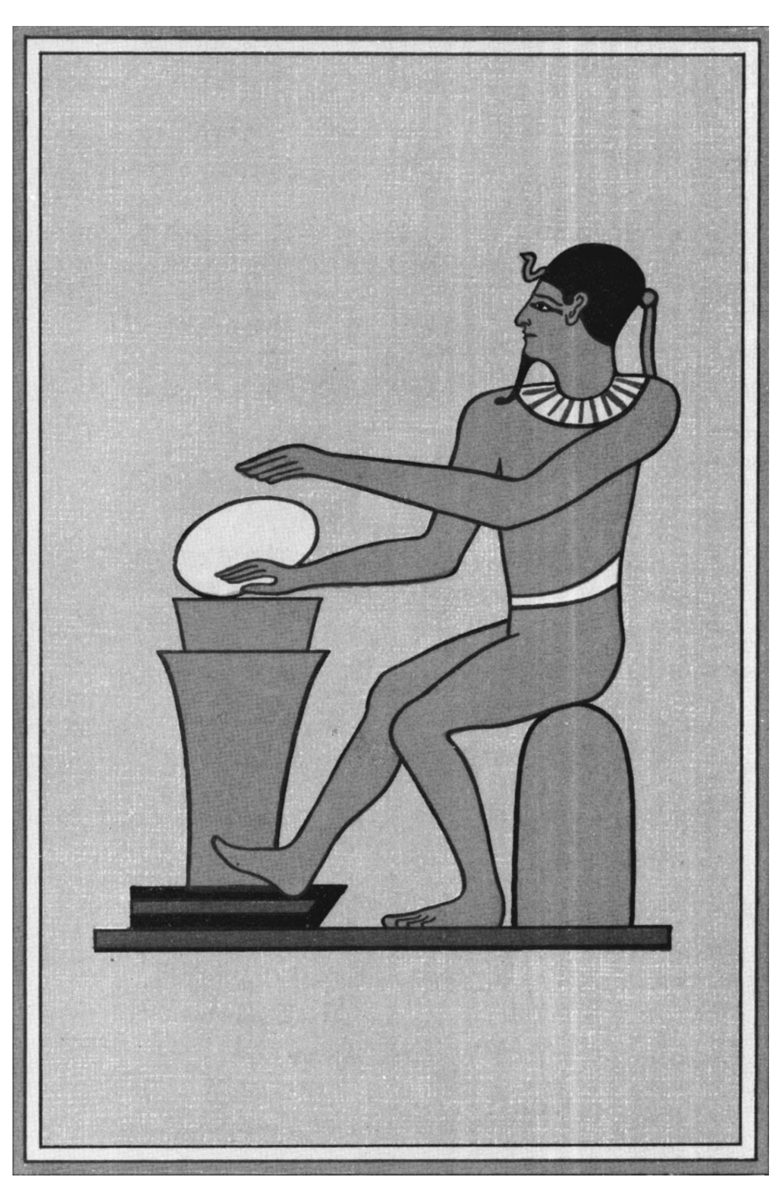
дующий за ним, показывает, что *птах* можно перевести как «открывать» в смысле «вырезать, высекать» и т. п. (сравним с евр. פִּתּוּחַ, «резьба, скульптура»). Доктор Бругш предлагает интерпретировать имя Птах как «скульптор, резчик», и тексты всех периодов содержат ясные доказательства того, что Птах был главным божеством всех ремесленников и тех, кто работал с металлом и камнем. К сожалению, невозможно сказать, какова была изначальная форма этого божества, но, судя по тому, как именовали его египтяне династического периода, основные характеристики Птаха оставались неизменными на протяжении многих веков, начиная от эпохи II династии до времен Птолемеев и римлян. В древнейший период его отождествляли с одним из главных изначальных богов Египта и называли «величайшим богом, воссуществовавшим в начале времен», «отцом отцов, Силой сил», «отцом начал и создателем яйца [яиц] солнца и луны», «господином Маат, царем обеих земель, богом Прекрасного Лика в Фивах, создавшим свой собственный образ, сотворившим свое собственное тело, утвердившим Маат в обеих землях»[1], «Птахом, Диском небес, освещающим обе земли огнем двух своих очей»[2].

В тексте Тети (строки 87, 97) упоминается «мастерская Птаха». Судя по общему смыслу фрагментов, египтяне верили, что именно Птах создает новые тела, в которые вселяются души умерших, дабы жить в загробном мире. Далее по отрывкам из Книги мертвых мы увидим, что Птах считался великим мастером в работе с металлами, и он не только выплавлял, отливал и выковывал все, что существует в мире, но выступал также главным архитектором. Греки и римляне совершенно справедливо отождествляли одну из форм Птаха с Гефестом и Вулканом.

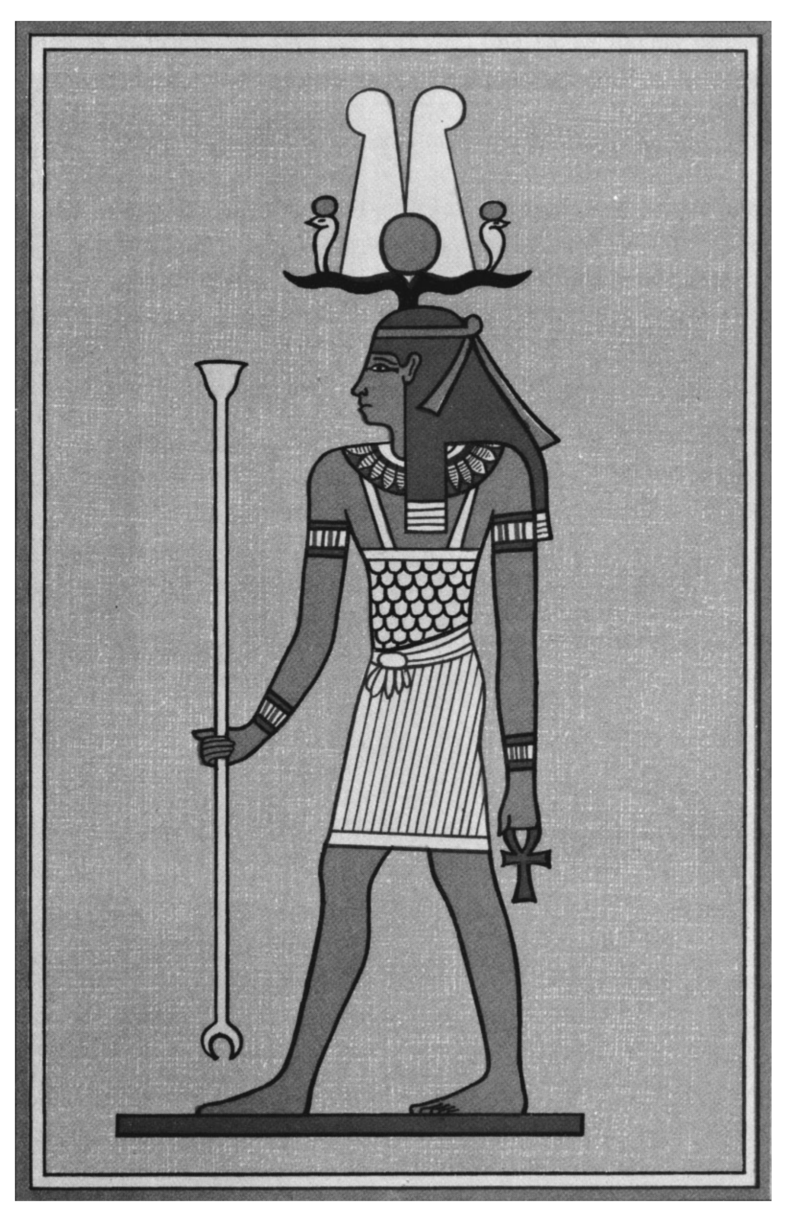
1 (*Lanzone*. Dizionario. P. 240).

2 (Ibid).

Птах создает Мировое яйцо на гончарном круге

Вместе с Хнумом Птах претворял в жизнь повеления, исходящие от Тота во время создания мира. Если Хнум занимался созданием людей и животных, то Птах отвечал за построение неба и земли. Огромная прямоугольная металлическая плита, которая являлась полом небосвода и крышей неба, была выкована Птахом. Он и его помощники сделали опоры, поддерживавшие ее. В своей ипостаси архитектора вселенной он напоминает Тота, особенно в качестве «господина Маат». Его функции бога, выковавшего металлическое небо и поддерживающего его, пересекаются с функциями Шу. В других отношениях Птах был наделен признаками, которые обычно ассоциируются у нас с другими божествами. Так, в религиозных и заупокойных текстах упоминаются Птах-Усир (Птах-Осирис), Птах-Хапи, Птах-Нун, Птах-Сокар, Птах-Сокар-Осирис, Птах-Сокар-Атум, Птах-Татенен и другие. В Книге мертвых о Птахе в его различных воплощениях сказано следующее. В главе IV говорится, что он происходит из Великого Храма Старого [бога] в Иуну. В главе XI умерший произносит: «Я встану, как Хор, я сяду, как Птах, я буду могуч, как Тот, и я буду силен, как Атум». Из главы XXIII мы узнаем, что Шу или Птах проводил обряд «отверзания уст» богов металлическим ножом. В главе XLII ступни умершего отождествляются со ступнями Птаха. В главе LXIV (8) говорится, что этот бог покрыл небо хрусталем. Глава LXXXII представляет собой текст, с помощью которого человек превращается в Птаха, когда язык его становится подобен языку бога. В главе CXLV (67) упоминаются «письмена Птаха». В главе CLI A Имсети говорит умершему, что он «утвердил свой дом прочно, как повелел Птах». В главе CLIII (6) упоминается «крюк Птаха». В главе CLXVI сказано, что Птах сокрушил врагов умершего (см. также главу CLXXII, 10). В главе CLI волосы покойного сравниваются с волосами Птаха-Сокара, а в главе CLXX говорится, что этот бог помогает усопшему своим *хекере* [hieroglyphs] — оружием из божественного дома. В гимне Осирису (глава XV) к божеству обращаются как к «Уннеферу Хорахти» и «Птаху-Сокару-Атуму [hieroglyphs], в Иуну, господину скрытого места, творцу Хут-ка-Птаха» (то есть «Дома Двойника

Птах-Сокар

Птаха», или Мемфиса). Наконец, в главе CLXXXIII (15) упоминается Птах-Татенен и говорится, что он повелел высечь некие указы, касающиеся Хора, на «железной пластине».

Чаще всего Птаха изображают в облике бородатого человека с обритой головой в облегающей одежде, из разреза которой выглядывают его руки, держащие скипетр и символы «жизни» и «неизменности». С его шеи на спину спускается *менит*, символ удовольствия и счастья. Если бог стоит, то под его ногами находится подставка в виде знака *маат*, а в случаях, когда Птах представлен сидящим, на такой же подставке покоится его трон. Позади стоящей фигуры иногда изображается обелиск, или джед, символизирующий одновременно «неизменность» и ствол древа, в котором Исида спрятала тело Осириса. В формах Птаха-Нуна и Птаха-Хапи бог представлял собой слияние великого небесного ремесленника и архитектора с первозданными элементами земли и воды, причем отдельных изображений этих форм божества не существует.

А вот формы Птаха-Сокара, или Птаха-Сокара-Осириса , , и Птаха-Татенена стоит рассмотреть отдельно. Птах-Сокар является воплощением соединения первородной созидательной силы с формой неподвижных, инертных сил тьмы. Иными словами, Птах-Сокар — это форма Осириса как ночного солнца, то есть мертвого бога солнца. Сокара изображали в виде напоминающего Птаха мумифицированного человека с головой сокола. Его руки выглядывают из облегающего одеяния и сжимают символы власти и правления , , . Иногда у него голова человека, и в обеих руках он держит по ножу[1].

Изначально Сокар представлял силы тьмы или ночи, которые позднее стали отождествляться с формами ночного солнца, подобными Атуму. Его называли «великим богом, воссуществовавшим в начале, тем, кто покоится во тьме» . В главе XVII Книги мертвых (113)

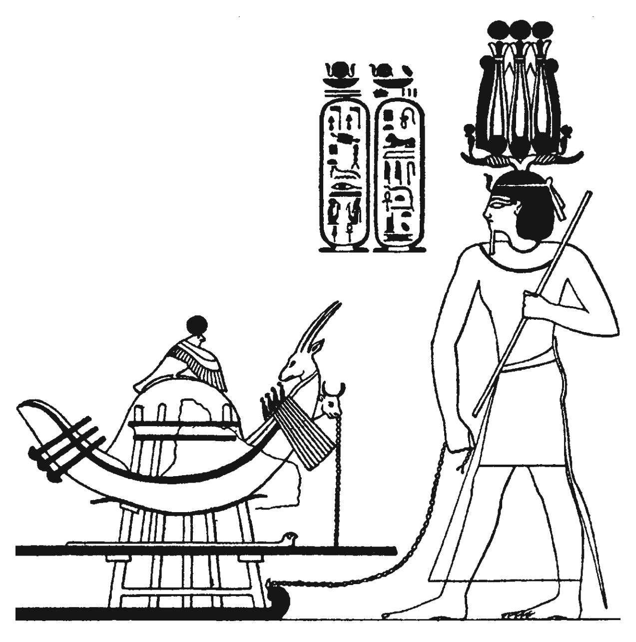
[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 368. № 4.

умерший молит избавить его от «великого бога, уносящего душу, поедающего сердца, питающегося внутренностями, сторожа тьмы, бога, который в ладье Сокара, ». В пояснении к этому отрывку, являющемся ответом на вопрос «Кто это?», говорится, что это либо Сути , либо Сема-Ур , душа Геба. Таким образом, ясно, что Сокар являлся древним духом или божеством, признаки и свойства которого были таковы, что он мог быть как врагом Ра Сетом, или Сути, так и душой бога земли Геба. Сравнительно рано Сокар стал богом той части загробного мира, которая отводилась для душ жителей Мемфиса и его окрестностей, и с определенной долей уверенности можно утверждать, что он считался богом-хранителем некрополя Саккары.

Сокар-Осирис

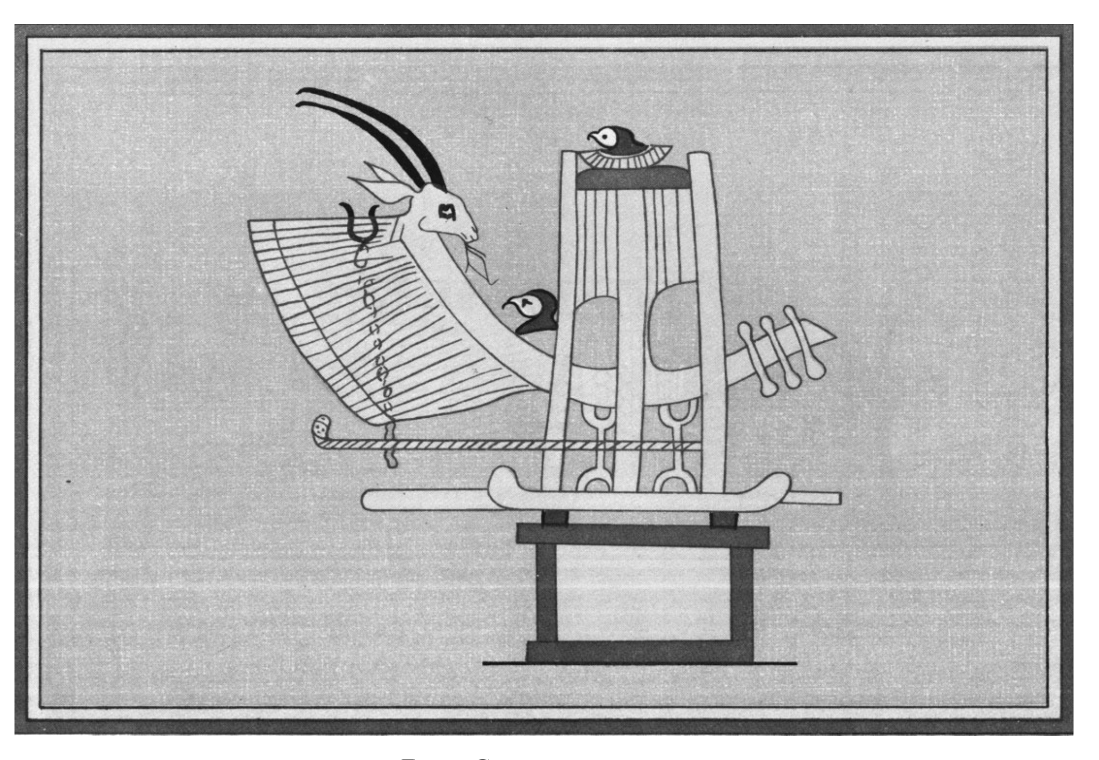
Ладья Сокара, упомянутая выше, часто изображалась на погребальных памятниках и папирусах и, очевидно, играла важную роль в торжественных священных обрядах. Она не была похожа на обычную ладью. Один ее конец располагался заметно выше другого и имел форму головы газели или антилопы, в ее центре находился тщательно запертый ящик, который защищал, простирая крылья, сидящий на нем сокол. В этом ящике находилось мертвое тело бога солнца Афа, или Осириса. Сам ящик стоял на чем-то вроде каркаса, снабженного полозьями, или салазках. На рассвете в великий день праздника Сокара, отмечавшегося во многих городах Египта, в тот момент, когда первые лучи солнца касались земли, происходила церемония установления ладьи Сокара на салазки. Этим ритуалом руководил верховный жрец Мемфиса, официально именовавшийся «Ур хереп хем» , то есть «великий владыка молота». Он должен был поднять

Птолемей Эвергет и Ладья Хенну

ладью Сокара и поставить ее на сани, а затем во главе процессии жрецов, тянущих ладью, обойти вокруг святилища. Этот обряд символизировал вращение солнца и других небесных тел, но до нас не дошли тексты, которые подтверждали бы это. Из надписей, найденных в Мемфисе и его окрестностях, мы знаем, что положение верховного жреца Птаха считалось очень почетным и начиная со времен II династии его занимали многие выходцы из самых знатных семей. Поскольку институт служителей Птаха существовал уже в те отдаленные времена, логично будет предположить, что и ладья Сокара существовала уже тогда, а церемонии, в которых она участвовала спустя века, проводились и в более ранний период. Когда возводились пирамиды, Сокар уже был древним божеством, и основные черты его культа должны быть столь же древними, как и он сам.

Ладья Сокара называлась «Хенну» [иероглифы]. Она несколько раз упоминается в Книге мертвых, в том числе и в

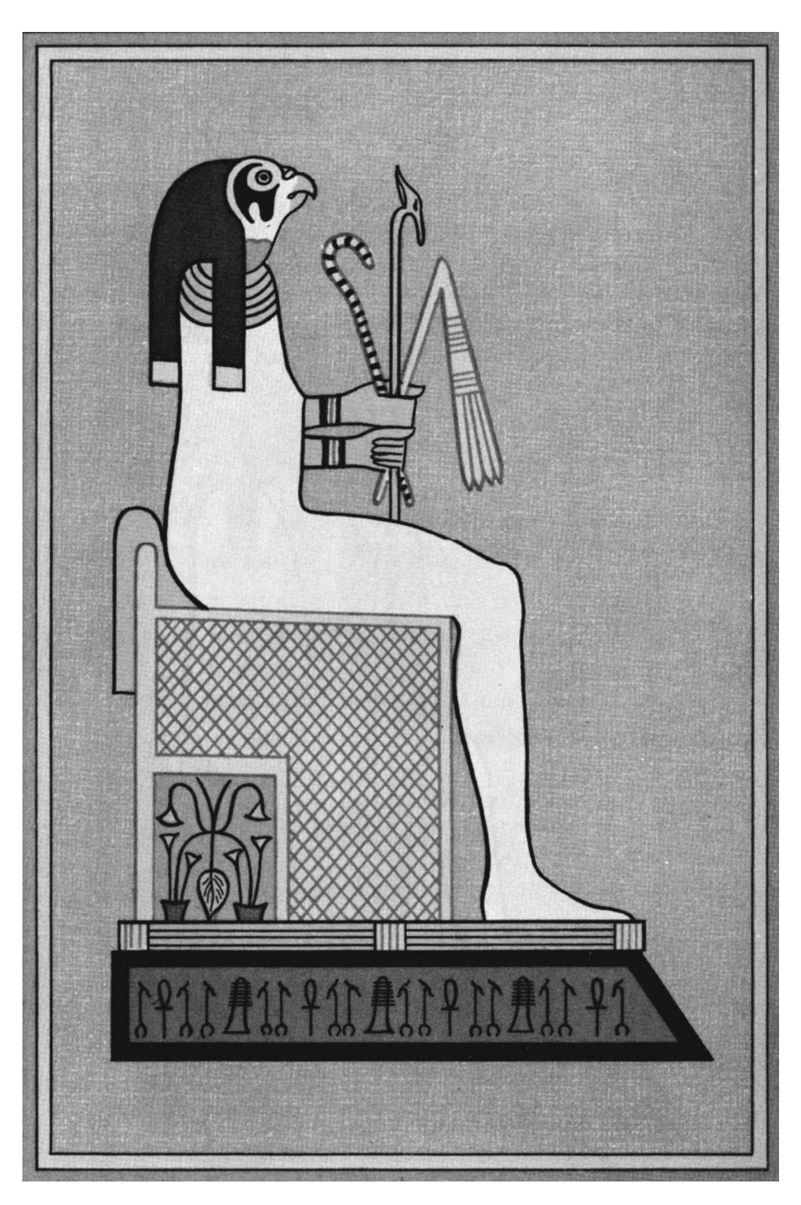

Ладья Сокара на салазках

связи с весьма важными традициями. Так, после главы LXIV следуют пояснения, сообщающие, что этот текст был найден в каменной кладке позади часовни Хенну в правление царя I династии Семти (Хесепти). Хенну, вероятно, был всего лишь богом ладьи Хенну, а часовней Хенну, должно быть, называлось святилище, где хранилась ладья. Самым ценным доказательством древности этой ладьи является хранящаяся в Британском музее табличка из эбенового дерева (№ 32650), изготовленная для Хемаки — визиря царя Семти, Хорово имя которого было Ден. На ней изображен царь, танцующий перед Осирисом. Бог восседает в святилище, к которому ведет лестница, а в нижнем регистре сразу под ним находится изображение ладьи Хенну. Ладья Хенну или Сокара, возможно, являлась формой ладьи Месектет, в которой солнце совершало вторую половину своего ежедневного путешествия и входило в загробный мир вечером. О Ра Старом говорили, что он подобен Хору, а Ра-Дитя — Сокару. В самом начале династического периода многочисленные святилища Сокара были разбросаны по всему Нижнему Египту. Однако, вероятно, еще до того, как культ Ра получил повсеместное распространение, Сокар стал отождествляться с Птахом. Он слился с ним, и обоих богов стали почитать вместе в одном храме. Изображения Птаха-Сокара очень интересны, поскольку в них отразились признаки и свойства двойного божества, и, кроме того, они доказывают, что именно Птах присвоил себе характеристики Сокара и что последний является более древним божеством. Птаха-Сокара часто изображают в виде человека, на голове у которого корона, составленная из диска, перьев, рогов и уреев с дисками на головах . Нечто похожее можно найти у Ланцоне[1], который приводит изображение бога, названного в данном случае «Птахом, чьи два пера высоки». На голове у бога находятся рога, перья и урей, другой урей венчает его лоб.

Еще одна любопытная форма — мумия с диском и двумя перьями Маат на голове[2].

[1] *Lanzone.* Dizionario. Pl. 94. № 4.
[2] Ibid. Pl. 95.

Сокар

В иных случаях Птах обычно представлен сидящим на троне позади Осириса. За ним следуют Анубис, Хор, сын Исиды, и Хатхор.

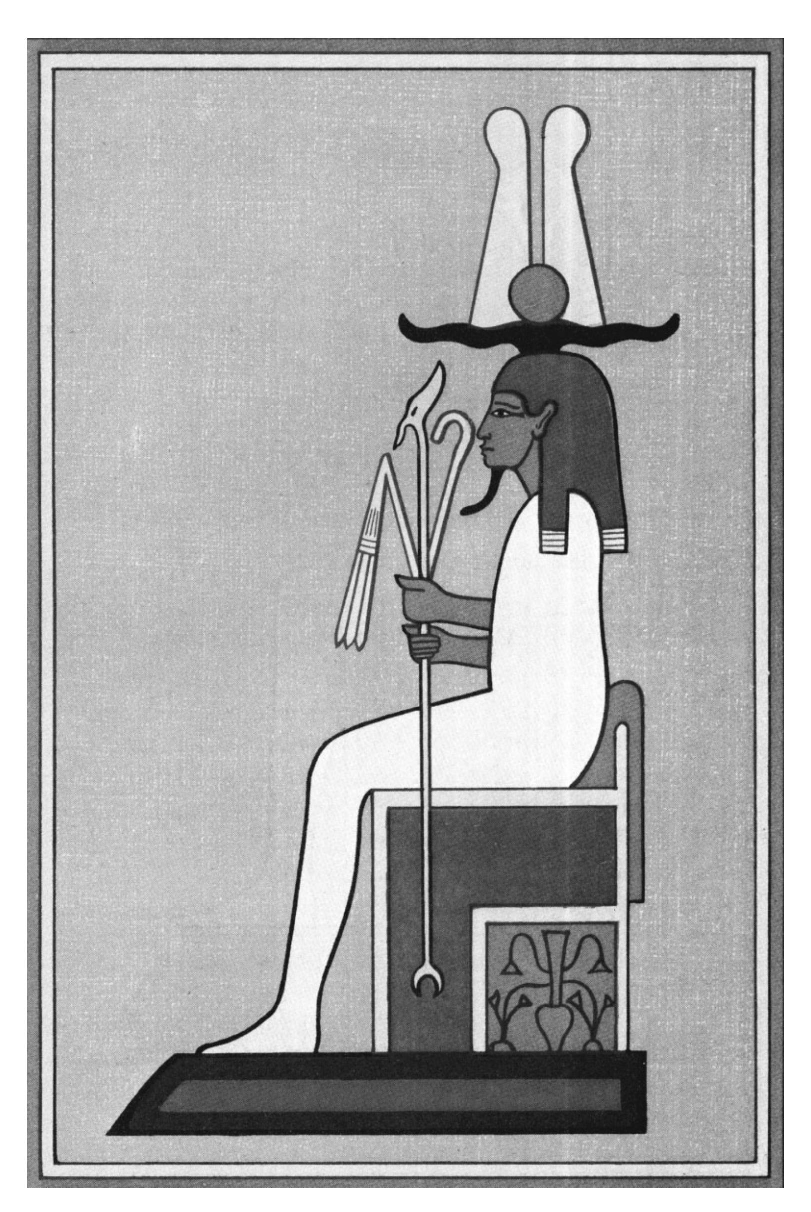
Птах-Сокар-Осирис — это божество, которое представляет Птаха и Сокара, объединенных с Осирисом. Все вместе они формируют известное тройное божество, изображения которого весьма разнообразны. Обычно этого бога представляют в виде сокола с Белой Короной и перьями на голове. Он стоит на низкой подставке, из переднего края которой поднимается змея. В таком виде Птаха-Сокара-Осириса часто изображали на раскрашенных саркофагах и погребальных ящиках. В папирусе Анхаи (Британский музей, лист 5) бог в облике человека с короной на голове сидит внутри святилища. Позади него стоят Исида и Нефтида. В данном случае он зовется «Пребывающим в тайном месте, великим богом, господином Та-джесерет, царем вечности, правителем бесконечности» . Перед богом висит шкура пестрого быка, которому отрубили голову. Кровь с нее капает в чашу. Сбоку на троне примостился Хор в облике сокола. Карниз святилища, в котором восседает Птах-Сокар-Осирис, состоит из уреев с дисками на головах, а перед ним стоят Мер, богиня Юга , в красном одеянии, и Мер, богиня Севера , в синем платье. Из общей композиции виньетки ясно, что во времена XXII династии Птах-Сокар-Осирис полностью отождествлялся с Осирисом. Одна из самых интересных форм изображения триединого божества — та, где он представлен в виде присевшего карлика с большой лысой головой и толстыми руками и ногами. На макушке у него обычно находится жук, но иногда и перья. Изучение вариаций этой формы доказывает, что Птах-Сокар-Осирис, как считалось, обладал мужской силой Имсу (или Мина), созидающей силой Хепри, которую символизировал скарабей, а также юностью и мощью Харпократа, обозначенной локоном волос сбоку. Иногда этот бог стоит на крокодиле и держит в каждой руке по змее, значит, он должен был обладать к тому же силой нескольких великих солнечных богов. Птах-Сокар-Осирис, по-

добно Осирису, является олицетворением и символом воскресения из мертвых, и его соответствующим образом описывают как «триединого бога воскресения». Более или менее очевидно, что это божество развилось из каких-то местных мемфисских верований или явилось результатом некоего компромисса между жрецами Осириса и жрецами древнего мемфисского бога. Однако мы не располагаем информацией относительно того, какое именно учение, верование или доктрина было связано с таинственным божеством, соединившим в себе характеристики Сокара, архитектора и строителя материального мира Птаха, саморожденного и самосозданного Хепри и дарующего вечную жизнь Осириса.

В заключение расскажем о связи Птаха с первозданным богом Тененом, или Та-ту-неном, или Та-чуненом, или Та-чу-ненетом. Как правило, он изображался в облике сидящего или стоящего человека с короной на голове, который держит в руках символы власти и господства, и. На иллюстрации, приводимой Ланцоне[1], бог сидит на некоем овальном предмете.

На другой он представлен рядом с гончарным кругом, который вращает ногой. На круге находится яйцо, и бог формирует из него мир. Также Татенен изображался с кривым мечом в правой руке. Это позволяет предполагать, что в одной из своих форм он олицетворял разрушающие силы природы или являлся богом-воином. Тенен, или Татенен, возможно, был одним из самых древних богов Нижнего Египта и воплощал силы природы. Более точное описание, видимо, было неизвестно самим египтянам. В начале династического периода жрецы сочли, что Птаха, местное божество Мемфиса, можно отождествить с Тененом, или Татененом, и его имя было присоединено к имени более древнего божества, так же как позднее имя Амона соединилось с именем Ра. Позднее Тенен и Татенен стали просто формами и именами Птаха. Из гимна Птаху-Татенену, сочиненного, вероятно, во времена

[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 401. № 3.

Татенен

XX или XXI династии, понятно, что в имени Та-Тенен «Та», несомненно, означает «земля», а «Тенен», возможно, связано со словом *энен* или *нен*, что означает «инертность, неподвижность, покой» и пр. Если это предположение правильно, то Та-Тенен должен быть божеством, представляющим неподвижную, но живую земную массу.

Отрывок, на котором мы основываемся, весьма труден. Видимо, его следует читать так: «Дана была тебе Сехем (то есть Власть) над землей в ее созданиях, что были неподвижны, и ты собрал их воедино после того, как воссуществовал в своей форме Та-Тенена, став «Объединителем обеих земель», которую зачали уста твои и создали руки твои»[1].

Доктор Бругш предположил, что автор текста не объяснял здесь происхождение имени Тенен, или Та-Тенен, а просто использовал игру похоже звучащих слов. В вышеупомянутом гимне Птаху-Татенену к богу обращаются так: «Приветствие тебе, о Птах-Татенен, ты великий бог, чья форма сокрыта! Ты открываешь душу свою и пробуждаешься в мире, о отец отцов всех богов, ты Диск небес! Ты освещаешь нас Очами своими, и ты озаряешь землю блистающими лучами своими в покое». В следующих строках он называется «прародителем людей», «созидателем их жизней», «творцом богов», «тем, кто проходит сквозь вечность и бесконечность», «обладающим многими формами», «слышащим молит-

[1] .

вы, с которыми взывают к нему люди», , «создателем своих собственных членов» , сотворившим свое тело, «когда еще не были созданы земля и небо и когда не излились еще воды» . «Ты связал воедино землю, ты собрал вместе члены свои, ты обнял члены свои, и ты оказался тем Единственным, кто сделал место свое и кто создал (или вылепил) обе земли[1].

Не было у тебя отца, чтобы зачать тебя в форме твоей, не было у тебя матери, чтобы родить тебя; ты создал себя без помощи иного существа. Полностью готовый, вышел ты полностью готовым»[2].

Далее упоминается «твой старый сын» , то есть Ра, и рассеивание ночи и тьмы солнцем и луной, которые названы «Очами» Птаха-Татенена. Гимн продолжается: «Ноги твои на земле, и голова твоя в выси в форме твоей пребывающего в Дуате. Ты поднимаешь работу, которую ты сделал, ты поддерживаешь себя своей собственной силой, и ты подпираешь себя мощью своих собственных рук.... Верхняя часть тебя — это небо, и нижняя часть тебя — это Дуат . Ветры исходят из ноздрей твоих, и небесная вода из уст твоих, и хлеб насущный (то есть пшеница, ячмень и т. д.) произрастает из спины твоей; ты заставляешь землю приносить плоды, и у людей и богов всего в

достатке, и видят они скот Мехет-урет на поле твоем. Когда отдыхаешь ты, наступает тьма, а когда открываешь ты очи свои, появляются лучи света. Ты сияешь в своей хрустальной форме по [воле] твоего величества... Боги твоей великой эннеады восхваляют тебя, и они приветствуют тебя, когда ты восходишь, и поют тебе гимны, когда ты заходишь в землю жизни». Через несколько строк Птах-Татенен назван «великим богом, который распростер небо, который сделал так, что диск его вращается в теле Нут и входит в тело Нут в имени его Ра, Слепившим богов и людей, и все, что было создано, творцом всех земель и стран и Великого Зеленого Моря в имени его Хепер-та, Приносящим Хапи, от его источника, заставившим расти хлеб, создавшим зерно, которое исходит из него в имени его Нун Старый, делающим плодородным водное пространство небес, заставляющим воду снисходить на горы, чтобы даровать жизнь мужчинам и женщинам, в имени его Ири-анх, Создателем Дуата со всем его устройством, отводящим пламя от тех, которые живут в углах своих, в имени его Несу-тауи, Царем вечности и бесконечности, господином жизни». Вот некоторые другие эпитеты этого божества, встречающиеся в гимне: «Дитя, рождающееся каждый день», «Старик, что на границах вечности» «Старик, пересекающий вечность», «Неподвижный, распространивший во все свои стороны», «Возвышенный без своей силы», «Господин скрытого трона, скрыт он», «Скрытый, чья вечная форма неизвестна», «Господин лет, даритель жизни волей своей».

Все вышеприведенные отрывки убедительно доказывают, что бог Птах-Татенен был очень важен для египтян около 1100 лет до н. э., то есть во времена, когда, судя по палеографическим особенностям, был записан этот гимн. У нас нет оснований думать, что он потерял свою значимость на протяжении последующих лет египетской истории. Считается, что папирус, содержащий этот текст, был обнаружен в Фивах. Стиль письма, бесспорно, очень напоминает изящную уверенную руку автора великого папируса Рамсеса III, правившего Египтом около 1200 г. до н. э., также найденного в Фивах. Довольно странно обнаружить в городе Амона-Ра, царя богов, папирус с гимном в честь Птаха-Татенена, бога Мемфиса, в котором он к тому же наделялся свойствами всех великих египетских богов. И тем не менее это именно так. Тот факт, что триада Птах, Сехмет и Нефертум почиталась в Фивах, лишний раз свидетельствует о том, что жрецы Гелиополя имели большое влияние на умы жителей Фив на протяжении практически всей истории Египта начиная с VI династии.

Вернемся теперь к Птаху в его простейшей форме. Основным центром его культа был город Мен-нефер, то есть Мемфис, столица Инеб-хедж, первого нома Нижнего Египта. В религиозных текстах Мемфис обычно называют: 1. Ха-нефер, ; 2. Хут-ка-Птах[1], ; от этого названия происходит греческое название Египта Ἄιγυπτος; 3. Ахет-тауи, то есть «горизонт обеих земель»; 4. Хут-ка-хнем-нечеру[2], ; 5. Инебу, то есть «город стен»; 6. Маха-тауи, то есть «Весы обеих земель». В Мемфисе или в его окрестностях находились храмы Птаха, Сехмет, Бастет, Хатхор, Осириса, Сокара и Имхотепа, но самым важным был Хут-аа, «дом Старого», то есть Ра. В храме Анх-тауи находились

[1] То есть «Дом Двойника Птаха».
[2] То есть «Дом Двойника, объединяющего богов».

Усир-Хапи (Серапис)

священные деревья — персея и акация. В Хекенут почитался Осирис, а в Хут-утет, то есть «доме прародителя», отправляли культ Хнума. Еще существовали священные места, называвшиеся «Путь Анубиса», и Та-хут-па-Итен, то есть «Дом Диска». В Тепех-джат росло еще одно священное дерево.

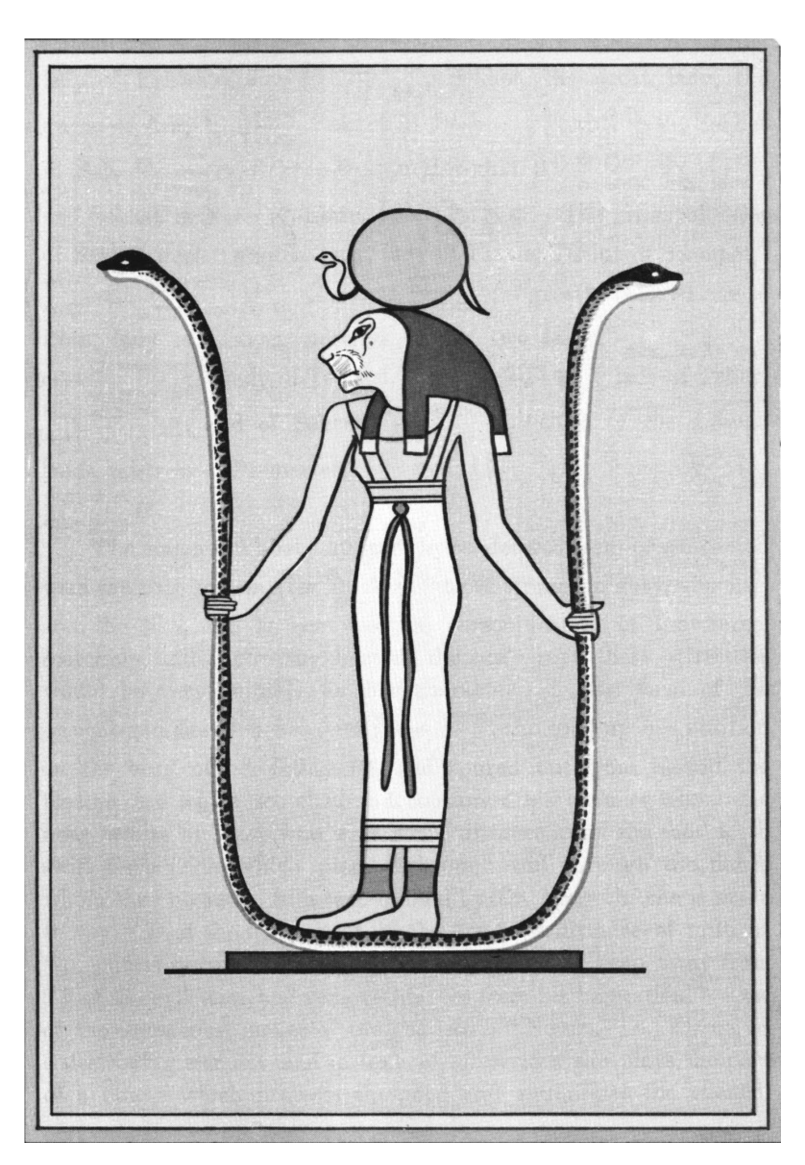
Серапеум, который господин Мариет открыл в 1868 г., был известен как «Хут-нечер пер эн Усир-Хап». Местность, называвшаяся Бахтет, была центром культа Сокара. В районе Па-пенат почитали Бастет. Осирису поклонялись в Хекенут, Хатхор в Семен-Маат Хнуму в Уафет. У Птаха, Сехмет и их сына Имхотепа были особые храмы, где почитали только их. В иероглифических текстах город Мемфис часто назван «Инеб», или, или, то есть «Стены». Несомненно, это наименование было присвоено ему из-за мощных укреплений. Раз в год жрецы Птаха-Сокара-Осириса устраивали торжественное шествие. Процессия, к которой обычно присоединялся и фараон, возглавляемая жрецом-семом, обходила вокруг стен Мемфиса; возможно, неся изображение тройного божества. Собственно Птаха почитали в храме, расположенном в восточной части города, который назывался «Инеб-иабет», храм Татенена носил имя «Инеб-Ичи», а Птаху-Сокару-Осирису поклонялись в святилище

«Инеб-рес-ф», то есть «его южная стена» в южной части города. Весь город носил название «Белая Стена», о чем упоминает Геродот (III, 91)[1].

Главным женским дополнением Птаха являлась богиня Сехмет. Она была одновременно его сестрой и супругой и матерью его сына Нефертума, а также одной из форм богини Бастет. Как правило, ее изображали в виде женщины с головой львицы, которую венчал солнечный диск, окруженный уреем. Однако иногда диск отсутствует, и на голове богини находится только урей. Имя Сехмет встречается в Текстах пирамид (Унис, 390). После утверждения, что Унис произошел из бедер девятки богов, говорится, что он был зачат Сехмет, Шесхентет и Сотис. В относительно поздние династические времена Сехмет и Бастет отождествлялись с формами Хатхор и считались богинями запада и востока, соответственно, точно так же, как Нехбет и Уаджет были богинями юга и севера. У обеих богинь были головы львиц, но на Сехмет было красное платье, в то время как Бастет была одета в зеленое. Существовало несколько особых форм Сехмет, а именно: Сехмет, госпожа Рехет; Сехмет, госпожа Са; Сехмет, госпожа Рехесауи, Сехмет, великая госпожа, царица Инет; Сехмет в Бишу; Сехмет в Сах, Сехмет-Нут в Хут-хат и Сехмет в Нефер(?)-Шуу. Основными эпитетами Сехмет были: «Могущественная госпожа, госпожа Пламени, Тефнут в Сенемет»[2], «великая возлюбленная Птаха, госпожа небес, владычица обеих земель», «госпожа Тепнефа», «госпожа Джара и Сехерт

[1] ἐν τῷ Λευκῷ Τείχεϊ τῷ ἐν Μέμφι.

[2] Вариант: .

Сехмет

[иероглифы]», «властительница ливийских земель, госпожа Памертет [иероглифы]».

Имя Сехмет происходит от корня *сехем* [иероглифы], «быть сильным, могучим, яростным» и т. п., или связано с ним. Эти определения как нельзя лучше подходят для описания характера богини, поскольку она являлась воплощением яростных, палящих, сжигающих солнечных лучей. В форме богини-змеи Мехенит [иероглифы] она занимала место на голове своего отца Ра и изрыгала пламя, опаляющее и пожирающее приблизившихся врагов, в тех же, кто находился дальше, она выпускала огненные стрелы, пронзавшие их насквозь. В тексте, который приводит доктор Бругш[1], она произносит: «Я испускаю яростный жар пламени на расстояние в миллионы локтей, что между Осирисом и его врагом, и я не допускаю до него злодеев и изгоняю недругов его из его жилища». Одним из самых часто встречающихся имен богини было «Несерт», то есть «Пламя» как разрушительная сила. В текстах всех периодов Сехмет выступает в качестве силы, защищающей добродетельных и уничтожающей порочных.

В этом аспекте Сехмет можно сравнить с Уаджет, которую называли «Госпожой пламени». Мы уже говорили, что в некоторых отношениях Сехмет можно рассматривать как форму Хатхор и Нейт. Действительно, иногда она именуется так же, как и эти богини, например «Госпожой Иментет, госпожой Ману (то есть горы заходящего солнца), царицей ливийских земель» и т. д. Судя по всему, это указывает на западное или ливийское происхождение богини.

В связи с Сехмет и ее взаимоотношениями с Хатхор, Нейт и Маат следует рассказать о Семерых Мудрецах богини Мехет-урет, которые вместе с Тотом [иероглифы] спланировали мир. Они родились от богини Мехет-урет [иероглифы], у ног Нуна [иероглифы], в своем доме в Нехет-ресит [иероглифы]. Они вышли из воды, из зеницы Ока Ра, приняли вид семи соколов и улетели ввысь. Вместе с Исденом [иероглифы] (формой Тота) они по-

[1] *Brugsch*. Religion und Mythologie. P. 520.

кровительствовали наукам и письменности. Имена Семерых Мудрецов: Нефер-хати, Апер-пехуи, Неб-Дешеру, Ка, Бик, Хех и Син[1].

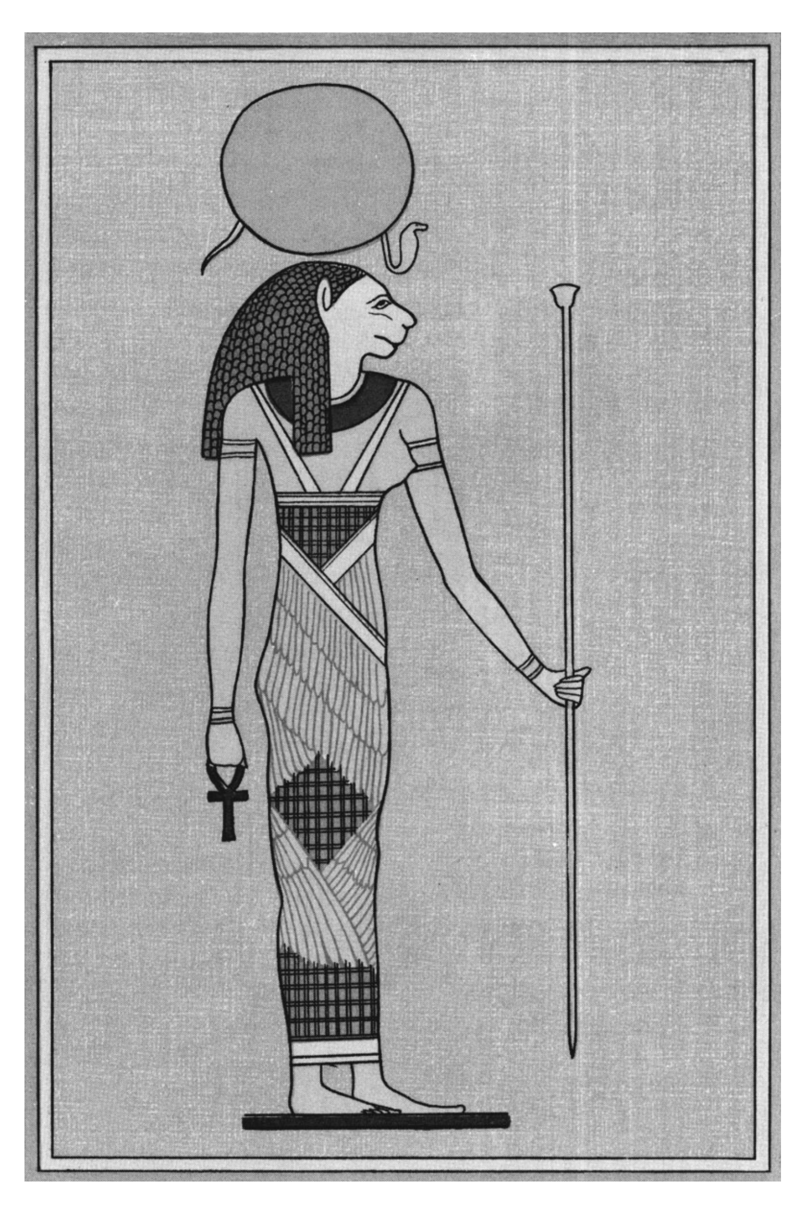
Птах в качестве главного архитектора и ремесленника, претворившего в жизнь задуманное Тотом и его Семерыми Мудрецами, обладал, в некоторых отношениях, и их качествами. Они же частично перешли к Сехмет, являвшейся его женским дополнением. По сути, бог Тот был лишь воплощением разума Птаха. Именно поэтому Сехмет стала отождествляться с богиней Маат, неотъемлемым дополнением Тота. Поскольку Тот был частью Птаха, то Маат стала и женским дополнением Птаха и формой Сехмет. В одном из эпитетов, упомянутых нами, Сехмет отождествляется с Тефнут, женским дополнением Шу. Это неудивительно, учитывая, что Тот был всего лишь гермопольской формой Шу. Тефнут была его женским дополнением. Соответственно, как Птах вобрал в себя Тота, то есть Шу, так и женское дополнение Птаха (то есть Сехмет) вобрала в себя женское дополнение Тота, или Шу, то есть Тефнут. Многие тексты называют Сехмет «Оком Ра», а в сцене, воспроизведенной Ланцоне[2], богиня предстает в облике женщины с *Уджат*, вместо головы, стоящей на коленях на прямоугольном троне, при этом позади нее находится сокол с распростертыми крыльями. В этом случае Сехмет именуется «Великой госпожой, возлюбленной Птаха, священной, могущественной, пребывающей в Иат-Тефнут.

Мы уже говорили о маленьких фаянсовых фигурках Птаха-Сокара-Осириса, представлявших союз сил трех великих богов, чьи имена в данном случае были объединены. Добавим, что на спине у некоторых из них можно различить очертания некой богини, которая могла бы являться любой из богинь, обычно изображаемых с львиной головой. Однако в данном случае мы имеем дело с богиней Бастет. Некоторое вре-

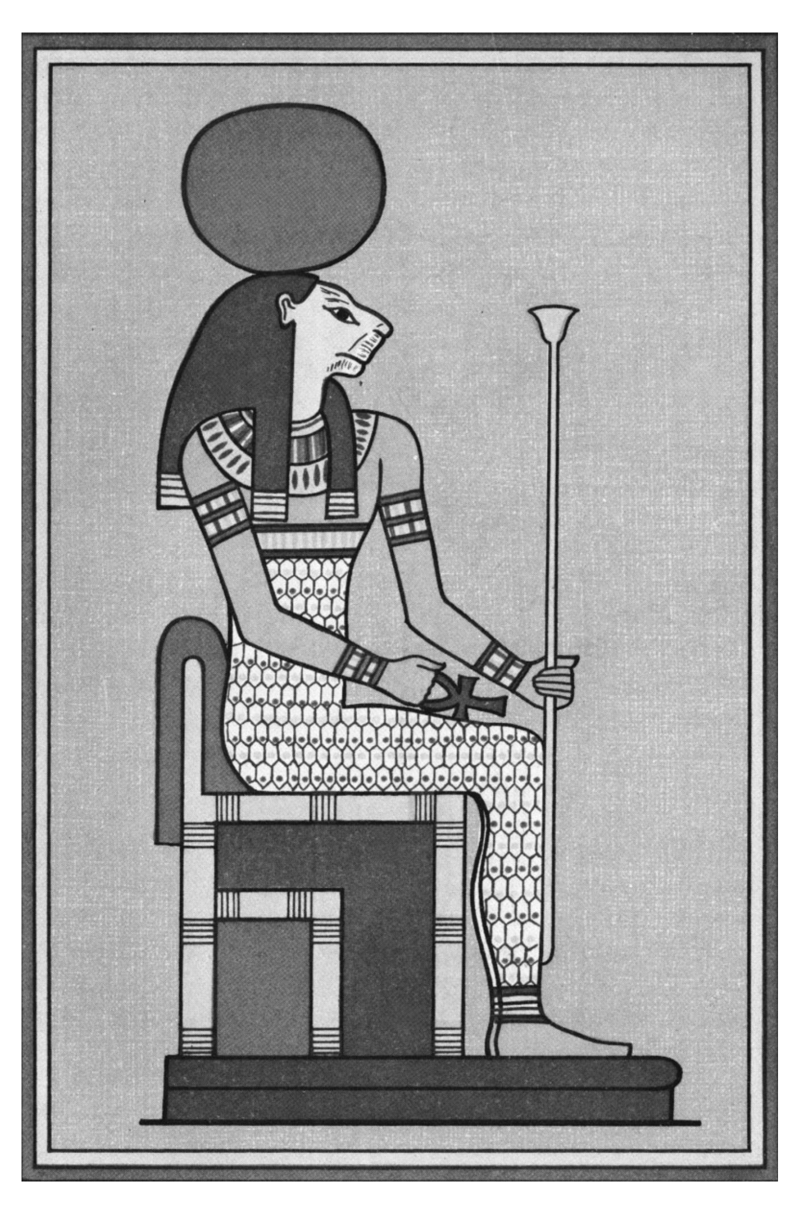
---

[1] , , , , , , .

[2] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 364. № 3.

Сехмет

Богиня Сехем

мя египтологи путали ее с Пехет, или Пахет, или Пех, — богиней-кошкой или богиней-львицей города Пехит, в честь которой в скале неподалеку от современного поселения Бени Хасан в Верхнем Египте был высечен храм Пахет. Этот храм еще известен как «Спеос Артемидос». Имя Пехет, или Пахет, или Пашет, означает «разрывающая» и, естественно, является как нельзя более подходящим для богини, обладавшей свойствами кошки или львицы. Ее называли госпожой Инет и Сет или, нома, столицей которого был город Пехет. Она именовалась «госпожой Сепедет», то есть звезды Сотис, и отождествлялась с Исидой, одной из форм Хатхор, а также одной из форм Сехмет. В большой надписи в Бени-Хасане (18) упоминается Хор Пахет, из чего можно сделать вывод, что Пахет была тем или иным образом связана с одной из форм Хора и была очень важным местным божеством.

Возможно, Бастет являлась женским дополнением триединого бога Птаха-Сокара-Осириса и обладала функциями и признаками, которые сегодня невозможно четко определить. В качестве природной силы она олицетворяла нежное, возрождающее, дарящее жизнь солнечное тепло. В поздний династический период Бастет, Сехмет и Ра сформировали божество, известное нам по главе CLXIV Книги мертвых. На виньетке Сехмет-Бастет-Ра изображена в виде женщины с головой мужчины, ее руки соединены с крыльями, а из головы или шеи высовываются головы двух грифов; у нее есть фаллос и львиные когти. Одна голова грифа напоминает голову Пахет, ее венчают два пера, а другая выглядит как обычная голова грифа, и на ней, судя по всему, тоже перья. На мужской голове объединенные короны Юга и Севера, которые наряду с фаллосом указывают, что тело женщины, в данном случае называемой Мут, обладало производящей и генерирующей силой Ра.

Текст главы очень любопытен. Он гласит: «Приветствие тебе, о Сехмет-Бастет-Ра, ты владычица богов, ты, обладающая

крыльями, госпожа красного одеяния , царица корон Юга и Севера, Единственная, повелительница своего отца, превыше которой не могут быть боги, могущественная заклинаниями (или словами силы) в Ладье Миллионов Лет, ты превосходящая, которая восходит на место тишины, мать Пашакасы , царица Парехака-Хеперу , владычица и госпожа гробницы, Мать на горизонте неба, милостивая, возлюбленная, подавляющая смуту, приношения в распоряжении твоем, и стоишь ты на носу ладьи отца твоего божественного, чтобы сокрушить Кеду[1].

Ты поместила Маат на носу ладьи его. Ты огненная богиня Ими-серефет, , которая не упустит своей возможности; имя твое Текахареса-пусаремкаиремет, . Ты словно могучее пламя богини Сакенакат , что на носу ладьи отца твоего Херепугакашарешабау , ибо вот это имя [его] на языке негров, и инти, и народа Та-кенсет (Нубии). Хвала тебе, о Госпожа, более могущественная, чем боги, слова молитв поднимаются к тебе от Восьми Богов Гермополя. Живые души, которые в своих скрытых местах восхваляют тайну твою, о ты, кто есть их мать, ты источник, из которого они вышли, кто дает им место в скрытом загробном мире, кто делает здоровыми их кости и охраняет их от ужаса, кто делает их сильными в обители вечности, кто охраняет их от страшной комнаты душ Хес-хери[2], , кто в совете богов. Имя твое Сефипер-ем-Хес-хри-хапу-джет-ф, ».

На виньетке по обеим сторонам от Сехмет-Бастет-Ра изображены толстые карлики с двумя лицами, одно из которых

[1] , имя демона.

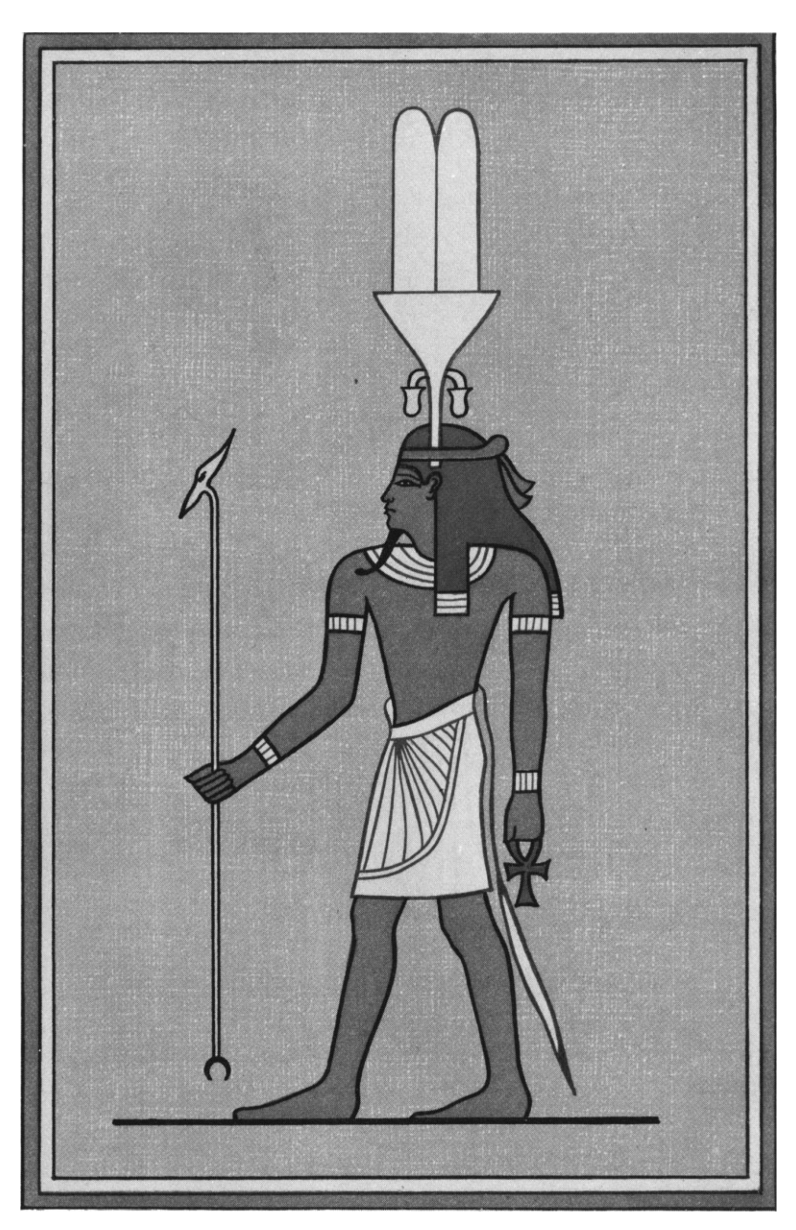
[2] То есть «бога с ужасным ликом».

человеческое, а другое — соколиное. У каждого на голове диск с перьями, и каждый поднимает одну руку на манер Имсу, то есть Мина. Имя первого карлика Итаре-им-джер-гемту-рену-па-шета, а второго Па-немми-немми. Наконец, последнее имя Сехмет-Бастет-Ра звучит как «Уджат-Сехмет-урет-хенут-нечеру». Она считается порождением Мут, «которая делает души подобными богам, которая делает тела здоровыми, которая выносит их из обители демонов, что в комнате зло-го». Согласно пояснениям, умерший, для которого изготовлены изображение богини и двух карликов, станет подобным бессмертным, и черви не съедят его тело, и душа его никогда не будет связана, и он будет пить воду из истока реки, и у него будет свое жилище в Сехет-Иару, и он станет звездой небесной, и он сразится и сокрушит демонов Тара и Некиу.

Третьим членом мемфисской триады является Нефертум, или Нефер-Тему, — сын Птаха и Сехмет или Птаха и Бастет. Обычно его изображали в облике человека, держащего в руках либо скипетр *джам* символ жизни, или скипетр в виде лотоса, увенчанный перьями. В этих формах он именуется «Нефер-Тем ху тауи» или «Нефер-Тем ху тауи анх рехит». Маленькие статуэтки этого бога из зеленого и голубого фаянса изображают его стоящим на льве. Иногда его голову венчает цветок лотоса или цветок лотоса и перья[1].

В некоторых случаях у Нефертума была голова льва, а его тело имело вид мумии. Тогда его руки высовывались из облегающего одеяния, и он сжимал в них скипетр *джам* и цеп. Цветок лотоса был связан с Нефертумом в древнейшие времена, и доказательства этому можно найти в Текстах пи-

[1] *Lanzone*. Dizionario. Pl. 147, 148.

Нефер-Тему

рамид. Так, в тексте Униса (392) мертвый царь сравнивается с лотосом у ноздрей Великого Сехема, , а чуть ниже говорится: «Унис поднялся, подобно Нефертуму, из лотоса к ноздрям Ра, и он выходит из горизонта каждый день, и боги освящаются видом его»[1].

В фиванской редакции Книги мертвых (XVII, 24) встречается отрывок, который показывает, что признаки и функции Нефертума не были обозначены четко и что он был связан с целым рядом богов, причем связь эту подчас довольно трудно объяснить. Умерший молит Ра избавить его от бога, «чей облик скрыт и чьи брови как две перекладины Весов в ночь отсчета разрушения». В ответ на вопрос «Кто это?» следует ответ: «Это Ин-а-ф», то есть «бог, который приносит свою руку» [2], которого обычно рассматривают как одну из форм Имсу, или Мина.

Слова «ночь отсчета разрушения» объясняются тем, что речь идет о сожжении проклятых и казни грешных на плахе бога тем, кто зовется «Убийцей душ» , Денед-бау. Мнения египетских богословов об этом божестве сильно различались. Некоторые считали, что это бог Шесму[3], — палач Осириса, а другие думали, что это Апоп с одной головой, или Хор с двумя головами, или Хор Великий Сехема, или Тот, или Нефертум, или Сопду .

Если помнить, что Нефертум — это «юный Тем (Атум)», то есть бог восходящего солнца, и что некоторые формы Хора и Сопду также олицетворяли восходящее солнце в разных его аспектах, то становится очевидно, что Шесму и Апоп должны были иметь нечто общее с сыном Птаха и Сехмет. Из версий А и В главы LXXXI мы узнаем, что умерший имел возможность превратиться в лотос. В первой версии он утверждает: «Я чистый лотос, вырастающий из божественного блеска, что принадлежит ноздрям Ра». Во второй мы читаем: «Приветствие тебе, Лотос, ты бог Нефертум! Я тот, кто знает тебя, я знаю

[1] .

[2] Он был одним из сорока двух Заседателей в Зале Маати.

[3] См.: Книга мертвых. CLIII A, 8, 31, 32; CLIII, 5; CLXX, 6.

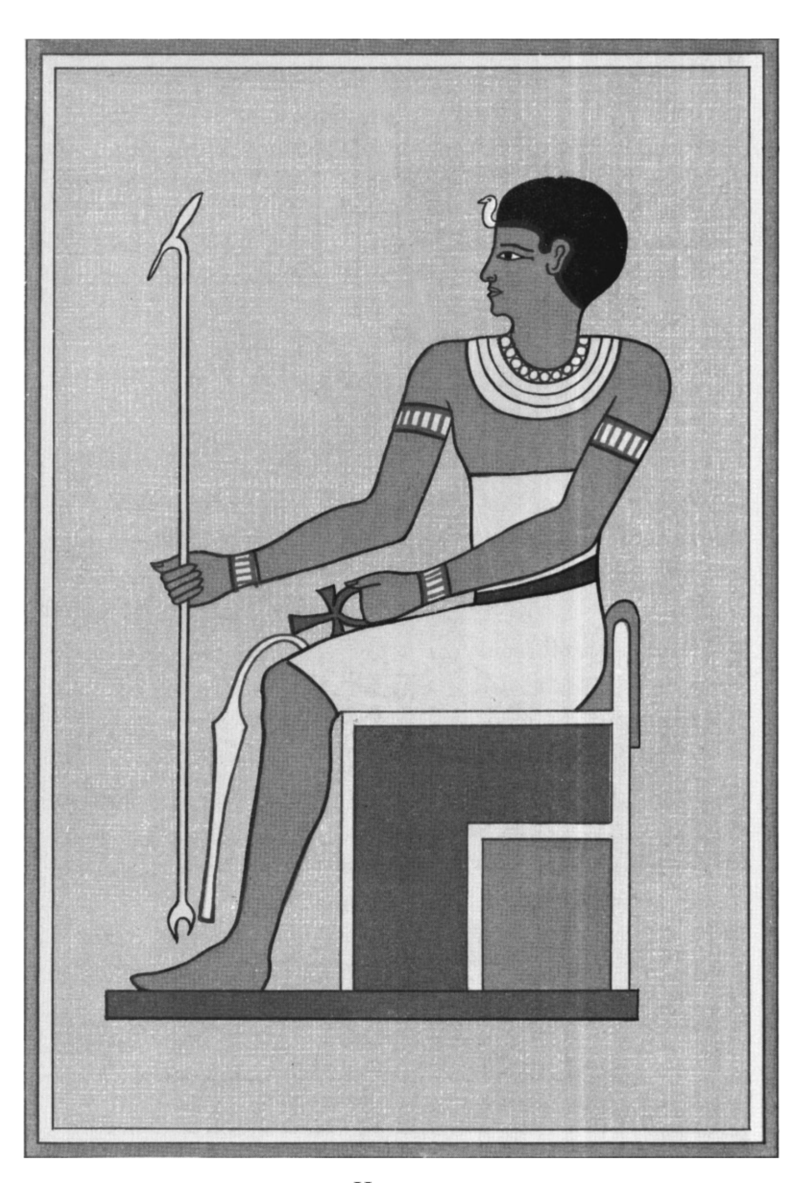
имена твои среди богов, властителей загробного мира, и я один из вас». На виньетке к первой версии изображен лотос, а ко второй — вырастающий из пруда цветок лотоса и бутонами, из которого возникает человеческая голова, то есть голова умершего.

Идея, нашедшая отражение во второй виньетке, видимо, возникла в голове писца, каждый день наблюдавшего, как солнце встает над затопленными землями Дельты, где в изобилии произрастают лотосы. В Книге мертвых (CLXXIV, 19) умерший говорит: «Я поднимаюсь, подобно Нефертуму, который есть лотос у ноздрей Ра, когда он восходит над горизонтом каждый день». В Книге мертвых (CLXXVIII, 36) Нефертум имеет тот же эпитет. Отметим также, что Нефертум был тридцать четвертым Заседателем в Зале Маати и умерший обращался к нему следующим образом: «Приветствие тебе, Нефертум, который происходит из Хут-ка-Птах (Мемфиса), я не действовал обманом, и я не делал зла». В поздних египетских текстах Нефертум отождествляется с целым рядом богов. Практически все они являются формами Хора и Тота, и поэтому мать каждого из них становится и матерью Нефертума.

Тексты свидетельствуют, что помимо Нефертума третьим членом великой триады Мемфиса считался еще один сын Птаха по имени Имхотеп [hieroglyphs]. Греки называли его Ἰμοῦθης. Он обладал многими качествами, роднящими его с греческим богом Асклепием. Имя «И-эм-хетеп» означает «тот, кто приходит с миром», и оно хорошо подходило богу, научившему, как считалось, людей искусству врачевания. Как и Птаха, Имхотепа обычно изображали с обритой головой, сидящим с папирусным свитком на коленях. Он был богом знаний и учености вообще, но его великая сила заключалась в знании медицины. В качестве бога знаний Имхотеп имел некоторые общие черты с Тотом. Предполагалось, что он занимал место этого бога в погребальных церемониях и наблюдал за процессом бальзамирования умершего. Позднее он принял на себя и обязанности Тота в качестве «писца богов», и его стали считать автором слов силы, защищавших усопшего от любых врагов в загробном мире. Можно сказать, что в некоторых отношениях он является богом мертвых и напоминает Птаха-Сокара-Осириса, хотя и не встречается в фиванской редакции Книги мертвых. В «Ритуале бальзамирования» умер-

шему говорят: «Твоя душа соединяется с Имхотепом, пока ты в похоронной долине, и сердце твое радуется, ибо не отправляешься ты в жилище Себека, и оттого, что ты подобен сыну в доме отца его, и веселишься ты в городе Уасет (Фивах)». Самое древнее святилище Имхотепа располагалось неподалеку от Мемфиса и называлось «Храмом Имхотепа, сына Птаха» ; греки дали ему имя τὸ Ἀσκληπιειον. Оно находилось несколько в стороне от города и довольно близко к Серапеуму, на границе с той частью пустыни, где был городской некрополь. При Птолемеях в честь Имхотепа был возведен небольшой храм на острове Филэ. Иероглифические надписи там относятся ко времени правления Птолемея IV Филопатора, а греческий текст на двери был высечен по приказу Птолемея V Эпифана. Из надписей нам известно, что этот бог именовался «Великим, сыном Птаха, богом-создателем, сотворенным Чененом, рожденным им и любимым им, богом божественных форм в храмах, дарующим жизнь всем людям, могучим чудесами, создателем времен (?), который приходит к тому, кто взывает к нему, кто бы это ни был, дающим детей бездетным, главным *херихебом* (то есть самым мудрым и самым ученым), образом и подобием Тота мудрого».

Имхотеп посылал сон тем, кто страдал от боли или недомогания, он особенно пекся о людях, пораженных любым недугом; был чудесным врачевателем и богов, и людей, исцелял смертных во время их земной жизни и надзирал за приготовлениями их тел к вечной жизни. Если бы мы могли проследить его историю с самого начала, то, возможно, обнаружили бы, что Имхотеп некогда был очень одаренным врачом, который принес египтянам некие элементарные медицинские знания и владел искусством сохранять тела умерших с помощью лекарственных средств, специй и льняных бинтов. Разумеется, он был богом врачевателей и всех тех, кто занимался медициной и магией. Если мы вспомним, что некоторые египетские цари периода Древнего царства, по словам Манефона, подтверждаемым папирусами, написали, то есть повелели начертать, несколько трудов по медицине, то становится ясно, что культ бога медицины существовал в Мемфисе с архаического периода. В песнопениях, исполнявшихся в храме Интефа, говорится: «Я внимал словам Имхотепа и

Имхотеп

Хордедефа, которые повторялись снова и снова, но где их места сегодня? Их стены разрушены, их престолы (или места) не существуют более, и нет их, будто никогда и не было. Никто не приходит объявить нам, каковы они были, никто не рассказывает нам об их владениях» и т. д. Как знаем мы из более поздних текстов, Хордедеф был весьма образованным человеком, хотя речь его понять можно было с трудом. Нам также известно, какую значительную роль сыграл он, признанный литератор своего времени, в представлении ко двору своего отца Хуфу чародея Джеди. Мы знаем, что имя Хордедефа было связано с «обнаружением» некоторых глав Книги мертвых. Напрашивается вывод, что мудрец Имхотеп, упоминаемый вместе с ним, являлся выдающимся врачевателем, чьи деяния достойны были слов Хордедефа.

Стиль и манера повествования, рассказывающего об этих великих мудрецах, не оставляют сомнений в том, что они, будучи избранными представителями наиболее достойной и образованной части населения, уже к тому времени, когда были составлены «Песнопения Интефа», стали мифическими персонажами, полностью или частично. Есть все основания считать, что Имхотеп, третий член мемфисской триады, являлся выдающимся врачевателем, жившим во времена III династии и причисленным жрецами Ра к сонму богов. Изображения и статуи бога Имхотепа предполагают, что он был человеком. Ясно, что это было чисто местное божество, однако непонятно, почему он сумел занять место Нефертума в Мемфисе, особенно учитывая, что он не был сыном Птаха от Сехмет или Бастет или любой другой богини. Культ Имхотепа был больше распространен в саисский и птолемеевский периоды, нежели в Древнем и Среднем царстве. Все бронзовые фигурки этого божества принадлежат ко времени после XXII династии. Возможно, что его эпитеты в текстах на острове Филэ и отражают некие древние верования, но это маловероятно. Поскольку Имхотеп не упоминается в фиванской редакции Книги мертвых, то можно с определенной долей уверенности утверждать, что культ его стал популярен в Мемфисе во время Птолемеев или незадолго до этого. Примерно в это же время в Фивах стал известен культ знаменитого мудреца Аменхотепа, сына Хапу, который лицезрел богов и говорил с ними.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бадж Уоллис

БОГИ ЕГИПТЯН
Царство света,
или Тайны загробного мира

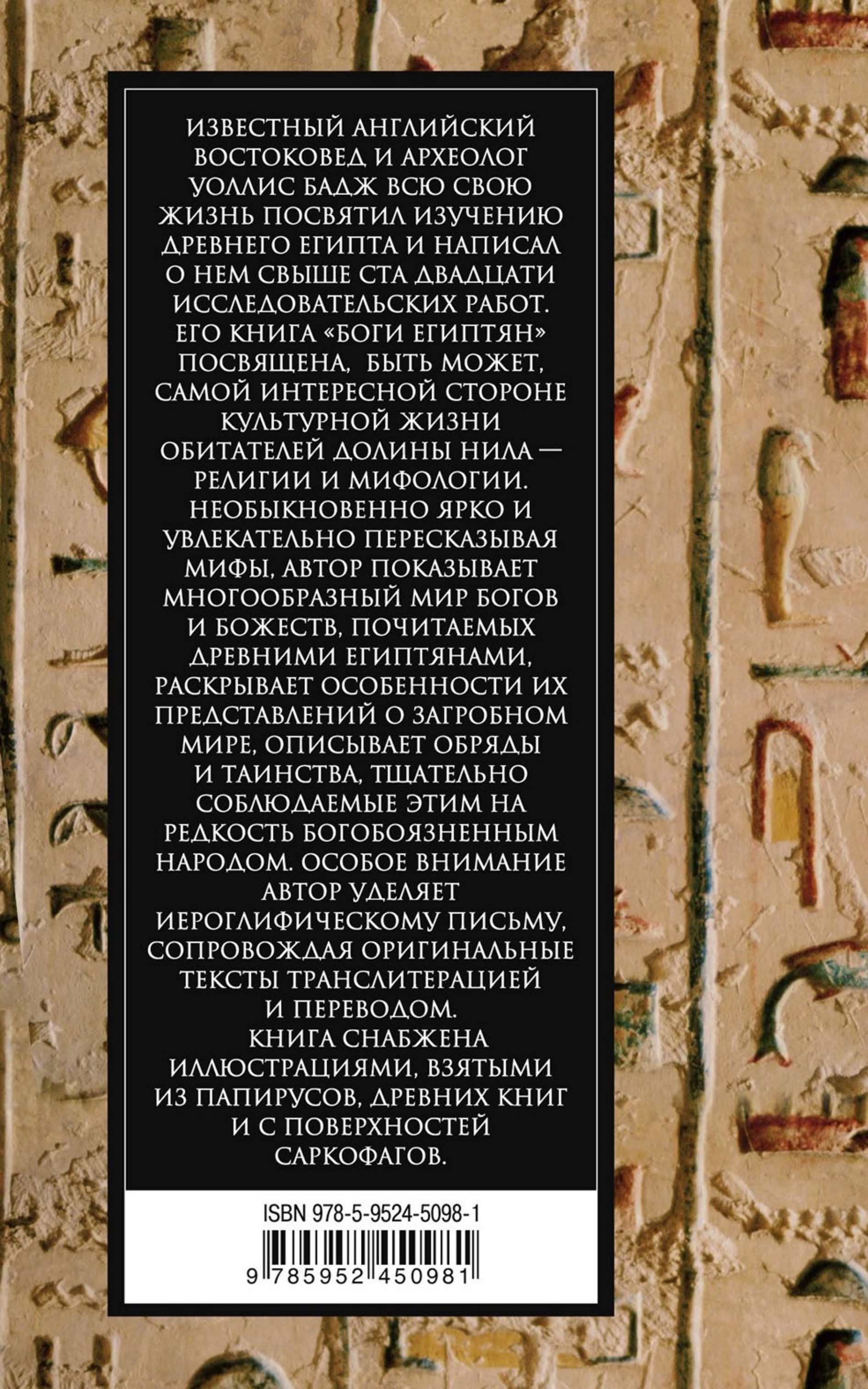
Ответственный редактор *Е.Л. Шведова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 11.10.2013.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 30,11.
Тираж 2 500 экз. Заказ №

ЗАО «Центрполиграф»
121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «НИЖПОЛИГРАФ»
603950, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ВОСТОКОВЕД И АРХЕОЛОГ УОЛЛИС БАДЖ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ПОСВЯТИЛ ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И НАПИСАЛ О НЕМ СВЫШЕ СТА ДВАДЦАТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ. ЕГО КНИГА «БОГИ ЕГИПТЯН» ПОСВЯЩЕНА, БЫТЬ МОЖЕТ, САМОЙ ИНТЕРЕСНОЙ СТОРОНЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБИТАТЕЛЕЙ ДОЛИНЫ НИЛА — РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ. НЕОБЫКНОВЕННО ЯРКО И УВЛЕКАТЕЛЬНО ПЕРЕСКАЗЫВАЯ МИФЫ, АВТОР ПОКАЗЫВАЕТ МНОГООБРАЗНЫЙ МИР БОГОВ И БОЖЕСТВ, ПОЧИТАЕМЫХ ДРЕВНИМИ ЕГИПТЯНАМИ, РАСКРЫВАЕТ ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ, ОПИСЫВАЕТ ОБРЯДЫ И ТАИНСТВА, ТЩАТЕЛЬНО СОБЛЮДАЕМЫЕ ЭТИМ НА РЕДКОСТЬ БОГОБОЯЗНЕННЫМ НАРОДОМ. ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ АВТОР УДЕЛЯЕТ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ, СОПРОВОЖДАЯ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИЕЙ И ПЕРЕВОДОМ.

КНИГА СНАБЖЕНА ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, ВЗЯТЫМИ ИЗ ПАПИРУСОВ, ДРЕВНИХ КНИГ И С ПОВЕРХНОСТЕЙ САРКОФАГОВ.

ISBN 978-5-9524-5098-1

9 785952 450981